

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Юль.

1896.

СИБИРСКОЕ БОГАТСТВО

№ 7.

СОДЕРЖАНИЕ:

- ГЬ. Очеркъ. А. А. Яблоновскаго.
ЕССОРЪ 40-хъ ГОДОВЪ.
Грановскій). В. Мякотина.
ИЧКА ИЗЪ ПРОШЛАГО. . . А. Туркина.
ВЕРНЫМЪ ПОЛЯРНЫМЪ
МЪ. II. Городъ Колымскъ и
атели А. Геденова.
ГЬ. Часть первая А. О. Немировскаго.
ЬНО - ЭКОНОМИЧЕСКІЯ
НІЯ СИМОНДА ДЕ-СИС-
. Б. Эфруси.
А СТАРИНЫ. Романъ. Пе-
Французскаго, XII—XVIII. Поля Бурда.
ХОТВОРЕНІИ ХРИСТИНЫ
Г Петра Вейнберга.
О ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НА-
XXXV. Къ изученію на-
ожныхъ промысловъ Н. А. Карышева.
КЪ ЖУРНАЛИСТА. . . С. Н. Юманова.

(См. на оборотѣ).

05 | 14446 экз. гр.
 P89 |
 Русское богатство.
 1896. №7 5р20

HARVARD
 COLLEGE
 LIBRARY

1875

05.
P 89
5P20

І Ю Л Ъ .

1896.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 7.

~~ЛЕНИНГРАДСКАЯ~~
~~ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА~~

Пл. Часова, д. 3

№ 4446 экз. 99.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1896.

1845 1834 г. П. П. П. П. П.

4
P Slav 620.5 ($\frac{1896}{7}$)
✓

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
DEC 5 1961

61*2

Доволено цензурою С.-Петербургъ, 23 Июля 1896 года.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
1. Дебютъ. Очеркъ <i>А. А. Яблоновскаго</i>	5— 22
2. Профессоръ 40-хъ годовъ. (Т. Н. Грановскій). <i>В. Мякотина</i>	23— 57
3. Страничка изъ прошлаго. <i>А. Туркина</i>	58— 65
4. За сѣвернымъ полярнымъ кругомъ. II. Городъ Колымскъ и его обитатели. <i>А. Геденова</i>	66— 98
5. Напасть. <i>А. О. Немировскаго</i> . Часть первая.	99—137
6. Соціально-экономическія воззрѣнія Симонда де-Сисмонди. <i>Б. Эфруси</i>	138—168
7. Конецъ старины. Романъ <i>Поля Бурда</i> . Переводъ съ французскаго. XII—XVIII.	169—217
8. Изъ стихотвореній Христины <i>Россетти</i> . <i>П. И. Вейнберга</i>	218
9. Народно-хозяйственныя наброски. XXXV. Къ изученію нашихъ отхожихъ промысловъ. <i>Н. А. Кармшева</i>	1— 24
10. Дневникъ журналиста. <i>С. Н. Южакова</i>	24— 53
11. Новыя книги:	
Тяжелые сны. Романъ <i>Э. Сологуба</i> .—Больное мѣсто. Романъ <i>А. Д. Апраксина</i> .— <i>М. А. Лохвицкая (Жиберъ)</i> . Стихотворенія.— <i>Федоръ Шперкъ</i> . Книга о духѣ моемъ.— <i>Фридрихъ Юдль</i> . Исторія этики въ новой философіи.— <i>Максимъ Ковалевскій</i> . Происхожденіе современной демократіи.— <i>Фредерикъ Массонъ</i> . Наполеонъ I въ придворной и домашней жизни.—Обычное право. Выпускъ второй.— <i>С. С. Вермель</i> . Головные боли.—Вліяніе школы на здоровье подростковъ поколѣтій. Земскаго Санитарнаго врача <i>П. Ф. Мудряцева</i> .—Д-ръ <i>Н. Закъ</i> . Внѣшнія качества нашихъ школьныхъ учебниковъ съ точки зрѣнія гигиены глазъ.—Органотералія. Цѣлебныя свойства органовъ животныхъ. Д-ра мед. <i>Д. М. Успенскаго</i> .—Новыя книги, поступившія въ редакцію	53— 72

См. на оборотѣ.

	СТРАН.
12. Изъ Франціи. <i>Н. К.</i>	72—92
13. Изъ Австріи. <i>Л. Василевскаю</i>	92—108
14. Изъ Германіи. <i>А. Коурова.</i>	109—118
15. Съ береговъ Лемана. (Швейцарская національная выставка). <i>Н. Стверова.</i>	118—129
16. На зарѣ русской поэзіи. <i>М. А. Протопопова.</i>	130—144
7. Мірскіе сборы въ одномъ уѣздѣ. <i>Ев. А. Ганейзера.</i>	145—156
18. Хроника внутренней жизни.	
I. Нѣсколько итоговъ голоднаго года. Два слова о предстоящей переписи населенія <i>Н. Ѡ.</i> <i>Амненскаю</i>	
II. Нѣсколько словъ въ защиту печати.—Обра- зецъ «желательнаго» литературнаго тона.— Правительственное сообщеніе. <i>О. Б. А.</i>	157—179
19. <i>Н. В. Водовозовъ.</i> Некрологъ. <i>В. Короленко</i> . . .	179—182
Объявленія.	

Въ конторѣ журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО»

(Петербургъ, Бассейная ул., 10)

и въ отдѣленіи конторы журнала

(Москва, Никитскія ворота, д. Газарина)

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖЪ:

- Н. Гаринъ.** Очерки и рассказы. Т. I. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
— Очерки и рассказы. Т. II. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
— Гимназисты. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Вл. Короленко.** Въ голодный годъ. Изд. второе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
— Очерки и рассказы. Книга первая. Изд. седьмое. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Очерки и рассказы. Книга вторая. Изд. третье. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. Изд. пятое. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.
- Н. К. Михайловскій.** Критическіе опыты:
— Левъ Толстой. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
— Щедринъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
— Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Ц. 1 р., съ пер., 1 р. 25 к.
- Н. В. Шелгуновъ.** Сочиненія. Два тома. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 60 к.
— Очерки русской жизни. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.
- М. А. Протопоповъ.** Литературно-критическія характеристики. Ц. 2 р. 20 к., съ перес. 2 р. 50 к.
- С. Н. Южаковъ.** Соціологическіе этюды. Т. I. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Соціологическіе этюды. Т. II. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- Д. Маминъ-Сибирякъ.** Горное гнѣздо. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Уральскіе рассказы. Два тома. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
— Три конца. Романъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 35 к.
- С. Я. Елпатьяевскій.** Очерки Сибири. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- К. М. Станюковичъ.** Отверженные. Романъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
— Морскіе слуги. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
- Н. Сѣверовъ.** Рассказы, очерки и наброски. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- В. Сѣрошевскій.** Якутскіе рассказы. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.
- Ю. Безродная.** Офорты. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- А. Шабельская.** Наброски карандашомъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- Н. А. Луцманова.** Двадцать лѣтъ назадъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- П. Добротворскій.** Рассказы, очерки и наброски. Два вып. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.
- Э. Арнольдъ.** Свѣтъ Азіи: жизнь и ученіе Будды. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.
- Э. Реклю.** Земля. Шесть выпусковъ. Ц. 6 р. 80 к., съ пер. 8 р. 50 к.
- И. И. Дитятинъ.** Статьи по исторіи русскаго права. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 90 к.
- Г. Гиббинсъ.** Промышленная исторія Англіи. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.
- Ш. Летурно.** Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.
- М. С. Корелинъ.** Паденіе античнаго міросозерцанія. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.
- С. Сигеле.** Преступная толпа. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.
- Н. А. Карышевъ.** Крестьянскія вѣнадыяныя аренды. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
— Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель на континентѣ Зап. Европы. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.
- Н. И. Карѣевъ.** Историко-философскіе и соціологич. этюды. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

- Г. Буассе.** Очерки общественнаго настроенія временъ цезарей. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.
- С. Н. Кривенко.** На распутьи. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Э. К. Ватсонъ.** Этюды и очерки по общ. вопросамъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.
- Н. А. Рубакинъ.** Этюды о русской читающей публикѣ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- С. Я. Надсонъ.** Литературные очерки. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- В. Острогорскій.** Изъ исторіи моего учительства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- Р. Левенфельдъ.** Графъ Л. Н. Толстой (на простой бумагѣ). Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
— (на веленовой бумагѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.
- А. Н. Анненская.** Анна. Романъ для дѣтей. Изданіе второе. Ц. 60 к., съ пер. 77 к. (Можно посылать почт. марками).
- Дж. Мармери.** Прогрессъ науки. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.
- Э. Реклю.** Земля и люди. Швеція и Норвегія. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
- Дж. К. Ингрэмъ.** Исторія рабства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- І. К. Блунчли.** Исторія общаго государственнаго права и политики. Цѣна (вмѣсто 3 р.) 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к. Большою уступкою не дѣлается.
- Дж. Леббокъ.** Какъ надо жить. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.
- В. А. Гольцевъ.** Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.
- Съ благотворительной цѣлю:*
- Путь-дорога.** Художественно-литературный сборникъ. (На простой бумагѣ). Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.
— (На веленовой бумагѣ). Ц. 5 р., съ пер. 6 р.
- О. Петерсонъ.** Семейство Бронте. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.
- Въ добрый часъ.** Сборникъ. (Въ обложкѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 85 к.
— (Въ переплетѣ). Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 10 к.
- Т. Жиггинсонъ.** Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Подписчики «Русскаго Богатства», при покупкѣ книгъ, пользуются уступкою въ размѣрѣ стоимости пересылки.

Черезъ Контору редакціи и Московское отдѣленіе конторы можно выписывать только книги, означенныя въ этомъ спискѣ.

Другія книги высылаются въ видѣ исключенія и не иначе, какъ по номинальной цѣнѣ книжныхъ магазиновъ и съ платежомъ за пересылку. Въ этомъ случаѣ уступки никакой не дѣлается.

Полные экземпляры журнала «Русское Богатство»
за 1893, 1894 и 1895 года.

Цѣна за годъ: безъ перес. 8 р., съ перес. 10 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

- Томъ I.** Жертва старой русской исторіи.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Суздальцы и суздальская критика.—Преступленіе и наказаніе.—Вольтеръ человекъ и Вольтеръ мыслитель.—Естественный ходъ вещей. *Цѣна 2 р.*
- Томъ II.** Литературныя замѣтки 1872 и 1873 гг.—Письмо къ графу Орлову-Давыдову.—Марксъ передъ судомъ г. Жуковскаго.—Графъ Бисмаркъ.—Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. *Цѣна 2 р.*
- Томъ III.** (*Въ двухъ выпускахъ*). Записки профана. *Цѣна 3 р. 75 к.*
- Томъ IV.** Что такое прогрессъ? — Въ перемежку. (*Этого тома въ продажѣ больше нѣтъ*).
- Томъ V.** Теорія Дарвина и общественная наука.—Борьба за индивидуальность.—Вольница и подвижники. *Цѣна 2 р.*
- Томъ VI.** Экспериментальный романъ.—Жестокій талантъ.—О Тургеневѣ.—О Глѣбѣ Успенскомъ.—Палка о двухъ концахъ.—Дамскія воспоминанія о великихъ людяхъ.—Герои и толпа. *Цѣна 2 р.*

Подписчики «Русскаго Богатства», при покупке этихъ книгъ, пользуются уступкой 50%.

Складъ изданія: книжный магазинъ А. Я. Панафидина, — Москва, Фуркасовскій пер., д. 10.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Критическіе опыты: { Левъ Толстой. Ц. 1 р.
Щедринъ. Ц. 1 р.
Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Ц. 1 р.

ПРОДАЮТСЯ: въ Конторѣ журнала «Русское Богатство» — Петербургъ, Бассейная ул., 10 и въ Отдѣленіи конторы — Москва, Никитскія ворота, д. Гагарина.

Литература и жизнь. Цѣна 1 р. Складъ въ книжномъ магазинѣ Луковникова — Петербургъ, Лештуковъ пер.

Литературно-критическія характеристики М. А. Протопопова.

В. Г. Бѣлинскій.—Левъ Толстой.—Н. В. Шелгуновъ.—Всеволодъ Гаршинъ.—С. Т. Аксаковъ.—А. М. Жемчужниковъ.—Глѣбъ Успенскій.—Ф. М. Решетниковъ.—Н. Н. Златовратскій.—Н. Е. Петропавловскій (Каролина).

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

Цѣна 2 р. 20 к., съ перес. 2 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ ВЛ. Г. КОРОЛЕНКО.

Очерки и рассказы. Книга первая. 7 изданіе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Очерки и рассказы. Книга вторая. Изданіе третье. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Въ голодный годъ. Изданіе второе. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. Изданіе пятое. Ц. 75 к., съ перес. 90 к.

С К Л А Д Ы:

Контора журнала «Русское Богатство»—С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10 и Отдѣленіе конторы журнала «Русское Богатство»—Москва, Никитскія ворота, д. Гагарина.

Подписчики «Русскаго Богатства» за пересылку не платятъ.

Кн. магаз. журнала «Русская Мысль» — Москва, уголь Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской, № 2—24.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

(начатый проф. И. Е. АНДРЕЕВСКИМЪ)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. В. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго профессора **Ф. Ф. ПЕТРУШЕВСКАГО**

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

Проф. А. Н. Бекетовъ (биологич. науки), С. А. Венгеровъ (исторія литературы), Проф. А. И. Воейковъ (географія), Проф. Н. И. Каръевъ (исторія), А. И. Сомовъ (ивящи. искусства), Проф. Д. И. Менделѣевъ (химико-технич. и фабрично-завод.), Проф. В. Т. Собищевскій (сельско-хозяйственный и лѣсоводство), Владиміръ Соловьевъ (философія), Проф. Н. Ф. Соловьевъ (музыка).

Энциклопедическій словарь выходитъ каждыя два мѣсяца полутомами, въ 30 лист. убористой печати. Въ настоящее время вышли 34 полутома. Всего полутомовъ предполагается до пятидесяти. Цѣна за каждый полутомъ (въ переплетѣ) 8 руб., за доставку 40 коп. Въ Москвѣ и другіхъ университетскихъ городахъ за доставку не платятъ.

Словарь обнимаетъ собою свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ науки, искусства, литературы, исторіи, промышленности и прикладныхъ знаній.

Текстъ помещаемыхъ въ словарь статей составляется самостоятельно русскими учеными и специалистами, причемъ все касающееся Россіи обрабатывается наиболее полно и тщательно.

Заявленія о подпискѣ принимаются: въ конторѣ журнала «Русское Богатство»—Петербургъ, *Бассейная ул., д. 10.*

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА на слѣд. услов.: при подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 руб., послѣ чего выдаются имѣющіеся на-лицо полутомы; остальная сумма долга выплачивается ежемѣсячными взносами отъ трехъ рублей.

Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ).

Д Е Б Ю Т Ъ.

Было воскресенье.

Старикъ Столыпинъ и сынъ его, гимназистъ седьмого класса, сидѣли въ столовой и читали газету. Отецъ читалъ, а сынъ слушалъ; но дѣло подвигалось впередъ очень медленно: послѣ каждыя десяти строкъ отецъ непременно останавливался, поднималъ на лобъ очки и начиналъ комментировать. Какъ и всѣ старики онъ былъ словоохотливъ и любилъ-таки поговорить, но еще того больше любилъ себя послушать.

— Да, все грабежи и грабежи,—медленно и вдумчиво говорилъ онъ, прочитавъ извѣстiе о грабежѣ.—Какую газету ни прочтешь,—все грабежъ, разбой, воровство со взломомъ, просто поразительно! Кажется, и полиція есть, и денегъ на нее уходитъ цѣлая прорва, а между тѣмъ, что жъ мы видимъ? Гм... Какая тамъ у бисова батька полиція, когда людямъ ѣсть нечего,—вотъ и берется за грабежъ.—И, развивая свою мысль дальше, старикъ, подумавши, продолжалъ:—Еще бы! Полиція не накормитъ, полиція сама кормиться хочетъ... Нѣтъ, ты сдѣлай такъ, чтобъ и красть не надо было, чтобъ у cadaго былъ свой кусокъ хлѣба, да чтобъ этого хлѣба изо рта не вырывали, какъ это у насъ заведено, а чтобъ всякій самъ ѣлъ свой хлѣбъ,—тогда и полиція другое запоетъ... Да... А впрочемъ, на кой бѣсъ тогда полиція! И вовсе ея не надо будетъ... Гм... Я такъ полагаю, что тогда никакой полиціи человечеству не понадобится, на что она? Эка!.. Да и лучше-бъ избавиться отъ всѣхъ этихъ урядниковъ да приставовъ—довольно они крови испортили...

— Ну, папа, будемъ дальше читать,—деликатно скрывая нетерпѣніе, прервалъ сынъ.

— Ну, будемъ дальше,—дружелюбно согласился отецъ и, опустивъ очки со лба на носъ, сталъ продолжать прерванное чтеніе.

Старикъ Столыпинъ былъ очень оригинальный старикъ: въ немъ, не смотря на его преклонный возрастъ, живо чувствовался общественный человѣкъ съ очень еще юной душой. Даже и по лицу это было замѣтно: сѣдая, какъ серебро, борода,

сѣдые волосы, а лицо молодое—на щекахъ румянецъ, умные сѣрые глаза блестять, какъ у юноши.

Прослуживъ лѣтъ двадцать въ арміи, онъ вышелъ въ отставку и, овдовѣвъ, мирно зажилъ со своимъ единственнымъ сыномъ. Сынъ подросъ, сталъ учиться, сталъ читать, а вмѣстѣ съ нимъ принялся за чтеніе и отецъ. Къ сыну стали ходить товарищи, начались чтенія вмѣстѣ и тѣ безконечныя споры, какіе всегда неразлучны съ такого рода чтеніями. Во всемъ этомъ принималъ самое горячее участіе и отецъ. Отзывчивый и впечатлительный, какъ юноша, онъ воспринималъ все прочитанное съ такою же страстностію, какъ и гимназисты, товарищи сына.

Получая пенсіонъ и кое-какіе доходы съ небольшого имѣніища, онъ могъ не служить, и множество свободнаго времени дало ему возможность не отставать отъ сына. Но разница между молодымъ и старымъ всетаки чувствовалась: новое вино не всегда съ одинаковымъ успѣхомъ вливалось въ старыя мѣхи. Иной разъ новыя идеи путались, переплетались съ прежнимъ міросозерцаніемъ, и получалось не совсѣмъ ладное, но, не смотря на то, старикъ не унывалъ и съ прежнимъ увлеченіемъ вмѣстѣ съ сыномъ поглощалъ множество книгъ: Писаревъ, Добролюбовъ, Бѣлинскій и въ особенности Щедринъ были его любимыми писателями...

Газету читали еще долго, и Столыпинъ-отецъ поминутно останавливался, критиковалъ и комментировалъ.

— Вотъ и еще пишутъ, что въ селеніе Севериновку благотворитель какой-то волшебный фонарь послалъ,—въ школу подарилъ... Что-жъ?—дѣло доброе. Очень теперь эти фонари въ моду стали входить... Хотя въ сущности, что такое волшебные фонари? Такъ, одно развлеченье. Развѣ намъ фонари нужны? Мужику земли надо, хлѣба надо, а къ нему съ фонарями идутъ, бенгальскимъ огнемъ его освѣщаютъ и картинки показываютъ... Нѣтъ, тутъ не фонарями пахнетъ, когда ѣсть нечего, вѣдь нашъ мужикъ отоцалъ совершенно. Ты какъ на счетъ этихъ фонарей думаешь?

— Что жъ? И земли нужно, и фонари не помѣшаютъ,—неохотно отвѣчалъ сынъ, недовольный новымъ перерывомъ.—Вотъ если бы народное образованіе у насъ было, какъ во Франціи...

— Да что тамъ во Франціи, мой другъ,—поспѣшно и въ высшей степени охотно прервалъ отецъ, довольный случаемъ поговорить.—Франція намъ не указъ, во Франціи тамъ ужъ давно заведено всякое «фратѣ-либернитѣ» и прочее, а у насъ, голубчикъ мой, вѣдь испоконъ вѣку одно нахалитѣ! Такъ что намъ Франція, какая тамъ Франція?.. Нашъ народъ—темный народъ, и какъ ты его ни освѣщай волшебными фонарями, а

онъ всетаки будетъ темный... Нѣтъ, не съ того боку подходить... Вѣдь у насъ какъ думаютъ, вотъ хоть бы и многіе изъ товарищей твоихъ? У насъ думаютъ, что, если мужикъ книжку прочиталъ, такъ надо въ колокола звонить и молебны служить, а вѣдь, въ сущности, это еще не такое громадное дѣло... Вотъ и ты въ деревнѣ у насъ библиотеку для мужиковъ завелъ, а много толку? Я не говорю, дѣло это хорошее, а все-таки радости не такъ ужъ много...

Разговоръ еще продолжался долго, и только часа черезъ два покончили съ газетой. Прочитавъ и раскритиковавъ все рѣшительно, старикъ снялъ очки и, бережно спрятавъ ихъ въ футляръ, проговорилъ:

— Ну, вотъ и прочитали нынѣшнюю газетку. Хоть много дряни пишутъ, но читать все-таки приходится... А твоей статьи все нѣтъ да нѣтъ...

— Да,—задумчиво и грустно промолвилъ сынъ,—обѣщали печатать на-дняхъ, а вотъ ужъ недѣля прошла, а все нѣтъ. Ужъ я не знаю, выйдетъ-ли когда-нибудь...

— Выйдетъ, выйдетъ. Вѣдь они тоже не на вѣтеръ сказали...

— Нѣтъ, я ужъ потерялъ всякую надежду,—грустно промолвилъ сынъ и, печально опустивъ голову, заходилъ по комнатѣ.

Двѣ недѣли тому назадъ его первое произведеніе было отнесено въ редакцію, и, сверхъ его ожиданія, редакторъ статью принялъ и обѣщаль печатать. Но дни проходили за днями, а статьи все не было и не было. Нетерпѣніе гимназиста росло, ожиданіе становилось просто мучительнымъ.

— Когда же, наконецъ?—всякій день восклицалъ онъ, пробѣгая утромъ газету и видя, что его имени опять нѣтъ.

Мало-по-малу въ душу его закрадывалось сомнѣнье, и онъ переставалъ вѣрить, что его статью когда-нибудь напечатаютъ.

На душѣ всѣ эти дни у него было тревожно и скверно. А тутъ еще выросло другое сомнѣнье, сомнѣнье въ достоинствахъ своей статьи. Перечитывая черновую рукопись, онъ все больше и больше проникался мыслью, что его статья ровно никуда не годится: сюжетъ хоть и хорошъ, но написано вяло, скучно и глупо. Да и ему ли, гимназисту, выступать въ печати? ему ли соваться публику поучать? Скажите, пожалуйста, какая удивительная бодрость духа! Но бывали и другія минуты, когда ему казалось, что его статья ничѣмъ не хуже, а, можетъ быть, даже и лучше, по крайней мѣрѣ, много содержательнѣе тѣхъ, какими всякій день заполнялись газетные столбцы.

Можетъ быть, второе предположеніе было даже вѣрнѣе, потому что газетка была ужъ очень убога, и подчасъ въ ней

печатались такія вещи, что читатель только плечами пожималъ да разводилъ руками. А его фельетонъ всетаки хоть содержаніемъ могъ взять: гимназистъ рассказывалъ о впечатлѣніяхъ, какія онъ вынесъ изъ своего знакомства со штундистами, говорилъ объ ихъ религіозныхъ взглядахъ, объ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу и вообще къ людямъ, объ ихъ молитвенныхъ собраніяхъ, проповѣдахъ и пр. Случай свелъ его съ сектантами, также случайно онъ подружился съ ними, и результатомъ всего этого явилась статейка, въ которой тепло и правдиво передавались впечатлѣнія этого знакомства. Написавъ фельетонъ, авторъ, однако, побоялся самолично отнести его въ редакцію и поручилъ отцу, который, кромѣ того, долженъ былъ объявить авторомъ себя, дабы сынъ въ случаѣ чего не могъ потерпѣть отъ своего гимназическаго начальства, тѣмъ болѣе, что и сюжетъ статьи былъ такой, который могъ говорить о прикосновенности гимназиста къ незаконнымъ обществамъ. Но, тѣмъ не менѣе, подъ статьей стояли инициалы сына А. С., скрывавшіе за собой его настоящее имя—Александръ Столыпинъ.

Такимъ образомъ, только друзья и самые близкіе знакомые могли знать, кто настоящій авторъ, да и то при его желаніи на это. И посвященныхъ, дѣйствительно, было очень мало: гимназистъ таки серьезно побаивался своего начальства и потому объ его авторствѣ знало лишь пять-шесть человекъ. Но онъ теперь жалѣлъ, что знаютъ и эти немногіе: фельетонъ все не выходилъ, и всякій разъ, когда его спрашивали, скоро-ли будутъ печатать, гимназистъ мучительно краснѣлъ и не зналъ, что отвѣчать.

Но, наконецъ, недѣлю спустя послѣ описаннаго разговора, вышелъ фельетонъ подъ заглавіемъ «У штундистовъ». Событіе первымъ замѣтилъ отецъ и немедленно же крикнулъ въ другую комнату:

— Саша! напечатали!

Сынъ, опрокинувъ что-то въ своей комнатѣ, выскочилъ, какъ пуля, и, выхвативъ изъ рукъ отца газету, жадно набросился на свой фельетонъ. Въ первыя минуты онъ ровно ничего не понималъ, —какая-то бурная радость сразу переполнила его душу, строчки прыгали въ глазахъ, и съ фельетономъ въ дрожащихъ рукахъ, раскраснѣвшійся, счастливый, онъ стоялъ и все старался прочитать. А сѣдой старикъ-отецъ, тоже обрадованный, польщенный, стоялъ сбоку и глядѣлъ на сына съ пріятнымъ чувствомъ удовлетворенія.

— Ну, вотъ и напечатали, благодарить надо Бога милосерднаго. А ты все боялся...

Только перечитывая фельетонъ въ третій разъ, гимназистъ, наконецъ, пришелъ въ себя настолько, что могъ понимать. Но

съ первыхъ же строкъ онъ былъ крайне удивленъ—ничего подобнаго онъ не писалъ: весь первый столбецъ былъ посвященъ описанію прекрасныхъ качествъ мѣстнаго архіерея, который такъ много и такъ энергично потрудился въ борьбѣ съ развивающимся штундизмомъ, и только потомъ ужъ начиналась его статья; въ концѣ же фельетона опять съ тою же неожиданностью снова появлялся архіерей и православное миссіонерское общество, которому въ самыхъ цвѣтистыхъ выраженіяхъ тоже отдавалась дань похвалы и удивленія.

Гимназистъ растерялся.

— Что жъ это, папа?.. Они про архіерея... Вѣдь мы же въ условіи написали, чтобъ ничего не перемѣнять, а они...

Прочиталъ фельетонъ и отецъ.

— Да; про архіерея,—вымолвилъ онъ, отдавая сыну газету,—это, надо думать, для цензуры. Такъ бы, пожалуй, и нельзя было напечатать, а съ архіереемъ, видишь, сошло. Ну, да это пустое; конечно, непріятно, но вѣдь фельетонъ твой не измѣнили, только вотъ архіерея приклеили для цензуры.

Сынъ и самъ понималъ, что это, должно быть, для цензуры, но всетаки ему было непріятно—тонъ статьи выходилъ иной, и радость слегка омрачалась. Чувство неловкости передъ тѣми же штундистами закрадывалось въ его сердце, хоть онъ и понималъ, что штундисты его знаютъ и повѣряютъ, что не онъ виноватъ, тѣмъ болѣе, что, за вычетомъ архіерея, все остальное было правдиво, какъ того хотѣли и сами штундисты.

— Нѣтъ, они поймутъ, что тутъ никто не виноватъ, кромѣ редактора,—рѣшилъ гимназистъ, и понемногу прежняя шумная радость овладѣла имъ. Опустивъ первый столбецъ, онъ снова прочиталъ свой фельетонъ и остался имъ очень доволенъ. Ему казалось, что въ печати какъ-то иначе выходило: кажется, все то же самое—и слова, и выраженія точь-въ-точь такія же, какъ и въ рукописи, а, между тѣмъ, чувствуется что-то другое, и всетаки очень хорошо!

— Ну, вотъ и напечатали,—еще разъ довольнымъ тономъ промолвилъ отецъ.—Теперь другое что-нибудь готовь... А сколько тутъ вышло строкъ?—И, взявъ газету, старикъ сталъ считать, а сынъ все не могъ опомниться отъ радости и, стараясь скрыть довольную улыбку, быстро ходилъ по комнатѣ. Цѣлый хаосъ самыхъ свѣтлыхъ, радостныхъ ощущеній былъ въ его душѣ, и на верху этого моря впечатлѣній всплывала одна отчетливая мысль: а всетаки напечатали, напечатали же, чортъ побери!

А отецъ, тѣмъ временемъ, подсчиталъ строки, прикинулъ на счетахъ и сказалъ:

— На пятнадцать рублей съ лишкомъ написано, если по

три копѣйки за строчку, какъ мы въ условіи писали... Все-таки на улицѣ не валяется.

— Ахъ, папа, не все ли равно, на сколько рублей?—могъ только сказать гимназистъ.

Ему было не до счетовъ, радость бурлила въ немъ. Ему хотѣлось сейчасъ же побѣжать по всѣмъ знакомымъ, посмотреть, какое впечатлѣніе произвелъ его фельетонъ, разсказать, разспросить, сказать, что архіерей и для него неожиданность. Но, къ сожалѣнію, теперь было всего только десять часовъ утра, и идти къ знакомымъ было бы неловко, да и вообще какъ-то немножко стыдно идти къ нимъ теперь; вотъ если бы они сами сюда пришли или случайно бы встрѣтиться...

Цѣлый день прошелъ, какъ въ угарѣ, радостное опьяненіе ни на минуту не покидало молодого автора. Онъ испытывалъ необыкновенный подъемъ духа, чувствовалъ небывалый приливъ молодыхъ силъ, небывалую увѣренность въ себѣ. Ему казалось, что онъ все можетъ,—стоитъ только захотѣть, и любое дѣло закипитъ въ его рукахъ.

Нѣсколько придя въ себя отъ перваго впечатлѣнія, онъ почувствовалъ, что его потянуло писать, сейчасъ же писать новую статью. Запершись у себя въ комнатѣ, онъ вынулъ изъ стола тетради и попробовалъ было продолжать недавно начатую статейку, но, написавъ двѣ строки, зачеркнулъ ихъ, написалъ сновз и опять зачеркнулъ.

— Нѣтъ, сегодня не буду, не могу!—проговорилъ онъ и бросилъ перо на столъ.

И онъ, дѣйствительно, не могъ: впечатлѣнія еще не остыли, радость еще не улеглась, и сосредоточиться на какойнибудь мысли онъ былъ, положительно, не въ силахъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что онъ опять принялся за свой напечатанный фельетонъ. Сколько разъ въ тотъ день былъ прочитанъ фельетонъ, такъ этого и приблизительно сосчитать невозможно!

Вечеромъ уже гимназистъ почувствовалъ, что ему дома не усидѣть. Его съ неудержимой силой потянуло на улицу, потянуло къ знакомымъ, а пуще всего хотѣлось повидать теперь «ее» («она» въ видѣ молоденькой гимназистки уже имѣлась), посмотреть, какъ она приметъ эту новость, что скажетъ, что подумаетъ, будетъ ли довольна. О, навѣрное будетъ довольна, хоть, можетъ быть, постарается не показать виду, но вѣдь онъ пойметъ, пойметъ и безъ словъ! И онъ отчетливо представилъ себѣ веселое, хорошенькое лицо своей «пассіи» и почувствовалъ, что непременно долженъ сейчасъ же идти къ ней. Прифрантившись и надѣвъ статскій пиджакъ, онъ старательно

стать чесать передъ зеркаломъ свои густые волосы, собираясь точно на званный вечеръ.

Отецъ замѣтилъ эти сборы.

— Уходить думаешь?

— Да, думаю пойти къ Савицкимъ, — съ дѣланной небрежностью въ голосѣ отвѣчалъ сынъ.

Отцу очень не хотѣлось оставаться одному.

— А то посидѣлъ бы дома, почиталъ бы что-нибудь вслухъ...

— Нѣтъ, папа, мнѣ хочется прогуляться.

— И чего тебя все тянетъ къ Савицкимъ? Мурочка тамъ эта, но вѣдь все это пустое... Повѣрь, мой другъ, что любовь это — сморкатое дѣло.

Сына очень покорило отъ этой энергической сентенціи, но онъ всетаки не сдался и, пробормотавъ что-то, ушелъ.

На улицѣ колючая фраза отца быстро вылетѣла изъ головы, и гимназистъ снова почувствовалъ себя хорошо, почувствовалъ себя литераторомъ. Пристально всматриваясь въ лица прохожихъ, онъ думалъ, что всѣ они навѣрное читали сегодняшній фельетонъ: и вотъ этотъ господинъ въ высокомъ цилиндрѣ, и вотъ эта красивая дама въ боа, и этотъ офицеръ съ полковничьими погонами — навѣрное читали! Хорошо, чортъ возьми! Теперь и онъ тоже... не какой-нибудь!.. Никому и въ голову не придетъ, что вотъ этотъ высокій гимназистъ, такой скромный, такой незамѣтный, воскресные фельетоны печатаеть. А вѣдь это такъ! И гимназистъ, довольный своимъ успѣхомъ, все ухмылялся въ черный мѣховый воротникъ своего пальто и все шагалъ дальше, предчувствуя, что не болѣе какъ черезъ нѣсколько минутъ ему придется пожать первые лавры у Савицкихъ.

— Посмотримъ, посмотримъ, что-то она скажетъ, — съ довольной улыбкой думалъ онъ, живо представляя себѣ гимназистку.

И ему припомнились всѣ ихъ отношенія. Въ сущности между ними сказано было еще очень мало, оба они ходили вокругъ да около, ограничиваясь самыми туманными намеками и полусловами; но несомнѣнно, что-то было, да и не удивительно: онъ былъ гимназистъ, и она была гимназистка, онъ былъ хорошенькій, и она была хорошенькая, у него было свободное сердце, и у нея было свободное сердце. Дѣло понятное, что при обстоятельствахъ, столь благоприятныхъ, оба они почувствовали, какъ говорятъ декаденты, легкое воспаленіе въ предмѣстяхъ своего сердца.

У Савицкихъ пили вечерній чай, когда пришелъ Столыпинъ. Въ столовой, куда онъ вошелъ, за круглымъ столомъ сидѣла только мать, женщина лѣтъ подъ сорокъ, съ добрымъ, еще очень красивымъ лицомъ. Дочери не было.

— А, читали, читали, здравствуйте. Поздравляю, прелестно, — ласково встрѣтила хозяйка вошедшаго.

Столыпинъ очень сконфузился и покраснѣлъ, какъ макъ: онъ не ожидалъ, что его начнутъ хвалить съ первыхъ же словъ. Кое-какъ поздоровавшись и усѣвшись, онъ все еще чувствовалъ смущеніе, а хозяйка, не переставая, говорила объ его фельетонѣ, о русскихъ сектантахъ, объ ихъ злой участи и пр.

— Меня всегда радуетъ, когда случится прочитать о сектантахъ что-нибудь правдивое: вѣдь о нихъ особенно въ газетной прессѣ пишутъ столько небылицъ, столько вздору, а иногда и клеветы, что просто совѣстно дѣлается за печать... А въ вашей статьѣ именно и подкупаетъ это безпристрастіе... Нѣтъ, я на васъ возлагаю большія надежды. Жаль, конечно, что вамъ пришлось дебютировать въ нашей газетѣ, но придетъ время, и мы увидимъ ваше имя въ нашихъ лучшихъ журналахъ, я въ этомъ убѣждена...

Онъ слабо возражалъ ей и, сидя въ креслѣ, только жмурился, какъ котъ на солнцѣ. Ему необыкновенно льстило, что хозяйка, которую онъ привыкъ считать умной, образованной женщиной, говоритъ объ его фельетонѣ такъ серьезно, какъ будто о чемъ-нибудь дѣйствительно достойномъ вниманія.

А она, любуясь его юношескимъ смущеніемъ, его застѣнчивостью и поглядывая на его раскраснѣвшееся съ морозу лицо, на черные, едва пробивающіеся усики, думала въ это время: «онъ очень недурень, не даромъ же моя Мурочка...»

— А что же это Мурочка не идетъ? — вслухъ проговорила она и, обращаясь къ гостю, шутиливо добавила: — вѣроятно, хочетъ прифрантиться, чтобы предстать предъ вами въ полномъ блескѣ. Мурочка! У насъ гости!

— Слышу, слышу, мама, сейчасъ! — послышался молодой женскій голосъ изъ сосѣдней комнаты, и вслѣдъ за тѣмъ въ столовую впорхнула прехорошенькая гимназистка въ форменномъ платьѣ съ пелеринкой. Увидѣвъ гимназиста, она остановилась, какъ вкопанная, и сдѣлала глубочайшій и почтительнѣйшій реверансъ.

— Ахъ, какъ мы счастливы... — потупивъ глаза, точно передъ своей начальницей, съ притворнымъ смущеніемъ промолвила она.

Гимназистъ всталъ и, улыбаясь, пожалъ ей руку.

— Ахъ, съ какимъ я наслажденіемъ прочитала вашу нынѣшній фельетонъ, — съ иронической почтительностью продолжала гимназистка, скромно, по-институтски опускаясь на стулъ.

— Съ своей стороны я очень радъ, что доставилъ удовольствіе, — въ тонъ ей отвѣчалъ гимназистъ.

— Нѣтъ, право... особенно про архіерея мнѣ понравилось.

— Я здѣсь не при чемъ,—сразу мѣняя тонъ, горячо стала оправдываться гимназистъ.—Честное слово, это въ редакціи для чего-то вставили, вѣроятно, для цензуры, а я ничего подобнаго не писалъ.

— Ахъ,—вотъ что! А я думала, что вы самостоятельно писали...

— Да будетъ тебѣ, коза тибетская,—съ улыбкой прервала ее мать.—Вы ей не вѣрьте: она сегодня цѣлый день съ вашимъ фельетономъ носится, всѣмъ показывается.

— Мама!—укоризненно протянула дочь и, обращаясь къ молодому автору, скороговоркой добавила:—Вы не понимайте буквально, это мама шутить, это неправда.

— Ваша мама никогда не говоритъ неправды,—восторжествовалъ, наконецъ, и гимназистъ.

— Но только на этотъ разъ...—нѣсколько смутившись промолвила гимназистка и, чтобъ оправиться, опять быстро защебетала:—Ахъ, Боже мой, какъ мы невнимательны! Мама, налей же автору еще чаю! Берите себѣ булокъ, писатель, вотъ молоко для литератора, только, смотрите, не закапайте свой «статскій» пиджакъ....

И гимназистка съ прежней шутиливой почтительностью зашевелилась, подставляя гостю то то, то другое.

Разговоръ, ни на минуту не обрываясь, все вертѣлся вокругъ фельетона и молодого автора, гимназистка вышучивала его на всѣ лады, онъ защищался, а мать, съ улыбкой глядя на ихъ болтовню, думала въ это время:—Какіе они еще юные. Моя-то влюблена въ него до послѣдней степени, а крѣпится, онъ тоже виду не подаетъ, хотя и онъ не меньше... Что жъ, можетъ и въ самомъ дѣлѣ слюбятся? Только нѣтъ, пробѣжить все это, какъ вешнія воды...

Часамъ къ одиннадцати гимназистъ поднялся и сталъ прощаться.

— Такъ заходите же къ намъ почаще, почитаете намъ что-нибудь свое, если у васъ уже есть готовое,—ласково говорила мать, пожимая ему руку.—Мурочка, ты что же не приглашаешь!—шутливо обратилась она къ дочери.

— Ахъ, мама, Александръ Александровичъ теперь такъ занятъ, вѣдь онъ будетъ воздѣйствовать на массы... Конечно, мы будемъ очень счастливы...

Мать улыбнулась и, не ожидая, пока гимназистъ надѣвалъ въ прихожей пальто, вышла.

— Мареша! стели постели!—послышался ея голосъ изъ комнаты.

— Ну, до свиданья,—какъ-то сдержанно и тихо проговорилъ Столыпинъ, одѣвшись.

Она молча протянула ему руку. Онъ нагнулся было, чтобы поцѣловать, но гимназистка отдернула.

— Мама! — съ опаской прошептала она, прижимая палецъ къ губамъ.

Онъ не настаивалъ и, кинувъ на нее еще одинъ влюбленный взглядъ, вышелъ.

Огибая уголъ ихъ дома, гимназистъ въ надеждѣ еще разъ увидѣть свой «предметъ» бросилъ взоръ на ея окно и очень обрадовался, замѣтивъ, что гимназистка высунула голову въ форточку и, повидимому, ждала его.

— Литераторъ! — шопотомъ подозвала она.

Онъ подошелъ и тоже шопотомъ проговорилъ:

— Что?

— Ничего! Приходите завтра...

— Приду, а мама?

— Что мама?

— Не догадывается, не знаетъ?

— Догадывается... Она говорить, что вы... Шура, а я Мура, и что поэтому между нами происходятъ... шуры-муры... Ха-ха-ха-ха!.. — звонко расхохоталась гимназистка и захлопнула форточку.

Онъ постоялъ еще немного и медленно отошелъ, все поворачивая голову къ окну. Онъ переживалъ необычайно счастливыя минуты, и не мудрено: съ одной стороны фелетонъ, съ другой — любовь, это хоть кому голову вскружить! Тихо, не спѣша, шелъ онъ домой и все улыбался блаженной улыбкой. Мечты подхватили его воображеніе и занесли куда-то далеко-далеко. Онъ воображалъ себя, лѣтъ черезъ десять, уже настоящимъ литераторомъ, когда онъ будетъ писать въ любимомъ толстомъ журналѣ. Статьи его читаются на расхватъ, публика отъ нихъ въ восторгѣ, его знаютъ, любятъ, уважаютъ, и вотъ незамѣтно подкрадывается къ нему и сама волшебница-слава. А сквозь этотъ розовый флеръ радужныхъ мечтаній на него, не переставая, глядитъ веселое личико Мурочки и манитъ куда-то все дальше и дальше, гдѣ ужъ можно просто задохнуться отъ счастья.

— Ахъ, да и хорошая-жъ она! — прошептала гимназистъ и мысленно далъ себѣ слово, что на всѣхъ своихъ послѣдующихъ статьяхъ будетъ надписывать: «Посвящается Маріи Викторовнѣ Савицкой, посвящается Маріи Викторовнѣ Савицкой».

Твердо порѣшивъ это, молодой авторъ все шагаль и шагаль, изрѣдка подымая голову и любуясь славной зимней ночью. На дворѣ было удивительно хорошо и, проходя мимо губернаторскаго сада, гимназистъ даже остановился и, осматриваясь кругомъ, все шепталъ: «Какъ славно сегодня, только

жутко немножко, а славно». Морозная лунная ночь и на самомъ дѣлѣ была прелестна, хоть и вѣяло отъ нея какой-то щемящей грустью: какъ будто вы попали въ склепъ, гдѣ одиноко и тихо теплится лампада предъ почернѣвшими ликами святыхъ.

На улицѣ почти никого нѣтъ, и совсѣмъ свѣтло и тихо. Покрытые снѣгомъ дома безмолвны, точно обитатели ихъ заснули вѣчнымъ непробуднымъ сномъ. Направо, будто умершій, стоитъ неподвижно садъ. Морознымъ пушистымъ инеемъ, какъ густымъ свѣтлымъ дымомъ, окутаны высокія деревья; голыя вѣтви ихъ, точно длинныя лапы легендарныхъ чудовищъ, простерлись и застыли въ морозной свѣжести ночи. А по небу, какъ бы пробѣгая сквозь свѣтлыя облака, быстро движется луна. Набѣжить на облако, и оно сразу все освѣтлѣетъ, потомъ, постепенно, края его сѣрѣютъ, середина темнѣетъ, вотъ и ужъ вынырнула луна и бѣжитъ по ясному небу, точно по пустынному, бесконечно далекому полю, пока снова не набѣжитъ на хмурое облачко. Опять на мигъ оно освѣтится, точно обрадуется ночной красавицѣ, и снова потускнѣетъ, какъ будто грустно ему станетъ, что такъ скоро покинула его.

— Прикажите извозчика, ваша милость... Эхъ, и прокачу же! — вывелъ гимназиста изъ задумчивости подѣхавшій извозчикъ.

Гимназистъ вздрогнулъ отъ неожиданности.

— Не надо, — пробормоталъ онъ и пошелъ своей дорогой. Но извозчикъ не отставалъ и, скрипя полозьями по снѣгу, все ѣхалъ вслѣдъ и все соблазнялъ.

— Прикажите, ваше сіятельство...

— Не ругайся! — шутливо промолвилъ ему гимназистъ.

— Ваше сіятельство, прикажите — за ла мезонъ, а? ей Богу...

Столыпинъ расхохотался французской фразѣ и посмотрѣлъ на извозчика — широкая русская рожа съ заиндевѣвшей бородой глядѣла на него, улыбаясь во весь ротъ, и подмигивала.

— Ваше сіятельство, прикажите? Мы съ монъ плезиромъ, а?

— Ну, давай! — смѣясь сказалъ гимназистъ и, по привычкѣ всѣхъ конфузливыхъ людей, пощупалъ сначала карманъ — есть ли кошелекъ, и только потомъ, сѣлъ въ сани.

Извозчикъ подобралъ возжи, зачмокалъ, замахалъ кнутомъ и лошаденка его побѣжала крупной рысью. Столыпинъ сидѣлъ и все улыбался, — веселый извозчикъ рассмѣшилъ его, хоть и безъ него радостей было много. Кутаясь въ свой мѣховой воротникъ, Столыпинъ опять сталъ перебирать въ памяти нынѣшній день, останавливаясь, главнымъ образомъ, на фельетонѣ и, еще того больше, на своей молодой любви.

— Ахъ, какая же славная эта Мурочка!

А Мурочка въ это время ужъ собиралась спать. Запершись въ своей комнатѣ, она сидѣла передъ туалетнымъ зеркаломъ и, убирая свои необыкновенно густые бѣлокурые волосы, все улыбалась довольной, радостной улыбкой. И у нея въ душѣ пѣли соловьи, и ей было безотчетно весело. Расплетая свои тяжелыя косы, она тихонько напѣвала:

Много въ небѣ звѣздочекъ,
Полонъ небосклонъ,
Много въ свѣтѣ молодцевъ,
Да не то, что онъ.

— Я сегодня, кажется, хорошенькая!—вслухъ произнесла она и приподняла свѣчку, чтобъ лучше разсмотрѣть себя въ зеркалѣ. Изъ зеркала, точно окутанное облакомъ свѣтлыхъ распущенныхъ волосъ, на нее глядѣло и на самомъ дѣлѣ прелестное свѣжее личико, глядѣло и улыбалось; улыбались и большущіе синіе глаза, и маленькія розовыя губы, и нѣжно-румяныя щеки, на которыхъ задорно смѣялись двѣ маленькіихъ ямки.

— Я сегодня даже очень хорошенькая, — еще разъ промолвила она.—Посмотримъ, милостивый государь!—И неожиданно перейдя къ «милостивому государю» и вспомнивъ, что онъ хотѣлъ поцѣловать ей руку, она внимательно посмотрѣла на эту руку и тяжело вздохнула.—Хотѣлъ, а я не позволила... Дура!..—И, снова вдохнувъ, Мурочка стала раздѣваться, все думая о немъ и о немъ. Всѣ мелочи сегодняшняго вечера воскресали въ памяти: какъ онъ посмотрѣлъ, что говорилъ, какъ повернулся, какъ смѣялся, словомъ—все! Раздѣвшись и поставивъ лампу на ночной столикъ, она улеглась и разсѣянно раскрыла книгу, собираясь на сонъ грядущій почитать. Но дѣло не шло, мечты незамѣтно подкрались къ ней, и трудно было съ ними бороться.

— Что это со мной сегодня? Я ничего не способна понимать.—И, сдѣлавъ надъ собой усиліе, она постаралась взять себя въ руки и съ напряженіемъ стала вчитываться въ непонятное мѣсто. Но изъ этого опять таки ничего не вышло, потому ли, что въ молодой головкѣ вихремъ кружились грезы или потому, что книга была не подъ силу.

— Нѣтъ, я таки пойму, непременно пойму,—вѣдь всѣ это понимаютъ, Саша и его товарищи отлично понимаютъ, даже мои подружки понимаютъ!—И она снова напряженно, по словечку стала читать трудное мѣсто, но черезъ двѣ минуты должна была сознаться, что и на этотъ разъ толку не выходитъ. Ей сдѣлалось обидно за себя и грустно.

— Всѣ, всѣ понимаютъ эту Политическую Экономію, даже рефераты пишутъ, только я такая идиотка! — Подпишись на

локоть, она пригорюнилась, веселое личико затуманилось, улыбка исчезла, набѣжали тѣни.

— Три недѣли читаю эту противную книжку, и хоть бы что-нибудь въ головѣ осталось... Только романчики и способна читать. И какъ это Саша до сихъ поръ не замѣтилъ, что я набитая дура? Но когда-нибудь онъ пойметъ и тогда...

Она была въ томъ возрастѣ, когда на вопросъ, — сколько вамъ лѣтъ, скороговоркой отвѣчаютъ: скоро семнадцать, и потому настроеніе ея мѣнялось неожиданно и быстро. Такъ было и на этотъ разъ. Дойдя чуть не до отчаянія, она стала себя утѣшать. — А, можетъ быть, мнѣ это непонятно оттого, что я... не то, что не взрослая, а еще совсѣмъ не читала такихъ книжекъ, гдѣ всѣ эти капиталы, производства, цѣнности?.. Потомъ и мнѣ будетъ легко, вѣдь и Саша говоритъ, что на первый разъ ему было трудно... И, неожиданно перескочивъ въ мысляхъ къ Сашѣ, она потянулась къ ночному столику, достала оттуда Сашину фотографическую карточку, положила ее поверхъ раскрытой книги и, склонившись, стала глядѣть. Карточка точно освѣтила ея лицо, опять на немъ вспыхнула улыбка, ярче загорѣлись глаза, пропали набѣжавшія тѣни.

— Какой же ты славный! — прошептала она и, наклонившись совсѣмъ близко, неожиданно для самой себя, поцѣловала карточку и покраснѣла. Быстро поднявъ голову, она посмотрѣла на дверь. Никого, разумѣется, не было, и въ квартирѣ было совсѣмъ тихо, только слышно было, какъ тикали въ столовой часы. Она опять взглянула на карточку, и ей по прежнему стало хорошо. Воображеніе снова закружилось въ бурномъ вихрѣ сладкихъ мечтаній, опять на душѣ тепло и весело, а разгулявшаяся фантазія неутомимо рисовала картины счастливаго будущаго: онъ извѣстный литераторъ, она его жена, они постоянно вмѣстѣ, имъ такъ хорошо, такъ привольно, такъ весело; онъ такъ любитъ ее и любитъ только ее одну, а на другихъ женщинъ и вниманія не обращаетъ... Опустивъ голову на подушку и закрывъ глаза, она все мечтала, и, незамѣтно для нея, мечты эти расплывались, становились все туманнѣе, все неопредѣленнѣе и превратились, наконецъ, въ какое-то свѣтлое облако, гдѣ уже ничего нельзя было разоб-
рять...

Незамѣтно она заснула.

А лампа такъ и осталась не потушенной и все освѣщала улыбающееся личико съ длинными закрытыми рѣсницами и раскрытую Политическую Экономію, поверхъ которой лежала карточка Саши.

14446 ж. ф.

Каждый день старикъ Столыпинъ предлагалъ сыну пойти въ редакцію за гонораромъ, но тотъ все оттягивалъ да оттягивалъ: идти за деньгами ему казалось какъ-то неловко. Какъ же такъ вдругъ придти и сказать: дайте, молъ, деньги, — со-вѣстно!

Быть можетъ, молодой авторъ и не откладывалъ бы этого дѣла, но суть въ томъ, что и ему до смерти хотѣлось сходить въ редакцію вмѣстѣ съ отцомъ, посмотреть, что тамъ и какъ, послушать, не будетъ-ли при расчетѣ редакторъ говорить что-нибудь по поводу его фельетона.

Наконецъ, ровно черезъ недѣлю послѣ выхода статьи, сынъ сдѣлся на увѣщанія отца и согласился, но при этомъ было строго обусловлено, что говорить и дѣйствовать будетъ отецъ, а настоящій авторъ, въ силу своего общественнаго положенія, все время будетъ въ сторонѣ и даже виду не покажетъ, что и онъ тоже прикосновенъ къ этому дѣлу. Такъ, молъ, зашелъ вмѣстѣ съ отцомъ, и все тутъ.

Старикъ Столыпинъ въ виду официальности случая облачился въ свой военный капитанскій сюртукъ безъ погонь, захватилъ номеръ газеты съ фельетономъ сына, и они вышли.

— Я тебѣ, Саша, удивляюсь: чего ради ты конфузишься, вѣдь не милостыню идешь ты просить, а требуешь свое заработанное, — вразумительно говорилъ по дорогѣ отецъ.

— Это я прекрасно понимаю, папа, но все-таки неловко.

— Чего тамъ неловко? Эка! Если бы я имѣлъ дѣло съ редакторомъ, такъ вотъ ужъ нисколько бы не сталъ стѣсняться. Чего ради? Вѣдь, я думаю, въ этой газетѣ всѣ сотрудники даже впередъ деньги берутъ, только бы давали! Да и немудрено: литераторы народъ немощный, гдѣ имъ взять? У иного дѣтей куча, надо кормить, поить, надо воспитывать, а вѣдь на это нужны деньги. Нынче безъ денегъ никуда не суйся! Даже въ церковь придешь, и тамъ съ тарелочкой ходятъ... Положимъ, я этого не одобряю: попы совершенно напрасно завели эту моду. Въ самомъ дѣлѣ, я, можетъ быть, хочу молиться, у меня въ душѣ, можетъ быть—«Иже херувимы» какіе-нибудь, а ты ко мнѣ лѣзешь за пятачкомъ... Нѣтъ, какъ угодно, а этого похвалить я не могу. Добро бы еще при входѣ въ церковь выскивали, а то извольте-ка! — И старикъ по привычкѣ сталъ распространяться. Постукивая своей старинной палочкой, онъ шелъ медленно и, не переставая, говорилъ. Но сынъ почти не слушалъ, въ его молодой головѣ толпилось много мыслей, онъ все думалъ о редакціи, о редакторѣ, о томъ, какой человѣкъ долженъ быть редакторъ. Ему почему-то казалось, что всѣ редакторы должны быть людьми пожилыми, непременно въ очкахъ, съ умными, интеллигентными лицами.

— Ахъ какъ неловко будетъ, когда папа станетъ говорить

о деньгах! Да еще навѣрное не скажетъ коротко и просто, а начнетъ разглагольствовать, поведетъ рѣчь отъ сивки, отъ бурки, отъ вѣщей каурки... Ужасно неловко!—Такъ думалъ гимназистъ, но на ряду съ этимъ его всетаки тянуло въ редакцію, тянуло посмотрѣть на этотъ «храмъ печатнаго слова». Онъ былъ проникнутъ безграничнымъ почтеніемъ ко всему, что, такъ или иначе, было связано съ печатью. Слова: «литература», «писатель», «литераторъ» съ дѣтскихъ лѣтъ онъ привыкъ произносить съ уваженіемъ, привыкъ смотрѣть на людей, посвятившихъ себя этому занятію, какъ на умственную аристократію, какъ на сливки общества. Быть литераторомъ въ его глазахъ значило быть умнымъ, талантливымъ, добрымъ, честнымъ, отзывчивымъ, словомъ—идеаломъ человѣка и гражданина. Неудивительно поэтому, что, отправляясь въ первый разъ въ редакцію, гимназистъ испытывалъ такое ощущеніе, точно бы онъ шелъ къ причастію.

— Ну, вотъ и пришли, далеконочко-таки отъ насъ,—говорилъ старикъ, подходя къ небольшому бѣлому дому съ громадной вывѣской, возвѣщавшей, что редакція и контора «Листка» находятся здѣсь.

— Вотъ и редакція... Помѣщеніе нельзя сказать, чтобы очень презентабельное, вѣроятно, у редактора, тоже не густо на счетъ презрѣннаго металла, а то бы онъ получше устроилъ.—Такъ, входя по лѣстницѣ, разглагольствовалъ старикъ, но сынъ теперь ужъ совсѣмъ не слушалъ его, ему было не до болтовни отца. Приближаясь къ «священному мѣсту», онъ почувствовалъ, какъ быстро забилося его сердце.

— Вы къ редактору? Ихъ еще нѣтъ, придется подождать вамъ...—доложилъ служитель, встрѣчая въ прихожей вошедшихъ.

— Что-жъ, мы подождемъ, время терпѣть, подождать можно,—раздѣваясь, говорилъ отецъ.

Въ редакціи, когда они вошли, было еще совсѣмъ пусто, и это сразу удивило молодого автора,—онъ ожидалъ, что встрѣтитъ въ этой большой комнатѣ множество людей, которые суетятся, что-то дѣлаютъ, куда-то спѣшатъ, а то вдругъ—почти совсѣмъ никого. Только въ углу, у большого стола сидѣло два какихъ-то человѣка. По наружности судя, это были писцы или репортеры.

— Присядемъ, Саша,—пригласилъ отецъ.

Они сѣли на скамейкѣ и въ ожиданіи редактора стали разсматривать просторное, но мало меблированное помѣщеніе и писцовъ, которые при входѣ новыхъ людей даже головы не подняли и не отрывались отъ своего дѣла. Одинъ изъ нихъ былъ низкорослый, толстенькій, кругленькій, съ большой плѣшью на маленькой головѣ, другой высокій и худой. Толстень-

кій держалъ передъ собой бумаги и что-то диктовалъ высокому, а тотъ, изогнувши голову, какъ пристяжная лошадь, старательно писалъ. Писцы держали себя совершенно непринужденно, точно бы они были одни не только въ редакціи, но и на земномъ шарѣ.

— Пугливыя стада дрофъ бродили по безконечной степи,—вразумительно диктовалъ толстенькій. Худой писалъ и медленно повторялъ:—Пугливыя... стада... дрофъ... бродили по безконечной... степи. Степи—ѣ?

— Сейчасъ,—дѣловымъ тономъ отвѣчалъ толстенькій и, посклонивъ средній, закопченный отъ дыма, палецъ, перелисталъ страницы, отыскавъ нужное мѣсто и спокойно произнесъ:

— Нѣтъ, е, простое е...

Молодой Столыпинъ, глядя на эту парочку, старался подавить улыбку, а отецъ, тѣмъ временемъ, склонившись къ сыну, деликатнымъ шопотомъ говорилъ:

— Вотъ и они затрудняются на счетъ этого ѣ... Я тоже, признаться сказать, терпѣть не могу его,—иной разъ никакъ не угадаешь, нужно его ставить или нѣтъ... И для чего только выдумали его—одному Богу извѣстно, такъ, только бы людей морочить.

Старичокъ, по всей вѣроятности, окончилъ бы свою тираду не скоро, но какъ разъ въ это время въ редакцію вошла какая-то бѣдно одѣтая дама въ очкахъ. И отецъ, и сынъ внимательно осмотрѣли ее, а дама такъ же молча, какъ и они, усѣлась и стала ждать.

Старикъ снова склонился къ сыну и сталъ шептать ему на ухо свои предположенія о томъ, кто такая должна быть эта дама и по какому дѣлу пришла. Сынъ молча кивалъ головой.

А редактора, между тѣмъ, все не было и не было, хоть ужъ давно наступилъ приемный часъ.

Напряженное ожиданіе какъ-то утомило молодого Столыпина, ему сдѣлалось скучно. Стало скучно и старичку: сына никакъ нельзя было расшевелить, въ разговоръ онъ не вступалъ, а только молча соглашался. Это не удовлетворяло старика, и онъ сталъ посматривать на даму, прицѣливаясь и собираясь побесѣдовать съ нею. Старичокъ ужъ принялъ любовное выраженіе лица и сталъ было откашливаться, но дверь неожиданно отворилась, и появился редакторъ. Это былъ еще нестарый господинъ, дѣтъ около сорока, высокий, полный брюнетъ, съ едва замѣтной просѣдью на вискахъ. Надменное лицо его носило такое выраженіе, точно бы его пять минутъ передъ этимъ произвели въ генеральскій чинъ. Не отвѣчая на почтительный поклонъ привскочившихъ писцовъ, онъ, словно Зевсъ, снисшедшій съ Олимпа, медленно прослѣдовалъ къ своему

мѣсту, медленно сѣлъ, медленно поправилъ выхоленной рукой галстухъ и, даже не взглянувъ на посѣтителей, спокойно принялся разбирать громадный ворохъ писемъ, лежавшихъ на его столѣ.

Столыпины переглянулись. Тѣмъ временемъ, дама въ очкахъ, подойдя къ редакторскому столу, съ волненіемъ въ голосѣ освѣдомилась, принята-ли ея статья.

— Заглавіе?—не подымая глазъ на даму и разсматривая письма, спросилъ редакторъ.

— О народныхъ школахъ,—робко произнесла дама.

Редакторъ наморщилъ чело, какъ бы вспоминая.

— Еще не прочитана, придите черезъ недѣлю,—разрывая новый конвертъ, лаконически вымолвилъ онъ.

— Но я ужъ третій разъ прихожу... Вы обѣщали сегодня. Я очень далеко живу, будьте добры...—путаясь, говорила застѣнчивая дама, но видя, что редакторъ по прежнему относится къ ней съ равнодушіемъ истинной окаменѣлости, дама совсѣмъ сконфузилась и смолкла, не зная на что рѣшиться. Сконфузились за нее и Столыпины. Сынъ не сводилъ удивленнаго взгляда съ редактора, а тотъ по прежнему разрывалъ конверты и сортировалъ присланныя рукописи: прозу откладывалъ въ сторону, а стихи, не только не читая, но даже не просматривая, съ методичностью почтоваго чиновника опускалъ, въ стоявшую подлѣ, корзинку.

— Да это онъ тѣ стихи, что въ редакцію присылають,—широко раскрывъ глаза, съ ужасомъ догадался гимназистъ, и ему сдѣлалось вдругъ мучительно, до боли стыдно за тѣхъ, кто такъ старательно переписывалъ эти стихи и посылалъ сюда. Гимназисту казалось, что его самого унизили, унизили незаслуженно, грубо и дико.

А дама, между тѣмъ, постояла-постояла да и вышла.

Насталъ чередъ Столыпина. Онъ приблизился къ столу, и ужъ по выраженію его лица сынъ догадался, что отецъ намѣренъ сдѣлать. Это его взволновало, и онъ съ безпокойствомъ посматривалъ на старика.

— Здравствуйте,—началъ тотъ. Редакторъ приподнял на него глаза и, съ нѣкоторымъ удивленіемъ посмотрѣвши на фигуру въ военномъ сюртукѣ отставного, едва замѣтно кивнулъ головой. Сыну опять сдѣлалось и стыдно, и обидно, но онъ зналъ, что отецъ его не можетъ по старинной привычкѣ начать разговоръ съ человѣкомъ, не поздоровавшись.

— Я на счетъ своей статьи, которая была напечатана въ вашей газетѣ—«У штундистовъ», если помните...

— Ну-съ?—опять принимаясь за конверты, спросилъ редакторъ.

— Такъ вотъ я хотѣлъ бы прежде всего выразить нѣко-

торое... какъ бы сказать... удивленіе, что въ моей статьѣ сдѣланы нѣкоторыя вставки... непріятныя для меня... Да... Я въ условіи это оговорилъ, но, не смотря на то, статью измѣнили, архіерея вставили... Я ничего не имѣю противъ архіерея, — очень можетъ быть, что онъ заслуживаетъ всяческой похвалы. Но зачѣмъ же хвалить его именно въ моей статьѣ? Гдѣ-нибудь бы въ другомъ мѣстѣ...

— Это сдѣлано въ вашихъ же интересахъ. Ваша статейка иначе бы не прошла. Что же вамъ угодно?

— Я желалъ бы получить гонораръ... — И старикъ, вынувъ изъ кармана газету, подаль ее редактору и пояснилъ, сколько въ статьѣ строкъ и сколько слѣдуетъ получить.

Редакторъ быстро подсчиталъ строчки и сказалъ:

— Вамъ слѣдуетъ только пять рублей: полустрокъ мы не считаемъ, а за строчку платимъ не три, а одну копейку, но сегодня не расчетный день, придите въ среду.

— Позвольте, однако, вѣдь мы въ условіи обозначили цѣну, и вы не возражали... — горячо началъ было отецъ, но сынъ посмотрѣлъ на него такъ, что онъ осѣлся и не продолжалъ.

— Идемъ, идемъ отсюда, папа, — тихонько шепталъ гимназистъ.

Старикъ нехотя повиновался.

Одѣвшись, они вышли на улицу.

— Вотъ, видишь — тысячу разъ говорилъ я тебѣ, Саша: идемъ, идемъ въ редакцію! Не пошелъ своевременно, — вотъ теперь и подковали! И къ чему, не понимаю, эта застыбчивость съ такимъ антихристомъ? Теперь пиши — пропало: что же съ нимъ судиться изъ-за десяти рублей? Да будь онъ проклять!

Но сынъ не слушалъ. Окунувшись въ первый разъ въ жизни въ газетную трущобу, онъ былъ возмущенъ до глубины души. Ему казалось, что только что при немъ оскорбили, унизили, предали поруганію то, что онъ привыкъ считать священнымъ, къ чему до сихъ поръ относился съ чувствомъ глубокаго уваженія.

Какъ ошпаренный, шелъ онъ рядомъ съ отцомъ и, не слушая разговоръ старика, все повторялъ:

— Ахъ, какая гадость, какая гадость!

А. Яблоновскій.

Профессоръ сороковыхъ годовъ.

(Т. Н. ГРАНОВСКІЙ).

II.

Вступая въ жизнь московскаго общества въ 1839 г., Грановскій не былъ постороннимъ для этого общества человѣкомъ. Черезъ посредство Станкевича онъ уже вошелъ въ соприкосновеніе съ его жизнью, ознакомился съ ея интересами, и было немало соответствій между ними и его собственнымъ настроеніемъ и вкусами, долженствовавшими опредѣлить характеръ будущей его дѣятельности. Какъ ученый, онъ не чувствовалъ большого тяготѣнія къ спеціализаціи, не стремился къ исключительному углубленію въ тотъ или другой частный вопросъ избранной имъ науки и еще менѣе того способенъ былъ увлекаться чисто технической стороною работы историка-ислѣдователя, хотя и владѣлъ этою техникою. Въ наукѣ его вниманіе всецѣло сосредоточивалось на ея общихъ вопросахъ и, отыскивая ихъ рѣшеніе, онъ пользовался не только искусствомъ ученаго изслѣдователя, но и талантомъ художника. Его сравнительно мало интересовалъ разборъ мелкихъ деталей историческихъ фактовъ. Въ своихъ занятіяхъ онъ всего болѣе стремился къ воспроизведенію общаго движенія исторіи, къ уясненію смысла крупныхъ историческихъ эпохъ и достигалъ своей цѣли не столько при помощи тщательнаго анализа фактовъ, сколько силою творческаго синтеза. Но именно эти особенности сближали ученаго съ тѣмъ обществомъ, среди котораго онъ дѣйствовалъ, такъ какъ въ нихъ до нѣкоторой степени сказывалась родственная связь, соединявшая Грановскаго съ окружавшею его умственною средою. Весьма еще бѣдное положительными знаніями, но жадно равнявшееся уже къ европейской наукѣ, соединявшее съ этимъ стремленіемъ къ ней желаніе съ ея помощью разяснить собственную дѣйствительность и уже по тому одному ставившее наукѣ очень высокія требованія, русское интеллигентное общество той поры нуждалось въ дѣятеляхъ науки, но могло еще подождать строгихъ ученыхъ спеціалистовъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ своего пребыванія въ Москвѣ самъ Грановскій вполне сознательно выразилъ эту мысль печатно. «Нуждаясь въ необходимомъ,—писалъ онъ,—мы не имѣемъ права на ученую

роскошь... Сухое, не приложенное къ пользѣ общества знаніе въ наше время не высоко цѣнится. Оно слишкомъ легко достается. Если увеличился матеріалъ науки, то съ другой стороны, и еще въ большей степени, усилились средства, которыми его можно себѣ усвоивать» *). Отрекаясь отъ чрезмѣрной спеціализаціи ученой работы, Грановскій почти цѣликомъ посвятилъ себя прямому служенію обществу на почвѣ науки—путемъ профессорства, и шестнадцатилѣтняя дѣятельность его на этомъ поприщѣ покрыла его имя славой, какая достается на долю рѣдкаго писателя.

Къ концу тридцатыхъ годовъ въ московскомъ университетѣ уже сильнѣе повѣяло новымъ духомъ, и не только въ студенческихъ аудиторіяхъ, но и на профессорскихъ кафедрахъ. Немало способствовало этому и появленіе во главѣ управленія учебнымъ округомъ свѣжаго человѣка, умѣвшаго цѣнить и уважать истинную науку,—гр. Строганова. Наиболѣе одряхлѣвшіе и неспособные профессора одинъ за другимъ уходили съ университетскихъ кафедръ, а на ихъ мѣсто появлялись молодые ученые, по большей части сами причастные тому возбужденію, какое охватило уже лучшую, хотя и немногочисленную, часть общества, побывавшіе за-границей, главнымъ образомъ въ Берлинѣ, и приносившіе съ собою оттуда горячій энтузіазмъ къ наукѣ и свѣжіе взгляды, образовавшіеся подъ сильнымъ вліяніемъ гегеліанской философіи. Нѣсколько талантливыхъ и блестящихъ молодыхъ профессоровъ, какъ Крюковъ, Рѣдкинъ, Крыловъ, занимали уже кафедры въ университетѣ, когда Грановскій началъ свои лекціи. Въ короткое время онъ далеко выдвинулся изъ ряда всѣхъ своихъ товарищей и пріобрѣлъ пламенное сочувствіе университетской молодежи, не измѣнившее ему до самаго конца его жизни. Его лекціи производили потрясающее впечатлѣніе на слушателей, единогласно засвидѣтельствованное многочисленными показаніями. На кафедрѣ лицомъ къ лицу съ симпатично настроенной аудиторіей, Грановскій чувствовалъ себя въ родной стихіи и, дѣйствительно, онъ обладалъ всѣми данными для глубокаго и прочнаго вліянія на своихъ слушателей. Первое время уже одна его наружность дѣйствовала на воображеніе и возбуждала симпатію къ нему. «Онъ имѣлъ—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ первыхъ его университетскихъ слушателей, С. М. Соловьевъ,—малороссійскую, южную фізіономію; необыкновенная красота его производила сильное впечатлѣніе не на однихъ женщинъ. Своею наружностью онъ лучше всего доказывалъ, что красота есть завидный даръ, очень много помогающій человѣку въ жизни. Онъ имѣлъ смуглую кожу, длинные черные волосы, черные, огненные, глубоко омотрящіе глаза» **). Обаятельность наружности молодого профессора заключалась, насколько можно судить по от-

*) Сочиненія Грановскаго, изд. 3-е, I, 239—40.

***) Русскій Вѣстникъ, 1896, № 2, 17.

зываютъ, главнымъ образомъ въ томъ, что за нею живо чувствовалась душевная красота и мягкая поэтичность всего его существа. Герценъ, описывая свое первое свиданіе съ Грановскимъ въ 1840 г., говоритъ: «онъ мнѣ понравился своей благородной, задумчивой наружностью, своими печальными глазами съ насупившимися бровями и грустно-добродушной улыбкой... Черты, костюмъ, темные волосы— все это придавало столько изящества и граціи его личности, стоявшей на предѣлѣ ушедшей юности и богато развертывающейся возмужалости, что и не увлекающемуся человѣку нельзя было остаться равнодушнымъ къ нему». Наружность въ данномъ случаѣ вполне соответствовала внутренней природѣ человѣка, и на лекціяхъ своихъ Грановскій явился, по словамъ того же Соловьева, «первокласснымъ художникомъ въ историческомъ изложеніи». Къ сожалѣнію, эти лекціи не сохранились до насъ цѣликомъ и, говоря объ ихъ формѣ, приходится опять лишь сослаться на свидѣтельства людей, имѣвшихъ возможность ихъ слышать. Грановскій, случалось, самъ съ легкой насмѣшкой отзывался о своемъ краснорѣчьи, и дѣйствительно онъ не былъ тѣмъ, что называютъ присяжнымъ ораторомъ, но за то его рѣчь всегда свѣтилась красотой изящно выраженной мысли и горѣла огнемъ внутренняго убѣжденія. «Онъ не могъ—говоритъ Соловьевъ—похвастать внѣшнею изящностью своей рѣчи: говорилъ очень тихо, требовалъ напряженнаго вниманія, заикался, глоталъ слова. Но внѣшніе недостатки исчезали предъ внутренними достоинствами рѣчи, передъ внутреннею силою и теплотою, которыя давали жизнь историческимъ лицамъ и событіямъ и приковывали вниманіе слушателей къ этимъ живымъ, превосходно очерченнымъ лицамъ и событіямъ. Если—продолжаетъ онъ—изложеніе Крюкова производило впечатлѣніе, какое производятъ изящныя изваянія, то изложеніе Грановскаго можно сравнить съ изящною картиною, которая дышетъ теплотою, гдѣ всѣ фигуры расцвѣчены, живутъ, дѣйствуютъ передъ вами» *). Когда въ 1843 г. Грановскій открылъ публичный курсъ по исторіи среднихъ вѣковъ, увлеченіе студенческой аудиторіи съ неменьшею силой передалось разнороднымъ посѣтителямъ публичныхъ чтеній, не исключая и свѣтскихъ дамъ. Даже самые близкіе друзья Грановскаго, хорошо знавшіе его, но не слыжавшіе на кафедрѣ, были поражены и потрясены впечатлѣніемъ его рѣчи. «Какое благородство языка,—писалъ по поводу этихъ лекцій Герценъ въ своемъ дневникѣ,—смѣлое, открытое изложеніе. Были минуты, въ которыя его рѣчь поднималась до вдохновенія». Лучшее общество тогдашней Москвы сошлось вокругъ Грановскаго на скамьи университетской аудиторіи, и впечатлѣніе этого факта было настолько сильно для современниковъ, что Чаадаевъ, а за нимъ и Герценъ не обинуясь называли эти лекціи событіемъ. Грановскому случалось переносить свои чтенія

*) Тамъ-же, 17—18.

изъ многолюдныхъ аудиторій въ тѣсный дружескій кружокъ, и это не только не ослабляло его обаянія, но едва-ли еще не усиливало его. Одно время, когда жена Герцена по нездоровью не могла бывать на публичныхъ чтеніяхъ, онъ читалъ нѣсколько лекцій по средней исторіи у нея на дому. По отзыву одной изъ слушательницъ, «не стѣсненный ни цезурой, ни публикой, онъ читалъ серьезно, сильно, полно поэзіи и до того увлекательно, что присутствующіе превращались въ слухъ и наслажденіе; нерѣдко по лицу иныхъ скатывались слезы» *). Прошли года, унесшіе съ собою вышнее обаяніе личности лектора, усилившіе старые его природные недостатки и породившіе новые, а эта власть его надъ умами аудиторіи оставалась непоколебленной. Позволимъ себѣ привести еще одно свидѣтельство, — рассказъ студента, который принадлежалъ къ послѣднему курсу, слушавшему Грановскаго, о первой его лекціи въ 1855 г. «Первое впечатлѣніе не оправдало ожиданій: передъ нами сидѣлъ пожилой господинъ съ круглымъ брюшкомъ, огромною лысиной, красный и толстый, сидѣлъ неподвижно, молчалъ и отдувался. Началъ онъ лекцію тихо, шепелявымъ голосомъ, присоскивая; вся фигура выражала собою не то апатію, не то усталость. Но это впечатлѣніе исчезло очень скоро, съ первыхъ же фразъ, отрывочныхъ, нерѣдко безсвязныхъ, произносимыхъ съ долгими интервалами и тяжелыми вздохами. Передъ аудиторіей, какъ бы застывшей въ глубочайшемъ вниманіи, стали понемногу развертываться одна за другою картины средневѣковой жизни, исполненныя смысла и красоты... Чѣмъ дальше говорилъ знаменитый профессоръ, тѣмъ дальше отодвигалась окружающая дѣйствительность; онъ уводилъ свою аудиторію въ сѣдую глубь вѣковъ, воскрешалъ передъ нею минувшіе идеалы, оживлялъ въ чарующихъ образахъ давно сошедшіе со сцены типы, а надъ всѣмъ этимъ какъ-то незамѣтно, сами собою вставали въ сердцахъ слушателей великія начала человѣчности, свѣта, правды и добра» **).

Тайна такого сильнаго и такого прочнаго вліянія, очевидно, не могла скрываться въ одной лишь прелести разсказа, какъ бы ни была велика эта послѣдняя. Даже въ приведенныхъ уже нами отзывахъ сквозятъ указанія на то, что своимъ успѣхомъ Грановскій былъ обязанъ не столько вышнему способу изложенія, сколько самому содержанію и характеру своихъ идей. Въ свое время это хорошо понимали его противники, равно какъ и самъ онъ какъ нельзя болѣе рѣшительно отклонялъ отъ себя роль простаго разсказчика историческихъ событій. Когда въ 1843 г. онъ читалъ публичный курсъ, его обвиняли Шевыревъ и Погодинъ въ томъ, что онъ пользуется каеедрой историка для изложенія своихъ воззрѣній. Грановскій принялъ эти обвиненія и отвѣтилъ на нихъ —

*) Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія Т. П. Пассекъ, II, 373.

***) Обвинскій, Изъ воспоминаній юриста, Р. Архивъ, 1892, № 1, 103—4.

съ кафедры же. «Это отчасти справедливо,—заявилъ онъ,—я имѣю убѣжденія и провожу ихъ въ моихъ чтеніяхъ, еслибъ я не имѣлъ ихъ, я не вышелъ бы публично передъ вами для того, чтобы рассказывать, больше или меньше занимательно, рядъ событій», Признавая за Грановскимъ опредѣленность научныхъ взглядовъ, нѣкоторые изъ современниковъ послали ему другой упрекъ, отрицающій самостоятельность этихъ взглядовъ. Впервые такой упрекъ былъ громко высказанъ Шевыревымъ, по поводу публичныхъ лекцій 1843 г. упрекавшимъ Грановскаго въ исключительномъ подчиненіи Гегелю. Подобный же упрекъ имѣется въ воспоминаніяхъ С. М. Соловьева, говорящаго, что Грановскій, подобно Крюкову, «не былъ самостоятеленъ, былъ поклонникомъ того же Гегеля» *). Сохранившійся конспектъ перваго университетскаго курса Грановскаго **) позволяетъ заключить, что въ этомъ упрекѣ была доля правды, поскольку онъ не распространялся на всю профессорскую дѣятельность Грановскаго, а относился только къ ея началу. Въ этомъ конспективномъ наброскѣ курса его авторъ является усерднымъ сторонникомъ нѣмецкихъ мыслителей, правда, не одного Гегеля, но и главъ органической школы. Рѣшительно выступая противъ «сухой теоріи прогресса» XVIII вѣка, для которой человѣкъ являлся простымъ матеріаломъ, получающимъ свою форму извнѣ, подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ, какъ климатъ, пища, родъ жизни, принужденіе и т. п., онъ осуждалъ эту теорію за то, что для нея «исторія и человѣкъ простые матеріалы безъ внутренняго содержанія и развитія», и противопоставлялъ ей, какъ «идеи, общія нынѣ всѣмъ историкамъ»,—«признаніе индивидуальныхъ особенностей народныхъ характеровъ, источникъ которыхъ живая, по внутреннему закону развивающаяся сила». Развитие этой силы и составляетъ истинное содержаніе исторіи. Грановскій подчеркивалъ тотъ фактъ, что наиболѣе услугъ такому пониманію исторіи оказано новой нѣмецкой философіей, Шеллингомъ и особенно Гегелемъ, создавшими философію исторіи. Специалисты-историки вооружились было противъ такого вліянія философій, но «тѣ же люди, которые такъ гордо отстаивали независимость исторіи, защищали ее противъ напора новой философской системы, сами, безъ сознанія, были приверженцы старой, уже отжившей системы». Новая философія исторіи основана на тождествѣ реальнаго съ идеальнымъ, бытія и мышленія, въ силу котораго «субъективный духъ и міръ подчинены одному закону, совершаютъ одинъ и тотъ же процессъ развитія». Задача же философій исторіи заключается въ томъ, чтобы «извлечь изъ глубины стоящаго

*) Р. Вѣстникъ, 1896, № 2, 17.

**) Начальный отрывокъ этого конспекта, которымъ мы и пользуемся въ дальнѣйшемъ изложеніи, напечатанъ проф. Виноградовымъ въ «Сборникѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владимира». СПб. 1895, 308—25.

выше всякаго опыта самосознанія духа общія понятія, лежащія въ основаніи историческихъ явленій—разумное, существенное съ ихъ внутренней, логическою необходимостью, показать, что случившееся должно было случиться по внутреннему, логическому закону, оправдать исторію». Съ новой точки зрѣнія народъ не былъ болѣе конгломератомъ случайно собранныхъ единицъ и внѣшнимъ образомъ соединенныхъ между собою силъ; онъ представлялъ изъ себя «живое единство, систему многообразныхъ силъ, надъ которыми властвуетъ одна, основная». Причины измѣненій въ исторіи народа лежатъ не внѣ, но внутри его, и сводятся къ этой основной силѣ, иначе, къ «народному духу, который при безконечномъ разнообразіи лицъ и круговъ, къ которымъ они принадлежатъ, отражается во всемъ и, не смотря на разнородность частныхъ дѣлъ, удерживаетъ одно общее направленіе». Въ представленіи Грановскаго этотъ духъ народа не вытекаетъ изъ внѣшнихъ вліяній, не взираетъ на все ихъ могущество; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ «живая, дѣятельная сила, а не страдательная масса; онъ усваиваетъ себѣ все приходящее извнѣ и кладетъ на него свою печать, какъ господинъ и хозяинъ». Всѣ существенныя явленія исторіи порождаются этой основной силой: «дѣла народа, его судьбы, учрежденія, религія, языкъ, искусство—суть откровенія народнаго духа, органы его дѣятельности». Въ волнахъ послѣдняго тонетъ, наконецъ, и единичная человѣческая личность, такъ какъ даже великіе люди лишь «цвѣтъ народа, котораго духъ въ нихъ является въ наибольшей красотѣ». Историкъ предтоитъ наблюдать проявленія указанной силы, но изслѣдовать и объяснить ее самое онъ не въ состояніи: «происхожденіе врожденнаго генія народа непроницаемо, сущность таинственна». За то могутъ быть изслѣдованы законы его развитія или, что то же, органическаго роста, выражающагося въ постоянной смѣнѣ вѣчно новыхъ противоположностей. Всеобщая исторія, понимаемая такимъ образомъ, какъ тождественная съ философіей исторіи, охватываетъ лишь «общее существенное» въ развитіи человѣчества, лишь логически необходимые моменты этого развитія, но никакъ не всѣ частные его случаи, и, слѣдовательно, не совпадаетъ со «всемирной исторіей»; только въ далекомъ будущемъ можно ожидать «исторіи полнаго человѣчества», которая включитъ въ себя всѣ нетронутые исторією народы.

Такова была первоначальная схема историческихъ воззрѣній Грановскаго, всецѣло заимствованная имъ изъ нѣмецкой философской и исторической литературы. При всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ этой идеалистической схемы, строго развитой изъ одного начала, стройность ея логическихъ формулъ нерѣдко покупалась цѣною ихъ содержательности, и въ концѣ концовъ вся система приводила къ глухой стѣнѣ, прыжокъ черезъ которую совершался при посредствѣ чисто-метафизическаго понятія. Но Грановскій и не остановился окончательно на теоріяхъ органической

школы и строгаго гегеліанства. Онѣ послужили для него лишь первыми ступенями въ его собственныхъ историческихъ построеніяхъ. Прочно усвоивъ себѣ то, что въ нихъ было наиболѣе цѣннаго—понятіе объ исторіи, какъ о строго-закономѣрномъ процессѣ развитія силъ и формъ народной жизни, онъ скоро пошелъ дальше и расширилъ свой кругозоръ. Наполняя усвоенную систему живымъ содержаніемъ, онъ скоро долженъ былъ убѣдиться въ сравнительной узости ея рамокъ и оказался въ необходимости выбирать между нарушеніемъ ихъ и урѣзываніемъ матеріала исторіи ради помѣщенія его на Прокрустово ложе системы. Мы указывали выше, какія условія уясняли ему этотъ выборъ и облегчали критику разъ усвоенныхъ взглядовъ, и теперь намъ остается опредѣлить, въ какомъ направленіи пошла эта критика и къ какимъ положительнымъ результатамъ она привела. Было бы въ высшей степени заманчиво намѣтить ту постепенность, въ какой происходило освобожденіе Грановскаго отъ узости старыхъ взглядовъ. Къ сожалѣнію, имѣющійся у насъ матеріалъ слишкомъ скуденъ и отрывоченъ для такой широкой задачи. Отдѣльныя фразы и положенія общаго характера, тамъ и здѣсь встрѣчающіяся въ печатныхъ сочиненіяхъ Грановскаго, немногочисленныхъ и иногда случайныхъ, едва достаточны для опредѣленія характера видоизмѣненій въ воззрѣніяхъ историка, но по нимъ трудно, если не невозможно, составить себѣ точное понятіе о послѣдовательности этихъ видоизмѣненій.

Во всякомъ случаѣ можно сказать, что уже очень рано Грановскій внесъ немаловажныя поправки въ указанные выше взгляды. Читая въ 1843—4 гг. лекціи въ университетѣ и публичный курсъ по средневѣковой исторіи, онъ все еще продолжалъ укладывать историческій матеріалъ въ созданныя Гегелемъ формулы, какъ убѣждаютъ въ этомъ и сохранившіеся конспекты тогдашнихъ студентовъ *), и свидѣтельство такого компетентнаго въ оцѣнѣ данной стороны лекцій слушателя, какимъ былъ Герценъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, въ его изложеніи эти формулы въ значительной степени утрачивали свой рѣзко насильственный характеръ. «Принятая исторію—говоритъ Герценъ въ своемъ второмъ отчетѣ объ этихъ публичныхъ лекціяхъ **)—за правильно развивающійся организмъ, онъ нигдѣ не подчинилъ событій формальному закону необходимости и искусственнымъ границамъ. Необходимою являлась въ его разсказѣ какому-то сокровенною мыслью эпохи; она ощущалась издали, какъ ивѣкій Deus implicitus, предоставляющій полную волю и полный разгулъ жизни». Правда, этотъ отзывъ болѣе всего говоритъ объ общей манерѣ историческаго изложенія Грановскаго,

*) См. отрывки изъ конспекта, составленнаго проф. Герцемъ, въ цитированномъ выше «Сборникѣ», с. 322—24.

**) Москвитанинъ, 1844, № 4.

въ которомъ мыслитель никогда не заслонялъ собою окончательно художника. Но въ дневникѣ Герцена мы находимъ указаніе еще на одну частную и, пожалуй, болѣе характерную черту данного курса, которая уже не могла явиться простымъ смягченіемъ философской формулы въ силу художественнаго инстинкта, а представляла собою отступленіе отъ нея или, по меньшей мѣрѣ, иное ея истолкованіе. Говоря о гибели Тамплиеровъ, Грановскій, по словамъ названнаго дневника, выразился слѣдующимъ образомъ: «необходимость гибели ихъ, ихъ виновность даже, ясны, но средства употребленныя гнусны; такъ и въ новѣйшей исторіи мы часто видимъ необходимость побѣды, но не можемъ отказать ни въ симпатіи къ побѣжденнымъ, ни въ презрѣніи къ побѣдителю». Трудно не видѣть въ этихъ словахъ шага впередъ къ высвобожденію изъ-подъ чрезырной власти отвлеченной формулы необходимости. вмѣсто «оправданія» исторіи, задачей историка въ нихъ ставится лишь *объясненіе* ея, не исключаящее возможности параллельной нравственной оцѣнки объясняемыхъ фактовъ. Въ своемъ университетскомъ курсѣ этого же года Грановскій, говоря о корифеяхъ нѣмецкой исторической школы, мѣтко указывалъ самую слабую сторону ихъ, замѣчая, что «они хорошо понимали прошедшее, но не понимали настоящаго и будущаго» *). Подобный протестъ противъ неподвижнаго консерватизма, основаннаго на безграничномъ уваженіи къ результатамъ исторіи, какъ плодамъ обще-народнаго духа, неизбѣжно приводилъ къ попыткамъ разложенія этихъ результатовъ и опредѣленія той роли, какую играло въ ихъ созданіи индивидуальное творчество. Грановскій въ своихъ печатныхъ работахъ нѣсколько разъ возвращался къ такимъ попыткамъ. «Многочисленная партія—писалъ онъ въ 1847 г.—подняла въ наше время знамя народныхъ преданій и величаетъ ихъ выраженіемъ общаго непогрѣшимаго разума. Такое уваженіе въ массѣ неубыточно. Дольствуясь созерцаніемъ собственной красоты, эта теорія не требуетъ подвига. Но въ основаніи своемъ она враждебна всякому развитію и общественному успѣху. Массы, какъ природа или какъ скандинавскій Торъ, безмысленно-жестоки и безмысленно-добродушны. Онѣ коснѣютъ подъ тяжестью историческихъ опредѣленій, отъ которыхъ освобождается мысль только отдѣльная личность. Въ этомъ разложеніи массъ мыслью заключается процессъ исторіи. Ея задача—нравственная, просвѣщенная, независимая отъ роковыхъ опредѣленій личность и сообразное требованіямъ такой личности общество» **). Выписанное нами мѣсто едва-ли не наиболее ярко отражаетъ въ себѣ тотъ новый взглядъ, къ какому пришелъ Грановскій и какой, отдаляя его отъ нѣмецкой исторической школы,

*) Это мѣсто курса приведено въ названной выше статьѣ проф. Виноградова, см. сборникъ «Въ пользу воскресныхъ школъ», М. 1894, 72.

***) Сочиненія, II, 220.

вмѣстѣ съ тѣмъ вновь сблизилъ съ французскими учеными и особенно съ Гизо. Разъ устранялась прямолинейность историческаго процесса и основной его источникъ—народный духъ—былъ признанъ распадающимся на два враждебныя теченія, массовой и индивидуальной психологіи,—предстояло еще, въ интересахъ сохраненія понятія законмѣрности процесса, установить постоянное отношеніе между этими теченіями и опредѣлить ту роль, какая могла принадлежать единичной личности въ осуществленіи законовъ исторіи. Грановскій ставилъ себѣ этотъ вопросъ, и въ его сочиненіяхъ можно найти слѣды попытокъ его рѣшенія, хотя и не всегда, можетъ быть, достаточно отчетливыя. Вводя въ науку понятіе о свободной отъ роковыхъ опредѣленій личности, противопологающей себя массѣ, онъ не думалъ устранять этимъ существованіе законовъ исторіи: въ его представленіи и такая свободная личность дѣйствовала лишь въ кругѣ этихъ законовъ и не могла переступить ихъ предѣла. Сами великіе люди «стоятъ не отдѣльно, не независимо, но тѣсно и крѣпко связаны съ землею, на которой выросли, и съ временемъ, въ которомъ дѣйствуютъ», въ своей дѣятельности они «облекаютъ въ живое слово то, что до нихъ таилось въ народной думѣ, и обращаютъ въ видимый подвигъ неясныя стремленія своихъ соотечественниковъ или современниковъ» *). Самостоятельность личности, такимъ образомъ, далеко не безгранична. Ближе опредѣляя ея роль, Грановскій въ одной изъ своихъ работъ, относящейся къ 1848 г., передавалъ личности лишь опредѣленіе момента выполнения общаго и неизбѣжнаго закона. «Жизнь человѣчества—говорилъ онъ здѣсь—подчинена тѣмъ же законамъ, какимъ подчинена жизнь всей природы, но законъ неодинаково осуществляется въ этихъ двухъ сферахъ. Явленія природы совершаются гораздо однообразнѣе и правильнѣе, чѣмъ явленія исторіи». Эта правильность заключается въ точной опредѣленности не только самыхъ явленій, но и сроковъ ихъ жизни. Иначе стоитъ дѣло въ исторіи человѣчества. «Ей данъ законъ, котораго исполненіе неизбѣжно—десять лѣтъ или десять вѣковъ, все равно. Законъ стоитъ какъ цѣль, къ которой неудержимо идетъ человѣчество; но ему нѣтъ дѣла до того, какою дорогою оно идетъ и много ли потратитъ времени на пути. Здѣсь то и вступаетъ во всѣ права свои отдѣльная личность. Здѣсь лицо выступаетъ не какъ орудіе, а самостоятельно, поборникомъ или противникомъ историческаго закона и принимаетъ на себя по праву отвѣтственность за цѣлыя ряды имъ вызванныхъ или задержанныхъ событій» **). Наука не даромъ жила десятилѣтія, протекшія со смерти Грановскаго, и съ современной точки зрѣнія производимое историкомъ выдѣленіе личности изъ среды и противоположеніе мыслящей личности инертной массѣ можетъ показаться

*) Тамъ же, I, 337—9.

**) Сочиненія, II, 276—7.

рѣзкимъ и насильственнымъ, а самое опредѣленіе роли личности по отношенію къ законамъ исторіи—нѣсколько механическимъ. Но если судить эти воззрѣнія по сравненію съ тѣми, какія мы видимъ господствовавшими у Грановскаго раньше, то придется признать въ нихъ значительный прогрессъ: въ борьбѣ личности съ массой находила себѣ если не полное объясненіе, то, по крайней мѣрѣ, олицетвореніе та борьба мысли съ преданіемъ, которая занимаетъ такое видное мѣсто въ исторіи и которая совершенно ступшевывалась въ безличномъ и прямолинейномъ процессѣ органическаго развитія цѣльнаго народнаго духа.

Перемѣщая центръ тяжести историческаго движенія и ставя его источниками и цѣлями идею и личность, Грановскій въ сущности не сходилъ съ почвы гегеліанской философіи, примыкая лишь къ тѣмъ ея послѣдователямъ, которые придавали ея формуламъ, вмѣсто консервативнаго, прогрессивное истолкованіе, обращая ее въ философію индивидуализма. За то въ другомъ направленіи онъ далеко ушелъ отъ узкихъ схемъ гегеліанства. Еще въ Берлинѣ лекціи Риттера обратили его вниманіе на географію и заставили искать нѣкотораго отношенія между природными особенностями страны и свойствами населяющаго ее народа и его исторіи. Въ свою очередь французскіе историки, и изъ нихъ особенно Тьерри, познакомили его съ изученіемъ расовыхъ особенностей и привили ему любовь къ этнографическимъ изысканіямъ. Позднѣе, въ Москвѣ онъ неустанно и усердно занимался географіей и этнографіей, слѣдя за всѣми важнѣйшими явленіями научной литературы въ этой области и въ то же время знакомясь, главнымъ образомъ черезъ посредство Герцена, съ общимъ прогрессомъ естественныхъ наукъ, получившихъ такое необычайно широкое развитіе съ начала XIX столѣтія. Въ этомъ общеніи съ міромъ естествознанія точнѣе выяснилось ему значеніе матеріальныхъ факторовъ въ жизни человѣчества и разсѣялось постепенно горделивое убѣжденіе, почерпнутое отъ Гегеля, будто человѣчскій духъ, независимо отъ внѣшнихъ вліяній, единственно самъ изъ себя творитъ исторію народовъ. Зрѣлымъ плодомъ занятій и наблюденій Грановскаго, пошедшихъ въ этомъ направленіи, явилось новое, болѣе сознательное и широкое пониманіе существа исторіи, наиболѣе полно выраженное въ рѣчи, произнесенной имъ на университетскомъ актѣ 1852 г. *), но сложившееся въ главныхъ своихъ чертаніяхъ несомнѣнно еще раньше. Указывая въ этой рѣчи на вліяніе, оказанное на исторію успѣхами географіи и этнографическими изысканіями Фориеля, Тьерри, Эдвардса, ораторъ вмѣстѣ констатируетъ тотъ фактъ, что въ трудахъ собственно историковъ до сихъ поръ дѣлаются лишь внѣшнія уступки этому вліянію. Правда, историки ввели въ свои труды географическіе обзоры, но это скорѣе

*) Тамъ же, I.

случайная прибавка къ ихъ работамъ, нежели органическая ихъ часть. «Предпославъ труду своему бѣглый очеркъ описываемой страны и ея произведеній, историкъ съ спокойной совѣстью переходитъ къ другимъ, болѣе знакомымъ ему предметамъ и думаетъ, что вполне удовлетворилъ современнымъ требованіямъ науки». Между тѣмъ, по смыслу послѣднихъ, «исторія должна выступить изъ круга наукъ филолого-юридическихъ, въ которомъ она такъ долго была заключена, на обширное поприще естественныхъ наукъ». Въ связь съ антропологіей и географіей исторія должна опредѣлить отличительныя свойства народовъ и открыть не вполне еще извѣстныя пока «таинственныя нити, привязывающія народъ къ землѣ, на которой онъ выросъ и изъ которой заимствуетъ не только средства физическаго существованія, но значительную часть своихъ нравственныхъ свойствъ». Въ глазахъ историка радикально мѣняется такимъ образомъ одержаніе науки. Его еще «составляютъ до сихъ поръ дѣла человѣческой воли, отрѣшенные отъ ихъ необходимой, можно сказать, роковой основы», но такъ не можетъ продолжаться. «Сверхъ логической необходимости есть въ исторіи другая, которую можно назвать естественною, лежащая въ основаніи всѣхъ важныхъ явленій народной жизни. Ей нѣтъ мѣста въ умозрительномъ построении исторіи; ее нельзя вывести изъ законовъ разума, но ее нельзя также отнести къ сферѣ случайности, потому что она принадлежитъ къ числу главныхъ, опредѣляющихъ развитіе нашихъ судебъ, двигателей исторіи». Это измѣненіе содержанія науки влекло за собою и измѣненіе въ способахъ научнаго познанія. Жизнь человѣчества, признанная въ своемъ развитіи стоящей въ тѣсной причинной связи съ окружающими ее внѣшними условіями, не могла уже быть всецѣло выведена изъ законовъ духа, не могла, слѣдовательно, быть уложена въ тѣсныя рамки философіи исторіи. Эта послѣдняя, въ прежнихъ воззрѣніяхъ Грановскаго господствовавшая надъ самою исторіей и частью даже вытѣснявшая фактическое изученіе, съ новой точки зрѣнія историка оказывалась въ подчиненномъ положеніи сравнительно со всѣмъ объемомъ исторической науки и теряла право на самостоятельное существованіе. «Съ конца прошедшаго столѣтія—говоритъ онъ—философія исторіи не переставала предъявлять правъ своихъ на независимое отъ фактической исторіи значеніе. Успѣхъ не оправдалъ этихъ притязаній. Скажемъ болѣе, философія исторіи едва ли можетъ быть предметомъ особеннаго, отдѣльнаго отъ всеобщей исторіи, изложенія. Ей принадлежитъ по праву глава въ феноменологіи духа», но выясненіе реальнаго хода исторіи и его оцѣнка не ея дѣло. «Всякое покушеніе съ ея стороны провести рѣзкую черту между событіями логически необходимыми и случайными можетъ повести къ значительнымъ ошибкамъ и будетъ болѣе или менѣе носить на себѣ характеръ произвола». Итакъ, исторія утрачивала свое прежнее, правда, призрачное, единство, распадалась на

двѣ стороны, имѣющія самостоятельное бытіе и особые законы. Отъ идеалистическаго монизма Грановскій перешелъ такимъ путемъ къ дуализму духа и матеріи. Обогащенная фактическимъ содержаніемъ, мысль историка выиграла въ широтѣ, но нѣсколько потеряла въ своей философской опредѣленности. Можно думать, однако, что и данная стадія въ воззрѣніяхъ Грановскаго не была окончательною и что на ней не завершилось ихъ развитіе. Въ его сочиненіяхъ встрѣчаются мѣста, позволяющія догадываться, что ему представлялась возможность выхода изъ дуалистическаго мировоззрѣнія и приведенія всѣхъ разнородныхъ стихій науки въ единую цѣльную систему. Такая возможность рисовалась, однако, для него не на почвѣ исторіи. Историкъ въ своей спеціальной области имѣетъ дѣло съ сложившимися уже фактами, объясняя законы ихъ дальнѣйшаго развитія, но будучи безсиленъ разложить и объяснить начальныя данныя своихъ построеній. Неразрѣшима для исторіи тайны могутъ быть, однако, раскрыты за ея предѣлами. «Для историка, напримѣръ, различіе породъ человѣческихъ существуетъ, какъ нѣчто данное природою, роковое, необъяснимое ни въ причинахъ, ни въ слѣдствіяхъ. Можно догадываться, что это различіе находится въ тѣсной связи съ началомъ національностей, что оно, какъ тайный дѣятель, участвуетъ въ безконечномъ множествѣ явленій; но одна физиологія въ состояніи въ этомъ случаѣ перевести отъ догадки къ уразумѣнію самаго закона» *). Намѣчая возможность разрѣшенія загадокъ исторіи путемъ естественно-научныхъ объясненій, Грановскій не переходилъ однако къ философскому матеріализму и не вносилъ въ исторію искусственно-упрощенныхъ объясненій, отстаивая, напротивъ, ея самостоятельность. Въ самой исторіи для него все же оставались «двѣ стороны: въ одной является намъ свободное творчество духа человѣческаго, въ другой—независимыя отъ него, данныя природою условія его дѣятельности». Признавая недостаточность старыхъ умозрительныхъ построеній исторіи, настаивая на необходимости измѣненія ея метода, Грановскій не думалъ, однако, о простомъ заимствованіи метода естествознанія путемъ подчиненія ему исторіи. «Новый методъ долженъ возникнуть изъ внимательнаго изученія фактовъ міра духовнаго и природы въ ихъ взаимодействіи. Только такимъ образомъ можно достигнуть до прочныхъ, основныхъ началъ, т. е., до яснаго знанія законовъ, опредѣляющихъ движеніе историческихъ событій» **). Послѣднее слово этихъ воззрѣній осталось недоговореннымъ, но врядъ-ли оно и могло быть договорено при тогдашнемъ состояніи науки. Дальнѣйшее движеніе науки, отбросивъ нѣкоторые частныя взгляды, принятые Грановскимъ, вродѣ теоріи устойчивости расовыхъ признаковъ, въ общемъ оправдало тотъ путь, на который онъ вступилъ и который

*) Сочиненія, II, 209; эти строки были написаны еще въ 1847 г.

**) Сочиненія, I, 22—3.

при дальнѣйшемъ развитіи опытнаго знанія велъ къ возстановленію цѣльнаго міросозерцанія въ болѣе научномъ видѣ, чѣмъ могла его создать метафизическая философія. Неразработанностью самой исторіи, въ свою очередь, достаточно объясняется то обстоятельство, что въ воззрѣніяхъ Грановскаго экономическая сторона исторіи не занимала достаточно виднаго и самостоятельнаго мѣста. Эпоха историко-экономическихъ изслѣдованій только что начиналась и въ западно-европейской наукѣ, когда окончилась жизнь Грановскаго; въ среду же русскихъ ученыхъ это теченіе проникло еще позднѣе, а за то время, когда онъ еще дѣйствовалъ, въ ней господствовали весьма поверхностные взгляды на эту сторону исторіи.

Сказаннаго до сихъ поръ, кажется намъ, достаточно для того, чтобы обрисовать важнѣйшіе взгляды Грановскаго и вмѣстѣ показать, насколько правды было въ тѣхъ голосахъ, которые стремились выставить его, какъ робкаго пересказчика чужихъ теорій. Поддавшись на первыхъ порахъ сильному вліянію нѣмецкихъ мыслителей, онъ скоро освободился отъ ихъ крайностей и успѣлъ, умѣло ориентируясь среди различныхъ ученій, сохранить свою самостоятельность, не приковать себя ни къ одной узкой системѣ и найти наиболѣе надежный путь въ развитіи науки. Въ его рукахъ исторія являлась уже не болѣе или менѣе точнымъ рассказомъ о прошлыхъ судьбахъ народовъ, а средствомъ познанія законовъ жизни человѣчества, и въ этомъ коренилась главная причина его вліянія, которое было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше въ живой и письменной рѣчи историка было внѣшнихъ слѣдовъ упорной работы, чѣмъ ближе эта рѣчь—плодъ тщательно выношенной мысли—подходила къ свободному творчеству художника. Но наша, хотя и бѣглая характеристика историческихъ взглядовъ Грановскаго была бы неполна, еслибы мы не остановились еще на одной ихъ сторонѣ, на той связи, которою соединялось въ его глазахъ изученіе прошлаго съ потребностями настоящаго. Въ изслѣдованіи законовъ исторіи онъ видѣлъ не одно лишь удовлетвореніе законной любознательности человѣка, но ждалъ отъ него и нѣкоторыхъ осязательныхъ услугъ. Какъ ознакомленіе съ законами внѣшней природы освободило человѣка отъ власти вредныхъ предрассудковъ и доставило ему возможность согласовать свои цѣли съ силами природы и правильно воспользоваться послѣдними, такъ знакомство съ законами исторіи должно «положить конецъ несбыточнымъ теоріямъ и стремленіямъ, нарушающимъ правильный ходъ общественной жизни». Наблюденіе историческихъ событій развиваетъ и укрѣпляетъ вѣру въ человѣчество: въ наружномъ однообразіи и беспорядочной пестротѣ ихъ для привычнаго глаза скоро открывается правильное прогрессивное движеніе, не нарушаемое частными отклоненіями, которыя составляютъ неизбежное послѣдствіе закона развитія. Въ созерцаніи различныхъ народовъ, различныхъ условій мѣста и времени, при которыхъ осуществляются одни и тѣ же вѣчные законы, расширяется

кругозоръ человѣческой мысли и ростеть благородное чувство терпимости: «тотъ не историкъ, кто не способенъ перенести въ прошедшее живого чувства любви къ ближнему и узнать брата въ отдѣленномъ отъ него вѣками иноплеменникѣ». Все это въ совокупности составляетъ драгоценное достояніе историка, дающее ему возможность удовлетворить законной потребности нравственнаго вліянія на своихъ современниковъ. Въ пониманіи Грановскаго обязанность ученаго вскрывать законмѣрность историческаго процесса не могла служить препятствіемъ такому вліянію, такъ какъ эту законмѣрность онъ никогда не отождествлялъ съ фатализмомъ. Съ горькимъ осужденіемъ отзывался онъ о тѣхъ историкахъ, которые въ противоположность древнимъ трагикамъ, возлагавшимъ на чело своихъ обреченныхъ гибели героевъ вѣнецъ духовной побѣды надъ неотразимымъ въ мірѣ внѣшнихъ явленій рокомъ, видятъ въ успѣхѣ конечномъ оправданіе, въ неудачѣ—приговоръ всякаго историческаго подвига *). Идя еще дальше въ этомъ направленіи, онъ требовалъ отъ историка наряду съ выясненіемъ причинной связи явленій и нравственнаго суда надъ прошлымъ. Недостаточно, быть можетъ, аргументированная въ его печатныхъ сочиненіяхъ, эта мысль тѣмъ не менѣе неоднократно и рѣшительно высказывается въ нихъ. Полное безстрастіе историка было въ его глазахъ лишь признакомъ умственнаго или душевнаго безсилія. Онъ хотѣлъ, въ интересахъ живущаго поколѣнія, видѣть въ исторіи судъ и приговоръ надъ дѣятелями прошлаго, лишь бы такой приговоръ былъ основанъ «на вѣрномъ, честномъ изученіи дѣла», и въ этомъ требованіи для него заключалась лишняя связь науки съ жизнью, вызывавшаяся, можетъ статья, не столько строгой логикой мышленія ученаго, сколько душевною потребностью общественнаго дѣятеля. «Въ возможности такого суда—писалъ онъ въ 1848 г., въ то время, когда надъ его головою сошлись особенно грозныя тучи, и онъ чувствовалъ свои силы почти истощенными,—въ возможности такого суда есть нѣчто глубоко утѣшительное для человѣка. Мысль о немъ даетъ усталой душѣ новыя силы для спора съ жизнью» **). Но если глубокая отзывчивость Грановскаго къ нуждамъ и вліяніямъ современности не давала ему возможности всецѣло уйти въ абстрактныя схемы науки, то присущее ему художественное чувство и научный тактъ уберегли его и отъ другой опасности: его судъ надъ историческими событіями и лицами никогда не переходилъ въ озлобленную и бесплодную полемику съ явленіями прошлаго, и производившаяся имъ нравственная оцѣнка, всегда основанная на глубокомъ проникновеніи въ характеръ эпохи, о которой шла рѣчь, ничего не имѣла общаго съ шаблоннымъ морализированіемъ по поводу исторіи.

Таковы были наиболѣе существенныя воззрѣнія Грановскаго на

*) Сочиненія, I, 24—26, 20—21 (рѣчь 1852 г.).

***) Тамъ же, I, 240—1 (въ предисловіи къ «Аббату Сугерію»).

исторію, путемъ выработки которыхъ онъ, а за нимъ и окружавшіе его тѣсною толпою ученики переходили отъ нѣмецкой идеалистической философіи къ новой реальной наукѣ обществовѣдѣнія. Если въ теоретической сторонѣ этихъ воззрѣній строгою критикой и могутъ быть открыты нѣкоторые недочеты, то они въ свое время съ избыткомъ искупались пластикой художественнаго таланта и глубиною гуманитарнаго чувства, сообщавшими лекціямъ Грановскаго высокое воспитательное значеніе, въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова. Говоря словами Кудрявцева, «всякій, слышавшій его на кафедрѣ, выносилъ съ собою какое-то новое возбужденіе къ лучшему, всякій располагался къ добру съ большею душевною силою» *).

Въ тѣсной связи со взглядами Грановскаго на прошлыя судьбы человѣчества стояли и тѣ отвѣты, какіе давались имъ на важнѣйшія проблемы современности. Съ этой стороны его духовная личность заслуживаетъ не менѣе внимательнаго отношенія. Въ самомъ дѣлѣ, помимо уже той общей заслуги передъ современниками, какая выпадаетъ на долю каждаго крупнаго работника въ области мысли, неизбѣжно будящаго своими трудами общественное сознаніе Грановскій при всей узкости рамокъ, поставленныхъ судьбою его дѣятельности, успѣлъ путемъ ея внести прямой и цѣнный вкладъ въ жизнь русскаго общества. Частью въ силу внѣшнихъ условій, частью въ силу особенностей его духовной природы, для него оказалась закрытой единственно возможная въ его пору дорога къ вліянію на наиболѣе широкіе общественные слои: онъ не былъ плодовитымъ писателемъ, и его дѣятельность въ силу этого почти что замыкалась въ тѣсныхъ сравнительно предѣлахъ московскаго университета и московскаго общества. Но это не помѣшало ему играть видную роль въ исторіи русскаго общественнаго движенія, и вообще-то не бывшаго тогда особенно широкимъ. Въ Москвѣ сгруппировался въ тѣ годы довольно значительный кругъ талантливыхъ людей, жившихъ по преимуществу умственными интересами. Стоя въ этомъ передовомъ и тѣсно сплоченномъ кругу русской интеллигенціи, Грановскій принималъ дѣятельное участіе въ работкѣ его міросозерцанія, а его собственное живое общеніе съ университетскою молодежью, въ теченіе шестнадцати лѣтъ проходившею черезъ его аудиторію, служило ручательствомъ за дальнѣйшее распространеніе этого міросозерцанія и претвореніе его въ идеалы молодого поколѣнія.

Вступая въ московскую жизнь среди обнаружившагося въ ней разлада партій, Грановскій самъ былъ настолько уже сложившимся человѣкомъ, что сразу могъ занять опредѣленное мѣсто въ ихъ рядахъ. Весь складъ его убѣжденій, его безграничное уваженіе къ правамъ разума, его преданность идеямъ западно-европейской науки

*) Сочиненія Кудрявцева, II, 542.

и въ частности гегеманства, его мысли объ одинаковомъ для всего человѣчества пути прогресса, творимаго усиліями критически мыслящей личности, и о необходимости подчинять на этомъ пути національное обще-человѣческому, словомъ, всё его особенности, какъ историка и мыслителя, должны были оттолкнуть его отъ нарождавшагося славянофильства, и на первыхъ же порахъ онъ одною изъ задачъ своей дѣятельности на каседрѣ поставилъ борьбу съ этимъ направлениемъ. Бывшій кругъ Станкевича, съ которымъ у него скорѣе всего могла найтись почва для личной дружбы, за время отсутствія прежняго своего вождя, выросъ и окрепъ умственно, но вмѣстѣ и измѣнилъ свое направленіе, перейдя отъ нѣсколько туманнаго идеализма, соединявшагося съ немалой дозою сентиментальности, къ безусловному преклоненію передъ дѣйствительностью, съ которымъ не мирился прочно усвоенный Грановскимъ либерализмъ, никогда не уничтожавшійся въ немъ окончательно гегелевскою діалектикой, хотя увлеченіе послѣдней и заставляло его порой въ чисто научныхъ вопросахъ проговариваться нѣсколько неосторожными фразами. Встрѣясь съ Бѣлинскимъ, онъ сошелся съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, но ничего не уступилъ ему изъ своего пониманія литературныхъ и общественныхъ вопросовъ, и на время они остались людьми разныхъ лагерей. За то тѣсно сблизился онъ съ Герценомъ, во взглядахъ и убѣжденіяхъ котораго нашелъ много родственныхъ себѣ чертъ. Съ первой ихъ встрѣчи въ годъ пріѣзда Грановскаго въ Москву они стали рядомъ, какъ союзники, а послѣ 1842 г., когда Герценъ переехалъ на постоянное жительство въ Москву, этотъ союзъ былъ скрѣпленъ горячею дружбой, пережившей всё ихъ позднѣйшія размолвки. Къ этому времени, впрочемъ, установилось уже и полное согласіе между ними и Бѣлинскимъ. Послѣдній въ концѣ 1839 года уѣхалъ въ Петербургъ, полный раздраженія противъ встрѣченной со стороны Герцена оппозиціи своимъ новымъ взглядамъ, и вылилъ весь свой гнѣвъ на противниковъ въ извѣстныхъ статьяхъ о Бородинской годовщинѣ и о Менцелѣ, доводившихъ до апогея примирительное настроеніе критика по отношенію къ окружавшей его жизни и заслужившихъ отъ Огарева званіе «гнусныхъ», а отъ Грановскаго—«гадкихъ». Петербургъ же, однако, и отрезвилъ критика, поставивъ его лицомъ къ лицу съ обществомъ, вырвавъ его изъ кружковой односторонности и воочию показавъ всю красоту восхваляемыхъ порядковъ. Еще недавно прекрасная дѣйствительность обратилась для него въ «грязную, мерзую, возмутительно-нечеловѣческую» *), и когда онъ дописывалъ послѣднія слова своихъ, надѣлавшихъ столько шума, статей, въ немъ скорбно и трудно возникало уже новое убѣжденіе. Прошло около года тяжелой внутренней борьбы, мучительнаго исканія истины, и Бѣлинскій, вырвавшись изъ подъ власти роковой фор-

*) А. Н. Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка, II, 9.

мысли о разумности дѣйствительности окончательно принялъ выводы, которые недавно его возмущали.—Его примиреніе съ недавними противниками, полное и беззаветное, было облегчено и ускорено тѣмъ, что въ рядахъ послѣднихъ стоялъ Грановскій, успѣвшій съ обычною своею терпимостью за крайностями его увлеченія рассмотреть его настоящую сущность. Въ свою очередь Вѣлинскій, этотъ страстный боецъ съ нѣжной и любящей душою, полюбивъ въ Грановскомъ симпатичнаго человѣка, все глубже и сильнѣе привязывался къ нему по мѣрѣ того, какъ переживалъ періодъ своего разочарованія въ принятыхъ взглядахъ и убѣждался въ справедливости оспаривавшихся имъ воззрѣній. «Я теперь лучше бы ошелея съ Грановскимъ,—писалъ онъ въ разгарѣ этой внутренней борьбы,—лучше бы понялъ и оцѣнилъ эту чистую и благородную душу, эту здоровую и нормальную натуру, для которой слово и дѣло—одно и то же» *). Бывшіе противники при такихъ условіяхъ легко обратились въ горячихъ друзей, связанныхъ уже не личными симпатіями и не случайнымъ сходствомъ частныхъ взглядовъ, а единствомъ міросозерцанія, выращеннаго на общей почвѣ. Къ 1842 году, вмѣсто прежнихъ трехъ враждебныхъ партій, стояли другъ противъ друга только двѣ, раздѣлившія между собою кружокъ Станкевича: Вѣлинскій примкнулъ къ Герцену и Грановскому вмѣстѣ съ большею частью кружка, болѣе же молодые члены кружка, какъ К. Аксаковъ и Самаринъ, напуганные крутымъ разрывомъ съ преданіями и дѣйствительностью, перешли къ Кирѣевскому и Хомякову.

Эти партіи первое время жили еще въ мирѣ между собою. Собственно, настоящаго мира между ними, пожалуй, и не было, но не было пока и настоящей, открытой и рѣзкой борьбы. У нихъ была одна общая идеальная цѣль, которую можно было бы охарактеризовать какъ борьбу съ стремленіями системы официальной народности, была и общая почва, стоя на которой, представители обѣихъ партій мѣрились силами въ полупуточныхъ, полусерьезныхъ турнирахъ, происходившихъ въ различныхъ московскихъ гостинныхъ чаще всего въ домѣ А. П. Елагинной; лишь изрѣдка отголоски этихъ страстныхъ диспутовъ, веденныхъ со всею откровенностью, возможной въ частной бесѣдѣ, смутнымъ эхомъ долетали въ печать, весьма мало къ тому же и способную тогда къ точной передачѣ этихъ бесѣдъ. Такою общей почвой служила именно философія Гегеля, съ одинаково ревностнымъ усердіемъ изучавшаяся тогда обѣими партіями, «западными» и «славянами», какъ называли они другъ друга, названія, позднѣе преобразившіяся въ западничество и славянофильство. Интересъ тѣхъ и другихъ къ ученію гегелианства вызывался, однако, совершенно различными мотивами и не мѣшалъ имъ приходиться къ противоположнымъ выводамъ въ оцѣнкѣ

*) Тамъ же, II, 31, 63.

этого учения. Въ то время, какъ западники, ставъ по отношенію къ Гегелю на точку зрѣнія, впервые указанную имъ Герценомъ и затѣмъ поддержанную нѣмцами, т. н. лѣвыми гегелианствомъ, придавали его философіи прогрессивный характеръ и стремились наполнить ея абстрактныя схемы реальнымъ содержаніемъ науки, славянофилы, признавая всю мощь діалектическаго таланта Гегеля, пользовались сознанный уже пустотой его логическихъ схемъ, чтобы подорвать довѣріе къ самому ихъ источнику и дискредитировать заодно западную цивилизацію и точную науку. Въ гегелевскомъ ученіи они видѣли высшій, но вмѣстѣ и самый печальный плодъ цивилизаціи Запада, потому, какъ выражался впоследствии Ив. Кирѣевскій, «что самое торжество ума европейскаго обнаружило односторонность его коренныхъ стремленій, потому что при всемъ богатствѣ, при всей, можно сказать, громадности частныхъ открытій и успѣховъ въ наукахъ, общій выводъ изъ всей совокупности знанія представилъ только отрицательное значеніе для внутренняго сознанія человѣка» *). При соединяясь къ наиболѣе рѣзкому проявленію реакціи противъ абстракцій Гегеля въ самой Германіи, выразителемъ которой явился Шеллингъ, славянофилы противопоставляли логикѣ, какъ низшему способу познанія, познаніе чрезъ чувство, какъ высшее, и звали русскій образованный классъ «изъ подъ гнета разсудочныхъ системъ европейскаго любомудрія» «въ глубину особеннаго, недоступнаго для западныхъ понятій, живаго, цѣльнаго умозрѣнія Святыхъ Отцовъ Церкви», которое, въ противоположность воспитанному въ Западной Европѣ университетами мировоззрѣнію, хранилось «въ древней Россіи молитвенными монастырями, сосредоточивавшими въ себѣ высшее знаніе», а теперь хранится низшими слоями народа и церковью **). Противоположность воззрѣній обѣихъ группъ нѣкоторое время смягчалась личными дружескими отношеніями ихъ главныхъ представителей, умѣвшихъ уважать другъ въ другѣ крупныя умственные силы и благородство характера. Порою проявленія такихъ отношеній даже выходили изъ четырехъ стѣнъ интимной жизни и пріобрѣтали характеръ публичныхъ дѣйствій. Статьи Герцена и Грановскаго появлялись, хотя и очень рѣдко, въ «Москвитинѣ», органѣ партіи, хотя и не тождественной съ славянофильствомъ, но наиболѣе къ нему близкой, по мѣткому и образному выраженію Герцена, составлявшей его «тяжелую гѣхоту».

Чѣмъ болѣе выяснялось, однако, коренное различіе двухъ мировоззрѣній, тѣмъ труднѣе становилось поддерживать подобныя сердечныя отношенія. Когда же съ обѣихъ сторонъ сдѣланы были

*) Московскій Сборникъ, 1852, 6. Статья Кирѣевскаго «О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи», изъ которой мы беремъ эти строки, едва-ли не наиболѣе полно и вѣрно вскрываетъ общій философскій характеръ славянофильства.

***) Тамъ же, 66, 61.

рѣшительныя попытки къ проведенію своихъ теорій въ жизнь, ихъ полная непримиримость рѣзко выступила наружу, разрывъ сталъ неизбежнымъ. Поводовъ къ нему накопилось много на первыхъ же шагахъ. Споръ партій перенесенъ былъ изъ московскихъ салоновъ въ болѣе широкіе круги, на страницы журналовъ и въ аудиторіи университета. Въ Петербургѣ стоялъ Бѣлинскій, непримиримая и рѣзкая послѣдовательность котораго мало соответствовала и разносторонней и живой любознательности Герцена, и мягкой терпимости Грановскаго, дававшимъ имъ возможность уживаться съ людьми противоположныхъ воззрѣній. «Я жидъ по натурѣ—пишущъ онъ первому, узнавъ о появленіи статьи Грановскаго въ «Москвитянинѣ»—и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу. Грановскій хочетъ знать, читалъ ли я его статью въ «Москвитянинѣ»? Нѣтъ, и не буду читать; скажи ему, что я не люблю ни видѣться съ друзьями въ неприличныхъ мѣстахъ, ни назначать имъ тамъ свиданія» *). Желчныя и страстныя выходки Бѣлинскаго противъ главарей «Москвитянина», отъ родства съ которыми было очень трудно, если не невозможно, всецѣло отказаться славянофиламъ, крайне раздражали послѣднихъ, а ихъ противники не могли не видѣть въ этихъ выходкахъ выраженія собственныхъ мнѣній, и такимъ образомъ литературная дѣятельность Бѣлинскаго враждебно настраивала оба лагеря. Когда въ 1842 г. онъ напечаталъ направленную противъ Шевырева сатирическую шутку «Педантъ», славянофилы требовали отъ московскихъ друзей критика чуть не формальнаго отреченія отъ него, но услышали отъ Грановскаго лишь заявленіе о полной солидарности съ нимъ **). Но и въ самой московской жизни явились уже поводы для рѣшительнаго раздора кружковъ, въ которомъ центральною фигурою пришлось быть Грановскому. Осенью 1843 года онъ открылъ свой первый публичный курсъ по исторіи, вызвавшій неслыханное оживленіе въ московскомъ обществѣ. Первоначально впечатлѣніе было такъ сильно, что всѣ партіи сошлись въ единодушномъ сочувствіи лектору, и Хомяковъ восхищался чтеніемъ Грановскаго не менѣе Герцена. Но скоро оправдалась и надежда, съ которой Грановскій начиналъ свой курсъ, — «заслужить и оправдать вражду своихъ враговъ». По мѣрѣ того, какъ выяснились основныя мысли лектора, сочувствіе къ нему въ части слушателей стало переходить въ раздраженіе. Изъ среды сотрудниковъ «Москвитянина» послышались упреки, что лекторъ съ пренебреженіемъ относится къ Россіи, отдавая всѣ свои симпатіи Западу, умышленно умалчиваетъ о религіи, не отстаетъ отъ основъ русскаго быта. Неблагодарный трудъ изложить эти упреки въ печати взялъ на себя тотъ же Шевыревъ. Грановскій отвѣчалъ на эти упреки съ каеэдръ. «Меня обвиняютъ,—ска-

*) Пыпинъ, Бѣлинскій, II, 234—5.

**) Тамъ же, II, 136—7.

заль онъ,—что я пристрастенъ къ Западу; я взялся читать часть его исторіи, я это дѣлаю съ любовью и не вижу, почему бы мнѣ должно читать ее съ ненавистью. Западъ кровавымъ потомъ выработалъ свою исторію, плодъ ея намъ достается почти даромъ, какое же право не любить его? Еслибъ я взялся читать нашу исторію, я увѣренъ, что и въ нее принесъ бы ту же любовь». Шумныя оваціи, сопровождавшія лекціи и не подававшіяся описаніямъ даже современниковъ, показали, что сочувствіе громаднаго большинства публики не на сторонѣ обвинителей. Когда же весной слѣдующаго года Грановскій окончилъ свой курсъ, восторгъ слушателей былъ такъ силенъ, что взрывъ его увлекъ обѣ партіи при всемъ ихъ враждебномъ настроеніи, и онъ соединились на обѣдѣ въ честь Грановскаго.

Но примиреніе уже не могло быть прочно. Обвиненія, посыпавшіяся на Грановскаго, не прошли ему даромъ: онъ чуть не былъ вынужденъ выдти изъ университета и долженъ былъ отказаться въ немъ отъ курса о французской революціи, едва сохранивъ за собою право читать о реформаціи *). Въ свою очередь Шевыревъ осенью 1844 года началъ читать публичный курсъ, пользовавшійся также немалымъ успѣхомъ, хотя совершенно противоположный курсу Грановскаго. Этотъ успѣхъ, впрочемъ, по мнѣнію Шевырева, зависѣлъ не отъ его лекторскихъ способностей. Объясняя хорошее впечатлѣніе на публику одной изъ своихъ лекцій, онъ писалъ Погодину: «не даромъ я наканунѣ провелъ часть въ молитвѣ и чтеніи житія св. Кирилла передъ его мощами, за которыя благодарю тебя. Позволь имъ еще погостить у меня денекъ, другой. Эта лекція была его внушеніемъ» **). За этими столкновеніями съ главарями «Москвитянина» послѣдовали новыя—уже съ представителями чистаго славянофильства, вызванныя попытками обѣихъ партій создать себѣ литературные органы въ Москвѣ. Грановскій и Евг. Коршъ еще въ 1842 г. обращались съ этою дѣлюю къ Погодину, рассчитывая взять отъ него «Москвитянина», не приносящій дохода въ неумѣлыхъ рукахъ своего редактора и тяготившій его самого, но этотъ шагъ, не смотря на то, что тогда между ними еще не было открытой вражды, не имѣлъ успѣха, такъ какъ Погодинъ поставилъ дѣло на принципиальную почву, на которой не могло быть достигнуто соглашеніе ***). Позднѣе, именно въ 1844 г., рѣшено было попытаться основать совершенно самостоятельный журналъ и, такъ какъ собранныхъ въ кружкѣ денегъ не хватало на покупу

*) Станкевичъ, «Т. Н. Грановскій», 142.

***) Барсуковъ, Живъ и труды М. П. Погодина, VII, 457.

***) Самъ Погодинъ своимъ грубовато-наивнымъ языкомъ передавалъ это такъ: «я спросилъ ихъ: возьмутъ ли они свято соблюдать нашу программу, отречутся ли отъ діавола и Отечественныхъ Записокъ, будутъ ли почитать христіанскую религію, уважать бракъ». Барсуковъ, Живъ и труды М. П. Погодина, VI, 280.

какого-либо изъ существующихъ изданій, Грановскій подалъ прошеніе о разрѣшеніи ему новаго ежемѣсячника. Почти одновременно славянофилы, стѣснявшіеся слишкомъ близкимъ союзомъ съ Погодинымъ и Шевыревымъ, и чувствовавшіе потребность нѣсколько освободиться отъ этого компрометирующаго союза, настояли на передачѣ «Москвитянина» подъ редакцію И. В. Кирѣвскаго. Обѣ эти попытки опять-таки не имѣли успѣха. Грановскому не было разрѣшено изданіе журнала, такъ какъ на докладѣ объ его прошеніи послѣдовала резолюція: «и безъ новаго довольно» *). Кирѣвскій началъ было съ 1845 года редактировать «Москвитянинъ», но не выдержавъ товарищества съ безпорядочнымъ, окуповатымъ и вмѣстѣ крайне ревнивымъ къ своей власти Погодинымъ, оставшимся издателемъ, бросилъ журналъ на третьей книжкѣ. Раньше, однако, чѣмъ опредѣлился неблагоприятный исходъ этихъ попытокъ, онѣ уже повлекли за собою разрывъ между партіями, изъ которыхъ исходили, вынудивъ каждую точнѣе обозначить собственную позицію и границы своего общенія съ противниками. Кирѣвскій звалъ Грановскаго и Герцена сотрудниками въ преобразовываемый «Москвитянинъ»; не отказываясь окончательно отъ его приглашенія въ силу высокаго уваженія къ его нравственной личности, оба они выставляли, однако, на видъ различіе мнѣній. Наконецъ, рѣшительное заявленіе Хомякова, что онъ не далъ бы статьи Грановскому, доставило возможность и другой сторонѣ, отбросивъ личныя симпатіи, высказаться столь же опредѣленно. Въ разгаръ непріязни, возбужденной этими объясненіями, Языковъ, прежній поэтъ афишированнаго разгула, сдѣлавшійся потомъ славянофиломъ «по родству» и воспѣвавшій Шевырева по пріязни, вмѣшался въ распрю, схватившись за оружіе, несомнѣнно чистое. Имъ были написаны и пущены по рукамъ два стихотворенія, направленные одно противъ всѣхъ западниковъ, другое противъ Чаадаева, считавшагося въ славянофильскомъ лагеря воплощеніемъ «западныхъ» началъ, хотя это и было далеко несправедливо. Въ первомъ изъ этихъ стихотвореній, авторъ, перебирая различныхъ западниковъ, посвящалъ Грановскому такія строки: «ты, сладкорѣчивый книжникъ, — оракулъ юношей-невѣждъ, — ты, легкомысленный сподвижникъ безпутныхъ мыслей и надеждъ», а ко всей партіи обращался съ рѣзкими упреками. «Не люблю вамъ — говорилось здѣсь — святое дѣло и слава нашей старины. Въ васъ не живетъ, въ васъ помертвѣло родное чувство... Въ васъ живетъ любовь не къ истинѣ и благу. Народный гласъ — онъ Божій гласъ. Не онъ рождаетъ въ васъ отвагу. Онъ страненъ, дикъ, онъ чуждъ для васъ... Русская земля отъ васъ не приметъ просвѣщенія. Вы страшны ей. Вы влюблены въ свои предательскія мнѣнія и святотатственные сны... Умолкнетъ ваша злость пустая, замретъ проклятый вашъ языкъ. Крѣпка,

*) Тамъ же, VII, 442.

надежна Русь святая и русский Богъ еще великъ» *). Другое стихотвореніе изобиловало еще болѣе рѣзкими и недвусмысленными выраженіями. Появленіе этихъ «юридическихъ документовъ» въ стихахъ вызвало бурю. Болѣе прямодушные и чистые изъ славянофиловъ вознегодовали на поступокъ Языкова. Ив. Аксаковъ отвѣтилъ ему стихотвореніемъ же, въ которомъ отрекался отъ него, обзывая его «союзникомъ гнилымъ». Но такъ отнеслись къ дѣлу далеко не всѣ славянофилы, и запутанныя отношенія едва не разрѣшились дуэлью Грановскаго съ И. Кирѣевскимъ. Разрывъ сталъ неизбеженъ, и партіи разошлись окончательно, хотя многіе изъ членовъ ихъ обѣихъ повиновались этой необходимости лишь съ тяжелымъ сердцемъ. К. Аксаковъ простился съ Герценомъ и Грановскимъ особенно трогательно. Къ послѣднему онъ пріѣхалъ ночью, разбудилъ его и, сжимая въ своихъ объятіяхъ, объявилъ, что пришелъ, сохраняя къ нему глубокое уваженіе, проститься съ нимъ, какъ съ представителемъ враждебныхъ взглядовъ, и порвать старую дружбу. Личныя чувства при всей ихъ силѣ не могли, однако, замѣнить единства воззрѣній. Неумолимая логика идей брала свое, и разошедшіяся въ разныя стороны партіи скоро очутились на такомъ разстояніи одна отъ другой, что почти утратили способность взаимнаго пониманія и послѣдніе слѣды недавняго общенія. Въ роковомъ для жизни русскаго общества 1848 году, когда западники возбужденно примыкали къ европейскимъ движеніямъ, ждали на роднѣ либеральныхъ дѣйствій въ крестьянскомъ вопросѣ, а позднѣе пытались въ виду надвигавшейся реакціи придать хоть какую-нибудь организацію общественнымъ силамъ, славянофилы или, какъ Ив. Аксаковъ, мечтали, что въ эпоху, «когда весь Западъ отрекается отъ всѣхъ своихъ началъ», «выростаетъ громадное значеніе Россіи» и «Государь надѣнетъ скоро или позволитъ носить русское платье» **), или же, какъ И. Кирѣевскій, проповѣдуя полную апатію, вмѣстѣ угрюмо ворчали даже прѣотивъ введенія инвентарныхъ правилъ ***). Они позволили опередить себя даже Погодину, намѣревавшемуся было въ это время послать адресъ объ освобожденіи литературы отъ излишнихъ цензурныхъ стѣсненій,—мысль, послѣдшнею остановленная тѣмъ же Кирѣевскимъ, не видѣвшимъ большой бѣды въ томъ, что «наша литература будетъ убита на два или на три года». Полнѣе нельзя было оправдать разрывъ 1845 года

На первыхъ же порахъ послѣ этого разрыва выяснилось и то, на сторону какой изъ выступившихъ передъ обществомъ партій

*) Вѣстникъ Европы, 1871, № 9, с. 43—4.

**) И. С. Аксаковъ. М. 1888, с. 438—9.

***) Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина. IX. 303. Хомяковъ еще въ 1845 г. писалъ: «Досадно; когда видишь, что Загоскинъ (хоть онъ и славный человекъ) за насъ, а Грановскій противъ насъ: чувствуешь, что съ нами за одно только инстинктъ, а умъ и мысль съ нами мириться не хотятъ». Р. Архивъ, 1879, III, 318.

склоняется сочувствіе молодой его части. Поводъ къ уясненію этого обстоятельства опять доставленъ былъ частнымъ эпизодомъ изъ жизни Грановскаго—защитою имъ магистерской диссертациі. Представленная имъ въ факультетъ работа едва не была отвергнута по старавіямъ Шевырева и Бодянскаго, раздраженныхъ доказательствами автора, что пресловутая славянская Винета представляетъ собою не болѣе, какъ мнѣ. Диспутъ всетаки состоялся 21 февраля 1845 г., и тогда, какъ Грановскаго студенты встрѣтили и провожали шумными аплодисментами, его противники были обвистаны, не столько даже въ виду несостоятельности ихъ возраженій, сколько въ видѣ осужденія всѣхъ ихъ дѣйствій въ данномъ эпизодѣ, болѣе или менѣе извѣстныхъ слушателямъ. Эти оваціи по отношенію къ Грановскому, продолжавшіяся и на послѣдовавшихъ его лекціяхъ, навлекли было на него новыя обвиненія, грозившія прекратить его дѣятельность, и ему же было поручено успокоить студентовъ. Онъ выполнилъ это порученіе такъ, что его тогдашняя рѣчь осталась образцомъ рѣчи профессора къ студентамъ. Прося ихъ воздержаться отъ дальнѣйшихъ внѣшнихъ проявленій симпатіи къ нему, вполнѣ уже уяснившейся, онъ сказалъ, между прочимъ: «я знаю, что страхомъ васъ нельзя остановить. Меня заставляютъ говорить причины болѣе разумныя, болѣе достойныя и меня, и васъ. Мы, равно и вы, и я, принадлежимъ къ молодому поколѣнію—тому поколѣнію, въ рукахъ котораго и жизнь, и будущность. И вамъ, и мнѣ предстоитъ благородное и, надѣюсь, долгое служеніе нашей великой Россіи,—Россіи, преобразованной Петромъ, Россіи, идущей впередъ и съ равнымъ презрѣніемъ внимающей и клеветамъ иноземцевъ, которые видятъ въ насъ только легкомысленныхъ подражателей западнымъ формамъ, безъ всякаго собственнаго содержанія,—и старческимъ жалобамъ людей, которые любятъ не живую Русь, а ветхій призракъ, вызванный ими изъ могилы, и нечестиво преклоняются предъ кумиромъ, созданнымъ ихъ празднымъ воображеніемъ. Побережемъ же себя на великое служеніе» *). Успѣхъ этой рѣчи былъ вмѣстѣ и новой побѣдой направленія, представлявшагося ораторомъ. Съ этой поры Грановскій въ глазахъ студентовъ сталъ неоспоримо первымъ лицомъ въ ряду профессорской коллегіи и размѣръ симпатіи къ нему, при всемъ участіи въ возбужденіи этой симпатіи личныхъ свойствъ его характера и таланта, весьма ясно указывалъ, какое направленіе находило себѣ болѣе adeptовъ среди университетской молодежи.

Исповѣдывавшій это направленіе кругъ лицъ, занявшихъ боевую позицію по отношенію къ славянофильству, не надолго сохранилъ, однако же, полное единство и въ собственной средѣ. Дальнѣйшее обсужденіе тѣхъ спорныхъ вопросовъ, по которымъ въ присутствіи славянофиловъ чувствовали себя вполнѣ солидарными всѣ

*) Станкевичъ, Т. Н. Грановскій, 147.

члены круга, указало новых точки зрѣнія и вскрыло различны отѣнки мысли внутри самого западническаго стана. Первымъ сталъ на очередь вопросъ о народности, подвергшійся теперь разсмотрѣнiю съ иной стороны. Для нѣкоторыхъ членовъ кружка, увлеченныхъ защитою обще-человѣческой цивилизаціи и правъ личности, вопросъ о характерѣ отношенія между личностью и массою народа рѣшался всецѣло въ пользу первой и на долю втораго доставалось въ такомъ случаѣ сострадательное или даже полу-презрительное пренебреженіе. Одно время и Бѣлинскій, менѣе всего повинный въ такомъ взглядѣ на практикѣ, въ пылу спора съ славянофильствомъ допускалъ съ обычною своею страстностью такіа тирады въ этомъ смыслѣ, которыя не могли уже быть истолкованы, какъ простыя полемическія украшенія журнальной рѣчи. Адвокатомъ нравственнаго достоинства народа и проповѣдникомъ уваженія къ нему явился на этотъ разъ тотъ же Грановскій, который при другихъ условіяхъ былъ пропагандистомъ идеи личности. Всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ разрыва съ славянофилами онъ уже счелъ необходимымъ точнѣе обозначить свою точку зрѣнія въ данномъ вопросѣ, возставъ противъ практиковавшихся Бѣлинскимъ приѣмовъ полемики, какъ оправдывающихъ ложную мысль и служащихъ къ распространенію презрительныхъ взглядовъ на народность; къ его рѣшительному заявленію, что онъ въ томъ вопросѣ сознаетъ себя стоящимъ ближе къ славянофиламъ, чѣмъ къ «Отечественнымъ Запискамъ» и вообще къ западникамъ, присоединился и Герценъ *). Возникшее разногласіе, поскольку оно касалось Бѣлинскаго, задѣвало все же болѣе форму, нежели сущность его взглядовъ, и потому, уясняя поднятый вопросъ, производя даже по нему нѣкоторое раздѣленіе въ западническомъ кругу, не влекло за собою разъединенія его главныхъ вождей. Бѣлинскій очень скоро самъ сталъ на точку зрѣнія, указывавшуюся ему Грановскимъ, и выразилъ ее еще опредѣленнѣе и рѣзче.

Болѣе глубокое и существенное разногласіе произошло между главными представителями кружка по другимъ вопросамъ. Съ начала сороковыхъ годовъ въ его интересахъ вопросы эстетическіе стали уступать свое мѣсто общественнымъ, и самыя философскія проблемы получили болѣе ясную и опредѣленную постановку. Изученіе Гегеля и его правовѣрныхъ послѣдователей замѣнилось изученіемъ философскихъ построеній нѣмецкаго лѣваго гегелианства и критики социальныхъ условій современности, какая производилась во французской литературѣ. Фейербахъ, Фурье, Прудонъ, Луи-Бланъ приковали въ себѣ вниманіе московскихъ гегелианцевъ и въ результатѣ такого увлеченія новыми интересами, характерныя ранѣе для

*) См. рассказъ Анненкова («Замѣчательное десятилѣтіе»), именно наставляющаго на томъ, что такіа мысли въ кругу западниковъ впервые были высказаны Грановскимъ.

западничества, умѣренность въ политическихъ вопросахъ и пантеизмъ въ сферѣ философіи стали преобразоваться въ общественный радикализмъ и философскій материализмъ. Руководящая роль въ этомъ направленіи принадлежала Герцену, обнаруживавшему всегда особенную чуткость къ вопросамъ общественной жизни и вмѣстѣ ранѣ всѣхъ лицъ своего круга сознававшему тщету попытокъ удержатъ въ новыхъ философскихъ формулахъ старое идейное содержаніе. Бѣлинскій, позднѣе и подъ прямымъ вліяніемъ Герцена вступившій на этотъ путь, пошелъ по нему неуклонно и послѣдовательно. Иначе обстояло дѣло съ Грановскимъ. Будучи болѣе подготовленъ къ пониманію вопросовъ общественной жизни, онъ могъ на первыхъ же порахъ стать рука объ руку съ Герценомъ, но его мягкая натура не позволяла ему всецѣло присоединиться къ тѣмъ крайнимъ рѣшеніямъ, какія безъ особыхъ жертвъ и легко давались рѣзкому критическому уму его друга. Идея личности заняла центральное мѣсто въ общественномъ міросозерцаніи Грановскаго, но проводилъ онъ эту идею въ политическихъ вопросахъ съ сравнительною умѣренностью, выражая подчасъ свое сочувствіе такимъ явленіямъ современности, которые у другихъ лицъ его круга вызывали почти безусловное осужденіе, вродѣ іюльской монархіи во Франціи и въ частности правительственной системы Гизо. Та же черта природной умѣренности характера сказывалась и въ отношеніи его къ другой сторонѣ общественныхъ вопросовъ современности, именно къ тѣмъ проблемамъ, какія были поставлены экономической жизнью Западной Европы и доходили до русскаго общества чрезъ посредство французской литературы сороковыхъ годовъ. Раздѣляя господствовавшее въ западныхъ кругахъ увлеченіе послѣдней и присоединяясь къ тѣмъ общимъ требованіямъ, какія ставились ею отъ имени рабочихъ массъ, Грановскій и здѣсь не шелъ такъ далеко по пути восторженнаго энтузіазма, какъ ближайшіе его друзья. Можно думать, однако, что въ этомъ случаѣ въ немъ, помимо безсознательнаго консерватизма его мягкой натуры, невольно возбуждавшагося тою рѣзкою антитезою, какая проводилась тогда между завѣтами прошлаго и идеалами будущаго и которая осуждала на гибель едва не всѣ плоды современной цивилизаціи, дѣйствовали и другія, болѣе глубокія и серьезныя побужденія. Принимая конечные выводы новыхъ социальныхъ системъ, онъ, повидимому, подвергалъ критикѣ преимущественно способы ихъ пракческаго осуществленія, проектированныя эпохою. «Соціализмъ,—говорилъ онъ, по словамъ Анненкова,—чрезвычайно вреденъ тѣмъ, что приучаетъ отыскивать разрѣшеніе задачъ общественной жизни не на политической аренѣ, которую презираетъ, а въ сторонѣ отъ нея, чѣмъ и себя, и ее подрываетъ». Такого рода возраженіе, конечно, не могло быть приложено ко всей критикуемой системѣ, но оно во всякомъ случаѣ очень мѣтко указывало одну изъ слабыхъ сторонъ француз-

скаго социальнаго движенія той поры и, еще гораздо болѣе того, отраженія, какое получило послѣднее въ русской общественной средѣ, и въ немъ заключалась возможность весьма серьезной поправки къ широкимъ мечтамъ Герцена, такъ мало, въ смыслѣ надеждъ на немедленное осуществленіе въ современной имъ жизни, оправданнымъ суровою дѣйствительностью. Вопросы практической политики слишкомъ далеко стояли, однако, отъ жизни русскаго общества въ сороковыхъ годахъ для того, чтобы эти разногласія могли принять вполнѣ опредѣленную форму, и пріобрѣсти серьезное значеніе. При различіи мнѣній въ частностяхъ, единство въ общихъ взглядахъ могло и продолжало существовать при отсутствіи почвы для ихъ непосредственнаго примѣненія. Иной вопросъ, болѣе отвлеченный, но и болѣе видный и болѣе жгучій въ порядкѣ развитія идей кружка, нарушилъ это единство.

Тогда какъ въ Грановскомъ знакомство съ гегелевскою философіею лишь преобразовало, но не уничтожило основы старыхъ его воззрѣній на духовную сторону человѣческой природы, для Герцена примиреніе конечнаго съ безконечнымъ путемъ логическихъ приемовъ Гегелевской діалектики послужило лишь кратковременной переходною ступенью къ новому міровоззрѣнію, которое было выработано имъ еще за время пребыванія въ Новгородѣ, при помощи Фейербаха, и въ основу котораго легла мысль объ единствѣ духа и матеріи. Это обстоятельство ставило его на твердую почву и въ спорахъ съ славянофилами объ относительной роли философіи и преданія, давая возможность отвѣчать на упреки противниковъ въ безсиліи разсудочнаго мышленія дать удовлетвореніе непосредственному чувству полнымъ отрицаніемъ такой обязанности за философіею, и провозглашеніемъ обязательности единственно ея выводовъ. Грановскій слѣдовалъ при этомъ за его аргументами лишь до той поры, пока они направлялись противъ общихъ противниковъ, отказываясь присоединиться къ послѣднимъ выводамъ изъ нихъ. Въ немъ самомъ порывы чувства порою пересиливали и заслоняли требованія логики; его мысль, наполовину совершавшаяся въ образахъ, была лишена той строгой опредѣленности и быстроты логическихъ соображеній, которая отличала умъ его друга; наконецъ, долгія и вдумчивыя занятія по преимуществу духовной стороной исторіи давали ему чувствовать натяжки философскаго матеріализма, и онъ долго уклонялся отъ послѣдняго слова въ этомъ вопросѣ. Когда же въ 1846 г. Герценъ и Огаревъ ребромъ поставили спорный вопросъ, требуя признанія своей точки зрѣнія на него, какъ единственно научной, онъ отказался продолжать споръ на эту тему. Вѣщность дружбы осталась въ кружкѣ и въ лицѣ остальныхъ своихъ членовъ, раздѣлившимся по данному вопросу, и послѣ того неприкосновенной, но во внутреннихъ отношеніяхъ была проведена рѣзкая разграничительная линія. Въ 1847 г. Герценъ выѣхалъ за-границу, унося съ собою сознание

разрыва, въ слѣдующемъ году смерть унесла Вѣлинскаго, и Грановскій, лишенный наиболѣе близкихъ друзей, остался одинокимъ передъ надвигавшимся самымъ мрачнымъ періодомъ его жизни.

Этотъ разрывъ его съ Герценомъ считается часто окончательнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ самъ Грановскій въ послѣдніе годы жизни изображается, какъ глава и типичный представитель средняго, умѣреннаго западничества. Что во взглядахъ Грановскаго была извѣстная доля умѣренности, отличавшая его отъ бывшаго союзника по диспутамъ съ славянофилами, съ этимъ спорить не приходится. Но, и признавая это, мы склонны думать, что въ названной характеристикѣ кроется значительное преувеличеніе, и что вмѣстѣ въ ней стираются весьма существенные оттѣнки духовной личности изображаемаго человѣка. Подобное изображеніе, какъ кажется, всецѣло унаслѣдовано нашей литературой отъ перваго біографа Грановскаго—Станкевича. Но при всѣхъ крупныхъ достоинствахъ этой замѣчательной книги, авторъ ея именно въ характеристикѣ послѣднихъ годовъ жизни героя своего рассказа далъ слишкомъ много мѣста своимъ субъективнымъ взглядамъ и сообщилъ этой характеристикѣ нѣсколько произвольную окраску, подкрѣпивъ ее случайными болѣе или менѣе показаніями (причемъ въ число таковыхъ были привлечены и рѣзкія слова, вырвавшіяся у Грановскаго въ минуту раздраженія на отсутствующаго друга) и упустивъ прямые и врядъ ли поддающіяся двойному истолкованію свидѣтельства, исходящія отъ наиболѣе заинтересованныхъ въ данномъ случаѣ лицъ.

Въ дѣйствительности старая дружба выдержала тяжелое и долго длившееся испытаніе, но не порвалась совершенно. Не исчезло навсегда и единство взглядовъ, нарушеніе котораго сопровождалось для обѣихъ сторонъ такою тяжелою душевною болью. Размовка длилась нѣкоторое время, но уже выходя въ 1847 г. «Записокъ доктора Крупова» далъ поводъ къ возобновленію прежнихъ личныхъ отношеній. «Круповъ, писалъ Грановскій, снялъ у меня съ души что-то ее сжимавшее, отъ чего ей было неловко съ тобою. Мнѣ кажется, что я опять слышу твой смѣхъ, что я опять вижу тебя во всей красотѣ и молодости твоей природы... Дай же руку, carissime!» *). Нѣсколько позже онъ возобновилъ и ту бесѣду, которая раздѣлила его съ отсутствующими друзьями во время ихъ пребыванія въ Россіи. «Время это—говорилъ онъ теперь—прошло не безъ пользы для меня. Я вышелъ побѣдителемъ изъ худшей стороны самого себя. Того романтизма, за который вы обвиняли меня, не осталось слѣда». Эти строки, написанныя въ 1849 г. и подтверждаемыя другими свидѣтельствами современниковъ **), не

*) Сѣверный Вѣстникъ, 1896, № 1, 62—3.

**) С. М. Соловьевъ въ своихъ запискахъ указываетъ на деликатность Грановскаго, въ противоположность Герцену, въ отъѣздахъ о чужихъ убѣ-
№ 7. Отдѣлъ 1.

оставляют никакого сомнѣнія въ томъ, что главное разногласіе между вождями московскаго западничества съ теченіемъ времени окончательно устранилось, хотя при этомъ Грановскій, какъ можно догадываться, и не становился всецѣло на сторону философскаго матеріализма. Литературная дѣятельность Герцена за границую также вызывала нѣкоторыя возраженія со стороны Грановскаго. Онъ находилъ въ работахъ друга слишкомъ механическое воззрѣніе на исторію. «Для такого человѣчества, — замѣчалъ онъ, — какое ты представляешь въ статьяхъ своихъ, для такого скуднаго и бесплоднаго развитія не нужно великихъ и благородныхъ дѣятелей». Онъ протестовалъ и противъ тѣхъ увлеченій Герцена, въ которыхъ видѣлъ возрастающее сближеніе съ славянофилами: «глядя на пороки Запада, ты клонишься къ славянамъ и готовъ подать имъ руку. Пожилъ бы ты здѣсь и ты сказалъ бы другое» *). Онъ пытался, наконецъ, замкнуть дѣятельность друга въ такія рамки, оставаясь въ которыхъ, она могла, по его убѣжденію, имѣть непосредственное практическое значеніе въ русской жизни, для которой онъ видѣлъ «страшную потерю» въ уходѣ на сторону такой громадной силы. Не надо забывать и того, что періодъ наиболѣе громкой дѣятельности Герцена тогда только еще начинался. Во всякомъ случаѣ все это представляло собою не болѣе, какъ частныя несогласія, не имѣвшія подъ собою глубокой принципиальной почвы и не мѣшавшія Грановскому, въ концѣ концовъ, стоять ближе въ основныхъ воззрѣніяхъ къ далекому другу, чѣмъ къ складывавшейся въ Москвѣ, въ частности среди молодыхъ профессоровъ университета, фракціи умѣреннаго западничества, члены которой охотно выставили Грановскаго своимъ главой, хотя не могли не чувствовать въ немъ человѣка, сближеннаго съ ними болѣе характеромъ и обстоятельствами, чѣмъ убѣжденіями **). Надо помнить также, что «модерація» Грановскаго, которая такъ сердила Бѣлинскаго, порою все же вліяла на него, имѣла точно опредѣленные границы и никогда не переступала за предѣлы ува-

женія: «онъ не только никогда не отзывался рѣзко при мнѣ о христіанствѣ, но, оставаясь со мною наединѣ, особенно впослѣдствіи, любилъ завести со мною разговоръ о христіанствѣ, выказывая къ нему самую сильную симпатію, проговариваясь о зависти, какую чувствовалъ къ людямъ вѣрующимъ». Р. Вѣстникъ, 1896, № 4, 2. Эту мягкость отзывовъ, въ соединеніи съ неполной удовлетворенностью положеніями философскаго матеріализма, иные принимали за отсутствие прочныхъ убѣжденій.

*) Сѣверный Вѣстникъ, 1896, № 1, с. 64—66 (письма 1851 и 1854 гг.).

**) Станкевичъ приводитъ (Т. Н. Грановскій, 297) рѣзкіе отзывы Грановскаго о Герценѣ въ 1855 г. и даже сравненіе послѣдняго съ Погодинымъ. Довольно однако просмотрѣть недавно опубликованныя письма Грановскаго къ самому Герцену, чтобы видѣть, что подобные отзывы были результатомъ гнѣвнаго раздраженія минуты, а не прочнаго настроенія. «О тебѣ, пишетъ онъ въ 1851 г., осталось исполненное любви воспоминаніе не у однихъ насъ, близкихъ тебѣ». «Изъ сочиненій твоихъ, говорится въ

женія ко всякому искреннему и чистому убѣжденію, чуждому заднихъ цѣлей.

Обстановка русской общественной жизни конца сороковыхъ и начала пятидесятихъ годовъ мало благопріятствовала, однако, разбѣденію сколько-нибудь близкихъ группъ. Среди свирѣпыхъ волкъ разбушевавшейся реакціи приходилось болѣе всего заботиться о сохраненіи имѣвшихся уже на лицо приобрѣтеній юной русской общественности, и силы Грановскаго были посвящены главнымъ образомъ выполненію этой тяжелой обязанности. Въ самомъ началѣ роковаго періода 1848—54 гг. онъ, однако, дважды едва не былъ вынужденъ покинуть свой отвѣтственный и почетный постъ на кафедрѣ. Въ первый разъ онъ самъ собирався оставить университетъ. Поводомъ къ этому послужило то обстоятельство, что одинъ изъ молодыхъ преподавателей, вступившихъ на московскія кафедры въ концѣ тридцатыхъ годовъ, Н. И. Крыловъ, позволилъ себѣ такіе поступки, которые Грановскій считалъ несомнѣтельными съ достоинствомъ служенія образованію молодежи. Вмѣстѣ съ Кавелинымъ и Рѣдкинымъ онъ заявилъ о своей готовности выйти въ отставку, если Крыловъ останется въ Московскомъ университетѣ. Сперва казалось, что министерство уступить требованію лучшихъ профессоровъ, но затѣмъ его настроеніе измѣнилось, и рѣшеніе послѣдовало въ пользу Крылова. «*Jus Romani*—писалъ по этому поводу Хомяковъ—одержалъ полную побѣду, и я этому бы очень радовался, если бы ученый не былъ такой ужасный взяточникъ» *). Кавелинъ и Рѣдкинъ просили отставки и получили ее, но Грановскому, какъ пользовавшемуся во время заграничной поѣздки казенной стипендіей и еще не отслужившему за нее обязательнаго срока, было отказано въ его просьбѣ, и онъ былъ вынужденъ остаться въ университетѣ. Впрочемъ, желаніе покинуть послѣдній исчезло у него, когда онъ увидѣлъ, какими опасностями грозитъ разгоравшееся реакціонное движеніе дѣлу университетскаго образованія, и онъ рѣшилъ оставаться на своемъ посту до послѣдней возможности. Почти въ то же время вопросъ о сохраненіи за нимъ кафедры былъ снова поднятъ, и уже не въ такомъ благопріятномъ для него смыслѣ. Его имя оказалось запутаннымъ въ дѣло о кружкѣ Петрашевцевъ, и это едва не навлекло на него тяжелыхъ послѣдствій. Въ руки слѣдственной комиссіи по этому дѣлу попало перехваченное письмо одного изъ членовъ названнаго кружка, Плещеева, писанное изъ Москвы

письмѣ 1854 г., нѣкоторыя дошли и къ намъ. Друзья твои прочли ихъ съ жадностью, любовью и грустью... Когда случай сводитъ насъ вмѣстѣ, разсѣянныхъ теперь, твое имя чаще всѣхъ другихъ раздается между нами». Сѣв. Вѣстн., 1896, № 1. Съ другой стороны, хотя бы записки С. М. Соловьева дадутъ чувствовать ту грань, которую проводили настоящіе «умѣренные» западники между собою и Грановскимъ.

*) Р. Архивъ, 1884, № 4, 304.

26 марта 1849 г., въ которомъ онъ говорилъ о Грановскомъ, Кудрявцевѣ и Соловьевѣ, какъ о лучшихъ профессорахъ мѣстнаго университета, прибавляя вмѣстѣ, что первые два изъ нихъ и наиболѣе популярны среди студентовъ, и замѣчая о Грановскомъ, что онъ «человѣкъ чрезвычайно живой, энергическій, бойкій, вѣчно держащій оппозицію здѣшнему университетскому начальству, которое до того подло и гнусно, что трудно вообразить себѣ» *). По поводу этого письма коммиссія признала нужнымъ обратиться съ запросомъ къ московскому военному губернатору, гр. Закревскому, а послѣдній въ свою очередь запросилъ тогдашняго попечителя, Д. П. Голохвастова, о всѣхъ трехъ инкриминированныхъ профессорахъ, потребовавъ свидѣнія объ ихъ образѣ жизни и мыслей, отношеніи къ университетскому начальству и о духѣ и направленіи ихъ лекцій. Голохвастовъ на эти вопросы отвѣчалъ: «Въ образѣ жизни всѣхъ ихъ ничего предосудительнаго не извѣстно. По образу мыслей и ученому направленію всѣ трое могутъ похвастаться противниками т. н. славянофиловъ и скорѣе склонными къ европеизму, что и можно было замѣтить изъ сочиненій, помѣщенныхъ ими въ разныхъ петербургскихъ журналахъ. Въ отношеніи къ университетскому начальству никогда не были замѣчены въ сопротивленіи или нарушеніи должнаго къ нему уваженія. Въ отношеніи къ студентамъ, какъ преподаватели усердные, трудолюбивые и знающіе свое дѣло, всегда пользовались ихъ уваженіемъ и любовью; но чтобы входили съ ними въ nepозволительныя связи или сношенія, того извѣстно не было. Что касается до духа и направленія ихъ лекцій въ настоящее время, то съ этой стороны также ничего вреднаго не замѣтно, тѣмъ болѣе, что, какъ люди весьма умные, они очень хорошо понимаютъ, что, въ особенности со времени послѣднихъ событій въ Европѣ, надзоръ со всѣхъ сторонъ долженъ быть усиленъ и что еслибы они позволяли себѣ на лекціяхъ, посѣщаемыхъ многими молодыми людьми, говорить что-либо противное духу правительства, то это никакъ не могло бы остаться тайною» **). Этотъ отвѣтъ не могъ, однако же, усыпить подозрительность гр. Закревскаго, возбужденная мнительность котораго, заставлявшая его видѣть въ однихъ словахъ: западничество и славянофильство что-то nepозволительное, позволяла ему уже въ 1858 г. доходить до аттестаціи В. А. Кокорева, какъ «западника, демократа и возмутителя, желающаго безпорядковъ», М. П. Погодина, какъ «корреспондента Герцена, литератора, стремящагося къ возмущенію», и Ю. Е. Самарина, какъ «славянофила и литератора, желающаго безпорядковъ и на все готоваго» ***). Въ данномъ случаѣ изъ представленнаго имъ

*) Сѣв. Вѣстникъ, 1896, № 1.

***) Р. Архивъ, 1887, II, 522—3.

***) Р. Архивъ, 1885, № 7, 449—50.

въ слѣдственную комиссію отзыва было «видно, что по собраннымъ секретнымъ свѣдѣніямъ о всѣхъ обстоятельствахъ, относящихся до Грановскаго и Кудрявцева, оказалось, что Грановскій, отправляя должность ординарнаго профессора, въ сентябрѣ 1839 года началъ въ тамошнемъ университетѣ чтеніе лекцій—средней и новой исторіи, что человекъ онъ характера пылкаго, но непостояннаго и готовъ сближаться съ каждымъ, въ прошедшемъ году намѣревался выйти въ отставку, но сего не исполнилъ и на первой лекціи настоящаго курса сказалъ въ объясненіе своихъ поступковъ: «снова принимаюсь за дѣло, но не съ той охотой, какъ прежде. Я имѣлъ намѣреніе оставить университетъ, но по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ принужденъ опять продолжать». Съ студентами онъ обходится, какъ съ товарищами, чрезвычайно ими любимъ и потому имѣетъ на нихъ большое вліяніе. Находится въ дружбѣ съ адъюнктомъ Кудрявцевымъ и въ особенности съ купеческимъ сыномъ Боткинымъ, пріятелемъ того Бакунина, который проживаетъ за границею. Кудрявцевъ же состоитъ преподавателемъ въ тамошнемъ университетѣ съ 15 авг. 1847 г., студентами любимъ и обращается съ ними такъ же, какъ и Грановскій; по отзыву университетскаго начальства ни Грановскій, ни Кудрявцевъ не оказывали оному ни малѣйшаго сопротивленія, держали всегда себя въ границахъ должнаго уваженія и въ духѣ и въ направленіи ихъ лекцій не замѣчено ничего вреднаго. Къ сему гр. Закревскій присовокупилъ, что для положительнаго познанія объ образѣ мыслей Грановскаго и Кудрявцева слѣдовало бы произвести у нихъ внезапный обыскъ и тщательно разсмотрѣть всѣ ихъ бумаги, но въ настоящее время послѣ арестованія Плещеева мѣра сія, по мнѣнію его, гр. Закревскаго, не обѣщаетъ важнаго результата и можетъ принести болѣе вреда, нежели пользы. По сему уваженію гр. Закревскій призналъ достаточнымъ ограничиться нынѣ учрежденіемъ строжайшаго секретнаго надзора за Грановскимъ и Кудрявцевымъ и, если по оному обнаружится что-либо предосудительное, то принять тогда рѣшительныя мѣры. Слѣдственная комиссія, усматривая изъ отзыва генералъ-адъютанта гр. Закревскаго, что означенное мнѣніе его въ отношеніи профессоровъ Грановскаго и Кудрявцева основано на соображеніи мѣстныхъ обстоятельствъ, которыя ближе ему извѣстны, нашлась въ необходимости, согласно этому мнѣнію, признать достаточнымъ учрежденный уже за Грановскимъ и Кудрявцевымъ строжайшій секретный надзоръ до тѣхъ поръ, пока гр. Закревскій не признаетъ нужнымъ принять мѣры рѣшительныя, о чемъ и сообщить чрезъ г. председателя г. военному министру, предоставляя такимъ образомъ весь дальнѣйшій ходъ этого обстоятельства гр. Закревскому».

Рѣшительныя мѣры, въ концѣ-концовъ, такъ и не были приняты, но надъ головою Грановскаго повисъ своего рода Дамокловъ мечъ,

каждую минуту грозившей обрушиться. Но не личная опасность дѣлала для него тяжелыми эти мрачные годы, а весь характер общественной жизни. Волненія, ознаменовавшія 1848 годъ въ Зап. Европѣ, повели къ чрезвычайнымъ мѣрамъ предосторожности внутри Россіи. Въ университетахъ была увеличена плата за слушаніе лекцій и установленъ комплектъ студентовъ—въ 300 человѣкъ. Печать была взята подъ присмотръ особаго печальной памяти комитета, почти совершенно задавившаго ее своими произвольными мѣрами, перешедшими всякую границу вѣроятія. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія самъ гр. Уваровъ, еще незадолго вынудившій гр. Строганова отказаться отъ должности почетителя въ Москвѣ, былъ признанъ не совсѣмъ подходящимъ къ потребностямъ времени и долженъ былъ смириться передъ дѣйствіями учрежденнаго по дѣламъ печати комитета. Особенное вниманіе было обращено на среднія учебныя заведенія, программы которыхъ подверглись радикальнымъ преобразованіямъ. Въ корпусахъ дѣйствовало знаменитое Ростовцевское «Наставленіе», предписывавшее, между прочимъ, преподавателямъ Закона Божія при изложеніи жизни І. Христа обращать главное вниманіе на «неуклонное исполненіе Имъ, въ продолженіе всей земной Своей жизни, возложеннаго на Него долга — до пожертвованія этому долгу самою жизнью». Учитель исторіи, по этому же рецепту, долженъ былъ при прохожденіи древней исторіи сообщать ученикамъ, что «высокій патріотизмъ, которому удивлялись въ подвигахъ греческихъ героевъ, былъ только высокій эгоизмъ Аэинянина или Спартанца, полный или ненависти, или презрѣнія ко всякому греку не-Аэинянину, не-Спартанцу», долженъ былъ разоблачать «мишурныя, театральныя добродѣтели многихъ героевъ Греціи и Рима» и указывать, что «никогда челоуѣчество не находилось на такой жалкой степени нравственнаго и политическаго униженія, какъ въ періодъ владычества римскаго», и именно римской республики. Главною цѣлью преподаванія исторіи вообще ставились доказательство мысли, что «республиканскіе уставы» годятся только для маленькихъ государствъ и установленіе кореннаго различія между Россіей и З. Европой въ развитіи тамъ и здѣсь понятія о верховной власти *). Аналогичное «наставленіе», составленное въ то же время и по образцу перваго для институтъ, заявляло, что для женщины исполненіе священныхъ обязанностей супруги и матери «и лучше, и выше всякихъ познаній историческихъ и географическихъ». Въ прямомъ соотвѣтствіи съ этимъ общимъ принципомъ на урокахъ географіи предписывалось объ образѣ правленія въ разныхъ государствахъ «упомянуть какъ можно короче», а исторіку слѣдовало «вообще объяснять, что уравненіе всѣхъ сословій и состояній есть химера, несбыточная по-

*) Наставленіе для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. СПб. 1849, 24, 103—113.

пытка разныхъ временъ и народовъ, имѣвшая всегда одни и тѣ же плачевные результаты и что проповѣдники мнимой свободы, подъ личиною благодѣтелей народа, дѣлались вездѣ то притѣснителями его, то жертвами своихъ жеучений*)). Подавленное и оглушенное быстро слѣдовавшими одна за другой крутыми мѣрами, общество въ значительной своей части растерялось и было охвачено паническимъ страхомъ; наиболѣе интеллигентное меньшинство его было, казалось, лишено всякой возможности дѣйствій и всякой силы для защиты своихъ идей.

Грановскаго эта эпоха застала въ расцвѣтѣ его жизненныхъ силъ. Его міросозерцаніе окончательно установилось въ главныхъ своихъ основахъ, его талантъ достигъ полной зрѣлости. Жажда дѣятельности, поддерживаемая сознаніемъ своихъ силъ, томилъ его, но поприща, для нея, достойнаго этихъ силъ, не оказывалось. И раньше Грановскому приходилось чувствовать узость рамокъ, поставленныхъ ему судьбою, и испытывать всю горечь постоянного отреченія и работы «не для себя лично, но для тѣхъ, которые явятся на свѣтъ поздне». Теперь же ему пришлось увидѣть, какъ и безъ того тѣсныя предѣлы возможной дѣятельности суживались съ каждымъ днемъ, и тратить благородныя силы по мелочамъ на скудную потребности данной минуты. Онъ не впалъ въ апатію, какъ многіе другіе, не опустилъ рукъ и продолжалъ работать въ старомъ направленіи, не сломившись подъ вліяніемъ реакціи: его статьи появлялись въ журналахъ, онъ читалъ публичный курсъ въ 1851 г. и—что было всего важнѣе—его строгая рѣчь съ прежней увлекательной силой раздавалась въ аудиторияхъ университета. Но для человѣка съ такимъ живымъ сознаніемъ общественныхъ интересовъ, какъ это было у него, ученый трудъ не могъ составить всего содержанія жизни и самъ становился почти невозможнымъ при нѣкоторыхъ условіяхъ. Умъ, полный скорбными заботами настоящаго, не могъ уйти въ спокойное созерцаніе прошлаго, и глухая, развѣдающая тоска все съ большею силою овладѣвала имъ. «Есть съ чего сойти съ ума—восклицалъ онъ.—Благо Бѣдинскому, умершему во время». Въ минуты такой тоски самая наука, въ которой онъ черпалъ обыкновенно силы и бодрость, теряла въ его глазахъ свое обаяніе. «Обнимаю дѣтей вашихъ, — писалъ онъ одному изъ друзей.—Учить ихъ исторіи болѣе не хочу, не стоить. Довольно имъ знать, что это глупая, ни къ чему не ведущая вещь». Жизнь подернулась для него мрачною пеленою, представляя одно исполненіе суроваго долга безъ надежды на скорые результаты, и мысль о смерти, какъ естественномъ и желательномъ исходѣ, все чаще являлась его уму. «Тяжело и выхода нѣтъ живому», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ этого времени.

*) Е. Лихачева. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1828—1856), СПб. 1895, 140 143.

Въ эту пору и въ его личномъ характерѣ проявилась слабость, какую онъ умѣлъ сдерживать въ болѣе свѣтлыя годы своей жизни,—наслѣдственная страсть къ игрѣ, навлекшая на него столько громкихъ упрековъ, которыми пытались омрачить его чистую память *). Врядъ ли стоитъ останавливаться на этихъ упрекахъ, слишкомъ обыкновенныхъ въ нашемъ обществѣ, нерѣдко такомъ снисходительномъ къ общественной дѣятельности своихъ членовъ и такъ строго судящемъ ихъ частную жизнь. «Когда же поймутъ, писаль самъ Грановскій по этому поводу, что человѣку нельзя серьезно помириться съ мыслью о погибшемъ собственномъ существованіи, что эта мысль, временно подавленная и заглушенная, непрерывно грызетъ его». Слабости, о которыхъ мы упомянули, не помѣшали Грановскому выполнить великій подвигъ. Черезъ бурю реакціи онъ пронесъ невредимымъ знамя прогресса и собралъ къ нему толпы свѣжихъ и юныхъ бойцовъ. За то его собственные силы изнемогли подъ тяжестью этого подвига.

Съ грознымъ испытаніемъ, вынесеннымъ Россіей въ видѣ Крымской кампаніи, такъ наглядно вскрывшимъ несостоятельность старой системы, заправлявшей ходомъ государственнаго механизма, и вмѣстѣ показавшимъ всю мощь крѣпкаго народнаго организма, въ жизни нашего отечества оканчивалась одна эпоха и начиналась другая. Въ воздухѣ повѣяло новыми, болѣе свѣжими теченіями, и Грановскій одинъ изъ первыхъ лихорадочно схватился за работу, ставшую вновь возможной въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Онъ принялъ участіе въ дѣлахъ факультета, будучи избранъ его деканомъ, проектировалъ реформы въ немъ, писалъ учебникъ исторіи, задумывалъ и подготавливалъ изданіе историческаго журнала. Но

Пали съ плечъ подвижника вериги,
И подвижникъ мертвый палъ.

Надломленный долгою борьбою, организмъ не выдержалъ, и борецъ за русское просвѣщеніе, за достоинство и самостоятельность науки и успѣхи гражданственности въ Россіи какъ разъ въ тотъ моментъ, когда его скорбный трудъ готовъ былъ увѣчаться первыми осозательными результатами и надъ русскою жизнью загоралась заря новаго дня, сошелъ въ могилу, съ радостнымъ сознаніемъ наступленія этой зари и въ блаженномъ невѣдѣніи того, какъ недолго суждено возвѣщавшемуся ею дню горѣть полнымъ и яркимъ свѣтомъ. Но, сходя съ жизненной сцены, оставилъ за собою глубокой и свѣтлый слѣдъ. Въ многочисленныхъ проявленіяхъ

*) Примѣромъ того, какъ мало заботились иногда въ подобныхъ упрекахъ о соблюденіи даже вѣшняго вида справедливости, могутъ служить хотя бы записки С. М. Соловьева; говоря, что Грановскій мало печаталъ не благодаря цензурѣ, а по лѣни, онъ добавляетъ: «печатать было можно и въ это трудное время (1848—1855 гг.), еще легче было печатать прежде и послѣ него». Р. Вѣстн., 1896, № 2, 18. Вѣда, значитъ, была въ томъ, что Грановскій лѣнился писать, лежа въ могилѣ.

общественнаго горя, какія были вызваны его смертью и какія еще недавно вспоминались печатью, звучала скорбь объ утратѣ не только крупнаго ученаго, но и благороднаго участника современной жизни. Онъ былъ дѣйствительно прежде всего человѣкъ общества, и въ его рукахъ самая наука прошлаго, ни мало не теряя своего самостоятельнаго значенія, не спускаясь съ своей идеальной высоты, становилась средствомъ служенія идеаламъ челоѣчности среди волнуемой жизни современности. Съ честью занималъ онъ свое мѣсто въ передовомъ ряду тѣхъ людей, которые, воспринявъ эти идеалы отъ дѣятелей начала столѣтія и углубивъ и усиливъ ихъ всѣмъ опытомъ европейской науки, передали ихъ дальнѣйшимъ поколѣніямъ и болѣе широкимъ слоямъ общества. Въ глухую пору русской жизни, когда на первый взглядъ она казалась сплошь погруженной въ глубокій и безпробудный сонъ, происходила эта плодотворная работа, переносившая идеи, двадцать лѣтъ назадъ бывшія достояніемъ кабинетовъ отдѣльныхъ мыслителей да небольшихъ кружковъ аристократической молодежи, въ стѣны университетовъ и среду читателей журналовъ. И какъ зерна, глухую осенью заложенные въ землю, переживаютъ въ ней зимніе холода и бури, чтобы выйти на свѣтъ при первыхъ горячихъ лучахъ весенняго солнца, такъ зрѣли въ типичной русской жизни эти идеи, давшія содержаніе новому періоду нашей исторіи. Дѣятельное участіе въ этой идейной работѣ, поддерживавшей преемственную связь поколѣній и обуславливавшей возможность неустанныаго развитія, составляетъ неоспоримую заслугу Грановскаго, его прочное право на память русскаго общества.

В. Мякотинъ.

Страничка изъ прошлаго.

— Нѣтъ, воля твоя, а это никуда не годится... Мальчишка совсѣмъ отъ рукъ отбился... Шляется Богъ знаетъ куда... А куда пропадаетъ мой хлѣбъ? А куда дѣваются мои яйца? Богъ вѣсть... Вотъ и огурцы на огородѣ точно таютъ... Нѣтъ, это ужъ слишкомъ... Потачки давать не надо, а то что за человѣкъ выйдетъ... И пріятеля себѣ нашель самаго подходящаго... Какой-то Рыжикъ... Грязный и оборванный...

Это говорила моя мать, когда мы всѣ четверо сидѣли за чаемъ: отецъ, матушка, я, десятилѣтній мальчуганъ, и моя восьмилѣтняя сестренка Таня. Весь этотъ монологъ, который произнесла мать, назначался по моему адресу и былъ произнесенъ скорбнымъ и негодующимъ голосомъ. Я опустил голову и украдкой взглянулъ на отца. Онъ сосредоточенно и хмуро смотрѣлъ въ свой стаканъ. Тишина продолжалась минутъ пять. Самоваръ какъ-то забавно пискнулъ въ послѣдній разъ и замолчалъ.

— Да, это скверно...—протянулъ отецъ и посмотрѣлъ на меня.

— Это хуже, чѣмъ скверно...—вставила опять матушка.

— Это скверно... Надо будетъ выдрать... — рѣшилъ отецъ и задумчиво затыкнулся изъ папироски.—Шалости еще ничего, а воровать... Это... это дрянъ дѣло...

Послѣднія слова онъ произнесъ съ удареніемъ и опять взглянулъ на меня. Я еще ниже опустил голову и упорно молчалъ. Я рѣшилъ, что я *ничего* не скажу, хотя бы меня и выдрали. Въ моемъ воображеніи въ это мгновеніе вдругъ почему-то мелькнулъ образъ мученика, про котораго я вчера читалъ. Его рѣзали, жгли, кололи и, наконецъ, бросили дикимъ звѣрямъ. Онъ не произнесъ ни одного звука, не испустилъ ни одного стога... И я рѣшилъ, что если меня будутъ драть, то я также буду молчать, какъ этотъ мученикъ...

Въ это время я случайно взглянулъ на сестру, и жгучее чувство досады, почти злобы, проникло въ мою душу: Вотъ ее,—думалъ я,—драть не будутъ, потому что она любимица матери. Положимъ, я старался не обращать на это вниманія,

но все-же глубокая обида заронила въ мое сердце. Вотъ и сейчасъ видно, что моя сестра довольна. Она такъ же, какъ и я, опустила голову и упорно смотритъ въ свою чашку... Но я отлично вижу на ея лицѣ выраженіе довольства. Она старается это скрыть, но я вижу. Да, она довольна, потому что меня драть будутъ. Я не утерпѣлъ, скараулил ея взглядъ и осторожно показавъ кулакъ. Лицо сестры мгновенно преобразилось, и это доставило мнѣ на минуту огромное наслажденіе. Я наблюдалъ... Показалась давно знакомая мнѣ черточка около губъ, все личико вдругъ запрыгало, и слезы закапали въ чашку...

— Это что?—спросила мать.—Что съ тобой?

— Онъ... онъ... ку-у-лакъ кажетъ...

Мать съ торжествомъ посмотрѣла на отца и развела руками.

Тотъ взглянулъ на меня и медленно произнесъ:

— Пошелъ вонъ отсюда... Сегодня ты будешь безъ ужина.

Я покорно всталъ и вышелъ изъ за стола. Въ это время опять у меня передъ глазами мелькнуло искаженное, мученическое лицо праведника, про котораго я читалъ. Когда я вышелъ и медленно направился къ двери, за спиной послышался негодующій возгласъ матери:

— Каковъ мальчишка! Молчитъ, какъ убитый!

Я вышелъ на дворъ и остановился. Что-то тоскливое и холодное, какъ сталь, проникло въ мою дѣтскую душу. Въ это время взглядъ мой упалъ на кошку, которая кралась къ молоденькому ручному голубю. Я поднялъ камень и съ бѣшенствомъ, которое вдругъ меня всего охватило, швырнулъ въ животное. Камень просвистѣлъ мимо, но перепуганная кошка прыгнула и скрылась подъ сарай. Я взялъ голубя, погладилъ его и посадилъ на полѣвницу. Потомъ я вышелъ въ огородъ, пробрался въ садъ, который примыкалъ къ самому двору, ухватился за сучья старой черемухи и съ ловкостью бѣлки перебрался на крышу.

Здѣсь у меня было устроено мѣсто, гдѣ я одинъ проводилъ цѣлые дни. Объ этомъ мѣстѣ никто не зналъ, кромѣ моего пріятеля Рыжика. У самой трубы было построено старое одѣяло. Подушку отлично замѣнялъ кирпичъ. Тутъ-же была устроена полочка, гдѣ у меня были разложены книги. Что это были за книги! Тутъ была и сказка о мертвой царевнѣ, и житіе какого-нибудь мученика, и вырванные листы изъ какого-то французскаго романа. Все это было прочитано мною тысячу разъ и, если что ускользало отъ меня, благодаря вырваннымъ листамъ, то все это дополнялось моею фантазіей.

Господи, что это была за фантазія! Когда, бывало, сумерки окутаютъ землю, когда деревья въ саду одѣнутся въ неясныя

тѣни, когда кругомъ лежитъ печать мягкой и грустной алегіи, — тогда я давалъ волю этой фантазіи.

Вотъ въ саду, въ самомъ отдаленномъ мѣстѣ, мечется и плачетъ, прикованный къ дубу, разбойникъ. Вонъ виситъ на крестѣ мученица. Я вижу, какъ судорожно перегибается тѣло, и вижу искаженныя линіи лица и поднятыя къ небу глаза. Вонъ скользятъ, какъ греза, задумчивыя феи, и мнѣ даже слышится ихъ серебристый смѣхъ. А вонъ проходятъ прекрасныя дамы въ средневѣковыхъ костюмахъ, въ сопровожденіи сильныхъ и стройныхъ рыцарей. Въ маленькой бесѣдѣ, устроенной въ глубинѣ сада, спала прекрасная царевна, и я видѣлъ бѣлоснѣжное личико, на которомъ лежала печать вѣчнаго сна.

Теперь я лежалъ, опершись локтемъ о крышу, и угрюмо смотрѣлъ вдаль. Я чувствовалъ, какъ все сильнѣе и сильнѣе прокрадывалась въ мою душу обида. Мнѣ казалось, что меня теперь ненавидитъ цѣлый міръ, этотъ огромный прекрасный міръ, къ которому такъ довѣрчиво рвалось мое дѣтское сердце...

Да, меня не любятъ... Слезы закипали на сердцѣ, но глаза были сухи. Положимъ, что я крадъ яйца и крадъ хлѣбъ... Но они всё не знаютъ, для чего это я дѣлалъ... И я не скажу имъ, ничего не скажу... Я буду красть и впередъ... А если они меня будутъ бить и будутъ ругать, то я умру... Да, я умру... Я уйду, въ этотъ темный лѣсъ, который синѣетъ вдаль, лягу гдѣ-нибудь и умру... И воображеніе тотчасъ нарисовало, что вотъ я, бѣдный мальчикъ, лягу подъ сосну и умру. Меня никто не найдетъ... Я буду лежать, мертвый и холодный, а сосны тихо будутъ шумѣть вершинами...

Я даже вскочилъ на ноги и рѣшительно посмотрѣлъ на синѣющій вдаль лѣсъ. Въ это время черемуха, по которой я лазилъ на крышу, вдругъ задрожала, и черезъ минуту у вершины показалась рыжая, всклокоченная голова, съ лицомъ, усыпаннымъ веснушками и съ задраннымъ кверху носомъ. Это былъ мой пріятель Рыжикъ, вскочившій на крышу съ ловкостью обезьяны.

Онъ крикнулъ, мрачно взглянулъ на меня и подаль руку. Вглядываясь въ его лицо, я замѣтилъ, что одинъ глазъ у Рыжика затухло, и подъ нимъ виднѣется здоровенный синякъ.

— Это что?—участливо спросилъ я.

— Отецъ побилъ...—флегматично отвѣтилъ Рыжикъ и сѣлъ на крышу, поджавъ подъ себя голыя, истрескавшіяся отъ грязи, ноги. Онъ былъ годомъ старше меня и обладалъ приземистой, мускулистой фигурой. Рыжикъ пользовался популярностью перваго уличнаго бойца. Ко мнѣ онъ относился доброжелательно, хотя и не отказывалъ въ нѣкоторой долѣ презрѣнія.

— А ты чего носъ повѣсилъ?—спросилъ онъ.

— Меня сегодня отецъ драть хотѣлъ... И безъ ужина оставлять...

Рыжикъ меланхолически свистнулъ.

— Ну, это не бѣда... Я каждый день безъ ужина...—проговорилъ онъ.

Онъ полвѣзъ въ карманъ своихъ изодранныхъ панталонъ и досталъ маленькій бумажный свертокъ. Въ сверткѣ оказался табакъ. Рыжикъ сдѣлалъ себѣ папироску, закурилъ и съ наслажденіемъ затянулся.

— Не хочешь?—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ...

Рыжикъ презрительно выдвинулъ нижнюю губу. Мнѣ стало стыдно за свое малодушіе, но я отлично помнилъ, какъ меня рвало, когда я накурился въ первый разъ махорки.

— Изъ тебя толку не будетъ,—рѣшительно заявилъ Рыжикъ и ловко плюнулъ сажени на двѣ впередъ, что для меня считалось недосыгаемымъ.

— Это почему?

— А такъ... ты баба... Оставили безъ ужина, ты и хныкать готовъ... Посушили драть, ты ужъ ни живъ, ни мертвъ...

— Я не боюсь этого...

— Это и видно... А вотъ меня колотилъ отецъ, такъ я не пикнулъ... Его злость разбираетъ... Донять,—говорить,—тебя, подлеца, не могу... Тузилъ здорово, а мнѣ смѣшно... Уходилъ, таки... Убирайся,—говорить,—анаема...

Тутъ Рыжикъ оскалилъ свои рѣдкіе, бѣлые зубы и вдругъ впился глазами въ бабу, которая появилась въ сосѣдномъ огородѣ.

— Это Скапидониха...—проговорилъ онъ.—Ищи, голубушка... Послѣдніе два огурца уперъ...

Намъ отлично было видно, какъ Скапидониха заботливо наклонилась надъ парникомъ, гдѣ у нея росли огурцы. Потомъ мы видѣли, какъ она всплеснула руками и кому-то начала грозить кулакомъ въ пространство. Рыжикъ легъ на животъ и беззвучно смѣялся.

— Грози, матушка, грози... Ну-ка еще разикъ...

Баба ушла. Рыжикъ опять сдѣлался сонливъ и вялъ. Онъ ткнулъ рукой въ мои книги и скорчилъ рожу.

— Враки все это...—промолвилъ онъ съ убѣжденіемъ.

Потомъ онъ вдругъ всталъ, потянулся и подалъ мнѣ руку.

— Прощай... надо домой сходить....

Черезъ нѣсколько времени его коренастая фигура уже мелькала по огородамъ, и я видѣлъ, какъ онъ мимоходомъ пошарилъ въ парникъ Скапидонихи.

Я остался одинъ. Когда на улицѣ сдѣлалось почти совсѣмъ темно, я осторожно слѣзъ съ крыши и еще осторожнѣе про-

брался на дворъ. На дворъ никого не было. Я постоялъ нѣсколько минутъ въ нерѣшимости... Потомъ тихо вошелъ въ сѣни и отворилъ чуланъ. Дверь слабо скрипнула, и я на мгновеніе замеръ. Когда глаза мой привыкли къ темнотѣ, я привычною рукою обшарилъ полки. Сначала мнѣ подъ руку попалъ калачъ, который я сунулъ за пазуху. Потомъ я разыскалъ яйца, взялъ нѣсколько штукъ и положилъ въ карманъ панталонъ. Въ то время сердце у меня прыгало, какъ мячикъ, и лицо покрылось потомъ.

Въ сѣняхъ вдругъ послышался шумъ и раздался звучный голосъ матери. Я шмыгнулъ въ уголъ чулана и притаился... Мать зачѣмъ-то сходила на дворъ, и—когда хлопнула дверь въ комнату—я выскочилъ, какъ стрѣла, и бросился бѣжать въ садъ. Въ ухахъ у меня звенѣло, во рту стало сухо, и мнѣ казалось, что кто-то бѣжитъ за мной и кричить:

— Воръ! воръ!..

Съ полчаса я отдыхалъ въ саду, притаившись у черемухи. Ночь окончательно окутывала землю. Я всталъ, осмотрѣлся кругомъ и направился черезъ огородъ на улицу. Черезъ нѣкоторое время я очутился у маленькой избы, которая сильно напоминала баню. Я заглянулъ въ окно. Огня не было. Тогда я осторожно стукнулъ. Окно отворилось, и въ него боязливо выглянула маленькая головка.

— Это ты, Вася?—послышался дѣтскій голосъ.

— Я...

— Ну, загъвай...

Я живо взобрался на подоконникъ и черезъ минуту очутился въ избѣ. Тяжелый запахъ жилого мѣста такъ и ударилъ меня по носу.

— Я сейчасъ огня зажгу, Вася...

Чиркнула спичка, вспыхнулъ огонь и озарилъ дѣвочку лѣтъ девяти, съ блѣднымъ и истощеннымъ личикомъ. Это была Настя, моя любимица. Она зажгла свѣчку и взглянула на меня.

— Сегодня принеси книжку, Вася?

— Принеси. А гдѣ бабушка?

— Спитъ... Мы будемъ читать сегодня?

— Будемъ...

На печи послышалась возня. Потомъ кто-то закаплялъ и сталъ спускаться съ печки. Это была бабушка. Она грузно опустилась на полъ и устала на меня. Губы ея что-то беззвучно шептали.

— Вася... Это ты?

— Я, бабушка...

— Ты? Ну, и хорошо...

— Я принеси хлѣба, бабушка... Мама послала...

— Господи! Что за добрая женщина у тебя мать! Дай ей Богъ здоровья, милый мальчикъ... Что за добрая женщина!

Она взяла у меня кашачъ и яйца, перекрестилась и положила на печку. Я чувствовалъ, что щеки у меня горять отъ стыда, но упорно смотрѣлъ на бабушку.

Бабушка взяла чулокъ, надѣла старья, какъ и она сама, очки и сѣла на лавку, вздыхая и охая. Я вытащилъ изъ кармана книжку и подвинулся къ столу. Настя прижалась ко мнѣ и приготовилась слушать.

— А гдѣ Павелъ, бабушка?—спросилъ я. Этотъ вопросъ у меня давно вертѣлся на языкѣ.

— А нѣтъ его, мальчикъ... Ушелъ куда-то... Онъ вѣдь опять пьетъ...

Старушка тяжело вздохнула. Я раскрылъ маленькую книжечку и началъ читать вслухъ. Бабушка подвинулась къ столу.

Настя окончателно припала ко мнѣ и замерла.

И я началъ читать громко и внятно.. И опять я читалъ имъ про страданія какого-то мученика. По мѣрѣ чтенія, всѣми овладѣвало нѣкоторое волненіе. Бабушка качала въ тактъ головой и иногда, опустивъ чулокъ на колѣни, долго смотрѣла куда-то вдаль. Можетъ быть, ей вспоминалось то время, когда она была маленькой дѣвочкой. Или, быть можетъ, вся ея прошлая жизнь, полная горя и лишеній, промчалась въ ея ослабѣвшей памяти, и на минуту дрогнуло старое сердце... Настя не отрывала глазъ отъ моихъ губъ, и на глазахъ этихъ блестяли слезы. Я чувствовалъ, какъ дрожалъ и звенѣлъ мой дѣтскій голосъ. Что-то сладкое, что-то щемящее подступало къ горлу... Мнѣ казалось, что я маленький волшебникъ, который силою своихъ чаръ заставляетъ и дрожать, и плакать своихъ слушателей...

Наконецъ, я кончилъ и закрылъ книжку. Долго царилло молчаніе. Сальный огарокъ свѣчи трещалъ и тускнѣлъ... По угламъ избы тянулись странныя тѣни.

— Богъ любить бѣдныхъ людей, мальчикъ... — отчетливо проговорила бабушка.

Въ это время въ сѣняхъ послышался шумъ, и дверь отворилась. Въ избу, слегка пошатываясь, вошелъ высокій челоувѣкъ лѣтъ 35-ти, худой, блѣдный, съ лихорадочно горѣвшими глазами. Онъ быстро сбросилъ съ себя рваное пальто, провелъ рукой по густымъ, чернымъ волосамъ и остановился по срединѣ избы. Свѣтъ падалъ на это блѣдное, нервное лицо. Бабушка подняла глаза на вошедшаго и спокойно спросила:

— Гдѣ былъ, Павелъ?

Павелъ улыбнулся, дернулъ плечами и подошелъ ко мнѣ.

— Ты опять читалъ, Вася...

Онъ погладилъ меня по головѣ и сѣлъ на лавку. Настя прыгнула со своего мѣста, подошла къ Павлу и робко прижалась къ нему. Онъ смотрѣлъ на нее съ какой-то грустной и кроткой улыбкой. Я плохо зналъ исторію Павла. Я зналъ, что Павелъ горькій пьяница, что онъ когда-то былъ учителемъ и что онъ пьетъ водку давно, съ тѣхъ поръ, какъ у него умерла жена. И сейчасъ отъ него сильно пахло водкой.

Онъ долго, внимательно смотрѣлъ на Настю. Потомъ вдругъ обернулся ко мнѣ и спросилъ:

— Хочешь, Вася, поиграю на скрипкѣ?

У меня даже духъ захватило отъ радости. Павелъ всталъ, вытащилъ изъ подъ лавки ящикъ и отворилъ его. Я отлично зналъ эту старую, поломанную скрипку, которую онъ теперь настраивалъ. Бабушка тяжело вздохнула и полѣзла на печку. Настя и я не отрывали глазъ отъ Павла.

Онъ долго настраивалъ скрипку. Смычекъ дрожалъ въ его тонкой и блѣдной рукѣ.

— Что-же бы сыграть, мальчикъ?—спросилъ онъ.—Все я перезабылъ...

Я молчалъ и смотрѣлъ на него. Съ минуту онъ перебиралъ струны, потомъ вдругъ тихо прижалъ къ плечу скрипку, замеръ опять на мгновение и заигралъ. Съ первыхъ же звуковъ я почувствовалъ, что холодъ пронизалъ меня по спинѣ, и сердце какъ будто перестало биться.

Я не зналъ, конечно, что онъ игралъ, но въ этой чистой и звучной мелодіи, которая понеслась изъ маленькой избы въ благоуханную мглу ночи, чувствовалась какая-то сладкая, непонятная тоска. Какъ будто кто-то въ этихъ звукахъ прощался съ кѣмъ-то, какъ будто кто-то, любимый и ласковый, прикинувъ на грудь, рассказывалъ о странной и непонятной долѣ. Иногда, среди этихъ грустныхъ и ласковыхъ звуковъ, вырывались аккорды, гдѣ звучала мольба, глухая, подавленная мольба. Мнѣ было жутко и сладко. Я смотрѣлъ, блѣдный и похолодѣвшій, на эту тонкую и нервную руку несчастнаго музыканта, у котораго скрипка рассказывала что-то тоскливое, что-то сладкое, что-то необычайное...

Но вотъ скрипка какъ-то рѣзко оборвала свою пѣсню, и послѣдній звукъ, жалобный и звенящій, долго, какъ мнѣ казалось, рѣялъ гдѣ-то за окномъ, подхваченный порохомъ ночи. Павелъ осторожно положилъ скрипку на мѣсто и сѣлъ, тяжело дыша, на лавку. Лицо его было блѣдно, на лбу выступилъ потъ. Онъ взглянулъ на меня потемнѣвшими глазами и сказалъ слабымъ голосомъ:

— Не такъ выходить... Усталъ я... а все же легче стало.

На печи послышалась возня, и раздался голосъ бабушки:

— Вотъ всегда такъ... Какъ выпьетъ, такъ играть...

Я всталъ и началъ прощаться. Павелъ взялъ мою руку. Его рука горѣла, какъ въ огнѣ.

— Ступай съ Богомъ, мальчикъ... Вотъ поправлюсь, такъ еще сыграю...

Я простился со всѣми и вышелъ на улицу. Когда я тихо, весь охваченный какою-то болью, подошелъ къ своему дому, то огня уже не было. Дома спали. Мои частыя позднія отлучки были не въ диковинку, и я зналъ, что обо мнѣ не беспокоятся. Нѣсколько минутъ я стоялъ въ нерѣшимости. Какъ-то угрюмо и непривѣтливо выглядѣлъ теперь этотъ старый домъ съ безжизненными окнами, какъ мертвецъ съ потухшими глазами. Я подумалъ немного и рѣшительно направился къ огороду. Черезъ минуту я уже былъ въ саду. Ночь была лунная, тихая... Деревья точно застыли и точно къ чему то прислушивались. Вдали смутной грядой чернѣлъ лѣсъ, и мнѣ казалось, что тамъ теперь бродятъ призраки и тѣни, неясные, серебряные, неуловимые, какъ мечта. Трава въ саду блестя росою. На огородѣ трещали кузнечики, и мимо меня беззвучно промелькнула сова. Я осторожно ползѣвъ по черемухѣ. Она задрожала и обрызгала меня росою. Наконецъ, я добрался до крыши. Мое старое одѣяло было влажно. Устроивъ себѣ постель, я легъ на спину и задумался...

И вдругъ все мое маленькое тѣло задрожало. Судороги сдавили мнѣ горло, и слезы, такъ долго и упорно сдерживаемыя, полились рѣкой. Я плакалъ, плакалъ безъ конца. Я плакалъ о томъ, что я одинъ, и что меня никто не любитъ. Я плакалъ о томъ, что я воръ, что я гадкій, северный мальчишка... И мнѣ казалось, что въ саду, заглушая шорохъ ночи, вдругъ зазвенѣла скрипка и начала рассказывать, и звеня, и плача, о молодой погибшей жизни...

А. Туринъ.

За сѣвернымъ полярнымъ кругомъ.

Гор. Колымскъ и его обитатели.

I.

Послѣ жизни, носящей всѣ признаки культурности и цивилизаціи, очутиться въ такомъ захолустьи, какъ Колымскъ, очень тяжело. Уже одинъ бѣглый взглядъ, брошенный на низкіе дома, кое-гдѣ разбросанные по городу безъ плана и системы, въ перемежку съ юртами,—на ихъ плоскія крыши безъ кровель, на ледяныя окна, на трубы, заткнутыя какими то лохмотьями, на деревянную, почернѣвшую церковь—уже одинъ этотъ взглядъ вселяетъ тревогу и достаточно ясно убѣждаетъ, что жизнь въ Колымскѣ полна грусти и печали. Вдобавокъ пріѣздъ мой въ Колымскъ совпалъ съ весеннимъ временемъ, когда обнажаются закоптѣлыя стѣны домовъ, съ юртъ отпадаетъ смазка безобразными кусками глины, льдины протаяли и заткнуты грязными трапицами, а мѣстами и вовсе выпали, замѣненные натанутой на раму налимьей кожей или исписанной бумагой.

— Поѣзжайте въ гостиницу,—сказалъ я казаку, когда прошло первое ошеломляющее впечатлѣніе при вѣздѣ въ Колымскъ.

Казакъ удивленно посмотрѣлъ на меня. Онъ, казалось, дѣлалъ усилія, что-то соображалъ, стараясь уразумѣть значеніе этого слова. Наконецъ, понявъ меня, онъ отвѣтилъ:

— *Этого* здѣсь нѣтъ.

— Какъ, ни одной гостиницы нѣтъ?—спросилъ я, искренно возмущенный и озадаченный.—А гдѣ же остановиться?

— Дѣвка!—крикнулъ вмѣсто отвѣта казакъ остановившейся посмотреть на диковинныхъ людей дѣвушка.—Бѣги къ своимъ, спроси: пустятъ на квартиру *новопрѣзжающихъ*.

Дѣвушка мигомъ бросилась въ близъ стоявшій домъ, вскорѣ возвратилась и, стоя поодаль отъ меня, сказала: «хозяйка говорить: *за всяко просто*» (т. е. пожалуйста, моль, безъ стѣсненія).

Я вошелъ въ просторныя сѣни, а оттуда въ довольно чистую горницу съ гладко выскобленными стѣнами, съ плавающимъ ками-

номъ. Все убранство комнаты составлялъ столъ, нѣсколько деревянныхъ, некрашенныхъ стульевъ, да по полу, вмѣсто ковровъ, были разостланы коровья кожи, красиво подобранныя изъ квадратныхъ клѣточекъ бѣлаго и чернаго цвѣтовъ.

— Вы насъ ужъ извините, — сказала намъ хозяйка. — Мы колымскій народъ, можетъ не угодимъ вамъ, русскимъ людямъ.

Не успѣли мы еще снять верхнее платье, какъ въ комнату стали одинъ за другимъ прибывать какіе-то люди въ бобровыхъ высокихъ шапкахъ, съ громадными цвѣтными шарфами, въ длинныхъ фланелевыхъ блузахъ подъ короткими мѣховыми куртками. Всѣ они, очевидно, бѣжали, торопились, потому что дышали прерывисто. Каждый изъ нихъ истово молился Богу, затѣмъ подходилъ къ намъ, здороваясь за руку, и, не называя своей фамилии, произносилъ: «Съ прїѣздомъ!» Затѣмъ подходилъ къ хозяйкѣ и поздравлялъ ее съ вновь прїѣзжими. Всѣ пришедшіе, между которыми не было ни одной женщины, чинно усаживались. Очевидно, это былъ колымскій бо-мондъ; сужу такъ потому, что, не смотря на свободныя мѣста на скамьяхъ, многіе стояли у дверей и для поздравленій къ намъ не подходили. Вскорѣ комната была совершенно полна.

— Поговаривайте, — обратился ко мнѣ одинъ изъ гостей.

— О чемъ говорить? — наивно удивился я, тогда какъ долженъ былъ отвѣтить: «Нѣтъ ничего».

— Каково дорожку коротали?

— Что въ Якутскѣ новаго? Болѣзни каковы?

— Говорятъ губернатора смѣнили?

— А каковы сей годъ снѣга? Промысла каковы по тракту?

И т. д., и т. д. Въ этомъ родѣ мнѣ приходилось отвѣчать на множество вопросовъ.

Вошелъ какой-то не то казакъ, не то мѣщанинъ и нерѣшительно приблизился ко мнѣ.

— О. Теофиль кланяется, просилъ не оскорбиться. Говорить: пусть-ка, если письма привезли, пришлютъ мнѣ. Говорить: я немогаю, прїйти проздравить съ прїѣздомъ не могу, — такъ пусть, говорить, не оскорбятся.

Вслѣдъ за этимъ посланнымъ и за многими другими, которымъ я раздавалъ привезенныя съ собой письма, открылась боковая дверь пропустившая опротно одѣтую дѣвушку съ провалившимся носомъ, кешпую громадный подносъ, на которомъ установлено было нѣсколько десятковъ чашекъ и блюдечекъ съ мелко наколотыми кусочками сахару, а вслѣдъ за нею появилась хозяйка, держа впереди себя тарелку, аккуратно уложенную перерѣзанными пополамъ маленькими бѣлыми булочками. Чашки обносились по чину: именитые, знатные, богатые гости получали первыми; они брали чашки на колѣни, доставали съ блюдечка кусочекъ сахару, а у хозяйки крохотный кусочекъ булки и, соблюдая деликатность, неторопливо

прихлебывали изъ чашки мелкими глотками. Окончивъ эту церемонію, гости вставали, опять крестились на образъ и, прощаясь, говорили: «Къ намъ милости просимъ напередки, познакоимся», или: «Покорно просимъ къ намъ за всяко просто». Я тогда не зналъ еще необходимаго на этотъ случай отвѣта: «ваши гости».

• Не мало былъ я удивленъ всѣми этими посѣщеніями незнакомыхъ мнѣ людей, но впоследствии я и самъ дѣлалъ тоже, какъ только вѣсть о пріѣзжѣхъ доходила до меня. Кое-какъ одѣвшись, я опрометью бѣжалъ увидѣть свѣжаго человѣка. Жажда вѣстей, одна лишь потребность видѣть новое лицо, или лицо, «долго бывшее въ отсутствіи, особенно, если оно явилось изъ «Якутско», т. е. изъ мѣста, гдѣ, по мнѣнію колымчанъ, свѣтъ и жизнь бьютъ ключемъ— гнали меня ко вновь пріѣзжему, будь то священникъ, чиновникъ или купецъ, и я задавалъ ему вопросы, немногимъ развѣ отличавшіеся отъ вопросовъ, предложенныхъ мнѣ моими гостями.

Впоследствии я узналъ, что, хотя дамамъ не принято приходиться первыми къ пріѣзжимъ, но что и здѣсь дочери Евы любопытны, а потому и идутъ на всякія уловки и хитрости: чтобы взглянуть на новое лицо, онѣ стоятъ за перегородкой и главное свое вниманіе обращаютъ на платье, интересъ ихъ преимущественно сосредоточенъ на модѣ, онѣ жадно спрашиваютъ новое лицо о ея новостяхъ, особенно, если это новое лицо женщина. Впрочемъ, новости моды доходятъ въ Колымскъ спустя много времени послѣ того, какъ въ Россіи онѣ уже забыты. Недаромъ же одинъ купецъ, встрѣченный мною на обратномъ пути изъ Колымска, на вопросъ мой: «Что новаго?» отвѣтилъ: «Да ничего. Вотъ развѣ новость: кринолины отмѣнены, да и то по Высочайшему повелѣнію».

Мнѣ пришлось бывать у всѣхъ обывателей, начиная съ исправника и колымскаго лорда-мера и кончая многими казаками и якутами. Только послѣ этого нашлась квартира, оставшаяся свободной вслѣдствіе командированія одного изъ священниковъ на жительство въ улусъ, т. е. округъ. Одинъ обыватель предложилъ мнѣ столъ, у другого нашелся стулъ, тамъ ушатъ, кровать,—словомъ, приходилось собирать домашнюю утварь со всего города, такъ какъ ни лавокъ, ни мастерскихъ, гдѣ бы вы могли найти что-либо, нѣтъ и въ поминѣ. Ничего подобнаго колымчане, всегда принимающіе самое живое, иногда даже трогательное участіе въ *русскихъ* людяхъ, не продаютъ. Они *уступаютъ, дѣлятся*. Въ Колымскѣ даже существуетъ особый терминъ: *подѣлаться*. По большей части это дѣлается совершенно безкорыстно или же съ вами дѣлятся, памятуя, что и вы можете пригодиться. Особенно, если рѣчь идетъ о человѣкѣ *россійскомъ*, эта такъ сказать задняя дѣль несомнѣнна. Дня черезъ два по моему пріѣздѣ мнѣ пришлось въ этомъ убѣдиться, когда ко мнѣ пришелъ городской голова — одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ помощниковъ въ устройствѣ моей квартиры, снабдившій меня съѣстными припасами

и вообще охотно дававшій мнѣ практическіе совѣты, чего колымчанинъ избѣгаетъ, такъ какъ считаетъ это неприличнымъ. Если вы обратитесь къ нему съ просьбой высказать свое мнѣніе, онъ, если мало съ вами знакомъ въ особенности, непременно скажетъ: «Сами знаете. Вамъ лучше извѣстно». Такъ вотъ приходится этотъ обыватель и, переминаясь, говорить:

— Будьте добры пожаловать къ моей супругѣ.

— Это зачѣмъ?—спрашиваю.

— Нездорова. Больно хворость одолѣла. Повѣтріе, надо быть.

— Хорошо, но я-то причѣмъ въ этомъ случаѣ?

— Не оставьте, сдѣлайте милость, полечить... какое нибудь лекарство.

— Да послушайте,—говорю я, подозрѣвая какое-то недоразумѣніе.—Вы, должно быть, думаете, что я врачъ. Но вы ошибаетесь.

— Покорно прошу,—кланяется и не отстаётъ обыватель.—Хотъ посмотрите: все-жъ вы російскій народъ, ученый.

— Нѣтъ, не могу, не пойду. И не пойду потому, что помочь не съумѣю. Я въ болѣзняхъ ничего не понимаю и могу даже повредить вашей супругѣ,—рѣшительно отказываюсь я.

— Такъ,—говоритъ, глубоко вздохнувъ, повидимому—обиженный обыватель и удаляется.

Но онъ, очевидно, понялъ мой отказъ по своему. Вѣдь я тотъ самый русскій человѣкъ, который позналъ все, которому все доступно, которому понятенъ языкъ звѣздъ, говоръ морской волны. Я выдумалъ пароходъ, желѣзную дорогу, я уподобляюсь птицѣ и летаю по воздуху, я всю жизнь сладко ѣлъ и пилъ, я выросъ на хлѣбѣ, на наукахъ и книгѣ—и чтобъ послѣ всего этого я не могъ излечить его супругу! Фактъ для колымчанина невѣроятный. «Что нибудь да не такъ»—рѣшаетъ онъ въ своемъ бѣдномъ умѣ. И вотъ онъ идетъ домой, гдѣ ждетъ его, полная надежды и упованія, больная жена, достаетъ изъ запертаго ящика бережно спрятанный ключокъ бумаги и чернила, и черезъ малое время въ квартиру мою входитъ молодой казаченокъ, кладетъ на столъ громаднаго мерзлаго глухаря, кругъ масла, съ десятокъ оленьихъ языковъ и подаетъ мнѣ записку слѣдующаго содержанія: «Милостиви другъ раджи богъ не отъ кажи мою супругу, въ тора нижеля духъ затыкаетъ, е 2 носить ноги и кашля вошла и не выходитъ. Такая кашля мольчъ страсть *), подавалъ касторки, не отпускаетъ; мы за васъ русскихъ людей бога молимъ, радумся, прѣхали какъ господь намъ послалъ свѣтлую звезду, а вы не отъ кажить. Вашъ пріятель П. В.».

Камень бы тронулся, читая эти безыскусственныя, молящія строки. Отославъ обратно *чостинцы*, я сказалъ черезъ посланнаго

*) Сильный, страшный вообще высшая степень,—форма употребляемая для усиленія дѣйствія.

казака, что приду. Захвативъ съ собой лечебникъ и кое-что изъ моей походной аптечки, я невольно отправился къ больной. Кто знаетъ, авось, думалъ я, я помогу ей чѣмъ нибудь. Быть можетъ, вѣра въ знаніе и всеиліе русскихъ людей и оздоровитъ больную. Прихожу. У жарко натопленнаго камина, вся раскрасившись, металась полная, красивая женщина. Что могъ я сдѣлать? Я далъ ей нѣсколько порошковъ хинину, да порошокъ отъ кашля, совѣтуя хорошенько пропотѣть. Женщина стала благодарить.

— У васъ ученикъ (фельдшерскій) ничего не понимаетъ. Ни пульцу не пощупаетъ, ни азыка не посмотритъ,—сказала она.

— *Кава* онъ будетъ смотрѣть?—отозвался мужъ.—Его и вытаскать не легкое дѣло. Онамеднись къ барину (къ исправнику) звали—не пошолъ, такъ баринъ приказалъ казакамъ принести его.

— Что-жъ принесли?—спросилъ я.

— Какъ не принесли? Принесли, а баринъ и говорить:—лечи! А то, говорить, велю запереть тебя здѣсь и водки не дамъ *).

Но дорого стоилъ мнѣ этотъ визитъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней я сдѣлался предметомъ самыхъ настоятельныхъ требованій со стороны болящихъ. Потянулись одинъ за однимъ кліенты: у кого дочь *хвораетъ*, у другого жена *немогаетъ*, дальше *сердце раскололось*, тамъ *печенка передвинулась къ пупку*, *глаза вылазятъ на лобъ*. Пошли всякія: *не пускаетъ*, *затыхаетъ*, *захватило*, *кровь остановило*, *кашля вошла*, наконецъ, одна казачка звала меня къ больному мужу, у котораго *чахоточная золотуха вышла въ носъ*... Можете себѣ представить мое положеніе! Пришлось сдѣлаться врачомъ. Надо было взять книжки, лечебники, читать, думать, демонстрировать на себѣ, проводить у больныхъ часы, штудировать фармакопею и варить лекарства. Я попалъ въ глупое, но безысходное и неловкое положеніе, объясняемое только тѣмъ ужасомъ безпомощности, на которую обреченъ колымчанинъ. Впослѣдствіи въ Колымскъ пріѣхало еще нѣсколько интеллигентныхъ людей, изъ которыхъ былъ одинъ ветеринарный врачъ и нѣсколько фармацевтовъ; они, конечно, заняли мое мѣсто врача и, нужно сказать, лечили всегда съ успѣхомъ въ случаяхъ, разумѣется, не особенно трудныхъ. Спустя года два пріѣхали и врачи.

Была весна. Голодъ страшный. Всѣ запасы изсякли; вытаскивали изъ погребовъ и амбаровъ трехлѣтнюю, лежалую рыбу. Смердъ по городу былъ ужасающій, даже за деньги нечего было купить, если не считать медовыхъ пряниковъ по одному и полтора рубля за фунтъ. А тутъ эти болѣзни—вѣчные спутники голода:—не то воспаленіе легкихъ, не то осложненный бронхитъ...

*) Въ Колымскѣ и при мнѣ, дѣйствительно, былъ еще такой же точно случай, когда исправникъ, очень тучный человекъ, привыкшій къ кровопусканію, почувствовалъ приливъ крови къ головѣ. Вѣчно пьянствовавшій фельдшеръ отказался прійти на зовъ исправника, который и приказалъ казакамъ принести его къ себѣ на рукавъ, что казаки и исполнили.

Какъ бы то ни было, но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ я безполезенъ и несвѣдущъ, хотя знаю, что многимъ помогъ совѣтами, построенными скорѣе на логикѣ и наслышкѣ, нежели на знаніи медицины.

Въ домѣ дьячка, гдѣ было пятеро дѣтей, старикъ отецъ жаловался мнѣ: «Вотъ ужъ недѣля, какъ живемъ однимъ чернымъ чаемъ (т. е. безъ молока). Сегодня купили 1 фунтъ приниковъ. Вотъ лежить. Не знаю: ѣсть ли его, или дѣтямъ раздать». Положительно надо удивляться терпѣнію и выносливости аборигеновъ во время періодически повторяющихся голодоекъ. Чѣмъ только они жили въ это время, и въ чемъ у нихъ душа держалась? Когда я неоступно приставалъ къ нимъ или къ мѣстнымъ тузамъ, у которыхъ всегда бываетъ въ запасѣ пища, съ вопросомъ: — Но позвольте, объясните всетаки: чѣмъ же они живутъ, ѣсть-то вѣдь надо?—то я всегда и неизмѣнно получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, ничего ровно не объяснявшій:

— Вотъ такъ и живутъ.

Или:

— Вотъ такъ и живемъ.

И я самъ на подобный вопросъ ничѣмъ инымъ не могъ бы отвѣтить, какъ тѣми же словами.

— Эхъ, хотъ бы наша матушка, кормилица-Колыма скорѣй бы *разрѣшилась*: свѣжей бы рыбки поѣла,—мечтаетъ колымчанинъ, а пока копаетъ въ погребѣ ледяную землю и находитъ въ ней остатки совершенно сгнившей рыбы, которую варить и ѣсть. Если въ эту пору войдешь въ обывательскую избу, то обоняніе поражаетъ такой острый, кислый запахъ, какой только можетъ исходить изъ самаго зараженнаго, зловоннаго мѣста. А между тѣмъ въ природѣ уже замѣтно пробужденіе отъ зимняго сна, замѣтно оживленіе. Въ городѣ уже нѣтъ снѣга, хотъ имъ еще облѣтаетъ зарѣчная сторона и далекія горы, трава пробилась и зазеленѣла, солнце играетъ и золотитъ обнаженный ледъ на рѣкѣ... и этотъ удрушительный, знойный воздухъ составляетъ такой разительный контрастъ съ помолодѣвшей природой, что кажется, будто кто-то умышленно оскорбляетъ чистый, цѣломудренно-дѣвственный міръ, понося и хуля его...

Но вотъ наступила половина мая, и съ юга потянулись цѣлыя вереницы дикихъ утокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ берега рѣки стали оттаивать. Обыватель пришелъ въ ажитацію. Цѣлый день и ночь онъ занятъ ружьемъ, отливаніемъ дрови. Онъ энергично бродитъ по тайгѣ или сидитъ на берегу Колымы и другихъ малыхъ рѣчекъ, на мочежникахъ и озерахъ, перебирается съ опасностью для жизни по рыхлому и уже дроблому льду и жадно караулитъ птицу. Жизнь вышла на улицу. Никто не спитъ. Ночи стали бѣлы, но еще разнятся отъ дня тѣмъ, что солнце хотъ на короткое время прячется за лѣсъ и за горы. Колымчанъ ожилъ. Если даже онъ плохой охотникъ, несмышленный и не мѣткій стрѣлокъ, то и въ этомъ случаѣ

онъ своей *бузеей* убьетъ въ день пять-десять утокъ. А тутъ подлетѣли уже гуси и лебеди, дальше ужъ можно кой-гдѣ сѣтъ поставить на мелкую рыбу или щуку, которой, впрочемъ, адѣсь пренебрегаютъ. Колымчанинъ повеселѣлъ, онъ выглядитъ бодро и самоувѣренно. Онъ не только самъ сытъ, но и разсылаетъ всюду гостиницы, за которые надѣется получить, въ свою очередь, чаю, кусокъ сахару или тарелку муки, и начинаетъ подготавливаться къ предстоящимъ промысламъ, къ выѣзду изъ города на *зимки*, т. е. на рѣку за 20, 50, 100 и болѣе верстъ, въ мѣста наибольшаго движенія рыбы, къ тонямъ, гдѣ рыба заходитъ метать икру.

Колыму вопучило. Она посиѣла. Наконецъ, ее взломало, и она разрѣшилась. Величественно и спокойно потянулся сплошной массой ледъ. Постепенно откалываясь отъ общей массы, напирая другъ на друга, одна льдина нагоняетъ другую; врѣзывается, взбирается на нее и образуетъ ледяные причудливой формы холмы. Раздаются страшные, оглушительные удары; неудержимо стремится все вперед и впередъ вода, ледъ, оторванныя съ корнемъ деревья; съ дикимъ крикомъ несется перелетная птица; льдина давитъ на льдину, на нее взбирается новая, опускаетъ ихъ на дно, образуя живой мостъ, готовый при сильномъ толчкѣ сзади плывущихъ льдинъ распасться на мелкіе ледяные осколки, но по которому, однако, колымчанинъ рискуетъ пробираться на средину рѣки за подстрѣленной птицей. Обыватель стоитъ и смотритъ на выступившую изъ береговъ рѣку, затопившую низменную часть города, на загромаждающіе ее льды и съ трепетомъ, съ ужасомъ задаетъ себѣ въиковый вопросъ: «Будетъ сей годъ потопъ или пронесетъ?»

Чтобы читатель понялъ весь ужасный смыслъ этого вопроса, я долженъ пояснить его.

Колымскъ стоитъ на низменномъ берегу рѣки. Когда рѣка весной разливается, она затопляетъ этотъ берегъ. Но *вольная* вода не смущаетъ жителя Колымска: очень далеко она не пойдетъ, да она и не опасна. Пожитки на крышу, люди въ лодки или въ лѣсъ—вотъ и все. Не то, однако, будетъ, если внизу рѣки случится *заторь*. Тогда съ страшной силой и быстротой верхнее теченіе несетъ гигантскіе льды, толщиной въ 2—3 арш., которые, не имѣя свободнаго пути, скопляются у городского берега; вода поднимаетъ ихъ, несетъ на городъ, на постройки, на избы, заливая, топить, ломаетъ и рветъ... Трескъ разрушенныхъ избъ, вопли женщинъ и дѣтей, плавающее по водѣ и истерзанное имущество, рыболовныя снасти—вся эта картина до неописуемости ужасна. Какъ подъ Дамокловымъ мечемъ, колымчанинъ ежегодно находится подъ страхомъ *потона*. А между тѣмъ средство избавиться отъ опасностей и страха подъ рукой. Въ самомъ селеніи протекаетъ въ крутыхъ берегахъ бѣшеная рѣченка, берущая начало съ озеръ и впадающая въ Колыму. У города она имѣетъ въ ширину не болѣе 50 саженой. Вотъ за эту-то рѣчен-

кой берегъ Колымы крутъ и высокъ. Стоитъ только перекинуть черезъ рѣчку на лѣтнее время мостикъ и строиться по ту сторону— и не будетъ ежегодной боязни, страха и опасности. Послѣ страшнаго разгрома, произведеннаго наводненіемъ 1885 года, колымчане, по почину и съ помощью администраціи края, стали селиться тамъ. Такимъ образомъ Колымскъ раздѣляется на двѣ части: собственно городъ и Заанкудинье, по имени рѣчки Анкудинъ. Въ городѣ церковь и большинство обывателей, а въ Заанкудиньѣ живетъ начальство, тамъ караульный домъ, запасные магазины, пороховой складъ, полицейское управленіе и пр. Но колымчанинъ туго идетъ на новшество, онъ слишкомъ консервативенъ и его трудно убѣдить перейти на ту сторону. Онъ предпочитаетъ ежегодно весною, собравъ домашній скарбъ и дѣтишекъ, перейти за рѣчку, разбить палатку и жить въ ней, пока выяснится, что опасности нѣтъ, т. е. пока Колыма совершенно не очистится отъ льдовъ.

— И-и-и, *мамона!*—тянетъ онъ.—Наши дѣды здѣсь жили, пускай же и мы *этта* помремъ. У насъ храмъ Божій. Отъ него уйти намъ никакъ нельзя.

Но вотъ красавица Колыма покатила свои воды спокойнѣе. Только необъятная ширь ея указываетъ, что еще такъ недавно она полна была страстной энергіи и дѣятельности. Зеркальная поверхность ея чуть зыблется нѣжнымъ вѣтеркомъ: ни шороха, ни звука. «Глядишь и не знаешь: идетъ или неидетъ ея великая ширь».

А обыватель суетится. Въ домѣ чинять и приводить въ порядокъ снасти, самъ онъ съ подростками-мальчиками—снаряжаетъ свою лодку. Надо ладиться и скорѣе ѣхать на обильный, свѣжій кормъ, на сытую, жирную *ѣдушку*. Даже собаки и тѣ повеселѣли, чуя близость конца голодовки. И вотъ Колыма заестрѣла. Тамъ и самъ чернѣютъ лодки съ домашней утварью, бабы загѣли пѣсни, собаки радостно визжать. Мало по малу городъ опустѣлъ: дома забиты, окна заколочены, нигдѣ ни души. Точно вымерло все, точно въ этихъ домахъ еще вчера не жили, не страдали люди...

Въ городѣ остается лишь нѣсколько семей, да и тѣ коровятъ съѣздить въ Нижне и Верхне-Колымскъ или поѣздить по рѣкѣ, собрать рыбы и вообще побыть на промыслѣ, гдѣ колымчанину всегда весело.

Рыбопромышленныя заимки тянутся отъ верховьевъ Колымы: гдѣ только есть живая душа на разстояніи до Нижне-Колымска, а оттуда до устья рѣки при впаденіи ея въ океанъ,—всюду найдется промысловая заимка. Иные изъ городскихъ жителей предпочитаютъ неводить вверху, такъ какъ сплавъ рыбы въ городъ по теченію рѣки легокъ и не требуетъ ни времени, ни особыхъ приспособленій. Вверху обыкновенно промышленяютъ малосемейные или вообще незначительные. Чтобы жить на хорошей тонѣ по нижнему теченію рѣки, гдѣ рыба, благодаря близости океана, и

жирнѣе, и обильнѣе, нужно имѣть нѣсколько лодокъ, обширный заводъ и много рабочихъ рукъ. Рыбу приходится возить въ городъ противъ довольно сильнаго теченія рѣки, кой-гдѣ бичевой на собакахъ, а гдѣ и на гребяхъ—это требуетъ много времени, денегъ и людей. На нѣкоторыхъ заимкахъ колымчане образовали селенія дымовъ въ 20—30 и больше. Это обыкновенно лучшія тони. Но, благодаря обилію неводовъ, каждому изъ нихъ приходится ждать своей суточной очереди. Впрочемъ, такихъ мѣстъ на Колымѣ очень мало. По большей части въ разстояніи отъ 10 до 40 верстъ—тона и на ней 2—3 невода: въ иные годы случается, что рыба выбираетъ, *помобитъ*, какъ говорятъ колымчане, почему-то одну; двѣ тони и здѣсь трется. Въ 10-ти верстахъ на одной заимкѣ промыселъ обильный, а сосѣдъ «насилу питается отъ воды, а придется такъ и изъ погреба», т. е. изъ запаса. Жить на рѣкѣ и ѣсть не «изъ воды», а изъ рыбы, сложенной въ погребѣ или засоленной—это для колымчанина несчастье. Въ этихъ случаяхъ довольно часто промышленники обиваются въ кучу на одну заимку. За короткое лѣто житель Колымы старается, изъ кожи лѣзетъ, не спитъ недѣлями, чтобъ только одѣлать большій запасъ на зиму, такъ какъ рыбный промыселъ въ жизни русскихъ и якутовъ составляетъ главный источникъ продовольствія, успѣхъ котораго, впрочемъ, зависитъ отъ множества непредвидѣнныхъ обстоятельствъ: высокой воды, затопляющей тони, или бурнаго лѣта, когда за вѣтромъ трудно неводить, и разныхъ другихъ мелкихъ, но неисчислимыхъ причинъ. Иногда густой ходъ рыбы можетъ зависѣть отъ того, что аеула и китъ преслѣдуютъ и, стало быть, гонять цѣлыя стаи рыбы изъ океана въ рѣку. Весною рыба идетъ вверхъ по рѣкѣ, и ходъ ея продолжается короткое время, но у нея есть особенно излюбленные мѣста, гдѣ весенняя рыба не идетъ дальше къ верховьямъ рѣки, а лѣтуетъ у тоней. Колымчане очень плохо сохраняютъ рыбу. Недостатокъ въ соли, посудѣ, хорошихъ погребахъ, нерадѣніе, лѣнь, недостатокъ рабочихъ рукъ, наконецъ, опоспособность ѣсть тухлую, прогнившую рыбу—все это причины того, что рыба прямо сбрасывается въ плохой погребокъ или яму, гдѣ она тухнетъ, гниетъ, и нужно много выносливости, нужно испытывать голодъ, отъ котораго вы почувствуете боли въ желудкѣ, чтобъ потреблять такую рыбу зимой; но колымчанинъ ѣсть терпѣливо, безъ отвращенія и только скучаетъ за *сѣжсиной*.

Добытая изъ воды, рыба обыкновенно потрошится, часть ея идетъ на сушку въ видѣ *юкамы*, т. е. распластанной, просушенной и прокопченной въ дыму, другая солится, пока хватитъ соли и посуды, въ полубочкахъ изъ подъ спирта (флягахъ), скупаемыхъ у кушцовъ, послѣ того, какъ содержимое ихъ продано. Изъ внутренностей вываривается жиръ, идущій въ пищу и на освѣщеніе.

Не смотря на однообразіе матеріала, колымчанки ухитрились замѣчательно разнообразить свой столъ въ лѣтнюю пору. Изъ нельмы

онѣ варятъ прекрасный супъ, сдобренный дикимъ лукомъ, въ изобиліи растущимъ въ долинахъ и поляхъ, искусно варятъ потроха мелкихъ рыбъ, готовятъ котлеты (тѣльно) изъ твердаго тѣла щуки съ подливкой изъ свѣжихъ ягодъ. Нужно отдать имъ справедливость, — колымскія женщины дошли до такой виртуозности, что умѣютъ дѣлать пироги, такъ называемые «ровдужные», т.-е. кожаные, не употребляя муки; или подадутъ вамъ фальсифицированные блины-барабаны, вѣжный вкусъ и видъ которыхъ почти не отличается отъ лучшихъ блиновъ изъ бѣлой муки, тогда какъ это не болѣе, какъ толченая икра, для легкости толченія сперва подмороженная, вылитая на сковородку и поджаренная на рыбьемъ жиру. Колымчанинъ очень любитъ рыбу. Правда, онъ скучаетъ и объ мясѣ, и хлѣбѣ, но спросите его, согласенъ ли онъ имѣть въ изобиліи мясо и масло и не ѣсть рыбы, и вы услышите: «какъ можно! безъ рыбы, что ужъ за жизнь? Эта чтобъ я рыбу промѣнялъ; нѣтъ, безъ рыбы я свой животъ потеряю, живой не буду». Тароватый на сочиненіе пѣсенъ, по каждому незначительному событію въ его сѣрой безцвѣтной жизни, онъ даже воспѣлъ рыбу. Вотъ образецъ колымской музы въ этомъ родѣ:

„А сельдязе тѣльно:
Распревкусное оно,
А икряннй барабанчигъ
Да на рыбьемъ на жиру!
А налимія уха
Чуло-предестъ хороша;
А въ тому же и пупки
Что за предести они“!..

Какъ «голодной кумѣ все хлѣбъ на умѣ», такъ колымчанинъ весь пропитанъ рыбьими интересами. Рыба не идетъ съ ума, она заплонила его мозгъ, сердце и душу—отъ нея зависитъ его «быть или не быть», его довольство внутреннее, теплая изба, ситцевая рубаха, чай, табакъ, починка снастей, гульба и пьянство, выдачи дочерей замужъ. Вотъ почему его пѣсня, въ которой сказывается міросозерцаніе, душа народа—рыбья, какъ и все, что въ немъ есть отъ начала до конца.

Во время промысла работаютъ всѣ: мужчины, бабы, дѣвки, подростки и даже малолѣткамъ находится работа. Но на долю бабъ, какъ и вездѣ, здѣсь выпадаетъ больше работы. Въ семьяхъ маленькихъ онѣ и на неводѣ, и по хозяйству, и по уборкѣ рыбы, онѣ и пищу готовить, дрова заготавливаютъ, шьютъ и починаютъ непромокаемую обувь и чайники кипятятъ. А одна эта послѣдняя работа такъ много отнимаетъ времени, что въ богатыхъ колымскихъ домахъ для этой дѣли назначается специальная женщина, такъ какъ колымчане вѣчно пьютъ чай, если не у себя, то въ гостяхъ, и пьютъ не два-три стакана, а отъ 10 до 30 чашекъ; чайники никогда не снимаютъ съ шестка камина.

Чтобы поставить «заводъ», т.-е. все, что входитъ въ понятіе о рыболовныхъ снастяхъ, необходимъ цѣлый капиталъ. Нужно имѣть рублей до 70 на холоть и пряжу, рублей 30 на конскій волосъ для сѣтей, необходимо имѣть двѣ лодки, изъ которыхъ одна большая (*кочевникъ*) служить для кочевокъ всей семьи, другая малая (*неводникъ*) для самаго промысла,—а обѣ онѣ стоять до 40 р. Кромѣ того, необходимо имѣть хоть одну *вѣтку* или *стружокъ*, т.-е. лодчонку скорлупу, выдолбленную изъ цѣлой осины или спитую изъ трехъ листовыхъ досокъ. Последняя, поднимая одного человѣка, управляется однимъ двухлопастнымъ весломъ, которымъ дѣйствуютъ со стороны на сторону, чрезвычайно вертлява и легка и служить для охоты на рѣкѣ на звѣря и птицу, а также и для быстрого переѣзда куда нибудь. Помимо всего этого, нужно хоть 30 посудинъ флягъ для соли рыбы и много другихъ мелкихъ снастей и принадлежностей. Словомъ, чтобъ имѣть хорошую заводину, отъ которой безусловно зависитъ удача промысла, колымчанинъ долженъ располагать суммой отъ 200 до 300 рублей разомъ и притомъ ежегодно подновлять, исправлять неводъ, лодки, сѣти и проч. А черезъ два-три года неводъ становится негоденъ и долженъ быть переимененъ на ново, такъ какъ матеріалъ, доставляемый въ Колымскъ купцами, какъ и всѣ вообще товары, по большей части, непрочный и гнилой. Рѣки же изобилуютъ не одной только рыбой, но еще дровесными пнями, корорами и морскими водорослями, отъ которыхъ неводъ рвется, портится и гниетъ.

Откуда же колымчанинъ, при его матеріальномъ убожествѣ, можетъ найти такую крупную сумму?

Въ этомъ случаѣ ему приходится на помощь заѣзжій купецъ или богатый обыватель, скупающій у него за безцѣнокъ будущій уловъ рыбы. Если онъ казакъ—онъ продаетъ свое довольствіе, получаемое отъ казны (муку и крупу), а также и жалованье за нѣсколько мѣсяцевъ и даже за годъ впередъ. Дорого обходится колымчанину эта помощь. Не послѣднюю причину голодовокъ нужно искать въ вѣчной кабалѣ, которую опутанъ обыватель и изъ которой ему никогда не выбиться. Но, быть можетъ, было бы еще хуже, еслибъ этой помощи не было.

Что же получаетъ колымчанинъ за свой неусыпный трудъ, за то, что мокнетъ подъ снѣгомъ и дождемъ, за долги бессонныя ночи?

Прежде всего онъ и его семья въ продолженіи всего лѣта сыты. Затѣмъ, въ лучшемъ случаѣ, онъ сдѣлалъ запасовъ:

10—20 флягъ рыбы просоленной—25—50 пудовъ.
Отъ 200—500 рыбы вѣшаной (т.-е. веклой) 20—50 »

Итого . 45—100 »

Прибавьте къ этому небольшой запасъ рыбьяго жиру, годнаго въ пищу и на свѣтъ, да нѣкоторое незначительное количество юкалы—и вы получите результаты неусыпныхъ трудовъ колымча-

нина. На долго-ли хватитъ такого запаса? Если мы возьмемъ семью въ пять человѣкъ и положимъ ей на день хоть 15 фунтовъ, то, принимая даже максимальную цифру промысла 100 пудовъ, мы приходимъ къ заключенію, что запаса этого хватитъ на 266 дней, т.-е., что 100 дней въ году, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, колымчаннѣ обречены на голодъ (три фунта рыбы на человѣка въ день это вовсе немного, если припомнить, что, кромѣ нея, онъ рѣдко имѣетъ что либудь въ пищу). Что же будетъ, если принять во вниманіе годы мало-промышленные, старые, изодранные неводы, изъ которыхъ рыба уходитъ, неудачный осенній уловъ сельдей, прожорливость собакъ, которыхъ въ каждомъ дворѣ не мѣнѣе шести, наконецъ, многочисленныя семьи? Отвѣтъ одинъ: голодъ!..

Впрочемъ, приведенныя цифры количества добытой рыбы далеко не точны. Колымчане независимые, зажиточные—тѣ, на шеѣ которыхъ не тяготѣютъ долги, за которые расплата происходитъ все изъ того же промысла, тѣ не только запасаются вдоволь и никогда не претерпѣваютъ лишеній, но еще продерживаютъ рыбу и къ веснѣ перепродаютъ ее по баснословной цѣнѣ. Но такихъ колымчанъ немного, а же беру общій видъ колымчанина-промышленника, такъ сказать, оединный. А для такого типа приведенныя данныя еще преувеличены. Сынъ обитатель Колымы только въ то короткое время, когда онъ живетъ на займѣ. Изъ остального времени года, онъ частью перебивается впроголодь, а частью *голодитъ* буквально, т.-е. ѣстъ такъ, какъ я описалъ выше. Нерѣдки случаи, когда онъ возвращается съ промысловъ ни съ чѣмъ; нѣтъ почти ничего ни для себя, ни для собакъ, и не пройдетъ мѣсяца послѣ обилія и сытости, какъ онъ уже бѣгаетъ по городу, что-то продаетъ, что-то обѣщаетъ доставить, кому-то подражается на дрова, предлагаетъ свой промыселъ будущаго года... *подъ пдушку*.

Обратите вниманіе на послѣднее слово: *пдушка!* Въ этомъ словѣ нѣжность, уваженіе ко всему, что можно ѣсть. Въ голодномъ воображеніи колымчанина рыбка, чайкъ, *бурдучокъ* *), мучка—вырастаютъ въ поэтическіе образы, онъ лепѣтъ эти образы, говорить о нихъ съ нѣгой и страстью и, засыпая голодный, болѣзненно мечтаетъ о нихъ, какъ мы съ вами, о прекрасныхъ, но недостижимыхъ идеалахъ. Какую массу предосторожностей принимаетъ онъ, чтобъ не *пропавить промыселъ*: первой пойманной щуки нельзя рубить хвоста, посолить въ одной флягѣ нельзя—самую почетную рыбу—вмѣстѣ съ мелкой рыбой нельзя. Будешь неводить въ праздникъ, и неудача промысла цѣлой заимки будетъ приписана этому обстоятельству. Будешь неводить нерадиво, упустишь рыбу изъ снасти,—рыба осердится и промысла не станетъ...

— Чтой-то, робята, промысла не стало?—сокрушается займочникъ.

*) Бурдучъ—по якутскн муга.

— А въ Агулининъ-то день кто неводилъ? Ванька Налимій Ротъ неводилъ—вотъ *промыселъ прогнѣлимъ*, рыбка не пошла,—разрѣшаетъ задачу спрашиваемый и находитъ полное сочувствіе въ своемъ собесѣдникѣ.

— Такихъ бы промышленниковъ на займку не принимать. Всѣмъ портятъ. Рыба—*бодняжка* тоже вѣдь любитъ аккуратъ: лови-лови и отдыхъ дай ей. Развѣ она, думаешь, не понимаетъ?

— Кава *) не понимаетъ? Понимаетъ.

— А все отчего? Отъ *диктоты* **). Вотъ вродѣ Ивана-Суеты. Обыкновенно ***) бѣгаетъ, съ вѣтки не слѣзаетъ, обыкновенно промышленяетъ, а все ничего нѣтъ, къ Покрову ужъ вдушки нѣтъ. Пойдетъ баба въ амбаръ за рыбой. А гдѣ она? *Никто нѣту*.

Въ Колымскѣ не мало людей одинокихъ и семей, у которыхъ нѣтъ никакого завода, или если и есть, то неполный: или неводъ половинчатый, или нѣтъ *карбаса* (лодка—вѣроятно отъ слова баркасъ) или, наконецъ, все это есть, но, по тѣмъ или инымъ причинамъ, нѣтъ рабочихъ рукъ. Въ такомъ случаѣ производится *спарка*, т. е. соединяются (спариваются) одинъ съ другимъ: двѣ половины невода въ одинъ, или невода одного хозяина съ карбасомъ другого, а то просто одна сторона даетъ рабочія руки, а другая заводъ. Малосемейные берутъ въ помощь работника или работницу, но рѣдко, почти никогда за деньги, а изъ *рыбы*: третьей или четвертой,—это значить, что работникъ получаетъ, помимо полного довольствія, ту или другую часть промысла, которой располагаетъ, какъ ему вздумается.

На займкѣ одна семья не имѣетъ права держать больше одного невода. Иначе богатые завели бы по нѣскольку неводовъ, и для немущихъ очередь неводить выпадала бы очень рѣдко. Неотдѣленные отъ общей семьи, женатыя сыновья получаютъ право на $\frac{1}{2}$ невода, который спаривается съ кѣмъ-нибудь. Но на разныхъ займкахъ никто не возбраняетъ имѣть по одному неводу хоть на каждой. Очередь неводьбы всегда ведется справедливо, точно до мелочности и въ большинствѣ случаевъ посуточно. Въ этомъ отношеніи колымчанинъ-пролетарій никому не позволитъ сѣсть себѣ на шею. Вообще справедливое и участливое отношеніе колымчанъ другъ къ другу должно быть отмѣчено, какъ явленіе общее. Въ семьѣ заболѣлъ или уѣхалъ хозяинъ-работникъ, и за него всегда придетъ неводить кто-нибудь изъ однозаймчанъ и будетъ работать какъ для самого себя. Уходъ за неводомъ требуетъ аккуратности и вниманія. Прометавъ *суточную тоню*, неводъ надо развѣшать на приспособленныхъ къ тому вѣшалахъ, очистить каждую ячейку отъ водорослей, сора и древесныхъ вѣтокъ. Брошенный въ лодкѣ

*) *Кава*—кого, т. е. какъ.

***) Диктовка, много диктовки, значить суетность, хлопотливость и вообще сложность чего-нибудь.

****) Обыкновенно—безпрестанно, то-и-знай.

или не хорошо развѣшанный, неводъ быстро подвергается порчѣ, ячейки рвутся при малѣйшемъ къ нимъ прикосновеніи, и рыба свободно уходитъ изъ невода. Дождь, снѣгъ—пусть мочить его. Это ничего: лишь бы снасть была развѣшана. Послѣ каждой неводьбы неводъ требуетъ починки и поправки; тщательно осматриваютъ полавки и грузила, веревки, лодки и весла, чтобы къ слѣдующей очереди было поменьше *диктовки* и не было необходимости *пороть шорлячку*, т. е. торопиться.

На займкѣ колымчанинъ живетъ какъ-нибудь. Дома, по большей части, у него нѣтъ. Да и не стоитъ его заводить, потому что не всегда можно и выгодно жить въ одномъ и томъ же мѣстѣ: это зависитъ отъ хода рыбы въ томъ или другомъ мѣстѣ рѣки, оттого, что зачастую тоня портится. Въ ней появляются ямы, или ее начинаетъ завивать, благодаря смытому нагорному берегу. Въ кой-какъ наскоро сколоченномъ изъ неотесанныхъ бревенъ балаганѣ проводитъ колымчанинъ свое страдное время. Ни печи, ни камина, ни кровати въ такой урасѣ не полагается. Онъ спитъ на землѣ, рѣдко на доскахъ, дымъ клубится по избѣ и ѣсть глаза, а чуть пересталъ курить дымъ, какъ тучи комаровъ осаждаютъ и ѣдятъ его тѣло. Нѣтъ, ужъ лучше пусть дымъ. Запахъ неубранной рыбы наполняетъ жилье зловоніемъ, а онъ сидитъ и, чашку за чашкой, вливаетъ въ себя крѣпкій настой кирпичнаго чаю, закусывая юкалой, мокая ее въ свѣжій рыбій жиръ. Онъ сытъ, а, стало быть, доволенъ и счастливъ. Если вообще внѣшняя жизнь колымчанъ жалка, то на займкѣ она еще болѣе поражаетъ своею убожествомъ и производитъ впечатлѣніе жизни кочующаго дикаго племени, но ужъ никакъ не русскихъ людей—потомковъ смѣлыхъ завоевателей края. Впрочемъ, иные изъ нихъ устраниваются поудобнѣе. Богатые имѣютъ дома, перевозятъ на займку мебель, побѣднѣе—дѣлаютъ къ своему балагану пристройку (*бѣлый домъ*), гдѣ вы найдете каминъ, полъ и кровать—нары. Полъ устланъ свѣжей дулистой хвоей лиственницы, комары не миллиардами, а только тысячами заползаютъ въ щели, и все чисто и опрятно. Но это, повторяю, рѣдко и дѣлается больше для виду, для пріѣзжихъ изъ города гостей, къ которымъ колымчане особенно чувствительны изъ тщеславія: «и мы не хуже другихъ». Вообще же колымчанинъ безпеченъ и, если хотите, можно пожалуй сказать, удобствъ не понимаетъ, т. е. потребности въ нихъ не ощущаетъ.

Все время, занятое рыбными промыслами, колымчанки занимаютъ сборомъ ягодъ. Въ Семеновъ день, 1-го сентября, онѣ специально уѣзжаютъ въ горы за сборомъ брусники. Мужчины же во все лѣто охотятся на птицу и дикаго звѣря.

Промыселъ на птицу особенно развитъ въ Нижне-Колымскѣ и кой-гдѣ по окраинамъ лѣсовъ, въ мѣстѣ жительства якутовъ. Къ морскому берегу прилетаютъ гуси, лебеди и утки. Тогда промышленники отправляются раззорять птичьи гнѣзда изъ-за яицъ. Но

когда лишенная перьевъ птица не въ состояніи летѣть, когда она вылиняла и можетъ лишь плавать, охотники собираются группами, пугаютъ птицъ собаками, бьютъ палками, топчутъ ногами, хватаютъ руками и душатъ, или загоняютъ въ озера и рѣчки, гдѣ ловятъ сѣтями и умерщвляютъ весломъ. Добытая птица тутъ же потрошится и приготавливается въ сушку, а кому лѣнь это дѣлать, закапывается свою долю въ земляныя ямы до зимы. Этотъ видъ промысла годъ-отъ-году падаетъ: птицы прилетаетъ все меньше и меньше, или она гнѣздится на островахъ и вообще въ мѣстахъ, куда не можетъ проникнуть всепокоряющій, безжалостный глазъ чело-вѣка. Даже весенній перелетъ ея значительно уменьшился въ Колымскѣ на моихъ глазахъ. Такъ, первый годъ моего пребыванія въ немъ, я лично стрѣлялъ утокъ изъ окна моего дома. Теперь птица стала осторожнѣе; прилетѣвшая Богъ знаетъ откуда, сколько ружейныхъ салютовъ она выслушала на своемъ пути!.. Ея ухо чутко къ каждому выстрѣлу, а глазъ научился различать стволъ ружья; теперь она летаетъ гдѣ-то стороной и забирается въ недоступныя для охотника мѣста.

Колымчанинъ постоянно на сторожѣ: не летитъ ли гусь, не плыветъ ли олень или лось. Въ послѣднемъ случаѣ онъ быстро очутится въ вѣткѣ-скорлупѣ, гдѣ всегда на готовѣ копье, нѣсколькими взмахами весла быстро нагоняетъ звѣря и колетъ его. Нуженъ опытный и вѣрный глазъ, чтобъ угодить звѣрю въ такое мѣсто, чтобы онъ сразу обмеръ, нужно много отваги и самообладанія, чтобъ не вывернуться изъ утлой лодчонки. А разъ это случится, тогда колымчанинъ погибнетъ на глазахъ у дѣлаго селенья, потому что плавать онъ не умѣетъ, и одной минуты достаточно, чтобъ онъ, какъ свинецъ, пошелъ ко дну.

Всѣ надежды колымчанъ устремлены на осень, на сентябрь, когда наступаетъ большой ходъ сельдей. Въ это время онѣ дѣлыми полчищами идутъ изъ моря въ Колыму метать икру. Какъ бы ни былъ бѣденъ и скуденъ лѣтній промыселъ, достаточно показаться благодѣтельной сельди, и въ два-три дня удачной неводьбы колымчанинъ доволенъ, потому что сдѣлалъ запасъ, если не для себя, то для своего скота-собаки. Впрочемъ, сельдатка (очень вкусная рыба) необходима не только для собакъ: за неизмѣнимъ нельмы (большая до полутора пудовъ жирная рыба-аристократка) можно довольствоваться и ею. Сельдей прибываетъ изъ океана такое множество, что въ благоприятные годы въ одну тоню, т. е. за одинъ замахъ невода, ловятъ до 3,000 штукъ, а въ три-четыре дня хороший промышленникъ добудетъ отъ 40 до 50 тысячъ. Это не сказка и особенно относится къ Нижне-Колымску, гдѣ близость къ океану обуславливаетъ всегда лучший промыселъ и гдѣ на сельдяжій промыселъ обращено особенное вниманіе промышленниковъ, такъ какъ въ Нижнемъ единственное хозяйство, единственный скотъ—собаки,

которыхъ у каждого обывателя, по крайней мѣрѣ, 12, а у иныхъ и до 30, а ихъ надо вѣдь прокормить чѣмъ-нибудь.

Нижнеколымчанинъ лѣнивѣе и безпечнѣе Средневеца. Чтобы прокормить 12 собакъ въ теченіе долгой зимы, ему требуется 12 тысячъ сельдей, и, добывъ ихъ, онъ бросаетъ промыселъ, хотябы вода кишмя кишѣла рыбой.

— Что, паря, напромысьи *двѣнадцать*?

— Напромысьи,—нехотя отвѣчаетъ паря, потягивая изъ трубочки.

— И я. Станемъ есть... А то давай еще...

— На что?—флегматично отвѣчаетъ тотъ.—Будеть. Вабушкѣ на той свѣтъ повоекѣшь?..

— И то,—соглашается товарищъ.—Есть станемъ.

И лежать. А рыба уходитъ. А съ января онъ ужъ пойдетъ къ кулаку, и за каждую рыбку обяжется заплатить лѣтомъ пять. А неостанетъ рыбы, уѣдетъ къ чукчамъ и будетъ лежать у нихъ, благо, какъ гостя, кормятъ и его, и собакъ.

Нѣтъ, Средневецъ все-таки болѣе энергичнѣе, болѣе развить и болѣе думаетъ о будущемъ, т. е. о веснѣ.

Вмѣстѣ съ сельдяткой оканчивается осенній промыселъ. Колымчане переѣзжаютъ въ городъ по водѣ, плывутъ съ лѣсными. Многіе же остаются на рѣкѣ для охоты на оленя, да и вообще жить надъ водой удобнѣе. Какъ бы ни было, а на ежедневную потребность всегда можно достать изъ рѣки, особенно когда она станетъ. Въ это время появится налимъ, можно метать сѣти (изъ бѣлаго конского волоса) подо льдомъ, можно запрудить рѣку въ узкомъ протокѣ, между островомъ и берегомъ, тальникомъ, хворостомъ и лѣсомъ, къ чему колымчане прибѣгаютъ почти ежегодно. Въ осеннюю пору, когда рѣка окоченѣла, вѣтры выгоняютъ изъ моря нельму, муксуна и омуля, и ловля продолжается съ перемѣннымъ успѣхомъ до конца ноября, когда тьма, холодъ и толщина льда заставляютъ промышленника прекращать работу и возвращаться въ зимнія жилища. Но и тутъ колымчанинъ зорко слѣдитъ за лѣснымъ звѣремъ и птицей: онъ ставитъ пасти и петли на лисицу, песца и другого звѣря, стрѣляетъ глухаря, а придетъ тепло и свѣтъ, т. е. февраль, какъ онъ ужъ ладитъ какую-то хитрую снасть на куропатку и зайца. Словомъ, каждое время года мѣняетъ и занятіе колымчанина.

Удача промысла зависитъ не только отъ того, что въ рѣкѣ есть рыба, а въ лѣсу звѣрь и птица, не только отъ хорошихъ снастей, лодокъ и проч., но еще и отъ личности промышленника. По мнѣнію колымчанъ, *промыселъ любитъ* человѣка *съ сердцемъ*, т. е. съ энергіей и настойчивостью. «Вонъ, смотри, старичокъ, ему ужъ 80 лѣтъ будетъ, топоръ поднять не въ силахъ, а на промыслѣ страшной». Такого человѣка промыселъ любитъ: къ другому рыба въ сѣтъ нейдетъ, а человѣкъ съ сердцемъ на томъ же мѣстѣ сѣтъ поставитъ и

у него она полна рыбой. Рыба къ нему *уважительно*. Даже слово *промышленникъ* колымчане примѣняютъ только къ хорошимъ промышленникамъ—этимъ выражается: умѣнье, сметливость, хитрость въ отношеніи звѣря, догадливость—словомъ, сердце. Сердца нѣтъ—и нѣтъ удачи. Хозяйственному, трудолюбивому колымчанину никогда не будетъ отдыха, разъ онъ охочь къ труду и дальновиденъ. Кончилось время промысла, онъ сидитъ въ избѣ, строгаеъ какія-то ловушки, чинить сѣти, дѣлаеъ нарту, исправляеъ собачью упряжь, наконецъ, чего стоитьчуть не каждый день сѣздить въ лѣсъ за дровами въ жестокой холодъ и тьму? Работы много, трудъ болѣе чѣмъ тяжелый, трудъ каторжный, и, конечно, не всякій способенъ къ нему, тѣмъ болѣе въ пору голодовокъ. Какой ужъ искать тутъ энѣргіи и настойчивости? Духъ и тѣло слабы, «сердца нѣтъ». Еслибы когда-нибудь русскаго или европейскаго крестьянина постигла такая голодовка, какъ колымчанина, весь міръ поднялся бы на ноги, братскія чувства народовъ пришли бы на помощь голодающимъ, заговорили бы о неурожаяхъ, о соціальныхъ условіяхъ. А колымчанинъ голодаеъ тихо, безъ шума, безропотно. Тутъ же подъ бокомъ у него казенный магазинъ ломится отъ хлѣба, амбары и погреба нѣсколькихъ богачей переполнены «ѣдушкой», а колымчанину и въ умъ не придетъ заняться *экспроприацией*, онъ продолжаеъ молча страдать.

II.

Стояла чудная сибирская погода. Неглубокой снѣгъ быстро стаялъ, и лѣто явилось необыкновенно рано: старожилы не запомнятъ ни такого ранняго лѣта, ни такой суши; за то комары очень ужъ надѣдали.

Колымскъ окруженъ густымъ кольцомъ лѣсовъ. Куда ни брошишь взоръ, вездѣ необозримый лѣсной океанъ сливается съ горизонтомъ. Съ начала іюля лѣса загорѣлись. Горѣлъ весь округъ. Стоялъ сплошной дымъ, въ воздухѣ пахло гарью, небо помутнѣло, солнце выглядѣло печальнымъ и имѣло видъ желто-грязнаго пятна на глубоко-сѣромъ фонѣ; лучи его точно силились пробиться сквозь густоту дыма, но напрасно, и на городъ, застланный имъ, то-и-дѣло падали обуглившіеся куски древесной коры, еще продолжавшей дымиться и послѣ паденія ея на землю. Городу грозила опасность загорѣться, и исправникъ не разъ уже высылалъ казаковъ унимать пожаръ: рыть канавы, спускать въ нихъ озерную воду. Но что можно было сдѣлать, когда вѣтеръ перебрасывалъ не только горящій уголь, но и цѣлые сучки и полѣнья, когда вѣтеръ съ лѣсами горѣла самая почва, т. е. необъятная торфяная залежь!

Я уже подумывалъ было куда нибудь уѣхать (въ городъ положительно дышать прихедилось съ трудомъ), какъ въ одинъ изъ

такихъ скверныхъ дней въ занимаемую мною юрту вошелъ молодой казакъ.

— Къ вамъ,—сказалъ онъ односложно.

Я молчалъ, ожидая дальнѣйшаго.

— Хозяйка кланялась и говорить: если-ка они жаждутъ, пусть ѣдутъ съ нами прогуляться на займеу, на «Быстрое» — сообщилъ посланный.

«Быстрое» — рыбопромышленная займка въ нижнемъ теченіи Колымы, въ 160 верстахъ отъ города. Я выразилъ готовность ѣхать. Я избавлялся отъ дыма, отъ мрачнаго вида висящаго и давящаго городъ бурого тумана; не мѣшало, кстати, провѣтриться вообще, посмотрѣть на промысла. Говорили, что по низу рѣки пожары не такъ сильны...

Мы условились съ любезной обывательницей, у которой была своя лодка, свои люди и собаки, выѣхать рано по утру.

Начали грузиться чуть не въ пятомъ часу утра. Пол-карбаса было занято порожними флягами, собаками, какими-то ящичками, переметными сумами, другая же половина занята палаткой для насъ; это защита отъ ненастья и комаровъ, но въ ней обыкновенно такъ душно, что предпочитаешь мокнуть и быть искусанымъ *бурдахомъ* *).

Мы сѣли въ лодку. Дулъ легкій попутный вѣтеръ, такъ что, когда мы перегребли на противоположную сторону и пошли берегомъ, не было нужды спускать собакъ на бичеву. Лодка шла легко на веслахъ и только кое-гдѣ *хозяйка* (назовемъ ее Александрой Ивановной), казачья вдова въ бальзаковскомъ возрастѣ, командовала:

— Спускай собакъ! Ой, всесвѣтное твое безумство! Не видишь *бистерь* (быстрое теченіе) какая. *Грabitъ* (грести) невозможно.

Парень, тотъ самый, что приходилъ посломъ, причаливалъ къ берегу, спускалъ трехъ маленькихъ, мохнатыхъ собакъ и привязывалъ ихъ къ длинной бичевѣ, конецъ которой былъ привязанъ къ вершинѣ укрѣпленнаго въ лодкѣ шеста. Казакъ шелъ за собачками, подгоняя ихъ посвистомъ, а лодка, управляемая однимъ рулевымъ, буквально летѣла, разрѣзая свѣтлую воду рѣки.

Вѣда на собакахъ по водѣ представляетъ большую помощь, замѣняя трудъ нѣсколькихъ человѣкъ, трудъ, какъ извѣстно, очень тяжелый. Но съ этимъ способомъ передвиженія, выражаясь словами колымскаго обывателя, много *диктовки*, т. е. хлопотъ. Требуется ровный, сплошной, безъ перерывовъ берегъ: попалась рытвина или ручеекъ, или берегъ, усѣянный плавающимъ, лодку уже нужно причалить къ берегу, забрать на нее мокрыхъ, грязныхъ собакъ, съ тѣмъ, чтобъ черезъ нѣкоторое время снова продѣлать то же. Къ тому же близкое сосѣдство собакъ крайне неприятно — это знаетъ всякій охотникъ...

*) Бурдахъ — по якутски комарь.

Въ концѣ іюля ночи уже настоящія, темныя.

День на исходѣ. Солнце ниже и ниже горитъ на небѣ и нехотя, медленно опускается за горизонтъ. Рѣка, погруженная въ полумракъ, закуталась клубящимся туманомъ. То тамъ, то сямъ проглядываютъ тѣни. Тьма и тишина наступаютъ исподволь, но твердо и неостраимо. Въ темносинемъ небѣ проступили тысячи звѣздъ. Тшь и сонъ. Спать рѣка, спать горы, лѣса—опочилъ весь міръ, и надъ нимъ небесный сводъ чудно сіяетъ своей величавой красой. И какъ дивно хорошо кругомъ! Такія хорошія мгновенія въ Колымскѣ рѣдки. Я боюсь проронить одно изъ нихъ и, не отрывая глазъ, глубоко вдыхаю въ себя аромать хвойнаго лѣса, приносимый чуть-чуть трепещущимъ вѣтеркомъ.

Но погода вдругъ рѣзко измѣнилась. Съ «тихаго угла» *) подулъ рѣзкій «восточникъ», называемый «дѣдушкой». Откуда ни возьмись, облака затянули небо и, какъ это часто бываетъ въ Колымскѣ **, жаръ смѣнился довольно-таки ощутительной прохладой, а потомъ и холодомъ, и на землю разомъ не упалъ, а повалилъ густой, крупный снѣгъ. Это было 24 іюля. Сумрачно и тоскливо. Не прошло и часа, какъ весь берегъ покрылся сѣрватою грязью. Хлопья снѣга носились въ воздухѣ, падали на лодку, на одежду, западали за шею, въ рукава... Пришлось идти на гребяхъ, такъ какъ нечего было и думать о бичевѣ. Гребцы выбивались изъ силъ, а лодка двигалась чуть замѣтно. Съ большимъ трудомъ, подъ косымъ вѣтромъ, бросавшимъ лодку изъ стороны въ сторону, достигли мы глубокою ночью ночевья — займки «Кульдино», гдѣ поселилось до 25 промышленниковъ. Это одна изъ обильныхъ рыбой тоней. Здѣсь живутъ по преимуществу богатые промышленники, а между ними зажиточная и, по колымскимъ понятіямъ, аристократическая семья В., о которой мнѣ говорили, что больше и лучше ея никто не добываетъ. Къ этой-то семьѣ, нѣсколько уже знакомой мнѣ, мы отправились прямо съ берега, рассчитывая заночевать у нея,—естати же она жила въ порядочномъ домѣ и вообще въ довольствѣ—примѣнительно, конечно, къ колымскимъ понятіямъ.

Колымскую «интеллигенцію» на займкахъ встрѣчаютъ не совсѣмъ охотно, не выражая этого, впрочемъ, даже намекомъ. Это станетъ понятно, если я скажу, что весь этотъ непромышляющій людъ устремляется на займки, съ цѣлью за безцѣнокъ приобрести рыбу. Они запасаются солью, посудой, «проживаютъ» на каждой займкѣ, тутъ же солятъ приобретенную рыбу, оставляя ее въ погребѣхъ, и на обратномъ пути забираютъ ее съ собой или же оставляютъ до *рыбкостава*, т. е. до зимняго пути. Нѣкоторые изъ особенно анер-

*) Такъ колымчане называютъ востокъ.

***) Колымчане въ дорогѣ, въ самое жаркое время, запасаютъ въ путь мѣховую одежду.

гичныхъ доѣзжаютъ до Нижняго, всюду забирая рыбу, юкору и жиръ съ условіемъ доставки ихъ въ городъ зимой. Но прежде, чѣмъ приступить къ подряду или куплѣ наличной рыбы, поторговщики, скупщики, священники и чиновники или ихъ семьи обыкновенно прибѣгаютъ къ иному, совершенно оригинальному, способу получать въ подарокъ рыбу отъ всѣхъ *заимошниковъ*—и въ этомъ главная причина недружелюбной встрѣчи гостей. Способъ этотъ таковъ. Запасшись чаемъ, табакомъ, мукой, солью, сахаромъ, пріѣзжій гость посылаетъ со «своимъ человѣкомъ» всѣмъ зайчанамъ: кому нѣсколько листовъ табаку, кому осьмую часть кирпича чаю, кому фунта два-три соли и т. д.—всѣмъ по его нуждѣ, о которой всегда и всѣмъ въ Колымскѣ, болѣе чѣмъ хорошо, извѣстно. Обычай, приличіе, тонъ, а отчасти и дѣйствительная нужда не дозволяютъ и помыслить не принять *посылки*, а тѣмъ болѣе не отдарить, не подѣлиться отъ промысла; а отдарокъ всегда неизмѣримо выше подарка, такъ какъ всякому понятна тенденція этихъ поѣздокъ и посылокъ, да и сверхъ того «прогнѣвить не охота»—вѣдь это все власть имущіе, отъ которыхъ пролетарій-колымчанинъ всегда, во всякій моментъ своей нищенской жизни зависимъ.

Въ прежнія, патриархальныя времена въ Колымскѣ существовалъ обычай на счастье гостя бросать неводъ. Обычай этотъ, благодаря частымъ и нецеремоннымъ поѣздкамъ на займки съ исключительной цѣлью эксплуатировать гостепримство, когда-то вполне безкорыстное, сталъ выводиться... Послѣ этого станеть понятнымъ, что пріѣздъ нашъ на Кульдино показался сначала не по нутру зайчанамъ, но затѣмъ семья Б. оказала мнѣ самое лестное гостепримство: колымчане очень цѣнятъ вниманіе къ нимъ русскихъ людей, не прибѣгающихъ къ описаннымъ выше способамъ пріобрѣтенія «подарковъ».

Ни на другой, ни на третій, ни на слѣдующій день снѣгъ не переставалъ, да и не стаивалъ. Дулъ непрерывный вѣтеръ съ моря, было холодно, какъ въ октябрѣ, но промыслу это не мѣшало: метали тони по очереди, рыбу привозили, убирала, но на всемъ и во всѣхъ лежала печать непогоды, какое-то угрюмое недовольство. Къ тому-же въ моментъ моего пріѣзда семья Б. находилась въ уныніи, такъ какъ единственному взрослому мужскому представителю ея грозила по суду ссылка въ Томскъ! Да, читатель, ссылка въ Томскъ изъ Колымска вызываетъ не только уныніе, но и разсматривается, какъ несчастье! Во первыхъ, по мнѣнію колымчанъ, тамъ жарко, во вторыхъ, тамъ живутъ на *пустомъ* *) хлѣбѣ, а о рыбѣ и не мечтай, въ третьихъ, наконецъ, какъ же этакъ вдругъ придется жить не въ Колымскѣ, не на Колымѣ, не на промыслѣ, не въ своемъ старомъ домѣ, не на займкѣ, а въ шумномъ городѣ, гдѣ народу «мольчъ комарь»... **). Колымчане вообще страшные патриоты,

*) На одномъ лишь.

**) *Мольчъ*—точно, какъ-будто. Употребляется также для усиленія.

очень амбициозны и отъ нашихъ постороннихъ глазъ стараются скрывать нѣкоторыя изъ сторонъ своей жизни. Это особенно стало замѣчаться послѣ того, какъ въ Колымскѣ была получена книжка г. Діонео, который, къ слову сказать, далеко не снисходительно относится къ этимъ жалкимъ, неразвитымъ людямъ. Съ этихъ поръ колымчане стали посматривать на пришлаго интеллигента косо, подозрительно и не разъ спрашивали меня, напр.: «А вы, какъ уйдете въ свой городъ, поди, тоже станете писать про насъ гадости? На бумагѣ можно всякое равное писать, только надо вѣжливо *до-стать*... тогда будетъ самый сепъ... *).

— А по моему,—отвѣчаю я,—дѣло не въ вѣжливости, а въ томъ, чтобъ правду написать. Не такъ-ли?

— Такъ - ли, нѣтъ-ли—ужь не знаю,—гордо отвѣчала мнѣ Александра Ивановна.—Ну что вы можете про меня написать: я женщина почетная, *дѣтovitая* (много дѣтей), у другихъ дѣти *не стоятъ* (не живутъ), а у меня, славъ Богъ, дѣтей во сколько. Живемъ *каждуть* ** *мночеръ* ***) намъ завидуютъ. *Изабуль* (вправду)! Я къ вамъ скажу вотъ что. Мы вотъ теперь люди промышленные, скотистые (много скота), рабѣтаемъ, дѣвушки у насъ все *платочныя* ****). Однако, чтожъ про насъ писать?—Почетная колымчанка старается меня задобрить, говорить мягко, заискивающе. Она хочетъ меня убѣдить, во что бы то ни стало, что писать про нихъ нечего и вообще это «нестоящее дѣло».

А замѣчательная это, дѣйствительно, женщина. Энергична въ ней, дѣятельности непочатый уголь. Не смотря на страшные размѣры и дородность, она двигается легко, какъ молодая, изящная дѣвушка. Она командуетъ всѣмъ домоу, всѣмъ промыслу, всѣми рабочими. У нея за столъ садится отъ 20 до 25 человекъ, лучшая соленая рыба у нея, лучшихъ соленыхъ и прокопченныхъ сельдяныхъ пупковъ, чѣмъ у нея, не ищите. Не смотря на свои 60 лѣтъ, она проворна, неутомима, она не ходитъ, а летаетъ, всюду поспѣвая. Въ домѣ она носится, какъ побѣдоносный генералъ. Она властно, повелительно, но спокойно назоветъ лишь имя какой нибудь изъ дочерей, метнувъ въ ея сторону своими красивыми глазами, и та ужъ понимаетъ, чего маменька хочетъ или что ей не понравилось. Весною она наберетъ у купцовъ въ долгъ чаю, табаку, немного мелочи и, имѣя подъ полой широкой кофты нѣсколько бутылокъ разведеннаго водой спирту, садится въ собачью нарту и летитъ на Алюйскіе острова, за 1000 в., по отчаянной дорогѣ, гдѣ разъ въ годъ собираются инородцы, главнымъ образомъ, чукчи, для мѣновой торговли,

*) Сепъ—по якутски хорошо, самый сепъ—вполнѣ хорошо.

***) Хорошо, важнично.

****) Множественное число отъ много—якутскимъ.

*****) Богатство, между прочимъ, въ обиліи шелковыхъ головныхъ поварокъ.

преимущественно для аса *timil* *). Тамъ, набравъ отъ нихъ оленьихъ шкуръ, дорогихъ мѣховъ, готовой теплой одежды, она кой что оставить для своихъ, а остальное перепродаетъ и такимъ образомъ «переворачивается». Весною она продаетъ излишекъ отъ промысла, а вообще говоря, въ году нѣтъ такого момента, чтобъ она что либо не подражала, чего либо не покупала и не перепродавала; помимо же всего этого, она славится на весь Колымскъ, какъ лучшая подборщица мѣховъ, и въ этомъ, дѣйствительно, дошла до своего рода виртуозности, а потому многіе изъ пріѣзжихъ купцовъ, чиновниковъ, врачей и духовенства и даже якутяне заказываютъ ей подобрать имъ тотъ или иной мѣхъ **).

На Кульдинѣ я прожилъ цѣлую недѣлю, благодаря снѣгу. Былъ промежутокъ въ сутки, когда снѣгъ только порошилъ, и я воспользовался этимъ, чтобъ побродить съ ружьемъ. На обратномъ пути, верстахъ въ семи отъ заимки, въ самой глубинѣ лѣса, среди колоссальныхъ лиственницъ я вдругъ очутился на прогалинѣ и замѣтилъ довольно странной конструкціи предметъ, лежавшій на двухъ стоячихъ съ обрубленными вершинами деревьяхъ, на вышинѣ отъ земли сажени въ двѣ. Предметъ этотъ имѣлъ форму овальнаго ящика. Деревья-подставки стояли нѣсколько поодаль отъ живыхъ лиственницъ и между собою не сообщались. Въ первую минуту мнѣ пришло на мысль, что это обыкновенный арангасъ — амбаръ, которые якуты строятъ на высокихъ деревьяхъ, для защиты съѣстныхъ припасовъ отъ происковъ медвѣдя и другихъ хищныхъ животныхъ (ясицы и песца), разоряющихъ склады. Но мгновенно же я припомнилъ рассказы, которые мнѣ приходилось слышать уже въ Колымскѣ, что многіе дикари, а въ частности якуты до своего крещенія (въ срединѣ XVIII столѣтія, именно въ 1750-хъ годахъ) хоронили покойниковъ просто на землѣ въ деревянномъ срубѣ, а впоследствии—на стоячихъ деревьяхъ. Это меня живо заинтересовало, и я рѣшилъ, во что бы то ни стало, ознакомиться съ содержаніемъ арангаса. Не говоря никому ни слова на заимкѣ (такъ какъ ни русскій, ни якутъ-аборигенъ ни въ какомъ случаѣ не только не помогли бы мнѣ въ такомъ дѣлѣ, а даже, пожалуй, въ домъ не пустили бы), я на другой день, подъ видомъ охоты, не смотря на падавшій густой снѣгъ, захватилъ съ заимки топоръ и по насѣчкамъ, сдѣланнымъ мною наканунѣ въ лѣсу, безъ труда достигъ мѣста, къ которому я стремился. Вы-

*) По чукотски смерть.

***) Въ Колымскѣ есть, кромѣ нея, еще нѣсколько женщинъ, специально занимающихся этого рода работой, и кропотливое трудолюбіе ихъ въ этомъ отношеніи понятнѣе изумительно. изъ мельчайшихъ кусочковъ: изъ ушекъ бѣлки, лапокъ, головокъ, хвостовъ и т. д. подбирая дорогіе мѣха, онѣ непремѣнно оставляютъ себѣ нѣкоторую долю, значительную или нѣтъ, смотря по ихъ добро совѣстности, и съ теченіемъ времени, черезъ много лѣтъ, у какойнибудь бѣдной женщины, гляди, появилось нѣсколько великолѣпныхъ мѣховъ, которыхъ бы ей и въ жизнь не приобрѣсти никакими трудами.

рубивъ нѣсколько тонкихъ жердей и сдѣлавъ надрубки на столбахъ, я поднялся кверху. Гробница представляла двѣ лодочки (точная копія якутскихъ стружковъ), изъ которыхъ верхняя была опрокинута на нижнюю, въ видѣ крышки, и прикрѣплена къ ней вбитыми въ планкѣ клиньями. Дно нижней лодочки держалось на столбахъ посредствомъ толстыхъ деревянныхъ гвоздей съ уширенными кверху въ видѣ шляпокъ концами. Освободивъ верхнюю лодочку отъ клиньевъ, я сдвинулъ ее въ сторону, и глазамъ моимъ представился трупъ чело-вѣка въ темной одеждѣ, которая при одномъ лишь прикоснове-ніи оказалась пылью. Съ большими усилиями мнѣ удалось придать крышкѣ прежнее положеніе. Рисунокъ этой гробницы и до сихъ поръ хранится у меня.

Такимъ образомъ, если даже предположить, что гробница эта относится ко времени, непосредственно предшествовавшему кре-щенію якутовъ, то и въ этомъ случаѣ, въ моментъ находки, ей можно было дать, по малой мѣрѣ, лѣтъ полтораста. Лиственни-ца по большей части очень трудно поддается порчѣ, и чѣмъ стар-ше постройка, тѣмъ крѣпче дѣсны, ее составляющія (исключая соприкасающихся съ землей); очень старыя положительно съ трудомъ поддаются топору: онѣ какъ бы окаменѣваютъ, и то-поръ, звеня, отскакиваетъ отъ нихъ. Въ началѣ 1895 г. въ Ви-люйскомъ округѣ найденъ былъ подобный арангасъ съ вполне со-хранившимся трупомъ, съ неотставшимъ еще отъ костей и негнив-шимъ мясомъ. Чтобы препроводить скелетъ въ Якутскъ, потребо-валось прежде всего отдѣлить отъ костей тѣло, причемъ трупъ былъ свѣжъ и не издавалъ дурного запаха. Не знаю, какъ разрѣшили ученые специалисты эту загадку, но я беру на себя смѣлость ска-зать, что въ данномъ случаѣ имѣло большое значеніе опять таки свойство лиственницы, которая отличается малопористостью, а чѣмъ дѣлается старше, тѣмъ это свойство ея, въ зависимости отъ про-грессивно увеличивающагося сцѣпленія частицъ, усиливается; далѣе лодочка-арангасъ очень тѣсна и извнѣ воздуха не пропускаетъ.

Уже перевалило на вторую недѣлю, а снѣгъ нѣтъ-нѣтъ да и возобновится. Солнце выглянетъ на нѣсколько часовъ, немного пригрѣетъ, а тамъ, глядишь, снова подулъ вѣтеръ, снѣговья облака понеслись по небу, и снова бѣлый, пушистый снѣгъ лѣпится и уве-личиваетъ уже не стаивающій бѣлый снѣговой покровъ земли. Нѣтъ, надо ѣхать далѣе. Скучно ужъ очень стало на Кульдинѣ. Обыкно-венные наши разговоры въ семействѣ Б.—это рассказы про Россію. Они вертятся вокругъ да около сравненій «тамошнихъ мѣсть» съ «здѣшними».

— Ну, а у васъ, на вашей сторонѣ, тамъ какъ, коровъ нѣтъ, надо быть?

И удивленію, и недоувѣрію нѣтъ границъ. Вообще говоря, ко-лымчане очень охотно слушаютъ рассказы пришлыхъ людей, но слушаютъ такъ, какъ сказку, относясь вполне скептически къ воз-

возможности того, что вы имъ рисуете. На ихъ лицахъ вы читаете полное недоверіе, скептицизмъ, а иногда, когда рассказъ вашъ очень ужъ недоступенъ ихъ пониманію, не помѣщается въ ихъ воображеніи, они выражаютъ это недоверіе прямо. Мнѣ не разъ приходилось невольно слышать отношеніе колымчанъ къ моимъ рассказамъ, и отношеніе это неизмѣнно выражалось въ одной короткой, «категорической» и совершенно опредѣленной фразѣ: «*Все врѣтъ*»,—сопровождаемой ядовитымъ смѣхомъ. Такъ, я никогда не забуду, какъ однажды, въ цѣломъ обществѣ колымскаго бо-монда, меня дернула нелегкая сказать, что въ нашихъ столицахъ есть дома, въ которыхъ проживаютъ по многу сотенъ людей. Оскорбительный громовой хохотъ былъ мнѣ отвѣтомъ... Очевидно, меня считали лгуномъ. Помню, что этимъ смѣхомъ я былъ сконфуженъ, даже краску почувствовалъ въ лицѣ, тѣмъ болѣе, что, вообще говоря, колымчанинъ очень вѣжливъ.

Впрочемъ, если бы колымчанинъ и повѣрилъ всѣмъ чудесамъ культурной жизни, то вся прелесть ея можетъ быть сразу разрушена, какъ только колымчанинъ услышитъ отъ васъ, что въ Россіи каждая пядь земли стоитъ денегъ, что косить гдѣ хочешь, промышлять въ рѣкахъ, озерахъ и лѣсахъ зря, какъ и гдѣ угодно, запрещено, что нарубить дровъ на топливо и постройку можно не всюду, что все и вся обложено податью, что въ *тылѣ тытлаз* не рѣдки воровство, грабежи, убійства, что никто и ни въ какомъ случаѣ не можетъ припереть дверь и амбаръ палкой или лопатой, а долженъ держать все на крѣпкихъ запорахъ и замкахъ, что вездѣ присутствуетъ глазъ власти, глазъ полиціи... Попробуйте все это сказать колымчанину, и онъ перестанетъ завидовать дешевизнѣ ситца, плиса, самовара, стеколь и проч.; если онъ даже повѣритъ нѣкоторымъ изъ російскихъ благъ, и то все-таки скажетъ: «ваша сторона хорошая, а намъ *этта*, на Колымѣ-матушкѣ тоже хорошо, всякій свое хвалить».

Какъ это ни странно, но мнѣ приходится сказать, что послѣ долгой жизни въ Колымскѣ, при обстановкѣ полной патріархальнаго гостепрѣимства, имущественной и личной безопасности, послѣ безусловно свободнаго и безмезднаго пользованія всѣми дарами природы, мнѣ первое время, по возвращеніи въ Россію, многое было какъ-то не по себѣ, все казалось страннымъ и аномальнымъ, а ужъ нечего и говорить, что ко многому мнѣ приходилось привыкать съизнова. Каково же почувствовалъ бы себя въ Россіи житель Колымы, котораго одна лишь невозможность въ ючную пору свободно войти въ незапертый чужой домъ для того, чтобъ въ немъ согрѣться, поѣсть и получить лучшее мѣсто для ночлега, поставила бы втупикъ? Одна лишь эта невозможность окончательно вооружитъ колымчанина противъ нашихъ порядковъ и образа жизни.

Благодареніе небесамъ,—снѣгъ, кажется, унялся. Небо прояснилось, солнце снова льетъ свой живительный свѣтъ и тепло. Соли-

це!.. Сколько разъ за мою грустную жизнь въ грустномъ краѣ я поджидаль его съ затаеннымъ, трепетнымъ биеніемъ сердца, сколько разъ въ долгую темную зимнюю ночь я думалъ о немъ, какъ о далекомъ миломъ воспоминаніи, какъ жадно я всматривался въ него, при его появленіи, и какъ уныло я глядѣлъ на западъ, когда тусклое, блѣдное, лишенное жизни и блеска, оно покидало меня наединѣ съ угрюмыми сумерками, холодащей душу стужей и слабо мерцающимъ и коптющимъ жирникомъ. Нѣтъ, пусть отсутствіе простора и шири, пусть не позволять вамъ никогда въ жизни свободно рубить лѣсъ, косить гдѣ попаю, пусть окружають васъ воры и убійцы, но пусть хоть черезъ рѣшетчатое, тюремное оконце до васъ достигаетъ каждый день лучъ солнца, пусть, ложась на жесткое тюремное ложе, вы никогда не подумаете, что завтра вы встанете и, какъ внезапно ослѣпшій, будете въ страхѣ и ужасѣ тереть свои глаза, въ надеждѣ, что это ошибка, что солнечный лучъ блеснетъ для васъ еще разъ и цѣлымъ небомъ отразится въ вашихъ глазахъ...

Наше плаваніе до «Быстраго» не представляло особеннаго интереса. Мы плыли только днемъ верстъ по 40 въ день, ночевали въ прибрежномъ лѣсу, избѣгая, по моей просьбѣ, жилыхъ заимокъ въ мѣстахъ наибольшаго скопленія плавниковыхъ дровъ, разбивъ палатку и разводя огромные костры. Колыма изобилуетъ множествомъ острововъ, протоковъ, заливовъ и проливовъ, и нужно хорошо знать фарватеръ рѣки, чтобы не попасть въ быстроту водоворота, не сѣсть на мель, не натолкнуться на пни и коры; нужно сообразоваться съ временемъ срочныхъ прибылей воды. Колымчане это и знаютъ хорошо. Мнѣ оставалось лишь грести, да и то или по собственной охотѣ, когда надобѣдало глазѣть по сторонамъ, или чтобы избавиться отъ необходимости поддерживать бесѣду съ Александрой Ивановной. Но вотъ, на третій день, тамъ, гдѣ Колыма, измѣнивъ русло, круто поворачиваетъ на сѣверъ, при совершенномъ безвѣтріи показались синеватая густая, точно высокіе столбы, ровныя, неизломанныя и ничѣмъ неколеблемыя струи дыма, а вмѣстѣ съ тѣмъ послышался долгій протяжный вой множества собакъ.

Когда въ зимнюю пору, читатель, послѣ дня полного труда и заботъ, вы сидите въ Колымскѣ у пылающаго камна и, замечтавшись, отдаетесь воспоминаніямъ,—вой, ужасный вой нѣсколькихъ сотенъ собакъ надрываетъ вамъ душу,—о, сколько тоски, какую тяжесть вносить онъ въ вашу жизнь! Но когда вы въ любую погоду, а особенно въ холодную, морозную, колющую ночь плететесь верхомъ на своемъ конѣ, продрогшій и голодный, когда вамъ кажется, что не будетъ конца ни холоду, ни разстоянію, отдѣляющему васъ отъ жилья, и вы услышите, наконецъ, сперва смутный, еле различаемый, а потомъ совершенно явственный вой,—онъ покажется вамъ лучшей музыкой, ласкающей слухъ, и вы будете страшииться, что это не настоящій собачій вой, а лишь игра вашего воображенія, что, къ слову сказать, нерѣдко и случается.

Но на этотъ разъ это былъ не обманъ, а дѣйствительность.

«Быстрое» раскинулось на правомъ гористомъ берегу Колымы. Оно какъ на ладони. Промышленники всѣхъ возрастовъ, женщины, дѣти—всѣ высыпали на берегъ: насъ встрѣчаютъ, ждуть,—зоркій глазъ и чуткое ухо колымчанина уже за 10 верстъ провидѣли насъ и, такъ какъ никто не знаетъ, кого изъ нихъ мы почтимъ своимъ вниманіемъ, то ужъ непремѣнно во всѣхъ домахъ идетъ *юрячка*, т. е. суетня, приготовленія къ приему: кипятятъ чайники, жарятъ оладьи изъ бѣлой муки на рыбьемъ жиру. Самая бѣднѣйшая колымчанка гдѣ-нибудь въ углу ящика, среди своего несложнаго гардероба, сохраняетъ въ платочкѣ нѣсколько фунтовъ крупчатки и нѣсколько кусковъ сахара, который она, быть можетъ, собрала на визитахъ въ пору большихъ праздниковъ, такъ какъ взятое вами съ подноса или съ тарелки неукоснительно принадлежитъ вамъ.

Но я поселился въ отдѣльномъ домѣ. Правда, домъ этотъ былъ полонъ щелей, въ которыхъ свободно гулялъ вѣтеръ, разстоянія между отдѣльными лѣсинами въ потолокѣ были такой величины, что могли бы свободно вмѣстить еще по дереву; полъ былъ земляной, весь въ рытвинахъ, но все это не поражало меня въ то время, благо ко всему я уже притерпѣлся.

Занявка не спала. Одни прѣзжали съ тоней, расположенныхъ за 10—15 верстъ отъ жилья, другіе уѣзжали, третьи убирали снасти, женщины—рыбу и т. д. Уже было поздно, когда я рѣшилъ уснуть, но не успѣлъ я сомкнуть глазъ, какъ изъ сосѣднаго близъ стоявшаго балагана раздались какіе-то ужасающіе звуки, отъ которыхъ холодъ пробѣжалъ по всему моему тѣлу. Они росли, увеличивались, они шли, такъ сказать, *crescendo*, усиливаясь въ высотѣ и темпѣ до такой степени, что, казалось, у поющей вотъ-вотъ разорвется отъ нихъ грудь. Казалось, силы ее оставили, дыханіе истощилось, и вотъ сейчасъ я услышу послѣдній потрясающій звукъ. Голосъ принадлежалъ женщинѣ, которая пѣла по-якутски. Не переводя дыханія до послѣдней возможности, она вдругъ закашляется продолжительнымъ, надрывающимъ кашлемъ и снова голосить... Сила этого ужаснаго пѣнья разрасталась, темпъ становился все быстрѣе. Не въ силахъ преодолѣть своего страха, я бросился на голосъ, и глазамъ моимъ представилась потрясающая картина. На низкихъ нарахъ сидѣла молодая женщина съ распущенными по плечамъ и ниспадавшими въ беспорядкѣ на грудь длинными волосами и, придерживая руками голову, какъ маятникъ, быстро раскачивала все свое конвульсивно вздрагивавшее тѣло то изъ стороны въ сторону, то взадъ и впередъ. Она была вся въ поту, ея грудь ходила ходуномъ, глаза неестественно блуждали, сильно расширенные зрачки горѣли какимъ-то сухимъ блескомъ. Порой она отнимала руки отъ головы и ожесточенно рвала свою одежду, порой прекращала пѣніе, но только для того, чтобъ дико захохотать или разразиться истерическимъ плачемъ. Во всей фигурѣ этой женщины, въ ея пѣніи, смѣхѣ и

плачѣ, исходившихъ изъ надорванной груди, былъ одинъ ужасъ, приковавшій меня къ мѣсту. Между тѣмъ присутствовавшіе при этомъ эпизодѣ преспокойно, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали заниматься своимъ дѣломъ. Они разговаривали, смѣялись, пили чай, чинили сѣти и проч. Тогда эта безчувственность зрителей меня очень взволновала, но спустя нѣсколько лѣтъ я настолько привыкъ къ описанному явленію, что отлично сналъ подъ пѣніе и плачъ двухъ такихъ женщинъ, жившихъ въ одной со мной юртѣ. Тогда я понялъ, что можно притупить свои нервы до полнаго равнодушія даже къ этому явленію, носящему среди колымчанъ русскіхъ названіе шаманства, а среди якутовъ омерзченья *). Въ сущности же говоря, ни то, ни другое слово не выражаютъ характера этой болѣзни. Это не болѣе, какъ одинъ изъ видовъ кликушества, которымъ заражена въ Колымскомъ округѣ исключительно женская половина населенія русскіхъ и якутовъ. Ни чукотскія, ни ламутскія, ни женщины другихъ колымскихъ племенъ не знаютъ шаманства; единственное средство избавиться отъ болѣзни заключается въ призваніи къ больной шамана, изгоняющаго изъ нея дьявола, посредствомъ манипуляцій бѣснованія, къ которымъ прибѣгаютъ этого рода врачеватели колымскихъ недуговъ **).

Припоминаю также, какъ, живя въ одной якутской семьѣ, хозяйка которой страдала, какъ и всѣ почти тамошнія женщины, принадлежками шаманства, однажды ночью, лежа почти голова къ головѣ съ этой супружеской четой, я былъ разбуженъ ея пѣніемъ, которому у нея предшествовалъ такой сильный ознобъ, что зубы выдѣлывали громкую барабанную трель. Якутъ сонливо обратился къ женѣ и голосомъ, полнымъ недовольства, сказалъ: «Перестань... Перестань, говорю!.. несчастье...» Затѣмъ, когда она перешла къ пѣнію, прерываемому стопами, въ которыхъ мнѣ слышалось желаніе удержать себя, подавить въ себѣ нахлынувшее непреоборимое желаніе голосить, мужъ нехотя всталъ съ супружескаго ложа и, захвативъ съ собою одѣяло, которое онъ стащилъ съ жены, оставивъ ее совершенно нагой, пошелъ къ другому орону и, какъ ни въ чемъ не бывало, уснулъ, накрывшись съ головой.

Единственное вниманіе, которое оказываютъ въ такихъ случаяхъ шаманствующей женщинѣ, это то, что, по ея просьбѣ, дають

*) *Emirécha*—повторять, специально относится лишь собственно къ этому явленію. На другіе случаи слово «повторять» выражается у Якутовъ иначе.

***) Здѣсь уместно будетъ сказать, что вѣра въ всеміріе шамановъ, въ ихъ общеніе съ духами,—равно развиты какъ въ средѣ якутовъ, такъ и въ средѣ русскіхъ. Мнѣ припоминается одинъ изъ богатыхъ купцовъ, чловѣкъ почтенныхъ лѣтъ, якутскій общественный дѣятель и филантропъ, съ увѣшанною медалями грудью, который, заболѣвъ въ Колымкѣ ревматизмомъ, прибѣгъ къ помощи шамана.

ей трубку или спиртъ, если онъ есть; а просьбы такія всегда сопутствуютъ припадку, и женщины, никогда не курящія и не пьющія вина, во время припадка, который продолжается иногда до двухъ часовъ, страстно втягиваютъ въ себя табачный дымъ и пьютъ спиртъ. Замѣчательно, что никогда въ подобныхъ случаяхъ русскія женщины не пьютъ иначе, какъ по якутски. Мнѣ рассказывали даже, что тѣ изъ нихъ, которыя якутскаго языка не знаютъ, на этотъ разъ будто бы вдохновляются какой-то сверхъестественной силой и пьютъ на языкѣ, имъ неизвѣстномъ. Среди нервныхъ, истеричныхъ болѣзней мѣстныхъ женщинъ — это самая сильная форма, которой, обыкновенно, предшествуетъ головная боль, угнетенное состояніе духа и которая продолжается иногда съ перерывами втеченіе недѣли. Болѣе же слабая — это омераченіе въ прямомъ значеніи этого слова, которому не чужды и мужчины и которое дѣйствуетъ заражающимъ образомъ и на пришлыхъ русскихъ людей. Омерачены въ Колымскѣ безусловно всѣ русскіе и якуты, а въ Н.-Колымскѣ, напр., гдѣ скуднѣе и однообразнѣе питаніе, гдѣ природа болѣе уныла, гдѣ менѣе впечатлѣній и куда вѣсти извнѣ доходятъ еще рѣже, нежели въ Средней, омераченіе проявляется въ болѣе интенсивной степени и въ разнообразнѣйшихъ формахъ. Но и среди омераченныхъ различаются двѣ разновидности. Въ одномъ случаѣ субъектъ совершенно потерялъ надъ собою волю, онъ страдаетъ потребностью подражанія, исполняетъ все, что бы и кто бы ему ни приказалъ, какъ бы ни было нелѣпо приказаніе. На улицахъ Колымска не рѣдкость видѣть, какъ мальчишки и молодые казаки дѣлаютъ себѣ потѣху изъ этихъ не владѣющихъ собой женщинъ. Вы увидите, какъ среди улицы какая нибудь старуха на жгучемъ морозѣ пляшетъ, поетъ, кричитъ, взвизгиваетъ смѣется, и все это по приказанію другихъ. Прикажете ей поднять полено и ударить имъ кого нибудь, и она послушно исполнитъ ваше приказаніе. Однажды мнѣ пришлось видѣть отвратительную сцену, когда уличные бездѣльники морили несчастную жертву. Она нехотя смѣялась, плясала, сохраняя угрюмое, серьезное, почти страдальческое выраженіе въ лицѣ. Былъ одинъ моментъ, когда старуха овладѣла собою и съ палкой въ рукахъ бросилась на своихъ истязателей, но поднявшійся хохотъ и шумные крики снова обезволили ее, и она, поворачиваясь и извиваясь во всѣ стороны, подражала имъ, стараясь повторить всѣ звуки, которые до нея долетали...

Если этотъ типъ встрѣчается не столь часто и преимущественно среди старыхъ женщинъ, то стремленія повторять ваши слова, ваши тѣлодвиженія — явленіе общее, причѣмъ повторившій быстро спохватывается, ему дѣлается какъ бы совѣстно.

— Что вы это дѣлаете? — спрашиваете вы.

— Что это вы дѣлаете? — слышится вамъ въ отвѣтъ и тотчасъ же: — Э!.. что я сказала?..

Вы только открыли дверь чужого дома и еще не успѣли пере-

шагнуть за порогъ, какъ кто либо изъ женщинъ уже кричить: «Э!.. человекъ пришелъ», и вотъ присутствующіе хоромъ отвѣтять: «Э!.. человекъ пришелъ». Кажется, къ концу третьяго года моей жизни въ Колымскѣ я сталъ замѣчать за собою, что иногда совершенно бессознательно повторяю чужія слова и цѣлыя фразы.

Наряду съ этимъ колымчанки чрезвычайно пугливы. Стукъ, грохотъ, паденіе чего либо на землю, всякое шумное внезапное движеніе заставляетъ колымскую женщину вскочить и крикнуть что либо вродѣ слѣдующихъ фразъ: «Ой, пріѣхали... ой, расколослось... ой, человекъ убили... ой, Христосъ пришелъ и т. д.». Нерѣдко пугливая женщина среди самой мирной обстановки, безъ всякаго внѣшняго повода, можетъ крикнуть что либо вродѣ приведенныхъ фразъ. Однажды на именинномъ обѣдѣ у одного изъ представителей колымскаго бо-монда, одна изъ дамъ схватила вдругъ свой приборъ и, прокричавъ: «ой, ловите... упало», съ размаху бросила тарелки объ земь. Въ другой разъ въ страстную субботу въ церкви моментъ перваго удара колокола такъ подѣйствовалъ на одну женщину, что она, обернувшись и произнеся бранное, неприличное слово, ударила по лицу близъ стоявшую къ ней другую женщину безъ всякаго, конечно, умысла.

Наблюденія надъ шаманствующими женщинами приводятъ къ заключенію, что дѣвушки, страдающія припадками, съ выходомъ замужъ избавляются отъ нихъ. Но проходитъ нѣсколько лѣтъ замужества, и припадки снова возвращаются, весьма вѣроятно въ зависимости отъ обилія такъ называемыхъ женскихъ болѣзней, являющихся результатомъ варварскихъ способовъ, которые колымчанки практикуютъ при дѣтороженіи. Затѣмъ, можно предполагать также зависимость шаманства отъ болѣзни солитера, которой колымскія женщины страдаютъ чаще мужчинъ. Очень часто мнѣ приходилось констатировать одновременность припадковъ шаманства съ движеніями солитера въ желудкѣ, вызывающими сильно болѣзненное состояніе, сопровождаемое необычайной раздражительностью, разстройствомъ нервовъ и упадкомъ силъ.

Я уже цѣлый мѣсяцъ проживаю на «Быстромъ». Шатаюсь съ ружьемъ, посѣщаю окрестъ живущихъ якутовъ, ѣздить верхомъ на конѣ въ большой компаніи въ горы на поиски за лосемъ, бываю на то-няхъ, но все это скучно-скучно. Я ко всему приглядѣлся, многое, если не все, уже надѣло, не интересуется, а тутъ эти дожди и снѣга въ перемежку. Снѣгъ, какъ это бываетъ годами, съ августа уже не стаетъ, по ночамъ заморозки и холодъ. Солнце закатывается сквозь обрывки тучъ, вечера наступаютъ рано. Цѣлыми днями дуютъ вѣтры, холодные, снѣжные. Осенняя пора. Но это далеко не милая пора увяданья—«очей очарованье», не безропотно-тихое умиранье природы. Нѣтъ. Это нѣчто до нельзя тяжелое:

мокрое, слезливое, холодное, сырое, приносящее вавилонскую тоску и что-то сродни отчаянью. Утки давно уже улетѣли, а гуси и лебеди только что поднялись и высоко въ далекомъ небѣ несутся вереницами. Сколько ихъ погибнетъ на пути, сколько замерзнетъ, какая масса молодыхъ дѣтенышей останутся безъ руководителей и, не зная, куда держать путь, будутъ сидѣть гдѣ нибудь надъ озеромъ, пока холодъ не убьетъ ихъ. По большей части я посѣщаю казачью семью Н., состоящую изъ стариковъ—мужа и жены, четырехъ незамужнихъ дочерей (изъ которыхъ у каждой по нѣскольکو дѣтей) и одного взрослого сына. Это, не въ примѣръ прочимъ колымчанамъ, энергичный, дѣльный человекъ, прекрасный промышленникъ на рыбу и звѣря, немного кулаковатый, по своему честный, страстный игрокъ въ карты и ко всему этому Доцъ-Жуанъ. Интереснѣе всѣхъ въ этой пользующейся въ Колымѣ почетомъ, но нелюбимой семьѣ—старуха, здоровая, полная женщина, неглупая, но грубая. Въ ней все грубо: манеры, походка, голосъ—басистый и рѣзкій. Она славилась на всю заимку умѣньемъ перекричать не только любую бабу, но и всѣхъ ихъ вмѣстѣ взятыхъ. «Если по настоящему зыкнетъ, непременно отъ страху медвѣдь упасть долженъ»,—говорили мнѣ заимчане. Вотъ съ этой-то дамой я проводилъ иногда долгіе часы за самоваромъ. Она нѣсколько походила на Кульдинскую матрону, но была значительно проще, хотя вполне убѣждена въ своей аристократичности. Она вела вѣчную войну съ своими дочерьми, которыхъ иначе не называла, какъ дѣвками. «Эй, вы, дѣвки! Гдѣ шаландаетесь, почто чаю не пьете?» Ея голосъ всегда слышенъ на заимкѣ. То онъ звучитъ изъ избы, то она ругается съ дѣвками въ амбарѣ, то появляется на вѣшалахъ, гдѣ сушатся рыба, то, глядишь, она уже на берегу. «Что-то не слышать нашу крикуху, уснула, надо быть. О, Господи и не пристанетъ вѣдь: какъ есть двухжилная, двухсердечная...» говорятъ колымчане. Иногда среди глубокой, темной ночи вы слышите ея голосъ, выкрикивающій на улицѣ: «Дѣвки, дѣвки! Гдѣ вы тамъ? Дѣвки-и-и!..» и черезъ минуту: «Лѣшій, лѣшій! Приди сюда! Бери моихъ дѣвокъ въ страпки... Отдаю тебѣ ихъ! Лѣшій, приди!.. накормлю, напою, только удержи моихъ дѣвокъ»—оглашаетъ она ночную тьму, а заимчане, отлично понимая, что означаетъ это обращеніе къ лѣшему, потихоньку хихикаютъ, опасаясь быть услышанными страшной старухой: услышать, появится и не отдѣлаешься тогда. «Страшная — одно тебѣ названье», говорить про себя колымчанинъ. Чтобы читатель, въ свою очередь, понять это странное приглашеніе лѣшаго, я долженъ сказать только, что, обходя ночнымъ дозоромъ заимку вообще, а мѣсто, гдѣ почиваютъ «дѣвки», въ частности, она, по большей части, не находитъ ихъ дома... «Покричишь—отойдетъ отъ сердца огорченіе, авось либо и уснешь: хворость *неври* спутала». Она считаетъ за признакъ высшаго тона говорить о своихъ болѣзняхъ, какъ-

дый день у нея появляется какая нибудь новая, но самая, такъ сказать, извѣстная и приличествующая ей, какъ дамѣ, это болѣзнь нервовъ, болѣзнь «вполнѣ къ богатымъ интересная».

— Дѣвки! будетъ вамъ *чваниться*. Ой-да вставаніе ваше все-свѣтное. Убирать рыбу надо: искиснетъ *), вотъ и станете исти кислю зимой, не дамъ свѣжей, сама стану исти струганину (сырая, мерзлая рыба), а васъ на сельдяткѣ держать стану...

— Ну, и времена стали—жалуется она мнѣ.—Тоже и мы молодыя были: какъ въ сокъ войдешь, извѣстно: дѣло наше дѣвичье, а все-жъ вѣжливо все dospѣвали, ни духу, ни запаху, ни слова, ни разговора, а теперь на-ко, поди... Нѣтъ, *некурьезный* (несурьезный) теперь народъ сталъ. Вчера, опять пошла на дѣвокъ посмотрѣть, перекрестить захотѣлось. Пришла, а гдѣ есть? Никто нѣту, пусто мѣсто осталось.

Только чрезвычайная патриархальность и простота нравовъ можетъ объяснить слѣдующую сцену въ церкви, свидѣтелемъ которой я былъ лично. У образа святителя Николая Чудотворца стоитъ эта воинственная колымчанка и, молитвенно сложивъ руки, устремивъ глаза на ликъ святого, вслухъ (могла ли она иначе?) говорить слѣдующія слова: «Отче! Святой угодникъ! Господи Иисусе Христе! Помилуй мужа моего, раба твоего Николая, сына моего, раба твоего Кешу»... (Иннокентія) и послѣ нѣкоторой паузы, послѣ замѣтнаго раздумья: «Ну, ужъ Богъ съ ними... и дѣвокъ тоже... помилуй, пусть... тоже вѣдь бѣдняжки...» Чтобы покончить съ этой моей пріятельницей, скажу еще, что однажды она почтила меня слѣдующимъ монологомъ. «Вотъ на вашихъ мѣстахъ, говорятъ, народъ такой есть—жиды и еще есть авреи. Красные, сказываютъ, авреи бываютъ, а жиды, вотъ что Христа Спасителя распяли, такъ тѣ, сказываютъ, вотъ этакій тоже народъ есть безьяны (обезьяны), такъ на нихъ обличемъ схожи. Ой, мамочка, какой только народъ страшный есть. Вотъ тоже я слыхала черкесы есть, такъ тѣ собакъ кушаютъ... Папа, это стало быть митрополить надъ митрополитами — такъ приказалъ до исповѣди не допускать этотъ народъ».

Подобныхъ монологовъ мнѣ приходилось слышать отъ нея несмѣтное множество. Пусть не подумаетъ читатель, что онъ представляетъ что-либо исключительное. Если я привелъ его, то именно за его типичность: онъ какъ нельзя лучше рисуетъ удивительное, полное ужасающихъ свѣдѣній мнѣніе колымчанъ о *тамошней* сторонѣ, въ которой поразительнѣе всего—это пезамерзающее море. Море, которое (можете ли вы это понять?) никогда, ни во вѣки вѣковъ не стынетъ!..

Въ началѣ сентября начинался ходъ изъ океана сельдятки, а вмѣстѣ съ нею появилась на рѣкѣ туча. Это очень смущало ко-

*) Киснуть—портиться.

лымчанъ. Туча, какъ извѣстно, близкій предвѣстникъ *рѣкостава*, а разъ рѣка стала, для большинства бѣдняковъ, которымъ не подъ силу прожить на заимкѣ, промыселъ кончился. Казака, напри- мѣръ, служба требуетъ въ городъ, малосемейныхъ зоветъ въ го- родъ необходимость ладить на зиму избы, мазать ихъ, конопатить, исправлять. Нужно привести въ порядокъ нарты для доставки на нихъ изъ лѣсу дровъ. Колымчане приуныли. Сельдяжій промыселъ, на который всегда такъ надѣется обыватель, котораго онъ ждетъ, который, въ сущности говоря, одинъ только и спасаетъ, повиди- мому, въ этомъ году «осердился, прогнѣвался». Такъ или иначе, а Быстринцы что-то начинаютъ поговаривать о кочевкѣ, о томъ, что надо плыть въ городъ, что сей годъ зима будетъ ранняя, что того и гляди рѣка остановится и «запретъ жителей». Прошло нѣ- сколько дней, и нѣкоторые начали уже убирать снасти, ладить «кочевники-карбасья», вотъ ужъ и нагрузили ихъ, посадили со- бакъ, умостили дѣтей, завернулись въ тряпье и, дрожа отъ стужи, тронулись въ путь, но безъ пѣсенъ, какъ обыкновенно, а уныло, недовольно, переругиваясь, упрекая другъ друга. Вообще не весело.

Бду и я съ ними. Лодки съ трудомъ двигаются въ густой ле- дяной кашѣ, бока ихъ хрустятъ; того и гляди колющій острый ледъ сдѣлаетъ пробину въ ветхихъ, непрочныхъ, осиновыхъ стружкахъ карбасевъ. Весло опускается точно въ тѣсто, намер- заетъ, тяжелѣетъ, руки стынуть. Съ трудомъ достигаемъ до пер- ваго привала на берегу рѣки, ночуемъ въ лѣсу, а на утро, 13 сен- тября, первый проснувшійся человекъ константировалъ, что Ко- лыма остановилась, и лодки заморозило. «Заперло», сказалъ онъ и сталъ поднимать народъ. Разгрузили лодки, стащили и поклажу подалше отъ воды на сухой берегъ. Теперь надо ждать: или вѣ- теръ перемѣнится и разобьетъ ледъ, или морозъ окрѣпнетъ и окон- чательно скуетъ рѣку. Скорѣе послѣднее. Мы прожили на этомъ мѣстѣ трое сутокъ, нѣкоторые подъ палатками, другіе подъ опрокинутыми лодками, а многіе подъ открытымъ небомъ. И только на четвертый день тронулись въ путь. Идти раньше было бы рискованно. Небо не прояснялось, и морозъ поэтому былъ слабовать, протокъ и быстрыя мѣста рѣки медленно поддавались замерзанію, онъ еще боролись. Побросавъ одежду, утварь, съѣстные припасы, наша группа, въ числѣ 15 человекъ, съ легкими котомками за плечами, двинулась въ городъ, ночуя у прибрежныхъ жителей, всюду встрѣ- чая привѣтъ, ласку и сочувствіе. Многіе оставили тамъ на бе- регу дѣтей и женщинъ и сами ушли отъ нихъ, но для того лишь, чтобъ прислать имъ на помощь изъ города собакъ. Тяжелый это былъ путь и опасный. Тонкій, неокрѣпшій ледъ гнулся подъ тя- жестию человеческого тѣла. Только благодаря опытности, замѣча- тельному знанію рѣки и отвагѣ молодого Я., мы не погибли всѣ и не провалились подъ ледъ въ быстромъ и глубокомъ мѣстѣ рѣки. Черезъ пять дней, буквально изнемогшіе, обезсиленные, оборван-

ныне мы увидѣли городъ. Я могъ, наконецъ, отдохнуть. Но каково было моимъ спутникамъ, большинство которыхъ въ тотъ же день должно было вернуться къ покинутымъ семьямъ, чтобы доставить ихъ домой въ нетопленные, холодныя избы.

И теперь въ моей памяти все еще проносятся картины жизни въ этомъ край унынья, край безъ прошедшаго и будущаго, жизни, лишенной надежды... Мысль замерла, чувства остыли, нѣтъ даже страданія, а есть только ноющая грусть, тихая, неотвязная, отъ которой пропадаетъ даже охота отдѣлаться... Подъ гнетущей, неописуемой вой трехъ сотенъ собакъ, наполняющихъ черную ночь своеобразнымъ концертомъ, къ которому нѣтъ никакой силы, никакой возможности привыкнуть даже за долгіе годы, — погружаешься въ безпредметную тоскливую дремоту, ищешь забвенія. А дни и мѣсяцы минуютъ, текутъ годы и безвозвратно куда-то исчезаютъ, и начинаешь поворно забывать: зачѣмъ жилъ, чего хотѣлъ, къ чему стремился, о чемъ мучился и чѣмъ страдалъ. И кажется, что никогда и не жилъ иной жизнью; что все, что передъ тобою, ничуть не необыкновенно, а вполне нормально и ordinarily, что и прежде, все было, какъ теперь:

„Также грустно смотреть міръ,
Также грустно вѣтеръ воетъ“...

А. Геденовъ.

«НАПАСТЬ».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

У жены губернскаго предводителя, княгини Бейстуть-Вилинской—«рабочее утро». Губернаторъ былъ холостой человѣкъ, и, за неимѣніемъ губернаторши, княгиня, какъ первая по официальному положенію дама и какъ жена богатаго и родовитаго человѣка, стояла во главѣ всѣхъ благотворительныхъ учреждений. Она очень усердно занималась этимъ дѣломъ. Не старая—ей было съ небольшимъ за сорокъ, очень сохранявшаяся женщина, она охотно отдавала свои силы этой дѣятельности и еще охотнѣе являлась центромъ и руководительницей общества, собравшагося около нея. Къ тому же и «тамъ» слѣдили за дѣятельностью провинціальныхъ благотворителей, слѣдили, поощряли и отмѣчали. Одно очень высокопоставленное лицо, осматривавшее проѣздомъ благотворительныя учрежденія города, съ похвалою отзывалось о нихъ и публично изъявило признательность княгинѣ. За обѣдомъ у нея это лицо подняло бокалъ за ея здоровье, сказавъ, что «здоровье княгини должно быть всѣмъ *тамъ* дорого, ибо, пока здорова княгиня, здоровы, одѣты и накормлены сирые и убогіе». Княгиня все это хорошо понимала и знала, что ея дѣятельность можетъ дать ей нѣкоторое имя и создать *тамъ* извѣстное положеніе, котораго ни у нея, ни у мужа ея не было. Мужъ ея, не смотря на княжескій титулъ и крупныя средства, по многимъ причинамъ «растерялъ», какъ говорила княгиня, свои лучшіе годы въ провинціи, до Петербурга не доходилъ и на шестомъ десяткѣ, въ чинѣ отставнаго поручика Б—скаго гусарскаго полка, былъ выбранъ на второе трехлѣтіе въ губернскіе предводители.

Большія комнаты обширнаго, деревяннаго барскаго дома были полны. Самое разнообразное общество стекалось къ «рабочему утру»; были здѣсь и настоящія швеи и закройщицы, которыя за плату кроили и шили платье для бѣдныхъ.

Скромно, неслышными шагами переходили онѣ отъ стола къ столу, шопотомъ указывая и объясняя, что нужно. Были барыни и барышни, которыя дома у себя иголки въ руки не брали, здѣсь-же шили, потому что—«такъ всѣ». Были и такія, именно наиболѣе почтенныя матроны города, которыя привозили прямо готовыя или наполовину изготовленныя вещи, предоставляя «нашимъ дѣвочкамъ» доканчивать работу. Такія являлись позднѣе и уѣзжали ранѣе другихъ. Почтенныя и чиновныя особы города, покончивъ свои служебныя дѣла, обыкновенно къ четыремъ часамъ, къ концу «рабочаго утра» являлись выпить чашку чаю, поболтать, похвалить, поощрить. Были, наконецъ, и такіе посѣтители, которыхъ княгиня почти не знала и въ другое время у себя не видала; но въ такіе дни двери ея дома были открыты для всѣхъ, кто чѣмъ либо готовъ былъ содѣйствовать ей въ дѣлѣ благотворительности.

Въ обширной комнатѣ, съ тяжелой старинной мебелью, на длинномъ «мастерскомъ» столѣ лежали работы. Двое молодыхъ людей—«сиротскіе секретари» и одна высокая, блѣдная дѣвушка выдавали и записывали рабочій матеріалъ.

Больше всѣхъ болталъ и суетился городской острякъ Копылинъ. Небольшого роста, круглый, съ рѣдьющими и сѣдьющими волосами, съ небольшой свѣтлой бородкой, онъ вертѣлся въ комнатѣ, перебѣгая отъ одного стола къ другому, отъ одной «работницы» къ другой, вездѣ находя поводъ къ остротѣ, къ каламбуру, къ смѣшному, нерѣдко двусмысленному анекдоту.

— Помилуйте!—шумѣлъ Копылинъ, вертя въ рукахъ какіе-то необыкновенно широкіе и короткіе коленикоровые панталоны, которые только что кончила жена акцизнаго надзирателя, очень смѣшная брюнетка,—помилуйте, Анна Федоровна, для кого это вы сработали сіе? Брюшко въ два аршина, ножки—два вершка! Этакое-то брюшко у голоднаго? Полноте, это вы—не для нищаго.... этакое, можно сказать, джерсе!..

— Джерсе? — слышалось нѣсколько смѣшливыхъ голосовъ.

— Ну да, джерсе... Посмотрите, какъ это эффектно... и тоже формы...—и губернской острякъ распялил эффектную принадлежность костюма...

— Сергѣй Петровичъ!—раздался изъ другой комнаты голосъ княгини:—не хотите ли чаю?

Копылинъ показался въ дверяхъ.

— Чаю? Помилуйте, княгиня, я выпилъ несмѣтное количество стакановъ.

— Я налью вамъ; не хотите-ли?

— Вы сами, княгиня? вашими руками? О, изъ вашихъ рукъ чего я не выпью!..

Сидѣвшая рядомъ съ княгиней старуха, вдова бывшаго

предводителя дворянства, кинула значительный взгляд. Княгиня взглядом остановила Копылина.

Онъ нѣсколько смутился, понявъ, что взялъ, какъ онъ выражался, «слишкомъ высокій тонъ».

— Ахъ, да! — быстро заговорилъ онъ, стараясь вывести себя изъ смущенія: — сегодня я въ первый разъ видѣлъ наследника нашего круля польскаго. Какого молодца подарила ему супруга! Сегодня показывалъ, хвалился.

Крулемъ польскимъ называли въ городѣ одного недавно прибывшаго инженера, завзятаго поляка, по фамилиі Крулинскій. Копылинъ, отставной петербургскій статскій совѣтникъ, также занималъ видное мѣсто въ правленіи желѣзной дороги.

— Да-съ, такого молодца подарила, — продолжалъ Копылинъ, принимая изъ рукъ княгини стаканъ и ища глазами лимонъ, — посмотрѣли бы на него: что за руки, что за ноги! Настоящій король Понель, основавшій царство польское, покорившій всѣхъ своихъ враговъ и въ концѣ концовъ съдѣнный мышами. Только теперь, конечно, все это идетъ по иному. Говорятъ, младенецъ и на свѣтъ появился со смѣтой въ рукахъ...

Изъ другой комнаты послышалось хихиканье «сиротскихъ секретарей». Ихъ смѣхъ ободрилъ Копылина и разсѣялъ его смущеніе, вызванное «слишкомъ высокимъ тономъ», но княгиня опять недовольнымъ взглядомъ постотрѣла въ сторону.

— Сергѣй Петровичъ! Я давно хотѣла васъ просить...

— Что прикажете, княгиня? — и Копылинъ очутился возлѣ ея стола.

Въ это время къ столу подошла худенькая, стройная, очень красивая дѣвочка лѣтъ восьми, дочь княгини Кейстутъ-Вилинской, Леночка, или Муличка, какъ обыкновенно звали ее отецъ. Роскошные темно-каштановые волосы вились по ея плечикамъ. Синяя ленточка съ бантикомъ на головѣ и такой же бантикъ на груди очень шли къ нѣсколько смуглому, здоровому личику ребенка. Добрые, улыбающіеся глазки мягко и участливо глядѣли изъ подъ ровныхъ, тоненькихъ бровей.

Дѣвочка уже болѣе получасу находилась въ комнатѣ, гдѣ шли и кроили наиболѣе усердныя «работницы». Привѣтливо здороваясь съ ними, она перебѣгала отъ одной къ другой, стараясь всѣми мѣрами помочь и услужить, чѣмъ могла. Смѣхъ въ сосѣдней комнатѣ, въ особенности голосъ Копылина, привлекли вниманіе Леночки. Она не понимала смысла остротъ, но смутно чувствовала, что издѣваются надъ Крулинскимъ. Гуляя съ своей англичанкой, она часто встрѣчала десятилѣтнюю дочь Крулинскаго — Зосю и знала, что Крулинскій — «Зосинъ папа». Эту Зосю Леночка очень любила. Рѣзвая, синеокая Зося была старше ея, раньше начала учиться и знала гораздо больше, чѣмъ она. Играя въ аллеяхъ городского сада, въ то

время, когда ея англичанка бесѣдовала съ швейцаркой, бонной Крулинскихъ, Леночка отъ словоохотливой и порывистой Зоси узнавала много такого, чего она не слышала отъ своей молчаливой англичанки. Иногда во время ихъ игръ приходилъ и «папа Крулинскій». Леночка не разъ видѣла, какъ большой высокій «Зосинъ папа» ласкалъ и цѣловалъ свою дочь, подымая къ себѣ на грудь худенькую живую дѣвочку и принималъ живое участіе въ бесѣдахъ и играхъ дѣтей. По всемъ этимъ причинамъ Леночка очень полюбила «Зосинаго папу».

Слушая смѣхъ «сиротскихъ секретарей», вызванный остроуміемъ Копылина, Леночка волновалась и оглядывала присутствующихъ, желая понять, за что обижаютъ «Зосинаго папу» этотъ добрый Сергѣй Петровичъ, который такъ часто съ нею игралъ, такъ часто смѣшилъ ее своими прибаутками и возилъ ей конфеты.

II.

Въ это время въ дверяхъ показался и самъ Крулинскій, человѣкъ высокаго роста, широкій, костистый, съ нѣсколькими длинными скулистыми лицомъ.

Подавшись нѣсколько впередъ и медленно переступая своими большими ногами, Крулинскій подошелъ къ княгинѣ.

— Имѣю честь кланяться, ваше сіятельство!—медленно проговорилъ онъ, и сразу послышался не совсѣмъ пріятный для русскаго уха польскій акцентъ.

— Здравствуйте, Казиміръ Осиповичъ!—Княгиня съ превеличенной любезностью подала ему руку. Леночка вдругъ очутилась возлѣ него и, пока онъ почтительно раскланивался съ княгиней и другими, находившимися въ комнатѣ, крѣпко, обѣими руками сжимала ему локоть.

— Садитесь, мосье Крулинскій! Давно я не видала васъ. Какъ здоровье Северины Францовны?

— Благодарю васъ, княгиня. Встала. Сегодня въ первый разъ выходила,—почтительно отвѣчалъ Крулинскій, сгибая свое большое тѣло и стараясь поцѣловать руку Леночки. Дѣвочка быстро выдернула свою руку и порхнула въ другую комнату. Крулинскій умильно глядѣлъ ей во слѣдъ, любуясь ея стройной, легонькой фигуркой и ея густыми, развѣвающимися по плечамъ волосами.

— Какая прелесть растетъ у васъ ваша княжна Елена!—съ улыбкой обратился онъ къ княгинѣ, когда дѣвочка скрылась за тяжелой драпировкой двери.

Княгиня на мигъ вскинула на него глаза, какъ бы не сразу понявъ, о комъ онъ говорить.

— А-а! вы — о Леночкѣ? Благодарю васъ. Да, кажется, добрая дѣвочка.

Копылинъ какъ-то виновато смотрѣлъ изъ угла на Брулинскаго и обрадовался, когда тотъ обратился къ нему.

Между тѣмъ, стали подвѣзжать новыя лица: наступилъ часъ болѣе почетныхъ посѣтителей.

Вошелъ вице-губернаторъ, высокій, красивый, рано располнѣвшій блондинъ, изъ остзейскихъ бароновъ, съ длинной, худой баронессой, дочерью татарскаго князя, занимавшаго видное мѣсто въ юстиціи. За нимъ прѣхалъ прокуроръ съ своею матерью, маленькой, очень подвижной старушкой. Наконецъ, появился и «большой генералъ».

Бойко, не по лѣтамъ живо, вошелъ въ комнату небольшого роста, довольно плотный брюнетъ лѣтъ за пятьдесятъ. Округленная, тщательно подстриженная борода, гладко выстриженные «бобркомъ» густые волосы, коротенькій смокингъ, изящная булавка, сбоку приколотая на широкомъ галстухѣ, — очень молодили «генерала». Припадая нѣсколько на одну ногу и тщательно скрывая это, генералъ двигался и поворачивался съ усиленной быстротой.

Сергѣй Сидорычъ Фонькинъ — такъ звали генерала — еще недавно занималъ видное мѣсто. Одно время онъ стоялъ во главѣ большого, на всю Россію прошумѣвшаго дѣла и готовился уже взобраться на одну изъ высшихъ ступеней служебной лѣстницы, но какъ-то внезапно свалился. Переселившись въ провинцію, онъ купилъ себѣ небольшое имѣніе, а по зимамъ жилъ въ городѣ. Никто не зналъ причинъ, такъ внезапно оборвавшихъ его служебную карьеру; но на его удаленіе смотрѣли, какъ на временное, и ждали, и онъ ждалъ, что его скоро «призовутъ», что безъ него недолго обойдутся. По его большому для провинціи чину его называли «большимъ генераломъ».

— Живы ли вы, Сергѣй Сидорычъ? Васъ цѣлую вѣчность не видать, — любезно подавая руку, встрѣтила его княгиня.

— Живъ, княгиня! то-есть вѣрнѣе: ожилъ, чтобы явиться земно бить челомъ вашему сіятельству. Только ради этого, полагаю, болѣзнь на время выпустила меня изъ когтей своихъ, — громко отвѣчалъ генералъ, живо, почти игриво кланяясь и цѣлуя руку княгини.

Голосъ генерала звучалъ нѣсколько крикливо; произносилъ онъ какъ-то особенно, полуоткрытымъ ртомъ и безъ ясныхъ отвѣткѣвъ гласныхъ. Что-то надменно брезгливое и въ то же время жалобное слышалось въ этомъ произношеніи. Не то молодой прусскій лейтенантъ, удостоивающій человѣчество лишь презрительными полувзвучами, не то больной, капризный ребенокъ.

Любезно, но не безъ разбора отвѣчалъ генераль на поклонны и рукопожатія.

— Новаго? Хорошаго новаго ничего нѣтъ, — отвѣчалъ генераль на вопросъ княгини. — Плохую новость могу сообщить: азіятская гостыя къ намъ пожаловала ранѣе, чѣмъ мы ее ожидали. Впрочемъ, это лучше извѣстно Виктору Павловичу, — обратился онъ въ сторону вице-губернатора: — у нихъ свѣдѣнія свѣжѣе и вѣрнѣе... А у васъ, княгиня, я вижу, фабрика, настоящая фабрика. И гдѣ только находите вы нищихъ для такой массы костюмовъ? Хе-хе-хе!..

— О, дай Богъ хоть немногихъ изъ нихъ какъ-нибудь одѣть, — отвѣчала княгиня съ легкимъ вздохомъ.

— Помилуйте, княгиня, какъ немногихъ? Да они у васъ франтятъ, франтятъ, какъ не многіе достаточные люди. Меня каждодневно навѣщаетъ одинъ изъ вашихъ... голодныхъ бѣдняковъ. Мой Федотъ — сердобольный мужчина, кормитъ его на кухнѣ. Этотъ сирота, этакъ въ саженку ростомъ, посмотрѣли бы, какой франтъ: ежедневно три перемѣны платья!.. Настоящій дэнди — хе-хе-хе! Три перемѣны, не меньше, — шутилъ генераль.

«Три перемѣны» не показались публикѣ особенно острыми, и генераль это тотчасъ-же замѣтилъ.

— Да, да, азіятская гостыя, — вдругъ повернулъ онъ, — азіятская гостыя пожаловала. Нужно готовиться къ смерти; только не знаю, къ какой: отъ холеры-ли или отъ руки пейзановъ.

Княгиня недоумѣвающе посмотрѣла на него.

— Какъ же, какъ же. Появились признаки: въ Ц — скомъ уѣздѣ волненія: разворили нѣсколько сельскихъ аптекъ, одного фельдшера, говорить, изрядно помяли.

— У меня даже пришлось нѣкоторое внушеніе сдѣлать, — отозвался изъ угла комнаты худощавый господинъ, съ грубоватымъ, загорѣлымъ лицомъ, земскій начальникъ одного изъ кожныхъ уѣздовъ губерніи.

— Вы что же, лекцію о холерныхъ микробахъ имъ прочитали? — спросилъ его рядомъ стоявшій плотный, модно одѣтый блондинъ, изъ судейскихъ — Антонъ Кондратьевичъ Ренчковскій, — «изъ дворянъ дворовый» прозвалъ его острякъ Копылинъ.

— Да, лекцію о микробахъ, — улыбаясь, отвѣтилъ земскій начальникъ.

Ренчковскій одобрительно кивнулъ головой.

— Да какъ же, — продолжалъ земскій начальникъ, — помилуйте: всѣ лѣкарства уничтожили, квартиру фельдшера чуть не сожгли вмѣстѣ съ его семьей и имуществомъ.

— Это не въ Вертуновкѣ-ли? — спросилъ, подойдя, Крулинскій.

— Да-съ, въ Вертуновкѣ.

— Я немного знаю это село и фельдшера знаю: мы два года по лѣтамъ жили рядомъ. Такому человѣку, какъ тамошній фельдшеръ, и довѣрять мудрено. Я всегда удивлялся, какъ его терпятъ на службѣ.

— То есть въ какомъ отношеніи?—спросилъ земскій начальникъ нѣсколько холодно.

— Въ томъ отношеніи, что крестьяне знаютъ его какъ барышника, скупщика, кулака, но не какъ фельдшера. Я могъ бы, не боясь впасть въ ошибку, удостовѣрить, что онъ ни разу не былъ у больного крестьянина, безъ приличнаго приношенія никогда никого у себя не принималъ и лѣкарствъ не давалъ. Да и какія лѣкарства? Я самъ видѣлъ въ рукахъ у крестьянина что-то вродѣ магнезій, которая ему была дана подъ именемъ хины. Но за то половина волости у него въ долгу, и мелкія суммы ссужаются за громадные проценты... кромѣ того...

— Но позвольте спросить,—прервалъ его Ренчковскій:— мужиковъ-то этихъ онъ отравляетъ ядомъ? Это вы можете удостовѣрить, «не боясь впасть въ ошибку»?

Крулинскій поведъ глазами въ сторону Ренчковскаго и ничего не отвѣтилъ. Въ глазахъ Ренчковскаго блеснулъ недобрый огонекъ.

— На кой мнѣ ихъ довѣріе!—злбно прошипѣлъ онъ, отвернувшись отъ Крулинскаго, въ сторону генерала.—Довѣрйя, не довѣрйя, это твое дѣло, а буйствовать не смѣй! «Мужикъ—темень, слѣпъ, съ него нечего спрашивать!» Мы это знаемъ давно. Такъ не прикажете-ли мнѣ просвѣщать его въ ту самую минуту, когда онъ занесъ ломъ надъ моей головой?—вдругъ обратился онъ опять къ Крулинскому.

— Приказалъ бы, если бы это отъ меня зависѣло,—сухо отвѣтилъ тотъ.

— Но, однако, дорогой мой!—вмѣшался генералъ,—какъ же это просвѣщать? Просвѣщаютъ вѣдь, учать, школы заводятъ и съ каждымъ годомъ все больше. Однако дикости отъ этого не убавилось...

— Въ самой Вертуновкѣ—земская школа, одна изъ лучшихъ,—вставилъ земскій начальникъ.

— Ну, вотъ извольте видѣть, дорогой мой! Просвѣщаютъ ихъ! а они?.. Грамоту въ школахъ берутъ, а дикость при себѣ оставляютъ. И грамотность, и дикость, и суевѣрія, и звѣрства!..

— Прошу прощенія: я не знаю, какая зависимость между грамотностью и суевѣріемъ или предрасудками?

Послѣднія слова вызвали общее недоумѣніе... Копылинъ и земскій начальникъ приблизились къ спорящимъ, а Ренч-

ковскій принялъ рѣшительный видъ человѣка, готоваго сразиться и увѣреннаго въ побѣдѣ.

— Позвольте, однако,—началъ онъ съ дѣланной изысканностью и отчеканивая слова,—позвольте, многоуважаемый Казимиръ Осиповичъ! Вы, насколько я могу понять, не только не отождествляете понятій о народной школѣ и народномъ образованіи, но даже, повидимому, противопоставляете ихъ?

— Не отождествляю, правда; но и не противопоставляю.

— Какъ же это, однако? Какими же способами прикажете давать образованіе народу, если не посредствомъ школъ? Европа, сама Европа никакихъ другихъ средствъ не знаетъ. Только *тамъ* это средство дѣйствительно возвышаетъ народъ, облагораживаетъ его, а нашему сиволапу—не въ коня кормъ: онъ прямо изъ школы съ ломомъ въ рукахъ идетъ разбивать аптеку, кидается на врача. То ли выносить изъ школы европеецъ? Дѣлаетъ ли онъ что-либо подобное?

— Дѣлаетъ!—сухо отвѣтилъ Крулинскій.

— Какъ, дѣлаетъ? Гдѣ же онъ дѣлаетъ? Вы только не идите въ глубь среднихъ вѣковъ, въ глубь среднихъ вѣковъ,—повторилъ Ренчковскій, видимо довольный удачнымъ выраженіемъ,—вѣковъ варварства и суевѣрія, а укажите примѣры такой дикости и такого звѣрства въ нашемъ вѣкѣ.

— Можно указать: лѣто 1848 г. во Франціи.

— Позвольте, позвольте! Мы говоримъ о буйствахъ дикой толпы противъ врачей, о разгромѣ аптекъ, а не о политическихъ волненіяхъ.

— И я говорю не о политическихъ волненіяхъ: я говорю о лѣтнихъ холерныхъ мѣсяцахъ 1848 г., а не о февралѣ.

— То есть, что же вы хотите сказать? — спросилъ нѣсколько озадаченный Ренчковскій.

— Хочу сказать, что и французская чернь, даже чернь Парижа, когда холера стала сильно косить, и смертность достигла большихъ размѣровъ, заподозрила отраву, обвиняла врачей такъ же, какъ и наша.

— Но, однако, не накидывалась на врачей, не разоряла аптекъ...

— Прошу прощенія: и разоряла аптеки, и накидывалась на врачей и въ одномъ случаѣ едва не разорвала врача,—только находчивость полицейскаго чиновника спасла его.

— Да, «едва не разорвала»,—произнесъ Ренчковскій какъ то растерянно и въ то же время подбадривая себя.

— Но почему же это противъ народныхъ школъ? — спросила княгиня, ни къ кому не обращаясь.

— Конечно, народныя школы здѣсь не причемъ,—отвѣтилъ Крулинскій,—это собственно я и имѣлъ въ виду сказать. Давая народу только одну школу грамотности, и отъ него можно

требовать только грамотности, но не больше, — добавилъ Крулинскій, послѣ нѣкотораго молчанія. Онъ говорилъ медленно, слѣдя за своей фразой и произношеніемъ. Ренчковскій имѣлъ видъ сдержанный и недовольный.

Прибывали между тѣмъ все новыя лица. Явился пріятель Крулинскаго, тоже инженеръ Рейеръ, и изъ какого-то засѣданія пріѣхалъ князь Кейстутъ-Вилинскій въ сопровожденіи губернатора, высокаго блондина среднихъ лѣтъ, съ улыбающимися глазами и министерскими баками.

Бружокъ вновь прибывшихъ гостей размѣстился около княгини. Губернаторъ подтвердилъ слухи о волненіяхъ въ уѣздахъ, появившихся вслѣдъ за холерой; но вмѣстѣ съ тѣмъ успокаивалъ, что, «за имѣющими быть принятыми мѣрами», волненія скоро улягутся.

— А я, знаете ли, — замѣтилъ князь Кейстутъ, — все-же не думаю, чтобы это такъ, какъ бы сказать... Вотъ я сидѣлъ сегодня въ этой, какъ она? — санитарной, что-ли, комиссіи; слушалъ, знаете-ли, все какъ-то... Ну, выпьемъ мы этого, какъ сказать, — рассказчика ихъ, что-ли, ну, однимъ словомъ, который ихъ мутитъ. Что же, вы думаете, лучше будетъ? Кто не совсѣмъ вѣрилъ ему, повѣрить, какъ сказать? въ этого благодѣтеля. Полиція, знаете-ли, его заберетъ, увезетъ, а вѣрить будутъ они все-же ему, а не полиціи.

— Да чѣмъ-же, ваше сіятельство, ихъ разубѣдить? — вмѣшался Ренчковскій: — вотъ гдѣ-то, слышалъ я, мужики рѣшили прибѣгнуть къ давно испытанному средству противъ повальныхъ болѣзней: опахать село. Въ соху въ этихъ случаяхъ, какъ извѣстно, впрягаютъ старыхъ бабъ. Что-же? взяли да къ бабамъ припрягли и фельдшерицу. И тащила, несчастная, соху, пока не упала. Еле живую въ городъ привезали. Вотъ, не угодно-ли такихъ разубѣждать?!

Послышался смѣхъ.

— Бываетъ и хуже! — замѣтилъ кто-то.

— Да это еще что! — заговорилъ земскій начальникъ, выступая впередъ. — Въ холеру 1871 года въ Т-ской губерніи чуть не распяли было земскаго врача.

— Что вы?

— Можно-ли вѣрить такимъ анекдотамъ? — замѣтила княгиня, пожимая плечами.

— Вотъ извольте такихъ разубѣждать! — вновь отозвался Ренчковскій.

— Да я вовсе не то, какъ бы сказать, — продолжалъ князь, — я вовсе не противъ мѣръ; но, знаете ли, мѣры... Въ одномъ случаѣ, пожалуй... а все же остается у нихъ въ головѣ... разъ ужъ они не довѣряютъ...

Князь говорилъ очень плохо, съ трудомъ находилъ самыя

простыя выраженія и вообще на словахъ, казалось, больше путаль, чѣмъ выражалъ свои мысли. И въ то же время,—какъ это ни странно,—на письмѣ его рѣчь была проста и ясна, фраза отчетлива и нерѣдко красива.

III.

Было уже совсѣмъ сухо и тепло, даже очень тепло для первыхъ дней апрѣля. Солнце грѣло тѣмъ сухимъ лучомъ, который такъ знакомъ юго-востоку Россіи, гдѣ природа не знаетъ томительной нѣги весенняго пробужденія, гдѣ, очнувшись отъ зимняго сна, она прямо вступаетъ въ горячее, сухое лѣто.

Домъ князя Кейстуть-Вилинскаго находился въ старой, отжившей части города, центръ котораго, съ проведеніемъ желѣзной дороги, постепенно передвигался въ другое мѣсто.

Обширный садъ, примыкавшій съ одной стороны къ широкой, почти немощенной улицѣ со старыми деревянными домами, а съ другой отгороженный отъ сосѣднихъ дворовъ обветшалой каменной стѣной, выходилъ почти къ окраинамъ города. Старая липовая аллея, начинавшаяся почти отъ самого балкона дома, да еще нѣсколько боковыхъ аллей содержались въ порядкѣ. Остальная часть сада была запущена. Лѣтомъ семья князя жила въ селѣ Копьевкѣ, въ десяти верстахъ отъ города, и въ городской домъ рѣдко кто навѣщалъ. Княгиня садомъ не особенно интересовалась, да и въ самой Копьевкѣ роскошный паркъ поддерживался только потому, что тамъ былъ хорошій садовникъ, и князь съ дѣтства зналъ и любилъ почти каждое дерево.

Въ одной изъ боковыхъ аллей стояла довольно просторная, крытая бесѣдка, въ ней раздавались дѣтскіе голоса. Леночка играла тамъ съ маленькой трехлѣтней дѣвочкой, въ ситцевомъ платьицѣ. Ея англичанка, миссъ Уоркетъ, сидѣла поодаль, уткнувшись въ какую-то работу. Съ двумя большими куклами въ рукахъ Леночка прыгала передъ черномазой дѣвочкой, выдѣлывая разныя фигуры.

— Ну, теперь, Катя, будемъ визиты дѣлать! Хочешь визиты?—спрашивала Леночка, нагнувшись къ самому личику счастливой, улыбающейся Кати.

Катя ничего не отвѣчала, только радостно кивала головкой.

Леночка съ усміемъ подняла ее и, при помощи стула, кое-какъ усадила на большой столъ, покрытый яркой скатертью.

— Здравствуйте, княгиня! Bonjour, chère princesse!—манерно, съ припѣвомъ выводила Леночка, приближая по столу

одну куклу къ другой и заставляя ихъ кланяться и присѣдать.—Какъ поживаете, княгиня? Вы были сегодня въ пріютѣ? Вы, вѣроятно, очень устали!

Катя восхищенными глазами слѣдила за куклами и отъ восторга только махала руками.

Забавляя Катю, Леночка сама увлеклась импровизированной бесѣдой своихъ кукольныхъ княгинь и баронессъ, которыя кланялись, присѣдали и дѣлали другъ другу комплименты.

Вдругъ Леночка увидѣла, что изъ подъ Кати по столу потекла струя. Заволновавшись и тревожно озираясь на свою англичанку, Леночка поспѣшно сняла Катю со стола и, вынувъ изъ мѣшечка свой носовой платокъ, принялась почти съ судорожной быстротой вытирать столъ и образовавшуюся на полу лужицу.

— Ахъ, ахъ, Катя! ахъ, что ты надѣлала! Скорѣй, скорѣй! вотъ такъ! А то мама Ариша увидитъ, шлепки намъ дастъ, больно шлепки...

Внезапный испугъ Леночки сообщился Катѣ. Услышавъ слова: «Мама Ариша увидитъ, мама Ариша шлепки дастъ», она широко раскрыла глазки и вдругъ заплакала тѣмъ внезапнымъ, крикливымъ плачемъ, который вызывается у сильно испуганныхъ дѣтей.

— Катька! а Катька! Гдѣ ты, дрянъ этакая?—послышался женскій голосъ у небольшого деревяннаго флигеля, стоявшаго въ концѣ аллеи, и, нѣсколько минутъ спустя, въ бесѣдку вошла худая, черноволосая, довольно растрепанная женщина, въ ситцевомъ платьѣ. Не сказавъ ни слова, ничего не узнавъ и не рассмотрѣвъ, она схватила Катю на руки, подняла платье и, сильно слепая по голому тѣльцу, вынесла ее изъ бесѣдки. Леночка съ крикомъ бросилась на нею, пѣбяясь за ея руки.

— Ариша! не надо, Ариша! Она не виновата!.. она хотѣла... я... она не виновата... не надо, Ариша!.. — Леночка буквально вся трепетала.

Ариша, не обращая вниманія на Леночку, донесла свою дочь до флигеля и втолкнула ее въ дверь; сама же, тяжело дыша, опустилась на стоящую у двери зеленую садовую скамейку. Густая, беспорядочная прядь волосъ выбилась изъ подъ сѣтки, покрывавшей ея голову, и нѣсколько впалые, большіе глаза ея неподвижно усталились въ землю.

Изъ боковой аллеи за флигелемъ показался худенькій, небольшого роста старичекъ, лѣтъ около семидесяти, съ виду не то лакей, не то дворецкій, въ черномъ, грубоватаго сукна, но чистомъ скюртукѣ, изъ подъ бортовъ котораго виднѣлась чистая крахмальная рубашка. Длинные, подъ скобку, еще не совсѣмъ сѣдые волосы, сѣдые подстриженные усы придавали его добродушному бритому лицу совсѣмъ не лакейское выраженіе.

— Ахъ, Арина Григорьевна, матушка! За что тираните? Дитѣ малое!..

— Охъ, Антонъчъ, Антонъчъ!.. Сверхъ силъ возможности! нѣтъ моего терпѣнія!—бессильно разводила руками Ариша. По выраженію лица, по тону ея словъ видно было, что жалобы ея относятся вовсе не къ Каткѣ и что ея «силы возможности» подрываетъ что-то другое.

— Все-жъ, милая, какъ же возможно? дитѣ малое, непричинное. А вы, барышня, не плачьте, не надо плакать, милая!—обратился онъ вдругъ къ Леночкѣ, которая продолжала всхлипывать, утирая обоими кулачками глаза. Плечики ея приподнялись, худенькая грудь ушла внутрь, и согнувшееся, худенькое тѣло ея нервно вдрагивало.

— Не надо плакать!—продолжалъ ее успокаивать Антонъчъ,—не надо, моя золотая! Тамъ гости; скажутъ: ахъ, какая у нихъ барышня, Елена Александровна, все плачетъ! А гдѣ же вашъ платочекъ? Въ радикульчикѣ нѣтъ. Слезки вытереть!..

— Я его тамъ... онъ тутъ... не знаю,—лепетала Леночка, припоминая, что свой мокрый и загрязненный носовой платокъ она оставила въ бесѣдѣ.—А вы спросите другой у нянечки!—вдругъ какъ бы спохватилась Леночка.

— Сейчасъ, милая! сейчасъ, моя золотая!—И старикъ быстро засѣмнилъ по аллеѣ.

— Развѣ такъ можно кричать на весь садъ?—укоризненно обратилась къ Леночкѣ англичанка, вышедшая изъ аллеи.—Гдѣ же вашъ носовой платокъ?

Леночка опустила глаза и молчала.

Вытеревъ своимъ платкомъ слѣды слезъ на лицѣ дѣвочки, миссъ Уоркетъ продолжала свои наставительныя причесанія. Леночка постепенно успокаивалась.

— А-а-а! вотъ ты куда запряталась!—вскрикнулъ Копылинъ, выйдши вмѣстѣ съ Ройеромъ изъ аллеи. Завидѣвъ Леночку, онъ подошелъ къ ней, взялъ ее за талію и высоко поднялъ ея худенькое тѣльце, любуясь ея роскошными волосами.

— Ахъ ты, русалочка маленькая!—нѣжно шепталъ Копылинъ, потрясая на воздухѣ Леночку.

— Когда же мы опять будемъ съ вами гѣть:

Tom, Tom, was a piper's son
He learn'd to play, when he was young?—

спросилъ ее Ройеръ, когда Копылинъ вновь опустилъ дѣвочку на землю.

— Я теперь не пою ее; это—когда я была маленькая.

— Какую же вы теперь поете?

— Никакой. Я теперь читаю книгу.

— Какую? Chatterbox?

- Нѣтъ, русскую: «Добрая Варя». Интересная.
- Что же въ ней интереснаго?
- Все: какая Варя была добрая, всѣхъ любила; игрушки отдавала Вѣрочкѣ... Только она умерла,—съ грустью закончила Леночка.
- Какъ умерла? Отчего?
- Такъ. Ее взялъ Боженька: она была хорошая...
- Кто далъ вамъ эту книжку? Вамъ нужно читать не такія грустныя, вамъ веселыя книжки нужно читать.
- Нѣтъ, это—хорошая. Мнѣ нянечка подарила: мое было рожденіе. У меня и веселая есть: «Олины затѣи». А только «Добрая Варя» лучше.
- Копылинъ опять подхватилъ дѣвочку и увлекъ ее по аллеѣ.

IV.

Утреннія занятія губернатора затянулись необычайно долго. Уже третій часъ на исходѣ, а начальникъ губерніи, который обыкновенно къ часу поканчивалъ съ утренними докладами и затѣмъ, позавтракавъ, пѣшкомъ отправлялся въ губернское правленіе или въ другое засѣданіе,—сегодня все еще сидитъ. Полиціймейстеръ раза четыре прѣзжалъ и уѣзжалъ; городской голова второй разъ подѣхалъ на своемъ сытомъ жеребцѣ, сидя бокомъ на купеческой рессорной линейкѣ.

У подѣзда—разныя фэатоны, дрожки и извозчики, а на подѣздѣ то и дѣло мелькаютъ разныя должностныя лица губернскаго города.

Въ губернаторскомъ кабинетѣ, размѣстившись вокругъ большого зеленого стола, сидѣло человѣкъ пятнадцать.

— Я не знаю, ваше превосходительство, какъ это будетъ у насъ. По моему разсужденію, русскому человѣку, особливо рабочему, въ лѣтнюю пору, безъ квасу никакъ невозможно,—говорилъ, разводя руками, городской голова, высокій, благообразный старикъ, въ черномъ суконномъ сюртукѣ нѣсколько удлиненнаго покроя.

— Да какъ же иначе, Захаръ Андрейчъ? Вотъ Николай Сергѣевичъ—губернаторъ указалъ глазами на инспектора врачебной управы,—да и всѣ наши господа врачи единогласно заявляютъ, что квасъ на сырой водѣ очень вреденъ въ такое время.

Врачебный инспекторъ подтвердилъ наклоненіемъ головы.

— Съ другой стороны,—продолжалъ губернаторъ,—мы не имѣемъ возможности услѣдить за квасоварами, чтобы они употребляли исключительно кипяченую воду. Что же дѣлать? По-неволѣ приходится закрывать эти квасоварни.

Городской голова пожалъ плечами.

— Вы изволите говорить, что вредъ отъ воды, некипячен-ной, то есть?—обратился онъ къ врачебному инспектору.— Ну пускай такъ: вредъ отъ нея въ квасу. А не дадимъ мы ему квасу, да станеть онъ такъ эту самую сырую воду пить, польза, что-ли, ему будеть отъ этого.

— Все же здѣсь большая разница,—вмѣшался другой докторъ. Въ городѣ онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ «Особеннаго». Такъ прозвали его товарищи, во-первыхъ, за его непримиримую ненависть къ врачамъ всѣхъ національностей, кромѣ русской, и во-вторыхъ, за его постоянныя разсужденія на тему о томъ, что «русскому человѣку нуженъ совсѣмъ *особенный*, русский способъ лѣченія», причемъ никогда не выяснялось, въ чемъ этотъ «особенный» способъ заключается. Высоко поднявъ голову, авторитетно оглядывая сквозь очки всѣхъ присутствующихъ, «Особенный» сталъ подробно объяснять, въ чемъ «большая разница». Появились на сцену и желудочный сокъ съ панкреотической железой, и перистальтика, и кислая, и щелочная реакція, и послѣднія наблюденія надъ холерой въ Индіи и Испаніи и пр., и пр.

Врачебный инспекторъ, раскрывъ добродушные, круглые глаза, со вниманіемъ слушалъ своего коллегу; полиціймейстеръ игралъ кистью своей пашки, а городской голова, уныло свѣсивъ голову, съ покорностью ожидалъ конца кислой и щелочной реакціи. Наконецъ, губернаторъ, уже неоднократно обнаруживавшій признаки нетерпѣнія, прервалъ оратора:

— То есть, вы хотите, въ концѣ концовъ, сказать намъ, что квасъ, особенно холодный, самъ по себѣ значительно ослабляетъ пищевареніе и подготавливаетъ почву для холеры?

— То есть да, ваше превосходительство, хотя послѣднія наблюденія въ Испаніи показали, что родниковая вода...

— Ну да, да! Вы уже это изволили намъ сообщать. Но вѣдь мы стремимся, по возможности, устранить этотъ вредъ: мы стремимся дать народу горячій чай. Двѣ чайныхъ на берегу уже есть. Княгиня Софья Никаноровна общается съ своей стороны сдѣлать все возможное. А затѣмъ со стороны городского управленія и почтеннаго Захара Андреевича мы будемъ ожидать самаго энергичнаго содѣйствія въ этомъ отношеніи.

Губернаторъ, улыбаясь, наклонился въ сторону городского головы.

Городской голова всталъ и поклонился. Сквозь раскрывшіеся борты сюртука показалась бѣлая, тонкаго холста, некрахмаленная рубашка.

— А всетаки, ваше превосходительство, дозвольте высказать,—старикъ наклонилъ голову въ сторону: — чай чаемъ, а

вода—водой. Вѣдь онъ чай пить не для жажды, а такъ, для отдыха, какъ бы сказать, проклажается. Я вотъ, примѣрно, у себя на заводѣ: чай роздалъ ребятамъ, сахаръ; два самовара, по три ведра каждый, безъ переводу; да и такъ вода въ котлѣ цѣлый день. Пей, сколько хочешь! Что же? Чаемъ то онъ нальется, а всегаки порботаетъ на припекѣ и—къ водѣ. Лакаетъ, не оторвешь отъ бочки. Я все-жъ скажу,—прибавилъ онъ послѣ небольшого перерыва,—по моему разсужденію, въ квасу не слѣдовало бы народъ стѣснять, ваше превосходительство! Христось съ нимъ—пить! Онъ къ нему привычный, выросъ на немъ.

Старикъ умными, заискивающими глазами смотрѣлъ на губернатора.

На лицѣ начальника губерніи выразилось нетерпѣніе.

—Не можемъ же мы, Захаръ Андреевичъ, упорствовать въ своихъ взглядахъ въ противность наукѣ!—(докторъ «Особенный» побѣдоносно посмотрѣлъ на городского голову).—Мы обязаны слѣдовать указаніямъ господъ врачей. Я на свою совѣсть не возьму отвѣтственности. Какая гарантія въ томъ, что, отвергнувъ ихъ совѣты, мы не навлечемъ еще большихъ бѣдствій? Чѣмъ мы можемъ гарантировать?

Городской голова покорно опустился на стулъ.

— Впрочемъ, ваше превосходительство, можетъ быть Захаръ Андреевичъ имѣетъ возможность какъ-нибудь услѣдить за тѣмъ, чтобы квасъ готовился исключительно на кипяченой водѣ?—вмѣшался врачевный инспекторъ, который сталъ догадываться, что проектируемая мѣра слишкомъ поспѣшна, что закрыть сразу всѣ квасоварни не совсѣмъ основательно.—У городской управы есть свои постоянные санитарные врачи, кромѣ того, приглашаются еще и временные.

Губернаторъ повернулся къ городскому головѣ, ожидая отвѣта.

— Ежели полиція будетъ закрывать квасоварни, которыя на сырой водѣ, онъ самъ для своей пользы долженъ брать кипяченую, хоть и трудненько напастись кипяченой—вѣдь не два ведра! А чтобы ручаться услѣдить за каждымъ, это затруднительно, очень затруднительно, ваше превосходительство!

Рѣшено: повременить закрытіемъ квасоваренъ, но учредить самый строгій надзоръ.

Вошелъ членъ городской управы, высокій, худощавый блондинъ въ очкахъ. Онъ сообщилъ, что на берегу произошли нѣкоторыя недоразумѣнія и безпорядки, вызванныя запрещеніемъ торговать равными съѣстными припасами, сбываемыми береговому рабочему люду, проѣзжающимъ и пристающимъ баржамъ и пароходамъ. Мелкіе торговцы, въ особенности бабы, прямо отказались снять свои навѣсы, лотки и рундуки, оказывая при этомъ весьма сильное сопротивленіе полиціи.

— Положимъ, огурцовъ еще нѣтъ; а другая, какая есть, зелень и сырье уничтожаются. И то какихъ трудовъ стоитъ. Такъ что я не знаю... собственно можетъ быть, этимъ намъ бы и ограничиться,—какъ то несмѣло закончилъ свой докладъ членъ управы.

— А гнилая рыба? а тухлые яйца? а червивые грибы? а протухшая колбаса?—почти яростно накинулся на него Особенный.

— Нужно же чѣмъ-нибудь питаться рабочему человѣку!—возразилъ членъ управы.—Не здѣсь—на берегу,—онъ въ городъ пойдетъ и опять же ничего лучшаго по своимъ средствамъ не найдетъ. Разница въ томъ, что на берегу онъ имѣетъ все подъ руками, а въ городъ ходить—онъ теряетъ время, теряетъ часть заработка; самъ недоволенъ и хозяинъ недоволенъ.

— Ну, пошла «политическая экономія»!—шепнулъ Особенный своему сосѣду.—Членъ управы, человѣкъ университетскаго образованія, неизвѣстно почему прозванъ былъ «политической экономіей». Политической экономіей онъ не занимался и никогда о ней не говорилъ.

— Я вотъ седьмой годъ завѣдую берегомъ; тамъ меня знаютъ и нѣсколько всетаки довѣряютъ,—продолжалъ членъ управы.—А сегодня, посмотрѣли бы, какъ меня приняли! Такъ прямо чуть не въ глаза рычатъ: былъ-де человѣкъ хороший, а теперь тоже за-одно съ лѣкарями народъ морить собирается.

— Какъ это морить народъ?—спросилъ губернаторъ.—Неужели и сюда проникли бредни, которыми смущали тамъ на югѣ?

— Да вѣдь какъ же, ваше превосходительство! Тамъ вездѣ устроены карантинны; привозъ стѣсненъ, заработки упали; береговой рабочій людъ разбрелся искать хлѣба. Большинство все же сюда идетъ. Здѣсь тоже работы никакой. А послѣ тамошнихъ скандаловъ и погромовъ еще рѣшительнѣе разносятся сплетни. Имъ вѣрятъ и еще присочиняютъ. Особенно бабы. Эти такъ ужъ чуть собственными глазами не видѣли, какъ отравляютъ народъ. Сегодня одна мнѣ прямо въ глаза: «врешь!—кричить,—не отъ моей рыбы, я двадцать лѣтъ здѣсь торгую; а отъ твоей отравы, что съ лѣкарями развозишь, да разсыпашь!»

Губернаторъ задумался. Прошло нѣсколько минутъ общаго молчанія.

— Да какъ же, однако? чѣмъ себѣ это объясняютъ? Какая надобность отравлять народъ?—спросилъ губернаторъ.

— Да собственно, насколько я могу понять, ничѣмъ себѣ не объясняютъ и никакихъ объясненій не ищутъ и не требуютъ. «Шмару пустили въ народъ!» и только. Народъ орошенъ; слышитъ, будто кругомъ въ деревняхъ, на низу, сильно

люди мрутъ; а у себя пока особенной смертности не видятъ. Мы заблаговременно приготовились, построили бараки, всѣхъ больныхъ забираемъ, дома не даемъ имъ болѣть... А тутъ вся голь, прибывающая съ низу, толкуетъ одно: отравы, да отравы... Паника, страхъ и, конечно, всевозможныя выдумки...

Объясненіе члена управы ничего губернатору не разъяснило: что-то особенное, недосказанное скрывалось за его словами.

— Вотъ до чего ихъ необразованіе доходитъ, ваше превосходительство,—вставилъ, нѣсколько приподнявшись, полиціймейстеръ.—Вчера приставъ 3-й части видитъ: на той сторонѣ Гуслихи—пожаръ, такъ будто за Покоровкой, или къ Анискинымъ хуторомъ. Приказалъ себѣ принести зрительную трубку и—смотреть. Народъ, конечно, тоже кругомъ собрался. Только онъ слышитъ: «мало округъ народу поморили, на Покоровку шмару навести желательнo!» Ну, окрикнулъ, разумѣется, разошлись.

Губернаторъ разсѣянно смотрѣлъ на полиціймейстера, видимо его не слушая.

— Однако, какъ же это помирить, Константинъ Аполлоновичъ?—обратился онъ снова къ члену управы.—Съ одной стороны, народъ, говорите вы, боится холеры; а съ другой—никакихъ мѣръ не желаетъ противъ нея и тѣмъ, которыя предпринимаются помимо его, противодействуетъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что нашимъ мѣропріятіямъ онъ не доверяетъ...

— Какъ его завѣрить, что отъ огурца, или отъ рыбы—вредъ?—перебилъ городской голова.—Иной двадцать лѣтъ на берегу работаетъ, двадцать лѣтъ только и пищи ему, что огурецъ. Я, говоритъ, съизмала: сколько живъ, этой пищей живу; отъ нея, говоритъ, человекъ здоровъ остается. А и то сказать: иному что холера? Все одно, что отъ холеры, что отъ безхлѣбницы. Вотъ такіе больше всего мутать. А сколько ихъ теперь набралось къ намъ съ низовья-то! Народъ самый оголтелый, вдобавокъ тамъ всякія буйства видѣлъ и самъ буйствовалъ.

Губернаторъ задумчиво чертилъ фигурки на лежащемъ передъ нимъ листѣ бумаги. Остальные молчали.

— Два барака уже дѣйствуютъ, ваше превосходительство,—несмѣло заговорилъ полиціймейстеръ,—третій на дняхъ будетъ готовъ.

Губернаторъ, прищуривъ глаза, смотрѣлъ мимо полиціймейстера куда-то вдаль. Послѣднему показалось, что начальникъ губерніи ждетъ отъ него продолженія доклада.

— И вотъ еще, ваше превосходительство, на счетъ родственниковъ: просто, никакими средствами ихъ не прогонишь. Возьмутъ въ бараки больного, они не отходятъ: отдай, кри-

чать, назадъ. Вчера, ваше превосходительство, Карла Богданыча баба прямо чуть за грудь не хватаетъ: «верни, кричить, мужа! сиротой по міру пустить хочешь!»

— Ну, что-жь этотъ Карль... какъ вы говорите?

— Карль Богданычъ,—поспѣшно подсказалъ полиціймейстеръ,—Карль Богданычъ Шлиппе, старшій врачъ. «Что это онъ: Карла Богданыча Шлиппе не знаетъ?»—недоумѣвалъ про себя полиціймейстеръ.

— «Шмара»!.. «пускаютъ шмару»! Какъ понять тутъ чтонибудь?.. И что такое эта «шмара»?—медленно и какъ бы самому себѣ говорилъ губернаторъ.

— Да вѣдь это, ваше превосходительство, просто такъ себѣ, пустое. «Шмара», здѣсь—«шмара»; а въ Покоровѣ—хохлы, такъ у тѣхъ «хмара» какая-то. Такъ себѣ: жуелъ!—улыбаясь и озираясь на присутствующихъ, объяснялъ Особенный, повидимому, убѣжденный, что даетъ надлежащее объясненіе.

— Хмара—это гуча, облако,—скромно вставилъ старичекъ изъ поляковъ, въ формѣ военнаго врача.—А шмара—не знаю; но вѣроятно и это слово не безъ значенья у народа.

— Какое тамъ значенье?—уже совсѣмъ замахалъ на него Особенный.

— Позвольте мнѣ, ваше превосходительство, сказать,—съ запинкой и нерѣшительно обратился къ губернатору членъ управы.—Мнѣ кажется... какъ-то... какъ-бы это сказать?.. Ну, можетъ быть это парадоксъ! Мы приготовились, заблаговременно приготовились встрѣтить холеру, благодаря тому, что она раньше стала свирѣпствовать на югѣ. Мы построили баракъ, заготовили дезинфекцію и пр. Я противъ этого, конечно, ничего не говорю. Но вотъ что выходитъ на дѣлѣ. До сихъ поръ у насъ, слава Богу, не особенно много заболѣваній, и почти всѣхъ заболѣвающихъ мы забираемъ въ свои больницы; но они у насъ тамъ всѣ почти и умираютъ. Я ничего не говорю противъ лѣченія или ухода,—послѣшилъ онъ прибавить, обращаясь въ сторону врачей,—эпидеміи, говорятъ, всегда вначалѣ дѣйствуютъ сильнѣе. Населеніе у себя въ домахъ пока собственно самой болѣзни не видѣло и не знаетъ, насколько она, сама по себѣ, ужасна и безпощадна. Населеніе видитъ одно: сдѣлалась у человѣка рвота, его тотчасъ берутъ въ городскую больницу и оттуда обыкновенно черезъ день хоронятъ, всего чаще безъ вѣдома и участія родныхъ...

— Что же вы хотите сказать?—прервалъ его губернаторъ, все время внимательно слушавшій.

— Читать намъ лекцію о холерѣ, что-ли?—началъ было Особенный, но губернаторъ движеніемъ руки остановилъ его, продолжая внимательно смотрѣть на члена управы.

— Я хочу сказать, — еще менѣе рѣшительно продолжалъ

членъ управы,—я хочу сказать... Вотъ, напримѣръ, произойдетъ у когонибудь изъ насъ случай внезапной, быстрой смерти, не отъ холеры, а такъ, отъ какойнибудь другой болѣзни. Вѣдь даже намъ всегда кажется, что того не сдѣлали, другое упустили, дали бы то лѣкарство—больной непременно выздоровѣлъ бы. Это въ нашей средѣ. А простому человѣку это тѣмъ болѣе кажется. Даже при увѣренности, что холера очень опасная болѣзнь, каждому сдается, что останься больной дома, на попеченіе близкихъ и родныхъ, его бы навѣрно отходили. А мы ихъ всѣхъ забираемъ, и они у насъ въ больницахъ умираютъ, почти всѣ умираютъ...

— Ну-съ, что же вы хотите сказать?—уже нѣсколько нетерпѣливо прервалъ его губернаторъ.

Всѣ уставились на члена управы; всѣмъ было ясно, что у него въ головѣ что то совсѣмъ неожиданное и парадоксальное. И онъ самъ видѣлъ, что мысль его не только угадана раньше, чѣмъ онъ ее высказалъ, но всѣми уже единогласно осуждена, какъ нѣчто невозможное и чудовищное.

Одинъ городской голова, казалось, понималъ его не такъ, какъ всѣ. Наклонивъ голову, старикъ молчалъ, медленно шевеля пальцами лежащей передъ нимъ карандашъ.

— Я хочу сказать, — еще болѣе робко продолжалъ членъ управы, — въ такихъ случаяхъ масса возбуждена, легко поддается, довѣрчиво выслушиваетъ и сама создаетъ всевозможныя легенды. И немного нужно въ такихъ случаяхъ взволнованной черни, чтобы... Да вотъ, напримѣръ, такой случай! — членъ управы оживился и очень обрадовался возможности привести извѣстный ему случай и тѣмъ нѣсколько отдалить необходимость досказать свою мысль.—Такой случай! Производили на дняхъ дезинфекцію, тамъ, внизу, въ Глинистомъ оврагѣ: въ домѣ умеръ холерный. Пустили въ дѣло карболку, сулему. На бутылки, что съ сулемой, наклеена большая желтая этикетка съ надписью крупными буквами: ядъ. Нашелся грамотный, прочиталъ. Что жъ? бутылъ и всѣ инструменты—въ дребезги, и фельдшеръ еле ноги унесъ.

— Да, да! все это прекрасно! Но что же изъ всего этого?— Губернаторъ терялъ терпѣніе.

— Не очень ли... то есть я хочу сказать, не слишкомъ ли ужъ энергично дѣйствуемъ мы? Населеніе насъ совсѣмъ не понимаетъ...

— То есть, какъ же это? Оставить населеніе на произволъ судьбы, не принимая никакихъ мѣръ? Дать эпидеміи свободный, безпрепятственный ходъ?

— То есть не совсѣмъ, а такъ... первое время, по крайней мѣрѣ, не очень ужъ... Народъ увидить, какъ страшна болѣзнь, самъ придетъ просить помощи...

Членъ управы говорилъ уже весьма робко.

— Устроили больницы, бараки и провѣтривать ихъ, что ли? А народъ пускай себѣ умираетъ у себя по домамъ безъ врачебной помощи! Это совсѣмъ въ нашемъ духѣ!—презрительно выкрикивалъ Особенный.

Губернаторъ, недовольный, даже поднялся со стула. Поднялись и другіе.

Изъ дверей приѣмной полицейскій приставъ давно уже старался обратить на себя вниманіе полиціймейстера. Наконецъ, онъ поймалъ его взглядъ и кивкомъ вызвалъ изъ кабинета. Полиціймейстеръ вышелъ и, возвратившись черезъ минуту, шопотомъ о чемъ то доложилъ губернатору.

— Ну, что жъ такое? пускай придутъ: мы имъ объяснимъ,—равнодушно прошепталъ губернаторъ.

— Вы говорите: безъ всякой врачебной помощи. Ну, а чѣмъ же вы насъ будете лѣчить? Какія теперь средства противъ холеры? — спрашивалъ Особеннаго въ углу губернаторскаго кабинета маленькій, весьма подвижный предсѣдатель уѣздной управы.

— Должно быть никакихъ! То же, что и прежде, — вставилъ рядомъ стоявшій городской голова.

— Ну, однако!..

— Что же, однако? Я помню хорошо холеру сорокъ восьмого года. Я тогда уже былъ парень на ногахъ, старики женить собирались. Вотъ теперь слышу: квась долой! рыбы не ѣшь! А тогда все больше насчетъ храбрости. Не робѣй! болѣзнь вся—отъ одной робости. Ёшь, пей, что хочешь, а только не робѣй. Помню, присланъ былъ къ намъ изъ Питера генераль Столпинъ, духъ этотъ поддерживать. Молодецъ, красавецъ изъ себя, силачъ такой, царство ему небесное. «Плевать, говорить, за холеру; все отъ робости». И ободрялъ. Самъ жилъ весело, за нимъ и другіе. Какъ схватило его на улицѣ, онъ этакъ уцѣпился у извозчика сзади за рессоры и кричить: погоняй! И, вѣрите ли? рысью по мостовой такъ и помчалъ. А самъ: «врешь, со мною не сладишь!» Да только двухъ кварталовъ сердечный не пробѣжалъ — упалъ. На утро схоронили. Вотъ оно—и отъ робости!

— Что же все это доказываетъ? — насмѣшливо спросилъ Особенный.

— Нѣтъ, это, конечно, я такъ, къ слову. А вотъ старичекъ у насъ былъ, на Воскресенской, туда, книзу, баню держалъ. Теперь ея нѣтъ, давно сгорѣла, а баня была огромная. Онъ съ утра до вечера топилъ эту самую баню и самъ раза по два на день парится и народъ бѣдный даромъ пускаетъ. И такъ всю холеру: православные, моль, старъ и младъ, вали на легкой паръ! Что же вы думаете? Тамъ, по тѣмъ кварта-

ламъ, вы знаете, больше все бѣднота. Какъ-что, — сейчасъ въ баню. Тамъ ужъ корча-ли съ нимъ, рвота-ли — все равно: парять! И — смѣйтесь, батюшка, смѣйтесь! — многие избавились. Смѣшно? Что дѣлать? Ну ужъ такъ и быть: въ конецъ васъ насмѣшу. Дней пять назадъ у Спиридонъ Ефимыча кучера схватило. Онъ, не долго думая, чистаго дегтю. Вырвало, онъ въ другой разъ. Тамъ ужъ не знаю, много ли онъ его выпилъ. Вы думаете, разорвало парня? Сегодня, батюшка, на козлахъ видѣль — здоревехонекъ!..

— О, я знаю, почтенный Захаръ Андреичъ, знаю: банька да квасокъ, деготь да еще, пожалуй, керосинъ. Совсѣмъ въ духъ нашего почтеннаго думскаго купечества. Дешево и мило!

— Это точно, батюшка, точно; нашъ братъ — купецъ ему — извѣстно: что ни дешевле, то и милѣй. А вотъ вы, *ваше благородіе*, насъ теперь научите, чѣмъ бы намъ, хоть и дорогимъ, да поизбавиться отъ этой холерной напасти?

«Ваше благородіе» было сказано съ удареніемъ. Особенный былъ сынъ дьячка. Городской голова зналъ его отца, нетрезваго, подавленнаго бѣдностью старика; зналъ, что и въ университетѣ Особенный учился на средства одного купца, рыбака.

V.

Губернаторъ уже давно стоялъ у углаго окна, наблюдалъ приближавшуюся по улицѣ толпу. Кучка мелкихъ береговыхъ торговцевъ и торговокъ, человекъ въ тридцать, собралась было около зданія городской управы и, прождавъ нѣкоторое время, двинулась къ губернаторскому дому. Люди шли довольно чинно, безъ особеннаго шума, занимая часть улицы. Впереди по троттуару десятка два бабъ громко разговаривали.

— Куда я съ сиротами? Онъ, что-ль, мнѣ кусокъ дастъ? Двадцать лѣтъ на берегу, не первый годъ. Вредъ отъ ея! Врешь!..

— Хоть по людямъ побираться послѣ этого.

— Только тѣмъ и капиталишься съ малыми ребятами, что берегомъ.

— Не бойсь, у Дуньки вся рыба свѣжая, безъ вредности! — выкрикнула круглолицая, молодая бабенка, выступая впередъ. — Всю какъ есть на столъ оставилъ.

— Что ты!

— И пра... на мѣстѣ умереть.

— За то и Дунька! Чай, какъ мужа угнали, съ тѣхъ самыхъ поръ съ нимъ возжается; третій годъ у ней на кварталѣ.

— А съ меня, мать моя, такъ три гривны слопалъ, аспидъ. Все, говорить, въ воду побросаю.

— А ты думала—даромъ? Чай, и я всё сорокъ отдала. А товару всего рублей на пять.

— И страху жъ я набралась, дѣвонька!—заговорила опять круглолицая бабенка. — Гляжу: лѣзетъ долгорылый, да прямо на меня. Ну, пропала моя головушка! А онъ выпрямился этакъ: «здѣсь все, говоритъ, ваше благородіе, очищено; ничего нѣтъ!» Ну, повернулъ, слава Тебѣ, Господи.

— Тоже, чай, не даромъ. Рыло то у тебя масляное; а энтотъ даромъ что старый, да колченогій, а тожъ—любитель!—усмѣхнулась одна старуха.

— То-то любитель! Ты, должно, помнишь—любитель! — огрызнулась бабенка.—И врешь: при бѣдности двугривенный отдала.

— А-а! ты ломать? Ломай! — горячился въ толпѣ сухой, высокій старикъ. — Ломай! ничево! А гдѣ законъ? ты покажи законъ!

— То-то и есть! Ты допрежъ двѣ красныхъ отдай и бери хоть весь. Товаръ, чай, не краденый, — соглашался другой.

— А за мѣсто, говорю, за мѣсто деньги то взяли? Кровныя отдалъ! А теперь гонишь?—кричалъ во все горло кривой, широкоплечій парень и билъ себя въ грудь съ такимъ ожесточеніемъ, какъ будто тамъ сидѣлъ злѣйшій врагъ его...

— Что рыба! Нѣтъ, врешь, не рыба. Тутъ не рыбой пахнетъ,—доказывалъ кто-то въ другой сторонѣ.

Совсѣмъ позади толпы довольно чисто одѣтый мѣщанинъ обстоятельно рассказывалъ что то тремъ-четыремъ человѣкамъ, шедшимъ рядомъ.

— ...Ну, что ты думаешь, братецъ ты мой! Спасибо, Митька Зубокъ отбилъ, совсѣмъ было сердечнаго спалили. Въ сумлѣніе, говоритъ, народъ вводишь. Какое тутъ сумлѣніе? Самовидецъ я, говоритъ: вонъ этими самими, чай, глядѣлъ: онъ трубку эту въ родникъ, и черпаетъ, да черпаетъ. Чего жъ тутъ еще? Сумлѣніе!..

Подойдя къ губернаторскому дому, люди остановились и, молча, ждали. Останавливались также и прохожіе, и толпа росла, не смотря на усилія полицейскихъ.

Въ это время къ губернаторскому дому подъѣхалъ экипажъ весьма странной формы.

На четырехколесномъ ходу уставленъ былъ черный просторный ящикъ, дверца котораго открывалась къ заднимъ колесамъ. Сверху покрытый черной клеенкой или коленкоромъ, ящикъ показывался на мягкихъ, упругихъ дрожинахъ. На козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, сидѣлъ человѣкъ—тоже весь темный, въ короткой, ремнемъ подпоясанной блузѣ. Подъѣхавъ, онъ соскочилъ съ козелъ.

Толпа боязливо сторонилась отъ чернаго экипажа и сопровождавшаго его чернаго человѣка въ блузѣ.

— Ваше превосходительству угодно было видѣть, какъ устроены холерныя телѣги,—докладывалъ вышедшій на улицу полиціймейстеръ.

Легкій майскій вѣтерокъ шевелилъ гардину. Густая листва высокихъ тополей, посаженныхъ вдоль улицы, нѣсколько закрывала стоявшую передъ окнами холерную телѣгу. Губернаторъ высунулся въ окно.

— Да, да, конечно... да,—разсѣянно бормоталъ онъ въ то время, когда полиціймейстеръ демонстрировалъ экипажъ, открывая дверцы и покачивая его на дрожинахъ, а подъ окномъ, вытянувшись, стоялъ черный санитаръ.—Да, это будетъ удобно...

Толпа просителей ушла отъ губернатора неудовлетворенной, не смотря на успокоительныя слова, съ которыми онъ обратился къ ней. Слова его эти люди, повидимому, поняли по своему. По крайней мѣрѣ, когда онъ заявилъ, что—«все возможное будетъ сдѣлано», изъ толпы выдѣлился тотъ самый высокій старикъ, который такъ горячился и, къ удивленію губернатора, очень сильно запротестовалъ противъ этого «возможнаго».

— Никакъ этого сдѣлать невозможно, ваше пріосходительство, никакъ невозможно! Куда-жъ тогда поддаться? Прямо—помирай!

А бабы, ничего не слушая, голосили: «будьте отцы родные!..»

Толпа, увеличенная посторонними зѣваками, недовольная, направилась внизъ къ берегу, продолжая горячиться и протестовать противъ принятыхъ мѣръ. Пройдя квартала три, она привлечена была шумомъ, раздававшимся изъ проулка. Кричала баба:

— Говорю-жъ тебѣ, ваше благородіе, племянницу усаталы!.. Какая болѣзнь! О, Господи, что это такое? Савельичъ, а Савельичъ, окаянный ты чортъ, да иди-же!..

Савельичъ не слышалъ тормозившей его старухи. Лежа пластомъ на троттуарѣ, онъ издавалъ неопредѣленные звуки. Санитаръ и двое городовыхъ стояли надъ нимъ. Толчки вызвали въ пьяномъ Савельичѣ икоту и когда баба, сдѣлавъ отчаянное усиліе, наконецъ, подняла и посадила его, пьянаго стало рвать.

Санитаръ тотчасъ же принялся за него и, при помощи городовыхъ, сталъ тащить въ стоявшую рядомъ холерную телѣгу.

Баба, удѣпившись за мужа, вопила на всю улицу.

Городовой урезонивалъ ее.

— Оно, можетъ, и хмѣль; а болѣзнь сама собой. Ты, старуха, не препятствуй, потому приказано: какъ то есть рвота...

Толпа стояла молча, не двигаясь съ мѣста. Въ это время на противоположномъ троттуарѣ показался средняго роста ши-

рокопличей человекъ, лѣтъ около тридцати, одѣтый въ довольно чистую пиджачную пару, въ фуражкѣ на бекрень. Онъ стоялъ на троттуарѣ, курилъ папирску и, улыбаясь, глядѣлъ на городскихъ, которымъ не удавалось справиться съ бабой.

— Митька Зубокъ! во—Зубокъ!—послышалось въ толпѣ, когда этотъ человекъ, сойдя съ троттуара, медленно подошелъ къ городovýmъ.

— Ну, что вы въ самомъ дѣлѣ тащите его? Развѣ не видите: пьяный человекъ!—улыбаясь, обратился онъ къ санитару.

Баба пуще завопила и еще сильнѣе уцѣпилась за мужа.

Городовой ужъ началъ было:—никакъ невозможно, потому, какъ то есть рвота...—но, взглянувъ въ лицо подошедшему человекъ, вдругъ освирипѣлъ:

— А-а-а! ты опять? Не твоихъ тутъ дѣловъ занятіе вмѣшиваться!—грозно закричалъ онъ и еще энергичнѣе сталъ тащить старика къ холерной телѣгѣ.

— Ну, ну, ну, Карчагинъ: зачѣмъ напрасно тревожить себя!—успокоительнымъ тономъ обратился къ нему Зубокъ и, взявъ его за руку выше локтя, какъ ребенка, отвелъ отъ пьянаго. Городовой съ озлобленіемъ рванулъ было руку, но Зубокъ держалъ его, какъ въ желѣзныхъ клещахъ.

На счастье самъ пьяный Савельичъ открылъ глаза и, бессмысленно улыбаясь, устоялся на санитару.

— Оставь! и правда можетъ, напрасно: ишь однимъ винищемъ!—совѣтовалъ второй городской, обращаясь къ санитару.

Пьянаго взвалили на извозчика, и обрадованная баба увезла его.

— Что?! беда?! осыся! И-и! душегубы!—съ злобнымъ визгомъ и потрясая кулаками, кричалъ изъ толпы вслѣдъ удалявшемуся санитару маленькій чахоточный человекъ, въ изодранной ситцевой рубашкѣ.

— А-а! Митрю Ивановичу—наше вамъ!—распаркивался передъ Зубкомъ молодой парень лѣтъ двадцати, кланяясь и размахивая дырявымъ картузомъ.

— Митя—душа!—кричалъ, кидаясь къ нему въ объятія и силясь его расцѣловать, другой рослый парень, съ виду булочникъ или мельничный рабочий: вся его рубашка, лицо и картузъ бѣлѣли мукой.—Душа! молодецъ!

Зубокъ спокойно отстранилъ его:—Ну, что такъ обрадовался, дура!

По всему видно было, что Митька Зубокъ въ этой толпѣ—свой человекъ.

Изъ-за угла выѣхала парная коляска. Подъѣзжая къ толпѣ, кучеръ, покрикивая: сторонись! сдерживалъ лошадей. Толпа, медленно разступаясь, давала дорогу. Въ коляскѣ сидѣлъ князь Александръ Владиславовичъ; рядомъ съ нимъ—Леночка.

— Митя, Митя! Папа, вот Митя!—вскрикнула дѣвочка. Князь остановилъ кучера. Зубокъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ экипажа.

Лицо князя болѣзненно передернуло.

— Митя! ахъ Митя! Опять здѣсь!—обратился онъ къ Митѣ, — опять въ средѣ этихъ...

Князь не находилъ выраженія.

Зубокъ неловко переступалъ съ ноги на ногу и глядѣлъ въ сторону,

— Право, гораздо бы лучше тебѣ быть дома, чѣмъ въ толпѣ этихъ...—Князь опять не подобралъ названія.

— А я то что такое?—все глядя въ сторону, ворчалъ Зубокъ.—*Все единственно.*

— Ахъ, Митя, Митя! «Все единственно»,—прошепталъ князь, грустно покачавъ головою.

— Митя! а Ариша все плакала,—умоляющимъ голосомъ заговорила Леночка. Ей повидимому казалось, что она привела самый сильный аргументъ.—Митя! у тебя, смотри, все испачкано. Вотъ бѣлое.

И Леночка уже держала въ рукахъ свой платочекъ и тянулась къ Митѣ.

Митя взглянулъ на бѣлыя пятна, оставшіяся на пиджакѣ отъ объятій мучника и перевелъ глаза на Леночку. Что то необыкновенно мягкое и ласковое блеснуло вдругъ въ его темныхъ глубоко сидящихъ глазахъ. Онъ повернулся отъ коляски и пошелъ къ троттуару.

Лошади тронулись. Леночка еще нѣсколько разъ озабоченно оглядывалась назадъ на Митю.

Когда онъ сталъ пробираться сквозь толпу, ему, молча, давали дорогу. Барская коляска, дружелюбное «Митя», съ которымъ обратились къ нему сидѣвшіе въ коляскѣ баринъ и барышня, произвели на толпу впечатлѣніе: удивлялись, недоумѣвали. Митю разсматривали съ любопытствомъ, точно въ первый разъ его видѣли; разсматривали и въ то же время сторонились. Даже испачканный въ мукѣ паренъ, за минуту передъ тѣмъ кидавшійся къ нему въ объятія, угрюмо подался назадъ, когда Митя проходилъ мимо. Когда же одинъ мальчишка, въ неимоверно засаленомъ суконномъ сюртукѣ—на видъ трактирный подносчикъ—кривляясь ему въ спину, залепеталъ:—парле франсе, банжуръ, фрикасе—въ толпѣ послышалось хихиканье.

— А ты думалъ какъ? Шапку ломай, да дорогу давай!—подмигивая въ сторону Мити, иронизировалъ толстый, длиннолицый мѣщанинъ.

Митя подходилъ уже къ троттуару, когда на него навалился огромный, саженнаго роста, дѣтина. Совершенно изорванная

рубаха держалась на какихъ то ниткахъ; сквозь развалившіяся опорки виднѣлись пальцы громаднхъ ногъ. На затылкѣ— поярковая шляпа, какія носятъ верховые судорабочіе.

— А ты отвѣтствуй!.. Ты такъ?.. Врешь!..

Митя, отстранивъ его, ступилъ на троттуаръ. Но дѣтина не унимался. Покачиваясь на нетрезвыхъ ногахъ, онъ двинулся къ Митѣ:— у-у! вша—и взмахомъ руки спшибъ съ головы его фуражку.

Митя на лету подхватилъ фуражку и на-отмашь двинулъ уже насѣвшаго на него парня. Этотъ отлетѣлъ и всею тяжестью своего огромнаго тѣла рухнулъ на мостовую.

— У-у! у-гу! о-о-го-го-го!—раздалось со всѣхъ сторонъ въ толпѣ.

— А ты-бъ полегче поддалъ, паря! Мостовую расшибешь!..

— Зубы то, зубы подбери! За свиной клыкъ деньги платить!..

— И тушѣ тожъ не пропадать! Падаль новѣ въ цѣнѣ, братцы!..

Митя, не оглядываясь, медленно удалялся по троттуару.

VI.

Членъ управы, казалось, былъ правъ. Какъ ни цѣлесообразны были мѣры противъ холеры, какъ ни энергично принимались онѣ, но для настроенія населенія онѣ, какъ оказалось въ послѣдствіи, были предприняты слишкомъ рановременно. Можетъ быть, было бы правильнѣе—дать народу сначала ознакомиться съ болѣзнью, почувствовать ея бичъ и затѣмъ уже придти къ нему на помощь. Но стоять во всеоружіи и пассивно наблюдать, какъ эпидемія постепенно охватываетъ и душитъ населеніе, даже наиболѣе хладнокровнымъ казалась невозможнымъ, прямо преступнымъ. А между тѣмъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе выяснялось ненормальное настроеніе массы; каждый день то тутъ, то тамъ появлялись признаки, ясно указывавшіе, что масса гораздо больше страшится мѣръ, принятыхъ противъ холеры, чѣмъ самой холеры. Уже всѣ окрестныя селенія были охвачены эпидеміей, уже и въ самомъ городѣ она достаточно сильно свирѣпствовала, а межъ тѣмъ на глазахъ населенія ея смертоносные удары раздавались лишь изрѣдка, и вся ея ужасная работа сосредоточивалась преимущественно въ больницахъ и временно открытыхъ холерныхъ баракахъ. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда домашнимъ удавалось скрыть больнаго отъ бдительности санитаровъ, окружающіе убѣждались, что болѣзнь убиваетъ человѣка и безъ всякаго, такъ сказать, содѣйствія врача. Обыкновенно же, близкіе

больному видѣли лишь первые приступы болѣзни: больныхъ немедленно забирала, увозила; они, за рѣдкими исключеніями, умирали уже въ больницахъ и поспѣшно, обыкновенно безъ вѣдома родныхъ, предавались землѣ.

Всякимъ толкамъ и подозрѣніямъ создавалась обильная пища. Каждый день рождались новыя легенды, и народъ съ жадностью прислушивался къ нимъ. Чѣмъ несообразнѣе и чудовищнѣе были фантастическія измышленія, тѣмъ охотнѣе вѣрила имъ охваченная паникой суевѣрная толпа.

Одинъ плотникъ пришелъ вечеромъ съ работы и не засталъ дома ни жены, ни десятилѣтней дочери. Отъ сосѣдей на дворѣ онъ узналъ, что его Оленѣ что то «попричиннилось животомъ и ее забралъ унтеръ въ кварталъ», а дочка «урвалась» за матерью. Пятилѣтній сынъ только могъ рукой указать, куда повезли «маманьку». Плотникъ, конечно, кинулся разыскивать жену, хотя—недавно прибывшій деревенскій мужикъ—порядкомъ не зналъ, какъ и гдѣ ее искать. Ко всѣмъ полицейскимъ, ко всѣмъ встрѣчнымъ, почему либо казавшимся ему «начальниками», онъ приставалъ, кланялся, всѣхъ просилъ и умолялъ, причемъ для вѣнщаго убѣжденія совалъ имъ почтовую квитанцію объ отсылкѣ денегъ на паспортъ и полицейскую отсрочку, по которой проживалъ. Это обстоятельство ему представлялось на столько важнымъ, что онъ объ немъ говорилъ гораздо больше, чѣмъ о пропавшей своей бабѣ.

— Во, гляди, ваше благородіе: три сорокъ отдалъ! Не токмо что, и за брательника... Какъ есть въ аккуратѣ, — вопилъ онъ, кланяясь «начальнику» и держа передъ собою квитанцію и отсрочку.

— Безъ бабы чего! безъ бабы — крышка. Одно слово: аминь!

Одни «начальники» проходили мимо, не обращая на него вниманія; другіе, хотя и останавливались, но не сразу понимали его. А толпа вокругъ него росла, двигалась за нимъ, на свой ладъ пересказывая и комментируя происшествіе и всячески помогая ему въ объясненіяхъ съ «начальниками».

Обѣгавъ такимъ образомъ чуть не весь городъ, онъ уже позднею ночью угодилъ въ часть, куда его забрала съ нѣсколькими, слишкомъ усердными помощниками его. Обезумѣвъ отъ горя, онъ въ части нагрубилъ, за что, конечно, тамъ «попридержали». Только на третій день вернулся онъ домой и узналъ, что дочь его прибѣгала и опять убѣжала куда то. А объ Оленѣ—ни слуху, и слѣдъ простылъ.

Въ другомъ случаѣ больничные «катафальщики», сдавши два гроба на православномъ кладбищѣ, съ третьимъ покойникомъ, оказавшимся лютераниномъ, возвращались на нѣмецкое кладбище, лежавшее ближе къ городу.

Встрѣчные, конечно, интересовались узнать причину, по которой покойника везутъ не на кладбище, а обратно въ городъ. Веселый возница вздумалъ пошутить: «эти-то два остались въ гробахъ, какъ слѣдуетъ быть хорошимъ людямъ; а этому, видно, не охота: лѣзетъ вонъ, обратно, значить: пожить еще желательно».

Въ народѣ и безъ того носились слухи, что хоронятъ живыхъ. Шутка принята была гораздо серьезнѣе, чѣмъ желалъ этого шутникъ: народъ пожелалъ объясненій, сталъ напирать къ катафалку, требуя открыть гробъ и показать покойника. Катафальщики трусили и ударили по лошадямъ. Разыгралась тяжелая, возмутительная сцена: похоронныя дроги катятъ на полныхъ рысяхъ; гробъ съ покойникомъ прыгаетъ и бьется, еле удерживаемый катафальщикомъ, а народъ несется за дрогами съ угрозами и проклятіями. Только благодаря ротѣ, которая производила ученіе за городомъ, удалось сдержать толпу.

Само собою разумѣется, что въ народѣ этотъ случай сильно подкрѣпилъ подозрѣнія и далъ матеріалъ для новыхъ легендъ. Нашлись такіе, которые яко-бы собственными глазами видѣли, какъ несчастный бился, подымалъ гробовую крышку и протиралъ руки, моля о помощи.

Были случаи, имѣвшіе и болѣе важныя послѣдствія. Къ городу примыкаетъ такъ называемая «Слободка», пріютившаяся у небольшой рѣчки Гуслихи. Жило въ Слободкѣ бѣднѣйшее населеніе города, наполовину изъ мѣщанъ-пахарей. И вода Гуслихи, и колодцы, вырытые по берегу рѣчки, давно обращали на себя вниманіе санитарныхъ властей: всякія болѣзни тамъ обыкновенно появлялись раньше и держались дольше, чѣмъ въ другихъ частяхъ города, а дѣтскія, повидимому, свили себѣ тамъ постоянное гнѣздо.

Надвигавшаяся эпидемія усилила вниманіе къ этой окраинѣ и вызвала изслѣдованіе питьевой воды, какъ въ рѣчкѣ, такъ и въ колодцахъ. Слободчане смотрѣли, какъ «господа» пріѣзжали, черпали воду, наливали въ стекляночки и трубочки, взбалтывали, разглядывали и затѣмъ уѣзжали, увоза и воду и стекляночки. Пока было благополучно, пріѣзды эти не вызывали никакихъ недоразумѣній. Но когда, вслѣдъ за холерой возникли разные неблагопріятные слухи, эти занятія врачей показали слободчанамъ подозрительными: трубочки и стекляночки получили въ ихъ глазахъ весьма опасное значеніе: въ первый же пріѣздъ санитарнаго врача народъ къ рѣчкѣ и колодцамъ его не допустилъ и, хотя безъ грубостей, но весьма внушительно потребовалъ, чтобы онъ удалился.

Возвратившись ни съ чѣмъ, санитарный врачъ вызвалъ насмѣшки, и къ вечеру того же дня ему вторично пришлось

отправиться на Слободку, но уже въ сопровожденіи полицейскаго пристава и доктора Особеннаго, который вызвался «съ русскими людьми объясниться по-русски». Санитарный врачъ былъ нѣмецъ.

Объясненіе, дѣйствительно, произошло. Ученый докторъ, по послѣдней прочитанной брошюркѣ, поучалъ толпу о томъ, что такое *холерный ядъ*, какъ онъ вреденъ, какъ онъ развивается въ сырости, въ водѣ и проч. Толпа стояла молча, мрачно поглядывая на доктора.

При словѣ: холерный ядъ — въ толпѣ прошелъ ропотъ, мелькнуло замѣтное движеніе. Но докторъ, увлеченный своимъ краснорѣчіемъ, этого не замѣтилъ и продолжалъ излагать ученіе о силѣ этого холернаго яда, который «убиваетъ человѣка быстрой и рѣшительнѣе другихъ ядовъ». Ученый докторъ готовъ былъ уже перейти къ наблюденіямъ въ Испаніи и Италіи; но доѣхать ему туда не удалось. Изъ толпы выступилъ маленькій худенькій человѣкъ и, видимо слясъ сдержанъ озлобленіе, обратился къ нему:

— А ежели вы, *исподиизъ*, очень хорошо это понимать можете, что касаето этого яду, такъ ужъ вы, по вашей милости, и намъ, грѣшнымъ, откройте, потому неизвѣстны мы. А у каждаго тожъ ребятинки малыя, сироты...

А впереди стоявшій блѣдый, какъ лунь, старикъ, кланяясь и чуть не падая доктору въ ноги, дребезжащимъ голосомъ замолилъ:

— А ты откройся, откройся, отецъ! Господь видитъ, откройся, кормилецъ!

Озадаченный докторъ хотѣлъ было уже начать объясненіе, приставъ уже собирался громнымъ окрикомъ возстановлять порядокъ, какъ позади толпы раздался душу раздирающій вопль.

— Головушка-а бѣд-н-а-я! Си-ро-ти-нушка-и! — выла на всю Слободку баба. За ней мгновенно завыли и другія.

Толпа заколыхалась. Среди похороннаго воя бабъ и неистоваго галдѣнья мужчинъ слышались угрозы, ругательства и проклятія. Кончилось тѣмъ, что отъ «русскаго человѣка» впереди всѣхъ мчался на своемъ извоцигѣ, блѣдный отъ страха, русскій докторъ Особенный, забывъ даже захватить своего нѣмецкаго коллегу, котораго уже усадилъ на свою крайне узенькую пролетку пристава.

И долго въ сумракѣ пасмурной, дождливой ночи двигались по Слободкѣ кучки народа и слышался безпокойный говоръ. А надъ самой рѣкой въ камышахъ слонялся Микитка — полунагой, хромой маньякъ, оглашая воздухъ своимъ дикимъ хриплымъ голосомъ: — Упокой, Господи, упокой! Святые грѣшники! вѣчная память!.. Уже за полночь, когда народъ разбрелся по избамъ, на колокольнѣ небольшой деревянной церкви по-

слышался слабый протяжный звонъ. Пробрался-ли туда Микитка и скрылся потомъ съ свойственной психическимъ болынымъ своеобразной ловкостью, заколыхалъ-ли веревки колоколовъ сильно расходившійся вѣтеръ,—только слободчане вновь высыпали изъ своихъ избъ и въ страхѣ метались по улицамъ.

Передъ самымъ разсвѣтомъ на городскихъ каланчахъ подняли шары: съ Слободки показался дымъ пожара. Пока пожарная команда прѣѣхала туда,—все было кончено: изба, въ которой жилъ фельдшеръ, сгорѣла до тла со всѣми медикаментами и инструментами, фельдшеру съ семьей еле удалось выскочить изъ огня.

VI.

Эти и подобные случаи обсуждались у княгини Софьи Никаноровны, куда члены благотворительнаго комитета собрались, чтобы окончательно обсудить вопросъ о чайныхъ для народа. На этотъ разъ общество было немногочисленно: холера уже успѣла всполохнуть жителей, и многія семьи бѣжали изъ города, тѣ же, которыхъ необходимость держала на мѣстѣ, въ страхѣ сидѣли, запершись, въ своихъ квартирахъ.

И настроеніе собравшихся было подавленное. Холера успѣла вырвать уже нѣсколько жертвъ изъ обезпеченной и интеллигентной среды.

— И Брусковъ умеръ,—замѣтилъ кто то.

Брусковъ былъ извѣстный земскій дѣятель, членъ губернской управы.

— А Василевскій? Помилуйте: третьяго дня сидѣлъ въ общемъ собраніи, веселый, беззаботный, здоровый, какъ всегда; а сегодня хоронили!—прибавилъ генералъ Сергѣй Сидорычъ.—Да, да, верхушки захватываетъ, по верхамъ начинается гулять!—Лицо генерала за послѣднее время осунулось; онъ имѣлъ видъ обиженнаго человѣка.

— А быстрота какая! поразительная, неимоверная: три-четыре часа и—конецъ.

— Какое четыре часа! — воскликнулъ Ренчковскій. Съ двухмѣсячнымъ отпускомъ въ карманѣ, съ уложеннымъ чемоданомъ на квартирѣ, онъ имѣлъ видъ гимназиста, отпущеннаго на каникулы и очень игриво разсказалъ случай о кущѣ Слеткинѣ:—Только что собрался было проучить своего безпутнаго Алешку, уже и десницу родительскую простеръ, но не успѣлъ удѣпить за волосы своего непокорнаго сына, какъ упалъ и—духъ вонъ. Алешка глазамъ своимъ не вѣрилъ, подойти боялся: «тятенька драться стануть».

Разсказъ Ренчковского не произвелъ ожидаемаго впечатлѣнія.

— А онъ что-то очень веселъ, должно быть скоро удереть; пожалуй, завтра, — шепнула Копылину дѣвица Юлія Райская.

— Какое завтра! Увѣрень, — сегодня-же съ ночнымъ поѣздомъ.

Князь, до котораго долетѣли слова Юліи, погрозился ей глазами: «а ты, пострѣль, не можешь, чтобы не уцѣпнуть!» Дѣвицу Юлію Райскую зналъ весь городъ. Ея высокая, сухощавая фигура, ея голубые, нѣсколько смѣлые, хотя и вѣчно смѣющіеся глаза знакомы всѣмъ, отъ оборванныхъ уличныхъ мальчишекъ и голышей самыхъ отдаленныхъ трущобъ, до кавалеровъ, вальсировавшихъ на губернаторскихъ и предводительскихъ балахъ. Отецъ ея, отставной маіоръ, старый товарищъ князя по полку, давно управлялъ его имѣніями и теперь жилъ у него, въ Кошневкѣ. До двѣнадцати лѣтъ Юлія росла въ эскадронѣ, въ хохлацкомъ мѣстечкѣ, откуда на всю жизнь вынесла малороссійскій акцентъ. Унаслѣдовавъ наружность и характеръ отца, въ молодости лихого гусара, и рано лишившись матери, она маленькой дѣвочкой исправно и часто побѣдоносно дралась съ мальчишками и усвоила себѣ всѣ тонкости деревенскаго бокса. Перевезенная въ Россію, она сначала была отдана въ институтъ благородныхъ дѣвицъ; но удержалась тамъ недолго и въ шестнадцать лѣтъ уже жила на свободѣ въ деревнѣ, съ отцомъ и съ старшей сестрой, вдовой.

Князя, стариннаго друга и пріятеля ея отца, она знала съ самаго своего дѣтства; цѣлыми мѣсяцами жила въ его семьѣ, говорила ему ты, звала: папой, папочкой, сильно его любила, но очень часто ссорилась съ нимъ. Князю нерѣдко привозили изъ деревни ея письма, адресованныя, смотря по ея настроенію, или: «милому, дорогому папочкѣ моему, прелестному старичку Кейстутъ-Вилинскому, отъ его родной дочери, дѣвицы Юліи Райской», или: «несносному, старому ворчуну, отъ дочери маіора и кавалера». Съ такими адресами она нерѣдко посылала письма и по почтѣ. Почтальоны знали, что эти адреса пишетъ Юлія Райская, не удивлялись и привыкли къ нимъ.

Никому не приходило въ голову обижаться на ея рѣзкія выходки, какъ никому не приходило въ голову ухаживать за ней. Одинъ нѣмчикъ, сынъ княжескаго лѣсничаго, увлекся было ея большими голубыми глазами, ея роскошной пепельной косой. Она его ласкала, сама называла своимъ женихомъ и одинъ разъ расшкольничалась до того, что разряженная, въ лентахъ и въ вѣнкѣ, прошла съ нимъ по всему селу, кланялась въ поясъ всѣмъ встрѣчнымъ, какъ это дѣлаютъ въ Малороссіи молодые наканунѣ свадьбы. Но когда обласканный нѣмчикъ вздумалъ не на шутку объясниться въ любви и просить ея руки, она ему въ глаза расхохоталась.

— А вы думали вправду? Да мы съ вами весь свѣтъ насмѣшимъ, Карлуша!

Карлуша обидѣлся и ушелъ; но черезъ недѣлю вернулся и опять принялся, по прежнему, ходить съ нею по ея больнымъ, голоднымъ и несчастнымъ. Она по прежнему называла го свои мъ женихомъ.

— Никогда, никогда во вѣки не повѣрю я, чтобъ нельзя было убѣдить людей, рассказать и объяснить имъ. Вѣдь люди же не звѣри,—нервно жестикулируя, скороговоркой вскрикивала Юлія.

— Вы, дорогая моя, какъ хотите, вѣрьте, или нѣтъ, а фельдшера-то съ семьей вѣдь чуть живьемъ не сжарили,—говорилъ ей Сергѣй Сидорычъ.

— Мало ли что! послали этого болтуна. Воображаю, что онъ имъ тамъ наговорилъ. Отъ его болтовни безъ холеры стошнить.

— Объяснить, какъ умѣлъ.

— А они поняли, какъ умѣли.

— Пусть понимаютъ, какъ хотятъ; а жечь и убивать все же нельзя, дорогая моя.

— Вѣдь имъ-то казалось, что они жизнь свою спасаютъ. Поймите вы, ради Бога! Вѣдь они увѣрены, что въ этихъ стекляночкахъ ихъ смерть!—азартно доказывала Юлія.—Хотѣла бы я видѣть, ваше превосходительство, какъ вы бы приняли меня, если бы видѣли, что я иду на васъ съ ножомъ. Навѣрно, за три версты изъ пушки стрѣляли бы.

— О, моя дорогая, вы на меня съ ножомъ никогда не пойдете.

— Да, потому что вы знаете, что я въ васъ влюблена,—школьничала Юлія.—Кто ихъ любить и имъ добра желаетъ, тому и они вѣрятъ,—прибавила она послѣ нѣкотораго молчанія.

— Какъ же прикажете имъ втолковать и чѣмъ втолковать, что все это ради ихъ же пользы дѣлается?—вмѣшался Ренчковскій.

— Этого ужъ я не знаю. А по моему, если вы взялись за это, такъ ваше дѣло и знать, какъ это слѣдуетъ сдѣлать. Вы все хотите, чтобы они васъ понимали; а ихъ то вы понимать не хотите и даже считаете лишнимъ. А вотъ вы поймите ихъ, какъ они сами себя понимаютъ, тогда, можетъ быть, и выйdetъ лучше.

— Понять ихъ, какъ они сами себя понимаютъ!.. Что же, назадъ въ звѣриную шкуру прикажете мнѣ влѣзть? Слуга покорный!—пронизировалъ Ренчковскій.

На лицѣ Юліи мелькнуло особенное, ей свойственное выраженіе. Она быстро вскинула глаза на Ренчкова: въ нихъ свѣтилась и презрительная насмѣшка, и веселая, чисто боевая

удаль. Князь зналъ это ея выраженіе лица, зналъ, что въ такіа минуты «шальная Юлька» способна на самую рѣзкую выходку. И онъ глазами остановилъ ее.

— У васъ въ Копьевкѣ Николай Андреевичъ, слышали я, успѣлъ, кажется, убѣдить крестьянъ не пить рѣчной воды?—спросилъ Ройеръ, сидѣвшій съ однимъ изъ «сиротскихъ секретарей» въ сторонѣ за счетами и книгами благотворительнаго комитета.

— Какимъ же масломъ умаслили ихъ вашъ батюшка?—звительно обратился къ ней Ренчковскій.

— Умасливать и вообще вѣжничать мой отецъ не охотникъ. А вотъ на прошлой недѣлѣ нагайкой онъ одного убѣждалъ, такъ это я видѣла.

— Какъ такъ? за что это?—спросилъ князь.

— Папа запретилъ имъ рѣчную воду пить, вырылъ два новыхъ колодца и старый opravилъ. А чтобы не лазали туда грязными ведрами, особенно тѣ, которые приѣзжаютъ изъ холерныхъ деревень, онъ сверху закрылъ ихъ досками и поставилъ насосы. Лѣвъ имъ насосами... и насосы, правда, плохіе: они и срывають верхнія доски. Ъдемъ мы съ папой по плотинѣ, папа верхомъ. Опять доски сорваны, и мужичекъ черпаетъ ведромъ изъ колодца. Папа озлился и—ну его нагайкой!..

— Ну, что жъ?

— Что? Ничего! Мужичекъ ореть: «не я, Миколай Андреечъ!», а другіе стоять у сельскаго правленія, хохочуть: «тебѣ бы, Митричъ, водицы холоденькой испить; послѣ баньки оно хорошо». Ихъ же папа заставилъ выкачать всю воду изъ колодца и опять на-глухо забить досками. Поставилъ караулить полѣсовщика Махметку. Теперь хорошій насосъ поставилъ; конечно, не стануть срывать досокъ.

— И воду кипятить—тоже нагайкой?—спросилъ опять Ренчковскій.

— Нѣтъ, это было потруднѣе. Главное, бабы запротестовали: «гдѣ намъ, батюшка! да какъ намъ, батюшка!» А мужики стоять, молчать. Какъ ни убѣждалъ ихъ папа, ничего, молчать.—Ну, не хотите, такъ околѣвайте, хоть всѣ до одного околѣйте,—мнѣ что!—закричалъ на нихъ папа.—Только смотри, и близко ко двору никто не подходи: я отъ васъ этой заразы не желаю и колѣть съ вами мнѣ неохота: у меня—внучата. Вы что ли, черти, кормить станете послѣ? Хоть бы и захотѣли, сами съ голоду пухнете.—И впрямь пухнемъ, Миколай Андреечъ. Когда не пухнуть!..

Юлія старалась изобразить мужиковъ въ лицахъ, что, однако, при ея малорусскомъ акцентѣ, ей не удавалось.

— Конечно, больше всего подѣйствоваль чай да сахаръ,—продолжала Юлія.—Папа гдѣ то разыскалъ чай въ восемьде-

сять копѣекъ фунтъ. Купилъ чуть не пятьдесятъ фунтовъ. Мы его два дня развѣшивали. Роздалъ бабамъ по осьмушкѣ чаю, по фунту сахару. Ну съ сахаркомъ-то они чуть не ведра цѣ-лыя его варять и услаждаются.

VIII.

Солнце садилось. Въ открытыя балконныя двери и окна вѣяло легкой прохладой майскаго вечера. Пахло сиренью и черемухой.

Выйдя въ цвѣтникъ, гдѣ на скамеечкахъ сидѣли нѣкото-рыя члены благотворительнаго комитета, Юлія услышала вдали звонкій голосокъ Леночки.

Въ густой чащѣ березъ и клена Леночка стояла у маленькаго навѣса, около котораго возился мальчикъ лѣтъ двѣнадцати. Навѣсъ на четырехъ жердяхъ былъ, какъ казалось, оконченъ; внутри его было устроено что-то вродѣ маленькаго диванчика, и мальчикъ прилаживалъ доску къ четыремъ столбикамъ, вбитымъ въ землю.

— Сюда къ столику ты ужъ принеси свои кресла, эти красныя. Я кресла дѣлать не умѣю, — говорилъ мальчикъ, кряхтя надъ неподатливой доской, не ложившейся ровно къ столбикамъ.

— Да, да, Вася! А на диванѣ будетъ сидѣть Рита; она большая, больше всѣхъ моихъ куколъ. А знаешь что? я и кроватку желѣзную Ритину сюда поставлю.

— Ну, зачѣмъ кроватку? Вѣдь это не спальня, это—гостинная.

— Ахъ да, Вася, да, я забыла... Смотри, Юля, какая у насъ бесѣдка! У насъ — гостинная! — Леночка въ припрыжку бѣжала навстрѣчу Юліи, которая приближалась по аллеѣ.

— Что это — латинская грамматика у тебя, Леночка? — спросила Юлія, беря изъ рукъ дѣвочки книгу.

— Васина. Онъ училъ; у него — экзамень.

— Вотъ видишь; у него экзамень, ему нужно учиться, а ты его заставляешь здѣсь бесѣдку дѣлать.

Дѣвочка раскрыла глаза, озадаченная неожиданною мыслью.

— Ахъ да, Юля; у него экзамень; я забыла. — А мы тутъ все время бесѣдку дѣлали... Вася, Вася! не надо бесѣдку. Ты учи, у тебя экзамень.

— Не выдержишь, достанется отъ отца, — добавила Юлія. Вася, какъ будто не слыша, продолжалъ прибивать гвоздемъ доску.

— Право, оставь лучше, Вася. Отецъ вѣдь накажетъ, если обрѣжешься, — уговаривала Юлія.

— Ну! накажеть! Ничего не накажеть.

— А какъ же! А помнишь, какъ ты не зналъ pulvis, cinis и absolutus, и тебя оставили безъ обѣда?—возразила Леночка.— Митя тебя больно наказаль, ты самъ говорилъ.—Леночка совала Васѣ латинскую грамматику.

— Онъ все равно дерется, когда вздумаетъ,—быстро проговорилъ Вася, вставая на ноги и вытирая рукою потъ, струившійся по его лицу отъ усиленной работы.—Вотъ сегодня чуть было не побилъ больно маму.

Мальчикъ былъ вылитый Митька Зубокъ въ миниатюрѣ: та же коренястая широкая фигура, то же смѣлое, почти дерзкое выраженіе широкаго, но красиваго лица и тѣ же глубоко сидящіе глаза.

— Ну, а ты все же оставь бесѣдку и учи грамматику!—нѣсколько повелительно сказала Юлія, уводя Леночку.

Дѣвочка пошла за Юліей, но затѣмъ вернулась, нагнала Васю и, вынувъ изъ своего мѣшечка апельсинъ и нѣсколько шоколадинъ, положила ихъ на грамматику, въ которую уже успѣлъ воткнуться юный классикъ.

— Юлія! а папа говоритъ,—мы скоро поѣдемъ къ Копьевку. Скоро? Я люблю, когда мы въ Копьевкѣ.

— Не знаю, Леночка. У папы еще есть здѣсь, кажется, дѣла. Чѣмъ здѣсь худо? Развѣ въ Копьевкѣ лучше?

— Лучше.

— Почему же? Или ты соскучилась за Дунькой Марихиной? Такъ ея нѣтъ ужъ въ Копьевкѣ, ее увезли въ Осиновку.

— Зачѣмъ, Юлія?

— Ея мама, Мариха умерла зимой, ее и увезли къ бабушкѣ въ Осиновку.

Леночка широко раскрыла глаза и испуганно глядѣла на Юлію.

— А кто жъ теперь будетъ Дунькиной мамой?—растерянно спросила она.

Леночка очень хорошо знала, что другой мамы у Дуньки Марихиной быть не можетъ; но въ то же время не понимала, какъ же это у Дуньки не будетъ мамы. Жизнь безъ мамы вообще не вмѣщалась въ головѣ у Леночки. Она видѣла въ Копьевкѣ много бабъ, которыя работали въ саду; видѣла при нихъ дѣтей; знала ихъ поименно; знала, кто чья мама; знала, что на деревнѣ есть и папа. Мариху, молодую, работающую бабу, потерявшую въ голодный годъ мужа, она встрѣчала чаще другихъ, съ ея восьмилѣтней Дунькой, бѣлоголовой, милостивой дѣвочкой. Этой Дунькѣ Леночка чаще, чѣмъ другимъ, носила лакомства, чаще, чѣмъ другимъ, дарила свои старыя игрушки и послѣднее лѣто даже читала ей сказочки.

Она, со словъ своей няни Клавдіи, знала, что у Дуньки нѣтъ игрушекъ, что ея мама — бѣдная и не можетъ ихъ купить, какъ не покупаетъ конфетовъ. Но во всемъ остальномъ она не отличала жизни Дуньки отъ своей собственной. Ей казалось, что, уходя съ своими мамами вечеромъ на деревню, Дунька и другія дѣти, какъ и она, ложатся спать, какъ и она, прощаются съ своими папами и мамами, какъ она, получаютъ отъ нихъ благословеніе и въ свою очередь, какъ и она, крестятъ и цѣлуютъ своихъ «паповъ и мамовъ», какъ она выражалась языкомъ своей няни Клавдіи. Ей казалось, что и всѣ эти дѣти передъ сномъ молятся на колѣняхъ за своихъ «паповъ и мамовъ», какъ молится она за родителей, за брата, за сестру, за няню, за всѣхъ.

До ушей ея часто долетали разговоры поденныхъ бабъ и дворовыхъ; изъ нихъ она узнавала, что тамъ, на деревнѣ, такая-то Федосья умерла, такой-то Миронъ утонулъ въ заборѣ или убился на мельницѣ, и въ ея головкѣ возникали представленія объ ихъ дѣтяхъ «безъ паповъ и безъ мамовъ».

Маленькое сердечко ея сжималось, но головка не давала никакихъ отвѣтовъ и не разъясняла тревожныхъ недоумѣній. Она иногда обращалась къ работавшимъ въ саду бабамъ съ неожиданнымъ вопросомъ:

— А какъ же безъ паповъ и мамовъ?—и получала ничего не объяснявшій ей отвѣтъ:

— А такъ же, барышня! Гдѣ жъ ихъ взять, коли померли?

— Да какъ же?—продолжала она спрашивать съ возрастающей тревогой и съ щемящей жалостью въ маленькой груди.

— Да такъ же, милая барышня! Чего подѣлаешь, когда нѣтъ.

И она, хотя не видала этихъ дѣтей, которыя остались безъ паповъ и безъ мамовъ, но знала ихъ заочно, знала ихъ имена. Всѣ эти Акульки, Апроськи, Васянки врѣзывались ей въ память. Она особенно чутко схватывала такіе факты и часто удивляла отца и мать своими свѣдѣніями о томъ, когда умерла Акулькина мама, когда утонулъ Васянькинъ папа. И этимъ дѣтямъ она посылала на деревню свои игрушки, лакомства и всѣми силами своей дѣтской головки старалась проникнуть въ непонятное и, какъ ей казалось, невозможное существованіе ихъ безъ паповъ и мамовъ.

Часто, лежа въ кроваткѣ и пересиливая сонъ въ ожиданіи, когда папа и мама придуть еще разъ перекрестить ее въ самой постелькѣ, она думала объ этихъ дѣтяхъ. Передъ нею носились незнакомыя ей лица Апросекъ и Акулекъ, которыя тоже лежатъ въ кроваткахъ, а паповъ и мамовъ нѣтъ, чтобы придти и ихъ перекрестить. И она, къ удивленію и досадѣ

своей няни Клавдіи, внезапно, какъ бы обращаясь къ самой себѣ, спрашивала:

— А какъ же Апроська?..

Какъ у всѣхъ дѣтей, вырастающихъ въ атмосферѣ ласки и любви, въ ней развивались добрыя чувства, преобладали свѣтлыя порывы чистой младенческой души. Какъ у всѣхъ дѣтей, живущихъ среди взрослыхъ, у нея въ головѣ рано зарождались туманныя представленія и рѣяли неясныя мысли, знакомыя другимъ дѣтямъ ея возраста. Семилѣтнимъ ребенкомъ она въ деревнѣ почти каждый день слышала объ ужасахъ голода, о тифѣ, о цынгѣ и проч. и не столько изъ смысла слышанныхъ ею словъ, сколько по настроенію говорившихъ, по ихъ отношенію къ этимъ явленіямъ, въ ней въ первые зародилось представленіе о какомъ-то, гдѣ-то живущемъ, ей незнакомомъ горѣ, о невѣдомыхъ ей мукахъ и страданіяхъ, гдѣ-то, почему-то терзающихъ то Павла Сафронова, то Антона Миронова, то Васянькинаго папу, то Акулькину маму. И чувство жалости къ людямъ рано стало развиваться въ ней. Она живо схватывала и прочно задерживала въ своей дѣтской, памятливой головкѣ слова: тифъ, цынга, точно такъ же какъ и *crinis, cinis, absolutus*. Она знала, что одни отнимаютъ у Акульки папу, а другіе—причиняютъ горе Васѣ: его за нихъ бьетъ Митя, и Вася плачетъ. Слова эти ей представлялись реальными предметами, почти живыми существами. *Absolutus* ей почему-то представлялся въ видѣ блага кованого ящичка, котораго Вася никакъ не могъ донести. Она въ деревнѣ на постройкѣ видѣла, какъ такой же, какъ Вася, маленькій мальчикъ силился нести на плечахъ такой ящичекъ съ гвоздями и не осилилъ: ящичекъ упалъ, разбился, гвозди рассыпались, а мальчику остриемъ оторвавшейся желѣзной оковки прорѣзало плечо. Стоявшій тутъ же мужикъ («чужой папа», думала Леночка) хлестнулъ мальчика по плечу, и мальчикъ плакалъ, тоже, какъ Вася. Слыша крики Васи изъ подъ отцовской розги, Леночка испытывала неопределимое влеченіе—куда-то бѣжать и откуда-то принести такой же ящичекъ своими руками и на своихъ плечахъ; хотя бы при этомъ и порѣзаться, какъ тотъ мальчикъ,—лишь бы Васю не били, и онъ бы не плакалъ. Ей не страшно было порѣзаться: она уже своей мотыжкой просѣкла себѣ какъ-то разъ ногу до крови; кровь тоже текла, но—«не было больно; мама арники примочила».

Сверстниковъ для настоящихъ дѣтскихъ игръ у Леночки не было. Англичанка ея была слишкомъ пожилая и слишкомъ спокойная женщина. Ея братъ и сестра тоже были взрослые люди и притомъ не жили съ ней. Княгиня послѣ второго ребенка, дочери Ольги, заболѣла, долго лѣчилась у специалистовъ и болѣе двѣнадцати лѣтъ не имѣла дѣтей. Леночкѣ было всего

пять лѣтъ, когда сестра ея вышла замужъ за барона, флигель-адъютанта, прїѣхавшаго въ провинцію по призыву новобранцевъ и въ три мѣсяца успѣвшаго влюбить въ себя и молоденькую Ольгу, и ея родителей. Старшаго брата, Сашу, Леночка почти совсѣмъ не знала. Она, какъ сквозь сонъ, помнила его пахомъ и потомъ нѣсколько разъ видѣла стройнаго, красиваго гвардейца, въ блестящей каскѣ съ орломъ. И эта блестящая каска врѣзалась въ ея память гораздо больше, чѣмъ лицо и фигура брата.

При такихъ условїяхъ росла Леночка, росла нервами, росла головой, танулась костью; но, не смотря на свѣжій цвѣтъ лица — наслѣдіе матери, въ ея худенькомъ, легонькомъ тѣлцѣ было мало силъ, мало прочности...

— Кто же будетъ ея мама? — повторила Леночка свой вопросъ.

Юлія хотѣла было отвѣтить: «никто»; но, взглянувъ на встревоженное личико дѣвочки, воздержалась.

— Будь ты, Юля, мама Дуньки Марихи! Попроси Боженьку, чтобъ тебѣ ангелъ ночью принесъ Дуньку въ кроватку.—Глазки Леночки на мигъ заблестѣли; Леночкѣ показалось, что она нашла рѣшеніе тяготившаго ее вопроса. Но, спустя минуту, она безнадежно покачала головой.

— А только нельзя, Юля: ангелы приносятъ только маленькихъ баби,—большихъ не носятъ.

Юлія, молча, цѣловала головку Леночки и гладила ея мягкіе, шелковистые волосы.

IX.

Солнце сѣло, весенній день догоралъ въ мягкихъ очертанїяхъ облаковъ, застилавшихъ послѣдній отблескъ заката. Тихій вѣтерокъ колыхалъ верхушки деревьевъ. Гдѣ-то далеко, внизу, въ заросляхъ тальника щелкнулъ соловей; сначала слабо и коротко, какъ бы будя и призывая еще дремлющаго сосѣда, потомъ, услышавъ откликъ, все чаще и сильнѣе, все рѣзче и громче... И ясные, звонкіе переливы, упругія отчетливыя трели понеслись съ разныхъ концовъ сада и точно блестя и извиваясь, пронизывали воздухъ и лились въ замолкающую даль наступающей ночи.

Природа медленно засыпала, струясь и дыша ароматомъ весенней жизни. «Въ небесахъ торжественно и чудно», мирно и спокойно. Въ нихъ все, казалось, дышало правдой и истиной, любовью и справедливостью. А въ то же время внизу темная, беспощадная сила сокрушала человѣческую жизнь, разметая въ прахъ именно то, что всего дороже человѣку,

безъ чего онъ не понимаетъ, даже не мыслить ни правды, ни истины, ни любви, ни справедливости. Вѣковѣчныя противорѣчія, вѣковѣчные диссонансы!.. *Наши* противорѣчія, *наши* диссонансы...

Юлія съ Леночкой приближались къ дому. Обнявши дѣвочку и изрѣдка пожимая ея руку, Юлія медленно шла по широкой аллеѣ. Ея обыкновенно веселое и даже нѣсколько задорное лицо казалось грустнымъ и задумчивымъ. И Леночка смотрѣла невесело, уже не по дѣтски: она вскидывала свои глазки на Юлію, какъ бы все еще ожидая отвѣта на свои вопросы, на свои тревожныя недоумѣнія по поводу «Дунькиной мамы». Она ждала отвѣта отъ Юліи, а межъ тѣмъ — кто это могъ знать? — въ эту минуту она сама была ближе, чѣмъ Юлія, къ этому отвѣту; она сама стояла уже на рубежѣ, за которымъ, быть можетъ, ясны всѣ отвѣты, всѣ отвѣты на всѣ вопросы, за которыми, быть можетъ, полное пониманіе, полное разумѣніе...

А. Немировскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Соціально - економіческія воззрѣнія Симонда де-Сисмонди.

I.

Въ исторіи економіческой литературы нѣтъ, быть можетъ, другого писателя, который подвергся-бы столь неправильной оцѣнѣ, какая выпала на долю Симонда де-Сисмонди. Какъ современники, такъ и потомство отнеслись къ нему одинаково несправедливо. Его выставляли то реакціонеромъ, проповѣдующимъ возстановленіе средневѣковыхъ учрежденій, то противникомъ прогресса въ области наукъ и искусствъ *), то утопистомъ, желающимъ перестроить общество по фантастическому шаблону. Нечего особенно удивляться тому, что крайніе сторонники государственнаго невмѣшательства, что люди, проникнутые вѣрою во всеобщую гармонію интересовъ, отнеслись къ ученіямъ Сисмонди съ явной насмѣшкой; неудивительно, конечно, что такой слѣпой оптимистъ, какъ Фредерикъ Бастіа, называлъ ученіе Сисмонди «политической экономіею навыворотъ» (*économie politique à rebours*). Но поразительно, что я главные представители исторической школы политической экономіи смотрѣли на него неправильно: Гильдебрандъ причислялъ его къ социалистамъ, ставя его рядомъ съ Луи-Бланомъ **), а Книсъ смотрѣлъ на него, какъ на утописта, проникнутаго мавіею реорганизациіи общественнаго строя по социалистическому шаблону.

Сисмонди самъ чувствовалъ это несправедливое отношеніе къ нему современниковъ и объяснял его тѣмъ, что онъ осмѣлился выступить противъ общепринятыхъ ученій, а «это, говоритъ онъ, столь-же рискованно въ философіи, какъ и въ религіи». Это, дѣйствительно, было рискованно, тѣмъ болѣе, что его ученіе шло въ разрѣвъ не только съ чисто теоретическими принципами, господствовавшими въ то время, но и съ интересами господствующихъ

*) *Simonde de-Sismondi, Nouveaux Principes d'économie politique, sec. édit. 1827 г. т. 2-й стр. 371, 432, 433.*

**) *Bruno Hildebrand, Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft, 1848 г. стр. 140—142.*‡

классовъ. Ученіе его есть ничто иное, какъ горячій протестъ противъ только что сложившихся тогда общественныхъ отношеній и той экономической доктрины, которая оправдывала эти отношенія; это—воплъ отчаянія, вырвавшійся изъ груди человѣка, проникнутаго глубокой любовью къ трудящейся массѣ и бывшего свидѣтелемъ ея физическаго и нравственнаго вырожденія, совершавшагося подъ вліаніемъ крупнаго экономического переворота конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Теперь, въ концѣ 19-го столѣтія, когда ростъ крупной промышленности достаточно обнаружилъ свои послѣдствія, когда буржуазный строй и буржуазная экономія подверглись достойной критикѣ, теперь не трудно, конечно, выступать противникомъ принциповъ *laissez-faire*, ставить экономической наукѣ «этическія задачи», толковать объ ограниченіяхъ «*Freiheit und Eigenthum*», предлагать разные рецепты для уврачеванія социальныхъ недуговъ. Не то было въ самомъ началѣ настоящаго столѣтія, когда буржуазія праздновала еще свой медовый мѣсяцъ. Требовалось, дѣйствительно, много гражданскаго мужества, чтобы выступить противникомъ свободной конкуренціи и государственнаго невмѣшательства въ ту пору, когда весь ученый и неученый міръ былъ ослѣпленъ блескомъ доктрины физиократовъ и классической школы, когда принципы *laissez faire, laissez passer* составляли всеобщій символъ вѣры.

Ознакомленіе съ социально-экономическими воззрѣніями Симонди представляетъ поэтому интересъ во многихъ отношеніяхъ. Интересно, во-первыхъ, указать, какъ человѣкъ, проникнутый самыми гуманными чувствами къ трудящимся классамъ и наблюдавшій зарю капиталистической эры, смотрѣлъ на этотъ ростъ капитализма, чего онъ ожидалъ отъ него въ будущемъ. Интересно, далѣе, посмотреть, какъ относился къ еще юной тогда экономической наукѣ, явившейся отраженіемъ требованій растущей буржуазіи, человѣкъ, не преклонявшійся передъ внѣшнимъ блескомъ, передъ ростомъ богатства, передъ успѣхами техники, и въ какомъ направленіи онъ желалъ преобразовать эту науку. Но этого мало. Изученіе воззрѣній Симонди покажетъ намъ, что многіе изъ тѣхъ взглядовъ, которые мы обыкновенно связываемъ съ планами позднѣйшихъ экономистовъ, уже раньше были развиты имъ, иной разъ, правда, въ не совсѣмъ еще ясной формѣ, но иногда и вполне опредѣленно.

Симонди выступилъ впервые на поприще экономической литературы, будучи яркимъ сторонникомъ идей Ад. Смита. Въ своихъ первыхъ экономическихъ трудахъ «*Tableau de l'agriculture toscane*» (1801 г.) и «*De la richesse commerciale*» (1803 г.) онъ является убѣжденнымъ поклонникомъ доктрины шотландскаго мыслителя. Цѣль второго труда заключается, по его собственнымъ словамъ, въ томъ, чтобы распространить во Франціи здравыя идеи воего англійскаго учителя и заставить французское законода-

тельство слѣдовать тѣмъ мудрымъ совѣтамъ, какіе А. Смитъ давалъ своей родинѣ *). Доктрина послѣдняго представлялась ему несомнѣнной истиной, предъ которой всякій долженъ преклониться, если только онъ пойметъ ее. Проходитъ 15 лѣтъ, и Сисмонди снова пишетъ по экономическимъ вопросамъ. Онъ пишетъ статью «Political economy» для эдинбургской энциклопедіи, а затѣмъ въ 1819 г. издаетъ свой главный трудъ по политической экономіи «Nouveaux Principes d'économie politique». Какая поразительная перемѣна произошла въ его воззрѣніяхъ за это время! Доктрина, которую онъ прежде считалъ воплощенной истиной, представляется ему теперь ложной и вредной, и онъ рѣзко протестуетъ противъ основныхъ выводовъ этой доктрины. Чѣмъ объясняется такая перемѣна? «Съ тѣхъ поръ, какъ я напечаталъ свой трудъ «Richesse commerciale», говоритъ самъ Сисмонди, я читалъ очень мало книгъ по политической экономіи, за то я безпрестанно изучалъ факты дѣйствительной жизни. Многіе изъ нихъ показали мнѣ совершенно противорѣчащими принятымъ мною принципамъ... Я былъ глубоко потрясенъ, продолжаетъ онъ далѣе, тѣмъ торговымъ кризисомъ, который Европа пережила за эти послѣдніе годы, тѣми ужасными страданіями фабричныхъ рабочихъ, свидѣтелемъ которыхъ я былъ въ Италіи, въ Швейцаріи и во Франціи, и которыя имѣютъ мѣсто не въ меньшей мѣрѣ въ Англіи, въ Германіи и Бельгіи, какъ это подтверждается всѣми официальными изслѣдованіями *). И такъ, разочарованіе въ системѣ классической школы происходитъ у Сисмонди не подъ вліяніемъ какой либо доктрины, не подъ вліяніемъ книгъ; сама жизнь съ ея вопіющей дѣйствительностью совершаетъ въ его воззрѣніяхъ полный переворотъ. Сисмонди не былъ кабинетнымъ ученымъ, онъ постоянно переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, близко присматриваясь къ тому, что происходило вокругъ него; дѣйствительная жизнь служила для него лучшей школой. Пребываніе въ Англіи должно было въ особенности сильно содѣйствовать перемѣнѣ въ его социальномъ-экономическомъ воззрѣніяхъ. Здѣсь съ особенной силой сказался переворотъ во всѣхъ сферахъ экономической жизни, здѣсь-же идеи смитовской школы нашли наиболѣе благодарную почву. Сисмонди ужаснулся печальнымъ результатамъ этого экономическаго переворота и, естественно, долженъ былъ разочароваться въ той экономической доктринѣ, которая содѣйствовала этому перевороту. Онъ понялъ тогда, что политическая экономія держится ложныхъ принциповъ, что она забыла истинныя задачи всякой общественной науки. И вотъ онъ свои главные экономическія сочиненія «Nouveaux Principes» и

*) Richesse commerciale т. 1, стр. 12: «approprié à la France et à sa législation les conseils qu'Adam Smith destinait surtout à l'Angleterre».

*) Nouv. Prin. т. I. стр. XXII.

«Etudes sur l'économie politique» начинается именно съ критики тѣхъ задачъ, которыя ставила себѣ до сихъ поръ экономическая наука.

Ростъ богатства, говоритъ Симонди, составлялъ до сихъ поръ главную и единственную цѣль политической экономіи. Свобода личности и собственности, свобода договора и свобода промышленности, неограниченная конкуренція—таковы средства, которыя она предлагала для достиженія поставленной цѣли. Правильно-ли поняла политическая экономія свои задачи? Не превратилась-ли она въ хрематистику, ставя увеличеніе богатства своею основной цѣлью? Много-ли пользы извлекаетъ общество въ цѣломъ отъ роста богатства, если послѣднее распределяется неравномѣрно, если «богатый дѣлается еще болѣе богатымъ, а бѣдный еще болѣе бѣднымъ, болѣе зависимымъ, болѣе нуждающимся?» Можно-ли считать задачу экономической науки достигнутой, если богатство и увеличивается, но это увеличеніе покупается цѣною разоренія многихъ самостоятельныхъ производителей, цѣною страшныхъ страданій тѣхъ самыхъ рабочихъ, потому и кровью которыхъ создано это богатство? Нѣтъ! восклицаетъ Симонди, экономическая наука преслѣдовала до сихъ поръ ложную задачу. Истинная задача науки объ управленіи—счастье людей, живущихъ въ обществѣ. Наука объ управленіи раздѣляется на haute politique, преслѣдующую моральное развитіе гражданъ, и на économie politique, имѣющую своею цѣлью ихъ матеріальное благосостояніе. Мѣрломъ матеріальнаго благосостоянія гражданъ служить не абсолютная цифра богатства страны, а правильное соотношеніе между богатствомъ и населеніемъ, справедливое распределеніе этого богатства. Въ введеніи къ своимъ «Etudes sur l'économie politique» Симонди въ слѣдующихъ выраженіяхъ характеризуетъ задачу, какую онъ себѣ ставилъ въ качествѣ экономиста. «Я съ особенной силой напираю на изложеніе теоріи распределенія богатства, между тѣмъ какъ хрематистическая школа интересовалась лишь его производствомъ. Трудъ—источникъ всякихъ матеріальныхъ наслажденій человѣка; трудомъ создаются богатства; истинная политическая экономія, регулирующая общественное и частное хозяйство, должна научить насъ направлять человѣческій трудъ такимъ образомъ, чтобы всѣ принимали участіе въ наслажденіяхъ, доставляемыхъ этимъ трудомъ, чтобы всѣ были накормлены, приучены, одѣты и пользовались тѣми наслажденіями, которыя Создатель приготовилъ для человѣка; чтобы у всѣхъ было достаточно досуга для сохраненія здоровья души, какъ и здоровья тѣла, чтобы всѣ были призваны къ участію въ успѣхахъ знанія... чтобы богатый и бѣдный, согласно волѣ Провидѣнія, встрѣчались всегда для ихъ взаимной пользы» *). При-

*) Etudes sur l'économie politique, Paris 1836—1838, т. 1. стр. VII—VIII.

веденныя слова, правда, немного напыщенны и туманны, но въ нихъ, несомнѣнно, заключается указаніе на этическія задачи экономическаго науки, на которыя такъ напираетъ нѣмецкая историческая школа. «Политическая экономія, говоритъ Сисмонди въ другомъ мѣстѣ, есть въ значительной степени наука нравственная» *). Какъ и всякая другая общественная наука, она не должна упускать изъ виду слѣдующей двойной задачи: она должна съ одной стороны изыскивать средства для обезпеченія людямъ самаго высокаго матеріальнаго благосостоянія, какое только совмѣстимо съ ихъ природою, а съ другой она должна стремиться къ тому, чтобы по возможности большее количество индивидуумовъ принимало участіе въ этомъ благосостояніи. Между тѣмъ содѣйствовало-ли экономическій переворотъ, свидѣтелемъ котораго былъ Сисмонди и въ которомъ политическая экономія видѣла осуществленіе своихъ принциповъ, достиженію тѣхъ задачъ, которыя онъ считалъ истинными задачами всякой общественной науки?

«Человѣкъ, говоритъ Сисмонди, совершилъ въ послѣднее время гигантскіе успѣхи въ области промышленности. Благодаря прогрессу знанія, онъ сдѣлался властелиномъ надъ силами природы; благодаря накопленнымъ богатствамъ или капиталамъ, онъ ежегодно производитъ все большую и большую массу предметовъ, предназначенныхъ для того, чтобы служить на пользу человѣчеству. Человѣческія изобрѣтенія все растутъ и какъ-бы совершенно мѣняютъ ви́шній видъ нашей планеты; магазины наполняются, и въ каждой мастерской намъ приходится удивляться изобрѣтательности человѣка, покорившаго себѣ силу вѣтра, воды, огня и пара.... Предъ нами—торжество хрематистики: никогда еще искусство производить и накапливать богатство не шло дальше: Но составляетъ-ли это также торжество политической экономіи?.. Выигралъ-ли человѣкъ, для котораго предназначены эти богатства, которому эти богатства должны были-бы доставлять все больше и больше наслажденій, выигралъ-ли онъ въ довольствіи и обезпеченности въ такой-же мѣрѣ, въ какой замѣчается этотъ ростъ богатства?... Мы спрашиваемъ, обезпеченъ-ли теперь человѣкъ болѣе въ своемъ существованіи, чѣмъ онъ былъ раньше, до крупнаго переворота въ области промышленности? Имѣеть-ли онъ больше спокойствія въ настоящемъ, больше увѣренности въ будущемъ? Пользуется-ли онъ теперь большею независимостью?.. Больше ли теперь или меньше людей, находящихся на самой низкой ступени общественной лѣстницы? Больше-ли теперь или меньше ступеней между богатымъ и бѣднымъ, другими словами, легче-ли теперь бѣдному добраться до вершины этой общественной лѣстницы?» **) Выказавъ такимъ образомъ общее со-

*) Nouveaux Principes, tome I, 459 стр.

**) Etudes v. 1. стр. 12—14.

мнѣніе въ благодѣтельности совершившагося экономическаго переворота, Симонди переходитъ къ болѣе детальному изслѣдованію: онъ изучаетъ результатъ этого экономическаго переворота сначала въ области сельскаго хозяйства, а затѣмъ въ сферѣ обрабатывающей промышленности.

Сельскому хозяйству Симонди придавалъ особенно важное значеніе. Въ этой области онъ обнаруживаетъ рѣдкія знанія: къ своимъ обширнымъ свѣдѣніямъ по сельско-хозяйственной экономіи древности, среднихъ вѣковъ и новаго времени, прибрѣтеннымъ благодаря многосторонней исторической эрудиціи, онъ присоединилъ еще самостоятельныя наблюденія въ качествѣ сельскаго хозяина: въ Тосканѣ онъ усердно занимался сельскимъ хозяйствомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Онъ даетъ намъ прекрасную характеристику различныхъ системъ обработки земли; онъ рисуетъ картины обработки земли мелкими собственниками (*exploitation patriarcale*), рабами и половниками; онъ описываетъ далѣе обработку земли при системѣ барщины, оброка, при мелкой и крупной арендѣ. Позднѣйшіе экономисты въ значительной степени воспользовались этимъ богатымъ матеріаломъ. Особенно сильно замѣтно вліяніе Симонди на Стюартъ Миллѣ.

Изъ всѣхъ формъ обработки земли наибольшими симпатіями Симонди пользуется такъ называемая патріархальная форма, т. е. обработка земли мелкими собственниками. «Ни одна общественная организація, говоритъ онъ, не гарантируетъ больше счастья, больше добродѣтелей самому многочисленному классу населенія, ни одна не обезпечиваетъ за нимъ большаго достатка и не содѣйствуетъ въ большей мѣрѣ прочности общественнаго порядка» (*Nouv. Prin. I, 165*). Мелкій собственникъ имѣетъ больше всего интереса въ хорошей обработкѣ своей земли, во введеніи всевозможныхъ улучшеній, такъ какъ плодами всего этого будетъ пользоваться онъ самъ или его наследники. Но помимо матеріальнаго интереса, привязанность собственника къ землѣ, которую онъ обрабатываетъ собственными руками, служитъ лучшимъ стимуломъ къ усовершенствованію культуры. «Въ странѣ, гдѣ сами собственники воздѣлываютъ свои земли, гдѣ плоды безраздѣльно принадлежатъ тѣмъ самымъ людямъ, которые совершали всѣ работы, въ странѣ, гдѣ существуетъ такъ называемая патріархальная система обработки земли, мы на каждомъ шагѣ замѣчаемъ признаки той привязанности, которую земледѣлецъ питаетъ къ своей избѣ и къ своей землѣ. Онъ не задается вопросомъ, сколько дней труда будетъ стоить пробиваемая имъ тропинка, устраиваемый колодезь, цвѣтникъ или бесѣдка, которую онъ украшаетъ цвѣтами: самъ трудъ служитъ для него источникомъ удовольствія» (*Nouv. Prin. I. 167*). «Поэтому, когда мы проѣзжаемъ Швейцарію, нѣкоторыя провинціи Франціи, Италіи и Германіи, нѣтъ надобности спрашивать, принадлежатъ-ли эти земли мелкимъ соб-

ственниковъ или фермерамъ». Но, не говоря уже объ этихъ экономическихъ преимуществахъ, мелкое землевладѣніе желательнѣе всякой другой системы и по соображеніямъ социально-политическаго характера. «Патріархальная система обработки земли улучшаетъ нравы и характеръ той многочисленной части націи, которая должна заниматься земледѣльческимъ трудомъ. Собственность приучаетъ къ порядку и бережливости, постоянное изобиліе уничтожаетъ наклонность къ обжорству и пьянству». «Ни одна отрасль ручнаго труда не поддерживаетъ въ такой степени здоровья, крѣпости тѣла, жизнерадостности, какъ сельское хозяйство; никакая отрасль не создаетъ лучшихъ солдатъ для защиты отечества» (Etudes I, стр. 132). Современные нѣмецкіе экономисты, ратующіе такъ сильно за сохраненіе мелкихъ земельныхъ собственниковъ, «eines tüchtigen und selbstständigen Bauernstands» *), не прибавили ничего новаго къ тѣмъ доводамъ, которые Сисмонди выставилъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Сисмонди спѣшитъ оговориться, что онъ вовсе не является сторонникомъ того, чтобы все сельское хозяйство сосредоточивалось исключительно въ рукахъ мелкихъ собственниковъ, чтобы вовсе не было крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ. «Нѣтъ, мы беремъ общество такимъ, какъ оно есть, съ богатыми и бѣдными, и мы полагаемъ, что это различіе положеній выгодно для развитія общества. Классъ богатыхъ намъ представляется необходимымъ, такъ какъ нѣкоторыя способности души и ума требуютъ для своего развитія полного досуга, такъ какъ физическій трудъ притупляетъ другія способности, такъ какъ постоянныя заботы о денежныхъ интересахъ ожесточаютъ наше сердце» (Etudes I, 174). Гдѣ нѣтъ богатыхъ, продолжаетъ онъ далѣе, тамъ нѣтъ спроса на такіе предметы наукъ, литературы и искусства, которые не приносятъ непосредственной пользы. Присутствіе богатыхъ землевладѣльцевъ среди мелкихъ собственниковъ очень полезно для послѣднихъ; «первые призваны распространять среди мелкихъ собственниковъ просвѣщеніе, они научаютъ ихъ пользоваться всѣми открытіями и усовершенствованіями въ области сельско-хозяйственной культуры». (Etudes I, стр. 175). Въ этихъ, какъ и во многихъ другихъ разсужденіяхъ, сказываются аристократическіе склонности Сисмонди, отъ которыхъ онъ не могъ также отрѣшиться и въ области политической **)... Но развѣ современные экономисты, даже тѣ, которые особенно выдвигаютъ

*) A. Wagner, Lehr- und Handbuch der Politischen Ökonomie, zweiter Theil 1894, стр. 459 и слѣд.

**) Сисмонди былъ противникомъ всеобщаго избирательнаго права; это право, говоритъ онъ, разсматриваетъ всѣхъ людей, какъ равныя единицы оно ихъ считаетъ, вмѣсто того, чтобы ихъ вѣдѣть. ... м. Hister, Compendium für Nationalökonomie, 14 B, 1837 стр. 339.

этическія задачи политической экономіи, не толкують тоже о высокихъ соціально-политическихъ функціяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ (werthvolle sociale Funktionen des Grossgrundbesitzerstands?) *).

Высказавъ свой взглядъ на различныя формы земельной обработки, Симонди переходитъ къ характеристикамъ тѣхъ формъ сельскаго хозяйства, какія сложились подъ вліяніемъ новыхъ экономическихъ условій, въ особенности въ Англіи. Онъ рисуетъ намъ картину замѣщенія мелкихъ земельныхъ владѣній крупными, изгнанія крестьянъ изъ тѣхъ земель, которыя обрабатывались потомъ и кровью ихъ предковъ; онъ описываетъ, далѣе, операцію clearing of an estate, имѣвшую мѣсто въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи (Etudes, 145), превращеніе пахатныхъ земель въ дуга и парки и переходъ прежнихъ крестьянъ въ классъ пролетаріевъ. «Экономическая революція, говоритъ онъ, превратившая прежнихъ крестьянъ въ сельскихъ пролетаріевъ, завершилась пока только въ Англіи; но она, можно сказать, уже начинается повсюду. Число поденщиковъ всюду увеличивается, между тѣмъ, какъ число крестьянъ уменьшается». Мало того, всѣ мелкіе фермеры снизошли на степень батраковъ, большое количество этихъ батраковъ вынуждено оставить земледѣльческія занятія, такъ какъ насъ увѣряютъ, что прежде, при системѣ мелкихъ арендъ, тратилось слишкомъ много труда, въ которомъ теперь не нуждаются. Но будетъ-ли, спрашивается, промышленность нуждаться въ трудѣ всѣхъ тѣхъ семействъ, которыя гонятся изъ деревень въ города, въ состояніи-ли она будетъ дать имъ хлѣбъ» (Etudes, стр. 27). Уничтоживъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ, вытѣснивъ мелкихъ арендаторовъ, экономическій переворотъ лишилъ насъ не только тѣхъ важныхъ экономическихъ и соціально-политическихъ преимуществъ, какія, по мнѣнію Симонди, связаны съ патриархальной формой обработки, но онъ вообще поставилъ все народное хозяйство на шаткія основанія. При существованіи мелкой земельной собственности или мелкихъ фермъ каждый производитель не считается съ условіями рынка. Онъ производитъ преимущественно для себя и для своей семьи, онъ знаетъ хорошо свои потребности и только ихъ имѣетъ въ виду. Напротивъ, при системѣ крупныхъ арендъ все хозяйство подвержено случайностямъ рынка, а рынокъ часто удаленъ отъ насъ, и совершенно невозможно предвидѣть колебанія въ спросѣ. Слѣдствіемъ этого является нарушеніе равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ, происходятъ кризисы, о которыхъ раньше не имѣли понятія. «Удивительно, восклицаетъ Симонди, какъ никто не обратилъ вниманія на то обстоятельство, что вопросъ о свободѣ хлѣбной торговли, сильно возбуждающій

*) *Ad. Wagner*, Lehrbuch, 2 Theil, стр 466.

№ 7. Стлѣкъ Г.

страсти вотъ уже много лѣтъ, возникъ именно благодаря такъ называемому прогрессу. До изобрѣтенія системы крупныхъ арендъ, до этихъ сельско-хозяйственныхъ усовершенствованій, которыя сдѣлали излишними столько человѣческихъ рукъ и которыя поэтому лишили хлѣба столько человѣческихъ ртовъ, никогда не приходило никому въ голову требовать законовъ, содѣйствующихъ вздорожанію хлѣба; напротивъ, всякая наука объ управленіи изыскивала средства, чтобы доставить народу хлѣбъ по болѣе дешевой цѣнѣ» (Etudes, стр. 197).

Еще несравненно болѣе мрачными красками Сисмонди рисуеъ намъ переворотъ, происшедшій въ области обрабатывающей промышленности подъ вліяніемъ крупныхъ техническихъ изобрѣтеній и усовершенствованій конца прошлаго вѣка, открытія отдаленныхъ рынковъ и расширенія района сбыта, уничтоженія прежнихъ цеховыхъ стѣсненій и провозглашенія принциповъ свободной конкуренціи. Онъ даетъ намъ яркую картину того, какъ подъ вліяніемъ конкуренціи крупныхъ фабрикантовъ, воспользовавшихся изобрѣтеніями Аркрайта, Уатта и др., многочисленные прежде кустари должны были побросать свои ручные станки, мелкіе самостоятельные ремесленники принуждены были покинуть свои мастерскія съ ихъ незатѣйливыми инструментами и идти на крупныя фабрики въ качествѣ поденщиковъ-пролетаріевъ. Онъ описываетъ страшную конкуренцію, существующую между крупными и мелкими фабрикантами, и постепенное вытѣсненіе и поглощеніе послѣднихъ. (Etudes II, стр. 210 и слѣд.). Всеобщимъ лозунгомъ стало: производить какъ можно больше и по болѣе низкой цѣнѣ; понятнѣе, что въ этой погонѣ за болѣе дешевымъ производствомъ побѣдителемъ долженъ остаться крупный фабрикантъ, выступающій на борьбу лучше вооруженнымъ современнымъ оружіемъ, т. е. капиталомъ. Средствами для болѣе дешеваго производства служатъ, далѣе: пониженіе заработной платы, удлинненіе рабочаго дня, введеніе мошечной работы, привлеченіе на фабрику женщинъ и дѣтей, вредная обстановка труда, словомъ, различные виды постыдной эксплуатаціи рабочаго класса. На основаніи парламентскихъ изслѣдованій Сисмонди рисуеъ намъ убійственную фабричную обстановку, надрывающую здоровье и губящую нравственность рабочихъ, возмутительную эксплуатацію женщинъ и дѣтей самаго нѣжнаго возраста, вредное вліяніе машинъ и крайняго раздѣленія труда, нищенскій заработокъ и невѣроятную продолжительность рабочаго дня; онъ констатируетъ, далѣе, увеличеніе преступности, незаконныхъ рожденій, болѣзней и смертности, распаденіе семьи во всѣхъ фабричныхъ центрахъ какъ Англій, такъ и континента. Общій выводъ, къ которому онъ приходитъ, заключается въ томъ, что весь прогрессъ въ области промышленности, рисовавшійся въ трудахъ экономистовъ такими розовыми красками, дѣйствительно содѣйствовалъ

невыроютному росту богатства, но это богатство сосредоточивается въ рукахъ немногихъ крупныхъ капиталистовъ, а покупается оно цѣною гибели громаднаго множества самостоятельныхъ мелкихъ производителей, цѣною физическаго и нравственнаго вырожденія всей трудящейся массы.

Между тѣмъ, продолжаетъ Симонди, всѣ эти печальныя стороны въ современномъ положеніи рабочихъ классовъ не были извѣстны раньше, при существованіи цеховой системы. Цеховой строй имѣлъ, кромѣ того, еще много другихъ преимуществъ. Между современнымъ пролетаріемъ и предпринимателемъ лежитъ такая глубокая социальная пропасть, что рабочій лишень всякой надежды когда бы то ни было выйти изъ круга пролетаріевъ и сдѣлаться самостоятельнымъ предпринимателемъ. Не то было въ эпоху существованія цеховъ; тогда всякій, начинавшій изученіе извѣстнаго ремесла, былъ увѣренъ, что онъ сдѣлается самостоятельнымъ мастеромъ, когда онъ пройдетъ стадію ученика и подмастерья, такъ какъ для этого не требовалось тогда ни дорогихъ орудій, ни громаднаго оборотнаго капитала. Вообще положеніе учениковъ и подмастерьевъ было несравненно прочѣе положенія современныхъ фабричныхъ рабочихъ: имъ не угрожала опасность быть выброшенными на улицу вслѣдствіе замѣны ручнаго труда машиннымъ, вслѣдствіе повторяющихся кризисовъ, вслѣдствіе частыхъ банкротствъ крупныхъ фабрикантовъ и т. д.

Въ настоящее время, послѣ тщательныхъ изслѣдованій Левассера, Шмоллера, Гирке, Шенберга, Роджерса, Охенковскаго, Эшли и другихъ, въ достаточной степени выяснились многія хорошія стороны цеховой организаціи, а главное доказано, что цехи вполне соотвѣтствовали тогдашнимъ экономическимъ и политическимъ условіямъ. Не то было въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда писалъ Симонди. У всѣхъ еще живы были въ памяти тѣ многочисленныя злоупотребленія, коими цехи были такъ богаты въ эпоху ихъ вырожденія. Рѣзкій приговоръ А. Смита *), видѣвшаго въ цехахъ однѣ только дурныя стороны, можетъ считаться выраженіемъ тогдашняго общественнаго мнѣнія. Только глубокія историческія познанія дали Симонди возможность взглянуть правильнымъ образомъ на цеховую организацію и вполне оцѣнить ея историческое значеніе. Между тѣмъ, благодаря этимъ правильнымъ воззрѣніямъ на цеховой строй, Симонди навлекъ на себя обвиненія въ ретроградствѣ, обвиненія въ томъ, что онъ желаетъ возстановить средневѣковыя цеховыя стѣсненія. Излишне говорить, насколько подобныя обвиненія несправедливы. Указавъ на нѣкоторыя хорошія стороны цеховой организаціи, Симонди прибавляетъ: «здѣсь вовсе не идетъ рѣчь о томъ, чтобы восста-

*) A. Smith, «Wealth of Nations», by Nicholson, London 1891, стр 50—54.

новить эту странную и стѣснительную организацію. Уроки, которые даетъ намъ опытъ прошлаго, приносили бы намъ слишкомъ мало пользы, если бы они не научили насъ ничему другому, какъ только слѣпо возвращаться къ узкому пути нашихъ отцовъ вмѣсто того, чтобы искать болѣе прямой дороги». Онъ совѣтуетъ лишь, чтобы и теперь за рабочими была обезпечена возможность добиться когда-нибудь болѣе высокаго, самостоятельнаго положенія.

II.

Черезъ всѣ экономическіе труды Сисмонди красною нитью проходитъ та мысль, что современный экономическій строй страдаетъ двумя крупными, основными недостатками: первый недостатокъ заключается въ нарушеніи равновѣсія между ростомъ дохода и ростомъ населенія, второй — въ нарушеніи равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ. Анализируя подробно эти два болѣзненнѣйшихъ явленія современнаго соціального строя, т. е. вопросъ о чрезмѣрномъ населеніи и о кризисахъ, Сисмонди высказываетъ много глубокихъ и блестящихъ для своего времени мыслей. Онъ, кромѣ того, является здѣсь, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, предшественникомъ самыхъ выдающихся новейшихъ экономистовъ.

Сисмонди жилъ и писалъ въ то время, когда страстный споръ между Годвиномъ и его сторонниками съ одной стороны, и Мальтусомъ и его поклонниками съ другой, былъ еще въ самомъ разгарѣ. Ему удалось сохранить полную объективность и, какъ мы сейчасъ увидимъ, онъ справедливо можетъ быть причисленъ къ самымъ безпристрастнымъ и блестящимъ противникамъ автора знаменитаго «*Essay of the principle of population*». Сисмонди признаетъ, подобно Мальтусу, что населеніе, при отсутствіи препятствій, можетъ размножаться съ чрезвычайной быстротой. Онъ признаетъ также, что чрезмѣрный ростъ населенія можетъ быть источникомъ самыхъ жестокихъ страданій. Но на этомъ согласіе между нимъ и Робертомъ Мальтусомъ кончается; въ дальнѣйшемъ они являются полнѣйшими антиподами. Сисмонди ставитъ весь вопросъ о населеніи на соціально-историческую почву; если ростъ населенія причиняетъ иногда страданія рабочему классу, то это объясняется, по его мнѣнію, ненормальностью нашихъ соціальныхъ условій. Онъ указываетъ, во первыхъ, на коренную логическую ошибку, лежащую въ основѣ знаменитыхъ формулъ Мальтуса, утверждавшихъ, что населеніе имѣетъ тенденцію расти въ геометрической, а средства существованія въ арифметической прогрессіи. «Возможному росту населенія онъ (Мальтусъ), рассуждая отвлеченно и не принимая во вниманіе существующихъ условій, противопоставляетъ дѣйствительное размноженіе животныхъ и растений въ ограниченномъ пространствѣ

и при все болѣе и болѣе неблагоприятныхъ условіяхъ. Совсѣмъ не такимъ образомъ слѣдуетъ производить сравненіе. Разсуждая отвлеченно, размноженіе растений происходитъ въ значительно болѣе быстрой геометрической прогрессіи, нежели размноженіе животныхъ; а размноженіе послѣднихъ происходитъ гораздо быстрѣе, нежели размноженіе людей». Указанная способность размножаться какъ у растений и животныхъ, такъ и у человѣка, есть только возможная; въ дѣйствительности-же она несравненно слабѣе. Вотъ первое возраженіе чисто логическаго характера, которое Симонди дѣлаетъ противъ знаменитыхъ мальтусовскихъ формулъ. Далѣе онъ опровергаетъ то положеніе Мальтуса, «что въ каждой странѣ ростъ населенія ограничивается тѣмъ количествомъ жизненныхъ припасовъ, какое страна въ состояніи доставить». «Это положеніе, говоритъ Симонди, вѣрно лишь по отношенію къ земному шару, взятому въ цѣломъ, или по отношенію къ такой странѣ, которая не можетъ добыть никакихъ жизненныхъ припасовъ изъ другихъ государствъ; ко всѣмъ же другимъ странамъ положеніе это непримѣнимо, благодаря существованію внѣшней торговли. Кромѣ того—что еще гораздо важнѣе—предположеніе это вѣрно лишь съ отвлеченной точки зрѣнія и совершенно непримѣнимо къ политической экономіи. Никогда населеніе не достигало еще того предѣла, когда увеличеніе количества припасовъ было-бы ужъ невозможно, и, по всей вѣроятности, оно никогда не достигнетъ его. Всѣ тѣ, которымъ желательно было-бы получить жизненные припасы, не имѣютъ ни возможности, ни правъ извлекать ихъ изъ земли; тѣ-же, которымъ законы доставляютъ монополію на земли, не имѣютъ никакого интереса въ томъ, чтобы извлекать изъ нихъ всѣ съѣстные припасы, которые онѣ въ состояніи произвести. Во всѣхъ странахъ землевладѣльцы сопротивлялись и должны были сопротивляться системѣ обработки, исключительно ведущей къ увеличенію количества продуктовъ, а не къ увеличенію ихъ доходовъ. Гораздо ранѣе, чѣмъ ростъ населенія будетъ приостановленъ вслѣдствіе невозможности въ данной странѣ производить болѣе, онъ будетъ приостановленъ вслѣдствіе того, что населеніе это не можетъ покупать съѣстныхъ припасовъ или работать для того, чтобы ихъ создавать». Ростъ продовольственныхъ средствъ, какъ и ростъ населенія, зависить, по мнѣнію Симонди, отъ причинъ социальнаго характера. «При изученіи исторіи человѣчества всѣхъ эпохъ и всѣхъ странъ мы постоянно находимъ, что исключительно лишь воля человѣка, или, если хотите, законодательство, которому онъ подчинялся и которое является выраженіемъ этой воли, всегда задерживали ростъ съѣстныхъ припасовъ, а вслѣдствіе этого и размноженіе населенія». Итакъ, Симонди возстаётъ противъ Мальтуса, объясняющаго ростъ населенія, равно какъ и препятствія, встрѣчаемаго этимъ ростомъ, преимущественно естественными причинами.

Въ чемъ-же эти причины заключаются? Что касается роста продовольственныхъ средствъ, то онъ зависитъ, по мнѣнiю Сисмонди, не отъ обилiя имѣющихся въ странѣ земель и не отъ плодородiя этихъ земель, а отъ воли человѣка; при нашемъ-же социальномъ строѣ даже не отъ воли всякаго человѣка, а лишь отъ воли собственника земли. Земельные собственники являются въ этомъ отношенiи полными хозяевами: отъ ихъ воли зависитъ, оставлять-ли громадные пространства земли безъ всякой обработки, превращать-ли пахотныя земли въ пастбища, въ парки, въ мѣста для охоты и проч. Интересъ-же земельныхъ собственниковъ далеко не всегда совпадаетъ съ интересомъ всего народа: у нихъ есть интересъ обрабатывать свои земли лишь въ томъ случаѣ, если это доставляетъ имъ какой-нибудь чистый доходъ; въ противномъ случаѣ они оставляютъ свои земли безъ всякой обработки, какъ бы ни былъ великъ валовой доходъ, т. е. какъ бы ни было велико то количество земледѣльческихъ рабочихъ; которые въ этой обработкѣ могли-бы найти источникъ для своего существованiя. «Если даже въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ, говоритъ Сисмонди, обширныя пространства плодородной земли оставляются для пастбищъ, то это происходитъ по той причинѣ, что воля человѣка или законодательство сопротивляется тому, чтобы извлечь изъ земли все, что она въ состоянiи дать»... Каждая нація имѣетъ какъ бы резервный фондъ такихъ невоздѣланныхъ земель, «благодаря чему стоитъ нации лишь этого пожелать, и она могла бы сразу, въ теченiе лишь одного года, значительно увеличить количество съѣстныхъ припасовъ, и увеличенiе это могло бы происходить въ такой геометрической прогрессii, что оно значительно превысило бы возможное возрастаниe населенiя. Мы сказали, стоитъ нации лишь этого пожелать. Дѣло въ томъ, что, по желанiю земледѣльческихъ народовъ, землевладѣльцамъ было предоставлено право производить или не производить всѣ тѣ съѣстные продукты, которые земля въ состоянiи доставить, смотря по тому, что болѣе всего соответствуетъ ихъ собственнымъ интересамъ. Землевладѣльцы же всѣхъ странъ никогда не позволяли извлекать изъ ихъ земель съѣстныхъ припасовъ, если предъявлявшiе спросъ на эти продукты не въ состоянiи были купить ихъ при помощи своего дохода. Двадцать тысячъ человѣкъ страдаетъ въ Римѣ отъ голода и добивается работы, а у римскихъ воротъ 40000 морговъ земли, которую эти люди въ состоянiи были бы превратить въ пашни, остается необработанной. Но рабочiй, создающiй лишь такое количество продуктовъ, какое необходимо для его собственнаго пропитанiя, ничего не доставитъ землевладѣльцу. Если-бы рабочiй даже и доставилъ ему кое-что, то онъ во всякомъ случаѣ не доставитъ ему столько, сколько тотъ безъ всякаго труда извлекаетъ изъ своей земли. Такимъ образомъ, никакой трудъ не совершается, никакиe съѣстные припасы не

создаются, а населеніе не можетъ возрасти, потому что національная воля, выраженная въ законахъ и регулирующая собственность, препятствуетъ этому росту».

Но не только ростъ продовольственныхъ средствъ зависитъ отъ причинъ соціального характера, т. е. отъ существованія частной собственности на землю,—ростъ населенія зависитъ также отъ соціальныхъ причинъ. Конечно, говоря абстрактно, т. е. имѣя въ виду однѣ только фізіологическія особенности человѣка, населеніе можетъ увеличиваться съ поразительной быстротой. На самомъ-же дѣлѣ ростъ населенія опредѣляется не этими фізіологическими причинами, а причинами соціального порядка. Въ чемъ-же эти причины заключаются? «Увеличеніе человѣческаго рода, говоритъ Симонди, зависитъ отъ воли человѣка, въ его волѣ заключаются границы этого увеличенія». «Мужъ беретъ на себя обязанность содержать свою жену и своихъ дѣтей, и этихъ обязанностей исполнѣ достаточно, чтобы ограничить желаніе каждаго вступать въ бракъ. Прежде, чѣмъ вступить въ бракъ, прежде, чѣмъ сдѣлаться отцомъ, каждый всегда разсчитываетъ, какой доходъ онъ можетъ раздѣлить со своей семьей и какой онъ можетъ ей оставить послѣ своей смерти». Населеніе регулируется поэтому исключительно доходомъ; если оно переходитъ эти границы, то это происходитъ обыкновенно потому, что родители ошиблись насчетъ своего дохода, или вѣрнѣе потому, что общество ввело ихъ въ заблужденіе. «Національный доходъ можетъ оставаться въ одномъ и томъ-же состояніи, уменьшаться или увеличиваться. Ростъ населенія долженъ происходить соотвѣтственно всѣмъ этимъ измѣненіямъ, и это дѣйствительно такъ будетъ при хорошей общественной организаціи, потому что это очень важно для счастья населенія». (Nouv. Prin. II, стр. 256).

Итакъ, при здоровомъ соціальномъ строѣ ростъ населенія всегда соразмѣряется съ ростомъ дохода, и это ведетъ ко благу общества. Если-же это равновѣсіе между доходомъ и населеніемъ нарушается, то нарушение это, являющееся источникомъ страданій для всего общества, въ особенности же для трудящейся массы, происходитъ вслѣдствіе недостатковъ нашего соціального строя. Въ самомъ дѣлѣ, для соразмѣренія роста населенія съ ростомъ дохода требуется, чтобы каждый человѣкъ зналъ, на какой доходъ онъ можетъ въ будущемъ разсчитывать; отъ этого для холостого будетъ зависѣть рѣшеніе вступить или не вступить въ бракъ, а состоящій уже въ бракѣ въ состояніи будетъ знать, сколько онъ можетъ имѣть дѣтей, чтобы дать имъ приличное воспитаніе (N. P. II, стр. 296). Между тѣмъ, нашъ современный строй, превратившій мелкихъ земельныхъ собственниковъ и самостоятельныхъ ремесленниковъ въ пролетаріевъ, страдаетъ тѣми основными недостатками, что у массы населенія отнята возможность всякихъ правильныхъ разсчетовъ на прочный и опредѣлен-

ный доходъ. Мелкій собственникъ, владѣющій незначительнымъ участкомъ земли, который въ состояніи прокормить лишь небольшое количество душъ, постарается имѣть немного дѣтей и не дастъ вступать въ бракъ всѣмъ дѣтямъ. Онъ знаетъ, что послѣ его смерти его участокъ земли будетъ раздѣленъ между его дѣтьми, онъ ясно видитъ границу, послѣ которой дальнѣйшее раздробленіе земли низведетъ его дѣтей къ положенію болѣе низкому, чѣмъ то, которое онъ самъ занималъ. Но если крупный собственникъ или фермеръ станетъ, положимъ, примѣнять такую систему обработки земли, для которой въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ понадобится много рабочихъ рукъ, то рабочіе эти, хотя, безъ сомненія, и будутъ менѣе довольны, чѣмъ мелкіе собственники, все-таки подумаютъ, что они могутъ рассчитывать теперь на вѣрный доходъ; имъ покажется, что этотъ доходъ будетъ всегда существовать и для нихъ, и для ихъ дѣтей, если только послѣднія въ состояніи будутъ работать; благодаря этой увѣренности они станутъ вступать въ бракъ. Если-же потомъ окажется, что собственникъ ошибся въ своихъ расчетахъ, если онъ найдетъ, что ему выгоднѣе оставить землю безъ дальнѣйшей обработки, превратить ее въ луга и пастбища, тогда рабочіе съ ихъ семействами лишатся занятій, они погибнутъ, падая жертвами чужихъ ошибокъ. Къ такимъ-же вреднымъ послѣдствіямъ привелъ переворотъ и въ области обрабатывающей промышленности. Мелкій ремесленникъ хорошо зналъ своихъ заказчиковъ, онъ имѣлъ ясное понятіе о размѣрахъ спроса на его товаръ; онъ зналъ поэтому, можетъ-ли онъ рассчитывать на такой постоянный доходъ, который будетъ въ состояніи прокормить его и его семью; онъ зналъ также, въ состояніи-ли будутъ его сыновья, когда они подростутъ, найти приложеніе для своихъ рукъ. «Ростъ богатства, соединивъ рабочихъ въ большихъ мастерскихъ, подчинивъ производству контролю крупныхъ капиталистовъ, оказалъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно неблагоприятнымъ для бѣдняка: этотъ ростъ богатства отнялъ у бѣдняка всякую возможность опредѣлить спросъ того рынка, для котораго онъ работаетъ, онъ разорвалъ связь между нимъ и потребителями, нуждающимися въ его товарѣ». «Великій порокъ современнаго социальнаго строя, продолжаетъ далѣе Сисмонди, заключается въ томъ, что бѣдный никогда не можетъ знать, на какой спросъ онъ можетъ рассчитывать, и что его способность къ труду не всегда служитъ для него опредѣленнымъ и вѣрнымъ доходомъ».

Но этого мало. Самымъ сильнымъ препятствіемъ, удерживающимъ человека отъ вступленія въ бракъ и отъ рожденія дѣтей, служить, по мнѣнію Сисмонди, нежеланіе потерять свое прежнее положеніе, страхъ предъ тѣмъ, что придется или самому спуститься, или низвести своихъ дѣтей на болѣе низкую ступень общественной лѣстницы. Современный социальный строй, превра-

тивший всю трудящуюся массу в пролетариевъ, т. е. в людей, не имѣющихъ никакой собственности, лишенныхъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, в людей, которые ничего не могутъ терять, такъ какъ у нихъ ничего нѣтъ, которые не боятся спуститься на низшую ступень, такъ какъ они уже теперь находятся на самой низкой ступени,—отнялъ этимъ самымъ у большинства населенія всякій стимулъ задерживать свой приростъ. Неудивительно поэтому, что именно среди пролетариевъ наблюдается наибольшій приростъ населенія» (N. P. II, стр. 264—267).

Сисмонди указываетъ, далѣе, на рядъ причинъ, въ силу которыхъ, при современныхъ социальныхъ условіяхъ, создается излишнее населеніе совершенно независимо отъ роста послѣдняго. Сисмонди жилъ въ самую горячую пору техническихъ изобрѣтеній. Почти ежедневно новая машина, новое усовершенствованіе отнимали работу у трудящейся массы, легионы рабочихъ выбрасывались на улицу, какъ ненужныя, «излишнія» руки. Онъ слишкомъ хорошо зналъ факты дѣйствительной жизни, онъ былъ человекомъ слишкомъ отзывчивымъ на страданія рабочаго класса; чтобы удовлетвориться тѣми утѣшеніями, какія давали на этотъ счетъ Макъ-Куллохъ, Торренсъ, Сеніоръ и даже Стюартъ Милль. Онъ, во-первыхъ, не могъ согласиться съ тѣмъ утвержденіемъ, будто всякое усовершенствованіе, удешевляя продукты, непременно ведетъ къ расширенію производства, а потому не можетъ сокращать спроса на рабочія руки. Конечно, говоритъ Сисмонди, если благодаря открытію, ведущему къ удешевленію товаровъ, производство значительно расширится, тогда рабочій классъ не только не пострадаетъ отъ этого открытія, но онъ даже выиграетъ, въ качествѣ потребителя. Напротивъ, всякій разъ, когда производство вполнѣ удовлетворяетъ потребленіе, каждое подобное открытіе, при нашемъ современномъ строѣ (*dans notre organisation actuelle*), становится бѣдствіемъ, такъ какъ оно прибавляетъ къ удовольствіямъ потребителей лишь возможность удовлетворить свои потребности дешевле, между тѣмъ какъ оно отнимаетъ жизнь у производителей. Было-бы позорно сравнивать выгоды дешевизны съ выгодами существованія» (N. P. II стр. 317—318). Эти замѣчанія несомнѣнно справедливы. Утѣшенія экономистовъ-оптимистовъ, будто всякое усовершенствованіе, удешевляя продукты, тѣмъ самымъ усиливаетъ спросъ и ведетъ къ расширенію производства, а потому не только не вытѣсняетъ рабочихъ, но, напротивъ, открываетъ для нихъ еще болѣе широкое поле дѣятельности, эти утѣшенія, къ сожалѣнію, преувеличены и не всегда основательны. Обыкновенно приводятъ классическій примѣръ—значительное увеличеніе количества книгъ со времени изобрѣтенія книгопечатанія и увеличеніе числа типографчиковъ въ сравненіи съ прежнимъ количествомъ переписчиковъ. Но есть не мало примѣровъ, доказывающихъ противное. Существуютъ

такіе товары, спросъ на которые совершенно не способенъ расширяться, или, по крайней мѣрѣ, не способенъ расширяться въ значительной степени, а потому какъ-бы ихъ цѣна ни понижалась, благодаря усовершенствованію, ихъ производство не можетъ значительно расширяться. Примѣромъ можетъ служить не только производство гробовъ, но и производство хлѣба, такъ какъ даже очень сильное удешевленіе его производства въ состояніи только въ незначительной мѣрѣ увеличить его потребленіе. Существуютъ даже такіе товары, производства которыхъ нельзя расширить, если не увеличилось производство родственныхъ товаровъ: нельзя расширить производства бутылокъ, если не возросло количество вина. Примѣненіе машинъ въ производствѣ бутылокъ должно несомнѣнно выбросить рабочихъ этой отрасли промышленности на улицу, если одновременно не прибавилось количество вина *). Но даже во всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, гдѣ расширеніе производства дѣйствительно имѣетъ мѣсто, оно наступаетъ не сразу: требуется длинный промежутокъ времени, пока цѣны понизятся соотвѣтственно удешевленію производства; нужно также много времени, пока потребители, пользуясь удешевленіемъ товаровъ, измѣнятъ свои прежнія привычки и увеличатъ потребленіе этихъ товаровъ. За этотъ промежутокъ времени многіе рабочіе будутъ лишены прежнихъ занятій **).

Сисмонди также вполне правъ, когда замѣчаетъ, что нельзя сравнивать «выгоды удешевленія продуктовъ съ выгодами существованія». Многіе экономисты склонны были утѣшаться тѣмъ, что рабочій, въ качествѣ потребителя, выигрываетъ отъ усовершенствованій столько-же, сколько онъ теряетъ, въ качествѣ производителя. Но техническое усовершенствованіе можетъ, во-первыхъ, удешевить такіе товары, которые совершенно не входятъ въ кругъ потребленія рабочаго. Найдеть-ли рабочій шелковой мануфактуры удовлетвореніе въ томъ, что машина хотя и выкинула его на улицу, за то содѣйствовала удешевленію шелковыхъ издѣлій? Но если даже техническое изобрѣтеніе удешевило товары, потребляемые рабочими, то вѣдь расходъ его на этотъ единственный товаръ составляетъ только малую долю въ его бюджетѣ; какое-же это утѣшеніе для того, кто, благодаря этому изобрѣтенію, лишился заработка?

Сисмонди возстаетъ, далѣе, противъ того мнѣнія, будто техническія усовершенствованія, удешевляя товары и сокращая поэтому издержки потребителей, этимъ самымъ содѣйствуютъ сбереженіямъ, благодаря которымъ потребители въ состояніи предъявить новый спросъ, и такимъ образомъ спросъ на рабочія руки не сокращается. «Но никогда не будетъ сооувѣтствія, говорить онъ,

*) Charles Gide, Principes d'économie politique, 1891 г. стр. 383.

**) Ibid. стр. 384.

между этимъ новымъ спросомъ на трудъ и тѣмъ количествомъ труда, какое было вытѣснено благодаря усовершенствованію». Такое соотвѣтствіе немислимо, такъ какъ удешевленіе товаровъ, содѣйствующее сбереженіямъ потребителей, происходитъ въ гораздо меньшей пропорціи, нежели сокращеніе количества рабочихъ рукъ, являющееся слѣдствіемъ введенія техническаго усовершенствованія. «Когда мы отказываемъ сотни рабочихъ и проводимъ прежнюю работу при помощи одного рабочаго и машины, мы уменьшаемъ цѣну товара лишь на одну десятую». Симонди объясняетъ это тѣмъ, что цѣна товара зависитъ не только отъ количества потраченнаго на него непосредственнаго труда, но и отъ размѣра постояннаго капитала, отъ цѣнности машинъ, принимаемыхъ къ производству, и т. д. Всякое новое изобрѣтеніе ведетъ къ тому, что предприниматель превращаетъ часть оборотнаго капитала въ постоянный, т. е. въ дорого стоящія машины, другими словами, оно ведетъ къ сокращенію спроса на рабочія руки (N. P. I стр. 400).

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ дальше останавливаться на многихъ блестящихъ замѣчаніяхъ, которыя Симонди дѣлаетъ по вопросу о машинахъ. Подъ его вліяніемъ Рикардо включилъ въ третье изданіе своихъ «Основныхъ Началъ» знаменитую главу о машинахъ, гдѣ онъ въ значительной степени отказывается отъ своихъ прежнихъ оптимистическихъ воззрѣній. Въ этой глубоко интересной главѣ Рикардо, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «Я убѣжденъ, что замѣщеніе человѣческаго труда машинами часто является вреднымъ для интересовъ рабочаго класса». Между тѣмъ сколько обвиненій сыпалось на Симонди за то, что онъ не хотѣлъ закрывать глаза предъ печальными послѣдствіями изобрѣтеній и усовершенствованій. «Онъ врагъ машинъ», «онъ противникъ всякаго прогресса», «онъ желаетъ остановить развитіе наукъ и искусства»—вотъ какими восклицаніями встрѣчено было его ученіе *). Симонди возмущался и неоднократно возражалъ противъ такихъ обвиненій. И дѣйствительно, считать его противникомъ техническихъ усовершенствованій несправедливо. Симонди неоднократно подчеркивалъ ту мысль, что не машины и изобрѣтенія сами по себѣ вредны для рабочаго класса, а они дѣлаются таковыми, лишь благодаря условіямъ современнаго хозяйства, при которомъ возрастаніе производительности труда не ведетъ ни къ увеличенію потребленія рабочаго класса, ни къ сокращенію рабочаго времени. Если-бы одно изъ этихъ, казалось-бы, естественныхъ послѣдствій всякаго усовершенствованія имѣло мѣсто, тогда рабочіе не лишались-бы занятій, тогда машины были-бы всегда благодѣтельны для всѣхъ классовъ населенія.

*) Revue mensuelle d'économie politique, 5-me v., стр. 498—500.

«Всякое техническое изобрѣтеніе, говоритъ Сисмонди, увеличивающее производительность человѣческаго труда, начиная съ плуга и кончая паровой машиной, полезно, но оно употребляется съ пользою лишь въ томъ случаѣ, когда оно сообразуется съ потреблениемъ: если потребители нуждаются въ большемъ количествѣ товаровъ, изобрѣтеніе полезно потому, что оно доставляетъ эти товары при помощи прежняго количества труда; если-же потребители не нуждаются въ большемъ количествѣ товаровъ, то и тогда изобрѣтеніе можетъ быть полезнымъ, если оно доставляетъ производителямъ больше досуга. Если рабочій, пріобрѣтшій возможность производить въ два часа то, что онъ раньше производилъ въ теченіи 12-ти часовъ; все-таки не становится болѣе богатымъ, равно какъ и не получаетъ возможности пользоваться досугомъ...., то въ этомъ виноватъ не прогрессъ въ области техники, а нашъ социальный строй» (Nouv. Princ. I, стр. 349). Въ другомъ мѣстѣ Сисмонди высказывается еще яснѣе. «Мы уже разъ сказали, но считаемъ важнымъ повторить еще разъ, что истинное бѣдствіе заключается не въ усовершенствованіи машинъ, а въ томъ несправедливомъ распредѣленіи, какое мы дѣлаемъ изъ получаемыхъ благодаря имъ продуктовъ. Чѣмъ больше продуктовъ мы въ состояніи производить при помощи даннаго количества труда, тѣмъ больше мы должны были-бы увеличить или наши удовольствія, или нашъ отдыхъ. Если-бы рабочій былъ своимъ собственнымъ хозяиномъ и если-бы онъ при помощи машины могъ сдѣлать въ теченіе двухъ часовъ то, что онъ дѣлалъ раньше въ 12 часовъ, тогда, если-бы онъ не нуждался или не могъ-бы пользоваться большимъ количествомъ продуктовъ, онъ прекратилъ бы работу послѣ двухчасового труда. Только при нашемъ современномъ строѣ, только благодаря рабству, до котораго доведенъ рабочій, онъ вынужденъ, не смотря на то, что машины увеличили его производительныя силы, работать не меньше, но даже еще большее количество часовъ въ день и получать при этомъ прежнюю плату» (Nouv. Princ. II, стр. 317—318).

Прочитываемыя мѣста ясно показываютъ, насколько несправедливо мнѣніе, будто Сисмонди былъ врагомъ машинъ. Сисмонди не только вообще не былъ врагомъ машинъ и изобрѣтеній, но онъ считалъ вредной, даже при современныхъ условіяхъ, всякую попытку задержать ходъ изобрѣтеній. «Было бы и бесполезно, и опасно пытаться запрещать примѣненіе изобрѣтеній. Если мы воспретимъ въ нашихъ мастерскихъ примѣненіе какой-либо новой машины, то наши сосѣди не будутъ настолько щепетильны; они станутъ бороться противъ нашихъ производителей при помощи новыхъ паровыхъ снарядовъ, прядильныхъ машинъ и всякаго рода изобрѣтеній».

Мы можемъ теперь резюмировать воззрѣнія Сисмонди по во-

просу о населеніи. Симонди нисколько не отрицаетъ возможности чрезмѣрнаго населенія; онъ хорошо сознаетъ глубокія страданія, истекающія отъ этого для рабочаго класса. Онъ поэтому далекъ отъ слѣпого оптимизма такихъ экономистовъ, какъ Кэри или Бастіа, не желавшихъ допустить возможности чрезмѣрнаго населенія только потому, что это противорѣчило-бы «благодѣтельности законовъ Провидѣнія» и господствующей въ природѣ «гармоніи». Но при всемъ этомъ Симонди является полнѣйшимъ противникомъ Роберта Мальтуса. Въ то время, какъ послѣдній объясняетъ всѣ страданія рабочаго класса главнымъ образомъ причинами абсолютными, вѣчными, причинами естественнаго характера, именно тенденцію населенія размножаться быстрее, чѣмъ средства существованія, Симонди ставитъ весь вопросъ о населеніи, на социально-историческую почву: по его мнѣнію, чрезмѣрный ростъ населенія является источникомъ страшныхъ бѣдствій для рабочаго класса только потому, что современное хозяйство построено на ложныхъ основаніяхъ. Существованіе крупной земельной собственности съ одной стороны, превращеніе мелкихъ земельных собственниковъ и ремесленниковъ въ пролетаріевъ съ другой,—вотъ, по мнѣнію Симонди, основныя причины нарушенія равновѣсія между ростомъ населенія и ростомъ національнаго дохода; въ силу первой причины изъ земли не извлекаются всѣ тѣ продукты, какіе можно было-бы извлечь; въ силу второй причины у большинства населенія отнята всякая возможность разсчитывать на опредѣленный и правильный доходъ и принаравливать къ нему свой приростъ. По этой-же причинѣ населеніе, введенное въ заблужденіе случайно усилившимся спросомъ, часто размножается слишкомъ быстро. Кромѣ того, у большинства населенія отнять всякій стимулъ сдерживать свой приростъ, такъ какъ оно доведено до такой низкой ступени, что у него уже нѣтъ основанія бояться спуститься еще ниже. Излишнія рабочія руки создаются еще потому, что машины и всякія техническія усовершенствованія не ведутъ къ тѣмъ благимъ результатамъ, какіе должны были-бы имѣть мѣсто при болѣе нормальныхъ условіяхъ хозяйства: они не ведутъ ни къ сокращенію рабочаго времени, ни къ увеличенію заработной платы, результатомъ ихъ поэтому является вытѣсненіе рабочихъ рукъ, выбрасываніе рабочихъ на улицу.

III.

Съ тѣхъ поръ, какъ стала развиваться экономическая наука, вопросъ о торгово-промышленныхъ кризисахъ всегда приковывалъ къ себѣ вниманіе всѣхъ выдающихся экономистовъ. Рядомъ съ вопросомъ о причинахъ пауперизма всегда стоялъ вопросъ о причинахъ народно-хозяйственныхъ кризисовъ; оба эти вопроса взѣ-

ивно переплетаются, нельзя изучать одного, не затрагивая другого. Поэтому-то каждый писатель, задававшийся целью раскрыть причины бѣдности, неминуемо останавливался и на изученіи причинъ повторяющихся кризисовъ. Робертъ Мальтусъ, привлекшій вниманіе всего цивилизованнаго міра къ изученію причинъ бѣдности, былъ также однимъ изъ первыхъ писателей, обратившихъ вниманіе на перепроизводство и на причины, его вызывающія. Достаточно сослаться на труды такихъ во многомъ противоположныхъ писателей, какъ померанскій помѣщикъ, Родбертусъ-Ягцецовъ, и американскій публицистъ-самоучка, Генри Джорджъ, чтобы убѣдиться въ существованіи неразрывной связи между вопросомъ о пауперизмѣ и вопросомъ о кризисахъ. Но въ исторіи экономической литературы мы не найдемъ другого писателя, который рядомъ съ вопросомъ о причинахъ бѣдности удѣлилъ-бы такъ много вниманія промышленнымъ кризисамъ, какъ Симондъ де-Сисмонди. Въ этомъ отношеніи съ нимъ можетъ сравниться развѣ только Родбертусъ, съ которымъ Сисмонди вообще имѣетъ много общаго. И это вполне понятно. На человѣка, проникнутаго глубокой симпатіей къ трудящимся массамъ и наблюдавшаго первые шаги капиталистическаго производства, промышленные кризисы, неизвѣстные предшествующей эпохѣ, должны были произвести сильное впечатлѣніе.

Сисмонди былъ свидѣтелемъ тяжелаго кризиса, имѣвшаго мѣсто въ Англіи въ 1815 г., вскорѣ послѣ возобновленія европейскаго мира. Англія рассчитывала, что послѣ возобновленія мирныхъ сношеній съ континентомъ появится обильный спросъ на продукты ея промышленности. Уже съ 1812-го года, когда французы вынуждены были покинуть Россію и двинуться обратно, можно было предвидѣть близкій конецъ разорительнымъ войнамъ. И съ этого времени Англія начинаетъ расширять свою промышленность. Наступаетъ эпоха промышленнаго оживленія, цѣны идутъ въ гору, заработная плата значительно повышается. Это промышленное оживленіе достигаетъ своего апогея въ 1814 г.—Какъ расширение промышленности, такъ и подъемъ цѣнъ основывались на надеждѣ, что миръ и возобновленіе сношеній съ континентомъ вызовутъ громадный спросъ на англійскіе товары. Но каково же было разочарованіе, когда спросъ на европейскомъ рынкѣ оказался чрезвычайно ограниченнымъ. Истощенныя покупательныя силы европейскаго населенія, разореннаго наполеоновскими войнами, не могли поглотить и малой доли всѣхъ заготовленныхъ англійскихъ продуктовъ. Англія переживаетъ тогда нѣсколько ужасныхъ лѣтъ. Банкротство слѣдуетъ за банкротствомъ, фабрики закрываются одна за другой, рабочіе, лишеныя занятій, кочуютъ съ мѣста на мѣсто, тщетно ища заработка. Опустошаются магазины, грабятъ лавки, совершаются поджоги и разрушаются машины, въ кото-

ныхъ неразвита еще тогда рабочая масса усматривала главныхъ виновницъ своихъ бѣдствій *).

Можно себѣ представить, какъ все это должно было вліять на отзывчиваго Симонди. «Я былъ глубоко потрясенъ», пишетъ онъ въ предисловіи къ первому изданію своихъ «Nouveaux Principes», торговымъ кризисомъ, который Европа пережила за послѣдніе годы». Хотя кризисы, имѣвшіе мѣсто до 1825 г. (кризисы 1811, 15 и 18 гг.) объясняются главнымъ образомъ причинами политическаго характера, наполеоновскими войнами и пр., тѣмъ не менѣе нельзя отрицать связи, существующей между этими кризисами и тѣми крупными измѣненіями народнаго хозяйства, коими характеризуются конецъ 18-го и начало 19-го вв. «Въ этихъ явленіяхъ, (т. е. въ кризисахъ начала нынѣшняго столѣтія) говорить новѣйшій изслѣдователь этого вопроса, сказывается вліяніе того экономическаго развитія, которое начинается въ послѣдней трети 18-го в.; оно имѣло мѣсто сначала въ Англіи, затѣмъ въ другихъ странахъ и извѣстно подъ названіемъ промышленной революціи *). Быть можетъ, именно торгово-промышленные кризисы, эта наиболѣе характерная и рѣзкая болѣзнь капиталистическаго строя, дали первый толчекъ къ крупному перевороту въ воззрѣніяхъ Симонди. Онъ разочаровался въ благотѣльности системы свободной конкуренціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ той наукѣ, которая восторгалась этой системой и содѣйствовала ея дальнѣйшему развитію. Разочарованіе это должно было все усиливаться, такъ какъ кризисы повторялись все съ большей и большей силой. И вотъ онъ каждый разъ снова возвращается къ этому больному вопросу. Удѣливъ уже въ первомъ изданіи своихъ «Nouveaux Principes» достаточно мѣста вопросу о кризисахъ, онъ въ 1820 г. помѣщаетъ статью въ «Annales de jurisprudence», гдѣ онъ полемизируетъ съ Макъ-Куллохомъ, отрицавшимъ возможность общаго перепроизводства. Въ 1824 г. онъ печатаетъ въ «Revue encyclopedique» весьма интересную статью по вопросу о равновѣсіи между производствомъ и потребленіемъ, а затѣмъ во второмъ изданіи «Nouveaux Principes» и въ своихъ «Etudes» онъ почти въ каждой главѣ касается вопроса о кризисахъ.

Симонди писалъ о кризисахъ въ ту эпоху, когда капиталистическое производство не вполне развилось, когда кризисы составляли еще новое явленіе. Онъ брался за перо каждый разъ подъ вліяніемъ новыхъ и свѣжихъ наблюдений, послѣ кризиса 1815 г. и 1818, затѣмъ послѣ ужаснаго кризиса 1825 г. Въ продолженіи 20-ти лѣтъ онъ занимался и писалъ по этому вопросу; нечего такимъ образомъ удивляться тому, что мы у Симонди

*) Eisenhart, Geschichte der Nationalökonomik, Iena 1881 г. стр. 102—104.

**) Eugen Bergmann, Die Wirtschaftskrisen. Geschichte der Nationalökonomischen Krisentheorien. Stuttgart 1895 г. стр. 1.

найдемъ не одно, а цѣлый рядъ объясненій причинъ кризисовъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, будто Сисмонди противорѣчить самому себѣ; но если мы соединимъ всѣ его не совсѣмъ опредѣленныя и мѣстами сбивчивыя объясненія, если мы каждому изъ нихъ уважемъ должное мѣсто, то у насъ получится цѣльная теорія, не уступающая самымъ глубокимъ объясненіямъ новѣйшихъ экономистовъ. Въ данномъ вопросѣ Сисмонди обнаружилъ столько глубины и проникательности, что даже одна только его теорія кризисовъ, въ особенности если принять во вниманіе время, когда онъ писалъ, могла-бы служить достаточнымъ основаніемъ, чтобы отдать ему мѣсто среди самыхъ выдающихся экономистовъ.

Укажемъ прежде всего на то, что въ то самое время, когда такимъ виднымъ экономистамъ, какъ Сэ и Рикардо, кризисы представлялись случайными явленіями, вызываемыми временными и случайными причинами (недостаточнымъ производствомъ земледѣльческихъ продуктовъ — Сэ, торговымъ замѣшательствомъ, вызваннымъ сначала войной, а затѣмъ заключеніемъ мира — Рикардо), Сисмонди проводилъ уже ту мысль, что кризисы составляютъ необходимое и неизбѣжное слѣдствіе современнаго общественнаго строя (N. P. I т. 326—335). Итакъ, остановимся на различныхъ объясненіяхъ, какія Сисмонди даетъ народно-хозяйственнымъ кризисамъ. Первое объясненіе, данное имъ, тѣсно связано съ его ученіемъ о доходѣ, занимающимъ столь видное мѣсто въ его системѣ. Каждый человекъ, говоритъ Сисмонди, долженъ соразмѣрять свое потребленіе со своимъ доходомъ. Этому же правилу должна слѣдовать и нація въ цѣломъ: она не должна потреблять больше своего ежегоднаго дохода, въ противномъ случаѣ она разорится. «За то съ другой стороны совокупность того, что она производитъ, предназначается для потребленія. Если продукты ея ежегоднаго производства, привезенные на рынокъ, не находятъ потребителей, производство останавливается, и вся нація разоряется, не смотря на изобиліе *). Если-бы ежегодный доходъ не употреблялся на покупку всей совокупности ежегоднаго производства, часть этого производства осталась бы непроданной, она загроздила бы складамъ производителей, парализовала бы ихъ капиталы, и все производство должно было-бы остановиться **). Итакъ, ежегодный доходъ долженъ поглощать ежегодное производство, иначе нарушается равновѣсіе между потребленіемъ и производствомъ, наступаетъ кризисъ. Между тѣмъ условія современнаго хозяйства, говоритъ Сисмонди, ведутъ именно къ тому, чтобы съ одной стороны увеличивать производство, а съ другой сокращать національный доходъ, а слѣдовательно и національное потребленіе. Всѣ теперь гонятся за болѣе дешевымъ производ-

*) Nouv. Princ. I, 83—84.

**) Ibid. 106.

ствомъ, одно усовершенствованіе вводится за другимъ, рабочий день удлинняется, а заработная плата, на которую каждый предприниматель смотритъ, какъ на издержки производства, сокращается; нѣкоторые же рабочіе совершенно лишаются заработка, такъ какъ машины сдѣлали ихъ «лишними»; самостоятельные ремесленники и мелкіе земельные собственники переходятъ въ ряды пролетаріевъ, и доходъ ихъ потому также уменьшается. Такимъ образомъ, доходъ крупныхъ массъ населенія все болѣе и болѣе сокращается. Что же касается дохода капиталистовъ и предпринимателей, то, хотя въ общемъ ихъ доходъ и увеличивается, но онъ, однако, не возрастаетъ въ такой мѣрѣ, въ какой расширяется производство, такъ какъ уровень процента и прибыли постепенно понижается. Итакъ, современныя условія хозяйства ведутъ, по мнѣнію Симонди, къ тому, что въ то время, какъ, благодаря прогрессу техники и проч., производство все расширяется, доходъ высшихъ классовъ населенія уменьшается, а доходъ высшихъ классовъ возрастаетъ медленнѣе производства. Не удивительно, что при такихъ условіяхъ нарушается равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ, товары не находятъ потребителей, и наступаютъ кризисы.

Такое первое объясненіе, данное Симонди торгово-промышленнымъ кризисамъ. Это объясненіе кризисовъ имѣетъ большое сходство съ теоріей кризисовъ, выставленной съ одной стороны Робертомъ Оуэномъ, а съ другой—Мальтусомъ. Какъ и Симонди, Мальтусъ объясняетъ кризисы тѣмъ, что потребленіе не расширяется соотвѣтственно росту производства. Но какъ различны за то выводы, дѣлаемые изъ этого объясненія Мальтусомъ и Симонди. Первый, ярый защитникъ землевладѣльческихъ интересовъ, приходитъ къ выводу, что для установленія равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ слѣдуетъ расширить потребленіе непродуцительныхъ классовъ; земледѣльческій классъ долженъ жить въ богатствѣ и роскоши, этимъ онъ окажетъ большую пользу національной промышленности и всему народному хозяйству. Какъ разъ противоположный выводъ дѣлаетъ Симонди. Чтобы предупредить народно-хозяйственные кризисы, слѣдуетъ, по его мнѣнію, какъ и по мнѣнію Роберта Оуэна, расширить не потребленіе высшихъ классовъ, а потребленіе трудящейся массы. Онъ рекомендуетъ поднять благосостояніе рабочаго класса въ виду того, что рабочіе являются главными потребителями страны. Богда будетъ увеличена заработная плата, всѣ произведенные продукты найдутъ сбытъ *).

Указанное объясненіе кризисовъ, равно какъ и средства, предложенныя Симонди для ихъ устраненія, имѣютъ для насъ важное историческое значеніе, такъ какъ въ исторіи экономической литера-

*) Etudes II, 315.

№ 7. Оудъ II.

туры мы находимъ цѣлый рядъ экономистовъ, которые вполне усвоили эти взгляды. Укажемъ, на примѣръ, на Дюринга *), на Геркнера **), наконецъ, на фонъ-Вирхманна, какъ это видно изъ сочиненій Родбертуса. Противъ этого объясненія кризисовъ можно возразить слѣдующее. Если современныя условія хозяйства ведутъ къ сокращенію доходовъ низшихъ классовъ населенія, къ уменьшенію ихъ потребления, то вѣдь не предметами непосредственнаго потребления вообще и предметами потребления низшихъ классовъ въ частности исчерпывается весь національный спросъ. Насколько сокращается спросъ на предметы потребления низшихъ классовъ, настолько же можетъ возрастать спросъ, предъявляемый предпринимателями и капиталистами на другіе товары. Если капиталисты, положимъ, не пожелаютъ употреблять всѣхъ своихъ доходовъ на предметы потребления, на предметы роскоши и пр., а пожелаютъ сберегать и увеличивать свое состояніе, тогда ихъ капиталы пойдутъ на расширеніе производства, т. е. опять-таки увеличится спросъ на рабочія руки, сырые матеріалы, орудія и т. д. Нельзя, слѣдовательно, объяснять перепроизводства сокращеніемъ дохода одного класса, хотя бы и самаго многочисленнаго. Вышеприведенное объясненіе не раскрываетъ намъ основныхъ причинъ промышленныхъ кризисовъ; оно указываетъ лишь на одно изъ многихъ обстоятельствъ, затрудняющихъ распредѣленіе національнаго производства соотвѣтственно спросу населенія и его покупательной способности. Объясненіе это, какъ мы увидимъ ниже, можетъ лишь тогда имѣть нѣкоторое значеніе, когда уже выяснены основныя причины кризисовъ. Дѣйствительно, Сисмонди не остановился на вышеприведенномъ объясненіи.

Уже въ первомъ изданіи «Nouv. Prin.» мы находимъ глубоко поучительную главу, названную «De la connaissance du marché» (глава II, кн. 4, т. I, стр. 325—337). Въ этой главѣ Сисмонди раскрываетъ намъ основныя причины нарушенія равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ съ такой ясностью, какую мы въ этомъ вопросѣ встрѣчаемъ лишь у немногихъ экономистовъ. «Когда человѣкъ живъ въ изолированномъ состояніи, когда онъ работалъ для удовлетворенія своихъ собственныхъ потребностей, его собственное потребленіе служило мѣриломъ для производства... Когда-же, благодаря введенію обмѣна, человѣкъ сталъ работать не для самого себя, а для другого неизвѣстнаго лица, тогда уже не могла быть извѣстна та пропорція, которая должна существовать между производствомъ и потребленіемъ» ***). «Знаніе, которымъ каждый изолированный человѣкъ обладалъ относительно

*) E. Dühring, *Cursus der National und Socialökonomie*, Leipzig 1876 г. стр. 221, 227—229.

**) Herkner, *Krisen, Handwörterbuch der Staatswissenschaft*, т. 4-ий, стр. 896—898.

***) *Nouv. Princ.* I, 326—327.

своихъ собственныхъ средствъ и собственныхъ потребностей, должно было замѣниться знаніемъ рынка, для котораго работаетъ человекъ, живущій въ обществѣ, знаніемъ спроса и его размѣровъ. Количество потребителей, ихъ вкусы, размѣръ ихъ потребления и ихъ дохода образуютъ рынокъ, для котораго работаетъ каждый производитель. Между тѣмъ каждый изъ этихъ четырехъ элементовъ мѣняется независимо отъ другихъ трехъ, и каждое изъ этихъ измѣненій то задерживаетъ, то ускоряетъ продажу» *). Симонди останавливается далѣе на тѣхъ разнообразныхъ измѣненіяхъ, которымъ подвержено количество населенія (вслѣдствіе войнъ, эпидемій, голода и пр.), его вкусы (вслѣдствіе измѣненія моды, религіозныхъ обычаевъ, нравовъ и т. д.), размѣръ потребления и покупательная способность различныхъ классовъ. Чтобы производство соотвѣтствовало потребленію, производитель долженъ имѣть въ виду всѣ эти безчисленные измѣненія и колебанія. «Эти колебанія рынка, говоритъ онъ, трудно знать въ точности, ихъ трудно рассчитать, а эта неизвѣстность увеличивается для каждаго производителя еще благодаря тому, что онъ плохо знаетъ число и средства другихъ купцовъ, его конкурентовъ, продающихъ такіе же товары, какъ и онъ». Почти то же самое говоритъ Энгельсъ: «если даже фабрикантъ и знаетъ, сколько ежегодно потребляется въ каждой отдѣльной странѣ того или другого продукта, то онъ никакъ не можетъ знать, какъ велики запасы этихъ продуктовъ въ данный моментъ, а еще менѣе онъ знаетъ, сколько продуктовъ пошлютъ туда же его конкуренты **).

Единственнымъ указателемъ, которымъ производители руководствуются при расширеніи или сокращеніи своего производства, являются продажныя цѣны. Ривардо и его послѣдователи, дѣйствительно, полагаютъ, что, благодаря этому ясному указателю, не представится никакихъ трудностей приспособлять производство къ потребленію. Если предложеніе почему либо превосходитъ спросъ, тогда, говорили они, цѣны упадутъ, и это послужитъ сигналомъ для сокращенія производства. «Въ политической экономіи, говоритъ Симонди, установленъ принципъ, что производство можетъ такъ-же легко сокращаться соотвѣтственно потребностямъ, какъ и расширяться». На дѣлѣ-же сократить производство не такъ легко, какъ это предполагается въ теоріи. Сокращеніе производства причиняетъ всему общественному организму продолжительныя и тяжкія страданія. Рабочіе, трудящіеся въ одной отрасли производства, рѣдко въ состояніи переходить къ другой отрасли, потому что на изученіе пзвѣстнаго производства они употребили много лѣтъ и затратили капиталы. Вмѣсто того, чтобы

*) Ibid.

***) Цитировано у М. Туганъ-Барановскаго «Промышл. кризисы въ соврем. Англіи», стр. 454.

бросить прежнее занятіе, они скорѣе согласятся на пониженіе своей заработной платы или на болѣе продолжительный рабочий день за прежнюю плату. Такимъ образомъ, положеніе рабочихъ значительно ухудшится, а равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ не только не возстановится, но, напротивъ, благодаря удлиненію рабочаго дня, производство еще болѣе расширится» (Nouv. Prin. т. I, 333). Другимъ препятствіемъ для установленія равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ служатъ интересы капиталистовъ. Хотя бы цѣны на произведенные продукты были низки, производители всетаки не всегда имѣютъ возможность сокращать производство, такъ какъ чрезвычайно трудно извлечь разъ вложенные постоянные капиталы. «Половина или даже $\frac{1}{4}$ состоянія фабриканта хлопчато-бумажной промышленности вложены въ постоянные капиталы, разъ на всегда предназначенные на производство хлопчато-бумажныхъ тканей. Цѣна, которую даетъ ему покупатель, не покрываетъ, положимъ, всѣхъ процентовъ и всѣхъ издержекъ; остановитъ ли онъ волѣдствіе этого работу на своей фабрикѣ? Нисколько. Продолжая производство, онъ потеряетъ половину дохода на свой постоянный капиталъ, если же онъ совершенно закроетъ свою фабрику, онъ лишится всего своего дохода» (Ibid. стр. 333). Чѣмъ цѣны ниже, тѣмъ болѣе увеличивается дѣятельность производителей. «Производители лишь тогда прекратятъ свое производство, ихъ число лишь тогда уменьшится, когда часть предпринимателей обанкротится, а часть рабочихъ погибнетъ отъ нужды» (Nouv. Prin. I, 312).

Приведенныя цитаты весьма поучительны. Въ нихъ дается то самое объясненіе кризисовъ, которое все болѣе и болѣе становится господствующимъ. Какъ много сходства между приведеннымъ объясненіемъ перепроизводства, даннымъ Сисмонди, и слѣдующимъ объясненіемъ, которое мы находимъ у одного изъ новѣйшихъ экономистовъ. «Перепроизводство въ томъ смыслѣ, что количество изготовленныхъ продуктовъ превосходитъ потребность въ нихъ, говоритъ Каудкѣй, возможно при всякой формѣ хозяйства, но когда производители изготовляютъ для собственнаго потребленія, оно не можетъ причинить никакого вреда. Иначе—при товарномъ производствѣ. Въ своей развитой формѣ оно предполагаетъ, что никто не производитъ для своего потребленія, но исключительно для сбыта. Каждый долженъ покупать, что ему нужно. Притомъ общее производство отнюдь не опредѣлено по какому либо плану, но всякому производителю предоставлено догадываться самому, какъ велика потребность въ производимомъ имъ товарѣ» *).

Итакъ, невозможность при современныхъ условіяхъ хозяйства знать размѣръ и характеръ спроса—такова, по мнѣнію Сисмон-

*) Цитировано у М. Туганъ-Барановскаго: «Промышл. кризисы въ соврем. Англій», стр. 456.

ди, коренная причина, нарушающая равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ. Онъ возвращается въ этому вопросу нѣсколько разъ въ своихъ послѣдующихъ трудахъ. «Каждый продуктъ, говоритъ онъ, долженъ соответствовать желаніямъ, потребностямъ и платежнымъ средствамъ опредѣленнаго класса покупателей. Но эти желанія и потребности безпрестанно мѣняются; покупатели, которыхъ производители не въ состояніи видѣть, разбросаны по всей поверхности земного шара. Ни одинъ философъ, ни одно правительство, не смотря на свое могущество, никогда еще не были въ состояніи знать въ точности размѣръ какого-либо рынка; откуда же взять производителямъ подобнаго рода знаніе?» «Тотъ видъ перепроизводства продуктовъ человѣческой промышленности, причины котораго я пытался объяснить, едва-ли могъ имѣть мѣсто въ предшествующіе періоды человѣческой исторіи» (N. P. II, 438). Въ эпоху варварства каждый работалъ для себя и хорошо зналъ размѣры своихъ потребностей. «Состояніе, въ которое мы вступаемъ въ настоящее время, совершенно ново; рабочая масса свободна, но никакая гарантія не дана ей въ добычаніи содержанія; она должна жить при помощи своего труда, но она не видитъ, она не знаетъ того, кто будетъ потреблять продуктъ этого труда» (ibid, стр. 439).

Сисмонди указываетъ намъ, далѣе, на цѣлый рядъ обстоятельствъ, тѣсно связанныхъ съ современнымъ социальнымъ строемъ и еще въ большей степени затрудняющихъ возможность приспособить производство къ потребленію. Онъ подробно останавливается на тѣхъ сильныхъ пертурбаціяхъ, какія вносятся каждый разъ въ современное народное хозяйство новыми техническими усовершенствованіями. Допустимъ, говоритъ онъ, что, благодаря какому-нибудь усовершенствованію, намъ удалось при помощи того же количества труда производить вдвое больше предметовъ первой необходимости. Каковы будутъ послѣдствія такого усовершенствованія? Потребленіе этихъ предметовъ несомнѣнно не возрастетъ въ такой-же сильной степени. Онъ сомнѣвается, чтобы равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ установилось такъ легко, какъ это полагалъ Рикардо и одинъ изъ его учениковъ, Макъ-Буллохъ, съ которымъ онъ полемизируетъ по этому вопросу. «Мы ищемъ средства, говоритъ Сисмонди, противъ чрезмѣрнаго производства, на основаніи чего же онъ (Макъ-Буллохъ) утверждаетъ, что производители этихъ необходимыхъ предметовъ, потребленіе которыхъ, какъ онъ самъ признаетъ, ограничено, остановятся какъ разъ на надлежащемъ пунктѣ и посвятятъ весь остатокъ своего времени и своихъ средствъ на производство предметовъ роскоши?» (N. P. II, 393).

Всякое улучшение въ производствѣ, продолжаетъ Сисмонди, ведетъ къ измѣненію характера спроса: увеличивается спросъ на предметы второй необходимости, на предметы роскоши и сокра-

щается спросъ на предметы первой необходимости. «Въ самомъ дѣлѣ, когда земледѣльцу, благодаря прогрессу сельско-хозяйственныхъ знаній, удастся увеличить продуктъ своего труда, онъ не станетъ предъявлять спроса на большее количество тѣхъ мануфактурныхъ товаровъ, которые онъ потреблялъ раньше; онъ, быть можетъ, даже будетъ спрашивать меньше этихъ продуктовъ, за то онъ будетъ тратить избытокъ своего дохода на предметы роскоши (называемъ для краткости этимъ словомъ все то, что выходитъ за предѣлы предметовъ первой необходимости). Онъ, такимъ образомъ, сократитъ спросъ на продукты существующихъ фабрикъ, т. е. на предметъ первой необходимости, и вызоветъ образованіе новыхъ, несуществующихъ еще фабрикъ предметовъ роскоши» (Etudes I, стр. 84—88). Въ такомъ-же направленіи измѣнится спросъ производителей мануфактурныхъ товаровъ, если усовершенствованія будутъ введены въ области ихъ производства. Такимъ образомъ всякое техническое усовершенствованіе, всякое улучшение въ какой нибудь области народнаго хозяйства, имѣютъ своимъ послѣдствіемъ измѣненіе характера спроса: сокращеніе спроса на болѣе грубые и дешевые товары и расширеніе спроса на болѣе тонкіе и дорогіе товары, на предметъ роскоши. Чтобы приспособиться къ измѣнившемуся спросу, производство должно измѣнить свой прежній характеръ, сокращая однѣ отрасли и расширяя другія. Такъ какъ это приспособленіе составляетъ весьма трудный и болѣзненный процессъ, такъ какъ сокращеніе производства, какъ указано было выше, сопряжено съ большими лишеніями и потерями, а для созданія новыхъ отраслей производства требуются капиталъ и подготовленные рабочіе, не всегда имѣющіеся въ необходимомъ количествѣ, то равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ устанавливается не скоро, наступаютъ потрясенія народнаго хозяйства, называемыя кризисами.

«Итакъ, продолжаетъ Сисмонди, мы приходимъ, какъ и Рикардо, къ тому заключенію, что въ концѣ товарнаго обращенія, если-бы оно совершалось безъ задержекъ, производство само создало-бы потребленіе; но это мыслимо лишь при томъ условіи, если мы, подобно нѣмецкимъ метафизикамъ, будемъ игнорировать время и пространство, если мы будемъ игнорировать всѣ тѣ препятствія, которыя могутъ задерживать товарное обращеніе; а чѣмъ ближе мы изучаемъ это обращеніе, тѣмъ многочисленнѣе представляются намъ эти препятствія» (Nouv. Princ. II, стр. 424). Сисмонди хорошо сознавалъ, что для равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ требуются такія условія, которыя весьма трудно осуществить при современномъ хозяйствѣ: 1) производитель не можетъ знать ни размѣровъ спроса, ни размѣровъ производства своихъ конкурентовъ, 2) при всякомъ усовершенствованіи, ведущемъ къ измѣненію характера спроса, нѣтъ возможности надлежащимъ образомъ приспособить производство, такъ

какъ пережѣщеніе капиталовъ и труда изъ одной отрасли въ другую чрезвычайно затруднительно.

Приспособленіе производства къ измѣнившемуся спросу становится еще труднѣе благодаря тому, что трудящійся классъ все болѣе и болѣе лишается собственности на землю и на орудія производства и низводится на степень пролетаріевъ. Возражая тѣмъ экономистамъ, которые отрицали возможность общаго перепроизводства, Симонди говоритъ: «мы беремъ общество въ его современной организаціи съ лишенными собственности рабочими, заработная плата которыхъ регулируется конкуренціею, и которыхъ хозяинъ можетъ прогнать, какъ только онъ больше въ нихъ не нуждается; мы дѣлаемъ наши возраженія (школѣ Сэ и Рикардо), имѣя именно въ виду эту социальную организацію» (Nouv. Princ. II, стр. 417). Если-бы мы взяли для примѣра семью земельныхъ собственниковъ, то техническое усовершенствованіе было-бы для нихъ всегда полезно и не внесло-бы никакихъ потрясеній: если, благодаря усовершенствованію, эта семья будетъ имѣть возможность производить больше продуктовъ при помощи прежняго труда, то, если она не нуждается въ большемъ количествѣ продуктовъ, она будетъ въ состояніи работать меньше прежняго, она будетъ пользоваться большимъ досугомъ. Не то мы видимъ при современныхъ условіяхъ хозяйства, при существованіи наемнаго труда. Всякое усовершенствованіе ведетъ не къ сокращенію рабочаго дня, а напротивъ, какъ показываетъ опытъ, къ его удлиненію. Выгодами усовершенствованій пользуются предприниматели, а не рабочіе; исторія учитъ насъ въ достаточной мѣрѣ, что заработная плата не возрастаетъ (Nouv. Princ. 396). Такимъ образомъ всякое усовершенствованіе ведетъ только къ увеличенію дохода богатыхъ классовъ—предпринимателей. Въ виду этого, послѣ введенія какого-нибудь усовершенствованія, меньше труда должно быть посвящено на производство предметовъ необходимости для рабочаго класса и больше труда на производство предметовъ, потребляемыхъ богатыми классами; а такое измѣненіе характера производства, какъ уже раньше было указано Симонди, совершается съ большимъ трудомъ.

Только-что приведенный взглядъ Симонди былъ всецѣло принятъ Родбертусомъ и положенъ въ основаніе его знаменитой теоріи кризисовъ. Но въ то время, какъ Родбертусъ видитъ коренную причину кризисовъ лишь въ томъ обстоятельстве, что съ возрастаніемъ производительности труда доля рабочаго класса въ общемъ національномъ доходѣ становится все меньше и меньше, у Симонди это обстоятельство является лишь однимъ изъ условій, правда, очень важнымъ, увеличивающимъ трудности, связанныя съ приспособленіемъ производства къ потребленію, которыя и безъ того сильны при современныхъ экономическихъ условіяхъ. Съ этой точки зрѣнія для насъ получаетъ совершенно другое значеніе и

то объясненіе кризисовъ, которое мы привели въ началѣ. Если сокращеніемъ дохода нисшихъ классовъ нельзя объяснять перепроизводства, такъ какъ, поскольку сокращается спросъ этихъ классовъ, настолько-же увеличивается спросъ болѣе богатыхъ классовъ на предметы ихъ потребленія, на рабочія руки, на сырые матеріалы, орудія и проч., то это сокращеніе покупательныхъ силъ нисшихъ классовъ всетаки въ значительной степени увеличиваетъ трудности приспособленія производства къ потребленію. Спросъ нисшихъ классовъ общества отличается большимъ постоянствомъ и устойчивостью, онъ не подверженъ тѣмъ быстрымъ измѣненіямъ, которыми отличается спросъ высшихъ классовъ: достаточно указать на вліяніе моды. Поэтому-то равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ нарушается гораздо легче, когда производство направлено болѣе на приготовленіе предметовъ роскоши для богатыхъ классовъ, чѣмъ на приготовленіе предметовъ необходимости для трудящейся массы.

Я полагаю, что послѣ всего вышесказаннаго мы въ вопросѣ о причинахъ народно-хозяйственныхъ кризисовъ можемъ съ полнымъ правомъ смотрѣть на Сисмонди, какъ на родоначальника тѣхъ взглядовъ, которые позднѣе развиваются болѣе послѣдовательно и болѣе ясно. Меня удивляетъ поэтому, что г. Туганъ-Барановскій, останавливающийся въ своемъ обстоятельномъ изслѣдованіи «Промышленные кризисы въ соврем. Англій» съ такой подробностью на различныхъ объясненіяхъ, встрѣчаемыхъ у Сисмонди по вопросу о кризисахъ, упустилъ изъ виду самое важное и цѣнное въ его ученіи: его ясныя указанія на то, что при современныхъ условіяхъ хозяйства, когда каждый работаетъ для неизвѣстнаго ему потребителя, когда никому неизвѣстны ни размѣры спроса, ни размѣры производства его конкурентовъ, равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ должно постоянно нарушаться. Мы, правда, у Сисмонди не находимъ тѣхъ выраженій, которые теперь получили всеобщее право гражданства, въ родѣ «анархія производства», «отсутствіе плановѣрности (Planlosigkeit) производства», но сущность, скрывающаяся подъ этими выраженіями, отмѣчена у него вполне ясно. Сисмонди не только доказалъ, что кризисы составляютъ необходимое и неизбежное слѣдствіе современнаго экономическаго строя, но онъ также выяснилъ намъ тѣ элементы капиталистическаго строя, которые препятствуютъ установленію равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ. Онъ весьма обстоятельно разъяснилъ, какія крупныя пертурбаціи вносятся каждымъ новымъ усовершенствованіемъ при современныхъ условіяхъ хозяйства, все болѣе и болѣе лишаящихъ представителей труда собственности на землю и на орудія производства и отнимающихъ такимъ образомъ у трудящейся массы возможность пользоваться естественными благами результатами усовершенствованій, т. е. либо сокращеніемъ рабочаго дня, либо увеличеніемъ ея покупательныхъ силъ.

Б. Эфруси.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КОНЕЦЪ СТАРИНЫ.

Поля Бурда.

Переводъ съ французскаго.

ХІІ.

Въ этотъ вечеръ Терметта сидѣла у себя въ комнатѣ. Зимняя ночь, глядѣвшая сквозь темныя стекла, навѣвала на нее свою печаль. Вдругъ ей послышался стонъ подь окномъ. Она прислушивалась съ біеніемъ сердца, внезапно растерявшись при мысли о какомъ-нибудь несчастіи съ Маркомъ. Среди таинственныхъ звуковъ ночи она отчетливо различила жалобу. Она потушила лампу и безъ шума отворила окно.

Темная фигура сидѣла, сгорбившись на бревнахъ.

— Барышня, это вы?—спросилъ голосъ, котораго она не узнала.

— Кто вы?—спросила она въ свою очередь, испугавшись.

— Балтазаръ,—развѣ вы не узнаете?

Дѣйствительно, это былъ бѣдный выпроженный женихъ, которому Гурродиха сообщила о сватовствѣ Марка, какъ скоро сама о немъ узнала. Добрая тетюшка рѣшила про себя, что не худо бы поссорить пріятелей, и говорила въ этомъ духѣ. Чѣмъ больше ссоръ возникнетъ вокругъ семьи Мюзелей, тѣмъ лучше могли пойти ея дѣла.

— Что же вы тутъ дѣлаете?—спросила молодая дѣвушка съ большимъ удивленіемъ.

— Я плачу.

— Почему же?

— По вашей милости, барышня.

Отвѣты Балтазара, голосъ котораго сильно измѣнился, такъ какъ онъ плакалъ на самомъ дѣлѣ, взволновали ее чрезвычайно; она отошла отъ окошка, чтобъ сколько-нибудь оправиться.

— Барышня!—воскликнулъ онъ.—Дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, поговорить съ вами; иначе, говорю вамъ правду, я убью себя.

Молодая дѣвушка, очень тронутая, вернулась къ окну. Она увидѣла, что онъ стоитъ на бревнахъ, какъ Маркъ, когда навѣщалъ ее, и что голова его находится на одномъ уровнѣ съ подоконникомъ. Не смотря на темноту, она разсмотрѣла его разстроенное лицо. Когда двадцативосьмилѣтній парень плачетъ, это бываетъ замѣтно. Кончикъ краснаго платка уже не торчалъ изъ кармана его блузы, а трубку онъ забылъ дома. Гурродиха открыла ему глаза очень грубо. Ударъ, нанесенный его самолюбію, былъ силенъ и, принявъ это страданіе за муки безнадежной страсти, онъ вообразилъ себѣ, что влюбленъ смертельно. Онъ торжественно объявилъ Гурродихѣ, что дѣло этимъ не кончится и что о немъ еще услышать. Онъ былъ способенъ на все!

— Чего же вы отъ меня хотите, мой бѣдный Балтазаръ? — ласково спросила его Терметта.

— Я слишкомъ несчастливъ, барышня. Мнѣ хочется разбить голову о камни — такъ я мучусь. Съ тѣхъ поръ, какъ Біана мнѣ сказала, я обезумѣлъ, я это чувствую, обезумѣлъ, обезумѣлъ! Я не зналъ, что дѣлать, не могъ спать, началъ бродить, не зная, куда иду, безъ всякихъ мыслей. Трудно повѣрить, но я просто одурѣлъ. Потомъ я подумалъ, что, если похожу вокругъ вашего дома, то, пожалуй, васъ увижу. Я замѣтилъ огонь въ вашей комнатѣ и пришелъ къ вамъ подъ окошко поплакать надъ своимъ горемъ. Отъ этого мнѣ полегчало, потому что, если бы я не выплакался, то сошелъ бы съ ума непременно.

Въ голосѣ браваго парня было столько искренности, что молодой дѣвухѣ припомнилось то время, когда и она страдала отъ нераздѣленной любви.

— Мой бѣдный Балтазаръ, — сказала она, — не надо принимать этого такъ къ сердцу. Есть столько дѣвушекъ, которыя гораздо лучше меня!

— Ахъ, онѣ всѣ на одну стать, барышня. Не горько-ли, что мнѣ не удастся понравиться ни одной изъ нихъ? Развѣ есть на селѣ парень лучше меня? Развѣ есть хоть одинъ, кого я не разобью въ пухъ и прахъ въ разсужденіяхъ? Развѣ у насъ не больше земли, чѣмъ мы въ силахъ обработать? Мы могли бы продать восемь быковъ, еслибъ захотѣли. Да, восемь быковъ! И пусть поищутъ лучшаго винограда, чѣмъ у насъ, въ Шарнье, — вино первый сортъ, барышня; епископъ лучшаго не пьетъ. Что же нужно дѣвушкамъ? Стоитъ мнѣ на которую-нибудь обратить вниманіе, чтобъ она полюбила другаго. Ну, скажите мнѣ, барышня, что такое вамъ нужно?

— Дружбу не закажешь, сами знаете. Видишь — и любишь, или не любишь, а почему не знаешь.

— Ну, разъ, что меня всегда не любятъ, такъ я добромъ

не кончу. Предупреждаю васъ, будетъ бѣда. Довольно съ меня этой жизни. Хоть бы мнѣ пришлось все разнести и разбить, а ужъ вы обо мнѣ услышите.

— Вы не сердитесь на меня, надѣюсь?

— Нѣтъ, сержусь. Еще бы: я васъ люблю, а вы меня— нѣтъ. Это несправедливо! Со мною такъ нельзя! Я надѣлаю бѣды!

— Но, мой бѣдный Балтазаръ, представьте себѣ, что Франселина любить васъ...

— Она вамъ сказала?—съ живостью перебилъ молодой человѣкъ.

— Это я только къ примѣру,—отвѣтила Терметта и не могла удержаться отъ улыбки.—Если бы она васъ любила, а вы не любили бы ее, что стали бы вы дѣлать?

— Это было бы мнѣ лестно,—сказалъ Балтазаръ, подумавши.

— Да, но какъ бы вы съ ней поступали?

— Я жалѣлъ бы ее и оказывалъ бы ей всякія услуги.

— Вотъ и я для васъ точно такъ. Я жалѣю васъ отъ всего сердца и сдѣлаю все, что только могу, чтобы вамъ не быть несчастнымъ. У васъ нѣтъ лучшаго друга, чѣмъ я.

Она потихоньку провела рукою по его лицу, и эта ласка потрясла бѣднаго парня до глубины души. Онъ заплакалъ опять и съ почтеніемъ поцѣловалъ эту руку, которую молодая дѣвушка не спѣшила отнять.

— Моя мать говорила правду, вы меня околдовали. Если бы вы иногда говорили со мной, какъ сегодня, то мнѣ еще можно бы терпѣть.

— Только не ночью. На этотъ разъ я васъ прощаю, но больше не приходите. Что стануть говорить обо мнѣ?

Она заперла окно и, прислонившись лбомъ къ стеклу, посмотрѣла ему вслѣдъ въ темноту.

— Она не любитъ меня,—думалъ онъ, уходя—и толковать нечего, оно такъ. Почему жъ она меня не любитъ? Въ самомъ дѣлѣ, этихъ дѣвокъ не поймешь. Вотъ я, такъ совсѣмъ не понимаю!

Онъ хотѣлъ перелѣзть черезъ садовый заборъ, когда услышалъ гулъ чьихъ то шаговъ, приближавшихся по мерзлой землѣ. Онъ притаился за терновымъ кустомъ и увидѣлъ, что Маркъ входитъ въ садъ, какъ и онъ, то-есть перелѣзаетъ черезъ заборъ. Безъ сомнѣнія, этотъ измѣнникъ пришелъ на свиданіе. Тогда все его горе пробудилось вновь вмѣстѣ со злобою на этого лживаго друга, укравшаго у него ту, чьей руки онъ искалъ. Онъ кинулся, весь дрожа, къ нему навстрѣчу.

— Что ты здѣсь дѣлаешь въ такое время?

— Это ты, Балтазаръ? Ты, право, испугалъ меня.

— Да, это я!—сказала она, стискивая отъ бѣшенства зубы.—Я хотѣлъ видѣть рожу подлеца и ждалъ тебя. Это я, твой товарищъ, котораго ты обманулъ. Теперь посчитаемся.

— Да что это съ тобой, другъ?—сказала Маркъ, пытаясь разсмѣяться.

— Оставь эти слова о дружбѣ: они обдерутъ тебѣ языкъ. Самъ знаешь, что между нами все кончено. Я перестану называться Кенсономъ, если когда-нибудь прощу тебѣ. Ты увидишь, каково меня обижать!

— Ну, ну!—выговаривалъ съ огорченіемъ Маркъ, который не зналъ, что сказать и нѣсколько конфузился передъ приятелемъ.

— Ты не знаешь, какъ вывернуться; ты помнишь, что вошелъ къ Мюзелямъ вмѣстѣ со мною. У меня золотое сердце, какъ у всѣхъ Кенсоновъ, и я дался тебѣ въ обманъ. Ты зналъ, каковы были мои намѣренія на счетъ Терметты, а между тѣмъ, какъ подлецъ, какъ предатель, подольщался къ ней за моей спиной. Чѣмъ бы помочь мнѣ, ты занять мое мѣсто; такъ развѣ ты не стоишь, чтобъ я наплевалъ тебѣ въ глаза?

— Мнѣ бы слѣдовало предупредить тебя,—отвѣтилъ Маркъ, ставшій очень серьезнымъ.—Признаюсь, я былъ неправъ. Когда я водилъ тебя къ Франселинѣ, а ты меня къ Мюзелямъ, я ничего не имѣлъ въ мысляхъ. Съ того дня, какъ мы съ Терметтой полюбили другъ друга, я пересталъ ходить съ тобою, чтобъ тебя не обманывать. Мы хотѣли предупредить тебя и напрасно не послѣшили этого сдѣлать. Въ этомъ я готовъ извиняться, сколько угодно: я виноватъ въ томъ, что не былъ откровененъ съ товарищемъ; но неужели ты захочешь упрекать насъ въ томъ, что мы другъ друга любимъ? Развѣ любовь зависитъ отъ насъ?

— Ты говоришь, какъ она. Минуту назадъ она мнѣ говорила: «Что будутъ думать обо мнѣ, если вы станете приходить ко мнѣ по ночамъ?» А ты приходишь, и тебя хорошо принимаютъ! Что годится съ тобой, то не годится со мной! Вы продали меня оба, какъ мошенники! Но это еще не конецъ. Я—Кенсонъ изъ честной семьи Кенсоновъ! Мы съ тобой еще сведемъ счеты.

— Что ты хочешь дѣлать?

— Мы будемъ драться.

— Драться? Я слишкомъ силенъ для тебя, мой бѣдный другъ,—добродушно замѣтилъ богатырь.

— Вотъ увидимъ,—сказала Балтазаръ, хвастливо поднимая вверхъ сжатые кулаки.—У насъ въ семьѣ не мѣрили силы, а я чувствую себя точно левъ.

— Ты это въ самомъ дѣлѣ?

— О, клянусь тебѣ, со вчерашняго дня мнѣ такъ скверно,

что непременно нужно поколотить или быть поколоченнымъ! Это меня освѣжить, а то у меня жилы лопнуть отъ напора крови.

Маркъ поднялъ глаза къ окну. Оно было темно, и ему и въ голову не пришло, что Терметта слѣдитъ за всѣми ихъ движеніями.

— Чтось, разъ ты такъ хочешь!.. Но только безъ шума, чтобъ никого не разбудить.

Они сняли блузы и нижнія куртки, чтобы ихъ не разорвать, повѣсили ихъ на заборъ вмѣстѣ со шляпами и выбрали ровное мѣсто. Богатырь обнажилъ грудь, шириною не уступавшую лошадиной. Казалось, что его гибкій и мускулистый соперникъ никогда не въ состояніи будетъ потрясти такую могучую массу; но бѣшенство придавало ему безстрашіе и необыкновенную силу.

— На смерть, такъ и знай!—рѣзко вскричалъ Балтазаръ.

Съ хриплымъ крикомъ, подобнымъ подавленному рычанію, онъ кинулся на Марка и такъ стремительно, что тотъ покачнулся.

Изъ окошка Терметта, полная ужаса отъ своего участія въ этой драмѣ, вѣчно повторяющейся въ природѣ, точно лань, присутствующая при сраженіи оленей, которые оспариваютъ ее другъ у друга—Терметта увидала, какъ обнялись ихъ тѣни.

Мрачная обстановка ночи придавала сценѣ трагическое величіе; фигуры борцовъ, расплываясь въ темнотѣ, казались громадными, а невозможность разсмотрѣть всѣ подробности борьбы страшно терзала неизвѣстностью сердце зрительницы. Молодая дѣвушка умирала отъ ужаса; не то, чтобы она очень тревожилась за Марка, на силу котораго съ гордостью рассчитывала, но она боялась неизвѣстно какой ужасной случайности, которая на вѣкъ возмутитъ ея жизнь. Насколько она могла разсмотрѣть въ темнотѣ, ей представлялось, что ея возлюбленный, непоколебимый, какъ утесъ, не уступаетъ ни одному изъ нападеній противника и, не смотря на тревогу, она восхищалась имъ, а въ этомъ восхищеніи находила новое основаніе любить его. Онъ напоминалъ ей библейскій рассказъ объ Ангелѣ, боровшемся съ Іаковомъ, и ежеминутно сознававшимъ полную возможность покончить съ нимъ, когда захочетъ.

Смутные звуки тихой ночи долетали до ея ушей въ пережку съ громкимъ топотомъ и глухими ударами. Ей казалось, что бьютъ по ея сердцу. Какъ она ненавидѣла Балтазара въ эту минуту! Какъ они долго дерутся! Неужели-же никогда не кончатъ? Неужели они въ самомъ дѣлѣ убьютъ другъ друга?

Вдругъ она слегка вскрикнула отъ страха: одинъ изъ двоихъ упалъ, и на землѣ виднѣлась лишь неподвижная черная масса. Маркъ обхватилъ Балтазара и, напирая на него всею

тяжестью, упалъ на него. Руки его онъ вытянулъ вдоль его тѣла, къ которому и прижалъ ихъ, а ноги удерживалъ въ неподвижности своими ногами.

— Готовъ ты, парень?

— Нѣтъ, нѣтъ. Я остушился, а то тебѣ не опрокинуть бы меня.

— Однако, ты—таки готовъ!

— Обманомъ! Ты умѣешь только обманывать.

— Такъ начнемъ сначала,—сказалъ Маркъ, который, разгорячившись въ борьбѣ, утратилъ свое хладнокровіе.

Они поднялись, и Терметта съ удвоеннымъ ужасомъ увидала, что они схватились опять.

Но Маркъ замѣтилъ, что у Балтазара, который ударился щекой о мерзлую землю, все лицо было въ крови. Этого оказалось достаточнымъ, чтобы разжалобить его.

— Бѣдняга, у тебя кровь идетъ! Довольно, я больше не дерусь.

— Защищайся, защищайся!—возразилъ несчастный, бѣшенство котораго возросло отъ пораженія, и, бросившись на него, какъ баранъ, онъ такъ сильно ударилъ его въ грудь головою, что у Марка на минуту захватило дыханіе.

— Это чортъ знаетъ, что такое! Онъ взбѣсился,—сказалъ Маркъ и, повторивъ тотъ приемъ, который разъ уже удался ему, вторично уложилъ противника подъ себя на землю:

— Видишь, у тебя силы не хватаетъ.

— Ну, такъ убей меня! Разъ ты сильнѣй, такъ убей меня! Я не хочу больше жить. Ты мнѣ сдѣлалъ жизнь постылой! Да убей же меня, подлецъ! Разъ ты сдѣлалъ мнѣ жизнь невозможной, такъ ты обязанъ убить меня совсѣмъ! Убей меня! Я хочу, чтобы ты меня убилъ!

— Помиримся, — сказалъ Маркъ, глубоко огорченный такимъ отчаяніемъ.—Станемъ попрежнему друзьями!

— Спасибо, я знаю, чего стоитъ твоя дружба.

Маркъ придерживалъ его на землѣ, не давая ему двигаться подъ тяжестью своего громаднаго тѣла. Не зная, что сказать, онъ наклонялся надъ нимъ и глядѣлъ ему въ глаза, причемъ старался выразить во взорѣ всю свою доброту, все свое желаніе умилоствитъ друга; но взглядъ побѣжденнаго оставался жесткимъ и холоднымъ.

Оттопкнутый, обманутый, побитый, Балтазаръ находилъ горькое удовлетвореніе въ томъ, чтобы не прощать.

Долго пролежали они на землѣ; Маркъ ждалъ, чтобы Балтазаръ призналъ себя побѣжденнымъ и согласился на миръ; Балтазаръ, упорствуя въ злобѣ, ожесточенный несчастіемъ, пытался вырваться и скорбно, но молча вдыхалъ подъ давившимъ его страшнымъ грузомъ.

Наконецъ, сознание безсилія сломило его волю, упорство его пропало и разрѣшилось рыданіями.

Богатырь выпустилъ его и сѣлъ подлѣ него на кусокъ плетня. Тотъ не всталъ и даже не двинулся. Распростертый на землѣ, разбитый тѣлесно и душевно, онъ рыдалъ, какъ маленькое дитя.

— Балтазаръ, старый товарищ! Возможно-ли, чтобы мы оказались врагами? Мы-то, мы съ тобой, Балтазаръ! Балтазаръ! Ахъ, бѣдный мой старикъ! Мы еще, пѣшкомъ подъ столъ ходили, а ужъ любили другъ друга. Мы были неразлучны, помнишь? А въ тотъ вечеръ, какъ тянули жребій, когда мы увидѣли, что придется разстаться на семь лѣтъ, не можетъ быть, чтобы ты забылъ, какъ мы клялись въ вѣчной дружбѣ. Мы были выпивши въ тотъ вечеръ, помнишь? Но на другой день ужъ и трезвые не остыли другъ къ другу. Возможно-ли послѣ этого, чтобы до того дошло? Какъ бы я обругалъ всякаго, кто бы мнѣ сказалъ, что я доведу тебя до слезъ!

Балтазаръ все рыдалъ, не отвѣчая.

— Послушай,—сказалъ Маркъ, заражаясь его волненіемъ,— развѣ мы ужъ больше не мужчины? Вотъ и у меня ужъ наворачиваются на глаза слезы!

Балтазаръ, какъ будто озаренный внезапною мыслью, быстро приподнялся на локти и, увидѣвъ, что его прежній пріятель говорить правду и плачетъ, какъ и онъ самъ, вдругъ вскопчилъ, протянулъ ему руку и торжественно сказалъ:

— Значить, братецъ, ты неправъ, и я также. А виновата въ томъ судьба, которая меня преслѣдуетъ. Если дѣвушки меня не любятъ, значить, я не таковъ, какъ прочіе. Скажу не хвастаясь, я больше, чѣмъ кто-нибудь, могу нравиться; если же не нравлюсь, значить я проклятъ! Но я докажу, что я мужчина, ты увидишь. Если найдется въ Каландрѣ человѣкъ тверже меня, то можешь отъ меня отказаться; даю тебѣ это право.

— Чортъ меня возьми!—вскричалъ Маркъ уже съ обычной веселостью.—Вотъ это мнѣ пріятно слышать.

Несчастный наслѣдникъ Кенсоновъ, первый женихъ въ Каландрѣ, землевладѣлецъ, не знавшій, или притворявшійся, будто не знаетъ количества своихъ земель, былъ въ восторгѣ отъ мысли, что его преслѣдуетъ судьба.

Эта мысль оставляла неприкосновеннымъ его высокое мнѣніе о себѣ самомъ и исцѣляла всѣ раны его гордости. Удивительно-ли, что ему ничто не удается, разъ сама судьба противъ него? И онъ могъ сказать не хвастаясь, что только такая жестокая сила въ состояніи была сладить съ человѣкомъ, подобнымъ ему! Ахъ, если бы судьба была къ нему благосклонна!.. При такомъ истолкованіи событій оцъ уже не чувствовалъ ни

малѣйшей злобы противъ Марка, простаго орудія роковой силы, которая властвовала надъ обоими. Они пошли къ ручью, гдѣ Маркъ заботливо обмылъ ему лицо. Потомъ они одѣлись и еще разъ пожали другъ другу руки.

— Какъ бы то ни было,—сказалъ печально Балтазаръ,—разъ сюда впутался чортъ, мы ужъ не будемъ попрежнему; но не бойся, ты увидишь, что такое Кенсонъ Балтазаръ. Пусть я буду проклятъ, если когда-нибудь упрекну тебя тѣмъ, что случилось. Разсчитывай на мое мужество и будь счастливъ, такъ какъ ты можешь быть счастливъ!

Когда Маркъ убѣдился, что онъ ушелъ, то бросился къ окну, за стеклами котораго Терметта столько переволновалась въ теченіе послѣдняго часа. Окно распахнулось еще прежде, чѣмъ онъ стукнулъ, и молодая дѣвушка выглянула.

— Такъ вы насъ видѣли?—спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— Ахъ, какъ я за васъ боялась!—отвѣтила она ему, обвиняя его съ пламенной нѣжностью. — У васъ ничего не болитъ, по крайней мѣрѣ?

— Не побожусь, что у меня всё ребра въ порядкѣ: онъ колотилъ изо всей силы; но разъ мы помирились, то это ничего. Ахъ, еслибы старикъ Мюзель былъ такъ же стоворчивъ, все устроилось бы отлично!

ХІІІ.

Молодой человѣкъ провелъ нѣсколько времени въ колебаніи, прежде чѣмъ обратиться къ грозному старику: такъ онъ боялся неблагопріятнаго отвѣта. Дѣйствительно, между ними существовала давнишняя рознь убѣжденій и чувствъ, не разъ доводившая ихъ до столкновений. Старику не удавалось взять верхъ, и молодой человѣкъ сомнѣвался, чтобъ онъ это ему простилъ.

Читателю теперь достаточно извѣстно, что Каладръ въ Каладуа было село стараго времени, того времени, говоря о которомъ старики называютъ его «добрымъ», потому что оно было временемъ ихъ юности.

Много лѣтъ рожь вызрѣвала на поляхъ, а виноградъ на лозахъ все такъ же, какъ и при жизни предковъ. Крестьяне жили, какъ ихъ прадѣды, не подозрѣвая, что возможно жить иначе, точно такъ же, какъ того не подозрѣвали быки, стояшіе въ ихъ стойлахъ, или деревья, зеленѣвшія вдоль дорогъ.

О революціи они сохранили нѣсколько искаженныхъ воспоминаній. Они знали, что вслѣдъ за нею появился необыкновенный человѣкъ, и что въ теченіе многихъ лѣтъ побѣда слѣ-

довала за нимъ по всему міру подь дробь барабановъ. Отсюда они умозаключили, что французы не то, что другіе люди, и что имъ нечему учиться у кого быто ни было.

Они знали также, что міръ великъ, что Франція гдѣ то кончается и что тамъ, неизвѣстно гдѣ, есть англичане, Австрія, казаки, Африка и Китай. Изъ этихъ полусказочныхъ земель возвращались солдаты, но самымъ достовѣрнымъ изъ ихъ рѣчей было то, что нигдѣ не можетъ быть лучше, нежели въ Каландрѣ. На нихъ не дѣйствовали никакіе заграничные соблазны. Они сохраняли неприкосновенною любовь къ родинѣ и пристрастіе къ мѣстнымъ обычаямъ, которымъ спѣшили подчиниться немедленно по возвращеніи, чтобы опять вполне уподобиться своимъ землякамъ.

Каландрскія земли, когда то составлявшія господское владѣніе, были раздроблены на мелкіе участки. Въ окрестностяхъ не было ни одного изъ тѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые служатъ посредниками между городомъ и деревней. Крестьяне питались тѣмъ, что росло на ихъ участкахъ; на ихъ одежду шла шерсть ихъ овецъ и конопля, которую они сѣяли. Денегъ у нихъ было мало, и они часто съ трудомъ выплачивали налоги, такъ какъ, ничего не покупая, продавали тоже не много, и бочка вина не каждый годъ шла за три эю. Они жили своимъ кружкомъ, застывши въ своихъ привычкахъ и суевѣріяхъ предковъ, вдали отъ большихъ дорогъ, не воспринимая извнѣ никакихъ впечатлѣній.

Между тѣмъ, за нѣсколько лѣтъ до начала этого разсказа, распространился глухой слухъ, будто въ мірѣ происходятъ необыкновенныя событія, и являются вещи, о которыхъ до тѣхъ поръ никто не имѣлъ понятія. Тѣ, кто бывалъ въ Лионѣ, рассказывали, будто городъ освѣщенъ такъ чудесно, что на улицахъ ночью свѣтло, точно въ полдень. Толковали о желѣзныхъ проволокахъ, по которымъ извѣстія сообщаются съ быстротою мысли, а простофили вѣрили, что по этимъ проволокамъ возможно, въ случаѣ надобности, переслать корзину яицъ или пару башмаковъ, которые для этого достаточно на нихъ повѣсить. Увѣряли даже, будто дѣлаются такія повозки, которыя безъ лошадей ѣдутъ день и ночь, никогда не утомляясь. Но большинство обитателей Каландра было убѣждено, что это шутки горожанъ, вообще любящихъ посмѣяться надъ мужиками.

Извѣстія эти проникали въ Каландрѣ, главнымъ образомъ благодаря проповѣдямъ мѣстнаго священника, который усвоилъ фразы и проникся, насколько могъ, духомъ посланій своего епископа о нечестивой дерзости современнаго генія; онъ понималъ ихъ не всегда, а его прихожане не понимали

никогда, за исключеніемъ, однако, того, что чортъ ужасно хитро навострился околдовывать людей.

Потомъ однажды явились чужіе люди со стальною лентою, которую они складывали и раскладывали, съ трехцвѣтными кольями, которые они втыкали въ землю время отъ времени и со странными инструментами, сквозь которые они глядѣли черезъ поля неизвѣстно на что. На нихъ посмотрѣли съ недоувѣріемъ, потому что ихъ сочли за правительственныхъ агентовъ. А такъ какъ они не стѣснялись изгородами и безъ церемоніи топтали посѣвы, то о нихъ вскорѣ составилось дурное мнѣніе.

Когда же узнали, что дѣло идетъ о желѣзной дорогѣ, которая пройдетъ по прямой линіи, пересѣкая всѣ наслѣдственные участки и перерѣжетъ здѣсь виноградникъ, тутъ дугъ, а тамъ захватить цѣлое владѣніе, то къ таинственной тревогѣ, которую все неизвѣстное возбуждаетъ въ людяхъ, закоренѣвшихъ въ своихъ привычкахъ и предрасудкахъ, присоединился гнѣвъ собственниковъ, добру которыхъ грозитъ опасность, и каландрцы возмутились духомъ. Они закричали, что должно же существовать правосудіе, которое не допуститъ подобнаго безобразія; а мэръ отъ имени обывателей заявилъ департаментскимъ властямъ, прибывшимъ на мѣсто, что, если желѣзная дорога осмѣлится показаться на земляхъ Каландра въ Каладуа, то будетъ встрѣчена вилами.

Желѣзная дорога прошла по другой сторону горы Грель, гдѣ находилось очень желавшее ее мѣстечко Сейзерье; оно обладало мельницами и лѣсопильнями, работавшими силою воды. Каландрцы радовались, точно избѣжали большого бѣдствія. Всѣ эти новости не предвѣщали, по ихъ мнѣнію, ничего добраго, и предстояло еще посмотрѣть, что будетъ въ Сейзерье.

Когда кто-нибудь изъ нихъ поднимался на гору Грель, чтобы нарѣзать хворосту, и видѣлъ за горою, на краю горизонта, поѣвадь, бѣжавшій, точно муха, по желѣзному пути, который издали казался просто черной линіей, то улыбался съ вызывающимъ видомъ, какъ будто обращаясь къ побѣжденному врагу, и повторялъ вѣчный припѣвъ всѣхъ каландрцевъ:

— Вотъ посмотримъ! вотъ посмотримъ!

Обернувшись назадъ, онъ видѣлъ подъ собою свое село, соломенные крыши котораго выдѣлялись черными пятнами среди зелени; слѣва—Каландръ, а дальше—городъ подлѣ церкви, колокольня которой выдѣлялась на небѣ на полгоры. Вся окрестность была такъ загромождена изгородами, рядами деревьевъ, кустарникомъ, полосами еще несведеннаго лѣса, такъ покрыта этой беспорядочной растительностію, этими куполами зелени, какъ волны поднимавшимися другъ надъ другомъ, что

казался еще нерѣшеннымъ вопросъ, кто побѣдитъ: дикая природа или соха человѣка. Такою всегда зналъ и любилъ свою родину житель Каландра.

На картофель напала болѣзнь, въ виноградникахъ показалась филлоксера.

— Это все отъ новыхъ выдумокъ. Все идетъ вверхъ дномъ и прогнѣвляеть Бога,—говорили каландрскія кумушки.

Между тѣмъ, картофель гнилъ въ селѣ точно такъ же, какъ и по ту сторону горы, а филлоксера не дѣлала никакого различія между мѣстностями, гдѣ проходила желѣзная дорога, и тѣми, гдѣ ея не было.

Не смотря на толщину горы, пережѣны, происшедшія въ Сейзерье подъ вліяніемъ желѣзнаго пути, мало-по-малу давали себя чувствовать.

Поденщики, слуги, всѣ тѣ, кто продавалъ свой мускульный трудъ, уходили за гору Грель, чтобъ найти работу по ту сторону, гдѣ имъ лучше платили.

— Ну, неужели же это не сердить?—говорилъ старшій Мюзель.—Прежде платили батраку по сорока экю въ годъ. Теперь даешь вдвое, и никто не идетъ!

Это было лишнимъ основаніемъ ненавидѣть желѣзную дорогу и всѣ новыя изобрѣтенія.

Когда какому-нибудь старику изъ Каландра случалось бывать въ Сейзерье, то станціонный шумъ, видъ земли, развоченной для постройки новыхъ фабрикъ у водопадовъ, промышленный грохотъ, смѣнившій деревенскую тишину, дурацкія пѣсни, занесенныя изъ городскихъ кафе-шантановъ, дерзкій и хвастливый видъ пришлыхъ рабочихъ, занятыхъ на постройкахъ,—все это поражало его, какъ нѣчто несовѣстное съ тѣмъ міромъ, въ которомъ онъ жилъ. Это чувство было смутно, но очень сильно. Однако, страсть къ наживѣ—тоже чувство очень сильное, и были вещи, которыхъ не могли отрицать каландрцы, такъ какъ онѣ лѣзли въ глаза. Сейзерье становился зажиточнѣе, чѣмъ прежде. Его обитатели, начавши поставлять вино въ Лионъ, сажали виноградъ повсюду. Вино, хлѣбъ—все продавалось лучше. Фабрики у водопадовъ давали заработокъ зимой. Деньги завелись въ неизвѣстномъ прежде изобиліи.

— Посмотримъ, на долго-ли все это?—упорно твердили старыя каландрцы, не находя болѣе вѣскихъ возраженій.

Но вернулся со службы Маркъ Фошуреръ съ головой, набитой всѣмъ, что видѣлъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему пришлось побывать во время солдатчины, и съ желаніемъ подражанія. И вдругъ, неизвѣстно какъ, оказалось, что у него въ селѣ образовалась пѣлая партія. Большинство молодежи и не мало зрѣлыхъ людей, не сговариваясь, а только, такъ сказать, на-

дышавшись воздухомъ современности, были согласны въ томъ, что всѣ пугающія нововведенія могутъ быть не столь вредны, какъ кажутся.

Итакъ, въ Каландрѣ образовались двѣ партіи, и въ то самое время, какъ Маркъ вмѣстѣ съ Балтазаромъ являлся ухаживать за Терметтой, онъ ожесточенно сражался въ муниципальномъ совѣтѣ съ защитниками старинныхъ убѣжденій, изъ которыхъ самымъ пламеннымъ былъ Мюзель. По вечерамъ Маркъ рассказывалъ молодой дѣвушкѣ о засѣданіяхъ, подсмѣиваясь надъ гнѣвными вспышками старика. Тогда, въ тревогѣ за будущее, она умоляла его не ссориться съ дѣдомъ; но веселый Маркъ еще не угадывалъ значенія ея просьбы, и ему было все равно, какъ бы ни относился къ нему старикъ.

Въ Каландрѣ не было ни одной удобной для проѣзда дороги. Лѣтомъ, послѣ дождя, и зимою, до наступленія морозовъ, не было никакой возможности проѣхать тѣ четыре лье, которые отдѣляли село отъ большой дороги за Ширеномъ.

Ширенская община предлагала поправить часть дороги, пролежавшую по ея землѣ, съ тѣмъ условіемъ, что Каландрѣ исправить свою. Маркъ стоялъ за выгоды хорошей дороги: тогда купцы, которыхъ останавливаетъ боязнь завязать свои повозки, получаютъ возможность пріѣзжать въ село; вино становится продаваться такъ же выгодно, какъ въ Сейзерье; чтобы добыть его больше, будутъ лучше ухаживать за виноградомъ; разбогачьются, заживутъ лучше, и при хорошей жизни станутъ охотнѣе работать. Мужики никѣмъ не прокляты, и если въ послѣднее время все на свѣтѣ мѣняется, то отчего жъ это не можетъ пойти ему на пользу?

Старый Мюзель возражалъ съ тѣмъ гордымъ упорствомъ, котораго ничто не могло сломить.

— Для этой дороги сдѣлаютъ то же, что для желѣзной: перерѣжутъ пополамъ всѣ участки. Если у кого хорошей клочекъ земли, то ему его весь испортятъ; что до него лично, то онъ никакъ не согласится. Потребуются дополнительные сборы, — спасибо: у него нѣтъ лишнихъ денегъ. Потребуется поденная работа на проведеніе дороги, да на ремонтъ, — и это изъ года въ годъ. Какая бы спѣшная работа ни была дома, надо будетъ все бросать ради дороги. Этого онъ также вовсе не желаетъ. Потому если пройдетъ эта дорога, село сдѣлается проѣзжимъ мѣстомъ, и каландрцы не будутъ чувствовать себя дома. Разумѣется, пріятно продавать выгодно вино и рожь; но если въ урожайный годъ продашь за хорошую цѣну, то придется покупать очень дорого въ случаѣ неурожая. Недурной барышъ! Голодь или раззореніе. И все это зачѣмъ? Чтобы подражать Сейзерье! Недурень сталъ и Сейзерье! У тамошней молодежи только одно въ

головѣ: быть похожими на городскихъ. Подай имъ модныхъ куртокъ и шляпъ для воскресенья, парни хотятъ быть точно господа, а дѣвки—точно барышни; всѣ они, какъ лисицы: шкура дороже звѣря. И притомъ вѣчно торчатъ въ кабакахъ, ихъ теперь пять вмѣсто одного, который былъ до желѣзной дороги. Привыкли проѣдать все, что зарабатываютъ, ничего не сберегаютъ, кутяты, какъ горожане. И вотъ чего хотятъ для Каландра! Развѣ наживешь добра, коли суешь себѣ въ брюхо, или тратишь на наряды все, что имѣешь? Нѣтъ, богатѣютъ отъ лишеній, а не отъ расточительности. Тѣ, кто хочетъ гибели своей семьи, пусть стоятъ за дорогу; но онъ позволить себѣ отрѣзать руку, если когда-нибудь подниметь ее ради такой глупости.

— Старикъ,—говорилъ Маркъ Терметтъ, рассказывая ей объ этомъ засѣданіи,—былъ очень хорошъ, ей-ей! Вы знаете, онъ, когда захочетъ, умѣетъ принять такой властный видъ, что производить впечатлѣніе. Онъ такъ выпрямляетъ спину, точно у него вмѣсто подпорки сама гордость. И вмѣстѣ съ тѣмъ казалось, что онъ видитъ разореніе вотъ здѣсь передъ собою, и такъ напуганъ, что слезы навертываются ему на глаза. Когда я увидѣлъ, что старый Мюзель чуть не плачетъ, признаюсь, это меня тронуло.

Молодой человѣкъ возразилъ старику, что въ Сейзерье никто не разоряется, что тамошніе жители, напротивъ, богатѣютъ и что Пейсенаты, на примѣръ, изъ дома которыхъ его сынъ Антонъ когда-то взялъ себѣ невѣсту, теперь настолько заважничали, что, пожалуй, не отдали бы своей дочери въ семью Мюзелей, хотя домъ Мюзелей считается однимъ изъ первыхъ въ Каландрѣ. Старый мужикъ не соглашался ни съ чѣмъ.

Когда рѣшено было исправить дорогу, онъ вскричалъ:

— Теперь Каландру пришелъ конецъ!

— Нѣтъ,—сказалъ Маркъ,—конецъ пришелъ только старинѣ.

— Ты—несчастіе нашего села!—сказалъ ему старикъ.

Дорожный смотритель, пріѣхавшій опредѣлить на мѣстѣ окончательное направленіе новой дороги, какъ разъ привезъ съ собою изъ Сейзерье одного изъ Пейсенатовъ, родного племянника Антоновой жены, который, въ качествѣ такового, и остановился у Мюзелей. Поведеніе этого молодого человѣка считалось довольно предсудительнымъ. Его отецъ, желая сдѣлать изъ него барина, сначала отправилъ его въ Лионъ, гдѣ онъ прослужилъ нѣсколько лѣтъ въ магазинѣ шелковыхъ товаровъ. Тамъ онъ надѣлалъ столько глупостей, что его взяли изъ города и, чтобы онъ не болтался, помѣстили на службу въ пути сообщенія. Лицо его было блѣдно, болѣзненно блѣд-

но, какъ будто, поглощая слишкомъ быстро городской воздухъ, онъ отравился имъ. Его вѣчное хихиканье, вранье и бахвальство были глубоко антипатичны серьезному и недвѣрчивому духу деревни.

Его рѣчь претерпѣла такія же измѣненія, какъ и его чувства, во время пребыванія въ Лионѣ. Онъ вывезъ оттуда множество словечекъ, которыя выговаривалъ съ отгѣнкомъ насмѣшливаго превосходства, какъ будто они составляли его неоспоримое преимущество. Его любимое слово было: «смѣшной». Каландрская дорога казалась ему «смѣшною». Старикъ Мюзель также былъ очень «смѣшной». И онъ находилъ «смѣшнымъ» говорить двусмысленности Терметтѣ ради провожденія времени.

Мюзель съ перваго же взгляда почувствовалъ къ нему отвращеніе, увидѣвъ въ немъ олицетвореніе того типа, къ народженію котораго, по его старозавѣтному крестьянскому убѣжденію, должно было неизбѣжно привести введеніе въ жизнь села всякихъ новостей. Вотъ онъ стоялъ передъ нимъ такимъ, какъ создакъ въ его мысляхъ: неспособный на лишения и на долгій утомительный трудъ, проникнутый плохо-скрытымъ презрѣніемъ къ суровости полевыхъ работъ и къ грубости деревенской жизни. Что станетъ съ усадьбою Мюзелей, что станетъ съ лучшими домами въ Каландрѣ, если въ нихъ выростутъ такія дѣти?—думалъ старикъ и видѣлъ въ своемъ упорствѣ борьбу съ приближавшимся общественнымъ бѣдствіемъ.

Когда потребовались первыя подводы для дороги, Мюзель, освобожденный отъ натуральныхъ повинностей по своему возрасту, объявилъ, что не пуститъ ни Антона, ни кобылы, ни воловъ. Между тѣмъ, явился мэръ и сообщилъ, что всѣ прочіе уже за работою; тогда старикъ, боясь какой нибудь тяжбы съ правительствомъ, которая неизвѣстно чѣмъ кончится, воспользовался случаемъ уступить безъ ущерба своему самолюбію.

— Подлецы!—сказалъ онъ, вспоминая о тѣхъ, которые, подобно ему, не хотѣли уступать.—Они всетаки поѣхали! Ну, ступай и ты, Антонъ, но ужъ только затѣмъ, чтобы ихъ не срамить. Не то я не послушался бы самихъ жандармовъ. Да, ни жандармовъ, ни даже префекта!

Его кидало въ дрожь отъ этой необходимости принять участіе въ дѣлѣ, противъ котораго онъ такъ возставалъ. Когда одна крестьянка попробовала отстоять силой свой лугъ, перерѣзанный пополамъ дорогою, и ткнула вилами въ ногу полеваго сторожа, хотѣвшаго ее удалить, то старикъ торжествовалъ, видя въ этомъ первое осуществленіе своихъ пророчествъ.

— Полезны эти выдумки, полезны!—злбно сказала онъ Марку, встрѣтивши его.—До сихъ поръ мы жили въ добромъ согласіи, а теперь начали убивать другъ друга. Хорошо!

И со злобною ироніей онъ сталъ насмѣхаться надъ результатами этихъ первыхъ работъ. Противники дороги своими насмѣшками помѣшали работать ея сторонникамъ, которые едва дошли до ручейка Ивоннетта между Каландромъ и городомъ. Если такъ продолжать, то черезъ сто лѣтъ дорога будетъ готова. Стоило все перевертывать вверхъ дномъ!

Вотъ каковы были отношенія между Мюзелемъ и Маркомъ. Теперь спрашивалось, какъ приметъ старикъ его предложеніе.

XIV.

Въ тотъ часъ, когда онъ рассчитывалъ застать семью Мюзелей за вечерней похлебкой, Маркъ Фопшуреръ надѣлъ бархатную куртку, ударомъ кулака нахлобучилъ на голову праздничную шляпу и пустился въ путь, говоря:

— Ну, пойдемъ!

Первою непріятностью по его приходѣ оказалось то, что Мюзеля не было дома.

— Мнѣ очень жаль,—сказалъ ему Антонъ,—но только онъ топтать печь.

— Такъ вы печете хлѣбъ? Какъ я кстати! Но взявшись за гужъ, не говори, что не дюжъ. Я не уйду, не потолковавши съ нимъ. Будь, что будетъ!

Терметта улыбулась ему ободрительно и съ такимъ взглядомъ, который ясно говорилъ, что хоть ему и приходится ее выпрашивать, однако она давно вся принадлежитъ ему.

Общественная печь стояла на краю дороги въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ручья, куда ходили мочить буксовые вѣники, когда они вспыхивали при подметаніи раскаленныхъ кирпичей. Это было сводчатое сооруженіе, покрытое черепичною кровлею, надъ которою торчалъ гребень стѣны, сложенной уступами. Трубы не было: дымъ выходилъ изъ устья печи, изъ-подъ свода, который поэтому былъ покрытъ слоємъ сажи, сверкавшей искрами, точно полированный агатъ. Поджаренные отруби и печеный хлѣбъ пропитали печь ароматомъ, привлекаяшимъ народъ. Зимомъ сосѣди приходили грѣться къ пылающему устью; лѣтомъ прохожіе останавливались у печи по привычкѣ и обвинялись нѣсколькими словами съ тѣми, кто пекъ.

— Что, куманекъ? Печете свѣжій хлѣбъ?

— Какъ видите, печемъ!

— Видно, что не снѣгомъ топите! Горить какъ слѣдуетъ!
— Дрова ничего, горять. Не знаю, что выйдетъ.

Такъ завязывались бесѣды и, если находилось что сказать другъ другу, то и продолжались. Маркъ засталъ старика наклоненнымъ къ огню, который бросалъ мѣднокрасные отблески на его суровое лицо. Онъ ворчалъ на невидимаго врага, который, безъ сомнѣнія, находилъ величайшее удовольствіе въ томъ, чтобы дѣлать ему на зло, такъ какъ старикъ не переставалъ изливать на него вполголоса весь запасъ мѣстныхъ ругательствъ. Врагъ оказывался настолько же нечувствительнымъ къ оскорбленіямъ, насколько былъ невидимъ для обыкновенныхъ глазъ, и дѣло шло ничуть не лучше.

— Верблюды!—говорилъ Мюзель одному полѣну.—Ты будешь горѣть или отвѣтишь мнѣ за это! Смерть меня заведи — кричалъ онъ печи.—Что же ты не разгораешься? Чортъ! бы тебя топилъ!—И онъ съ такою силою колотилъ кочергою по трещавшимъ въ яркомъ пламени дровамъ, что вся печь тряслась, и огненные языки метались точно отъ ужаса посреди фейерверка красныхъ искръ.

Діозонъ съ сочувственнымъ вниманіемъ слѣдилъ за работой дѣда; маленькій Жанъ-Мари, сидя на камнѣ, мысленно взвѣшивалъ свои шансы на полученіе пирога по окончаніи хлѣбопеченія; Франсуаза ждала той минуты, когда пора будетъ идти за хлѣбомъ.

Маркъ подошелъ съ рѣшительнымъ видомъ.

— Я хочу поговорить съ вами, кумъ; что, можно?

Старый Мюзель съ минуту поколебался. Біана предупредила его, и, завидя Марка въ бархатной курткѣ и праздничной шляпѣ, онъ уже угадалъ, зачѣмъ тотъ пришелъ. Подумавши, онъ принялъ самый простодушный и невозмутимый видъ.

— Ты плохо выбралъ время, какъ видишь. На ярмарку ты что ли собрался такой нарядный?

— Нѣтъ, я только и шелъ, что къ вамъ. Я не зналъ, что у васъ хлѣбы, но разъ пришелъ, такъ ужъ не стану молчать въ усадьбѣ или у печи, для дѣла это все равно. Хочу говорить о Терметтѣ, какъ вы, вѣроятно, угадали.

— Ладно, ладно,—сказалъ старикъ, не выражая ни удивленія, ни какого-либо иного чувства.—Нечего слѣшать, кончимъ сначала работу. Ты силенъ, какъ турка, и если поможешь мнѣ, то дѣло пойдетъ скорѣе. Возьми-ка кочергу и промѣнай печку.

— Радъ сдѣлать вамъ удовольствіе,—отвѣтилъ молодой человѣкъ, принимая эту просьбу за доброе предзнаменованіе.

Онъ пошелъ повѣсить куртку и шляпу на прилежавшій къ печи заборъ. Франсуаза задержала его на пути, чтобы шопотомъ подать ему совѣтъ:

— Дѣлайте, какъ Жанъ Папа.

— А что дѣлалъ Жанъ Папа?

— Онъ колотилъ свою жену и приговаривалъ: «Не плачь, душечка, я тебя бью для твоей же пользы». Налягьте на старика, какъ слѣдуетъ: это пойдетъ намъ всѣмъ на пользу. Пятьсотъ тысячъ холеры! Дѣйствуйте смѣлѣе!

Молодой человѣкъ взялъ кочергу и усилилъ огонь, пожиравшій послѣдній хворостъ, который былъ брошенъ старикомъ. Вскорѣ лицо его оживилось и раскраснѣлось отъ жара; рукава рубашки не скрывали его могучихъ плечъ; съ обнаженною головою, густыми и черными волосами, похожими на шерсть крота, поворачивая тяжелую кочергу, точно легкую тросточку, и расходуя на эту работу далеко не всю свою силу, онъ представлялъ собою великолѣпное зрѣлище и являлся истиннымъ олицетвореніемъ мощи.

Стѣны раскаленной до бѣла печи приняли цвѣтъ мѣла. Маркъ загребъ жаръ, а затѣмъ сталъ мести дно вѣнникомъ: листочки бруска моментально вздувались, какъ только попадали въ печь, становились круглыми, точно горохъ, и съ трескомъ допались; эта пальба до такой степени заинтересовала Жана-Мари, что онъ влѣзъ на свой камень, стараясь заглянуть въ печь. Когда вѣнникъ загорался, Маркъ кричалъ дѣтямъ посторониться и шелъ погружать его въ ручей.

Работая такимъ образомъ, онъ искоса поглядывалъ на Мюзеля и мысленно говорилъ ему:

— О чемъ ты теперь думаешь, старый басурманъ? О чемъ думаешь, каменное твое сердце? Станешь-ли добрѣе хоть на этотъ разъ? Что со мною будетъ, если ты откажешь?

Старикъ, прислонившись къ стѣнѣ, посвистывалъ съ самымъ спокойнымъ видомъ. Однѣ ноздри слегка вздрагивали на его неподвижномъ лицѣ. Франсуаза тоже на него смотрѣла, вопросительно всматриваясь въ это безстрастное лицо, но оно похоже было на бѣлую страницу, на которой ничего нельзя прочесть. Мюзель посвистывалъ, какъ будто не думая ровно ни о чемъ, кромѣ своей печи.

— Печь готова, можете идти за хлѣбами,—сказалъ Маркъ Франсуазѣ и Дювону,—а я скажу два слова дѣдушкѣ.

— О, время терпѣть,—сказалъ старикъ,—еще успѣемъ. Сходи съ ними за хлѣбами, а тамъ посмотримъ.

Увидя, что Маркъ входитъ къ нимъ въ домъ, Терметта поблѣднѣла; но онъ знакомъ далъ ей понять, что ничто еще не кончено: онъ пришелъ только сказать, что пора нести хлѣбы и помочь ихъ нести. Молодая дѣвушка взяла въ каждую руку по корзинѣ съ хлѣбами, молодой человѣкъ сдѣлалъ то же, а Франсуаза, которая уже давно покровительствовала ихъ любви,

устроила такъ, что они пошли одни. Сердце сильно билось у обояхъ.

— Ну?—спросила Терметта.

— Онъ еще не далъ мнѣ сказать ни слова, но, кажется, не прочь!

Бѣдная влюбленная почувствовала, что грудь у нея расширяется и слезы застилаютъ глаза. Она сочла счастье свое упроченнымъ. Она не осталась у печи, а пошла назадъ, очень волнуясь и ожидая окончательнаго исхода сватовства; но въ тревогѣ ея уже не было ничего мучительнаго.

— Ты посадишь хлѣбъ, не правда-ли?—спросилъ старый Мюзель.

— Сію минуту,—съ готовностью отвѣтилъ Фошуреръ, находя, что старикъ уже обращается съ нимъ, какъ съ членомъ семьи. Онъ схватилъ широкую деревянную лопату, оперся ею на камень, образовавшій карнизъ печного устья, и крикнулъ дѣтямъ, чтобъ они береглись.

— Берегите головы, если онѣ вамъ нужны: прихлопнуть рукояткой ничего не стоитъ!—Франсуаза бросила на уголья кострики, которая вспыхнула и освѣтила печь. Затѣмъ она стала брать корзинки и, переворачивая ихъ одну за другой, выкладывать на лопату хлѣбы, отъ которыхъ отруби разлетались во всѣ стороны. Каждый хлѣбъ она равняла, дѣлала на немъ крестъ ножомъ и наказывала сажать его поаккуратнѣе, чтобъ онъ не сталъ продолговатымъ и не слился съ другимъ хлѣбомъ, такъ какъ она ненавидѣла спайки, которыя скоро начинаютъ плесневѣть. Впрочемъ, это было уже дѣломъ Марка; его сила ручалась за вѣрность его руки, и, когда онъ кончилъ, Франсуаза въ восторгѣ не могла удержаться, чтобы не сказать ему любезности, причѣмъ была довольна, что ее услышалъ и старикъ.

— Нечего сказать, вы—настоящій работникъ.

— Не правда-ли? Кто меня возьметъ въ домъ, тотъ не пожалуется.

— Ахъ, Господи, нѣтъ! Разъ вы возьметесь за дѣло, такъ ужъ будетъ сдѣлано.

Хлѣбы сидѣли въ печи, заслонка закрывала устье, уголья, начавшіе уже покрываться тонкой бѣлой золой, были пригребены къ заслонкѣ. Оставалось ждать, пока испекутся. Маркъ Фошуреръ надѣлъ куртку и шляпу и, остановившись передъ старикомъ, который продолжалъ свистать, сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Ну, куманекъ, я пришелъ сватать Терметту.

Старикъ не шевельнулся, но тотчасъ же отвѣтилъ:

— Я такъ и думалъ и вотъ что тебѣ скажу: полагаешь-ли ты, что я въ здоровомъ умѣ?

— Что за вопросъ? Разумѣется.

— Такъ значить, у тебя въ головѣ не ладно, а то ты никогда не подумалъ бы связать то, что не подходитъ другъ къ другу. Ты считаешь себя умникомъ, а я думаю, что ты пропащій человекъ. Ты не дурной парень, но сумасбродъ. Ты не глупъ, но при твоей гордости лучше бы тебѣ быть дуракомъ. Ты, пожалуй, кое-что и знаешь, но совершенно зря воображаешь, будто знаешь все. Ты довольно богатъ, но разоришься, и даже очень скоро. А мы дорожимъ нашими добромъ, безъ жалобъ трудимся и потѣемъ, любимъ черный хлѣбъ и довольны тѣмъ, что есть. Сумасбродничай одинъ, я тебѣ не мѣшаю; но, пока я живъ, Терметтъ за тобою не быть.

Онъ стоялъ прямо и съ властнымъ видомъ стараго крестьянина, который уже пятьдесятъ лѣтъ царствуетъ на своемъ участкѣ; говорилъ онъ очень торжественно, хотя не безъ насмѣшливой ноты, всегда звучавшей въ его тонѣ. Инстинктивно онъ говорилъ «мы», чувствуя, что въ этомъ случаѣ является представителемъ цѣлаго ряда Мюзелей, которые трудились, страдали и положили жизнь свою на то, чтобы составить этотъ участокъ, долженствующій достаться въ наслѣдство дѣвчонкѣ.

Маркъ хорошо видѣлъ, что рѣшеніе его неизмѣнно.

— Можно думать разное о дѣлахъ общественныхъ, — сказалъ онъ, однако, просительнымъ тономъ, — и всетаки сладиться въ дѣлахъ семейныхъ. Я принадлежу къ одной партіи, вы къ другой, но наши семейства не могутъ стать врагами изъ за такихъ пустяковъ. Мы не сдѣлали другъ другу ничего такого, чего нельзя бы забыть. Что жъ вы, мстить что-ли мнѣ хотите? — Старикъ отрицательно покачалъ головой.

— Такъ въ чемъ же можете меня упрекнуть? — Развѣ я не хорошій работникъ? Кого вы знаете усерднѣе меня? Развѣ вы не видѣли меня за дѣломъ, каждый разъ какъ звали меня? Спрошу, не хвастаясь: найдете-ли вы кого-нибудь еще, кто столько сработаетъ въ день, сколько я? Правда, я не обо всемъ думаю такъ, какъ прочіе. Но развѣ ужъ это такая глупость? Вы не слѣпы, кумъ, и можете видѣть собственными глазами, что изъ этого выходитъ. Развѣ земля моя не родитъ самъ-десять? И есть-ли въ Каландрѣ такой виноградъ, какъ у меня?

— Что говорить! Но я также видѣлъ, что было съ дорогою. Ты забылъ, сколько разъ повторилъ мнѣ, что я человекъ стараго времени; ну, а ты, конечно, изъ новыхъ. Ладно! старое задуть новое, или новое убить старое, но, когда ты предлагаешь мнѣ поселить ихъ вмѣстѣ, то я спрашиваю тебя: полагаешь-ли ты, что я въ здоровомъ умѣ. Ты — несчастъе Каландра: вотъ что я думаю о тебѣ; а ты хочешь

жениться на нашей дѣвушкѣ! Твои прекрасныя затѣи раззорятъ все село, но прежде всего самого тебя; а ты хочешь, чтобъ я довѣрилъ тебѣ свое добро! Ты съ ума сошелъ, съ ума сошелъ! Ахъ, еслибы не умеръ мой парень, я бы сдѣлалъ изъ него настоящаго Мюзеля. Но, по крайней мѣрѣ, нашъ домъ достанется такому человѣку, который сумѣетъ наше добро сохранить и приумножить. Тебѣ бы хотѣлось пропустить его съвозъ пальцы, но я еще живъ. Слушай же, что я тебѣ скажу: еслибы я допустилъ такую низость, то мнѣ кажется, что гнѣвъ всѣхъ умершихъ Мюзелей обрушился бы на меня, и я пересталъ бы спать по ночамъ.

Пламенная любовь къ землѣ, первая добродѣтель крестьянина, говорила устами старика. Бѣдный Маркъ! Онъ бы и теперь нашель, что Мюзель величественъ въ такихъ случаяхъ, еслибы каждое изъ его словъ не терзало ему сердца. Бесплезность его поразительной силы увеличивала его отчаяніе: быть такимъ сильнымъ и беспомощнымъ противъ этой непреклонной воли! Гнѣвъ начиналъ овладѣвать имъ.

— Значитъ, вы надо мной смѣялись, принимая меня, какъ друга, и требуя моихъ услугъ, будто отъ члена семьи?

— Э, пріятель!—отвѣтилъ старикъ съ притворнымъ добродушіемъ.—Надѣюсь, мы останемся добрыми сосѣдями попрежнему. Ты помогалъ намъ, мы вамъ, когда нужда бывала. Отчего жъ не продолжать? Ты можешь проѣдать свое добро, какъ угодно: это насъ не касается и, какъ ты самъ сказалъ, это еще не причина для ссоры.

— Неужели это ваше послѣднее слово?

— Рѣшено и подписано! Даже и толковать нечего.

Франсуаза, съ большимъ вниманіемъ слѣдившая за разговоромъ, дольше не могла сдержаться:

— Пятисотъ тысячъ холеръ! Какихъ же вамъ еще жениховъ?—крикнула она старику.—Если вы отказываете этому то вы ни чуть не лучше Филиппа изъ Брессо.

Такъ какъ никто не выразилъ желанія узнать, каковъ былъ Филиппъ изъ Брессо, то она съ гнѣвомъ сложила корзину одна въ другую, поставила ихъ себѣ на голову и ушла не переставая ворчать.

Богатырь задумался; онъ былъ ошеломленъ развязкой, которой, однако, не мало думалъ въ послѣдніе дни. Безумныя намѣренія мелькали въ его мозгу. Ему казалось, что стоитъ схватить этого старичишку обѣими руками и хорошенько стиснуть, чтобы раздавить его, какъ воробья, не смотря на всю крѣпость его угловатаго лба. Съ другой стороны, онъ чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ, что готовъ былъ униженно упасть къ его ногамъ и со слезами умолять о согласіи.

— Послушайте, Мюзель...—попытался онъ еще разъ. — Мы съ Терметтой нравимся другъ другу...

Старикъ пріоткрылъ заслонку и глядѣлъ на хлѣбы.

— Зарумяниваются,—сказаль онъ, притворившись, будто не слышать.

Молодой человѣкъ зналь, что если онъ не захочеть говорить, то изъ него ничѣмъ не вырвешь слова. Онъ съ гнѣвомъ пробормоталь ругательство и, ощущая въ головѣ совершенную пустоту, сознавая свою полную неспособность придумать какой-либо исходъ, пошелъ къ усадьбѣ Мюзелей. При свѣтѣ лампы онъ разглядѣль Антона, который, безъ сомнѣнія, не особенно желаль вступать съ нимъ въ разговоры, такъ какъ тотчасъ исчезъ, а старая служанка, выйдя на порогъ, указала ему ту дорогу, по которой ему слѣдовало отправляться домой.

— Она тамъ,—проговорила она и прибавила ему вслѣдъ:— Онъ совершенно, какъ Филиппъ изъ Брессо, которому жена говорила: «Не знаю, какъ это тебѣ посчастливилось жениться на мнѣ. Господь Богъ тѣмъ посылаетъ каштаны, кто не умѣеть ихъ лущить».

На темномъ поворотѣ дороги среди мрака, который уже не пугаль ее, дѣвушка, предупрежденная Франсуазой, ждала своего друга. Съ минуту они простояли обнявшись и, какъ въ вечеръ первой ихъ бесѣды, она заплакала, потомъ, какъ и въ тотъ вечеръ, она ему сказала:

— О, Маркъ, о, Маркъ! какъ я несчастлива! — Она обвиняла себя въ томъ, что приносить съ собою несчастье, и умоляла молодого человѣка отдѣлать свою судьбу отъ ея злой участи. Но тотъ еще разъ поклялся, что будетъ любить ее до смерти, и никогда они не испытывали такой нѣжности другъ къ другу. Они любили другъ друга и дали слово, что ничто не разлучитъ ихъ, хотя бы имъ пришлось навѣкъ остаться холостякомъ и дѣвицей.

XV.

Солнце умирало каждый вечеръ и воскресало каждое утро, возрождаясь въ своемъ блѣдномъ зимнемъ великолѣпіи. Время шло, унося съ собою дни влюбленныхъ; ихъ яркая юность увядала въ ожиданіи, въ пустотѣ и скукѣ этого преддверія къ неизвѣстному будущему. Фанія вышла замужъ за школьнаго учителя, и свадьбу отпраздновали очень весело. Метраль объявилъ, что въ послѣдній разъ играетъ публично на скрипкѣ, а Маркъ Фошуреръ съ Терметтой танцовали съ печалью въ сердцѣ среди всеобщей радости, такъ какъ ничто не предвѣщало имъ возможности собственной свадьбы.

Сватовство Марка навело старика Мюзеля на серьезные размышления о послѣдствіяхъ замужества внучки. Рано или поздно она выйдетъ замужъ, это очевидно; и что тогда будетъ? Этой дѣвочкѣ, которую онъ не любилъ, въ которой не признавалъ своей крови, которую причислялъ къ семьѣ Пейссена-товъ, а не Мюзелей, будетъ принадлежать его усадьба, а не ему! Этому онъ не могъ воспрепятствовать. Онъ подарилъ свой домъ ея отцу, послѣ котораго она единственная наслѣдница, и взять его назадъ не могъ. Ахъ, какъ обостралось въ немъ горе о потерѣ своего любимца, наслѣдника, Антонова сына, который былъ настоящимъ Мюзелемъ и по крови, и по имени!

Теперь онъ по временамъ со страннымъ выраженіемъ взглядывался въ этотъ домъ, гдѣ съ каждымъ камнемъ у него связаны были воспоминанія, и въ окружавшую его землю, гдѣ не было ни одной кочки, непожитой его потомъ. Этотъ прекрасный участокъ всегда принадлежалъ одному лицу и былъ хорошо округленъ; онъ опускался пологимъ скатомъ къ большому ручью Ивеннетту, на берегу котораго кончался рядомъ ивъ, перемежающихся съ ольхами и тополями.

Можно было объять однимъ взглядомъ всѣ его поля, разрѣзанныя на длинныя полосы линиями виноградныхъ изгородей, поддерживаемыхъ тутовыми деревьями; его яблочный садъ, его луга, исполосованные канавами съ водою для орошенія, его заборы, надъ которыми высались гигантскіе орѣшники... Рожь, вино, пенька, масло, сѣно для скота,—все, что нужно для большаго хозяйства, получалось здѣсь въ изобиліи, наполняя гордостью душу владѣльца. Старикъ видѣлъ, какъ выросли эти большія деревья, изъ которыхъ не одно посадилъ онъ своими руками, два раза возобновлялъ эти изгороди, а сколько разъ вставалъ до свѣта, сколько разъ трудился сверхъ силъ, до боли въ поясницѣ, до невозможности разогнуть спину, вспахивая эти поля, вскапывая виноградники, орошая и кося эти луга! Онъ отдалъ этой землѣ всю свою жизнь, всѣ мысли, всю дѣятельность; онъ болѣе пятидесяти лѣтъ былъ душою этого хозяйства и давно не отдѣлялъ его части отъ своей собственной.

Что же станется съ этимъ владѣніемъ? Забота овладѣла старымъ крестьяниномъ и сушила его. Онъ сталъ еще худѣе и узловатѣе, голова его сдѣлалась еще болѣе угловатой и жесткой, а глаза мрачнѣе сверкали изъ-подъ сѣдой поросли бровей. Иногда онъ нахлобучивалъ шапку на лобъ и уныло, волнуемый горькими предчувствіями, обходилъ эту землю, въ которую вросъ болѣе прочными корнями, чѣмъ самыя старыя деревья. И во время этого тревожнаго и безцѣльнаго обхода онъ окидывалъ все взоромъ хозяина, подъ властью котораго владѣніе такъ долго процвѣтало. Онъ вполголоса съ нимъ разговаривалъ, обращаясь къ нему, какъ къ живому лицу:

— Ахъ, бѣдный другъ! Прошло твое красное времячко! Кто-то походить теперъ за тобою?

Подъ гнетомъ этой заботы онъ дошелъ до того, что сталъ сильно желать брака своей внучки съ Балтазаромъ. Это былъ единственный въ селѣ женихъ, кромѣ Марка, который могъ рассчитывать породниться съ Мюзелями. Онъ былъ весьма порядочный работникъ, и старикъ былъ увѣренъ, что ужъ никакъ не онъ промотаетъ свое наслѣдіе на нововведенія. Балтазаръ же, помирившись съ пріятелемъ, преднамѣренно выказывалъ полное невниманіе къ Терметтѣ. За то мать его, замѣтивъ настроеніе Мюзеля, не оставляла надежды устроить эту свадьбу и при каждой встрѣчѣ со старикомъ непременно заговаривала объ этомъ.

— Еслибы я указывала вмѣсто него, то думаю, что дѣло бы сдѣлалось; но мой сынъ всегда былъ слишкомъ простъ, да такимъ и останется. Онъ не умѣетъ показать товаръ лицомъ; но неужели изъ-за этого намъ отказать отъ мысли поженить нашихъ дѣтей?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Если Терметта выйдетъ замужъ, то только за него, или пусть я буду не я.

— Когда вы чего-нибудь захотите, то ужъ выходить по вашему. Вы умѣете приказывать. Но въ самомъ-ли дѣлѣ вы этого хотите?

— Вотъ оно гдѣ у меня! — сказала старикъ, указывая пальцемъ себѣ на лобъ. — Можете быть спокойны.

Онъ началъ съ того, что спросилъ у сына:

— Что жъ Балтазаръ не ходитъ къ намъ?

— Позвольте вамъ сказать, онъ приходилъ; а теперъ не ходитъ, не знаю почему, — отвѣтилъ Антонъ, который зналъ больше, чѣмъ хотѣлъ высказать.

— Мнѣ этотъ парень подходитъ. Терметтѣ такого и нужно. Онъ на ней женится.

Слова, которыя всегда съ такимъ трудомъ выходили изъ устъ Антона въ подобныхъ случаяхъ, на минуту застряли у него въ горлѣ; однако, потрясши хорошенько головой, онъ съ усиліемъ сказалъ:

— Если она захочетъ, то и я согласенъ, разъ вамъ такъ угодно.

— Какъ, если она захочетъ? — разразился старикъ. — Развѣ твоя барышня воображаетъ, что приведетъ къ намъ въ усадьбу кого она хочетъ? Если кто-нибудь возьметъ ее голую, какъ мать родила, то пусть идетъ за кого попало, мнѣ на нее наплевать. Но мое добро достанется только тому, кому захочу передать я.

— Пятьсотъ тысячъ холеръ, не вы ли за нее скажете да? — крикнула Франсуаза еще громче его.

— И вы тут?—сказала Мюзель, не замѣтившій старойработницы, которая чистила овощи въ кладовой.—Вы точно колоколь: если васъ не видишь, такъ ужъ непременно услышишь. Чистите вашу рѣпу и не мѣшайтесь въ чужія дѣла.

— Я буду чистить мою рѣпу и не буду мѣшаться въ чужія дѣла, но всетаки скажу, что вашъ Балтазаръ—совершенно, какъ мой дядя Менмонъ.

— Оставьте въ покоѣ вашего дядю, старая дура.

— Онъ говорилъ, что не виноватъ, если у лягушекъ нѣтъ хвостовъ, а мой отецъ отвѣчалъ: «Менмонъ, я хорошо знаю, что сидитъ въ твоей блузѣ». Тотъ скажетъ: «Что жъ такое?»—«Цѣлый большой дуракъ!»—скажетъ ему отецъ.—Ну вотъ, и вамъ можно сказать, что то же самое въ вашемъ платьѣ.

— Антонъ, ты пойдешь къ Балтазарамъ и пригласишь ихъ парня бывать у насъ. Можешь его увѣрить, что онъ будетъ хорошо принять: ужъ я объ этомъ позабочусь.

Разъ вечеромъ, Мюзель, вмѣсто того, чтобы идти къ Гурро, остался дома. Антонъ чинилъ большую ивовую корзину. Терметта прядла. Франсуаза спала надъ своимъ вязаньемъ. Москва, растянувшись въ углубленіи между двумя плитами пола, дралась во снѣ и потихоньку рычала. Старикъ взялъ на колѣни одну изъ домашнихъ кошекъ и сталъ гладить ее своею грубою рукой, какъ будто желая что-то сказать и не находя словъ. Время отъ времени онъ украдкой взглядывалъ на молодую дѣвушку, потомъ снова принимался за кошку и гладилъ ее противъ шерсти, чѣмъ приводилъ ее въ отвратительное настроеніе и заставлялъ тихо, но злобно мяукать; старика забавлялъ гнѣвъ животнаго и онъ продолжалъ до тѣхъ поръ, пока кошка, разсердившись окончательно, не принималась мяукать пронзительно и съ фырканиемъ. Тогда онъ начиналъ гладить, какъ слѣдуетъ, и насмѣшливо укорялъ ее за раздражительность.

Антонъ пошелъ за прутьями, которые мочилъ въ ручьѣ для мягкости. Мюзель посмотрѣлъ, крѣпко-ли спитъ Франсуаза, и, наклонившись къ внучкѣ, спросилъ ее не безъ смущенія:

— Что ты обо мнѣ думаешь?

— О васъ, дѣдушка?—сказала молодая дѣвушка, чрезвычайно удивленная вопросомъ и тономъ, которымъ онъ былъ заданъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ она вернулась въ деревню, онъ ни разу не показалъ, что замѣчаетъ ея существованіе, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда возможно было ее помучить. Онъ ни разу не сказалъ ей ни одного слова, въ которомъ выражался бы хоть малѣйшій оттѣнокъ ласки, и даже рѣдко обращался съ рѣчью къ ней лично: онъ предпочиталъ заговаривать съ ея отцомъ, насмѣхаясь надъ нимъ за то, что у

него такая дочь, и если хотѣлъ что-нибудь приказать ей, то спрашивалъ у Антона, сѣмѣть ли его барышня сдѣлать это, не побоятся ли она испортить ручки, не слишкомъ ли его барышня нѣжна, не слишкомъ ли бѣла у нея кожаца, не слишкомъ ли она важная особа, чтобы удостоить сдѣлать то-то и то-то. Ею иронія была неистощима и всегда болѣзненно дѣйствовала на Терметту.

Его равнодушіе было притворно: увы! она слишкомъ хорошо знала это. Пороку она чувствовала на себѣ его суровый взглядъ, въ которомъ находила что-то дьявольское. Особенно въ тотъ вечеръ, когда онъ отказалъ Марку въ ея рукѣ и она вернулась заплаканная послѣ бесѣды съ возлюбленнымъ, взглядъ, которымъ онъ ее встрѣтилъ, былъ такъ пронзителенъ и холоденъ, такъ ужасно злобенъ и отвратительно побѣдоносенъ, что пронзилъ ее, точно лезвіе, прошедшее ей въ сердце.

Какъ же ей было не удивляться, когда онъ заговорилъ съ нею почти дружжелюбно и видимо смущаясь?

— Да, обо мнѣ,—продолжалъ онъ.—Ты меня не любишь, а? Тебѣ плохо со мною, правда? Признайся, что, еслибы завтра меня вынесли отсюда ногами впередъ, ты съ радостью надѣла бы трауръ.

— Что я вамъ сдѣлала, дѣдушка, чтобъ вы считали меня такою злою? Если бы вы пожелали смотрѣть на меня, какъ на родную, и обращали на меня хоть столько вниманія, сколько на вашу собаку Москву, то увидѣли бы, что я лучше, чѣмъ вы думаете. Вы часто очень огорчаете меня, но вы мнѣ дѣдушка, и я люблю васъ, какъ могу, Богъ мнѣ свидѣтель!

— Это все отвѣты изъ катехизиса; попь быть бы ими доволенъ, но я еще не такъ старъ, чтобъ вѣрить ерундѣ и давать себя околпачивать. Ты меня не любишь; да, право, не знаю, за что бы меня и любить. Со мною не каждый день весело; только, ей-ей, исправлять меня ужъ поздно, и каковъ я есть, я не хуже другихъ. Ты ненавидишь меня; правда? Ненавидишь? Да ну-же, говори!

— Если я и скажу вамъ это, дѣдушка, то врядъ-ли мнѣ будетъ хуже, чѣмъ теперь; значить, терять мнѣ нечего; но я говорю съ вами откровенно. Если бы вы любили меня немножеко, я, вѣроятно, любила бы васъ больше; но, по крайней мѣрѣ, если я когда-нибудь чѣмъ-либо досаждала вамъ, то дѣлала это ненарочно. Я была бы слишкомъ счастлива жить съ вами въ мирѣ.

— Можетъ быть, я и ошибся на твой счетъ. Мнѣ казалось, что изъ города не можетъ придти ничего хорошаго. Я не упрямъ. Можетъ быть, ты не такъ испорчена, какъ я думалъ: Ты работаща, не лѣнива, ты не сильна и хорошей ра-

ботницей тебѣ не быть, но всетаки дѣлаешь, что можешь. Это хорошо. Если бы приходилось говорить правду на судѣ, то я бы признался, что и того отъ тебя не ждалъ. Если бы у тебя было сердце настоящихъ Мюзелей, мы въ концѣ концовъ, пожалуй, столковались бы съ тобой.

Терметта не узнавала своего грознаго дѣда: онъ говорилъ безъ гнѣва и безъ насмѣшки, почти кротою и даже какъ-будто съ отгнѣнкомъ сожалѣнія. Она встревожилась этой переменной, опасаясь одной изъ тѣхъ хитростей, къ которымъ онъ привычалъ ее.

Она отвѣтила покорно:

— Вы приказываете, я слушаюсь. Какъ же намъ не столковаться, если вамъ будетъ угодно?

— Ты слушаешься! Ты слушаешься! Ну, я въ этомъ не такъ увѣренъ, какъ въ томъ, что мнѣ семьдесятъ лѣтъ. Я ничего не хочу тебѣ приказывать, но все о чейшъ попрошу. Только объ одномъ, и замѣть, что это моя первая просьба. Посмотримъ, каково твое послушаніе.

Онъ посмотрѣлъ на нее съ тѣмъ торжественнымъ выраженіемъ, серьезнымъ и мрачнымъ, которымъ восхищался Маркъ.

— Если ты изъ Мюзелей, то должна любить нашу землю. Мы всѣ только для нея и жили. Мы терпѣли лишенія, чтобы округлить ее, и готовы лучше дать себѣ отрѣзать руку или ногу, чѣмъ потерять отъ нея кусокъ. Если ты стоишь такого наслѣдства, то должна жить для него, какъ жили мы, и не давать раскидывать на вѣтеръ того, что мы скопили съ такимъ трудомъ. Я проклялъ бы тебя тотчасъ же, тотчасъ же пожелалъ бы, чтобы ты лежала мертвая подъ травой на кладбищѣ, если бы зналъ, что наше добро въ твоихъ рукахъ придетъ въ упадокъ. Ахъ, что за прекрасный у насъ участокъ! Если бы возможно было, я приказалъ бы похоронить себя въ немъ. Вотъ какъ надо любить его, Терметта! Кто молодъ, какъ ты, тотъ неопытенъ. Вамъ приходятъ въ голову глупости, которыя кажутся вамъ необходимыми для счастья; и только потомъ вы видите, что это глупости. Такъ послушай-же меня, который семьдесятъ лѣтъ только и думалъ, что о землѣ: тебѣ нужно въ мужья землепашца, который сумѣлъ бы хозяйничать тутъ. Я прошу тебя, чтобы ты вышла замужъ за Балтазара.

Молодая дѣвушка поблѣднѣла и не отвѣтила ничего. Наступило молчаніе, которое показалось страшнымъ. Старый крестьянинъ не сводилъ съ нея своего повелительнаго взгляда. Когда онъ убѣдился въ томъ, что она ничего ему не скажетъ, онъ вышелъ изъ себя.

— Ты слушаешься! Ты слушаешься, не правда-ли! — захоталъ онъ, — ты слушаешься сію минуту! Мнѣ стоитъ только приказать, и барышня послушается. Просто пріятно посмо-

трѣтъ, какъ это она слушается! Ахъ, негодяйка! Я никогда не ошибался на твой счетъ. Ты изъ Мюзелей! Да, какъ же! Тебя бы выкинуть на большую дорогу, когда ты родилась, и пусть бы воспитывалъ тебя, кто хочетъ, потому что ты неизвѣстно въ кого вышла. Ты крадешь хлѣбъ, который ѣшь въ этомъ домѣ: ты не наша. Злодѣйскій законъ заставляетъ насъ оставлять наше добро дѣтямъ, отъ которыхъ мы отрекаемся; но я плюю на этотъ законъ, и ты моего не получишь, слышишь? А! ты любишь меня, какъ можешь, дрянъ-дѣвчонка! Ты была бы счастлива со мной столковаться, не такъ-ли?

— Что тамъ такое? Ужъ не пожаръ ли? — спросила внезапно разбуженная Франсуаза.

Но на лицѣ хозяина старая служанка увидѣла такое выраженіе, что ничего не нашлась прибавить. Вновь наступило молчаніе. Старикъ сжималъ своими узловатыми руками кошку, которая бѣшено мяукала и запускала когти въ его колѣни; но на это онъ не обращалъ вниманія. Молодая дѣвушка, ничего не видя отъ слезъ, наклонилась надъ самопрядкой, которую ей никакъ не удавалось опять пустить въ ходъ.

— Выйдешь-ли ты за Балтазара?—спросилъ онъ.

Она чувствовала себя такой хрупкой, тщедушной, безсильной передъ лицомъ грознаго старика, что долге не въ силахъ была удержать слезы.

— Я не могу, дѣвушка,—пробормотала она. — Это невозможно.

— А почему?

— Я не люблю его; у меня не хватаетъ духу.

— А! Ты его не любишь! Тебѣ нужно такого, у кого нашъ черный хлѣбъ вязнетъ въ зубахъ, кто расточаетъ свое добро на кутежи и выдумки. Предложи тебѣ такого, ты пойдешь сію минуту. Ты рада будешь отдать ему нашу усадьбу на съѣденіе. Вы бы отлично столковались! О, очень хорошо! Смертью моею клянусь, пока я живъ, я сдумѣю тебя образумить! Ты будешь ходить по стрункѣ, хотя бы мнѣ пришлось загонять тебя на прямую дорогу и вѣжкою. Ты выйдешь за Балтазара, слышишь? Выйдешь! Я удержу тебѣ такую жизнь, что ты сама попросишься за него замужъ. Ты выйдешь за него, клянусь! Это такъ же вѣрно, какъ то, что это животное кончило жить.

Онъ всталъ и схватилъ за заднія лапы кошку, которую прежде гладилъ. Онъ повертѣлъ ею въ воздухъ, точно пращикою, и рѣзкимъ ударомъ сплюснулъ ее о каменный выступъ камина.

Бѣдная кошка въ шумомъ ударилась и упала разбитая, со всѣхъ боковъ истекла кровью; въ теченіе нѣсколькихъ секундъ она конвульсивно пыталась приподняться и съ жалобнымъ мяуканьемъ издохла.

Къ концу этой сцены вернулся Антонъ и окаменѣлъ отъ изумленія на порогѣ, со своими прутьями подъ мышкой, Терметта и Франсуаза, нѣмыя отъ волненія, поднялись на ноги, и всѣ трое глядѣли почти съ отвращеніемъ на жестокость стараго и суроваго мужика.

— Вотъ я каковъ!—сказалъ старикъ, гордо поднимая голову и пренебрежительно встрѣчая ихъ взгляды:—Со мною нужно гнуться или сломиться.

XVI.

Настало для Гурродихи желанное время: домъ Мюзелей сдѣлался адомъ. Раздоры тамъ не прекращались. Старикъ вставалъ каждое утро въ самомъ придирчивомъ настроеніи, которое не покидало его весь день. Онъ срывалъ свою злость на окружающихъ со всей крикливой привязчивостью, со всей непобѣдимостью упрямой рѣшимости, со всѣмъ разнообразіемъ изобрѣтательности въ злобныхъ выходкахъ, со всей силой холодной насмѣшки, на какія только способна была его мужицкая, суровая, необузданная и лукавая натура.

Онъ дошелъ до того, что сталъ внутренно забавляться капризною раздражительностью, которую сначала только напускалъ на себя,—сталъ находить удовольствіе въ томъ ужасѣ, который внушалъ окружающимъ.

Едва вставъ съ постели, онъ уже начиналъ.

Если ничто еще не шевелилось въ домѣ, онъ принимался кричать. Ужъ не поклялись ли они повесить цѣны на полотно, что такъ валяются въ постеляхъ, протирая простыни? Неужели нужно, чтобы солнце поднялось еще выше и продрало имъ глаза? Не хотятъ ли они еще больше заплыть жиромъ? Не стыдно ли имъ, что ихъ будить такой старикъ, какъ онъ? Если же случалось, что Антонъ или Франсуаза вставали раньше него, то затягивалась другая цѣсня. Неужели нельзя было дать ему поспать утромъ? Развѣ онъ дл этого недостаточно поработалъ? Не хотятъ ли они уморитъ его раньше времени? Куда они такъ торопятся? Такіе работники, какъ они, не могутъ опаздывать. Они не зарабатываютъ даже цѣны масла, которое сжигаютъ до восхода солнца.

Такъ шло цѣлый день. Заговаривалъ ли Антонъ о томъ, что пора поднимать пары, онъ спрашивалъ, не сошелъ ли онъ съ ума, если въ его лѣта ему приходится все указывать, точно маленькому ребенку; неужели онъ не видитъ, что теперь слѣдуетъ подрѣзывать виноградъ? Если на другой день Антонъ собирался идти подрѣзывать виноградъ, старикъ объявлялъ, что онъ никогда не видывалъ такого дурня; нѣтъ,

онъ отказывается чего-либо отъ него добиться, онъ въ отчаяніи, что долженъ жить съ такими работниками; развѣ не видно по погодѣ, что слѣдуетъ разсаживать отводки? И въ домѣ, и въ полѣ, все было не по его; онъ притворялся огорченнымъ, кричалъ, ругался и запускалъ свое жало какъ разъ въ то мѣсто, которое считалъ наиболѣе чувствительнымъ для того несчастнаго, кого онъ мучилъ.

Этотъ семидесятилѣтній старикашка носился по усадьбѣ, точно чортъ. Онъ какъ будто отрицалъ свою старость, равно какъ справедливость и разумъ.

Его можно было счесть стальнымъ: такъ онъ былъ проворенъ и крѣпокъ, неутомимъ и неистощимъ: вѣчно съ громкой рѣчью, съ ядовитой насмѣшкой на устахъ, вѣчно прямой, какъ палка, съ молніеноснымъ взглядомъ, съ раздувающимися ноздрами и съ жестокимъ и несокрушимымъ видомъ гранитнаго валуна, отшлифованнаго потокомъ. Своими движеніями онъ возбуждалъ тревогу, какъ человѣкъ, который сдерживается, чтобы не разбить вдребезги все вокругъ себя; по малѣйшему поводу онъ ударялъ по столу со страшной силой, особенно, когда на немъ стояли вещи, которыя начинали прыгать и звенѣть отъ ударовъ. Онъ швырялъ черезъ всю комнату то, что держалъ въ рукахъ, бросая, однако, лишь такіе предметы, которые не могли сломаться; но если ему попадалась кастрюля, ведро или желѣзное орудіе, производившее страшный грохотъ, онъ бывалъ счастливъ. Время отъ времени, онъ опрокидывалъ свою похлебку въ золу, находя ее то слишкомъ горячей, то слишкомъ холодной; впрочемъ, онъ дѣлалъ это лишь тогда, когда видѣлъ, что есть еще кое-что съѣстное, и что онъ не останется безъ ужина. Словомъ, онъ вель себя такъ вздорно, выходилъ изъ себя такъ безпричинно, кричалъ и ругался такъ безсвязно, что обитатели усадьбы Мюзелей недоумѣвали иногда, не сошелъ ли онъ съ ума. Но какъ скоро онъ угадывалъ эту мысль по ихъ взглядамъ, онъ старался показать имъ, что прекрасно понимаетъ, что дѣлаетъ.

— Хорошая жизнь, не правда-ли?—съ сардоническимъ смѣхомъ говорилъ онъ Терметтъ.—Пріятная жизнь, да? Ты ни за что не хотѣла бы смѣнить ее на ласки мужа. Очень хорошо. Не унывай. Увидимъ, кому надобѣсть раньше.

Бѣдняжка, беззащитная и молоденькая, молча плакала отъ его придиорокъ. Старикъ былъ въ восторгѣ отъ ея слезъ.

— Ты плачешь, красная дѣвица. Ну, схожу сказать Балтазару, что тебѣ такъ за него хочется, что ты плачешь отъ тоски по немъ. Вѣрно, а?

Меланхолическія ямочки, которыя такъ мило обрисовывали уголки ея рта, вновь приняли видъ печали. О, еслибы она не находила отдыха отъ этихъ непрерывныхъ мукъ въ

свиданіяхъ съ Маркомъ, ночныя посѣщенія котораго еще никѣмъ не были открыты, она умерла бы съ горя; она съ радостью отказалась бы отъ жизни, какъ отъ слишкомъ тяжкаго бремени.

Ея отецъ, бѣдный, слабый, Антонъ, не менѣе страдалъ отъ ея обидъ. Злобныя выходки старика, относившіяся къ нему лично, не производили на него впечатлѣнія: онъ былъ съ дѣтства закаленъ противъ этой дикой грубости, а кожа его стала нечувствительной. Но видѣть, какъ систематически преслѣдуютъ его любимицу дочь, предметъ его послѣдней привязанности — къ этому онъ не могъ привыкнуть. Разъ или два, проклявши свою невольчиму ю робость, давши себѣ слово быть мужчиной, пристыдивъ себя и призвавъ себя, какъ отца, отвѣтственнымъ за страданія дочери, за которую долженъ бы заступиться, онъ пытался возражать старому Мюзелю.

— Батюшка, позвольте доложить...

— Куда ты лѣзешь? Ты покрываешь свою барышню? Я такъ и зналъ, я такъ и зналъ...

— Но, батюшка, съ вашего позволенія...

Старикъ взглядывалъ на него съ безграничнымъ презрѣніемъ.

— Ладно, ладно. Молчи, ты самъ не знаешь, что бормочешь.

И это было вѣрно. Слова не выходили у него изъ горла. Казалось, что чѣмъ они важнѣе, тѣмъ больше на нихъ колючекъ, благодаря которымъ они застрѣваютъ въ горлѣ Антона, такъ что во всякой серьезной бесѣдѣ онъ поневолѣ становился нѣмымъ.

Одна Франсуаза осмѣливалась, если не кричать по прежнему такъ же громко, какъ старикъ, — потому что теперь онъ былъ страшнѣе въ своемъ гнѣвѣ, и она боялась быть побитой, — то хоть намеками выражать порицаніе.

— Право, съ вами бы слѣдовало сдѣлать то, что Пьеръ Саразень хотѣлъ сдѣлать съ женой.

— А что же это такое, старая болтунья?

— Онъ не могъ съ ней сладить, такъ она была зла; вотъ онъ и говорилъ: «Смотри, посажу тебя на три недѣли подъ кадку. Кормить буду съ шила вареной кукурузой, а утромъ и вечеромъ лить на голову по ведру воды. Ужъ я тебя исправлю!» — Старикъ улыбался снисходительно и самодовольно:

— Пожалуй, оно и вамъ бы не повредило.

Между тѣмъ, въ усадьбѣ никто не гнулъ, но и не ломался. Терметта, Антонъ и Франсуаза употребляли противъ Мюзеля обычную тактику крестьянъ по отношенію къ сильнѣйшему врагу: пассивное сопротивленіе. Они давали ему кричать и

укорять, бушевать и шумѣть, а сами склоняли головы, но оставались при своемъ. Терметта любила на всю жизнь, а Антонъ и Франсуаза, хотя не отдавали себѣ отчета въ силу ея чувства, однако были на ея сторонѣ противъ дѣда. Старикъ находилъ въ ихъ покорности новый предлогъ для раздраженія: онъ предпочелъ бы открытую войну; выраженіе тоски и печали на этихъ унылыхъ лицахъ служило для него постояннымъ упрекомъ и казалось ему неслосибе, чѣмъ громкія возраженія.

Онъ начиналъ внимательнѣе прислушиваться къ внушеніямъ Біаны; онъ сдѣлалъ дочь своею повѣренною, и маленькая женщина пользовалась этимъ, какъ могла. Домъ Мюзелей былъ слишкомъ близокъ сердцу старика, чтобъ онъ могъ серьезно вознамѣрится его покинуть; но онъ подумалъ, что напугаетъ Антона, если покажетъ видъ, будто собирается переселиться къ Гурро. Однако, при первыхъ его намекахъ Антонъ, который не говорилъ съ нимъ безъ крайней необходимости, остался безмолвнымъ по обыкновенію. Онъ промолчалъ! Неужели же онъ не понялъ, что если его отецъ покинетъ старый домъ, то возьметъ съ собою и свою часть дохода съ земель? Старикъ упомянулъ объ этомъ. Антонъ опять ничего не отвѣтилъ. Старикъ взглянулъ на него съ гнѣвнымъ изумленіемъ.

— Я отниму у тебя мои доходы, и это тебѣ ничего? Развѣ и ты не Мюзель?

— Позвольте вамъ доложить, что сами вы—Мюзель и потому не уйдете изъ усадьбы.

— А, вотъ что ты забралъ себѣ въ голову! Ну, увидишь!

Разъ, когда Гурродиха была у Мюзелей, старикъ заговорилъ о своемъ желаніи переселиться къ ней, какъ будто съ тою цѣлью, чтобы это знали всѣ.

— Я вижу, что уже ничего не значу тутъ,—сказалъ онъ.— Никто меня не слушаетъ! Вѣроятно, находятъ, что я слишкомъ старъ, съ тѣхъ поръ, какъ эта барышня сюда явилась. Мюзелевку хотятъ отдать сумасброду; и я уйду, чтобы спасти хоть свое добро. Не возьмешь-ли ты меня къ себѣ, Біана? У тебя есть-ли гдѣ меня помѣстить?

Маленькая женщина вдругъ вся позеленѣла. Этотъ неожиданный вопросъ наполнилъ ее радостью, но и смущеніемъ: онъ былъ слишкомъ прямъ. Ей приходилось выступить противъ брата, а Гурродиха не любила ссориться съ людьми. Боже мой! всякому свое; она только и желала, что жить со всѣми въ мирѣ. Однако, она подумала, что наступила рѣшительная минута, и отважилась сказать:

— Охъ! мѣста-то у насъ вдосталь; вамъ будетъ просторно, батюшка, и насъ вы не стѣсните. Да хоть бы пришлось и потѣсниться, и то нечего: старый Бородачъ могъ бы спать на

чердакъ, если бы понадобилось. Только этого не нужно: у насъ хватитъ мѣста. Разумѣется, спокойнѣе всегда, когда живешь согласно, чѣмъ когда ссоришься. У насъ никто не будетъ съ вами спорить: Гурро всегда молчитъ, меня вы знаете, а Дювонъ, извѣстно, только и думаетъ, что о васъ. Когда онъ что-нибудь дѣлаетъ, то всегда ставитъ васъ въ примѣръ: «Я хочу, какъ дѣдушка», говоритъ онъ.

— Вы съ ума сошли!—крикнула Франсуаза—Ужъ не думаете-ли вы всаправду, что хозяйнѣ уйдеть отсюда? Да если бы онъ собрался, то мегла сама загородила бы ему двери.

— Ну, кажется, онъ имѣеть право жить, гдѣ захочеть. Не насильно же вы его удержите? Онъ довольно поработалъ, чтобъ и отдохнуть, и достаточно богатъ, чтобъ устроиться, какъ пожелаетъ. Не веревкой ли вы его привяжете, чтобъ удержать здѣсь? Ужъ это было бы Богъ знаетъ что, если бы въ его лѣта онъ не былъ свободенъ.

— Я свободенъ, Біана, я свободенъ,—сказалъ старикъ.

— Неужели вы думаете, что приятно,—медовымъ голосомъ продолжала крестьянка, все еще обращаясь къ Франсуазѣ,—потрудившись столько, какъ онъ, видѣть свое имѣніе въ рукахъ парня, правда, не злого—охъ, я не хочу хулить его—и хорошаго работника, но сумасшедшаго и прямо идущаго къ разворенію.

— О комъ вы говорите?—съ живостью спросила Терметта.

— Ты хорошо знаешь, племянница! Что тебѣ растоловывать!

— Ахъ, тетушка, у васъ плохая память! А я помню, что первый человекъ, кто мнѣ похвалилъ его, были вы.

Маленькая женщина не вполне сѣумѣла скрыть смущеніе. Мюзель замѣтилъ это и, чтобъ увеличить неловкость ея положенія, спросилъ:

— Такъ ты хвалила Марка?

Она приняла возмущенный видъ и сказала сладко-насмѣшливымъ голосомъ:

— Ахъ, батюшка, ужъ правду говорить пословица, что чѣмъ больше вони отъ козла, тѣмъ больше гоняются за нимъ козы. Я ей рассказывала о всѣхъ безумствахъ Марка, о томъ, что онъ печеть бѣлый хлѣбъ, считаетъ насъ дикарями, вернулся со службы со всякимъ водоромъ въ головѣ, хочетъ переделывать всю деревню и жить въ свое брюхо. И прибавила еще, что она, какъ городская барышня, отлично сошлась бы съ нимъ; а ей показалось, что я хвалю его!

— Ахъ, тетушка,—сказала Терметта съ горестнымъ изумленіемъ,—я почему то всегда думала, что вы недобрая!

— Молчать!—вскричалъ старикъ,—столкнитесь, когда здѣсь будетъ другой хозяйнѣ.

— Ваша правда, батюшка,—сказала Гурродиха.

— Спасибо, Біана,—возразилъ старикъ съ своимъ коварно-насмѣшливымъ видомъ,—но подожди, я еще не сейчасъ къ тебѣ переѣду.

Маленькая женщина прекрасно поняла, что онъ посмѣялся надъ нею. Разочарованіе привело ее въ страшное бѣшенство.

— Чѣмъ я прогнѣвила Бога, хотѣла бы я знать! — ворчала она, уходя.—Хоть бы мнѣ пришлось поджечь ихъ домъ, я не позволю больше себя обкрадывать. Нѣтъ, терпѣнію моему конецъ! Чтобы всѣ доходы старика навсегда оставались въ Мюзелевкѣ, чтобы все шло одному Антону—это несправедливо, это не долго протянется!

Мюзелевскія куры усердно искали червей у забора. Пѣтухъ ходилъ на развѣдки, разрывая сухіе листья своими сильными лапами, а когда находилъ что-нибудь, то сзывалъ куръ, и онѣ съ кудахтаньемъ прибѣгали. Чтобы на чемъ-нибудь выместить злобу, Біана схватила камень и изо всей силы пустила имъ въ стаю:

— Вотъ вамъ! Чтобы вамъ передохнуть вмѣстѣ съ вашими ховаевами.

Это пожеланіе тотчасъ осуществилось для одной изъ куръ. Раненная въ голову, она упала посреди дороги, а прочія разбѣжались, испуганно крича. Смущенная Біана оглянулась, не видѣлъ ли кто, но убѣдившись, что никого нѣтъ, злорадно улыбнулась и подобрала курицу.

— Больше всего добра мы дѣлаемъ себѣ сами, — сказала она, пряча ее подъ передникъ,—вотъ мы и съ угощеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, я слишкомъ добра: развѣ мнѣ не слѣдуетъ уже давно брать самой ту долю, которую у меня крадутъ?

XVII.

Если поразмыслить съ минуту о томъ множествѣ ясновидящихъ, гадалокъ на картахъ, предсказательницъ, спиритическихкихъ медиумовъ, хиромантовъ, некромантовъ, колдуновъ и магнетизеровъ, которые живутъ на счетъ суевѣрій публики въ городѣ, извѣстномъ за самый просвѣщенный въ мірѣ, то придется быть снисходительнымъ къ простымъ мужикамъ, которые вѣрятъ въ знахарей. Власть знахарей или колдуновъ теперь уже клонится къ упадку, какъ и всякая власть, основанная на вѣрѣ, завѣщанной прошедшими вѣками нашему невѣрующему времени, но сорокъ лѣтъ назадъ колдунъ былъ еще предметомъ ужаса и довольно выгодно эксплуатировалъ это обстоятельство.

Гурродиха спала очень плохо: ее мучила зависть. Послѣ

долгаго обдумыванія своего плана, она отправилась на другой день послѣ полудня на гору, гдѣ жилъ Тиолонъ, тотъ странный ночной бродяга въ козьихъ шкурахъ, который самъ себя выдалъ Терметтъ за колдуна.

Узкая тропинка всползала на гору Грель между буксовыми деревьями, поблѣднѣвшими отъ холода и заустившими въ скалистую почву желтые и твердые, какъ слоновая кость, корни, на которыхъ они держались. Затѣмъ она вела въ узкій проходъ между двумя скалистыми стѣнами. Деревья росли тамъ очень тѣсно и вытягивались очень высоко, стремясь къ свѣту. Даже обнаженные зимою, онѣ образовали темную и безмолвную колоннаду, въ которую крестьянка вступила, содрогаясь. Вдругъ проходъ расширился, перейдя въ глубокую долину, посреди которой черное и потрескавшееся зданіе съ дырявой соломенной крышей какъ будто готовилось развалиться. Это былъ, такъ называемый, шалапъ Тиолона. Полуразрушенный заборъ окружалъ домъ, образуя дворъ, который когда-то былъ утрамбованъ и на черномъ фонѣ котораго торчали кучки травы, поблѣднѣвшей отъ мороза. Гурродиха могла бы счесть это мѣсто необитаемымъ, если бы при ея приближеніи не разбѣжались козы, объѣдавшія кору съ кустовъ, и если бы не послышался голосъ собаки настолько хрипый, что нельзя было разобрать, лаетъ она или кашляетъ.

На порогѣ появился Тиолонъ и съ таинственнымъ видомъ приложилъ указательный палецъ ко рту и носу.

— Погодите минутку! Не тревожьте его!—крикнулъ онъ вполголоса.—Онъ тотчасъ уходитъ.

Трудно было опредѣлить возрастъ этого человѣка, еще бодрого, хотя казавшагося старикомъ. Онъ, очевидно, зналъ, что при его ремеслѣ не слѣдуетъ пренебрегать сценической обстановкой. Его одежда была рассчитана на удивленіе зрителей. На головѣ у него была тулья отъ старой шляпы, изъ-подъ которой ниспадали грязными прядями и болтались по его щекамъ сѣдые волосы, которыхъ онъ не подрѣзавъ. Если бы онъ вышелъ изъ колючаго кустарника, то и тогда его одежда не могла быть болѣе рваной; но этими лохмотьями онъ пользовался чрезвычайно оригинально: на нихъ навязаны были самые разнообразныя предметы, совершенно неупотребительныя для украшенія одежды, какъ, напримѣръ, птичьи лапы, ястребиныя и соколиныя когти, козьиные рожки, бѣленькія, хорошо вычищенные косточки, сухіе коренья, тоже похожіе на кости, медальки, бусы, и все это звенѣло на его груди при малѣйшемъ движеніи. Онъ опирался на длинную, узловатую и кривую трость изъ виноградной лозы: онъ съ нею никогда не разставался. Его лицо быстро переходило отъ очень хитраго къ чрезвычайно глупому выраженію.

Когда ему случалось спускаться со своей горы въ деревню, его какъ будто стѣсняло общество другихъ людей; и его тревожный, недовѣрчивый взоръ придавалъ ему сходство съ растеряннымъ видомъ ночной птицы, которую какая нибудь случайность принудила вылетѣть изъ ея убѣжища днемъ. Но здѣсь, у себя на горѣ, онъ зналъ, что внушаетъ страхъ тѣмъ, кто къ нему приходитъ, и говорилъ съ ними тономъ насмѣшливаго превосходства ради усиленія этого впечатлѣнія.

Онъ удалился въ свое жилище, а взволнованной крестьянкѣ удалось бросить взглядъ черезъ полуотворенную дверь. Прежде всего, ее напугали два глаза, страшно, пристально глядѣвшіе на нее,—глаза огромные, горѣвшіе, точно адскія головешки, и что окончательно перевернуло вверхъ дномъ всѣ мысли Біаны, какъ будто находившіеся въ отрубленной головѣ, такъ это то, что она не могла рассмотреть никакого туловища подъ ними. Хлопанье крыльевъ заставило ее вздрогнуть, потомъ улыбнута: она узнала сову, ручную птицу колдуна.

Среди полумрака, нѣсколько скрывавшаго нищенское убранство комнаты, отсвѣчивали бѣлизною предметы совсѣмъ не благочестиваго вида: остовъ бычачьей головы съ парой громадныхъ роговъ, части скелетовъ, связки всевозможныхъ травъ и звѣриныя шкуры въ перемежку съ лохмотьями.

На очень грязномъ столѣ лежала раскрытая книга, хотя всему свѣту было извѣстно, что Тіолонъ не умѣетъ читать.

Гурродиха, которой было не по себѣ, перевела глаза на склоны долины, гдѣ наступающій вечеръ начиналъ заволакивать обнаженныя деревья едва замѣтною сѣрватою дымкою. Вверху парила хищная птица, медленно и тяжело въспо описывая круги и испуская зловѣщіе крики. Козы окружили крестьянку и, видя, что она не двигается, нахально стали разнюхивать, нѣтъ ли у нея, какъ у ихъ хозяина, соли въ карманѣ. Гурродиха была поражена почти человѣческимъ выраженіемъ ихъ мордъ.

— Назадъ.—крикнула она, устыдившись тревоги, которая начинала овладѣвать ею.

Наконецъ, явился и Тіолонъ въ сопровожденіи охрипшей собаки, совершенно облѣзлой, такой же старой и дряхлой, какъ домъ, и ходившей съ чрезвычайными предосторожностями, выбирая мѣста, куда поставить лапы, какъ будто она наступала на иголки или боялась внезапно вывиха отъ слишкомъ рѣзкаго движенія.

— Сюда, Товарищъ!—крикнулъ ей хозяинъ, замѣтивъ, что она пытается удалиться за домъ.—Къ счастью, онъ теперь ушелъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ посѣтителницѣ.

— Кто такой?

— Тс! — отвѣтили онъ все такъ же таинственно, — не будемъ говорить *о немъ*.

Крестьянка не стала настаивать, вспомнивши слухи о томъ, что Тіолона навѣщаетъ чортъ. Она хотѣла войти къ нему въ жилище, но онъ загородилъ ей дверь и усадилъ ее на дубовое бревно, гнившее подъ заборомъ. Она рассказала ему, какъ ее преслѣдуетъ судьба. Ея отецъ оставилъ себѣ треть своего имущества и въ теченіе пятнадцати лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ она замужемъ, эта треть нераздѣльна съ Мюзелевкой и даетъ доходъ ея брату Антону. Справедливо ли это?

— По истинной правдѣ, нѣтъ, — сказалъ Тіолонъ, — Вы считаете, что было-бы справедливѣе вамъ пользоваться ею, не такъ ли?

— Намъ только хочется, чтобы отецъ пожилъ теперь немного и у насъ, но онъ не можетъ рѣшиться перейти къ намъ. Когда у Антона померъ парень, я подумала, что дѣло сдѣлано. Онъ полюбилъ моего Діовона, сталъ называть его своимъ наследникомъ; однако на житье къ намъ не пошелъ. Когда пріѣхала изъ Ліона Терметта, я знала, что старикъ ее терпѣть не можетъ и подумала: «Ладно, теперь она такъ будетъ злить его, что выживетъ изъ дому». Озлить-то она его озлила, только онъ всетаки остался, гдѣ былъ. Она влюбилась въ Фощурера, котораго старикъ ненавидитъ; она стоитъ на своемъ, а старикъ твердитъ свое, но всетаки ни съ мѣста. Жанъ-Луи! вы бы должны помочь мнѣ! вы такъ много знаете.

— Я? Бѣдная женщина! Что же я могу сдѣлать?

— Говорятъ, что ваша мать научила васъ наговорамъ, которыми вы можете сдѣлать, что хотите.

— Это говорятъ, Біана, но только тѣ, кто желаетъ зла.

— Ахъ! это всему свѣту извѣстно! Развѣ не вы послали порчу на Пейссенатовъ, что живутъ у лѣса?

— Въ самомъ дѣлѣ, порчу? Расскажите-ка мнѣ про это.

— Сами хорошо знаете. Теперь у нихъ во всемъ незадача: молоко киснетъ, сѣно прѣетъ на сѣновалѣ, скотъ хвораетъ, виноградъ желтѣетъ отъ червя. Откуда всѣ эти бѣды, если не отъ порчи?

— Понятное дѣло, что порча—вещь ужасная.

— Если бы вы захотѣли, Жанъ-Луи, мы бы навѣдали въ Мюзелевкѣ такихъ дѣлъ, что у старика лопнуло бы терпѣніе. Я не алѣю и не безчеловѣчнѣе другихъ, но когда я вижу, какъ везутъ къ брату всѣ тѣ возы сѣна, всѣ тѣ колны ржи, всѣ тѣ корзины съ виноградомъ, изъ которыхъ намъ принадлежитъ, по крайней мѣрѣ, половина, я сохну отъ злости. Мнѣ, право легче было бы, еслибъ хоть градомъ все выбило: это было бы справедливѣе.

— Или пополамъ, или никому ничего, разумѣется!

— Я не хочу, чтобы меня дольше обкрадывали! Нѣтъ, Жанъ-Луи, хотя бы пришлось продать душу чорту! Не въ могу больше быть доброй!

— Продать душу, Біана! Гм! Старикъ то, видно, крѣпко приросъ къ Мюзелевкѣ?

— Да, но и я ужъ давно стараюсь, и теперь самые пустяки могли бы заставить его рѣшиться. Если вы захотите мнѣ помочь, то дѣло скоро будетъ сдѣлано.

— Понятно, понятно!

— Положимъ такъ: на него посыплются бѣда за бѣдой, какъ на Пейссенатовъ. Я и скажу ему: «Вы видите, что усадьба ваша заколдована съ тѣхъ поръ, какъ эта дѣвочка здѣсь. Не давайте портить вашего добра, переходите къ намъ». Вотъ онъ тогда и рѣшится.

— Да, порча вещь плохая, Біана.

— Но вы поймите, Жанъ-Луи: не надо слишкомъ гадить его добра, потому что половина пойдетъ, вѣдь, намъ. Надо только, чтобъ ему опостылѣла Мюзелевка. Лучше навести порчу на Антоново добро, чѣмъ на стариково; выйдетъ все одно, потому что они живутъ вмѣстѣ.

Тіолонъ быстро подался назадъ, какъ будто увидѣвъ ядовитую гадину.

— Вы требуете отъ меня дурного поступка, Біана?

— Благость Господня! Да развѣ я на это способна? Вѣдь правда-то на моей сторонѣ! Меня грабятъ, и это мнѣ надоѣло: вотъ и все!

— Если это дурной поступокъ, Біана, соглашаетесь ли вы принять его на свою совѣсть?

— Я знаю, что тутъ нѣтъ грѣха, и потому съ удовольствіемъ приму на себя все. Пусть я попаду въ адъ, если нужно, но пусть мнѣ будетъ оказана справедливость! Я готова растоптать ихъ посѣвы, ободрать ихъ деревья, поджечь ихъ домъ, разбить его громомъ, еслибъ это было можно, только бы не дать другому жирѣть отъ моего добра. Оно мое, я хочу его себѣ и никому не уступлю!

— Ладно; посмотримъ, что возможно сдѣлать!

Тіолонъ привязалъ веревку къ колышку, вбитому въ землю въ самой обнаженной части двора; взявъ въ руки другой конецъ веревки, онъ другимъ колышкомъ очертилъ большой кругъ. Потомъ сходилъ за рожью, которую насыпалъ четырьмя маленькими кучками въ равномъ разстояніи одна отъ другой на линіи круга, отмѣтивъ каждую кучку деревянными щепочками, въ видѣ какихъ-то кабалистическихъ знаковъ. Устроивши сцену, онъ пошелъ за актеромъ, великолѣпнымъ пѣтухомъ, котораго принесъ, закрывъ ему голову одною рукою.

Онъ посадилъ его посреди круга и нѣкоторое время еще

не открывалъ ему глазъ, давая ему успокоиться. Потомъ онъ его выпустилъ и безъ шума отошелъ въ сторону. Дремалъ-ли пѣтухъ, или свѣтъ ослѣпилъ его, только онъ нѣсколько секундъ не двигался, а потомъ быстро и съ видомъ испуга сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Но, не видя вокругъ себя ничего страшнаго, онъ остановился, наклонилъ голову, точно прислушиваясь, и внимательно посмотрѣлъ направо и налево. Онъ замѣтилъ кучи зеренъ и такое необычное изобиліе показалось ему подвѣрительнымъ; онъ постоялъ въ раздумьи, пока прозорливость не взяла верхъ; тогда онъ кинулся на одну изъ кучъ и жадно началъ клевать зерна, одно за другимъ.

Тіолонъ слѣдилъ за нимъ съ такимъ вниманіемъ, которое поддерживало тревогу Біаны.

— Хорошо, отмѣнно хорошо!

— Зачѣмъ такая возня?—спросила маленькая женщина, которая боялась, какъ бы вся эта таинственность не обошлась ей втридорога.

— Если вы не хотите моей возни, то можете идти домой!

— Хорошо! Поможете ли вы мнѣ?

— Погодите еще минутку.

Онъ повторилъ тотъ же опытъ съ Товарищемъ, старымъ охрипшимъ псомъ. Удаливъ его, онъ спряталъ на линіи круга четыре кости, которыя отмѣтилъ кабалистическими знаками, потомъ сходилъ за собакой и пустилъ ее на середину круга съ приказаніемъ:—Шершъ! шершъ!—Бравое животное посмотрѣло на него съ упрекомъ, какъ будто спрашивая, какая ему нужда прятать кости, о которыхъ ему, Товарищу, отлично извѣстно, что онѣ никуда не годятся, такъ какъ онъ уже не разъ вырывалъ ихъ изъ земли. Однако, послѣ вторичнаго приказанія, песь не торопясь задвигалъ лапами и началъ обнюхивать землю.

Когда онъ вырылъ одну изъ костей, то на лицѣ Тіолона выразилось удовлетвореніе.

— Вы родились въ сорочкѣ,—сказалъ онъ Біанѣ.

— Какое съ вами нужно терпѣніе! Чтожъ, согласны вы мнѣ помочь?

— Въ самомъ дѣлѣ, оно бы можно.

— Да, но захотите ли вы, Жанъ-Луи?

— Я не съю хлѣба на камняхъ.

— Я не такъ глупа, чтобъ отказаться заплатить вамъ за вашъ трудъ. Можете на меня разчитывать.

— Упусти рыбу, потомъ ужъ не поймашь!

— Вы знаете, мы небогаты: несправедливость отца раззоряетъ насъ.

— Такъ чтожъ вы меня беспокоите? Я тружусь только для богатыхъ.

— Мы сочтемся потомъ, когда хотите, разъ дѣло будетъ сдѣлано.

— Ну, Біана, вамъ пора уходить. Онъ скоро будетъ здѣсь.

Солнце закатилось, Біана не хотѣла быть встрѣченной ночью въ окрестностяхъ жилья Тіолона. Она поняла, что надо кончить.

— Ахъ, Жанъ-Луи, между нами не должно-бы быть толковъ о деньгахъ!

— Какъ? Вы только что говорили, что готовы отдать душу, а теперь жалуете денегъ?

— Душу-то?! Ну, это совсѣмъ не то, что деньги. А ихъ такъ трудно добывать, что всегда тяжело съ ними разставаться. Но я знаю, что вы за человѣкъ, и принесла денегъ.

— Вы понимаете, Біана, люди алы. Чѣмъ я рискую? Жан-дармами и тюрьмой! Это не дѣлается даромъ, хоть бы и для друзей.

Она показала ему золотую монету. Глаза Тіолона блеснули молніей при видѣ ея. Онъ проворно протянулъ руку; крестьянка еще проворнѣе отдернула свою, не рѣшаясь выпустить деньги.

— Одного золотого мало, — сказалъ онъ тогда съ пренебреженіемъ. — Если порча не подѣйствуетъ, вамъ придется дать еще.

— Возьмите, больше у меня нѣтъ, право. И если бы Гурро узналъ, что я отдала вамъ, то непременно побилъ бы меня. Но, — прибавила она, держа монету надъ рукою Тіолона, — рѣшено, что вы надѣлаете въ Мювелевѣ всякихъ бѣдъ?

— Рѣшено! Обо мнѣ заговорятъ, увидите... Сюда, Товарищъ! Работа кончена! Пойдемъ домой, старичина!

Біана пошла домой веселой и легкой походкой. Со склоновъ горы среди вечерняго мрака, начинавшаго окутывать окрестность, ей видна была Мювелевка, труба которой дымилась среди тутовыхъ и орѣховыхъ деревьевъ. Она погрозила ей кулакомъ и крикнула, какъ будто ее могли услышать:

— Придетъ и моя очередь, хоть бы мнѣ пришлось разнести тебя!

XVIII.

Въ началѣ марта въ послѣдній разъ завернуло ненастье. Выпалъ еще снѣгъ и его прихватило морозомъ. Черные дрозды и реполовы, захваченные голодомъ, вернулись во дворы отбивать кормъ у куръ. Снѣгъ немного таялъ днемъ и опять смерзался вечеромъ, окаймляя крыши сосульками, какъ будто ста-

рый богъ зимы, серьезно вознамѣрившись вернуться, зацѣпился за нихъ своей жесткой и бѣлой бородой. Мюзель нашелъ своевременнымъ воспользоваться этою погодою, чтобы окончить колеу орѣховъ. Орѣхи колютъ и сортируютъ, чтобы выжимать изъ нихъ масло. Онъ прошелся по селу, созывая сосѣдей на помощь.

— У насъ еще осталось нѣсколько четвериковъ неколотыхъ орѣховъ. Надо бы придти помочь намъ!

— Когда хотите, кумъ!

— Ну, такъ сегодня вечеромъ.

У Кенсоновъ онъ засталъ Марка, который иногда приходилъ повидаться съ Метралемъ и Фаніей. Ссоры между ними не было. Напротивъ, поставивъ на своемъ, старикъ, которому случалось нуждаться въ этомъ сильномъ работникѣ, относился къ нему при встрѣчахъ съ насмѣшливой фамильярностью. Молодой человекъ радъ былъ случаю провести вечеръ у Терметты.

— Придти что-ли къ вамъ выбирать орѣхи? — спросилъ онъ.

— Тебя никто не гонить, — отвѣтилъ Мюзель, подсмѣиваясь, — но если ты не выкинулъ изъ головы Терметту, то терпѣнь время, предупреждаю тебя.

— Каждый проводитъ время по своему. Ей-ей, приду къ вамъ сегодня вечеромъ!

Какъ пріятно была удивлена молодая дѣвушка приходомъ своего поклонника!.. Краска, покрывшая ея щеки, сдѣлала ее прелестной, а Маркъ, замѣтивъ это, почувствовалъ себя совершенно счастливымъ и привѣтствовалъ ее очень развязно, какъ будто давно не видавшись съ нею.

— Добрый вечеръ, барышня!

— Добрый вечеръ, сударь, — отвѣтила она съ отгѣнкомъ лукавства, который былъ понятенъ только двоимъ и доставилъ имъ величайшее наслажденіе.

— Все ли вы въ своемъ здоровьѣ, барышня?

— Спасибо! Желаю и вамъ того же!

Они не спускали другъ съ друга глазъ; ихъ очень забавляла мысль, что никто не понимаетъ, какъ они въ эту минуту смѣются надъ тѣмъ, кто ставитъ препятствія ихъ любви. Каждый вечеръ они свободно бесѣдовали у окошка Терметты, между тѣмъ какъ здѣсь, при свидѣтеляхъ, подбирали вѣжливыя фразы, точно чужіе люди. Совершенно случайно, конечно, рука Марка коснулась руки молодой дѣвушки, и эта ласка, украденная на глазахъ у грознаго дѣда, заставила ихъ вздрогнуть отъ невыразимаго удовольствія.

Столъ былъ выдвинутъ на средину большой комнаты, и маленькая лампа, привѣшенная къ балкѣ, освѣщала его колеблющимся свѣтомъ. У конца стола сидѣлъ старый Мюзель,

слонину, шапку на затылокъ и съ молоткомъ въ рукахъ, добъ его бросить подъ предомыслившимся на него дубомъ, точно отшлифованный камень. Ударъ и онъ бросилъ разбитый орехъ въ кучу передъ собою, которую разобрали работавшие. Они клади ядра въ поставленные на столъ корзины, а скорлупу кидали на полъ, гдѣ она хрустѣла подъ ногами при каждомъ движеніи.

Тутъ были Кеисоны, оstarявшея вдвоемъ постъ ухода младшаго изъ сестры: дѣхъ сестра, которая стала женою Метрала и любила своего школьного учителя, такъ въ первый день брака Гуроника говорила только что слыслъ историю второй червонецъ и теряла терпѣніе, не видя результатовъ морганъ наследной дѣи, по егѣ признанію на Мюзелевку, ея сынъ Дюродъ, любимаецъ старика; Гурно, Бородай, Лашенадъ со своей женою Додоною, Беззаботный, всегда бывавшій на всѣхъ комъ собраніи гдѣ можно было видѣть стакачиги, и въскольке дружины сосѣдей. Балтазаръ, хотя былъ приращенъ, однако, не явился: онъ не хотѣлъ приходить въ Мюзелевку цюва Термента, не призоветъ егѣ.

Въ старину любили такъ сидѣть вмѣстѣ вечерами ради собереженія дровъ и масла, а также потому что сосѣди больше ходили другъ съ другомъ, нежели теперь. Для препровожденія времени, деревскія дѣла, деревенскія слѣтки, а старики, сообщая молодымъ людямъ свои вѣрванія, наблюденыя, земледѣльческія примѣты, слышанныя отъ другихъ сказки и оставшіяся въ ихъ памяти забавныя приключенія и каландрской хроникой деревенскихъ преданія, прошедшаго.

Начали съ шутокъ надъ Беззаботнымъ по поводу недавнаго съ нимъ случая. Егѣ сынчикъ далъ ему урокъ при школьномъ учителѣ. Тогда онъ спросилъ его, чему его учить. Метрала, ребенокъ отвѣтилъ, что онъ учитъ его знать только одно: ремесло тка, ткачество не мотать своего добра, не дѣить до пѣвья, пока не стѣтъ вино, ячмень, до сидѣть, потомъ все это на одной волѣ ии мже жетво другимъ вѣщей, которая попадади отцу на полъ браня: а прямо въ глаза. По причинѣ его убожества, въ храмому не прихвѣнадо, обичная деревенская мораль, очень строгая, но бездѣлникамъ и дѣлшамъ. Такъ какъ онъ нигде не шилъ, а г одиночку, безъ дѣвѣ, денно и нощно шутики и всегда былъ готовъ на маленкія колуги ради угощанія обѣдомъ: кишилъ студѣ, ясы, брѣдъ, борода, ставилъ силки въ дѣсякъ, ходилъ за трофеями, стояничать при вузѣ, то егѣ парваки любилъ. Онъ былъ достопримѣчательностью, Калантра, алддлт ояпригузе гно .онто га алдлоп .дтатосея .-д Пятомъ, а егѣ, Февисъ объявила, что онъ хотѣлъ воспользо- ваться неслучайнымъ излѣ, парваки своихъ иеъ разговоръ пере- шелъ на вѣнне гуды. Старый Мюзелевъ твердо въ него вѣрить.

Рубить дѣсь слѣдуетъ въ новолуніе, если хочешь, чтобъ онъ скоро выросъ вновь, и до новолунія, если его хочешь хранить для постройки. Сѣять слѣдуетъ вскорѣ послѣ новолунія: меньше пропадаетъ зерна; а молотъ въ полнолуніе: хлѣбъ лучше поднимается. По его мнѣнію, ничего не слѣдовало дѣлать, не справившись съ луною.

Какъ только Маркъ позволилъ себѣ въ этомъ усомниться, старикъ тотчасъ вышелъ изъ себя.

— Про тебя извѣстно, что ты ни во что не вѣришь. Ты одинъ умнѣе всѣхъ тѣхъ, кто хозяйничаетъ по пятидесяти лѣтъ. Но полагаю, что въ нашихъ собственныхъ домахъ ты не осмѣлишься издѣваться надъ нами!

Онъ такъ ударилъ молоткомъ по столу, что куча орѣховъ разлетѣлась, а присутствующіе вздрогнули. На силу удалось его унять.

— Маркъ, — материнскимъ тономъ замѣтила старая Додона, — вамъ бы не надо быть такимъ невѣрующимъ: это вамъ вредить.

— Не выпьемъ ли по глоточку? — спросилъ Беззаботный для перемены разговора.

Всѣ возмутились: было еще рано.

— О, для меня всѣ часы равны, — сказала хромой — но если никто меня не поддерживаетъ, то и не надо. Придвинька мнѣ орѣховъ, Діозонъ! Въ жизнь мою я не работала, какъ сегодня.

Стукъ! стукъ! Молотокъ стучалъ непрерывно; старикъ увеличивалъ кучу орѣховъ, а сортировщица неумоимо ее уменьшала.

Огонь на очагѣ пылалъ свѣтло и ярко. Терметта время отъ времени вставала, чтобы не дать ему погаснуть. Мимоходомъ она подталкивала друга локтемъ или касалась рукой его плеча, вкладывая въ эти какъ бы случайныя движенія смыслъ, понятный для нихъ однихъ. Сообщничество въ этихъ маленькихъ фамиллярностяхъ наперекоръ свидѣтелямъ наполняло ихъ радостью. Она кидала въ огонь жгуты сѣзанныхъ лозъ, которые раскручивались въ пламени съ веселою пальбою, выбрасывая залпы красныхъ искръ, которыя вихремъ улетали подъ громадный навѣсъ камина, какъ будто страшно спѣша вырваться на свѣжій воздухъ.

Большой черный котелъ съ кореньями для скота висѣлъ на крюкѣ и пыхтѣлъ, какъ каждый вечеръ: пуфъ! пуфъ!

Старый Бородачъ, по слабости зрѣнія уже не могшій долго работать, подсѣлъ къ огню. Онъ задумчиво глядѣлъ, какъ корчились на угольяхъ горящія лозы, превращаясь въ валики бѣлаго пепла, которые потомъ и вовсе рассыпались. Ютившійся за очагомъ сверчокъ кричалъ во все горло, и старикъ думалъ,

что этотъ крикъ точь въ точь таковъ, какимъ онъ слыживалъ его въ молодости. Онъ вспоминалъ себя ребенкомъ въ такіе же вечера. Какъ онъ тогда былъ беззаботенъ! Играеть бывало кострикой! Онъ хорошо это помнить. Потомъ въ другіе вечера, онъ ухаживалъ за дѣвушками. И онъ въ жизни былъ любимъ! Потомъ, въ зрѣломъ возрастѣ, домъ его наполнился дѣтьми, которыхъ онъ тоже любилъ. А теперь тѣ, кого онъ любилъ, перемерли, или, что гораздо хуже, стали любить другихъ, а о немъ позабыли. И вотъ онъ—одинъ, дряхлый, бесполезный, сталъ въ тягость себѣ и стѣсняеть другихъ! Когда же, подобно одной изъ этихъ искръ, которыя такъ весело уносятся въ воздушное пространство, и тамъ пропадаютъ,—онъ улетитъ въ свою очередь и избавится отъ страданій? Передъ нимъ, растаявшисъ и щетинясь даже во снѣ, спала сердитая Москва. Огонь понемножку ее поджаривалъ, и, когда начинать жечь невыносимо, она рычала отъ боли, но не отодвигалась ни на вершокъ, а только поворачивалась на другой бокъ, чтобы вскорѣ опять зарычать.

Стукъ! стукъ! Молотокъ все стучалъ. Гурродиха, имѣвшая свои причины, чтобы придавать разговору желательное для нея направленіе, заговорила о страшномъ.

— Значить, вы не вѣрите,—спросила она у Марка,—что, когда луна ярко свѣтитъ, то по ея лучамъ слетаютъ духи?

— Боже мой,—отвѣтилъ Маркъ,—во всякомъ случаѣ, могу сказать, что никогда ихъ не видывалъ!

— Зато Петръ Башмакъ видѣлъ ихъ разъ ночью, видѣлъ, какъ я вижу васъ. Объ этомъ онъ часто рассказывалъ. Онъ возвращался изъ Ширена, ночь была ясная, вѣтерокъ вздыхалъ въ изгородяхъ, точно грѣшная душа. Въ пятидесяти шагахъ отъ Маладѣрскаго креста онъ увидѣлъ, что на поперечинѣ сидитъ духъ и трепыхается, будто привязанный. На что похожъ—сказать нельзя, а только весь бѣлый! Онъ крикнулъ: «Во имя Бога, Нашего Отца, что тебѣ надо?» Духъ началъ хлопать, точно крыльями. Тогда Петръ Башмакъ испугался и бросился бѣжать по виноградникамъ.

— Какую-нибудь бѣлую тряпку мальчишки повѣсили на крестъ. У Петра-то голова была не изъ крѣпкихъ.

— Можно-ли такъ богохульствовать! — вскричала совершенно огорченная Додона.

— Вотъ нынѣшняя молодежь! Просто въ дрожь кидаетъ! — сказалъ старый Мюзель.—И онъ хочетъ, чтобы всѣ стали такими же!

— Позвольте,—сказалъ Беззаботный, — вѣдь этотъ Петръ Башмакъ видѣлъ, кажется, и чорта!

— А какъ же?! Вѣдь онъ даже послѣ того былъ нѣсколько

дней не въ умъ. Это было въ тотъ годъ, когда такъ славно уродилась пшеница въ Жизетгахъ.

— Онъ это я знаю лучше васъ всѣхъ, сказала Марья со смѣхомъ. — Я тоже видѣла чорта, а маленькая Луиза, которая у насъ служила, видѣла его часто. Да, очень часто, могу сказать! Она даже гоняла его въ поле.

Что это вы говорите! воскликнули женщины.

Чорта въ поле! сказала Беззаботная. Ну, это не то, что выпить стаканъ вина!

Насъ было нѣсколько мальчишекъ, страшныхъ проказниковъ, и мы знали, какъ легко надуть Петра. Это я предложилъ показатъ ему чорта: съ тѣхъ поръ прошло довольно времени, чтобъ я могъ признаться.

Господи Иисусе Христе! сказала Бiana.

— Ну, насъ былъ черный козелъ съ такою бородою, которой могъ бы позавидовать самъ бородачъ, тутъ сидѣли, и такими громадными руками, изъ которыхъ каждый годился бы на рукоятъ сохи. Онъ такъ любилъ соль, что, завидѣвъ ее, готовъ былъ въ огонь и въ воду. Мы все украли дома по пригоршнѣ соли, и такъ набралась полная корзина. Петръ

никогда не записался на члѣвъ: все! его добро не стоило и двухъ грошей. Разъ вечеромъ, когда онъ еще не приходилъ домой, мы насыпали дорожку соли черезъ весь дворъ къ нему въ домъ, потомъ по лѣстницѣ въ его комнату, потомъ на стулъ въ ногахъ кровати и кончили большой кучей соли въ углу самой кровати. Видите, какъ хитро! Ужъ эти ребята—сущіе обсеянты! Петръ легъ спать, мы тотчасъ за козломъ. Впустили его во дворъ, а сами забрали на деревья; откуда намъ и видно, что дѣлается въ комнату. Лѣво, окошко настежь, свѣтло-то не очень, но мы раскрыли глаза, какъ ворота, чтобъ ничего не проглядѣть. Намъ Петръ не спалъ; онъ говорилъ самъ съ собой. Вы помните, онъ имѣлъ эту привычку: никогда ни слова про себя, а все свои мысли выкрикивалъ вслухъ на большой дорогѣ. Ну ладно! Вотъ дѣлать и говорить:

«Если я не женюсь теперь, то никогда у меня жены не будетъ (замытьте, что ему было за шестьдесятъ, а, пожалуйста, и все шестьдесятъ пять). Если я не женюсь теперь, то у меня никогда жены не будетъ, но вѣдь жену надо кормить, а мнѣ нечѣмъ. Значитъ, нельзя и жениться. Какъ же быть?» И приговаривалъ: «Вотъ такъ чортъ! Вотъ такъ чортъ!» Ладно, сейчасъ увидишь чорта! Можете себѣ представлять, какъ намъ было весело! Между тѣмъ, нашъ козелъ подлизывалъ себѣ соль. Шмыгъ, шмыгъ—вошелъ въ домъ. Шмыгъ, шмыгъ—по лѣстницѣ. И вѣдь тихо шель, скотина! Вотъ и въ комнату, прямо по соляной дорожкѣ. Наконецъ прыгаетъ на стулъ. Петръ Башмакъ все еще повторялъ: «Вотъ такъ чортъ! Вотъ

— А что такое?

— У нихъ въ ригѣ домовой, который портитъ весь ихъ хлѣбъ и скоть. Должно быть Тиолонъ сглазилъ ихъ!

— Еслибы Тиолонъ позволилъ себѣ у насъ такія штуки, я погладилъ бы ему бока доброй палкой. Вы увидѣли бы, какъ удрали бы его домовой.

— Ахъ, несчастный!—сказала Додона, — никогда не связывайтесь съ нимъ. Не знаю, правда-ли, только говорятъ, что къ нему ходитъ чортъ.

— Во всякомъ случаѣ,—сказалъ Маркъ, опять засмѣявшись, — ужъ не тотъ, что приходилъ къ Петру Башмаку. А тотъ ужъ десять лѣтъ, какъ издохъ.

— Благодать Господня! — набожно воскликнула Биана. — Можно-ли такъ оскорблять Бога? Не правда-ли, Франсуаза, вѣдь Тиолонъ насылаетъ порчу?

— О,—сказала старая работница,—я, какъ Жанъ Бенони, вѣрю всему, что мнѣ говорятъ.

— Такъ вотъ каковъ былъ Бенони!—сказалъ Беззаботный.

— Развѣ вы не помните? Когда епископъ приѣхалъ на конфирмацію, онъ сталъ его спрашивать изъ катехизиса: «въ какой день умеръ Иисусъ Христосъ?» А онъ отвѣтилъ: «Такъ онъ умеръ, сударь? Смотрите-ка, а я и не зналъ!» Епископъ разсердился и говоритъ: «Развѣ вы въ Него не вѣрите?» А онъ отвѣтилъ: «Да, вѣрю, потому что вы мнѣ сказали: я вѣрю всему, что мнѣ говорятъ».

— Что жъ это такое за домовой?—спросила Терметта, которая съ ужасомъ вспомнила о своей ночной встрѣчѣ съ Тиолонемъ, какъ разъ по сосѣдству съ домою Пейссенатовъ.

— Домовой,—сказала Додона,—это какъ маленькій чортъ, бѣсенокъ, который заводится въ ригахъ и въ конюшняхъ. Они бываютъ добрые и злые. Попадется злой—все разладится, и домъ пропадетъ. Попадется добрый—напротивъ, все идетъ прекрасно. Онъ забавляется тѣмъ, что работаетъ, пока всѣ спятъ: вѣетъ хлѣбъ, мететъ ригу, чиститъ скотину. Въ Сенъ-Буа, у одного богача, былъ такой-то. Только онъ каждую ночь заплеталъ лошадямъ гривы: они любятъ это дѣлать. А работникъ ему на зло, возьми, да и заплети ихъ навыворотъ. Тогда онъ исчезъ. Хозяева очень о немъ жалѣли.

Такъ продолжалась бесѣда. Женщины подтверждали всѣ суевѣрные рассказы; молодые люди нерѣшительно молчали; старики, убаюканные этими знакомыми баснями, думали: «Какъ знать, какія на свѣтѣ диковины?! Чего, чего не бываетъ!» Старый Мюзель вѣрилъ въ домовыхъ, но не вѣрилъ въ царя Ирода. Бородачъ вѣрилъ во все.

Вдругъ Москва, которой ужъ пора было хорошо прожариться за то время, какъ она валялась передъ огнемъ, рыча

отъ боли, вскочила, и, бросившись къ двери, бѣшено за-
лаяла.

— Кушь, кушь!—крикнулъ старый Мюзель.—Кто можетъ
прийти къ намъ въ этотъ часъ?

Всѣ выжидательно стали смотрѣть на дверь, такъ какъ
знали, что этимъ способомъ Москва возвѣщаетъ о приходѣ чу-
жихъ; слышался даже шумъ, какъ бы отъ страхиванья снѣга
съ деревянныхъ башмаковъ, но никто не вошелъ, и собака съ
рычаніемъ вернулась на мѣсто.

— Это кто-нибудь прошелъ мимо.

— А можетъ быть духи бродятъ вокругъ дома: собаки отъ
этого лаютъ,—сказала Додона, крестясь.

Антонъ отворилъ дверь. Тутовыя деревья на дворѣ выдѣ-
лялись черными узорами на бѣлой поверхности земли. Нѣ-
сколько снѣжныхъ хлопьевъ безшумно порхали въ воздухъ.
Великое безмолвіе, которое приносить снѣгъ, царило надъ
деревней и окрестностью.

Часъ спустя огонь уже не пылалъ. Бородачъ уснулъ на
стулѣ; Діозонъ—тоже, положивъ голову на столъ. Нѣкоторые
изъ работавшихъ какъ будто вдѣвали нитки въ иголки, такъ
низко ихъ носы опускались на ихъ руки, чтобы видѣе было
работать: дѣло въ томъ, что и они дремали.

— На нынѣшній вечеръ довольно,—сказалъ Мюзель, откла-
дывая молотокъ.—Франсуаза, сходите за бѣлымъ виномъ.

— Выпить невредно, въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ Беззабот-
ный,—не знаю почему, у меня языкъ чешется съ самаго на-
чала вечера.

Старая работница вышла съ фонаремъ, пока кончалась
сортировка орѣховъ.

Почти тотчасъ дверь опять отворилась и сильно хлопнула.
Франсуаза влетѣла, какъ безумная, точно за ней гнались
враги. Она была страшно блѣдна подъ слоемъ загара, покры-
вавшего ея кожу; черты ея перекошились, а зубы такъ сту-
чали, что казалось, будто носъ и подбородокъ теперь, нако-
нецъ, сойдутся. Она крикнула голосомъ, взволновавшимъ все
собраніе:

— Господи, помилуй насъ! У насъ есть домовой: у ко-
былы грива заплетена.

Всѣ встали съ неяснымъ чувствомъ тревоги. Первымъ дѣ-
ломъ Мюзеля было вспылить.

— Что это за дура! Чортъ бы побралъ старухъ со всѣми
ихъ небылицами! Какъ это у нашей кобылы можетъ быть за-
плетена грива? Вы впадаете въ дѣтство!

— Пятьсотъ тысячъ холеръ!—раздраженно крикнула Фрон-
суаза, у которой сварливость тотчасъ взяла верхъ надъ стра-
хомъ.—Я вѣдь щупала и знаю, что говорю, я думаю. Какъ

новъ падалъ на полъ и разбивался, бѣшенство старика какъ-бы усиливалось.

— Все бей! все ломай! Все бей! все ломай! — кричалъ онъ, и удары тяжелой скамьи еще чаще сыпались на столъ

Въ послѣдовавшей затѣмъ суматохѣ Терметта была отгѣснена къ Марку. Они тайкомъ пожали другъ другу руки и въ этомъ пожатіи выразили всю свою взаимную преданность. Имъ необходимо было дать другъ другу это подтвержденіе своей любви среди такихъ обстоятельствъ, о которыхъ они не знали.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ стихотвореній Христины Россетти.

Милый другъ, какъ умру я—не пой
Ты по мнѣ пѣсни скорбно-унылой,
Ни кустовъ кипарисныхъ, ни розъ
Не сажай надъ моею могилой.
Пусть на ней зеленѣетъ трава,
Увлаженная свѣжей росой.
Ты-же, ты... если хочешь, забудь,
Если хочешь—припомни порою.

Не проснусь я отъ стука дождя,
Не увижу ни свѣта, ни тѣни,
Не услышу, когда зазвучать
Соловьиные вздохи и пѣни.
Но средь грѣзъ, въ этомъ мракѣ нѣмомъ,
Окружившемъ меня отовсюду,
Я, быть можетъ, сумѣю забыть
И, быть можетъ, все помнить я буду...

Петръ Вейнбергъ.

Народно-хозяйственные наброски.

XXXV.—Къ изученію нашихъ отхожихъ промысловъ.

XXXV.

Когда эти страницы будутъ передъ глазами читателя, огромныя массы русскаго народа оставявъ свои дома и пойдутъ искать заработка въ отхожихъ промыслахъ. Это явленіе, къ которому мы черезчуръ уже приглядѣлись, возбуждаетъ въ насъ слишкомъ мало вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, что мы знаемъ, строго говоря, о мотивахъ, его производящихъ, о способахъ, которыми пользуются отхожіе промышленники для достиженія своихъ цѣлей, о всѣхъ тѣхъ невзгодахъ, разочарованіяхъ, несчастіяхъ, которыя постигаютъ ежегодно эту «бродячую Русь»? Почти ничего, кромѣ того, что даютъ очень немногія изслѣдованія да поверхностныя отрывочныя впечатлѣнія той другой «Руси», которая также «бродитъ» гѣтомъ, но не на заработки, а на «теплыя воды» и всякаго рода мѣста отдохновенія...

Но отхожіе промыслы двигаютъ у насъ *милліоны* людей; они составляютъ необходимое условіе существованія этихъ милліоновъ; обстоятельства складываются такъ, что число отхожихъ промышленниковъ не сокращается, а обнаруживаетъ тенденцію увеличиваться, заработки же ихъ, наоборотъ, повидимому, клонятся къ упадку. Такимъ образомъ, напряженность этихъ отношеній должна съ теченіемъ времени возрастать, а народно-хозяйственное значеніе и обстановка ихъ становится все болѣе и болѣе серьезными. Поэтому назрѣваетъ все болѣе и болѣе настоятельная потребность изучать, вдумываться въ это характерное явленіе нашей экономики, уяснить всю его ненормальность и остановить вниманіе на способахъ, которые могутъ хоть до извѣстной степени повліять въ смыслѣ сокращенія губительныхъ вліяній, сопровождающихъ это ежегодное перемѣщеніе по странѣ массъ народа, превышающихъ по численности цѣлое племя древнихъ временъ. Вѣдь можно совершенно серьезно поставить вопросъ, затронуло-ли «великое переселеніе народовъ» такое-же число людей, которое ежегодно принимаетъ участіе въ нашихъ отхожихъ промыслахъ?

Въ послѣдующемъ постараемся освѣтить хоть главнѣйшія сто-

роны явления, на основаніи тѣхъ немногихъ матерьяловъ, которые имѣются по этому предмету. Быть можетъ, такая группировка данныхъ нѣсколько поможетъ ориентироваться въ томъ сложномъ вопросѣ, который заключается въ этихъ промыслахъ.

Опредѣлить сколько нибудь точно размѣръ ихъ не представляется возможнымъ. Отдаленное представленіе о количественномъ развитіи ихъ можно составить лишь по нѣсколькимъ слѣдующимъ цифрамъ, только по 131 уѣзду, касающимся почти исключительно только мужскихъ заработковъ ¹⁾. Губерніи располагаются въ уменьшающемся порядкѣ процентныхъ отношеній.

Число уѣздовъ.	Губерніи.	Число отхожихъ промысл. м. п.	% мужск. рабоч. населенія.
6	Смоленская	60.802	42,5
13	Московская	110.399	40,2
4	Нижегородская	37.022	36,3
12	Рязанская	130.515	32,1
6	Орловская	53.393	29,5
9	Вятская	145.360	28,8
4	Петербургская	17.524	27,9
15	Курская	131.578	27,6
1	Бессарабская	11.269	24,2
12	Тверская	м. 235.503) ж. 65.204)	18,9
3	Екатеринославская	10.808	13,6
4	Черниговская	11.998	12,5
9	Воронежская	30.164	12,3
3	Саратовская	11.472	11,6
2	Новгородская	3.497	10,7
3	Херсонская	11.557	6,8
7	Самарская	29.230	6,3
15	Полтавская	м. 48.723) ж. 9.564)	5,6
2	Пермская	3.653	4,0
Итого въ 131 уѣзд. 19 губерніи.		м. 1.094.468	
» » 27 » 2 »		ж. 74.768	
Всего		1.168.354	

Кромѣ того семейныхъ паспортовъ (Тверской губ.). 16.947

По даннымъ г. Тезякова ²⁾ выдано паспортовъ въ губ. Кіев-

¹⁾ Въ основу этой таблички легли данныя сводныхъ работъ по земской статистикѣ: 1) Изданія Комитета Министровъ, Спб. 1894 г. и 2) Сборника г. Благовѣщенскаго, 1893 г. Данныя эти пополнены свѣдѣніями новѣйшихъ выпусковъ текущей земской статистики по 4 губерніямъ.

²⁾ Тезяковъ.—Сельско-хоз. рабочіе въ Херсонской губ. Херс. 1895 г. стр. 17.

ской 101.490, Подольской 108.285 и Харьковской 157.280, всего—367.055 въ трехъ губерніяхъ. Если предположить, что семейными паспортами въ Тверской губ. воспользовались хоть по 2 человѣка, то общая сумма лицъ, отходящихъ на заработки, опредѣляется приведенными данными въ суммѣ около 1,6 милл. человѣкъ. Принимая во вниманіе, что женскій отходъ этими данными почти не затронуть и что данныя эти касаются *меньше трети* уѣздовъ 50 губерній Европейской Россіи, надо предположить, что отхожіе промыслы захватываютъ только въ этихъ предѣлахъ во всякомъ случаѣ не менѣе 5 милл. человѣкъ ежегодно, а на самомъ дѣлѣ несомнѣнно гораздо болѣе.

Изъ числа упомянутыхъ губерній только въ четырехъ—въ двухъ восточныхъ (Пермской и Самарской) и въ двухъ южныхъ (Херсонской и Полтавской) процентъ уходящихъ работниковъ менѣе 10, въ слѣдующихъ одиннадцати — относительныя величины возрастаютъ и колеблются между 10 и 30%, а въ четырехъ центральныхъ онѣ достигаютъ крупныхъ размѣровъ—отъ 32 до 42½% всѣхъ мужчинъ рабочаго возраста. Такимъ образомъ, ищутъ заработковъ въ отходѣ около трети работниковъ въ Рязанской и Нижегородской губ., а въ Московской и Смоленской—болѣе $\frac{2}{3}$. Насколько можно обобщать приведенныя данныя, первенство въ этомъ случаѣ принадлежитъ: а) центральной московской промышленной области, б) губерніямъ—Вятской на востокъ и Петербургской на западъ и в) средней черноземной полосѣ.

Почти всѣ приведенныя цифры относятся, однако, къ сравнительно отдаленному времени—къ 80-мъ годамъ—и потому для настоящаго момента нуждаются въ большихъ поправкахъ, такъ какъ данное явленіе не перестаетъ *возрастать* во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, для которыхъ имѣются свѣдѣнія текущей статистики. Въ этомъ смыслѣ мы имѣемъ совершенно опредѣленные указанія изъ губерній, значительно удаленныхъ географически одна отъ другой—Орловской, Тверской, Нижегородской и Воронежской ¹⁾. Въ Тверской губ. число выданныхъ паспортовъ увеличилось за послѣднія 5—7 лѣтъ (до 1894 г.) на 16½%. Особенно замѣтно тамъ возрастаніе женскаго отхода: число мужскихъ паспортовъ увеличилось по уѣздамъ, отъ 2,9% до 35,3% (только въ одномъ уѣздѣ замѣчено сокращеніе этого числа), а женскихъ—до 69,6%. Тамъ-же наблюдается и возрастаніе числа паспортовъ болѣе долгосрочныхъ на счетъ краткосрочныхъ. Одинъ 1894-й годъ далъ общее увеличеніе числа такихъ паспортовъ на 4,3% (въ томъ числѣ увеличеніе женскихъ на 8,6%—11,9%). Въ Воронежской губ. замѣчается въ 90-хъ годахъ особенно сильное увеличеніе отхода на заработки.

¹⁾ Сельско-хозяйственные обзоры: Орловской губ. 1895, вып. II, стр. 186 и слѣд.; Тверской губ. 1894 г. стр. 8 и 12 и 1895 г. стр. 13—17; Нижегородской 1893 г., стр. 79—87; Воронежской—1891—2 г. стр. 81 и слѣд. и 1894—5 отд. II, стр. 92—3.

Массовое движеніе въ такихъ размѣрахъ, какъ въ послѣднее время, было тамъ прежде неизвѣстно. Оно охватило въ 1891—2 г., по приблизительному учету, не менѣе 62%, т. е. почти $\frac{1}{2}$ всего рабочаго населенія губерніи. Есть основанія думать, что на сторону ушло тогда около $\frac{1}{2}$ милл. человѣкъ (были волости, отпускаящія по 1000—2000 рабочихъ обоего пола). Надо, однако, прибавить, что огромные размѣры, которые принялъ отходъ въ Воронежской губ. подъ вліяніемъ исключительныхъ причинъ (двухлѣтній крупный неурожай хлѣбовъ), сократились немало за послѣдніе годы. Въ Кіевской губ. за послѣднія 8 лѣтъ число уходящихъ почти удвоилось (поднялось съ 45 до 85 тыс.) ¹⁾.

Въ виду указанной тенденціи цифръ отхода къ возрастанію, необходимо ознакомиться съ тѣми факторами, которые обуславливаютъ происхожденіе и развитіе отхожихъ промысловъ.

Не трудно, конечно, догадаться, что тѣмъ и другимъ они обязаны прежде всего недостаточному обезпеченію населенія орудіями производства и предметами первой необходимости. Губерніи, менѣе обезпеченныя въ этомъ смыслѣ, высылаютъ на заработки большее число рабочихъ и наоборотъ; отдѣльные разряды крестьянъ, испытывающіе большую нужду, высылаютъ ихъ больше, чѣмъ сосѣдніе съ ними другіе разряды, потребности которыхъ могутъ быть удовлетворены лучше. Главнѣйшими изъ такихъ факторовъ, обуславливающихъ колебанія *предложенія* труда отхожихъ промышленниковъ, слѣдуетъ назвать размѣры земельного обезпеченія крестьянъ и высоту урожая въ мѣстностяхъ, откуда они отправляются. Съ другой стороны, *спросъ* на ихъ трудъ можетъ испытывать сильныя колебанія въ мѣстностяхъ, куда они направляются въ зависимости отъ потребности тамъ въ наемномъ трудѣ, а въ частности для земледѣльческихъ рабочихъ—отъ степени распространенія машинной работы въ сельскомъ хозяйствѣ и опять таки отъ размѣра урожая въ Комбинаціи этихъ факторовъ, дѣйствующихъ то въ одномъ, то въ противоположныхъ направленіяхъ, производить въ конечномъ результатѣ весьма крупныя колебанія въ размѣрахъ и въ выгоды отхожихъ промысловъ.

Еще въ 70-хъ годахъ Чаславскій вычислилъ, что въ полосѣ, изъ которой уходитъ много земледѣльческихъ рабочихъ, на каждого жителя м. п. приходится 3,5—7,7 дес. всей поверхности данной области, а въ полосѣ, куда рабочіе идутъ, 10,4—41 дес. ²⁾. Въ виду неравномѣрности землепользованія отдѣльныхъ группъ населенія такой приѣмъ вычисленія, конечно, недостаточенъ и требуетъ поправки. Тѣмъ не менѣе эти цифры правильно указываютъ на то, что въ отхожіе промыслы направляются рабочіе изъ губерній, ме-

¹⁾ *Телюковъ*—указанн. изслѣдованіе, стр. 16.

²⁾ *Чаславскій*—Земледѣльческіе отхожіе промыслы. Сборникъ Государств. знаній, т. II, СПб. 1896 г., стр. 186.

нѣе обезпеченныхъ земель, въ губерніи, болѣе обезпеченныя. Выше мы видѣли, что наибольшее число рабочихъ высылаютъ губерніи московской промышленной и средней черноземной полосъ, обладающія меньшими размѣрами надѣловъ, чѣмъ другія; ниже мы узнаемъ, что болѣе многоземельныя мѣстности степей Заволжья, сѣвернаго Кавказа и Новороссіи составляютъ главнѣйшую цѣль земледѣльческаго отхода.

Далѣе, неодинаковы и размѣры землевладѣнія отдѣльныхъ крестьянскихъ группъ. Изъ нихъ менѣе обезпеченныя земли принуждены чаще искать себѣ заработка на сторонѣ, чѣмъ болѣе обезпеченныя. Поэтому въ предѣлахъ одной и той-же губерніи количество отхожихъ промышленниковъ должно колебаться въ обратномъ отношеніи съ размѣрами землепользованія, что въ дѣйствительности и наблюдается. Такъ, напр., въ Воронежской губ. ¹⁾

	Надѣловъ и купленной земли на 1 дворъ (дес.)	% произведенія, арендуемъ цѣль земл.	Арендуемой земли на 1 дворъ (дес.)	Рабочихъ на 1 дворъ.
въ среднемъ по уѣздамъ .	11,4	43,6	5,6	1,65
въ хозяйствахъ, поставляющихъ батраковъ	9,7	28,4	3,5	1,78

т. е. хозяйства, поставляющія батраковъ, имѣютъ меньше своей земли и могутъ меньше арендовать на сторонѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это—хозяйства, нѣсколько болѣе обезпеченныя рабочими силами, хотя разница между обѣими группами по этому признаку не велика. Другіе признаки хозяйственной состоятельности двора располагаются между тѣми и другими въ соотвѣтствіи съ указанными различіями въ землепользованіи. Не обрабатываютъ своихъ земель въ среднемъ по уѣздамъ 9,4%, а изъ хозяйствъ, поставляющихъ батраковъ, 14,8%; не имѣютъ рабочаго скота въ среднемъ 23,0%, а среди этихъ 38,5%, не имѣютъ никакого скота 11,2% противъ 21,1%. Аналогичныя отношенія мы встрѣчаемъ и въ другихъ губерніяхъ, гдѣ данное явленіе подверглось учету. Такъ, очень цѣнныя данныя въ этомъ отношеніи находятся въ статистическихъ сборникахъ по разнымъ уѣздамъ губерній: Тверской, Орловской, Нижегородской, Полтавской.

Эти данныя по губерніямъ, принадлежащимъ къ разнообразнымъ полосамъ Европейской Россіи, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что колебанія размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія и связанныя съ ними колебанія прочихъ хозяйственныхъ факторовъ оказываютъ существенное вліяніе на развитіе отхожихъ промысловъ. Менѣе обезпеченныя группы населенія высылаютъ больше отхожихъ рабочихъ и наоборотъ.

¹⁾ С. О. Рудневъ—Промыслы крестьянъ въ Европейской Россіи.—Сборникъ Саратовскаго Губернскаго Земства. 1894. III, стр. 40—43.

Этимъ обстоятельствомъ и можно объяснить, что губерніи, составляющія цѣль отхожихъ промышленниковъ, сами выдѣляютъ нѣкоторое количество рабочихъ, ищущихъ заработка въ другихъ губерніяхъ. Къ такимъ губерніямъ принадлежать, напр., Екатеринославская, Херсонская, Самарская, Саратовская. Бѣднѣйшая часть населенія и тамъ принуждена батрачить на сторонѣ, не находя приложенія своего труда на мѣстахъ, быть можетъ, именно вслѣдствіе конкуренціи пришлыхъ рабочихъ изъ другихъ губерній.

На ряду съ обезпеченіемъ населенія факторами производства, крупное вліяніе на развитіе отхода оказываютъ и колебанія урожаевъ на мѣстахъ, *откуда* движутся рабочіе; для земледѣльческаго отхода такое-же значеніе имѣютъ и колебанія урожаевъ въ мѣстностяхъ, *куда* это движеніе направляется. «Небывалое» массовое передвиженіе отхожихъ изъ Воронежской губ. на югъ (въ Донскую область и на Сѣверный Кавказъ) съ осени 1891 г. до лѣта 1892 г., передвиженіе, которое захватило («неудержимымъ потокомъ») почти полмилліона челоувѣкъ, при которомъ *массы семействъ* покидали свои дома и отправлялись «съ цѣлью прокормленія» въ полномъ составѣ искать заработковъ, было однимъ изъ слѣдствій неурожая 1891 г. и весьма плохихъ видовъ на урожай 1892 г. ¹⁾ Въ Орловской губерніи нѣкоторая пріостановка обычнаго роста отхода въ 1894 г. ставится въ связь съ двухлѣтнимъ подъ рядъ урожаемъ ²⁾. Въ 1895 г. отходъ усилился въ тѣхъ частяхъ этой губерніи (западный районъ), гдѣ урожай предшествовавшаго года былъ низокъ ³⁾. Въ Нижегородской губерніи колебанія мѣстныхъ урожаевъ въ весьма замѣтной степени регулируютъ размѣры отхода. Подъ вліяніемъ неурожаявъ начала текущаго десятилѣтія число отхожихъ усилилось весьма значительно ⁴⁾, а въ 1893 г. мѣстности въ которыхъ, урожай оказывался значительно лучше предшествовавшихъ лѣтъ, выпускали на сторону гораздо меньше рабочихъ.

Вліяніе колебаній урожайности въ тѣхъ мѣстностяхъ, *куда* направляется движеніе, на размѣръ землевладѣльческаго отхода можно взглянуть всего прослѣдить по ежегоднымъ «Обзорамъ» Воронежской губ. Въ 1886 г. по случаю неурожая въ мѣстахъ заработковъ воронежскіе отхожіе промышленники потерпѣли крупную неудачу—работы нашли они весьма мало и получали низкую плату ⁵⁾. Это обстоятельство парализовало усиленіе отхода въ 1887 году Но тѣ, которые все-же отправились на заработки, успѣли заработать хо-

¹⁾ Сел.-хов. обзоръ Воронежской губ. за 1891, г. стр. 81.

²⁾ Сел.-хов. обзоръ Орловской губ. 1894 г. стр. 192.

³⁾ Сельско-хов. обзоръ Орловской губ. за 1894 г. стр. 192.

⁴⁾ Необходимость заработка была настолькоъ сильна, что приходилось не разбирать профессій: «портной уходилъ жать въ Самарскую губ., ножовщикъ шелъ на постройку жел. дороги и т. д.»—Сел.-хов. обзоръ Нижегородской губ. 1893 г., вып. II, стр. 78.

⁵⁾ Обзоръ за 1886 г. стр. 100—101.

рошо по случаю хорошаго урожая на Сѣверномъ Кавказѣ ¹⁾. Результатомъ было замѣтное усиленіе отхода въ 1888 году; начали направляться даже въ мѣстности, которыя раньше воронежцами посѣщаемы не были ²⁾. Въ 1889 году слухи о неурожаѣ въ Донской обл. и Сѣверномъ Кавказѣ заставили многихъ ушедшихъ вернуться обратно, а побывавшіе на мѣстахъ нашли тамъ себѣ весьма мало работы; это было тѣмъ болѣе важно, что, подъ вліяніемъ удачи предшествовавшаго года, въ нѣкоторыхъ частяхъ губерніи количество уходившихъ было очень велико ³⁾. Въ 1891—2 г. и ближайшихъ годахъ, какъ уже указано, на развитіе отхода оказали рѣшающее вліяніе двухлѣтній неурожаѣ въ самой Воронежской губерніи. Но въ 1894—5 г. количество отхожихъ замѣтно сократилось вълѣдствіе посредственнаго урожая на Сѣверномъ Кавказѣ ⁴⁾.

Таковы въ общихъ чертахъ главнѣйшіе факторы, побуждающіе отхожихъ промышленниковъ искать заработковъ вдали отъ мѣста своего жительства. Направляются они, понятно, въ мѣстности, предъявляющія спросъ на ихъ трудъ. Отъ размѣровъ этого спроса въ весьма значительной степени зависятъ и размѣры отхода: уменьшеніе спроса вызываетъ сокращеніе числа уходящихъ, не смотря на нужду ихъ въ заработкахъ, и наоборотъ. Слѣдовательно, колебанія цифръ отхода находятся въ зависимости и отъ тѣхъ факторовъ, которые вліяютъ на колебаніе спроса на трудъ пришлыхъ рабочихъ на мѣстахъ ихъ заработковъ. Главнѣйшими изъ этихъ факторовъ (въ частности) для земледѣльческаго отхода надо признать слѣдующіе.

Въ данномъ случаѣ, конечно, имѣетъ значеніе прежде всего распространенность земель частныхъ владѣльцевъ, обрабатывающихъ землю при помощи нанимаемыхъ рабочихъ—при большей или меньшей густотѣ населенія. Чѣмъ больше имѣется въ губерніи такихъ земель и чѣмъ рѣже въ ней населеніе, тѣмъ болѣе увеличивается этотъ спросъ и наоборотъ. Такъ, на одного сельскаго жителя приходилось десятинъ частной собственности ⁵⁾, въ губерніяхъ съ крупными размѣрами отхода: Московской 0,91 дес., Тверской—1,40 дес., Смоленской—2,1 дес.; а въ губерніяхъ, куда направляется отходъ: въ Херсонской—2,57 дес., въ Таврической—3,42 дес., т. е. спросъ на рабочихъ удовлетворяется мѣстными силами значительно меньше въ послѣднихъ двухъ губерніяхъ, чѣмъ въ первыхъ трехъ. При этомъ

¹⁾ Обзоръ за 1887 г., стр. 50—51.

²⁾ Обзоръ за 1888 г., стр. 58—59.

³⁾ Обзоръ за 1889 г., стр. 67.

⁴⁾ Обзоръ за 1894—5 г. стр. 92—3.

⁵⁾ Вычислено на основаніи сопоставленія данныхъ: 1) о частномъ землевладѣніи по обследованію 1887 г., по вышедшимъ выпускамъ Статист. Росс. Импер. XXII, XXIV, XLIII, XL, XLVII и XLI и 2) о населеніи сельскихъ обществъ по Временн. Центр. Стат. Комит. 1894 № 33.

большую роль играет, конечно, и господствующий типъ личного землевладѣнія: отходъ направляется именно въ тѣ мѣстности, гдѣ крупная собственность имѣетъ наибольшее, а мелкая наименьшее распространѣніе. Такъ, изъ всей площади личной собственности составляетъ: въ приуральской полосѣ крупная 97%, а мелкая—1%, въ нижневолжской—80% и 3%, въ новороссійской 75% и 3%; во всѣхъ же остальныхъ полосахъ (кромѣ прибалтійской, гдѣ существуютъ особые условія землевладѣнія) распространенность крупной собственности меньше, а мелкой больше, чѣмъ въ указанныхъ ¹⁾).

Но не одно частновладѣльческое хозяйство предъявляетъ спросъ на трудъ пришлыхъ рабочихъ. Отхожіе промыслы находятся и въ зависимости отъ распространѣнія найма батраковъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ тѣхъ мѣстностей, въ которыя направляется отходъ, а слѣдовательно — и отъ размѣровъ и равномерности распредѣленія крестьянскаго землевладѣнія въ тѣхъ-же мѣстностяхъ. Въ Воронежской губерніи, отправляющей рабочихъ въ отходъ, число дворовъ съ наемными батраками опредѣлено при переписи въ 5,2% общей суммы крестьянскихъ дворовъ, а въ Таврической, дающей заработокъ пришлому населенію—12,9%, т. е. почти въ 2½, раза больше. Последняя цифра колеблется весьма значительно въ отдѣльныхъ группахъ крестьянъ, сообразно ихъ земельному обезпеченію: съ посѣвомъ не болѣе 5 дес.—3,4%, при посѣвѣ 5—10 дес.—4,4%; 10—25 дес.—11,1%; 25—50 дес.—38,2%, болѣе 50 дес. 66,5% ²⁾, т. е. ⅔ всѣхъ крестьянскихъ дворовъ группы. На Сѣверномъ Кавказѣ сильный спросъ на пришлыхъ рабочихъ созданъ вслѣдствіе сравнительно весьма крупнаго надѣленія землей казаковъ (16½—30 дес. на душу м. п. по спискамъ 1868 г.) и государственныхъ крестьянъ (15 дес.), благодаря наличности войсковыхъ и незаселенныхъ дополнительныхъ юртовыхъ надѣловъ рядомъ съ казачьими станичными землями, и благодаря близости обширныхъ донскихъ степей, пользованіе которыми было весьма доступно пограничному съ ними населенію ³⁾. При недостаточномъ количествѣ пришлыхъ рабочихъ въ той или другой мѣстности этого края, въ урожайный годъ хлѣбъ остается тамъ на корню неубраннымъ ⁴⁾—настолько велика потребность въ рабочихъ. Болѣе крупные хозяева—крестьяне «тавричане»—поэтому стремятся обезпечить себя рабочими заранѣе и нерѣдко за-контрактовываютъ ихъ заблаговременно въ ущербъ хозяевамъ болѣе мелкимъ—казакамъ ⁵⁾. Вообще-же во всей Европейской Россіи

¹⁾ А. О. *Фортуатовъ*—Распредѣл. по зем. собств. въ Европ. Россіи. М. 1886 стр. 23.

²⁾ А. О. *Фортуатовъ*—Сельско-хозяйственная статистика. М. 1893 стр. 132.

³⁾ О. А. *Щербина*.—Общій очеркъ экономическихъ условій района Владикавказской жел. дороги. Спб. 1891 I 20.

⁴⁾ Тамъ-же I 22, II 25 и въ др. мѣст.

⁵⁾ Тамъ-же III 29—30.

наблюдается значительное колебаніе размѣра крестьянскихъ надѣловъ именно въ губерніяхъ, привлекающихъ пришлыхъ рабочихъ, чѣмъ въ губерніяхъ, ихъ выпускающихъ. Изъ 11 губерній съ среднимъ надѣломъ болѣе 6 дес. на 1 ревизскую душу семь расположены именно въ тѣхъ полосахъ (Заволожье и Новороссія), которыя болѣе другихъ привлекаютъ къ себѣ отходь ¹⁾. Въ тѣхъ-же мѣстностяхъ крестьянское населеніе имѣетъ и большую возможность арендовать всѣ надѣльные земли, чѣмъ въ другихъ полосахъ Россіи ²⁾.

Далѣе, не остаются безъ вліянія на земледѣльческіе отхожіе промыслы и нѣкоторыя измѣненія въ приемахъ обработки земли въ мѣстностяхъ, дающихъ заработокъ пришлымъ рабочимъ. Особенно важное значеніе имѣетъ въ этомъ случаѣ замѣна ручнаго труда машиннымъ, сокращающая потребность въ отхожихъ промышленникахъ. Мы не располагаемъ данными, которыя позволяли-бы сдѣлать количественный учетъ возрастанія числа усовершенствованныхъ машинъ и орудій во владѣльческомъ и крестьянскомъ хозяйствахъ. По отношенію къ послѣднему можно утверждать, что орудія для лѣтнихъ полевыхъ работъ (косилки и жнеи), распространеніе которыхъ особенно пагубно отзывалось на заработкѣ пришлыхъ рабочихъ, встрѣчается чаще всего именно въ мѣстностяхъ, особенно привлекающихъ къ себѣ отходь; при этомъ количество ихъ возрастаетъ именно въ тѣхъ многоземельныхъ группахъ крестьянъ, которые предъявляли и болѣшій спросъ на трудъ отхожихъ промышленниковъ. Наибольшее значеніе имѣютъ названныя орудія въ крестьянскомъ хозяйствѣ Таврической губ. (безъ Ялтинскаго уѣзда). Въ трехъ континентальныхъ уѣздахъ этой губерніи, при переписи, оказалось у засѣвающихъ 10—25 дес.—129 косилокъ и жнеекъ на 100 т. дес., при посѣвѣ 25—50 дес.—752, а при посѣвѣ болѣе 50 дес.—860; у колонистовъ Мелитопольскаго уѣзда—66 косилокъ и жней, на 100 хозяйствъ; у подворныхъ крестьянъ Мариупольскаго уѣзда Екатеринославской губерніи—208 такихъ орудій на 100 дворовъ ³⁾. Эти данныя въ настоящее время гораздо ниже дѣйствительности. На Сѣверномъ Кавказѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже устанавливается «широкое пользованіе усовершенствованными орудіями» не только пахотными, сѣялками и вѣялками, но и жатвенными и молотильными машинами; въ среднемъ районѣ Владикавказской ж. д. на 100 хозяйствъ приходится 30 орудій, а въ сѣверномъ даже 144, причѣмъ въ первомъ получили особое распространеніе крупныя машины: на 1 молотилку 19 мелкихъ орудій, тогда какъ во второмъ—

¹⁾ См. картограмму при моей статьѣ «Землевладѣніе» въ вып. 23 Словаря Брокгауза и Ефрона.

²⁾ Картограмма № 6а («Арендная карта») въ моемъ изслѣдованіи о «Крестьянскихъ вѣнадѣльныхъ арендахъ».

³⁾ А. Ѡ. *Фортунатовъ*. Мертвый инвентарь съ крестьян. хозяйств. Вѣстн. Русск. Сел. Хоз. 1899 № 7 стр. 22.

263¹⁾. Эти цифры относятся къ началу 90-хъ годовъ, и въ настоящее время, вѣроятно, тоже ниже дѣйствительныхъ. Какъ ни ограничено это число усовершенствованныхъ орудій въ сравненіи съ общимъ числомъ крестьянскихъ хозяйствъ, но ростъ его, какъ оказывается, уже обнаруживаетъ нѣкоторое влияние на спросъ на пришлыхъ рабочихъ. Такъ Орловскій «Обзоръ» за 1895-й годъ (стр. 187) указываетъ «на введеніе въ практику южно-русскихъ хозяйствъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, какъ на самое существенное условіе сокращенія» названныхъ промысловъ въ указанномъ году. «Обзоръ» Воронежской губ. за 189²⁾/₆ годъ утверждаетъ, что вмѣстѣ съ «широкимъ» распространеніемъ на Сѣверномъ Кавказѣ и въ Донской области жатвенныхъ машинъ и косилокъ заработокъ пришлыхъ рабочихъ «понижился до крайнихъ предѣловъ³⁾».

Кромѣ этого общаго пониженія спроса на трудъ отхожихъ промышленниковъ, распространеніе машинъ въ южно-русскомъ земледѣліи имѣло еще и другое важное слѣдствіе—измѣненіе въ составѣ рабочихъ. Спросъ на трудъ женщинъ, подростковъ и дѣтей увеличивается тамъ на счетъ спроса на трудъ взрослыхъ мужчинъ. Первые находили себѣ прежде лишь ограниченное примѣненіе въ лѣтнихъ работахъ; больше всего цѣнились полные рабочіе. Теперь же подростки, дѣвушки и дѣти отъ 13-лѣтняго возраста составляютъ 50—75% и больше общаго количества занимаемыхъ въ хозяйствахъ рабочихъ. «Машинны, производя автоматически главную часть работы, открыли широкое поле дѣятельности труду слабосильныхъ, но дешевыхъ рабочихъ—подростковъ»⁴⁾. Это важное явленіе не можетъ, конечно, не отразиться губительно на составѣ отхода: всѣмъ неудобствамъ передвиженій на заработки должно подвергаться все большее и большее число женщинъ, полурбочихъ и дѣтей на счетъ взрослою мужского населенія, которому бываетъ легче противостоять невзгодамъ дальняго пути и безработицы.

Наконецъ, нельзя не упомянуть еще объ одномъ факторѣ, съ которымъ приходится считаться русскимъ отхожимъ промышленникамъ—о конкуренціи другихъ рабочихъ. Такъ, на Сѣверномъ Кавказѣ потокъ рабочихъ изъ центральныхъ губерній ослабѣваетъ отъ сѣвера къ югу, такъ какъ на этомъ пути онъ встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ съ конкуренціей мѣстныхъ рабочихъ и пришлыхъ инородцевъ Кавказа и Закавказья⁵⁾. При этомъ имѣются указанія на то, что эта конкуренція успѣла уже сказаться нѣкоторымъ ослабленіемъ отхожихъ промысловъ въ Орловской губерніи⁶⁾. Точно также на юго-западѣ русской отходъ встрѣчается съ конкур-

¹⁾ *Щербина*, указ. изслѣд. I 23—24, II 28—29, III 32—33.

²⁾ Вып. II стр. 93.—Сравн.—*Тезяковъ*, указ. изслѣд., стр. 19—30.

³⁾ *Тезяковъ*—тамъ же.

⁴⁾ *Щербина*—указ. изслѣд. III 29.

⁵⁾ Сел.-хоз. Обзоръ Орловской губерніи за 1895 г. вып. II стр. 187.

ренціей австрійскаго (вѣроятно, преимущественно галиційскаго), а на сѣверо-западѣ—прусскаго (познанскаго) ¹⁾.

Таковы въ главнѣйшихъ чертахъ причины, такъ или иначе влияющія на колебанія размѣровъ отхожихъ промысловъ.

Что касается, дажѣ, до профессій уходящихъ на заработки, то онѣ крайне разнообразны. Виды ихъ изучены вообще весьма недостаточно, а численный составъ каждой поддается учету пока лишь въ небольшомъ числѣ губерній. Оставляя въ сторонѣ заработки на фабрикахъ и заводахъ, мы должны думать, что наибольшую часть отхожихъ составляютъ земледѣльческія работники; за этими слѣдуетъ масса разнообразнѣйшихъ специальностей, которыя даже не всегда сохраняются одними и тѣми-же лицами, иногда измѣняются сообразно комбинаціямъ спроса на тотъ или иной видъ труда. Насколько позволяютъ судить наличныя отрывочныя данныя, изготовленіе разнаго рода издѣлій развито гораздо болѣе среди отхожихъ нечерноземной полосы, а земледѣльческіе заработки захватываютъ подавляющую часть отхода среднихъ черноземныхъ губерній. Такъ (1877—82 гг.) въ Московскоѣ губ., по вычисленіямъ В. И. Орлова ²⁾, всѣ отхожіе промыслы дѣлились на три группы, относительные размѣры которыхъ были довольно близки между собой: фабрично-заводскіе заработки привлекали 28% всего числа отхожихъ работниковъ, изготовленіе разнаго рода издѣлій—35%, а всѣ прочіе—37%. Въ Тверскоѣ губерніи (1894 г.) относительные размѣры тѣхъ-же группъ были: первой — 10,5%, второй — 41,5%, третьей — 48%; въ составѣ послѣдней почти половина промышленниковъ заняты тамъ извознымъ и торговыми промыслами и числятся прислугой, такъ что на долю батраковъ, чернорабочихъ, и проч., среди которыхъ находятся земледѣльческіе и неземледѣльческіе рабочіе, остается менѣ четверти всего отхода ³⁾. Съ другой стороны, подавляющую часть отхожихъ промысловъ въ Воронежскоѣ ⁴⁾, Орловскоѣ ⁵⁾ и Полтавскоѣ ⁶⁾ губерніи составляютъ лѣтніе сельско-хозяйственные заработки. Изъ числа пришлыхъ въ Херсонскую губ. земледѣльческіхъ рабочихъ въ среднемъ за три года (1893—95 г.г.) уроженцы нечерноземныхъ губерній (Могилевскоѣ, Смоленскоѣ, Калужскоѣ и друг.) составляли менѣ 1%; всѣ-же остальные были уроженцами 12 губерній юго-запада, Малороссіи и Новороссіи ⁷⁾. Неземледѣльческіе лѣтніе и зимніе промыслы (кромѣ фабрично-

¹⁾ Короленко — «Вольно-наем. трудъ», стр. 86 и карта отхожихъ промысловъ.

²⁾ Сборн. стат. свѣд. по Москов. губ. т. VII, вып. III, отд. II, стр. 6 и таблица.

³⁾ Вычислено по даннымъ Обзора за 1894 г. табл. на стр. 16.

⁴⁾ Сел.-хов. обзоръ за 1891/2 г., стр. 84.

⁵⁾ Сел.-хов. обзоръ за 1895 г., стр. 189.

⁶⁾ Сел.-хов. обзоръ за 1894 г., стр. 163.

⁷⁾ Тезисы—указан. изслѣд., стр. 28.

заводскихъ и кромѣ изготовленія издѣлій) весьма разнообразны и не поддаются сколько нибудь исчерпывающему перечисленію ¹⁾).

Послѣ всего сказаннаго легко составить понятіе о географическомъ распредѣленіи мѣстностей, отпускающихъ и принимающихъ отхожихъ рабочихъ. Приведенная выше таблица свидѣтельствуетъ о томъ, что губерніи, высылающія ихъ, принадлежатъ къ разнообразнѣйшимъ полосамъ страны и не ограничены какими нибудь хозяйственными или климатическими областями. На картѣ, приложенной къ работѣ «Вольно-наем. трудъ», изд. Д-та Земледѣлія, 92 г., отходъ рабочихъ указанъ почти во всѣхъ губерніяхъ Европейской Россіи съ прибалтійскими и прибалтійскими губерніями и Финляндіей включительно, за исключеніемъ лишь Бессарабіи, Донской области и Сѣвернаго Кавказа. Но свѣдѣнія наши объ отходѣ настолько отрывочны, что даже и въ существованіи этихъ немногихъ исключеній надо сомнѣваться. Напр., даже въ южномъ районѣ Владикавказской жел. дороги въ началѣ 90-хъ годовъ уже встрѣчались пришедшіе туда на заработки крестьяне Ставропольской губерніи ²⁾. Такъ какъ развитіе отхожихъ промысловъ, какъ указано, происходитъ подъ давленіемъ слабого хозяйственнаго обезпеченія разныхъ группъ населенія и такъ какъ Сѣверный Кавказъ принадлежитъ къ числу мѣстностей, наиболѣе многоземельныхъ, то наличность отхода ставропольскихъ крестьянъ заставляетъ думать, что онъ существуетъ и на Дону, и тѣмъ болѣе въ Бессарабіи. Если къ этому прибавить, что отхожіе промыслы заключаются не только въ уходѣ рабочихъ за предѣлы губерніи, но и въ передвиженіяхъ внутри губерній въ пункты, болѣе или менѣе удаленные отъ мѣстъ ихъ жительства, то едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что *вся* часть страны отпускаютъ отхожихъ на заработки. Что касается до мѣстностей, *куда* стремится отходъ, то расположеніе ихъ представляется почти столь-же разнообразнымъ и опредѣляется тѣми родами заработковъ, которые набираются рабочими; крупные городскіе центры, и прежде всего столицы привлекаютъ промышленниковъ самыхъ разнообразныхъ профессій; индустриальныя мѣстности — фабрично-заводскихъ рабочихъ (на югѣ особое значеніе въ этомъ смыслѣ пріобрѣтаютъ сахарныя и металлическіе заводы); донецкій бассейнъ поглощаетъ трудъ крупнаго числа каменноугольныхъ рабочихъ; берега морей, большихъ рѣкъ и озеръ, обширныя лѣсныя пространства, желѣзныя дороги распредѣляютъ отхожихъ по разнообразнѣйшимъ частямъ страны. Земледѣльческій отходъ, играющій у насъ столь выдающуюся роль, направляется главнымъ образомъ изъ средней черноземной полосы въ Новороссію, Сѣверный Кавказъ, въ степи юго-запада и Заволжья. Приурочивать къ каждой изъ этихъ мѣстностей отходъ какихъ либо опредѣленныхъ губерній, какъ это дѣлалъ Чаолавскій, теперь уже

¹⁾ Перечисленія ихъ можно найти во всѣхъ упомянутыхъ «сел.-хоз. обзоряхъ» по каждой названной выше губерніи.

²⁾ *Θ. А. Щербина*—указ. изслѣд.—III 29.

едва ли возможно, такъ какъ за послѣднiя десятилѣтiя число и разнообразiе путей отхожихъ промышленниковъ, повидимому, вездѣ значительно усилилось. Въ Херсонскую губернiю движутся рабочiе болѣе чѣмъ изъ 15 губернiй ¹⁾; изъ Орловской отхожіе направляются въ 19 губернiй ²⁾ и т. д.

Разнообразiе мѣстностей, которыя служатъ мѣстами отхода, и отдаленность ихъ отъ мѣстъ жительства рабочиихъ и одного отъ другого достигаетъ, какъ извѣстно, весьма большихъ размѣровъ. Отхожіе изъ Тверской, напр., губернiи направляются съ одной стороны въ Петербургъ, а съ другой—въ Москву и далѣе на Волгу, въ среднiя черноземныя губернiи и въ Новороссiю; 14-лѣтнiе подростки достигаютъ Ростовскаго-на-Дону уѣзда, а точильщики пиль избрали мѣстомъ приложенiя своего труда привислянскiя губернiи ³⁾. Нижегородскiе отхожіе работаютъ на рѣчныхъ промыслахъ съ одной стороны Камы, а съ другой—Дона; плотники, судостроители и друг. расходятся въ Петербургъ и Кронштадтъ, въ Тюмень и Барнаулъ; нижегородскiе каменьщики, штукатуры встрѣчаются въ столицахъ, въ пермскомъ краѣ, въ закаспiйскомъ краѣ и въ Бухарѣ; крѣпичники—по Волгѣ отъ Нижняго до Астрахани, пастухи—въ Оренбургской губ.; рыболовы на устьяхъ Волги и на Каспiйскомъ морѣ. ⁴⁾ и т. д. Изъ Орловской губернiи отходъ направляется въ одну сторону въ Петербургъ и на корабельныя верфи Кронштадта, въ другую—въ Киевскую и другiя юго-западныя губернiи (мастеровые), а въ третью—главной своей массой, на югъ въ Новороссiю и Сѣверный Кавказъ (земледѣльческiе рабочiе); орловскiе каменьщики и мостовщики работаютъ въ Москвѣ, Баку, Саратовѣ, Батумѣ, Серпуховѣ ⁵⁾ и въ друг. мѣстахъ. Воронежскiе земледѣльческiе рабочiе главнымъ образомъ наполняютъ Донскую область и Сѣверный Кавказъ ⁶⁾.

Не трудно видѣть, что всѣ эти передвиженiя требуютъ огромной траты времени. Отношенiе между количествомъ такихъ затратъ и заработками рабочиихъ почти не исследовано. Кое-что мы знаемъ по этому предмету о земледѣльческiхъ рабочиихъ, и данныя эти указываютъ на весьма слабую оплату затраты рабочаго времени. Такъ, опросъ болѣе 1000 человекъ отхожихъ, произведенный на Курско-Харьково-Азовской жел. дорогѣ (Исследованiе г. Полымова), показало, что огромное большинство ихъ (84%) тратитъ на отходъ отъ двухъ до шести мѣсяцевъ; среднiй-же заработокъ ихъ, по ихъ показанiямъ, вычисленъ въ 38,2 рублей (колебанiя отъ

¹⁾ Тезляковъ—тамъ-же.

²⁾ Обзоръ за 1895-й г., стр. 187.

³⁾ Обзоръ за 1894 г., стр. 14, 18. Тверскiе и ярославскiе мороженники встрѣчаются въ изобилiи въ прибалтiйскiхъ губернiяхъ.

⁴⁾ Обзоръ за 1893 г. вып. II, стр. 80—87.

⁵⁾ Обзоръ за 1894 г. вып. II, стр. 192—3; за 1895 г. вып. II стр. 189—194.

⁶⁾ Обзоръ за 189¹/₂ г., стр. 92—93.

10 р. до 100 р.), а расходы (приобрѣтеніе вида, стоимость дороги, харчи въ безработные дни) въ 21,8 рублей, что даетъ средній *чистый* доходъ отъ промысла 16 р. 40 к. или въ среднемъ около 4 р. въ мѣсяцъ, т. е. 13—14 коп. въ день. Очевидно, затрата (въ среднемъ) цѣлой трети годового рабочаго времени и къ тому-же въ періодъ наивысшихъ заработныхъ платъ (при лѣтнихъ работахъ) не можетъ достаточно окушаться чистымъ доходомъ въ 16½, рублей, если годовая плата по Россіи вычисляется въ среднемъ: работницѣ—въ 77,57 рублей, а работнику—въ 108,00 рублей; въ частности въ степныхъ губерніяхъ (главное мѣсто отхода земледѣльческихъ рабочихъ) цифры эти возрастаютъ до 91,25 руб. работницѣ и до 136,25 рублей работнику.

Приведенный расчетъ заработка отхожихъ промышленниковъ сдѣланъ уже 15 лѣтъ назадъ и обнимаетъ, конечно, слишкомъ малое количество случаевъ, чтобы его можно было обобщать. Но и послѣдующіе расчеты приводили изслѣдователей къ весьма сходнымъ съ нимъ результатамъ. По даннымъ г. Тезякова, по уѣздамъ Херсонской губерніи колебанія *валового* заработка пришлой работницы 20—50 р., а работника 50 — 70 руб. Полтавскіе отхожіе зарабатываютъ (*за исключеніемъ дорожныхъ расходовъ*) 15 — 20 рублей, рѣдко 30 — 40 руб. ¹⁾ Заработокъ, *приносимый домой* орловскими косарями, вычисленъ въ среднемъ въ 25 рублей, а прочими сельско-хозяйственными рабочими—въ 32 рубля ²⁾. Для опредѣленія чистаго заработка изъ этихъ суммъ надо вычесть деньги, взятыя рабочими съ собой изъ дому въ отходъ; эта послѣдняя сумма, по даннымъ упомянутаго изслѣдованія г. Полыкова (стр. 37—41), составляла въ среднемъ около 8 рублей на человѣка. Отхожіе Воронежской губерніи чаще всего приносятъ домой 20—30 р. въ среднемъ на человѣка; болѣе высокіе заработки составляютъ исключеніе ³⁾. При томъ приближительномъ значеніи, которое поневолѣ должны имѣть всѣ эти расчеты, ихъ относительная близость между собой въ общихъ чертахъ подтверждаетъ выводъ, вытекающій изъ изслѣдованія г. Полыкова о весьма слабой оплатѣ земледѣльческаго отхода, не находящейся въ соотвѣтствіи съ массой времени, затрачиваемаго при этомъ рабочими.

Эти затраты времени обусловливаются прежде всего огромными разстояніями, которыя приходится преодолѣть отхожимъ промышленникамъ, разстояніями, измѣряемыми сотнями, а иногда и болѣе чѣмъ тысячею верстъ (напр., Воронежъ—Владикавказъ по желѣзной дорогѣ—1264 версты, Орелъ—Мелитополь—780 верстъ и т. д.). Разстоянія эти, какъ извѣстно, преодолеваются сравнительно не часто при помощи улучшенныхъ путей сообщенія (желѣзныхъ до-

¹⁾ Ежегодникъ Полтавскаго Губернскаго Земства 1895 г. стр. 116.

²⁾ Обзоръ за 1895 г. стр. 188.

³⁾ Обзоры Воронежской губерніи за 1888 г., стр. 59; за 1889 г., стр. 68; за 189½ г., стр. 83; за 189¼ г., стр. 94.

рогъ, пароходовъ) частью по отсутствію этихъ путей, частью по отсутствію у рабочихъ средствъ на проѣздъ. Такъ, опрошенные г. Ползковымъ отхожіе (съ небольшимъ 1000 человекъ) потеряли въ суммѣ 3195 рабочихъ дней на подходъ пѣшкомъ къ желѣзнымъ дорогамъ при своемъ отправленіи; въ дорогѣ многіе садятся лишь на короткое время въ вагоны (для отдыха), а большинство идетъ пѣшкомъ вдоль полотна все время. Аналогичное изслѣдованіе въ Херсонской губерніи (1894—95 гг.) показало, что изъ всего числа опрошенныхъ пришлыхъ рабочихъ (56 $\frac{1}{2}$ тыс. человекъ) прибыло туда а) пѣшкомъ и б) пѣшкомъ при подводахъ болѣе $\frac{4}{5}$ (83,6%), а частью пѣшкомъ, частью по желѣзной дорогѣ, пароходомъ или «дубами» всего 13,2% (способъ передвиженія остался неизвѣстенъ у 3,2%). Затраты времени на переходы вычислены тамъ въ 12 $\frac{1}{2}$ милл. рабочихъ дней, или, по умѣренному расчету—болѣе 4 милл. рублей.

Далѣе, существенной причиной огромной траты времени рабочихъ служить безработица, происходящая или отъ сокращенія спроса на ихъ трудъ на мѣстахъ отхода (по причинамъ, указаннымъ выше), или отъ скопленія большихъ массъ отхожихъ въ однихъ мѣстахъ. Такія скопленія, вызываемыя ложными или преувеличенными слухами о размѣрахъ спроса на трудъ и высоты урожаявъ, при отсутствіи организаціи свѣдѣній о количествѣ рабочихъ рукъ, требуемыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ, вызываютъ паденіе заработной платы и развитіе безработицы въ однихъ мѣстахъ въ то время, какъ въ другихъ чувствуется крупный недостатокъ въ рабочихъ и даже остаются нежататыми нивы ¹⁾). Колебанія лѣтнихъ заработныхъ платъ бывають въ силу этого весьма велики; напр., въ сѣверномъ районѣ Владикавказской жел. дор. въ годъ изслѣдованія—какъ 1 : 3 и какъ 1 : 4 ²⁾). Эти періоды безработицы, проходящія въ исканіи работы, безъ определенныхъ указаній на то, гдѣ именно можно найти ее, и эти значительныя колебанія заработной платы въ сильной степени сокращають выгодность и цѣлесообразность земледѣльческихъ отхожихъ промысловъ. Имѣющіяся описанія ихъ переполнены указаніями на то, что многіе, весьма многіе рабочіе возвращаются нерѣдко безъ всякаго заработка, потративъ непроизводительно рабочее время и деньги, взятые съ собой изъ дому на дорогу ³⁾). Нищенство среди возвращающихся отхожихъ представляется да-

¹⁾ Количественнаго учета такихъ явленій не имѣется. Особенно часты бросанія нивъ въ Сѣверномъ Кавказѣ (см. *Щербина*—указ. изсл. I, 20—22, II, 25—26). Тамъ-же появленіе холеры въ 1892 г. заставило рабочихъ двинуться поспѣшно безъ всякаго заработка домой массами; они запрудили желѣзнодорожныя станціи и скопились лишь въ немногихъ определенныхъ мѣстахъ (II, 25).

²⁾ Тамъ-же, I, 21.

³⁾ Деньги эти иногда оказываются занятыми за крупныя проценты (*Ползковскъ*, стр. 37—41).

леко не рѣдкимъ явленіемъ ¹⁾). Гонимые нуждой на дальніе заработки, они принуждены часто харчиться на обратномъ пути «Христовымъ именемъ». Нельзя считать всѣхъ этихъ гнетущихъ явленій особенностью одного земледѣльческаго отхода: повидимому, тоже повторяется и въ городскихъ, и въ иныхъ видахъ отхожаго промысла ²⁾).

Есть еще одна сторона вліянія отхожихъ промысловъ на народное хозяйство страны, о которой должно быть упомянуто. Общая масса труда, которымъ можетъ располагать населеніе, колеблется, между прочимъ, въ обратномъ отношеніи съ развитіемъ въ немъ болѣзненности. Чѣмъ послѣдняя больше, тѣмъ больше теряется и рабочаго времени въ народномъ хозяйствѣ, и наоборотъ. Усиленіе отхода доставляетъ благодарную почву для увеличенія заболѣваемости. Причины понятны. Условія питанія, жилища, одежды отходящихъ рабочихъ создаютъ большую податливость ихъ организмовъ къ болѣзнямъ всякаго рода. Такъ, при упомянутомъ исследованіи г. Полыкова, оказалось только 4% опрошенныхъ, которые употребляли въ дорогѣ горячую пищу; *всѣ остальные* (96%) питались только чернымъ хлѣбомъ и сухаремъ; среди послѣднихъ было очень мало такихъ, которые употребляли пшеничный хлѣбъ съ нѣкоторыми суррогатами (сельдь, сало и пр.); 98% (т. е. почти всѣ) не имѣли въ пути крытаго ночлега; запасная обувь (лапти, черевички) нашлись только у 2% ³⁾). Отсутствие или скудость рабочихъ помѣщеній, недостаточное питаніе и усиленные размѣры рабочаго дня (въ Херсонской губерніи отъ 12½ до 15 часовъ) въ теченіе всего періода работъ на мѣстахъ отхода составляютъ обычное явленіе ⁴⁾). Поэтому нѣкоторыя эпидемическія болѣзни (особенно органовъ пищеваренія), малярія, заразные формы сифилиса, болѣзнь органовъ обонянія, дыханія, зрѣнія (особенно при молотьбѣ) и туберкулезъ даютъ среди пришлыхъ рабочихъ *повышенный* процентъ заболѣваній сравнительно съ мѣстными ⁵⁾). Распространеніе сифилиса въ мѣстностяхъ, откуда идутъ рабочіе на заработки, находится въ тѣсной связи съ развитіемъ отхожихъ промысловъ ⁶⁾

Такимъ образомъ, возникая на почвѣ недостаточнаго обезпеченія рабочихъ орудіями производства, отходъ на промыслы въ значительной мѣрѣ сокращаетъ количество производительнаго труда въ странѣ. Учета этой потерѣ при настоящемъ состояніи нашихъ знаній

¹⁾ Многочисленныя свидѣтельства корреспондентовъ во всѣхъ упомянутыхъ «Обзорахъ».

²⁾ Сел.-хоз. обзоръ Тверской губ. за 1894 г. стр. 17.

³⁾ Указ. изслѣд. стр. 34—6, 41.

⁴⁾ Подробное весьма интересное описаніе санитарныхъ условій работы при земледѣльческомъ отходѣ въ Херсонской губ. см. у *Тезякова*, — указанный изсл., гл. IX.

⁵⁾ Весьма цѣнный матеріалъ по этому вопросу см. тамъ-же гл. XI

⁶⁾ Многочисленныя указанія въ вышеупомянутыхъ «Обзорахъ».

сдѣлать невозможно, но, на основаніи сказаннаго, можно легко видѣть, что она измѣняется, вѣроятно, многими десятками милліоновъ рабочихъ дней или, въ переводѣ на деньги, десятками милліоновъ рублей. Надо думать къ тому-же, что эти потери имѣютъ тенденцію съ теченіемъ времени возрастать. Ростъ населенія безъ соотвѣтственнаго увеличенія орудій производства сокращаетъ хозяйственное обезпеченіе производителей въ мѣстностяхъ, откуда возникаетъ отходъ, а повторяющіеся недороды хлѣбовъ заставляютъ принимать въ немъ участіе большее количество лицъ — не только бѣднѣйшія группы населенія, но и группы среднесостоятельныя по относительнымъ размѣрамъ земельного обезпеченія, какъ то мы уже видѣли выше. Этимъ и объясняется постоянный ростъ отхожихъ промысловъ. Но съ другой стороны, выгодность ихъ должна съ теченіемъ времени сокращаться и по возрастанію предложенія рабочими своего труда, и по сокращенію спроса на ихъ трудъ. Возрастаніе предложенія и конкуренція между рабочими явствуетъ изъ только-что сказаннаго. Сокращеніе-же спроса на земледѣльческихъ рабочихъ должно вытекать прежде всего изъ сокращенія среднихъ размѣровъ земельныхъ участковъ, происходящаго вслѣдствіе прироста населенія въ мѣстностяхъ, куда рабочіе эти направляются *) и изъ возрастающей трудности арендованія земель. Оба эти обстоятельства должны способствовать сокращенію относительнаго числа крестьянскихъ хозяйствъ съ наемными рабочими. Въ томъ-же направленіи должно дѣйствовать и распространеніе улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ отчасти въ крестьянскомъ, а главнымъ образомъ — въ владѣльческомъ хозяйствѣ всѣхъ размѣровъ. Это явленіе, кромѣ своего общаго значенія, имѣетъ еще и ту особенность, что, привлекая съ особой силой на рабочій рынокъ женщинъ и полурбочихъ, оно заставляетъ ихъ подвергаться въ большемъ количествѣ, чѣмъ прежде, всѣмъ перечисленнымъ неудобствамъ отхода и создаетъ въ этой формѣ еще большую конкуренцію взрослымъ рабочимъ. Наконецъ, годы крупныхъ урожаевъ отмѣчаются въ мѣстностяхъ, куда направляется главная масса земледѣльческаго отхода, особымъ оживленіемъ сбыта земледѣльческихъ машинъ и орудій, которыя и исполняютъ все большую и большую часть лѣтнихъ полевыхъ работъ и тѣмъ особенно чувствительно сокращаютъ спросъ на пришлыхъ рабочихъ въ годы неурожаевъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ необходимо предположить, что интересующій насъ видъ промысловъ съ теченіемъ времени долженъ становиться все менѣе и менѣе выгоднымъ; отхожіе должны поэтому чаще и продолжительнѣе испытывать безработицу и при-

*) Приростъ населенія обнаруживается слабѣе всего именно въ сравнительно болѣе многоземельныхъ мѣстностяхъ, куда болѣе всего и направляется отходъ, средніе размѣры крестьянскаго землевладѣнія именно тамъ и уменьшаются быстрѣе всего.

нимать меньшую заработную плату. А такъ какъ условія, создающія отходъ, стремятся увеличивать потребность въ немъ разныхъ группъ крестьянскаго населенія, кромѣ самыхъ состоятельныхъ, то, слѣдовательно, и указанныя непроеводительныя затраты времени и потери крупной части хозяйственнаго труда страны должны имѣть тенденцію съ теченіемъ времени возрастать. Одно лишь увеличеніе крестьянскаго землепользованія до размѣровъ, достаточныхъ для удовлетворенія главнѣйшихъ потребностей семьи, можетъ разрѣшить эту серьезнѣйшую проблему нашего народнаго хозяйства.

Намъ извѣстна только одна попытка сколько-нибудь смягчить участь земледѣльческихъ отхожихъ рабочихъ въ скитаніяхъ на заработкахъ. Попытка эта принадлежитъ херсонскому губернскому земству и заслуживаетъ большой симпатіи и широкой огласки. Это почтенное земство уже въ теченіе трехъ лѣтъ (1893—95) устраивало «лѣчебно-продовольственные пункты», въ которыхъ пришлые рабочіе могутъ получать пищу и пользоваться медицинскою помощью. Съ этой организаціей я и ознакомлю читателей

Прежде всего, однако, два слова въ видѣ отступленія. Учрежденіе этихъ «пунктовъ» имѣетъ цѣлью дать горячую пищу тому, кто прибрелъ пѣшкомъ издалека, питаясь чернымъ хлѣбомъ, чтобы заработать себѣ нѣсколько рублей, необходимыхъ для продленія своего существованія, другая цѣль «пунктовъ» — подать медицинскую помощь той группѣ населенія, среди которой съ особой силой развивается болѣзненность и истощеніе. Казалось-бы, что относительно организаціи съ такими цѣлями не можетъ быть двухъ мнѣній; казалось-бы, что самый «толстокожій» и «жестоковѣйшій» человекъ, не понимающій ничего за предѣлами своего личнаго матеріальнаго интереса, долженъ отнести къ ней, если не съ сочувствіемъ, то, по крайней мѣрѣ, безъ вражды. Оказывается, однако, не то. «На первыхъ-же порахъ дѣятельности названныхъ учреждений, говорить г. Тезяковъ*), со стороны нѣкоторыхъ землевладельцевъ начали раздаваться жалобы, что такими мѣропріятіями земство способствуетъ повышенію заработной платы» (!!).—«Казалось-бы, что дешевыя столовыя, группируя рабочихъ, могутъ лишь облегчать нанимателямъ разыскваніе послѣднихъ; между тѣмъ, какъ только землевладельцы прослышали (говорить въ своемъ отчетѣ членъ Тираспольской уѣздной управы г. Гроссуль-Толстой), что земствомъ открываются дешевыя столовыя, сейчасъ-же стали обвинять управу, что она окончателно *обманитъ* рабочихъ (?), Д-ръ Трутовскій въ отчетѣ о дѣятельности Березовской столовой указывалъ, что мѣстные землевладельцы причину высокой заработной платы видѣли въ существованіи дешевой столовой. По-

*) Наав. вяслѣд. стр. 11.

добныя обвиненія высказывались даже на страницахъ одной большой одесской газеты». Жаль, что не назвать этотъ достойный представитель печатнаго слова, понимающій столь своеобразно свои общественныя задачи. Но оставляя въ сторонѣ этотъ литературный «феноменъ», развѣ не служатъ эти нападки на организацію херсонскаго земства нагляднымъ признакомъ не только элементарнаго непониманія существа одного изъ крупнѣйшихъ нашихъ народно-хозяйственныхъ явленій, но и простой безжалостности, зачерствѣлости въ вопросахъ, касающихся личнаго благополучія. Въ глазахъ этихъ обвинителей херсонскихъ «пунктовъ» дѣло, повидимому, представляется въ такомъ видѣ. Для собственнаго удовольствія и изъ любви, вѣроятно, къ бродяжничеству миллионы русскихъ людей шляются по городамъ и весямъ треть или полгода, не имѣя опредѣленной цѣли; только отсутствіе горячей пищи заставляетъ ихъ снисходить до работы у землевладѣльцевъ; послѣдніе только и могутъ пользоваться ими въ хозяйствѣ въ томъ случаѣ, когда тѣ питаются чернымъ хлѣбомъ; на бѣду земство вздумало ихъ дешево кормить—а тѣ и «носъ задрали»...

Но довольно объ этомъ тяжеломъ явленіи, характеризующемъ нашу хоть-бы простую недалковидность. Херсонское земство все-таки создало свою организацію и продолжаетъ ее вести. И честь ему.

Не слѣдуетъ, съ другой стороны, и преувеличивать ея значенія. Каковы-бы ни были учрежденія съ этими цѣлями, они всегдѣ не могутъ затронуть вопроса по существу. Выше указаны были причины развитія отхода и причины обостренія создаваемыхъ имъ отношеній, насколько ихъ можно понять на основаніи имѣющихся данныхъ. Мы должны были убѣдиться въ томъ, что, кромѣ причинъ, такъ сказать, случайныхъ, дѣйствующихъ не періодически (урожаевъ), существенное значеніе въ данномъ случаѣ имѣютъ причины постоянныя: комбинація спроса и предложенія на трудъ отхожихъ. А на эти комбинаціи вліяютъ въ высокой степени размѣры обезпеченія послѣднихъ орудіями производства, въ частности—болѣе всего землей, такъ какъ размѣры землепользованія составляютъ основу всего нашего крестьянскаго хозяйства. Только такія обще-государственныя мѣры, какъ широкое приобрѣтеніе для крестьянъ земель, расселенія и переселенія могутъ оказать серьезное вліяніе на приостановку роста отхода и приведеніе его въ большее соотвѣтствіе съ спросомъ на трудъ пришлыхъ рабочихъ. Пока эти мѣропріятія не имѣютъ надлежащаго развитія, до тѣхъ поръ, при нынѣшнихъ условіяхъ, сокращенія пагубныхъ условій отхода предвидѣть нельзя. Но облегчить нѣкоторыя стороны существованія отхожихъ, конечно, возможно и должно. Это и имѣетъ въ виду херсонская организація. Кто видѣлъ эти массы людей, плохо обутихъ и плохо одѣтыхъ, питающихся вироголодь,

живущихъ рядъ мѣсяцевъ въ году подъ открытымъ небомъ, безъ крова, ночующихъ на сырой землѣ часто безъ соломы для подстилки, которая полагается даже скоту, проходящихъ сотни верстъ пѣшкомъ вдоль полотна, по которому катятъ мимо нихъ курьерскіе и иные поѣзда—кто видѣлъ ихъ, лишенныхъ элементарныхъ условій человеческого существованія, тотъ знаетъ, какъ велика та помощь, въ сущности очень ничтожная, которая оказывается нѣкоторой части ихъ въ видѣ хотя-бы миски борща, навѣса отъ дождя и медицинской помощи.

А вѣдь если-бы рассказать не только американскому, англійскому или французскому, но даже германскому земледѣльческому рабочему, что въ предѣлахъ Европы можно встрѣтить рабочихъ съ такимъ культурнымъ уровнемъ, при которомъ этотъ навѣсъ, эта миска борща, этотъ медицинскій совѣтъ является для него «благодѣяніемъ», то... его изумленіе, вѣроятно, равнялось-бы изумленію знаменитаго щедринскаго «мальчика въ штанахъ», когда онъ узналъ тотъ невѣроятный фактъ, что есть на свѣтѣ «мальчики безъ штановъ».

Итакъ, будемъ-же привѣтствовать этотъ починъ херсонскаго земства. Пусть узнаетъ о немъ большее количество людей и пусть онъ находитъ себѣ побольше подражаній и въ другихъ губерніяхъ. Вотъ въ чемъ тамъ дѣло *).

«Лѣчебно - продовольственные пункты» открыты были на спеціальныя суммы, которыми распорядилась губернская управа, въ 1893-мъ году въ 13 мѣстахъ, въ 1894-мъ году—въ 14-ти, а въ 1895 г.—въ 17-ти. Открытіе этихъ пунктовъ зависѣло отъ губернской управы, которая руководствовалась при этомъ указаціями спеціально созываемыхъ совѣщаній, которыми устанавливались общія основы организаціи «пунктовъ», продолжительность ихъ дѣятельности, количество нужнаго персонала, составлялась смета расходовъ и проч. Всѣ хлопоты на мѣстахъ несли уѣздныя управы при содѣйствіи санитарныхъ врачей. Уѣздныя-же управы въ большинствѣ случаевъ снабжали «пункты» изъ суммъ уѣздныхъ земствъ лѣкарствами, а равно и разрѣшали бесплатный пріемъ въ земскія лѣчебницы больныхъ изъ пришлыхъ рабочихъ. Близкое участіе въ дѣлѣ принимали вездѣ и участковые врачи. Въ 1893 году ближайшее завѣдываніе пунктами лежало именно на этихъ врачахъ (въ трехъ пунктахъ—на санитарныхъ), въ помощь которымъ были командированы фельдшера. Но скоро оказалось, что «пункты» нуждаются въ спеціальному медицинскому персоналѣ, поэтому въ 1894-мъ году для этой цѣли были приглашены студенты-медики старшихъ курсовъ, а въ 1895-мъ году на помощь имъ—фельдшерицы. Руководителями дѣла остались по прежнему участковые и санитарные врачи. Регистрація рабочихъ, необхо-

*) Всѣ послѣдующія свѣдѣнія см. у *Тезякова*, назв. исслѣд., гл. X.

димая для санитарнаго надзора и для контроля дѣятельности столовыхъ производилась двойная—по артельнымъ и по личнымъ картамъ. Кромѣ того велась запись амбулаторныхъ. «Пункты» помѣщались или въ немногихъ специально построенныхъ зданіяхъ, или чаще въ наемныхъ квартирахъ. Въ одномъ мѣстѣ городское управленіе приспособило для этого каменное зданіе на ярмарочной площади; въ другомъ—устроены на средства города навѣсы съ кухней и амбулаторіей; въ третьемъ—уступленъ обществомъ домъ съ дворомъ, на которомъ на земскія средства устроенъ деревянный навѣсъ; въ двухъ мѣстахъ выстроены спеціальныя зданія. Словомъ, устраивались, какъ могли. Наемныя помѣщенія, конечно, встрѣчались наиболѣе часто. Непонятнымъ является одно заявленіе автора: «къ сожалѣнію, Раздѣльненское зданіе (у станціи Раздѣльной), стоимостью болѣе 300 рублей, перешло въ собственность мѣстнаго владѣльца». Что такое? Какъ это земское зданіе могло перейти въ собственность частнаго владѣльца и что это за владѣлецъ, взявшій себя въ собственность земское зданіе, выстроенное для *такой* общепользующей цѣли?

Дѣятельность «пунктовъ» имѣла два направленія—кормленіе и лѣченіе; были «дешевыя столовыя» и бесплатныя амбулаторія. Познакомимся коротко съ тѣми и другими.

Обѣды въ столовыхъ выдавались платныя и бесплатныя. За борщъ съ $\frac{1}{4}$ ф. мяса и $\frac{1}{10}$ сала, кашу и 1 ф. чернаго хлѣба вималось 6 коп., за борщъ и хлѣбъ—5 к., за борщъ и кашу 4 коп. и одинъ борщъ—3 коп. Бесплатная выдача обѣдовъ допускалась «только въ крайнихъ случаяхъ». Въ 1893 г., въ періодъ дождей и безработицы, было ихъ больше, въ 1894 г. при болѣе усиленномъ спросѣ на рабочія руки—меньше. Но, очевидно, даже указанный скромный размѣръ платы за обѣдъ является *чрезчуръ высокимъ* для пришлыхъ. «Много голоднаго люда толпится у дверей кухни,—пишетъ одинъ изъ завѣдующихъ,—прося борща, при чемъ часто обозначаютъ и плату: «за 5 коп. безъ денегъ: отдамъ, когда заработаю». Вдумайтесь, читатель: у этого человѣка нѣтъ *трехъ* копѣекъ, чтобы похлебать борщу... Это-ли не характеристика нашего земледѣльческаго отхода? Вы скажете, что это исключеніе. Извольте: «Иные просятъ хоть хлѣба»,—продолжаетъ тотъ-же завѣдующій,—«они *не тамъ уже два дня*»... «Только въ 2—3 раза большая цифра бесплатныхъ обѣдовъ могла-бы отвѣтить дѣйствительной нуждѣ». «Количество обѣдавшихъ, пишутъ изъ другого пункта, больше числа выданныхъ обѣдовъ, такъ какъ одинъ обѣдъ ѣдятъ 2—3 человѣка». «Въ Херсонѣ во время ярмарки, *не смотря на всю сдержанность при выдачѣ бесплатныхъ обѣдовъ*, ихъ было выдано около 20% и кромѣ того много выдано по пониженной платѣ». Весьма характерно, далѣе, отношеніе самихъ рабочихъ къ бесплатнымъ обѣдамъ. «Рабочіе обращались съ просьбами о нихъ вообще съ замѣтной нерѣшительностью...

Нервительность, конфузливость и даже выраженіе явнаго нравственнаго страданія на лицахъ просителей часто свидѣтельствовали, что лишь голодъ заставляя ихъ обнаруживать свое положеніе, котораго они, очевидно, стыдились». Это отзвѣы лицъ, не имѣющихъ личнаго интереса въ наймѣ рабочихъ, завѣдующихъ пунктами, а потому и заслуживающихъ довѣрія; попробуйте сопоставить съ этимъ вопли о томъ, что управа стремится «облѣгнуть» рабочихъ...

Столовыми пользовалось пока немного пришлыхъ рабочихъ: не болѣе $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ всего ихъ числа, что объясняется лицами, стоящими у дѣла, тѣмъ, «что плата за порціи взимается относительно высокая для рабочихъ, питательные пункты существуютъ не вездѣ, да и гдѣ есть, они иногда устроены далеко отъ базара». Продолжительность дѣятельности столовыхъ неодинакова. Въ однихъ пища выдавалась ежедневно, въ другихъ по базарнымъ и предбазарнымъ днямъ еженедѣльно, въ иныхъ по 2—4 дня подрядъ черезъ каждыя двѣ недѣли; были и еще варьянты. Авторъ не сообщаетъ мотивовъ, по которымъ допускалось столько разнообразія въ этомъ случаѣ. Особенно странны эти двухнедѣльные перерывы. Вѣдь наемъ рабочихъ, а слѣдовательно и скопленіе ихъ происходитъ около всѣхъ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Больше того: столовыя бывають болѣе нужны въ будни, чѣмъ въ базарные дни.

Многіе завѣдующіе отмѣчаютъ относительно слабую дѣятельность столовыхъ въ дни найма рабочихъ, какъ нормальное явленіе; указываютъ на то, что дѣятельность одной столовой возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ базарному дню, достигаетъ максимума по субботамъ передъ базаромъ, въ самыя же базары рѣзко падаетъ, потому что рабочіе боятся отлучаться съ базара въ столовую, чтобы не утратить нанимателей.

Съ дѣятельностью столовыхъ связана весьма тѣсно и дѣятельность бесплатныхъ при нихъ амбулаторій. При регистраціи въ столовыхъ всѣмъ, у кого замѣчались какія либо болѣзненные явленія, рекомендовалось посѣтить амбулаторію. Производились и поголовные осмотры, имѣвшіе особую важность въ отношеніи глазныхъ заболѣваній и особенно въ трахомѣ. Противодѣйствія со стороны рабочихъ въ этомъ случаѣ не замѣчались. «Партіи въ большинствѣ случаевъ со вниманіемъ выслушиваютъ совѣты; самый осмотръ не представляетъ какихъ либо неудобствъ и при нѣкоторомъ навыкѣ легко выполняется какъ на площади, такъ и въ амбулаторіи, если размѣры послѣдней позволяютъ войти всей партіи».—«На тѣхъ пунктахъ, гдѣ эти осмотры производятся уже не первый годъ, и гдѣ рабочіе съ ними достаточно освоились, вновь приходившіе рабочіе иногда сами просятъ осмотрѣть ихъ глаза». Осмотры помогаютъ также обнаруживать и другія болѣзни: бывали случаи обнаруженія этимъ путемъ сифилитиковъ.—«Въ

Каховкѣ при массовомъ осмотрѣ 20 тысячъ человекъ рабочихъ обнаружена была масса больныхъ, которымъ давали лишь совѣтъ зайти за лѣкарствомъ въ одну изъ трехъ амбулаторій, и больные, дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ заходили». Всего медицинская помощь оказана за три года до 10.000 больныхъ, причѣмъ въ это число для 1893 г. вошли лишь данныя по одному Елизаветградскому уѣзду. Кромѣ того, многіе больные направляются изъ столовыхъ въ постоянныя мѣстныя земскія лѣчебницы за совѣтомъ.

Денежныя итоги всей организаціи херсонскаго губернскаго земства выражаются слѣдующими цифрами. Оно затратило на постройку зданій для «пунктовъ» и на все устройство столовыхъ (расходы единовременныя и текущіе) менѣе 13¹/₂ тыс. рублей (13.410 р.), а выручено имъ за платныя обѣды 5.670 р. Такимъ образомъ, затраты равняются приблизительно 7.700 р. Вся эта сумма составляется, вѣроятно, почти исключительно изъ расходовъ единовременныхъ, «такъ какъ дешевыя столовыя почти окупаются выручкой за обѣды, и если существуетъ приплата, то она очень незначительна и можетъ быть, при болѣе рациональной постановкѣ хозяйства на пунктахъ, сведена до ничтожныхъ размѣровъ. Болѣе-же рациональная постановка мыслима лишь тогда, когда лѣчебно-продовольственные пункты будутъ постоянными учрежденіями—тогда возможна будетъ своевременная заготовка провизіи и пр.»

Всего за 3 года выдано было обѣдовъ почти 149 тысячъ (148.862). Слѣдовательно, земство затратило ничтожную сумму—5,1 коп. на обѣдъ; но если затраты эти были почти цѣликомъ единовременныя и если число обѣдающихъ было гораздо больше обѣдовъ (какъ упомянуто), то относительныя затраты земства на дешевыя столовыя окажутся на столько скромными, что не должны пугать ни одно земство тѣхъ губерній, куда направляется гнѣтнѣй земледѣльческой отходъ.

Расходы на бесплатныя амбулаторіи въ 1894 году равнялись 2.695 р., а въ 1895 году—3.685 р., всего за два года издержано 6.380 руб. Кромѣ того, издержаны уѣздными земствами небольшія суммы на лѣкарства: елизаветградскимъ, напр., въ 1895 г.—около 150 руб. Хорошую оцѣнку этимъ затратамъ даетъ г. Тезяковъ: «несомнѣнно, что такія затраты не есть дѣло только одной справедливости со стороны земства по отношенію къ многотысячной массѣ рабочаго люда, приносящаго для благосостоянія губерніи свой трудъ, но и прямой расчетъ, такъ какъ санитарными мѣрами, связанными съ этими расходами, не только сохраняется здоровье пришлого рабочаго люда, но и мѣстнаго кореннаго населенія, и тѣмъ сохраняются рабочія силы».

Итакъ, вся организація стоила земству за три года 14 тыс. рублей или 0,2 коп. на удобную десятину Херсонской губерніи.

За эти микроскопическія пожертвованія накормлено было болѣе 150.000 человекъ и пользовались медицинской помощью болѣе 10.000 человекъ этихъ гонимыхъ нуждою, которыхъ мы видимъ вокругъ себя каждое лѣто, этихъ рабочихъ, которыхъ хозяйственныя условія поставили въ положеніе нищихъ. Не слѣдуетъ-ли еще разъ пожелать, чтобы примѣръ этотъ нашелъ подражанія, и чтобы дѣло херсонскаго земства не остановилось на мѣстѣ, а приняло болѣе широкіе размѣры?

Н. Карышевъ.

Дневникъ журналиста.

О задачахъ и системахъ высшаго образованія.

I.

Мы обѣщали возвратиться къ вопросу о реформѣ высшаго образованія. Реформа эта должна отвѣчать все ярче и настойчивѣе сказывающейся потребности въ реформѣ средняго образованія. Одна реформа безъ другой не можетъ быть вполнѣ цѣлесообразна. Съ одной стороны, безъ соответственнаго развитія и развѣтвленія университетскаго курса затруднительно сохранить гимназіямъ ихъ гуманитарный характеръ, опирая вмѣстѣ съ тѣмъ образованіе на болѣе широкую основу болѣе высокой, нежели древняя, современной ново-европейской цивилизаци. Съ другой стороны, болѣе внимательный анализъ этого необходимаго развитія и развѣтвленія университетскаго курса и возможнаго его согласованія съ современнымъ уровнемъ знанія вообще, гуманнаго въ частности, показываетъ, что эта проблема можетъ встрѣтить затрудненія въ несоответствіи гимназическихъ программъ. Современные гимназіи не имѣютъ въ виду подготовленіе слушателей къ такой развитой и развѣтвленной университетской программѣ. Ниже мы увидимъ, въ чемъ тутъ дѣло и что надобно предпринять для постепеннаго взаимнаго приспособленія выше-образовательной и средне-учебной системы и для приведенія ихъ къ уровню мощно выросшаго и широко раскинувшася знанія. Это знаніе уже не вмѣщается въ рамки системы, которая въ своихъ главныхъ основахъ выработана три-четыре вѣка тому назадъ и съ тѣхъ поръ нигдѣ не подвергалась серьезному пересмотру. Система университетскаго образованія въ этомъ смыслѣ также мало обращала на себя вниманія, какъ и гимназическая. Если за всѣмъ тѣмъ университетская наука не возбуждаетъ такихъ нареканій, какъ средняя школа, то причина тому: естественно

большая свобода университетскаго преподаванія, большая самостоятельность преподавателей, значительно болѣе высокій уровень образованности и даровитости учащихся и учащихся. Все это даетъ возможность обходить пробѣлы системы, не реформируя ея писанныхъ статутовъ. Этнографія и антропология читаются съ филологическихъ и географическихъ кафедръ, социология и этика—съ кафедръ историческихъ, философскихъ, юридическихъ и т. д. Тѣмъ не менѣе сама необходимость и обще-распространенность этихъ обходовъ не доказываетъ-ли съ очевидностью, что наступило время дать прямое удовлетвореніе новымъ потребностямъ, новому развитію знанія? И тѣмъ болѣе, что безъ такого врѣло обдуманнаго удовлетворенія новымъ выше-образовательнымъ задачамъ и сама задача рациональной средне-учебной реформы становится крайне затруднительною, въ нѣкоторыхъ же немаловажныхъ своихъ частяхъ даже невозможною. Отсталость *системы* университетскаго образованія, особенно филологическихъ факультетовъ, является и долго будетъ являться однимъ изъ серьезныхъ тормазовъ и для цѣлесообразной благотворной средне-образовательной реформы, столь единодушно желаемой всѣмъ образованнымъ міромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вызывающей столько разнорѣчія и полемики... Значительная доля этого разнорѣчія и этой полемики обязана своимъ существованіемъ именно факту, что система средняго образованія находится въ тѣсной зависимости отъ системы высшаго образованія. Невозможно рѣшать одну половину вопроса, оставляя безъ вниманія и безъ допроса другую половину, и при томъ въ данномъ случаѣ половину, не болѣе настоящую и важную, но болѣе вліятельную, держащую въ своей зависимости всю систему національнаго просвѣщенія. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо уместно припомнить извѣстный совѣтъ Мордвинова, что лѣстницу надо мести, начиная съ верхнихъ ступенекъ, не съ нижнихъ...

Основные положенія, установленныя нами въ прошедшемъ *Дневникѣ* и въ общихъ чертахъ опредѣляющія задачу и составъ всякаго образованія, послужать для насъ руководителемъ и въ настоящемъ нашемъ анализѣ. Въ самомъ дѣлѣ, задачи средней и высшей школы, поскольку онѣ служатъ задачамъ *образовательнымъ* (высшія школы служатъ еще задачамъ научнымъ и профессиональнымъ), должны отличаться другъ отъ друга, какъ два явленія *одного рода, но двухъ разныхъ степеней* развитія. Созданіе цивилизованнаго чловѣка есть задача всякаго образованія; высшее образование (въ предѣлахъ *образовательной* проблемы) должно отличаться только тѣмъ, что дастъ образуемому индивиду возможность глубже и несомнительнѣе усвоить, шире понять и лучше уяснить человеческую цивилизацію, т. е. человеческое достоинство, мѣсто чловѣка въ природѣ и въ обществѣ и проблему жизни такого чловѣка, исполненнаго оснанія своего достоинства и своего мѣста, своихъ правъ и своихъ обязанностей. Высшая школа много могущественнѣе въ

этомъ отношеніи средней школы, и не даромъ общее мнѣніе почитаетъ высшее образованіе самымъ вѣрнымъ, единственно достовернымъ показателемъ цивилизованности человѣка. Истинно и высоко цивилизованнымъ можетъ стать человѣкъ, и не побывавшій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ,—всѣ это знаютъ, но всѣ вмѣстѣ съ тѣмъ это признають его личною заслугой, приписываютъ серьезному благородному труду или природной даровитости. Знають всѣ такъ же, что и люди съ высшимъ образованіемъ проявляютъ порою довольно дикости и некультурности, но такія проявленія признаются, по общему мнѣнію, если и не рѣдимъ исключеніемъ, какъ бы слѣдовало, то во всякомъ случаѣ явленіемъ ненормальнымъ, несоответственнымъ полученному образованію. И это высшее образованіе въ такомъ случаѣ, въ глазахъ общества, представляется обстоятельствомъ, значительно увеличивающимъ вину безнравственнаго, недостойнаго или некультурнаго дѣянія. Нравственность и внутренняя достоинство поведенія, культурность личности признаются, по общему мнѣнію, нормальнымъ и даже обязательнымъ послѣдствіемъ высшаго образованія. Такимъ образомъ, приобрѣтеніе научнаго знанія или профессиональныхъ навыковъ, входящее какъ непремѣнное условіе въ систему всякаго высшаго образованія (какъ окончательнаго), не представляется для образованнаго человѣчества единственною или хотя-бы главѣйшею задачею высшей школы. Приобрѣтеніе научнаго знанія или профессиональныхъ навыковъ можетъ нисколько не укрѣпить нравственности, достоинства, культурности человѣка, нисколько не повысить уровня его цивилизаціи. Между тѣмъ именно этого повышения уровня цивилизаціи и культурности и требуетъ настойчиво и единодушно отъ высшей школы общественное мнѣніе всего образованнаго міра. И оно право, потому что именно высшая школа даетъ и руководителямъ среднего образованія, и руководителямъ наиболѣе важныхъ сторонъ культурной жизни общества и государства. Чтобы это руководство было дѣйствительно цѣлесообразно; чтобы оно создавало цивилизованнаго человѣка въ средней школѣ; чтобы оно рационально и достойно направляло и развивало культурную дѣятельность націи,—высшая школа должна быть вполне на высотѣ тѣхъ великихъ и отвѣтственныхъ задачъ, которыя столь единодушно ставятъ ей общее мнѣніе. Она должна давать не только знаніе и профессиональныя навыки. Она должна всесторонне возвысить уровень цивилизаціи проходящаго черезъ нее молодого поколѣнія. Она должна давать высшее образованіе въ лучшемъ и полнѣйшемъ значеніи этого выраженія.

Образованіе и знаніе—не одно и то-же. Объ этомъ мы уже говорили въ прошлой статьѣ. Не мѣшаетъ, однако, теперь точнѣе выяснитъ взаимное отношеніе этихъ двухъ понятій. Знаніе есть приобрѣтеніе и усвоеніе научныхъ истинъ въ систематическомъ порядкѣ и приобрѣтеніе навыка извлекать научную истину изъ сыраго

матеріала фактовъ и наблюденій. Иначе говоря, знаніе есть усвое- ніе научной доктрины и научнаго метода. Въ область научнаго знанія, какъ часть въ цѣлое, входитъ и познаніе человѣка, его гражданственности, его культуры, его общественной и національной жизни, его нравственности, его развитія и вырожденія. Съ этой точки зрѣнія то, что мы именуемъ образованіемъ, какъ бы входитъ въ составъ знанія, является его отдѣломъ. Однако, съ другой стороны, и само знаніе, всю совокупность научныхъ и философскихъ доктринъ можно разсматривать, какъ составную часть образованности. Всѣ эти научныя истины, теоремы, доктрины, гипотезы суть не болѣе, какъ творенія человѣка, такія же творенія, какъ его гражданственность, нравственность, искусство, матеріальная культура. Съ этой точки зрѣнія уже не образованіе входитъ въ знаніе, какъ часть въ цѣлое, а само знаніе является составною частью образованія. Знаніе входитъ въ образованіе, какъ часть въ цѣлое, и съ другой точки зрѣнія. Образованіе есть прежде всего и главнѣе всего усвоеніе навыковъ цивилизаціи (какъ она неоднократно была нами выяснена), оваренныхъ ихъ пониманіемъ, насколько то позволяетъ степень умственнаго прогресса данной эпохи. Это же міропониманіе, какъ основа самосознанія и какъ уясненіе и оправданіе приобрѣтенныхъ культурныхъ навыковъ, невозможно безъ широкой научной и философской подготовки. Знаніе, такимъ образомъ, составляетъ необходимую составную часть высшаго образованія. Главное и существенное отличіе высшаго образованія отъ средняго и заключается въ возможности для перваго и крайней ограниченности для втораго такой научной подготовки. Такимъ образомъ, и съ точки зрѣнія чисто-образовательной проблемы научное и философское знаніе является основнымъ устоемъ университетскаго образованія.

Научное знаніе и съ другой стороны является такимъ основнымъ устоемъ университетскаго образованія. Средняя школа не есть и не должна быть окончательною и послѣднею ступенью. Последней для однихъ наступаетъ очередь высшаго образованія, для другихъ—приобрѣтенія профессиональныхъ навыковъ. Общее образованіе, которое *должна-бы* давать средняя школа, подготавливаетъ для быстрого и успѣшнаго усвоенія профессиональныхъ навыковъ и является исходною точкою для образованія высшаго. Высшая же школа представляется окончательною и послѣднею учебною ступенью. Она выпускаетъ дѣятелей общественной жизни. Дѣятельность, къ которой призывается молодое поколѣніе, выпускаемое университетомъ, очень разнообразна. Прежде всего это дѣятельность государственная и общественная въ тѣсномъ смыслѣ, по управленію и самоуправленію, по литературѣ и журналистикѣ. Здѣсь необходимо высшее образованіе, а научное знаніе именно въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ оно составляетъ необходимую часть образованія. Слѣдующею категоріей дѣятельности, къ которой призывается контингентъ

людей съ высшимъ образованіемъ, является дѣятельность ученая и учебная, задача двигать знаніе и задача передавать знаніе и образование молодому поколѣнію. Здѣсь знаніе научное представляется уже само спеціальностью, профессіей дѣятелей. Здѣсь уже нужны и профессиональные навыки, но какъ и въ первой категоріи навыки эти составляютъ большею частью необходимую интегральную часть самого научнаго курса или же приобретаются послѣ его окончанія практикою дѣла. Третьею категоріей дѣятельности, предстоящей воспитанникамъ высшей школы, являются спеціальныя профессіи, требующія обширной научной подготовки: врачебная, инженерная, техническая, агрономическая, горная и т. д. Здѣсь научное знаніе представляется орудіемъ для приобретения профессиональных навыковъ и потому естественно должно быть выбрано, соображаясь не только съ задачами образовательными и научными, но и со спеціальными задачами той или иной профессіи. Такимъ образомъ, въ основныхъ чертахъ своихъ высшее образование естественно дробится на три типа: 1) высшее образование въ собственномъ смыслѣ слова, соединенное съ научнымъ знаніемъ, поскольку того требуютъ именно образовательныя задачи; 2) научное знаніе, какъ спеціальная профессія, но соединенное и съ высшимъ образованіемъ, необходимымъ для истинно просвѣтительной дѣятельности ученаго и учащаго; и 3) спеціальныя профессиональныя навыки высшаго порядка, соединенныя и съ научнымъ знаніемъ, требуемымъ спеціальностью, и съ высшимъ образованіемъ, безъ котораго общество не получить отъ спеціалиста всего того вклада и просвѣщеннаго труда, которыхъ вправѣ ожидать отъ воспитанника высшей школы. Не надо много проникательности, чтобы понять, что первые два типа, нами теоретически другъ отъ друга отграниченныя, практически очень близки другъ другу и отличаются скорѣе отбѣнкомъ, степенью, нежели родомъ курса. Третій типъ, съ другой стороны, обобщаетъ очень много отдѣльныхъ родовъ курса, имѣющихъ существенное различіе. Логически же мы должны отличать всѣ три рода курса, соображенныя съ тремя родами предстоящей практической дѣятельности. Высшее образование въ собственномъ смыслѣ слова составляетъ или должно составлять основной элементъ, общій всякому вышеучебному заведенію. Къ нему всюду присоединяется, практически даже засяюня его, научное знаніе, или какъ фундаментъ всякаго высшаго образованія, или какъ непосредственная спеціальная цѣль, или какъ орудіе для профессіи. Наконецъ, профессиональныя навыки тоже всюду сопровождаютъ выше-учебныя курсы, или какъ нераздѣльная составная часть образовательнаго курса (преимущественно въ первомъ и отчасти во второмъ случаѣ), или какъ самостоятельная задача курса (преимущественно въ третьемъ случаѣ).

Никто никогда не думалъ, даже въ эпоху сравнительно слабаго развитія научнаго и спеціальнаго знанія, чтобы высшая школа могла стремиться дать учащемуся поколѣнію все разнообразіе этого

знанія. Искони поэтому явилась идея дробленія университетскаго курса на факультеты. Тѣмъ очевиднѣе необходимость такого дробленія въ настоящее время, когда и научное теоретическое, и профессиональное прикладное знаніе получили такое могучее развитіе и такое широкое развѣтвленіе. Указанное нами естественное распаденіе курса высшей школы на три основныхъ типа по тремъ задачамъ жизни можетъ послужить намъ исходною точкою для рациональнаго обоснованія такого же развѣтвленія и факультетовъ. Для лучшаго уясненія этой основной проблемы всякаго высше-образовательнаго курса бросимъ сначала бѣглый историческій взглядъ на возникновеніе факультетовъ и на ихъ современное состояніе, развитіе, развѣтвленіе и взаимныя отношенія.

II.

Исторически первые христіанскіе университеты въ Европѣ— испанскій въ Саламанкѣ и французскій въ Парижѣ (Сорбонна). Имъ предшествовалъ мавританскій мусульманскій университетъ въ Кордуанскомъ калифатѣ, затѣмъ перенесенный въ Марокко, гдѣ и существуетъ до сего времени, являя собою набальзамированную мумію средневѣковой образованности. Это исключительно теологическая высшая школа, изучающая и истолковывающая коранъ. Особымъ отвѣтвленіемъ этой мусульманской теологіи является истолкованіе права, частнаго и публичнаго, на основаніи корана. Случайнымъ, внутренне несогласованнымъ съ главною системою образованія, дополненіемъ является передача отрывковъ положительнаго знанія, завѣщанныхъ кратковременнымъ расцвѣтомъ арабской цивилизаціи въ Багдадѣ и Кордовѣ, и практическихъ эмпирическихъ совѣтовъ медицинскаго характера. Является-ли этотъ мавританскій университетъ не только предшественникомъ, но и образцомъ для саламанкскаго и парижскаго, или средневѣковое католическое духовенство Испаніи и Франціи самостоятельно вырабатываетъ ту же программу, подъ вліяніемъ аналогическихъ условий дѣйствительности, но всѣ средневѣковые университеты, Саламанкѣ, Сорбонна и вслѣдъ затѣмъ основываемые въ Италіи, Англіи, Германіи, Богеміи, устраиваются и организуются совершенно такъ же. Богословскій факультетъ всюду главный и основной, такъ сказать, фундаментъ и вѣнецъ высшаго образованія. Рядомъ съ нимъ, какъ и у мавровъ, основаны факультеты, юридическій и медицинскій.

Разница между христіанскимъ и мусульманскимъ ученіемъ, прежде всего, а затѣмъ разница между арабскимъ наслѣдствомъ мавровъ и кое-какими обрывками латинскаго наслѣдства, сохраненными и средневѣковыми европейцами, вносятъ существенныя измѣненія, дополняютъ и развиваютъ университетскій курсъ. Коранъ даетъ отвѣтъ, точный и положительный, не оставляющій мѣста для критики и творчества, на всѣ философскіе и даже научные вопросы,

на всё вопросы права, нравственности и гражданственности. Библия и евангеліе, строго говоря, ограничиваютъ свое ученіе рамками религіозными и открываютъ пути философскому мышленію, научному изслѣдованію, правовому и гражданскому развитію. Естественно, если въ христіанскомъ университетѣ приходится выдѣлить изъ богословскаго факультета факультетъ философскій, который втягиваетъ въ себя и то, что средніе вѣка сохранили изъ богатаго запаса положительнаго знанія, оставленнаго классическимъ міромъ. Это прежде всего хорошо разработанныя грамматика, логика, риторика, стилистика, пиитика; далѣе это Аристотель, неисчерпаемый кладезъ средневѣковой мудрости; Эвклидъ, Птоломей и арабскіе математики дополняютъ этотъ скудный списокъ источниковъ средневѣковаго знанія. Ихъ, однако, надо согласовать съ ученіемъ католической церкви. Это самостоятельная задача философіи. Попытка извлечь изъ священнаго писанія такой же точный, положительный и вѣчно неизмѣнный отвѣтъ на всё вопросы познанія, публичнаго и частнаго права, какой мусульманамъ даетъ коранъ, является съ самаго начала второю задачею средневѣковой или схоластической философіи. Обѣ эти задачи отнюдь не богословскія въ тѣсномъ смыслѣ слова; онѣ выходятъ изъ рамокъ богословскаго факультета, оправдывая, болѣе того: обязывая обособленіе факультета философскаго. Это обособленіе и является важною поворотною точкою въ развитіи европейской школы, предвѣщающею появленіе свѣтскаго просвѣщенія. Сначала слуга богословскаго факультета, его отвѣтвленіе и дополненіе, философскій факультетъ пріобрѣтаетъ мало по малу самостоятельное значеніе и въ наступившую затѣмъ эпоху возрожденія является готовою организаціей для проведенія новаго просвѣщенія и новой системы образованія.

Иначе, нежели въ мусульманской высшей школѣ, протекаетъ въ средневѣковыхъ университетахъ католической Европы едва ли не болѣе еще важная и вліятельная исторія и факультета юридическаго. Коранъ является единственнымъ, исчерпывающимъ источникомъ мусульманскаго права, публичнаго и частнаго, гражданскаго и уголовнаго. Юриспруденція можетъ быть только дополненіемъ теологіи, выводомъ изъ теологіи, да еще казуистикою, имѣющею неблагодарную задачу уложить на прокрустово ложе обычнаго арабскаго права (затвердѣвшаго въ предписаніяхъ корана) явленія жизни, неизвѣстныхъ времени пророка и патріархальной средѣ пастушескаго и разбойничьяго народа. Совсѣмъ въ иномъ положеніи оказываются съ самаго начала юридическіе факультеты католической Европы. Правда, и тутъ римскіе первосвященники и могущественныя общественныя теченія, находившія свой интересъ въ союзѣ съ Римомъ искать опоры противъ императоровъ и королей, тоже стараются правовѣдніе превратить какъ бы въ отвѣтвленіе теологіи, обязанное оправдать теократическія притязанія куріи и гвельфовъ. Христіанское вѣроученіе, даже въ строго католической

редакціи, не даетъ, однако, достаточнаго основанія для такихъ притязаній, ни для такой разработки правовѣдѣнія, а не совсѣмъ забытая, импонирующая практика христіанскаго императорскаго Рима, западнаго и восточнаго, даже прямо противорѣчить и подчиненію свѣтской власти, и поглощенію свѣтскаго публичнаго и частнаго права правомъ каноническимъ. Между тѣмъ, могущественные интересы императоровъ, королей, свѣтскихъ властителей, свѣтскихъ итальянскихъ республикъ покровительствуютъ этому вторженію римскихъ правовыхъ преданій. Юридическіе факультеты, преимущественно французскіе, и воспитанные ими юристы, засѣдавшіе въ высшихъ свѣтскихъ судилищахъ, преимущественно во французскихъ судебныхъ парламентахъ, и являютя авторитетнымъ и вліятельнымъ проводникомъ этого обособленія свѣтскаго права, а съ тѣмъ вмѣстѣ и обособленія юридическихъ факультетовъ, какъ носителей науки, по существу своему свѣтской и отъ теологіи независимой. Эта эмансипація юридическихъ факультетовъ отъ руководства теологами завершается лишь къ концу среднихъ вѣковъ, когда фактически эмансипируются и факультеты философскіе. Знаменитый споръ между двумя философскими школами, реалистовъ и номиналистовъ, наполняющій собой всю вторую половину среднихъ вѣковъ и много содѣйствовавшій подготовленію мыслящихъ слоевъ къ воспріятію идей классической философіи, представляется уже чистою метафизикою, свободною отъ теологіи, какъ метафизикою, конечно, являются и ученія юристовъ того времени. Метафизика замѣняетъ собою теологію на факультетахъ юридическомъ и философскомъ, но это уже свѣтская метафизика, свѣтское ученіе, свѣтская образованность, если позволительно примѣнять это выраженіе къ *lettres et savants* того времени. Медицинскіе факультеты все это время влечатъ столь жалкое существованіе, что объ ихъ развитіи можно говорить, лишь переходя къ университетской исторіи въ новыя времена, послѣ XIV—XV вв.

Оглядываясь на это бѣглое обозрѣніе средневѣковой университетской науки и припоминая сказанное нами въ прошедшемъ «Дневникѣ» о схоластической школѣ, ея системѣ, судьбѣ и заслугѣ, мы легко убѣдимся, что для своего времени, для общественнаго и умственнаго состоянія, носящаго названіе средневѣковаго, курсъ и организація средневѣковаго университета вполне цѣлесообразны, отвѣчаютъ потребностямъ эпохи, соответствуютъ уровню культуры. Къ половинѣ среднихъ вѣковъ германскій и славянскій дикарь уже настолько преобразовался духовно, что духовное развитіе становится и возможно, и необходимо. Для удовлетворенія этой проснувшейся духовной жажды и основываются университеты. Является новая потребность; университеты должны дать ей удовлетвореніе. Но потребность сначала преимущественно религиозная, совершенно соответствующая тому первому періоду средневѣковья, который вовсе не зналъ свѣтскаго просвѣщенія и въ исходѣ кото-

раго и возникают первые университеты. Естественно, если для удовлетворения этой потребности в духовном просвещении и ново-рожденная высшая школа приобретает сначала преимущественно теологический характер, где философия и юриспруденция призваны служить теологии, направляемые и руководимы указаниями и потребностями теологии. В те времена, когда католическое человечество думало построить и всю гражданственность, и все миропонимание на теологической основе, такое главенствующее значение теологии совершенно естественно, логично и целесообразно. Только теология давала тогда то, что можно сравнить с нашим понятием об образовании; она старалась объяснить место человека в природе и обществе, его права и обязанности, его ответственность и его достоинство. Никакая другая отрасль человеческого ведения на это не дерзала, да и дерзать собственных средств не имела. Если мы были правы, когда поставили задачей университета давать своим питомцам прежде всего высшее образование, а затем уже научное знание и профессиональные навыки, то именно этой задаче, в рамках места и времени, и отвечают средневековые университеты, как они первоначально складываются. Теология, в то время единственный образовательный предмет, является основой университетского курса всех факультетов, которые каждый затем прибавляют научное знание — профессиональные навыки, необходимые разным специалистам умственного труда, священникам (богословский факультет), профессорам (философский), юристам и медикам. Общее высшее образование (исключительно духовное, правда, но другого тогда не было) дают все факультеты, прибавляющие затем специализацию, необходимую для предстоящей деятельности. Таким образом, те требования, которые выше мы предъявили современным университетам, не вводят ничего нового. Они рекомендуют только привести современные университетские курсы в соответствие идеям, положенным в основу университетского образования при самом его зарождении, но при этом привести их и к уровню современной цивилизации и современного знания.

Мы уже указали выше, что эта цельность и законченность университетского образования нарушается к концу средних веков эмансипацией юридического и отчасти философского факультета из под теологического руководства. С этим вместе исчезает общее всем высшее образование, и факультеты становятся как бы самостоятельными высшими школами, лишь помещающимися в одном здании и управляемыми одной учебной организацией. Ничто подобное замечаем мы и в настоящее время, но между периодами современной несогласованности факультетских курсов и такой же их розни в конце средних веков история знает блестящий период университетской жизни, когда высшее образование снова становится фундаментом и вѣнцом курса и

когда факультеты интимно и тѣсно объединены на плодородной почвѣ классическаго просвѣщенія. Исторія возстановленія этого внутренняго единства университетскаго курса, при сильно возросшемъ запасѣ знанія, уже потребовавшемъ спеціализаціи, для насъ особенно поучительна, такъ какъ именно передъ такою самой проблемою стоитъ и современная высшая школа. Сохранивъ возникшую къ концу среднихъ вѣковъ спеціализацію теоретическаго и прикладнаго знанія, возстановить нарушенное этой спеціализаціей и борьбою свѣтскаго и духовнаго просвѣщенія единство образовательнаго курса,—такова задача, которая предстала высшей школѣ около XIV—XV вв. Она была разрѣшена успѣшно и всесторонне эпохою возрожденія чрезъ введеніе классицизма, какъ объединяющаго и примиряющаго общеобразовательнаго основанія.

III.

Классическое просвѣщеніе настолько выше, всестороннѣе и выработанныѣе средневѣковаго теологическаго, что, однажды открывшееся мыслящимъ поколѣніямъ Европы, оно сразу и во всемъ объемѣ входитъ въ высшую школу и становится хозяиномъ дѣла, его руководящею и организующею силою. Классическое просвѣщеніе приноситъ многостороннюю свѣтскую философію; науки, невѣдомыя средневѣковью, очень несовершенныя, правда, но уже вполнѣ опредѣлившіяся и взаимно отграниченныя; методъ и технику изслѣдованія, мысленія, изложенія, устной и письменной передачи; законченную систему права; дотолѣ совершенно невѣдомыя стороны интеллектуальной и моральной жизни, эстетическіе и этическіе идеалы, высокіе образцы, могучіе импульсы. Богословскіе католическіе факультеты, потрясенные протестантизмомъ, сектантствомъ, борьбою іезуитизма съ яansenизмомъ, церковнымъ націонализмомъ, церковными расколами, совершенно отодвигаются отъ общаго курса и замыкаются въ спеціальную сферу вопросовъ вѣры, уже не пытаясь вмѣшиваться въ вопросы знанія. Они обособляются, какъ бы выбываютъ изъ университетовъ. Перенесенные въ Россію, университеты основываются безъ богословскихъ факультетовъ. Обособленіе богословскаго образованія этимъ завершаетъ свое естественное движеніе. Классическое просвѣщеніе, вмѣсто теологій, становится основой всего университетскаго курса. Оно такъ многосторонне и значительно, что уже не вмѣщается въ рамки средневѣковыхъ факультетовъ. Зачатки литературнаго искусства и гуманитарнаго образованія такъ же, какъ и зачатки научнаго знанія входили въ составъ средневѣковаго философскаго факультета. Эти зачатки не обременяли своимъ объемомъ философа XII—XIII вв. и служили матеріаломъ и орудіемъ его схоластическаго остроумія. Теперь же, когда, вмѣсто зачатковъ того и другаго, властно вошла въ университетъ богатая научная, философская, историческая и изящная ли-

тература, на философскомъ факультетѣ становится тѣсно, и онъ естественно распадается на два отдѣленія, историко-филологическое и физико-математическое. Это распадѣніе такъ важно и фундаментально, что при перенесеніи въ Россію отдѣленія превращаются въ факультеты подобно тому, какъ отпадаютъ при этомъ перенесеніи факультеты богословскіе *). Такое распадѣніе, потребованное ростомъ и расширеніемъ области университетскаго вѣдѣнія, совершенно отвѣчаетъ и внутреннему дифференцованію цивилизаціи, не нарушая единства образовательныхъ основъ.

Если изученіе теологіи, мусульманской или католической, является общою основою образовательнаго курса типическаго средне-вѣковаго университета, какъ онъ первоначально организованъ маврами и ихъ католическими сосѣдями-кастильцами, причѣмъ къ этой общей, одинаковой для всѣхъ, основѣ присоединяется, смотря по факультету, болѣе подробное изученіе того или другого теологическаго отдѣла и на его основаніи вспомогательныхъ и прикладныхъ курсовъ, философіи, медицины, юриспруденціи, то совершенно такъ же и новые университеты, усвоившіе классическое просвѣщеніе, организуютъ прежде всего такую же общую основу образовательнаго курса всѣхъ факультетовъ (кромѣ богословскаго, конечно) и находятъ ее именно въ изученіи классическаго просвѣщенія, присоединяя къ этой общей, одинаковой для всѣхъ, основѣ болѣе подробное изученіе того или другого отдѣла классической литературы, смотря по факультету, Платона, Геродота, Тацита—на одномъ, Птоломей, Эратоссеена, Плинія—на другомъ, институціи и пандекты—на третьемъ. Усвоеніе этихъ главныхъ источниковъ знанія и образованности невозможно безъ одинаково широкаго пониманія и проникновенія всей совокупности классическаго просвѣщенія въ его цѣломъ. Это же пониманіе и проникновеніе классической цивилизаціи—является въ это время и единственнымъ дѣйствительно высшимъ образованіемъ, достойнымъ этого имени. Классическое просвѣщеніе смѣняетъ собою средне-вѣковую схоластическую теологію католицизма въ качествѣ основы и средняго, и высшаго образованія, и въ качествѣ элемента, объединяющаго университетскій курсъ, не смотря на болѣе широкую свободу его факультетскаго дробленія. Съ введеніемъ классицизма одновременно происходитъ и это болѣе широкое и глубокое дифференцованіе университетскаго курса по факультетамъ и отдѣленіямъ, и объединеніе уже разъединившихся было курсовъ на одной для всѣхъ образовательной основѣ. Снова, какъ въ первое время существованія университетовъ, образователь-

*) Въ Россіи высшее духовное образованіе было организовано до основанія университетовъ учрежденіемъ Киевской духовной академіи въ XVI в. и Московской—въ XVII в. На этихъ началахъ оно продолжало и продолжаетъ развиваться и до сего времени. За Киевскою и Московскою были основаны духовныя академіи Петербургская и Казанская.

ныя задачи входятъ въ составъ курса всѣхъ факультетовъ, сохраняющихъ, однако, и свою спеціальность, научную и профессиональную. Высшее образование — единое для всѣхъ; научное знаніе и профессиональные навыки дифференцируются по факультетамъ. Этотъ принципъ, положенный въ основу схоластической высшей школы и распатанный въ періодъ ея разложенія, съ новою силою, съ новымъ блескомъ и въ полной послѣдовательности возрождается въ высшей школѣ классическаго типа, невозбранно господствующей въ Европѣ въ теченіе безъ малаго четырехъ столѣтій, XV—XVIII вв. Мы знаемъ уже, что это и есть единственно правильный принципъ, единственно способный давать не узкихъ спеціалистовъ, а по истинѣ просвѣщенныхъ дѣятелей, не менѣе того подготовленныхъ и для своихъ спеціальностей, потому что образование облегчаетъ и спеціализацію, не лишая спеціалиста облака человѣческаго.

Мы уже упомянули о дробленіи философскаго факультета на два отдѣленія, историко-филологическое и физико-математическое, и замѣтили, что дробленіе это опиралось на очень серьезное и существенное основаніе, на основное распадненіе самого вѣдѣнія того времени на двѣ вѣтви, объединенныя только общою образовательною основою. Образованное общество того времени даже отличило эти вѣтви современнаго вѣдѣнія вполнѣ самостоятельными названіями. Одна была — *lettres*, другая — *sciences*; занимающіеся одною были *lettrés*, другою — *savants*. Въ самомъ дѣлѣ, предметы историко-филологическаго факультета въ то время было бы затруднительно и совершенно незаслуженно именовать науками. Математика, механика, астрономія, физика уже совершенно сложились въ законченныя и научно разработанныя системы знанія; химія, фізіологія, естественная исторія тоже твердо стали на тотъ же путь, хотя еще и не достигли той же обработанности. Ничего подобнаго нельзя сказать объ исторіи, филологіи, психологіи, политической экономіи, лингвистикѣ, эстетикѣ и другихъ предметахъ, въ своей совокупности носившихъ наименованіе *lettres* и составлявшихъ спеціальность историко-филологическихъ факультетовъ. Эти предметы представляли собою либо громадное скопленіе эмпирическихъ данныхъ, не прокритикованныхъ, не систематизированныхъ и не объединенныхъ научнымъ истолкованіемъ; либо чисто метафизическія абстракціи; либо литературныя навыки изящной и логической рѣчи. За послѣднее качество филологи и получили названіе *lettrés*, тогда какъ названіе *savants* примѣнять и къ нимъ было бы неоправдливо. Вся обширная область вѣдѣнія, сосредоточенная на историко-филологическихъ факультетахъ, до самаго XIX вѣка не имѣла научной обработки и представляла законченную систему высшаго образованія, отнюдь, однако, не знанія научнаго.

Судьбу историко-филологическаго факультета въ этомъ отношеніи раздѣляли и факультеты юридическіе, тоже до самаго XIX вѣка

не дававшие научной обработки своимъ предметамъ и дополнявшие то высшее литературное образование, которое давали факультеты филологическіе, преподаніемъ профессиональныхъ навыковъ, необходимыхъ юристу. Юридическіе факультеты были какъ бы профессиональными отдѣленіями факультетовъ филологическихъ, какъ медицинскіе—физико-математическихъ. Юристы были тоже *lettrés*; медики—тоже *savants*. Факультеты филологическіе и юридическіе давали высшее образование и профессію, факультеты физико-математическіе и медицинскіе давали, сверхъ того, научное знаніе. Это существенное отличіе между *lettres* и *sciences* было основою дробленія на факультеты и всего университетскаго курса по факультетамъ.

Было бы неблагодарною задачею поддерживать мнѣніе, что и въ настоящее время эта основа существуетъ, и это существенное отличіе факультетскихъ курсовъ сохраняетъ свою силу. Совершенно напротивъ даже. Всякій легко согласится, что въ настоящее время предметы историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ тоже вступили въ научный фазисъ развитія, получили болѣе или менѣе систематическую научную обработку, стали такими же *sciences*, какъ и предметы физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ. Съ другой стороны, предметы всѣхъ факультетовъ такъ развились, что ни классическая наука, ни классическая философія, литература, юриспруденція не могутъ быть основою преподаванія. Классическое просвѣщеніе потеряло въ университетахъ свое бывшее значеніе объединяющаго общеобразовательнаго элемента. Эти-то два первостепенной важности факта и распатали въ полной мѣрѣ прежнюю систему высшаго образованія. Вторженіе научности на современные факультеты филологическіе и юридическіе и вытѣсненіе классическаго просвѣщенія, какъ общей всѣмъ основы, совершенно соотвѣтствуютъ въ этомъ отношеніи вторженію свѣтскости на средневѣковыя факультеты философскіе и юридическіе и вытѣсненію теологію, какъ общей всѣмъ факультетамъ основы. Есть много аналогичнаго въ этихъ двухъ кризисахъ университетскаго образованія, но есть и существенное отличіе. Мы не имѣемъ готоваго всесторонняго образованія, которое намъ оставалось бы только пересадить и усвоить, какъ это сдѣлали университеты XV—XVI вв. съ классическимъ просвѣщеніемъ. За то мы имѣемъ позади себя этотъ опытъ всесторонней университетской реформы, который можетъ служить примѣромъ и руководствомъ при проведеніи и новой реформы, становящейся все болѣе и болѣе настоятельною и неотложною. Свобода университетскаго преподаванія, позволяющая уже упомянутые выше обходы устарѣлой системы, можетъ только отчасти и временно замѣнять преобразование этой системы, которая должна быть соображена и съ новымъ развитіемъ знанія, и съ новыми основами образованія.

IV.

Въ настоящее время курсъ историко-филологическаго факультета раздѣляется, у насъ въ Россіи, между слѣдующими научными дисциплинами:

Греческая филологія, включающая въ себѣ курсы языка, древностей (культуры) и литературы;
 латинская филологія (въ томъ же составѣ);
 славянская филологія (тоже);
 исторія русской литературы;
 сравнительное языкованіе;
 всеобщая исторія;
 русская исторія;
 теорія и исторія искусства;
 исторія церкви;
 философія, включающая курсы психологіи, логики и исторіи философіи;

географія, недавно учрежденная кафедре, введенная еще не во всѣхъ университетахъ и съ курсомъ, еще не вполне установившимся.

Кромѣ этихъ одиннадцати кафедръ, въ одномъ петербургскомъ университетѣ учреждена еще кафедра римско-германской филологіи, включающая курсы новыхъ европейскихъ языковъ, ихъ средневѣковой литературы и народной словесности. Древности (культура) и новѣйшія литературы въ нее не включены.

Практическое знаніе одного новаго европейскаго языка обязательно и на филологическомъ факультетѣ, какъ и на всѣхъ прочихъ. Это такъ называемый общій предметъ, какъ и богословіе, догматическое и нравственное.

Напоминаемъ этотъ общезвѣстный составъ филологическаго факультета, чтобы удобнѣе сличить его съ современнымъ состояніемъ гуманитарнаго знанія, составляющаго искони спеціальность факультета. Въ иностранныхъ университетахъ приблизительно аналогическій составъ кафедръ съ замѣною кафедръ славянской филологіи, русской литературы и русской исторіи соответственными національными. Въ курсы философіи входитъ тамъ не только исторія, но и сама система философіи. Всюду очень распространено выдѣленіе разныхъ спеціальныхъ курсовъ, а также курсовъ метода. Все это имѣетъ значеніе, даетъ больше простора для частныхъ поправокъ и дополненій, но въ существенномъ не измѣняетъ системы, которая остается покуда одинаковою во всѣхъ университетахъ Европы. Наши университеты повторяютъ эту систему, только тверже ее фиксируя. Сличимъ же ее съ современнымъ состояніемъ гуманитарнаго знанія.

О томъ развитіи, котораго нынѣ достигли гуманитарныя науки, мнѣ

недавно пришлось говорить довольно подробно, касаясь вопроса о программах по изучению социологии (см. «Дневник Журналиста» въ «Русскомъ Богатствѣ» 1895 г., № 11). Мнѣ придется здѣсь повторить отсюда главное, дополняя, гдѣ нужно данными, требуемыми тою точкою зрѣнія, съ которою сегодня приходится трактовать этотъ сюжетъ.

Гуманныя науки, т. е. науки о человѣкѣ, практически совпадаютъ съ науками общественными. Человѣкъ всегда живетъ въ обществѣ, а потому и изучается почти всегда именно, какъ членъ общества, какъ его составная часть. Область общественно-вѣдѣнія очень обширна. Большая часть юридическихъ дисциплинъ и педагогика во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ составляютъ обширный отдѣлъ прикладного общественно-вѣдѣнія. Всѣ предметы историко-филологическаго факультета и нѣкоторые юридическаго образуютъ отдѣлъ теоретическаго общественно-вѣдѣнія. Оставляя покуда въ сторонѣ прикладное общественно-вѣдѣніе, прослѣдимъ въ общихъ чертахъ многостороннее расчлененіе и развитіе теоретической гуманной науки (или общественной, что одно и то же). Установленное Контомъ дѣленіе всего теоретическаго знанія на конкретное и абстрактное можно считать общепризнаннымъ и положить въ основу нашего обзора. Конкретныя науки изучаютъ факты и предметы во всей ихъ реальной совокупности, какъ они существуютъ въ природѣ. Абстрактныя или отвлеченныя науки выдѣляютъ (отвлекаютъ) общіе многимъ конкретнымъ фактамъ признаки и явленія, стараясь раскрыть законы ихъ происхожденія, существованія и развитія. Такъ, конкретныя науки изучаютъ льва, слона, страуса, ящерицу, пчелу, устрицу, а соответственныя абстрактныя занимаются дыханіемъ, кровообращеніемъ, питаніемъ, ощущеніемъ, сознаніемъ, рожденіемъ и т. д. Законы, управляющіе явленіями,—предметъ абстрактнаго знанія; сами предметы, въ которыхъ совершаются эти явленія, изучаются науками конкретными. Человѣка, какъ индивида; его разновидности по расамъ и племенамъ; составляемыя ихъ реально существовавшія и существующія общества и ихъ составныя части; созданную имъ культуру во всемъ ея многообразіи—изучаетъ конкретное общественно-вѣдѣніе, почти цѣликомъ составляющее специальность филологическихъ факультетовъ *). Съ другой стороны, общество вообще и законы его строенія, отправленій и развитія представляются задачею абстрактнаго общественно-вѣдѣнія. Какъ вовсе не существовавшее въ эпоху, когда выработывалась университетская система, абстрактное общественно-вѣдѣніе не получило и надлежащаго помѣщенія въ университетскомъ курсѣ. Въ вышеприведенномъ пе-

*) Антропология, читаемая на физико-математическомъ факультетѣ, исторія права и статистика (на юридическомъ) однѣ только не входятъ въ составъ филологическихъ курсовъ, но обыкновенно частью вводятся уже указаннымъ ходъ зымъ путемъ.

речѣ историко-филологическихъ кафедръ абстрактными предметами являются только сравнительное языкознание (лингвистика) и теорія искусства, обѣ представляя притомъ изученіе законовъ двухъ лишь логически обособленныхъ сторонъ культуры. Такое же логически-обособленное абстрактное изученіе экономической стороны культуры представляетъ политическая экономія, которая, однако, читается на юридическомъ факультетѣ. Тамъ же *въ общихъ* отдѣлахъ разныхъ правъ можно встрѣтить попытки такихъ же абстрактныхъ отдѣловъ, посвященныхъ той или другой спеціальной сторонѣ общественной жизни и культуры. Все это, далеко отстало отъ современнаго развитія абстрактнаго обществовѣдѣнія. Сначала, однако, мы займемся конкретными общественными науками и ихъ развитіемъ въ университетскомъ курсѣ.

Въ конкретномъ обществовѣдѣніи мы замѣчаемъ прежде всего раздѣленіе на науки *филологическія*, которыя изучая *памятники*, стремятся изобразить и обследовать общественныя *состоянія*, и на науки *историческія* въ тѣсномъ смыслѣ слова, которыя, опираясь на *источники*, изучаютъ *событія* (дѣянія). Филологія вовсе не есть только языкознание, но является изученіемъ культуръ историческихъ обществъ во всемъ ихъ объемѣ, въ томъ числѣ и языковъ, которые, кромѣ того, служатъ и могучимъ методомъ филологическихъ, изысканій. Съ познанія языка по необходимости начинается изученіе каждой филологіи (потому что филологія не одна, а ровно столько, сколько историческихъ обществъ). Начало всѣмъ видѣе, и потому не рѣдко смѣшиваютъ филологію съ грамматикой или даже съ лингвистикой, наукой абстрактной о законахъ строенія и развитія языка. Филологія же есть наука конкретная о культурахъ историческихъ обществъ. Есть филологія греческая, латинская, новороманская, германская, славянская, санскритская, иранская, египетская, семитическая, туранская, монгольская. Въ составъ каждой филологіи входятъ курсы языка, литературы и древностей, подъ именемъ которыхъ изучаются религія, государственное устройство, право, искусство, техника, внѣшній бытъ, нравы, обычаи, экономическое состояніе, торговля, организація семьи, сословія, воинское дѣло, словомъ вся культура (включая и отдѣльно отъ древностей изучаемые, но обязательно входящіе въ составъ филологіи, языкъ и литературу). Сообразно съ только что набросаннымъ расчлененіемъ культуры естествен но расчленяется и филологія. Языки суть древнѣйшіе памятники духовной культуры историческихъ обществъ. Затѣмъ изъ смутнаго мышленія глубокой древности, запечатлѣннаго языкомъ, первымъ выдѣляется мифъ; далѣе изъ мифа съ одной стороны выдѣляются пѣсня и сказаніе, первыя литературныя произведенія, а съ другой правовыя понятія, сначала слитыя съ мифомъ, какъ исходяція изъ религіозной санкціи. Искусство, первоначально служившее цѣлямъ культа, вызывая развитіе эстетическаго чувства, тоже выдѣляется въ особое самостоятельное культурное явленіе.

Развитіе общественности по необходимости вызывает выработку общественных навыков (обычай и нравы) и установление опредѣленнаго нравственнаго кодекса. Такъ развиваются и постепенно обособляются основные элементы культуры, которымъ и посвящены отдѣльныя филологическія науки, *грамматика, мифологія, словесность, исторія искусства, исторія права* (всегда входятъ въ «древности», но съ большею подробностью выдѣлена въ отдѣльную научную дисциплину для юридическаго факультета), *этнографія*, какъ она понимается въ филологическихъ наукахъ, т. е. наука о нравахъ и бытѣ, приче́мъ сюда же входитъ и матеріальная культура. Этотъ составъ филологіи, указуемый составомъ культуры, надо дополнить *исторической археологіей*, которая занимается собираніемъ, изученіемъ и группировкой матеріальныхъ памятниковъ культуры, подвергаетъ ихъ предварительной критикѣ и въ этомъ выясненномъ и удостоверенномъ видѣ передаетъ въ руки соответственныхъ отдѣловъ филологіи. Изъ состава исторической археологіи въкоторыя отдѣлы выдѣляются въ особыя науки, *нумизматика, дипломатика, геральдика* и др. Все это обширная подготовительная работа, черныи трудъ гуманитарнаго знанія, опираясь на который, лишь медленно сложилось конкретное общественовѣдѣніе, послѣ чего только явилась возможность заложить основы и абстрактному. Этотъ болѣе чѣмъ бѣглый обзоръ филологическихъ наукъ уже выясняетъ и громадность матеріала, и широту задачъ, и трудность научной работы, и невозможность въ одномъ курсѣ объять всю совокупность филологическаго вѣдѣнія.

Мы выше перечислили одиннадцать главнѣйшихъ филологіи, изъ которыхъ каждая необходимо расчленяется на шесть наукъ по основнымъ подраздѣленіямъ культуры. Сверхъ того, мы имѣемъ еще историческую археологію съ ея отвѣтвленіями. Имѣя въ виду, что филологическія науки составляютъ только какъ бы половину историко-филологическаго курса и что, сверхъ того, необходимо принять въ расчетъ и предстоящее развитіе курса абстрактныхъ наукъ, нельзя не признать, что развитіе филологическихъ наукъ далеко вышло изъ предѣловъ возможнаго и цѣлесообразнаго университетскаго курса. Это принято въ вниманіе и настоящей системой. Филологіи семитическая, санскритская, иранская, туранская и монгольская выдѣлены въ особый восточный факультетъ (въ Петербургскомъ университетѣ). Каеэдры египетской филологіи у насъ вовсе нигдѣ не учреждено, а филологія новороманская и германская соединены въ одну каеэдру съ сильно урѣзанымъ составомъ, да и учреждена эта каеэдра, какъ уже сказано, только въ одномъ университетѣ. Такимъ способомъ, современный университетской курсъ старается справиться съ совершенно непосильнымъ развитіемъ филологическаго вѣдѣнія. Едва-ли можно признать вполне рациональнымъ этотъ способъ парировать быстрыи

рость науки, способъ, чисто внѣшній, не соображенный съ относительнымъ значеніемъ разныхъ сторонъ этого роста.

Нельзя не обратить, прежде всего, вниманія на внутренній составъ филологическихъ кафедръ. Такъ какъ первоначально филологія сложилась на изученіи классической древности, то совершенно естественно было назвать изученіе древней культуры «древностями», названіе, затѣмъ, однако, удержанное и для другихъ, позднѣе возникшихъ и сложившихся филологій. Не въ названіи, конечно, дѣло, но въ данномъ случаѣ названіе сыграло плохую шутку съ новѣйшими филологіями. Возьмемъ для примѣра славянскую филологію, какъ она читается въ нашихъ университетахъ. Какъ и филологія эллинская или латинская, и филологія славянская включаетъ курсы языковъ, литературы и древностей. Тамъ, однако, въ классической филологіи древности являются изображеніемъ и обогдowanіемъ всей совокупности эллинской и латинской культуры въ ея наиболѣе развитомъ и совершенномъ видѣ. Ничего подобнаго славянскія древности не даютъ. Изученія культуры славянскихъ народовъ въ ея развитомъ видѣ они не представляютъ; это—изученіе единственно первобытной славянской культуры, языческой миеологии, первоначальнаго расселенія, древнихъ миграцій, древнихъ торговыхъ сношеній, древнихъ обычаевъ и т. д. Словомъ, въ филологіи классической мы, подъ именемъ «древностей», изучаемъ историческую культуру; въ филологіи же славянской — культуру доисторическую, совершенно игнорируя развитіе и формы исторической культуры. Этотъ пробѣлъ, очевидно, подсказанъ названіемъ, безъ критики перенесеннымъ изъ классической филологіи. Вѣроятно, не безъ участія того же неудачнаго названія культура оказалась совершенно исключенной изъ состава кафедры романо-германской филологіи. Въ самомъ дѣлѣ, германская доисторическая культура ничѣмъ не интереснѣе и важнѣе всякой другой доисторической культуры, если ее изучать безъ связи съ выросшею изъ нея культурою историческою. Доисторической же ново-романской культуры и совсѣмъ не существуетъ (если не считать за таковую кельтическихъ древностей). Другое дѣло историческія культуры, романскія и германскія. Онѣ представляютъ и глубокий интересъ, и громадный научный матеріалъ, и широкую основу высше-образовательную. Такимъ образомъ, сказавъ, что каждая филологія естественно слагается изъ курсовъ языка, литературы и культуры (вмѣсто «древностей»), мы тѣмъ самымъ укажемъ и тѣ необходимыя дополненія курса, въ которыхъ нуждаются кафедры славянской и романо-германской филологіи.

Мы уже сказали, что кафедра романо-германской филологіи страдает и другимъ важнымъ пробѣломъ, именно не включаетъ въ составъ своихъ курсовъ изученія новѣйшихъ литературъ, ограничиваясь народной словесностью и болѣе отдаленными періодами литературы. Этотъ пробѣлъ естественно вытекаетъ изъ факта чрез-

вычайнаго богатства новѣйшихъ литературъ, изученіе которыхъ совершенно невозможно вмѣстить въ одну кафедру. Восстановленіе упраздненной кафедры исторіи всеобщей литературы только отчасти восполнило бы этотъ пробѣлъ, и потому, прежде всего, что и эта кафедра могла бы удѣлять немного мѣста и времени новѣйшимъ литературамъ, и потому также, что изученіе *исторіи* литературы не совсѣмъ то же самое, что изученіе литературы. Очевидно, невозможно сохранить объединенную романо-германскую филологію. Включеніе курса культуры дѣлаетъ это объединеніе тоже совершенно невозможнымъ. Расчлененіе кафедры оказывается безусловно необходимымъ. Того же требуетъ и намѣченная нами въ прошломъ *Дневникъ* гимназическая реформа. Чтобы дать гимназіямъ хорошо подготовленныхъ преподавателей новыхъ языковъ, очевидно, необходимо выдѣлить, какъ отдѣльныя научныя дисциплины, филологіи нѣмецкую, французскую и англійскую. Специалисты должны рѣшить, необходимо ли при этомъ сохранить въ кафедре средневѣковой романо-германской филологіи, какъ общей основы тремъ новѣйшимъ культурамъ и имъ соответственнымъ филологіямъ.

Нельзя обойти молчаніемъ и того особаго положенія, которое отведено теперь восточному факультету. Если бы назначеніе этого факультета исчерпывалось задачей готовить персоналъ для дипломатической службы на Востокъ, то и тогда не было бы излишнимъ подумать о необходимости и этимъ восточнымъ дипломатамъ дать дѣйствительно высшее образованіе, что, конечно, сдѣлало бы ихъ дѣятельность и болѣе просвѣщенной, и болѣе авторитетною. Обширныя азіатскія владѣнія Россіи съ многочисленными народностями иранской, туранской и монгольской расы выдвигаютъ задачу ихъ управленія и развитія; воспитанники восточныхъ факультетовъ, которые, собственно говоря, должны бы призваться для дѣятельности на этихъ окраинахъ, еще болѣе нуждаются въ серьезномъ высшемъ образованіи. Наконецъ, восточные факультеты должны и наукой заниматься, ее двигать и разрабатывать. Поэтому-то совершенное обособленіе восточныхъ факультетовъ отъ историко-филологическихъ съ лишеніемъ ихъ того общаго гуманитарнаго образованія, которое дается филологамъ, не можетъ быть признано цѣлесообразнымъ.

Конечно, обязывая восточниковъ общимъ историко-филологическимъ курсомъ, мы не можемъ требовать отъ нихъ усвоенія всѣхъ пяти филологій, читаемыхъ на восточныхъ факультетахъ. Но зачѣмъ всѣхъ пяти? Зачѣмъ туранисту изучать арабскій языкъ, или санскритологу—китайскій? И въ настоящее время историко-филологическіе факультеты уже заключаютъ обособленныя на высшихъ курсахъ отдѣленія филологіи, классической, романо-германской и славянской. Отчего не прибавить къ нимъ (въ нѣкоторыхъ университетахъ) еще отдѣленій филологіи семитической, восточно-арійской (санскрито-иранской) и турано-монгольской? Въ семитическомъ отдѣленіи можно бы было, гдѣ нибудь въ одномъ

университетѣ, основать и кафедрѣ египетской филологіи, какъ культуры наиболѣе родственной семитическимъ.

Такимъ образомъ, шесть филологическихъ отдѣленій (включая и три съ восточнаго факультета) вполне разрѣшаютъ задачу поставить филологическое преподаваніе въ уровень разросшагося знанія. Основаніе трехъ новыхъ кафедръ филологіи, нѣмецкой, французской и англійской; дополненіе славянской филологіи курсомъ исторической культуры; дополненіе романо-германской филологіи курсомъ первобытной и средневѣковой культуры; присоединеніе восточнаго факультета въ видѣ трехъ специальныхъ отдѣленій съ общимъ филологическимъ курсомъ,—таковы тѣ реформы филологическаго отдѣла историко-филологическаго факультета, которыя по нашему мнѣнію вызываются современнымъ состояніемъ гуманитарнаго знанія и современными потребностями высшаго образованія. Необходимо дополнить наши замѣчанія нѣкоторыми соображеніями объ этихъ потребностяхъ высшаго образованія.

Не надо забывать, что въ наше время высшее образованіе немислимо безъ знанія новѣйшихъ языковъ. Поэтому высше-образовательныя столько же, сколько и научныя задачи обязываютъ сдѣлать новѣйшія филологіи предметами, общими не только всѣмъ отдѣленіямъ историко-филологическаго факультета, но и всѣмъ факультетамъ. При этомъ курсы всѣхъ трехъ языковъ должны быть обязательны для всѣхъ. Что касается курсовъ литературы и культуры, то не трудно отдѣлить общіе курсы для всѣхъ и специальные для филологовъ романо-германскаго отдѣленія.

У.

Отъ наукъ филологическихъ обратимся теперь къ наукамъ историческимъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ обширномъ смыслѣ слова въ понятіе науки исторической входятъ и большая часть филологическихъ научныхъ дисциплинъ и нѣкоторыя юридическія, но кромѣ тѣхъ и другихъ, еще цѣлый отдѣлъ наукъ, собственно историческихъ. Мы и здѣсь сначала повторимъ сущность уже высказаннаго нами въ упомянутомъ ноябрьскомъ *Дневникѣ* прошлаго года.

Мы уже знаемъ, что историческія науки имѣютъ своей задачей изученіе событій, изображеніе дѣяній членовъ историческихъ обществъ. Какъ ни сложна и затруднительна задача филологическихъ наукъ (по фрагментамъ и обломкамъ, сохраняемымъ для насъ временемъ въ памятникахъ, возсоздать картину общественныхъ состояній), задача историка правдиво и въ должной перспективѣ воссоздать дѣянія и событія еще сложнѣе и затруднительнѣе. Одинъ и тотъ же документъ можетъ быть изучаемъ филологами, какъ памятникъ, а историками, какъ источникъ. Самый бѣглый взглядъ на отношеніе къ документу историка и филолога сразу выясняетъ эту возрастающую сложность и увеличивающіяся трудности изслѣдова-

нiя. Положимъ, дѣло идетъ о сказанiи современника, изображающемъ какое-нибудь событiе или историческую личность. Филологу нѣтъ дѣла, правдиво-ли сказанiе, и съ этой точки зрѣнiя онъ имъ не интересуется. Правдиво, или фантастично, оно важно филологу само по себѣ въ его совокупности, какъ отражающее въ себѣ мировоззрѣнiе эпохи, умственное и нравственное состоянiя, идеалы, нравы, литературный стиль времени и т. д. Онъ изучаетъ его съ этихъ сторонъ, изслѣдуетъ языкъ, старается раскрыть литературное и философское родство съ другими памятниками. Все это вопросы, отвѣты на которые приходится искать преимущественно въ самомъ же памятникѣ, который и является предметомъ изученiя для филолога. Для историка же онъ есть только источникъ, а предметъ изученiя—событiя или личность, имъ изображаемая. Правдивость разсказа стоитъ на первомъ планѣ; опредѣленiе степени этой правдивости является первою задачею, затѣмъ точное опредѣленiе мѣста и времени, точное опредѣленiе личности автора и его общественнаго положенiя и многое другое, что или вовсе не интересуетъ филолога или составляетъ для него вопросъ второстепенный. Цѣльмъ разрядъ наукъ занять этою подготовительною разработкою источниковъ прежде, нежели историкъ можетъ начать свое историческое изложене. Если источникомъ служить рукопись, то необходимо опредѣлить ея подлинность, время и мѣсто ея составленiя, время и мѣсто дошедшаго до насъ списка, вѣроятныя погрѣшности списка, вѣроятныя вставки и т. д. Вся эта предварительная внѣшняя критика рукописей составляетъ предметъ науки *палеографии*. Если источникомъ является не рукопись, а печатное произведенiе, то тотъ же подготовительный трудъ беретъ на себя *библиография*, причеиъ изъ нея выдѣлилась *историография*, или библиография историческихъ сочиненiй. Когда окончена эта внѣшняя критика источника и его текста, наступаетъ очередь внутренней критики его содержанiя и повѣствованiя. Подлинность источника уже установлена; точно опредѣлено время, мѣсто и авторство составленiя; время и мѣсто дошедшихъ списковъ; накупъ времени снята искусною рукою специалиста и текстъ очищенъ отъ погрѣшностей и вставокъ, но остается вопросъ, правдиво-ли повѣствованiе, насколько правдиво? Начинается то, что обыкновенно называется *историческою критикою*, являющеюся безусловно необходимою и одною изъ труднѣйшихъ задачъ историческаго вѣдѣнiя. Методы исторической критики все совершенствуются и усложняются. Астрономiя, геологiя, физиологiя, психiатрiя, филологiя, археологiя, лингвистика и многое другое по очереди призывается историческою критикою для вопроса, съ цѣлью опредѣлить степень достовѣрности источника. Этимъ, однако, еще не завершается предварительная подготовительная разработка источника. Подобно тому, какъ эта предварительная разработка по необходимости началась опредѣленiемъ мѣста и времени источника, она завершается опредѣленiемъ

мѣста и времени самого событія, изображеннаго источникомъ. Двѣ особыхъ науки, *историческая географія* и *хронологія* выполняютъ эту задачу.

Пройдя черезъ горнило изслѣдованій палеографическихъ, библиографическихъ, историко-критическихъ, историко-географическихъ и хронологическихъ, источникъ, наконецъ, поступаетъ въ руки историка и вмѣстѣ съ массою другихъ источниковъ, прошедшихъ тотъ же искусь, служитъ, наконецъ, для прагматическаго изложенія дѣяній и событій, для біографіи и исторіи въ тѣсномъ смыслѣ слова. Эта громадная работа предварительной критики и затѣмъ систематическаго свода источниковъ (историческаго анализа и историческаго синтеза) завершается (въ предѣлахъ конкретно-научнаго обществовѣдѣнія) сводомъ исторической и филологической разработки матеріала, сводомъ дѣяній и состояній, дѣятельности и культуры въ одну *общую исторію* въ обширномъ смыслѣ слова, которая и является заключительнымъ синтезомъ конкретно-научнаго изученія историческихъ обществъ. Послѣдней надстройкой надъ этимъ обширнымъ зданіемъ является *философія исторіи*, т. е. объясненіе исторіи на основаніи законовъ, раскрываемыхъ обществовѣдѣніемъ абстрактнымъ.

Если мы теперь сравнимъ это развѣтвленіе историческаго вѣдѣнія съ наличностью историческихъ дисциплинъ въ современныхъ университетахъ, то увидимъ, что въ этомъ отношеніи существующая система довольно удовлетворительно отвѣчаетъ потребностямъ, вызываемымъ уровнемъ знанія. Дѣло въ томъ, что хотя нѣтъ отдѣльныхъ кафедръ исторической методологіи (куда должна войти теорія выше набросанной предварительной разработки источниковъ) и философіи исторіи, но то и другое очень удобно включается въ историческіе курсы. Можно пожелать только, чтобы кафедра исторіи имѣла побольше ординатуръ и экстраординатуръ для возможно широкаго историческаго обзора разныхъ эпохъ и народовъ. Желательно также, чтобы были обдуманно выдѣлены общій курсъ для всѣхъ отдѣленій и рядъ специальныхъ для разныхъ отдѣленій. Хотя невозможно себѣ представить историка безъ филологическаго образованія, тѣмъ не менѣе выдѣленіе историческаго отдѣленія имѣть свой смыслъ. Если на филологическихъ отдѣленіяхъ можно требовать specialнаго изученія, по крайней мѣрѣ, трехъ филологій, то на историческомъ довольно было бы двухъ или даже одной (напоминаемъ, что *общій* курсъ трехъ новѣйшихъ филологій мы предполагаемъ для всѣхъ обязательнымъ), замѣняя очищающееся мѣсто историческими изученіями и методомъ.

Мы обозрѣли всѣ конкретныя науки гуманитарнаго знанія, входящія нынѣ въ составъ историко-филологическихъ факультетовъ. Однако, такая важная конкретная общественная наука, какъ *статистика*, въ это число не входитъ. Научно сложилась она лишь въ XIX в., даже во второй половинѣ его. Это не помѣшало ей

приобрѣсти громадное значеніе, теоретическое и практическое. Если исторія по прежнему играетъ главную роль, когда рѣчь идетъ о развитіи общества, то въ вопросахъ строенія статистика приобрѣла несомнѣнно первенство. Та отчетливость, съ которою выясняется общественное строеніе изъ внимательно собраннаго и научно разработаннаго статистическаго матеріала, еще недавно представлялась чѣмъ-то абсолютно недостижимымъ для общественно-вѣдѣнія. Статистика еще и теперь находится въ процессѣ развитія. Она еще не охватила въ должной и одинаковой степени всѣхъ общественныхъ явленій. Наиболѣе развиты, разработаны и опредѣлены два отдѣла статистики, демографія и хозяйственная статистика. Съ перваго же взгляда видно, что демографія въ предѣлахъ статистической науки занимаетъ мѣсто, соответствующее исторіи въ тѣсномъ смыслѣ (т. е. имѣетъ дѣло съ личностями), а хозяйственная статистика соответствуетъ отчасти филологическимъ наукамъ (занимаясь культурою). Другіе отдѣлы статистики также могутъ быть распределены между этими двумя родами. Они менѣе разработаны. Впрочемъ, статистическая наука такъ быстро и плодотворно расширяетъ свою компетенцію, захватывая все новыя и новыя области и достигая все болѣе значительныхъ и затруднительныхъ задачъ, что нельзя сомнѣваться въ успѣхахъ. Она сумѣетъ дать учетъ и всей остальной культурѣ, и всей остальной дѣятельности населенія. На этомъ плодотворномъ пути много содѣйствія можетъ оказать со-всѣмъ недавно сложившаяся новая наука: *теорія статистики*. Указаніе метода и предварительной подготовительной разработки матеріала, его критика и общее руководство статистическою работою, входитъ въ составъ этой новорожденной научной дисциплины.

Статистика имѣетъ громадное практическое значеніе, сказали мы. Теперь мы можемъ прибавить, что это практическое значеніе послужило основаніемъ помѣстить ее на факультетѣ прикладнаго общественно-вѣдѣнія (на юридическомъ), а то обстоятельство, что хозяйственная статистика явилась первымъ по времени разработаннымъ отдѣломъ, явилось поводомъ соединить статистику въ одной каедрѣ съ политической экономіей. Статистика, однако, имѣетъ въ виду учетъ далеко не одну экономическую сторону общественной жизни, а насильственное соединеніе ея съ политической экономіей искусственно специализуетъ ее на экономической сторонѣ. Поэтому, прежде всего желательнаго ея обособленіе отъ политической экономіи и выдѣленіе въ самостоятельную каедрю. Статистика имѣетъ практическое значеніе, но не менѣе велико и ея значеніе теоретическое. Поэтому, не выключая изъ числа каедръ факультета прикладнаго общественно-вѣдѣнія, надлежитъ включить ее въ число каедръ и факультета теоретическаго общественно-вѣдѣнія (историко-филологическаго). Историческое и филологическое образованіе дѣятелей статистической науки откроетъ совершенно новыя, обшир-

ные горизонты передъ этою юною, но уже много совершившей и еще болѣе того обѣщающей наукою. Едва ли есть надобность теорію статистики выдѣлять въ особую катедру, но она должна быть упомянута, какъ интегральная часть курса. Частныя статистики главнѣйшихъ націй удобно нашли бы себѣ мѣсто въ курсахъ культуры на кафедрахъ новыхъ филологій. На долю самой кафедры статистической осталась бы сравнительная статистика и теорія.

Статистическая наука такъ же, какъ разсмотрѣнная выше историко-филологическія, всѣ имѣютъ дѣло съ обществами историческими. Но и за предѣлами исторіи существовало и существуетъ немало человѣческихъ обществъ. Конкретное обществовѣдѣніе должно и ихъ включать въ предметъ своего изученія. Оно ихъ и включило, но подошло къ нимъ со стороны естествознанія, которое первое заинтересовалось этими обществами и начало ихъ изученіе. Геологія и палеонтологія наткнулись на остатки первобытнаго человѣка, остатки скелета такъ же, какъ и остатки культуры. Отсюда выросла *доисторическая археологія*, наука, отличная отъ соименной ей археологіи исторической, но въ послѣднее время все болѣе съ нею сближающаяся. Отсюда же выросла и *краниологія*, наука о человѣческихъ черепакахъ, сначала первобытнаго ископаемаго человѣка, а затѣмъ и вообще всѣхъ расъ и племенъ, живущихъ и вымершихъ. Съ краниологіи началось выдѣленіе естественно-научнаго изученія человѣка изъ зоологіи и постепенно сложилась самостоятельная наука, *антропологія*, или зоологія человѣка, куда краниологія входитъ отдѣломъ. Другимъ, тоже выдѣлившимся отвлѣченіемъ антропологіи является *антропометрія*, имѣющая очень серьезное значеніе для изученія расъ и племенъ. Вопросъ о расахъ человѣческихъ тоже выдѣлился и составилъ предметъ *этнологіи*, которая рѣшаетъ вопросъ о расахъ по методу зоологическому, не всегда совпадающему въ своихъ выводахъ съ методомъ филологическимъ. Антропологія съ ея отвлѣченіями изучаетъ одну сторону строенія и жизни неисторическихъ обществъ, дѣятельную единицу общегитія, человѣка. Но и самыя первобытныя доисторическія и неисторическія общегитія имѣютъ уже свою культуру. Слѣды доисторической культуры изслѣдуетъ, какъ только что упомянуто, доисторическая или геологическая археологія. Культуру неисторическихъ народовъ изучаетъ *этнографія* неисторическая, все болѣе и болѣе сближающаяся съ этнографіей исторической. Это сближеніе ведетъ мало по малу къ общему сближенію антропологическихъ и филологическихъ наукъ въ понятіи общей этнографіи, имѣющей объединить и обобщить изображеніе и изученіе человѣческихъ культуръ во всемъ ихъ историческомъ, доисторическомъ и неисторическомъ многообразіи. Эту общую объединяющую этнографію можно было бы такъ же называть—общей филологіей.

Антропологія отчасти получила академическое признаніе учрежденіемъ соотвѣтственныхъ кафедръ во многихъ иностранныхъ уни-

верситетахъ, и у насъ въ московскомъ университетѣ. Каѳедры эти учреждаются, однако, на факультетѣ физико-математическомъ. Не отрицая, что тѣсная зависимость антропологическихъ наукъ отъ естествознанія вполне объясняетъ и оправдываетъ такое причисленіе этихъ наукъ къ естественно-научнымъ дисциплинамъ, нельзя не видѣть сразу, что ихъ отсутствіе представляетъ очень существенный и важный пробѣлъ на факультетѣ историко-филологическомъ. Какъ статистика должна одновременно быть юридическою и историко-филологическою каѳедрою, такъ точно антропология можетъ и должна входить одновременно въ составъ курса физико-математическаго и историко-филологическаго факультета. Краниология, антропометрія и этнологія, какъ отвлѣченія антропологии, могутъ и не обособляться въ отдѣльныя каѳедры, но должны быть упомянуты, какъ составныя части курса. Что касается доисторической археологии, то она могла бы остаться въ составѣ антропологии или быть соединена съ археологіей исторической въ одну дисциплину научной археологии. Мы имѣемъ цѣлое высшее учебное заведеніе, археологическій институтъ, но не подумали основать, хотя бы въ одномъ университетѣ для начала, каѳедры археологии. Общая этнографія, какъ сводъ фактическихъ данныхъ о первобытной и ранней исторической культурѣ, тоже требуетъ особаго вниманія и отдѣльной каѳедры. Быть можетъ, на первое время ее можно было бы соединить съ археологіей.

Введеніе антропологии, доисторической археологии и этнологии въ составъ историко-филологическаго факультета ставить этому факультету новыя задачи. Сознательное усвоеніе этихъ наукъ, какъ и ихъ разработка, невозможны безъ извѣстнаго знакомства съ основами естествознанія. Однако, бытъ неисторическихъ народовъ отличается отъ быта историческихъ народовъ во многихъ отношеніяхъ, но только никакъ не въ этой необходимости естественно-научнаго освѣщенія для пониманія одного и ненужности этого освѣщенія для другого. Естествознаніе подошло первоначально къ быту неисторическихъ народовъ, и здѣсь впервые обнаружилось все значеніе для гуманитарныхъ наукъ этого могущественнаго содѣйствія со стороны наукъ естественныхъ. Конечно, оно одинаково необходимо и для исторической этнографіи, археологии, филологии. Оно необходимо, какъ мы видимъ, и для исторической критики. Оно составляетъ основу для абстрактнаго обществовѣдѣнія, вслѣдствіе чего мы и вернемся къ этому настоящему вопросу о естествознаніи на историко-филологическомъ факультетѣ послѣ обзора предстоящаго развитія абстрактно-научныхъ дисциплинъ, столь слабо и односторонне нынѣ представленныхъ на обихъ гуманитарныхъ факультетахъ.

VI.

Вѣглый обзоръ конкретныхъ гуманныхъ наукъ, какъ онѣ развились и развѣтвились къ настоящему времени, показалъ намъ, какой громадный трудъ понесенъ въ теченіе не одного тысячелѣтія многими тысячами научныхъ работниковъ, постепенно воздвигшихъ это исполинское зданіе конкретнаго обществовѣдѣнія, дозволившее въ XIX вѣкѣ приступить и къ сооруженію обществовѣдѣнія абстрактнаго. Ранѣе именно несовершенное состояніе конкретныхъ общественныхъ наукъ не дозволяло абстрактно-научную обработку явленій общественныхъ по общественнымъ научнымъ методамъ. Поэтому долго абстрактное обществовѣдѣніе замѣнялось метафизической философіею, изъ догматовъ которой выводились и нравственность, и право, и начала государственности, и эстетическіе принципы. Затѣмъ нѣкоторое движеніе научной мысли, высвободившейся отъ метафизической опеки, привело къ изобрѣтенію для абстрактнаго изученія общественныхъ явленій особаго метода изолирующей гипотезы, который довольно долго и замѣнялъ собою общенаучные методы, не примѣнявшіеся по несовершенству матеріала, предлагавшагося конкретными науками. Первые подверглись такой обработкѣ по гипотетическому методу явленія экономическія, и возникшая отсюда *политическая экономія* въ рукахъ ея основателей и наиболѣе выдающихся продолжателей всегда держалась и держится этого метода. Не повторяю всего того, что говорилъ о наукахъ гипотетическаго метода въ уже не разъ цитированномъ моемъ *Дневникѣ* за ноябрь прошлаго года. Повторяю только необходимое намъ указаніе, что примѣненіе гипотетическаго метода не ограничилось одними экономическими явленіями. Оно было распространено на явленіе права, нравственности, языка, искусства. Гипотетически изолируя мотивъ обогащенія отъ всѣхъ другихъ мотивовъ и ставя дѣйствіе человѣка, руководимаго только этимъ мотивомъ, въ условіе однажды опредѣленнаго общественнаго состоянія, политическая экономія всѣ свои положенія и теоремы выводитъ дедуктивно. Гипотетически изолируя другіе мотивы человѣческой дѣятельности, можно построить и другіе абстрактно-общественныя науки: правовѣдѣніе, этику, эстетику, лингвистику. По скольку онѣ высвободились изъ-подъ метафизическихъ преданій и по скольку не увлечены потокомъ быстро выросшей абстрактной науки общаго метода, обыкновенно называемой соціологіей, дѣйствительно правовѣдѣніе, этика, эстетика и отчасти лингвистика воспользовались методомъ изолирующей гипотезы и добыли этимъ путемъ не мало цѣнныхъ выводовъ. Онѣ, однако, какъ и политическая экономія, не даютъ, строго говоря, объясненія явленіямъ и не раскрываютъ законовъ, ими управляющихъ, а лишь раскрываютъ тѣ закономѣрныя тяготѣнія и склонности, которыя существуютъ въ обществѣ.

Надо это всегда помнить и не слѣдуетъ забывать, что конкретная общественная дѣйствительность, хотя и испытываетъ эти тяготѣнія, раскрытыя для насъ науками изолирующей гипотезы, но направляется всею сложною совокупностью всѣхъ этихъ взаимно несогласованныхъ тяготѣній, всею сложною совокупностью окружающей среды, всею сложною совокупностью человѣческой активности. Раскрытіе этихъ общихъ законовъ общественнаго сочетанія, распавденія и развитія составляетъ задачу *соціологіи*, которая стала возможна лишь послѣ того, какъ съ одной стороны сдѣлана громадная работа конкретнаго общественнонѣдвннн, доставившая матеріалъ для соціологической обработки, а съ другой стороны гипотетическія абстрактныя науки выяснили основныя тяготѣнія общественной жизни и освѣтили такимъ образомъ то, что можно бы назвать пружинами общественнаго механизма.

Соціологія не введена ни на одномъ изъ нашихъ факультетовъ, но то, что нынѣ читается подъ именемъ философіи исторіи или подъ именемъ общихъ отдѣловъ нѣкоторыхъ правъ, весьма часто бываетъ курсомъ соціологіи. Въ университетахъ берлинскомъ, брюссельскомъ и нѣкоторыхъ другихъ иностранныхъ основаны официально кафедръ соціологіи. Несомнѣнно наступило время ея академическаго признанія. Ей должна быть предоставлена отдѣльная кафедра, которая должна входить въ составъ курса обоихъ гуманитарныхъ факультетовъ. Абстрактное знаніе является вѣнцомъ конкретнаго и фундаментомъ прикладнаго. Поэтому - то соціологія должна какъ бы завершить собою курсъ факультета теоретическаго общественнонѣдвннн (историко-филологическаго) и должна быть преподавана и на факультетѣ общественнонѣдвннн прикладнаго (юридическомъ) для лучшаго освѣщенія его задачъ. То же, что сказано здѣсь о соціологіи, примѣнимо, хотя и въ меньшей степени, и къ политической экономіи, которая должна быть сохранена на юридическомъ факультетѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ возстановлена на историко-филологическомъ, гдѣ первоначально и находилась (какъ и доселѣ находится во многихъ иностранныхъ университетахъ). Что касается остальныхъ абстрактныхъ частныхъ наукъ, то лингвистика и эстетика, нынѣ входящія въ составъ филологическаго факультета, слишкомъ спеціальны, чтобы юридическій факультетъ нуждался въ ихъ усвоеніи. Этика, кажется мнѣ, могла бы быть присоединена къ кафедрѣ соціологіи, такъ какъ все болѣе обнаруживаетъ склонность оставить методъ изолирующей дедукціи и воспользоваться соціологіей для фундаментальной перестройки всего плана науки.

Конкретное общественнонѣдвннн могло долго развиваться совершенно независимо отъ естественнаго, но и оно, какъ мы видѣли уже, почувствовало потребность опереться на естественныя науки. Тѣмъ это необходимѣе общественнонѣдвннн абстрактному. Законы общественной жизни, составляющіе проблему соціологіи, являются только частнымъ случаемъ законовъ жизни вообще. Соціологія съ первыхъ

же шаговъ своихъ должна была опереться на науки біологическія. Не самостоятельное ихъ изученіе, но обстоятельное знакомство съ этими науками представляется обязательнымъ для соціолога, а слѣдовательно, и приспособленное преподаваніе этихъ наукъ должно быть введено на гуманитарныхъ факультетахъ. Курсъ общей біологіи, какъ эта наука выяснилась въ трудахъ Спенсера, Дарвина, Гексли, Геккеля и другихъ, долженъ являться какъ бы соціологической пропедевтикой и легко могъ бы быть включенъ въ курсъ соціологической катедры. Этотъ общій курсъ долженъ, однако, опираться на нѣкоторыя, хотя и элементарныя, но систематическія познанія естественно-научныя. Частью они могутъ быть дополнительно даны и должны быть даны географіей (познанія геологическія, палеонтологическія, естественно-историческія), частью же необходимо должны предшествовать университетскому курсу. Иначе говоря, эти элементарныя основы естествознанія должны быть преподаваны въ гимназіяхъ. Въ прошлой статьѣ я старался показать, что съ преобразованиемъ гимназій на предложенныхъ основаніяхъ останется достаточно гимназическаго времени для введенія элементарнаго естествознанія (физика и теперь преподается въ гимназіяхъ). Тогда же я указалъ, что этой основой средняго образованія должны остаться гуманитарныя предметы, но образованіе, имъ даваемое, только выигрываетъ, прибавя нѣкоторое необходимое познаніе природы и мірозданія. Мы теперь видимъ, что это введеніе, желательное съ точки зрѣнія средняго образованія и совершенно допустимое безъ обремененія учащихся, является вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ и въ смыслѣ подготовленія къ университетскому курсу даже на филологическомъ и юридическомъ факультетахъ. Вмѣстѣ съ хорошимъ преподаваніемъ новыхъ языковъ введеніе элементарнаго естествознанія и представляется тѣмъ приспособленіемъ гимназическаго курса къ потребностямъ высшей школы, о которой мы говорили въ началѣ этой статьи.

Психологія въ настоящее время входитъ въ составъ философской катедры. Психологія, по крайней мѣрѣ экспериментальная съ ея отвѣтственіемъ психофизикой, составляетъ въ настоящее время самостоятельную естественно-научную дисциплину. Въ иностранныхъ университетахъ почти повсемѣстно учреждены катедры психологіи. Очевидно, онѣ должны быть усвоены и физико-математическому, и обимъ гуманитарнымъ факультетамъ. Первому, потому что туда принадлежитъ по своему научному составу; вторымъ же, какъ наука вспомогательная.

Изъ историко-филологическихъ научныхъ дисциплинъ намъ остается сказать нѣсколько словъ о философіи. Мы уже исключили изъ нея психологію и этику. Исторія философіи, конечно, должна остаться въ составѣ катедры, но ея курсъ долженъ быть помѣщенъ на историческомъ отдѣленіи и не долженъ быть смѣшиваемъ съ курсомъ философіи, естественно являющимся не только общепило-

логическимъ предметомъ, не только общимъ для обоихъ гуманитарныхъ факультетовъ, но и для всего университета. Въ очищенную выше указаннымъ способомъ кафедру философіи должны входить слѣдующія составныя части: теорія познанія (*Erkenntnislehre*) и классификація наукъ; логика; философія природы (вышнія обобщенія природовѣдѣнія). Все это, конечно, одинаково важно для всѣхъ факультетовъ.

Хотя мы разсмотрѣли только филологическіе факультеты, но этимъ разсмотрѣніемъ рѣшили и общее направленіе всей университетской реформы. Именно отъ преобразованія филологическихъ факультетовъ зависятъ и возможность возстановить, рядомъ съ научнымъ и профессиональнымъ, и образовательный элементъ вышней школы, и возможность той реформы средней школы, о которой давно мечтаетъ образованное общество всего міра. Последнее очевидно изъ предъидущаго. Что касается перваго, то ясно, что объявленіе философіи и общихъ курсовъ французской, англійской и нѣмецкой филологіи общими предметами всѣхъ факультетовъ способно, дѣйствительно, возвысить образовательное значеніе университетской науки, не понижая ея научнаго и прикладнаго значенія. Для факультетовъ, физико-математическихъ и медицинскихъ, это введеніе общихъ предметовъ вмѣстѣ съ новою болѣе рациональною подготовкою въ гимназіяхъ, и составляетъ все наиболѣе существенное въ необходимой реформѣ. Для юридическихъ факультетовъ къ этому прибавляется введеніе социологіи и вообще болѣе систематическое преподаваніе абстрактной науки. Центръ тяжести реформы—въ факультетахъ филологическихъ, гдѣ надо возстановить три кафедры (всеобщая литература, статистика, политическая экономія) и основать новыхъ шесть: филологіи французской, англійской, нѣмецкой, антропологіи и этнологіи, этнографія и археологіи, социологіи. Такое развитіе курса факультетскаго естественно вызываетъ необходимость дробленія на отдѣленія. Четыре отдѣленія уже и теперь существуютъ въ Петербургскомъ университетѣ, именно: отдѣленія классической филологіи, романо-германской, славянской и историческое. Не невозможно, что романо-германское отдѣленіе пришлось бы скоро разбить на два. Вѣроятно, было бы полезно образовать социологическое отдѣленіе съ сосредоточеніемъ тамъ абстрактныхъ научныхъ дисциплинъ. О восточныхъ отдѣленіяхъ я уже говорилъ.

Я, конечно, не пишу исполнительнаго проекта и не опредѣляю детально состава отдѣленій и распредѣленія между ними предметовъ. Весьма возможно, что при ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось бы затруднительно размѣстять факультетскіе курсы между отдѣленіями такъ, чтобы не обременить учащихся и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить желательное основное единство факультетскаго образованія. Въ такомъ случаѣ излишней спеціализаціи слѣдовало бы предпочесть

удлиненіе курса на годъ. Вѣдь медики, технологи, инженеры учатся же по пяти лѣтъ! Почему филологамъ надо держаться, во что бы то ни стало, четырехлѣтняго курса? Впрочемъ, повторяю, эти детали не входятъ въ задачу этихъ очерковъ. Я хотѣлъ только намѣтить принципы и указать на возможность ихъ осуществленія.

С. Южановъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Тяжелые сны. Романъ Федора Сологуба. Спб. 1896.

Романъ г. Сологуба печатался первоначально въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ и, сколько намъ извѣстно, особеннаго вниманія читателей на себя не обратилъ. Съ нѣкоторой спеціальной точки зрѣнія объ этомъ, пожалуй, можно и пожалѣть. Дѣло въ томъ, что романъ г. Сологуба—не обыкновенное литературное произведеніе, какихъ вездѣ много, а произведеніе декадентское, совсѣми особенностями этого интереснаго направленія. Декадентскій романъ! Это чего нибудь да стоитъ. До сихъ поръ мы встрѣчались только съ декадентами-стихотворцами и, конечно, только смѣялись надъ ихъ умышленными или неумышленными эксцентричностями, потому что разсуждать было не о чемъ. „О, закрой свои блѣдныя ноги!“—на такое *стихотвореніе* можно съ улыбкой указать пальцемъ и этимъ ограничиться. Но романъ, просто уже въ силу техническихъ условій, долженъ отличаться большею содержательностью или хотя-бы только большею обстоятельностью, нежели стихотвореніе. Романистъ долженъ говорить не о себѣ, не о своихъ чувствахъ и желаніяхъ, а о другихъ людяхъ, о жизни, о нравахъ и т. д. Если онъ, какъ декадентъ, заговорить о „блѣдныхъ ногахъ“, то восклицаніемъ „о, закрой!“ онъ ограничиться вѣсело не можетъ, а долженъ будетъ объяснить намъ—какія такія ноги? чьи? почему онѣ „блѣдныя“? и почему ихъ поскорѣй закрыть надо? Одними голыми символами нельзя заполнить романъ, и, хочеть или не хочеть того романистъ, онъ принужденъ будетъ раскрыть намъ смыслъ своихъ символовъ.

Съ этой точки зрѣнія съ романомъ г. Сологуба стоитъ ознакомиться. О томъ, что это романъ декадентскій, читатель начинаетъ догадываться съ первыхъ же страницъ, на которыхъ онъ встрѣчаетъ такой разговоръ между героемъ и героиней романа: „Скажите, заговорилъ Логинъ, вамъ жизнь какого цвѣта кажется, и какого вкуса?—Вкусъ и цвѣтъ? У жизни?

съ удивленіемъ спросила Клавдія. — Ну, да... Это же въ модѣ, — сліяніе ощущеній... — Ахъ, это... Пожалуй, вкусъ — приторный. — А цвѣтъ жизни? спросилъ Логинъ. — Зеленый и желтый, быстро, не задумываясь, отвѣтила Клавдія. Вотъ какое глубокомысліе во вкусѣ фендисіекля! Въ дальнѣйшемъ теченіи разговора обнаруживается, что героиня недовольна не только приторнымъ вкусомъ и желто-зеленымъ цвѣтомъ жизни, но и самымъ ея содержаніемъ. Она съ трагизмомъ восклицаетъ: „Картинки... милыя! Дѣтство — безъ любви, озлобленное. Юность — муки зависти, невозможныхъ желаній... крушеніе надеждъ, идеаловъ! Да, идеаловъ, — не смѣйтесь, — были всетаки идеалы, какъ ни странно... Впередъ стараешься заглянуть, — мракъ“. *Невозможныя желанія* — это одна изъ любимѣйшихъ декадентскихъ темъ. Читатель, быть можетъ, помнитъ вотъ эти стихи одной русской декаденточки:

Увы, въ печали безумной я умираю,
Я умираю.
Стремлюсь къ тому, чего я не знаю,
Не знаю...
О, пусть будетъ то, чего не бываетъ,
Нивогда не бываетъ.
.....
Мнѣ нужно то, чего нѣтъ на свѣтѣ,
Чего нѣтъ на свѣтѣ!

„Экъ вѣдь ее изломало, сердечную!“ подумаетъ читатель, пробѣжавши это стихотвореніе, да тутъ же, конечно, и забудетъ о немъ. Такова привилегія декадента-стихотворца: онъ можетъ болтать все, что ему угодно, въ увѣренности, что отъ него не потребуютъ объясненій. Декадентъ-прозаикъ находится, повторяемъ, въ менѣе удобномъ положеніи: онъ долженъ договаривать свою мысль до конца; заговоривъ о „невозможныхъ желаніяхъ“, долженъ объяснить намъ досконально, въ чемъ именно эти желанія и стремленія заключаются. Г. Сологубъ отъ этого не прочь. Ровно черезъ шестьдесятъ страницъ послѣ перваго, нами приведеннаго выше, разговора между Логинимъ и Клавдіей, онъ рисуетъ намъ такую сцену между тѣми же лицами. Клавдія объявляетъ, что она „не можетъ ждать“. И зачѣмъ, спрашиваетъ она, книжные взгляды на жизнь? „Я жить хочу, по новому жить, хоть бы съ горемъ лишь бы иначе“ *Забудьте*, говоритъ Клавдія своему собесѣднику, всякія „умныя слова“ о работѣ, о самостоятельности. „Меня душитъ злора, отчаяніе... Мнѣ надо уйти и сжечь... сжечь все старое“. Кто пойметъ, чего ей собственно нужно? Логинъ оказывается, однако, на высотѣ положенія и говоритъ: „я васъ понимаю“. Вотъ можно сказать Эдипъ! Однако, нѣтъ, даже декадентъ не всегда пойметъ декадентку, и Логинъ съ удивленіемъ выслушиваетъ отъ Клавдіи такое заявленіе:

„это очень нелѣпо, что я васъ пригласила... И знаете-ли, зачѣмъ? Чтобы сказать: возьмите меня“. Таковъ краткій смыслъ длинной рѣчи нашей героини. Возвышенная тоска по разрушеннымъ идеаламъ, горькая иронія надъ книжными взглядами на жизнь, презрительный сарказмъ по поводу умныхъ словъ, героическая готовность „сжечь все старое“ и пр. и пр.— все это разрѣшается коротенькой формулой: „возьмите меня“. Хотя специальный смыслъ этой формулы извѣстенъ всѣмъ со времени тургеневской Елены („Наканунѣ“), но героиня г. Сологуба даетъ ей надлежащее разъясненіе. „Хоть на время, продолжала Клавдія, разбейте мнѣ сердце,—потомъ бросьте меня... Будетъ горе, но будетъ жизнь, а теперь—нѣтъ выхода, я точно передъ стѣною. Пусть вы меня не любите, все равно, спасите меня!“ Возьмите меня—бросьте меня, разбейте мнѣ сердце—спасите меня, любите вы или не любите меня—*все равно*—вотъ самоновѣйшее рѣшеніе старыхъ вопросовъ чувства! Логинъ почему то отступилъ передъ предприимчивой дѣвицей, которая затѣмъ, встрѣтившись съ нимъ на балѣ, кстати спрашиваетъ его: „Вы считаете меня нимфоманкой?“ Ну, честное слово, читатель, это напечатано—см. стр. 135.

Впрочемъ, мы, можетъ быть, несправедливы къ бѣдной Клавдіи. Отвѣтственность за ея ни съ чѣмъ несообразныя дѣянія и слова должна, кажется, падать не на нее, а на самого автора, воображеніе котораго, повидимому, очень засорено. Дѣло въ томъ, что въ романѣ имѣется еще героиня, нѣкая Нюта, тоже влюбленная въ Логина, дѣвушка, по замыслу автора, совсѣмъ иного типа, нежели Клавдія: это простая, но и глубокая натура, преисполненная той „дѣятельной любви“, которую такъ хорошо характеризовалъ Толстой въ „Дѣтствѣ и Отрочествѣ“ Но такъ какъ на вербѣ не растутъ груши, и г. Сологубъ не можетъ не быть г. Сологубомъ, то... то произошло вотъ что: Нюта встала. Логинъ поднялся за нею.

— Пойдемъ,—сказала она, протягивая къ нему руки,—я хочу сдѣлать тебѣ даръ, и онъ теперь готовъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты свѣтло порадовался ему.

Молча вошли они въ закрытую бесѣдку.

Логинъ испытывалъ непонятное ему волненіе, словно предчувствіе значительнаго событія. Логинъ видѣлъ, что и Нюта странно взволнована. Она стояла передъ нимъ, вся трепетная, и то опускала, то поднимала руки къ застежкѣ своего платья. Румянецъ быстро сбѣгалъ съ ея смуглыхъ щекъ. И вдругъ выраженіе рѣшимости и великаго спокойствія легло на ея поблѣднѣвшее лицо, она медленно подняла спокойныя руки, тихо разстегнула на лѣвомъ плечѣ металлическую пряжку и сказала безстрастнымъ голосомъ:

— Мой даръ тебѣ—я сама.

Платье упало къ ея ногамъ. Обнаженная и холодная стояла она передъ нимъ, и съ ожиданіемъ смотрѣли на него ея непорочные глаза.

— Дорогая моя,—воскликнулъ Логинъ,—мы на вершинѣ! Какое счастье! И какая печаль!

Она молчала. Глаза ея были покорны. Онъ наклонился, чтобы поднять ея платье. Руки ихъ встрѣтились. Онъ помогъ ей одѣться.

Мы не принадлежимъ къ числу очень смѣшливыхъ людей, но эта удивительная сцена заставила насъ хохотать такъ, какъ мы уже давно не смѣялись. Лѣтъ 30—40 назадъ покойный Всеволодъ Крестовскій написалъ стихотвореніе, въ которомъ какая то полоумная говоритъ нищему: „прелесть тѣла хочешь, нищій! вмѣсто хлѣба я сама!“— и въ журналистикѣ того времени долго не смолкалъ смѣхъ, вызванный этимъ диковиннымъ образомъ. Но у г. Сологуба картина много смѣшнѣе, потому что нарисована съ многозначительною торжественностью.

О героѣ романа—учителѣ Логинѣ—распространяться нѣтъ нужды, въ виду того, что его личность достаточно ясно выражается въ его любовныхъ авантюрахъ. Прибавимъ только, что въ теченіе романа онъ многократно напивается пьянъ, убиваетъ въ пьяномъ видѣ человѣка, своего личнаго врага, ловко прячетъ концы въ воду и, не смотря на все это, мечтаетъ о возрожденіи, благодаря „непорочной“ Нютѣ. Романъ именно и оканчивается этими словами: „Логинъ и Нюта думаютъ, что для нихъ началась новая жизнь“. Ну, пусть ихъ! Мы хотимъ только отвѣтить на вопросъ, который, мы предчувствуемъ, возникаетъ у читателя: почему всетаки романъ г. Сологуба—романъ декадентскій? Да потому, отвѣтимъ мы, что онъ представляетъ всѣ признаки того извращенія понятій которое составляетъ отличительную черту декадентства, въ особенности понятій нравственныхъ. Эти молодые дѣвушки, объявляющія, что имъ „надоѣло ждать“, и предлагающія себя „хоть на время“; эти молодые люди, переходящіе къ „новой“ лучшей жизни черезъ трупъ убитаго ими изъ за угла человѣка; все это общество провинціальнаго города, представляющее собою какое то сборище людей, страдающихъ буйнымъ умопомѣшательствомъ; самъ авторъ, наконецъ, вполне беззаботно разгуливающий среди этой странной компаніи своихъ персонажей,—все это, въ самомъ дѣлѣ, свидѣтельствуемъ о серьезномъ нравственномъ декадансѣ или упадкѣ. „Но такова жизнь“, можетъ сказать г. Сологубъ. Да, такова жизнь—съ декадентской точки зрѣнія. Вотъ это именно мы и хотимъ подчеркнуть. Изображать пошлость жизни—это очень хорошо; но пошло изображать жизнь—это ужъ совсѣмъ не хорошо. Г. Сологубъ съ явнымъ почтеніемъ и съ явной симпатіей относится къ людямъ, мѣсто которыхъ или въ гурьмѣ или въ сумасшедшемъ домѣ—и какого же еще декаданса вамъ нужно?

Больное мѣсто. Романъ А. Д. Апраксина. Москва. 1896.

Имя г. Апраксина врядъ ли извѣстно кому нибудь изъ нашихъ читателей, а между тѣмъ авторъ далеко не новичекъ въ литературѣ. Болѣе того: дарованіе г. Апраксина развивается, идетъ впередъ, а это признакъ очень хорошій. Лѣтъ 7—8 тому назадъ намъ довелось рецензировать (въ другомъ журналѣ) романъ г. Апраксина „Алзаковы“ и ничего хорошаго объ этомъ романѣ „изъ великосвѣтскаго быта“ мы сказать не могли, тогда какъ „Больное мѣсто“ мы прочитали даже не безъ нѣкотораго удовольствія. *Не безъ нѣкотораго удовольствія*—эта умѣренная похвала вполнѣ соотвѣтствуетъ скромнымъ размѣрамъ дарованія г. Апраксина. У г. Апраксина есть все, что нужно для романиста, но по немногу: немного наблюдательности, немного знанія жизни, немного литературной техники и т. д. Ничѣмъ не обдѣленъ, но и ничѣмъ щедро не одаренъ г. Апраксинъ. Ему никогда не сказать *своею* слова, но очень прилично, безъ искаженій, говорить чужія слова, и въ этомъ заключается его литературная роль. Эта роль беллетриста-популяризатора, роль совсѣмъ небезплодная, хотя, разумѣется, и не блестящая. Въ нашемъ умственномъ обиходѣ не мало идей, которыя для иныхъ не болѣе какъ общія мѣста, но за то для другихъ имѣютъ всю прелесть новизны. Беллетристической обработкой такихъ то именно идей и занимается г. Апраксинъ, причѣмъ никакъ нельзя сказать, чтобы онъ ужъ очень мелко плавалъ. Не то, чтобы ужъ очень глубоко, но право же и не мелко, по нынѣшнему времени по крайней мѣрѣ. Вотъ, напр., одно изъ лицъ романа г. Апраксина характеризуетъ своей дочери ея жениха, главнаго героя „Больного мѣста“: Николай Николаевичъ человѣкъ вполнѣ достойный. И видишь-ли, дитя мое, въ нашъ вѣкъ рыцари и сподвижники (подвижники?) какъ-то не у мѣста. Блаженъ и избранъ тотъ, кто понялъ благую середину и выплылъ на широкое, быстрое теченіе жизненной рѣки. Твой Борщевъ именно изъ такихъ. Это человѣкъ, на котораго положиться можно и который никогда не натворитъ вещей неподобающихъ. Преслѣдуя идею добра, онъ основываетъ достиженіе ея на практическихъ выводахъ, а не на требованіи отъ людей жертвъ, когда все кругомъ клонится лишь къ единственной заботѣ: каждый о самомъ себѣ. Онъ прежде всего уменъ, а умъ, да еще съ придачею извѣстной честности, въ которой тоже у него недостатка нѣтъ, самая прочная гарантія для возможно безпечальнаго существованія въ нашу эпоху. „Такъ эдакія то идеи, спроситъ читатель, популяризируетъ г. Апраксинъ? Не стоитъ благодарности!“ Да нѣтъ же, читатель, нѣтъ: г. Апраксинъ борется съ этими идеями, а вовсе не популяризируетъ ихъ, не сочувствуетъ имъ. То есть не то,

чтобы не сочувствуетъ, а находить ихъ нѣсколько односторонними, требующими нѣкоторой поправки. Видите-ли какого рода дѣло. Французы говорятъ: *si jeunesse savait, si vieillesse pouvait!* Нѣчто подобное имѣетъ въ виду и г. Апраксинъ: если бы реалисты-практики знали, если бы идеалисты-теоретики могли и умѣли! Вотъ мысль г. Апраксина, если мы вѣрно поняли его романъ „Ну, да, недовольно ворчать читатель, если бы карасю щучьи зубы, а щукѣ карасиное добродушіе—знаемъ мы это! На такихъ *если бы* не далеко уѣдешь!“ Имѣйте вы, ради Бога, терпѣніе, заступаемся мы за г. Апраксина, выслушайте автора до конца: онъ совсѣмъ не Маниловъ, какъ это вы, повидимому, воображаете. Изъ провинціи пріѣзжаетъ въ Петербургъ нѣкто Павлинъ, съ широкимъ проектомъ поднять наше сельское хозяйство и улучшить экономическое положеніе сельскихъ рабочихъ массъ. Упадокъ нашего земледѣльческаго хозяйства и составляетъ наше „больное мѣсто“. Павлинъ вооруженъ фактами и цифрами, но, въ качествѣ идеалиста, не знаетъ, какъ быть съ своей идеей, какъ дать ходъ своему проекту. Онъ разыскиваетъ своего университетскаго товарища Борщова, который, что называется, собаку съѣлъ въ „дѣлахъ“, но, въ качествѣ практика, никакихъ идей не имѣетъ и имѣть не желаетъ. Павлинъ передаетъ ему свой проектъ, и Борщовъ сразу почуялъ, что тутъ пахнетъ жаренымъ, устраиваетъ акціонерное общество подъ фирмою „Помѣстья на акціяхъ“. „Одобрю, весьма находчиво“ говоритъ дѣльцу Борщову архидѣлецъ Магинъ и тутъ же высчитываетъ, что на одномъ учредительствѣ Борщовъ наживетъ „капиталецъ въ триста тридцать четыре тысячи“. Но вы, прибавляетъ Магинъ, „кажется забываете, что у васъ есть еще компаньонъ?“ Дескать, дѣлиться придется. „Павлинъ? Ну, этотъ счелъ бы за грабежъ какое либо вознагражденіе, кромѣ самаго скромнаго жалованья за самый странный трудъ! воскликнулъ Борщовъ. Магинъ улыбнулся.—Умница! сказалъ онъ. И гдѣ это вы только такихъ выкапываете? Урожай на нихъ годъ отъ году все жиже, а вамъ попадаютъ“. Кажется, ясно, что Павлинъ „не туда попалъ“ съ своимъ благодѣтельнымъ проектомъ. Провинціалъ-идеалистъ самъ чувствуетъ, что съ его идеей, перемолотой на петербургской мельницѣ, творится что то неладное, но какъ помочь горю—не знаетъ. Все опять устраиваетъ Борщовъ. Онъ пріѣзжаетъ къ Павлину и объясняетъ ему положеніе дѣла: „вотъ видишь ли, ты—идея, я—практика; ты—мысль, я—ея примѣненіе къ жизни. Ты—мечта, поэзія, а я—простая проза. Вы, наконецъ, всѣ, сколько васъ ни есть идеалистовъ, скорѣе всего—мелодія, а мы—насущенный хлѣбъ... Но (поворачиваетъ оглобли Борщовъ) въ нашемъ дѣлѣ однихъ практиковъ, умѣющихъ на обухѣ рожь молотить,

недостаточно. Будь мы всё даже семи пядей во лбу, ваши чуткія къ нуждамъ челоѳическимъ сердца только и могутъ открыть намъ глаза и направлять наше рвеніе къ дѣлу, на истинную дорогу. И вотъ, по зрѣлому размышленію, теперь, наканунѣ того, что созданная нами машина задвигается и въ ходъ пойдетъ, я пришелъ къ тебѣ и прошу тебя, въ интересахъ твоей же великой идеи: не ослабѣвай, продолжай работать на пользу массъ народныхъ, продолжай изучать ихъ нужды и всё твои наблюденія, всё выводы твои доставляй намъ. Мы въ нихъ разберемся и все мыслимое примѣнимъ къ жизни. Самъ себѣ бери какое хочешь содержаніе, но иди снова въ провинцію, объѣзжай, присматривайся, пиши обо всемъ“. Это было все до того убѣдительно, что Павлинъ „припалъ къ широкой груди Борцова и въ горькихъ рыданіяхъ излилъ все, что такъ болѣло у него на сердцѣ“. А черезъ недѣлю, при бавляетъ авторъ, Павлинъ „выѣзжалъ изъ Петербурга за писками новыхъ матеріаловъ“. Тутъ романъ и кончается.

Намъ, разумѣется, не можетъ здѣсь быть никакого дѣла ни до Борцова, ни до Павлина, ни до самого „большого мѣста“. Намъ интересуетъ позиція, которую занимаетъ при этомъ г. Апраксинъ. Разсказаль-ли онъ намъ, въ формѣ романа, всего только анекдотъ на тему о томъ, какъ петербургскіе дѣльцы морочатъ и заставляютъ служить себѣ наивныхъ провинціаловъ, или преподалъ намъ нѣкоторый урокъ на счетъ необходимости равновѣсія между личными интересами и общественными идеалами? И то, и другое истолкованіе романа г. Апраксина можетъ быть доказываемо съ одинаковою убѣдительностью. Въ первомъ случаѣ, т. е. если г. Апраксинъ разсказалъ анекдотъ, мы замѣтимъ только: „да, бываетъ...чего на свѣтѣ не бываетъ!“ Во второмъ случаѣ, т. е. если г. Апраксинъ, обобщая, разсказываетъ фактъ, составляетъ передъ нами нѣкоторый нравственный императивъ, мы ему скажемъ: лучше было бы, если бы вы не такъ поторопились съ заключеніемъ.

М. А. Лохвицкая (Жиберъ) Стихотворенія. Москва. 1896.

„Что на свѣтѣ прежестокое? Прежестокое есть любовь“. Все-стороннему развитію идеи, заключающейся въ этомъ афоризмѣ народной мудрости, исключительно посвящена книжка стихотвореній г. Лохвицкой. Г-жа Лохвицкая называетъ свои стихи *сладостными пѣснями любви*, и уже одно это показываетъ, что она смотритъ на дѣло гораздо шире и, слѣдовательно, вѣрнѣе, нежели нашъ народъ: дѣйствительно, любовь не только прежестокое, но и сладостна—на этомъ обстоятельстве г-жа Лохвицкая особенно настаиваетъ. Она знаетъ очень хорошо и не оспари-

васть, что „съ любовью тоска неразлучна“; но она знает и то, что „любви обольстительны сны“. Не надо только попусту тратить золотое время, какъ это бываетъ съ робкими и неопытными людьми. Ну, что изъ того, если вы будете не сводить очей съ предмета своей любви, не предпринимая ничего рѣшительнаго? Посмѣлѣй, поразвязнѣй надо быть!

Что мнѣ въ томъ, что съ меня ты не сводишь очей?
 Я измучена тайной борьбой.
 Въ мракѣ долгихъ ночей, въ мракѣ зимнихъ ночей,
 Я хочу быть любимой тобой...
 Цѣлый мѣръ упоенія во взорѣ твоемъ,
 Что жъ легло между нами стѣной?
 Вѣдь съ тобою вдвоемъ, въ наслажденіи одномъ,
 Мы-бъ узнали восторгъ неземной!

Совершенно резонное замѣчаніе. А каковъ этотъ „восторгъ неземной“ — объ этомъ г-жа Лохвицкая даетъ вполне достаточныя свѣдѣнія въ стихотвореніи „Мигъ блаженства“.

Нагринулъ мигъ грозой неожиданной,
 И для борьбы не стало силъ...
 И ояъ—прекрасный и желанный,
 Мой страхъ лобзаньемъ погасилъ!
 И страсть затуманила взоръ... И казалось мнѣ,
 Что вихрь подхватилъ насъ и мчить, и кружить въ вышинѣ...
 Намъ встрѣчныя сферы со свистомъ дорогу даютъ,
 Блаженство небеснаго насъ ожидаетъ пріютъ!..

Конечно, тутъ есть нѣкоторые формальные недочеты (почему, напр., сферы даютъ дорогу со *свистомъ*?), но за то какова же сила изобразительности! Бываютъ въ любви измѣны; и въ этомъ случаѣ намъ поможетъ опытность г-жи Лохвицкой. Чуть что замѣтите такое, тотчасъ же скажите *ему* или *ей*:

Ты не думай уйти отъ меня нигуда!
 Насъ связали страданья и счастья года.
 Иль напрасно любовью горѣли сердца,
 И лобзанья, и клятвы лились безъ конца?

Дѣло, такимъ образомъ, всесторонне изслѣдовано, и мы не сомнѣваемся, что имя г-жи Лохвицкой перейдетъ въ отдаленнѣйшіе вѣка, какъ имя русской Сафо.

Федоръ Шперъ. Книга о духѣ моемъ. Поэма. Часть первая. СПб. 1896.

Мы дважды прочитали книжку г. Шперка (благо она не больше одного печатнаго журнальнаго листа) и все-таки ничего въ ней не поняли. Удивительнаго тутъ нѣтъ, такъ какъ, по объясненію самого автора, и его поэма „есть по-

вѣствованіе о бредѣ и болѣзни, о печали и радости, о затмѣніяхъ и просвѣтленіяхъ души человѣческой“. Надо полагать, что въ этой—первой—части поэмы г. Шперкъ говоритъ о бредѣ, болѣзни и затмѣніяхъ своей души, а о просвѣтлѣніяхъ будетъ рѣчь въ слѣдующихъ частяхъ поэмы. Ну, что же можно понять изъ бреда больной и затемненной души? Тутъ нуженъ докторъ, а не рецензентъ.

И сего, въ мірѣ, лучшаго восхотѣлъ
И восхотѣлъ.
И тосковалъ страшно,
По глѣбвицѣ духа своего восхода.
И нилѣтъ отвращеніе
Къ хлѣбу міра,
И къ соли міра,
И къ водѣ міра.

Вся „поэма“ написана въ этомъ родѣ. Одной какой-нибудь „неподвижной идеи“ мы у г. Шперка не замѣтили; его осаждаютъ довольно многочисленныя бредовыя идеи, быстро смѣняющія одна другую. Правда, есть одинъ фактъ, указывающій на развитіе у г. Шперка маніи величія: „я продолжаю путь, открытый глубокими психологами нашего времени Достоевскимъ и Метерлинкомъ“ говоритъ онъ въ предисловіи. Въ концѣ концовъ, мы, по своей некомпетентности, отказываемся ставить какой-нибудь діагнозъ; мы можемъ дать и даемъ только свидѣтельское показаніе.

Фридрихъ Юдль. *Исторія этики въ новой философій.* Т. I. До конца восемнадцатаго вѣка. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Владиміра Соловьева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1896.

При своемъ появленіи въ оригиналѣ (Т. I въ 1882 г., т. II въ 1889 г.) книга Юдля была встрѣчена европейской критикой съ горячимъ одобреніемъ. Русскій переводъ этой книги является тѣмъ болѣе своевременнымъ, что неопредѣленному интересу къ моральнымъ построеніямъ, столь замѣтному въ нашемъ обществѣ за послѣднія десятилѣтія, давно пора найти точку опоры въ знакомствѣ съ историческими судьбами этическихъ ученій. Только такое знакомство можетъ помочь разобраться въ сутолокѣ противорѣчій и дать отвѣтъ на многіе вопросы, ложно поставленные и рѣшаемые вкривъ и вкось.

Книга Юдля не есть исторія нравственности: это исторія принциповъ теоретической этики, исторія воззрѣній на то, что такое нравственность, и какъ она возникаетъ. Область прикладной этики, ученіе о благѣ и обязанностяхъ, взаимоотношеніе между правами, нравственностью и ученіемъ о нрав-

ственности оставлены авторомъ въ сторонѣ. Это могло быть недостаткомъ книги. Только прикладная этика можетъ дать настоящее объясненіе теоретической. Критика смѣняющихъ въ исторіи другъ друга этическихъ системъ,—критика, служащая необходимымъ условіемъ хорошаго историческаго изложенія,—лишь тогда можетъ считаться удачной, когда вездѣ старается сопоставить эти этическія системы съ отдѣльными явленіями нравственной жизни. Но авторъ считаетъ это изученіе взаимоотношенія между этикой и общественнымъ духомъ настолько важнымъ, что выдѣляетъ его—до поры до времени—изъ своего общаго труда.

Въ потокѣ историческихъ событій авторъ остается неизмѣнно на одной точкѣ; но опредѣленность и постоянство руководящаго принципа не дѣлаютъ его несправедливымъ въ оцѣнкѣ той или иной теоріи. Его исходная точка—не разъ на всегда данныя нормы нравственности, не какой нибудь идеальнѣйшій укладъ нравственной жизни, но законъ ея развитія. Вся безконечная пестрота моральныхъ воззрѣній не только можетъ, но и должна быть сведена къ единому началу, и безнадежно скептическій взглядъ, будто вся исторія этики прошла въ сутолокѣ несомѣстимыхъ заблужденій, не находитъ подтвержденія въ книгѣ Юдья. Наоборотъ, она проникнута стремленіемъ показать, что этика въ своей исторической жизни была не заколдованнымъ кругомъ другъ друга уничтожающихъ мнѣній, но непрерывнымъ движеніемъ впередъ въ пониманіи того, что именно составляетъ содержаніе нравственныхъ нормъ; для главнѣйшихъ этическихъ принциповъ возможенъ синтезъ, въ которомъ согласовано все многообразіе индивидуальныхъ воззрѣній: можетъ быть и, дѣйствительно, есть примиреніе между эдемонизмомъ и рационализмомъ, между этикой чистой идеи долга и утилитаризмомъ; должно выясниться, что методологическія ошибки, не захватывающія сути ученій, не могутъ помѣшать имъ слиться въ ихъ единомъ духѣ. Научность лишь возвыситъ ихъ цѣну.

Останавливаясь исключительно на выдающихся, хотя и мало извѣстныхъ, представителяхъ нравственной философіи, Юдль не ограничивается общей характеристикой ихъ этическаго міровоззрѣнія, но вездѣ отмѣчаетъ, какъ они относились къ частнымъ вопросамъ этики, какіе моменты были рѣшающими въ развитіи ихъ воззрѣній, какія вліянія они испытали и оказали, въ чемъ дополнили ихъ продолжатели ихъ и т. д. Отдавая историческую работу на служеніе систематическому познанію, Юдль умѣетъ избѣжать утомительности длинныхъ принципиальныхъ разсужденій и даетъ живую, наглядную и яркую картину того, что систематическая этика излагаетъ въ формѣ общихъ принциповъ.

Изложенію исторіи нравственныхъ ученій въ новой философіи авторъ предпосылаетъ двѣ вступительныя главы, разсматривающія античную и христіанскую этику. Онъ различаетъ въ греко-римской этикѣ, оставляя въ сторонѣ софистико-свѣтческія исторіи, двѣ группы: натуралистическую (этика эмпириковъ: эпикурейцевъ и Аристотеля) и умозрительную (этика метафизиковъ: Платона и стоиковъ). Переходомъ къ слѣдующей главѣ служитъ характеристика Цицерона, какъ „самаго важнаго посредника между воззрѣніями древне-эллинской философіи и философскими стремленіями позднѣйшаго христіанскаго запада“. Но рѣшительный поворотъ въ этическомъ міросозерцаніи наступаетъ съ момента выдѣленія въ теоріи непобѣдимаго фактора, который имѣлъ лишь второстепенное значеніе въ нравственномъ опытѣ прежняго времени, а именно—зла. „Съ того момента, когда сознаніе, что никакая сила разума, никакая ясность наблюденія не можетъ спасти человѣка отъ внутренней порчи, начинается тяготѣть надъ мыслителями не въ видѣ одиночнаго опыта, а какъ заключительное слово поколѣнія честно стремящихся людей,—начинается въ исторіи этики новый періодъ“.

Характеристика значенія Спасителя открываетъ исторію развитія христіанскихъ идей. Но идеаль долженъ быть переработанъ въ теорію; это — трудъ слѣдующаго момента, эпохи догматическихъ формъ, послѣдовательные оттѣнки которыхъ намѣчаются у ап. Павла, Пелагія и Августина; полемика двухъ послѣднихъ—провозвѣстникъ и первообразъ контраверсъ на всемъ протяженіи дальнѣйшаго развитія. Схоластика не представляетъ собою эпохи застоя въ исторіи этики: Абеляръ смѣло пытается устранить супранатуралистическій характеръ нравственнаго, а Фома Аквинскій предпринимаетъ грандіозный опытъ систематическаго обоснованія всей этики. Гуманизмъ и реформація расчищаютъ почву самостоятельной этики, которая ведетъ начало съ попытки Шаррона построить практическую систему морали безъ помощи теологіи. Въ этой же главѣ указано историческое положеніе и значеніе ученія Бэкона и рассмотрѣны нравственныя воззрѣнія арминіанизма (Кэдвортъ и Леклеркъ) и Гуго Гроція. Въ дальнѣйшихъ главахъ изложеніе ведется въ слѣдующемъ порядкѣ: Гоббсъ и его противники въ 17 столѣтіи (Генри Моръ, Кумберлендъ); Локкъ и его противники: Кларкъ и Шефтсбѣри; англійскій утилитаризмъ и отголоски интеллектуализма; Шотландская школа, Гегесонъ, Юмъ, Адамъ Смитъ; этика картазіанства и зачатки скептицизма во Франціи (Мальбраншъ, Боссюэтъ и Фенелонъ, Бэйль); эпоха французскаго „просвѣщенія“ (Гельвецій, Вольтеръ, Руссо, энциклопедисты и Гольбахъ); послѣднія двѣ главы посвящены Спинозѣ и Лейбницу.

Изложение, какъ указывала въ свое время ученая критика, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Связь между отдѣльными мыслителями, ихъ историческое значеніе, развитіе отдѣльныхъ проблемъ и сущность философскихъ аргументацій выяснены съ такой полнотой и глубиной, какая доступна лишь самостоятельному и сильному изслѣдователю. Прибавимъ еще, что извѣстное нѣмецкое „Общество этической культуры“ въ первомъ выпускѣ своихъ „Извѣстій“ (подъ редакціей покойнаго Гижицкаго, автора недавно переведенной „Moralphilosophie“) настоятельно рекомендовало своимъ членамъ книгу Юдья.

Ее нельзя пробѣжать. Но тотъ, кто дастъ себѣ трудъ основательно ознакомиться съ ея содержаніемъ, не пожалѣетъ объ этомъ трудѣ.

Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Томъ II. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1895.

Первый томъ сочиненія М. М. Ковалевскаго, отчетъ о которомъ былъ данъ въ свое время на страницахъ „Р. Б.“, былъ посвященъ, какъ припомнятъ читатели, изученію процесса развитія той общественно-политической доктрины, которую мы разумѣемъ подъ терминомъ демократической. Чтобы выяснитъ, изъ какихъ элементовъ сложилась эта демократическая доктрина, съ ея двумя основными идеями—гражданскаго равенства и народнаго суверенитета,—автору пришлось имѣть дѣло, съ одной стороны, съ установившимся дореволюціоннымъ общественно-политическимъ строемъ („ancien régime“), критика котораго повела къ зарожденію демократической доктрины,—съ другой стороны, съ тѣми общественно-политическими теоріями, въ которыхъ выразилась эта послѣдняя. Но кромѣ своего философскаго выраженія, въ ученіяхъ Монтескье, Руссо, Мабли и др., доктрина эта нашла себѣ еще и другое выраженіе — законодательное, въ декретахъ Учредительнаго собранія (которое, замѣтимъ въ скобкахъ, такъ и называлъ авторъ въ первомъ своемъ томѣ, но почему-то во второмъ томѣ счелъ нужнымъ замѣнить это выраженіе терминомъ „конституанта“). Этому послѣднему предмету и посвященъ второй томъ сочиненія г. Ковалевскаго. Этотъ томъ даетъ впервые—не только въ русской, но если не ошибаемся, и въ иностранной литературѣ — полную картину законодательной дѣятельности Учредительнаго Собранія. Картина—не въ смыслѣ историческаго воспроизведенія всѣхъ ея перипетій, а въ смыслѣ выясненія ея руководящихъ идей и систематическаго изложенія и разсмотрѣнія тѣхъ

вопросовъ, съ которыми пришлось имѣть дѣло Собранію, и которые такъ или иначе были разрѣшены послѣднимъ.

Фредерикъ Массонъ. Наполеонъ I въ придворной и домашней жизни. Съ 12-ю рисунками. Переводъ съ французскаго. Изданіе С. Н. Кляпина. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Возродившійся въ послѣдніе годы во Франціи культъ Наполеона выразился множествомъ мемуаровъ, историческихъ изслѣдованій, беллетристическихъ произведеній и проч. Какъ бы мы ни относились къ этому Наполеоновскому ливню, онъ имѣетъ во Франціи свой историческій и политическій *raison d'être*, онъ объяснимъ. Но и къ намъ залетаютъ капли этого дождя, и появленіе ихъ всегда легко объяснить. „*Madame Sans-Gêne*“ Сарду имѣется у насъ въ двухъ переводахъ, изъ которыхъ въ одномъ къ французскому тексту подбавлено еще самодѣльнаго русскаго патриотизма. Это еще понятно, — пьеса грубая, но сценически эффектная, а театральные антрепренеры неразборчивы, въ каковой неразборчивости и публику, по мѣрѣ силъ, воспитываютъ. Но вотъ, напримѣръ, книжка Фр. Массона, заглавіе которой выше выписано, — зачѣмъ она издана? кому нужна? Есть другая книжка того же автора, — „*Napoléon et les femmes*“, — представляющая всетаки нѣкоторый психологическій интересъ, но русскій издатель остановился почему то на произведеніи, очевидно, стоившемъ Массону большого и кропотливаго труда, но для насъ, по крайней мѣрѣ, составляющемъ совершенно ненужную роскошь.

Издатель объясняетъ, что „предисловіе автора въ переводѣ значительно сокращено: изъ него выпущена наибольшая его часть, заключающая въ себѣ реторическое восхваленіе личности Наполеона I и изложеніе политическихъ взглядовъ автора — смутныхъ идей бонапартизма, потерявшихъ подъ собой всякую почву и въ самой Франціи“. Мы готовы были бы одобрить эти купюры, еслибы не то обстоятельство, что вся книжка имѣетъ цѣну только съ точки зрѣнія горячаго бонапартизма. Кому, кромѣ людей въ родѣ самого Массона, могутъ быть интересны слѣдующія, напримѣръ, свѣдѣнія: „Башмаки, какъ и сапоги (Наполеона), очень удобные, дѣлались на сантиметръ длиннѣе ступни, въ которой было ровно 26 сантиметровъ, и на полсантиметра больше въ срединѣ ступни, ширина которой была 7 сантиметровъ. Башмаки съ золотыми пряжками, изготовленные Жакомъ въ улицѣ Монмартръ, были на шелковой подкладкѣ, и въ теченіе трехъ дней ихъ разношивалъ гардеробный слуга по имени Иосифъ Линденъ, у котораго нога была совершенно тѣхъ же размѣровъ, какъ и у императора. Пара башмаковъ стояла обыкно-

венно 15 франковъ. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ, вѣроятно, въ походахъ, Наполеонъ надѣвалъ сверхъ башмаковъ капоши. На охоту, какъ и при верховой ѣздѣ, онъ обувалъ ноги, сверхъ шелковыхъ чулковъ, въ ботфорты, подбитые до верху сафьяномъ или шелковымъ плюшемъ; подкладка эта ежедневно обновлялась, благодаря чему не было необходимости мѣнять чулки, перебувая ноги изъ ботфортъ въ башмаки. Ботфорты, стоявшіе 80 франковъ пара, украшались маленькими серебряными шпорами, не болѣе сантиметра длиною". И т. д. (стр. 102—103). Или такая скорбная страница: „Меню составлялись метръ-д'отелемъ, подъ наблюдениемъ префекта дворца, но составлялись они не важно; по крайней мѣрѣ въ тѣхъ изъ нихъ, которыя сохранились, имѣются ошибки, сдѣланныя по всей вѣроятности не Кюсси, бывшимъ префектомъ дворца лишь въ 1812 году и считавшимся въ свое время однимъ изъ самыхъ тонкихъ гастрономовъ. Сень-Дидье, часто посылаемый съ порученіями къ своему тестю, Матье Дюма, мало понималъ въ составленіи меню; главный префектъ Люсе былъ вѣчно боленъ, а Боссе, не смотря на всѣ его претензіи, былъ просто на просто толстобрюхимъ обжорой. Такъ, нерѣдко готовились два схожихъ супа: пюре изъ каштановъ и супъ съ макаронами, ватѣмъ послѣ говядины съ гарниромъ и жаренаго на вертелѣ мяса à la Chambord съ острымъ соусомъ, послѣ четырехъ entrées, послѣ филе изъ молодыхъ куропатокъ à le Monglas, филе изъ дикихъ утокъ, фрякасе изъ куръ à la chevalière и бараньихъ котлетъ à la Soubise, — слѣдовали, въ качествѣ жаркихъ, каплунъ съ крезъ-салатомъ и ягнечій окорокъ; между тѣмъ въ то время ногу ягненка никто не считалъ за жаркое. Четыре entremets—апельсинное желе, кофейный кремъ à la française, génoise decorée и вафли à l'allemande были мало сообразительны; овощи: цвѣтная капуста съ сухарями, сельдерей и рѣпа въ соку—также не обнаруживаютъ большей изобрѣтательности“ (241—242).

Обычное право. Выпускъ второй. Материалы для библиографіи обычного права. Ярославль. 1896.

Е. И. Якушкинъ, не выставившій своего имени въ заглавіи этого въ высшей степени почтеннаго и полезнаго труда, но подписавшійся подъ предисловіемъ, уже давно и пристально занимается собираніемъ и группировкой матеріаловъ по обычному праву. Первый выпускъ „Обычнаго права“ появился слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ (въ 1875 г.) и

составляетъ нынѣ библиографическую рѣдкость. Составитель готовитъ второе изданіе его, какъ видно изъ объявленія на обложкѣ лежащей передъ нами книги. Сверхъ того онъ приготовляетъ къ печати еще два выпуска, посвященныхъ указанію сочиненій, касающихся исключительно способовъ землевладѣнія и пользованія у русскихъ и обычнаго права иногородцевъ. Настоящій, второй выпускъ, представляющій толстый томъ въ 500 слишкомъ страницъ, занятъ указаніемъ сочиненій, напечатанныхъ съ 1876 по 1889 г., а также, хотя и появившихся раньше, но пропущенныхъ въ первомъ выпускѣ. Приэтомъ указаны „не только сочиненія, непосредственно касающіяся обычнаго права, но и такія, въ которыхъ указаны народныя правовоззрѣнія, или которыя, не имѣя никакого юридическаго содержанія, служатъ однако къ выясненію существующихъ юридическихъ обычаевъ или ихъ исторіи“. Трудъ, скромно названный „матеріалами для библиографіи обычнаго права“, выполненъ съ величайшею любовью и знаніемъ дѣла, объ чемъ свидѣтельствуетъ и интересная вступительная статья, и приложенные къ книгѣ указатели — систематическій, этнографическій, географическій и именной. Это книга необходимая и незамѣнимая, какъ для теоретическаго изученія обычнаго права, такъ и для всякаго рода справокъ по всѣмъ разнообразнымъ вопросамъ бытовой жизни.

С. С. Вермель. Головные боли. Сущность, классификація и леченіе. Москва 1896.

Объ утомленіи глазъ. Д-ра медицины Р. Каца. (Изданіе журнала «Образованіе») Спб. 1896.

Брошюра д-ра Каца предназначена исключительно для широкой публики, которую она знакомитъ съ основными правилами гигиены зрѣнія. Брошюра эта хорошо составлена и читается легко. Что касается брошюры г. Вермеля, то, хотя она и предназначена главнымъ образомъ для врачей, однако въ значительной мѣрѣ доступна и для широкой публики, которой можетъ принести ту пользу, что выяснитъ все разнообразіе причинъ, вызывающихъ головную боль; а это, при большомъ распространеніи головныхъ болей и при существованіи у публики убѣжденія, что лѣкарство, помогшее въ одномъ случаѣ, должно непременно помочь и въ другомъ случаѣ, — можетъ имѣть тотъ благой результатъ, что больные не будутъ тратить время и деньги на бесполезное (въ лучшемъ случаѣ) самолѣченіе.

вытяжкой и вытяжкой (а также и порошкомъ) изъ щитовидной желѣзы.

Нельзя не замѣтить, что д-ръ Успенскій настроенъ чрезвычайно ужь оптимистически: тотъ, кто познакомился-бы съ органотерапіею только по разбираемой книгѣ, подумалъ-бы, что мы сдѣлали гораздо большіе успѣхи, чѣмъ это, къ сожалѣнію, произошло въ дѣйствительности. Однако, и безпристрастная медицинская литература постоянно отмѣчаетъ все новые и новые успѣхи органотерапіи. Такъ, напр., почти нельзя взять въ руки № какого либо медицинскаго журнала, чтобы не найти въ немъ описанія случаевъ удачнаго примѣненія лѣченія щитовидною желѣзою сливистаго отека, зоба или болѣзни Гревса (прежде называвшейся Базедовой болѣзнію). Но въ томъ-же № найдете вы и сообщенія о безуспѣшности примѣненія щитовидной желѣзы къ лѣченію этихъ болѣзней.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

- Викторъ Гюго.** Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей, подъ ред. **И. Ф. Тхоржевскаго.** Тифлисъ, 96. Ц. 3 р.
- В. Поссе.** На холерѣ. Изд. «Посредника». Москва, 96. Ц. 40 к.
- Н. В. Масловичъ.** Васни и быдлѣ. Спб. 96. Ц. 75 к.
- «Нужды». Сборникъ стихотвореній. Москва, 96. Ц. 25 к.
- Л. А. Вичъ-Вогуславскій.** Въ походѣ съ Менеликомъ, негусомъ Абиссинскимъ. Одесса, 96. Ц. 40 к.
- Ф. Орловъ.** Письма молодого солдата. Керчь, 96. Ц. 50 к.
- Н. Беккаревичъ.** Въ семидесятихъ годахъ. Москва. Изъ «Русскаго Обзорнія».
- В. Р. Щиглевъ.** «Дюжинна» XII пьесокъ для дѣтскаго театра. Спб., 96. Ц. 1 р.
- Юрій-Кази-Бекъ.** Черкесскіе рассказы. Москва, 96. Ц. 1 р.
- Т. Стивенсъ.** Вокругъ свѣта на велосипедѣ. Перев. съ англ. Изд. П. П. Софкина. Спб., 96. 2 части. Ц. 1 р.
- М. Е. Соколовъ.** Былны и воровскія пѣсни, записанныя въ Саратовской губ. Петровскъ, 96. Ц. 40.
- Средне-Азіатскій Вѣстникъ.** Апрель и май 96. Ташкентъ. Ц. 60 коп.
- В. Л. Сѣрошевскій.** Якуты. Опытъ этнографич. изслѣдованія. Т. I. Спб., 96. Ц. 4 р.
- Къ сѣверному полюсу на воздушномъ шарѣ.** Проектъ Андре. Спб., 96. Ц. 35 к.
- Г. Шерръ.** Всеобщая исторія литературы. Изд. Д. Байкова. Вып. VII—XII. Москва, 96.

- Сочиненія Чарльза Дарвина. Томъ II. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 96. Ц. за оба тома 4 р. 50 к.
- Чарльзъ Дарвинъ. Автобиографія. Изд. М. М. Филиппова. Спб., 96. Ц. 20 к.
- М. М. Филипповъ. Философія дѣйствительности. Вып. II. Спб., 96.
- Уильямъ Джэмсъ. Психологія. Перев. съ англ. И. И. Лапшина. Спб., 96. Ц. 2 р.
- Д-ръ Ланге. Эмоціи. Психо-физиологическій этюдъ. Москва, 96. Ц. 30 к.
- Афоризмы изъ сочиненій Герб. Спенсера. Спб., 96. Ц. 1 р.
- Герб. Спенсеръ. Всеобщее превращеніе. Въ кратк. излож. Н. Любомудрова. Самара, 96. Ц. 15 к.
- Альфредъ Фуллеръ. Темпераментъ и характеръ. Перев. В. Н. Лянда. Москва, 96. Ц. 1 р.
- Ю. А. Метафизика и логика. Херсонъ, 96. Ц. 50 к.
- М. Аксеновъ. Трансцендентально-кинетическая теорія времени. Харьковъ, 96. Ц. 60 к.
- А. С. Гольденвейзеръ. Современная система наказанія и ея будущность. Кіевъ, 96. Ц. 1 р.
- В. М. Якимовъ. Преступная молодежь по изслѣд. медиц. науки. Воронежъ, 96. Ц. 20 к.
- Д-г. М. Legrain. Соціальное вырожденіе и алкоголизмъ. Перев. подъ ред. врача В. М. Башкова. Тверь, 96. Ц. 75 к.
- Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса. Москва, 96. Ц. 40 к.
- Г. Ф. Шершеневичъ. Учебникъ русскаго гражд. права. Изданіе второе. Казань, 96. Ц. 5 р.
- И. М. Радецкій. За дѣтей. Одесса, 96. Ц. 1 р. 30 к.
- С. К. Павлова. Сборникъ подвижныхъ игръ. Съ предисл. Ф. Ф. Эрисмана. Москва, 96. Ц. 1 р.
- С. Ростовцевъ. Какъ составлять гербарій? Москва, 96. Ц. 15 к.
- Хр. Паховковъ. Опытъ педагогической хрестоматіи. Вып. III. Казань, 96. Ц. 35 к.
- Г. П. Сазоновъ. Обзоръ дѣятельности земствъ по сельскому хозяйству. Изд. Д-га Земледѣлія. Т. II. Спб., 96. Ц. 2 р.
- Производительныя силы Россіи. Изд. Мин. Финансовъ. Подъ ред. В. И. Ковалевскаго. Спб. 96.
- Отчетъ по сберегательнымъ кассамъ Госуд. Банка. Спб. 96.
- Отчетъ о дѣятельности кустарно-промышленнаго банка. Пермскаго губ. земства. Пермь, 96.
- Справочная книжка для кустарныхъ, ремесленныхъ и земледѣльческихъ артелей. Спб., 96. Ц. 60 к.
- И. Стрижовъ. О платино-промышленности. Екатеринбургъ, 96.
- Промыслы кр. населенія Нижегород. уѣзда. Изд. Нижегород. уѣздн. земства. Н.-Новгородъ, 96.
- Мѣропріятія Нижегород. уѣздн. земства по дорожной части. Н.-Новгородъ, 96.
- В. Г. Бажаевъ. О системахъ земледѣлія въ Томской губ. Томскъ, 96.
- Отчетъ агронома Вятскаго губ. земства по Орловскому уѣзду Вятка, 96.
- Отчетъ по Александровской Наргасской сельско-хозяйственной школѣ Уржумскаго земства. Казань, 96.

Краткій очеркъ развитія начальнаго образованія въ Нижегород. уѣздѣ. Изд. Нижегород. зем. Н.-Новгородъ, 96.

Очеркъ десятилѣтней дѣятельности общ. попеченія о нач. образ. въ г. Красноярскѣ. Красноярскъ, 95.

Отчетъ совѣта общ. попеченія о началн. образованіи въ г. Красноярскѣ—за 1895 г. Красноярскъ, 96.

Отчетъ Нижегород. общ. библиотеки за 1895 г. Н.-Новгородъ, 96.

С. И. Лавровъ. Очеркъ земской медицины Нижегород. уѣзда (1866—1895 г.). Н.-Новгородъ, 96.

Д. Н. Жбанковъ. Санитарное наслед. фабрикъ и заводовъ Смоленской губ. Вып. II. Изд. Смоленскаго земства. Смоленскъ, 96.

П. П. Розановъ. Судьба санитарно-медич. организаціи въ Таврической губ. Спб., 96.

П. П. Розановъ. Смертность въ Ялтѣ (1890—94 гг.). Спб., 96.

Д-ра В. Филипповичъ, В. Козловскій и Л. Чаушанскій. Одесса, какъ лѣчебный центръ. Изд. Одесскаго гор. общ. упр. Одесса, 96.

В. Г. Важаевъ. Очеркъ климатич. условій Томской губ. Томскъ, 96.

Н. Н. Баженовъ. Обь организаціи прирѣвнн душевно-больныхъ въ С.-Петербургѣ. Спб., 96.

Отчетъ о дѣятельности Моск. Общ. ветеринарныхъ врачей за 1895 г. Москва, 96.

А. Аргутинскій-Долгоруковъ. Закавказская желѣзная дорога. Тифлисъ, 96.

Е. Никольскій. Дѣло о выкупѣ Новоторжской желѣзной дороги въ казну. Спб., 96.

Земскій сборникъ Черниговской губ. №№ 4 и 5. Черниговъ, 96.

XXXI Нижегород. Уѣзд. Зем. Собраніе 1895 г. и Экстр. Собр. 22 февраля 1896 г. Н.-Новгородъ, 96.

Журналы Уржумскаго Зем. Собр. XXIX сессіи 1895 г. Казань, 96.

Памятная книжка Воронежской губ. 1896 г. Изд. Губ. Статист. Комитета. Воронежъ, 96. Ц. 1 р. 50 к.

Ежегодникъ Тобольскаго губ. музея. Вып. IV и V. Тобольскъ, 1895—1896 г. Ц. 2 р.

Хр. Пахолковъ. Городъ Вологда и окрестности. Вологда, 96. Ц. 15 к.

Изъ Франціи.

«Зала депешъ» какой-нибудь большой бульварной газеты Парижа—зрѣлище очень интересное и поучительное! И сдается мнѣ, что на свѣжаго человѣка, привыкшаго соединять съ печатью представленіе о серьезной и почтенной силѣ, о свѣточѣ истины и орудіи идейной борьбы, видъ этой залы произведетъ очень смѣшанное впечатлѣніе, въ которомъ не будетъ недостатка ни въ горечи, ни въ разочарованіи. Сила... конечно, сила,—доказательство тому громадная-толпа, что тѣснится возлѣ разныхъ приманокъ залы. Но много-ли

настоящей серьезности въ этой силѣ, и достойна ли она истиннаго почета? Точно-ли она свѣтитъ челоѳчеству, не говоря уже о томъ, много-ли отъ нея тепла? И можно-ли понадѣяться на это орудіе въ мучительномъ процессѣ борьбы правды съ ложью, идеала съ низменными интересами, безсмертной мысли съ оковыѳвающими ее путами?

Живо помню мое первое посѣщеніе такой «залы депешъ», хотя съ тѣхъ поръ прошло уже немало лѣтъ. Дѣло было въ одно изъ лучезарныхъ майскихъ утръ, когда весь Парижъ словно проникнуть веселящимъ газомъ, когда все живое трепещеть и радуется своему бытію, и когда даже въ неодушевленные предметы,—дома, деревья, рѣку—вы влагаете охватывающее васъ чувство радости, согласно афоризму Амю: «пейзажъ есть состояніе души»... Безконечная линія бульваровъ была залита солнцемъ, которое играло на этихъ зеркальныхъ окнахъ магазинововъ, этихъ столикахъ кафе, этихъ свѣжихъ листахъ каштановъ, чинаръ и акацій, осыпая золотымъ свѣтомъ волнующееся море пѣшеходовъ и непрерывный рядъ экипажей. Пневматическіе часы на Итальянскомъ бульварѣ показывали одиннадцать. Парижане, а особенно фланирующие иностранцы пристраивались на стульяхъ передъ ресторанами, заполняя почти всю широкую панель; наступалъ часъ принятія разныхъ возбуждающихъ якобы аппетитъ питей передъ завтракомъ, и толпа все прилиwała и прилиwała. Слѣдуя за однимъ изъ водоворотовъ этого челоѳческаго моря, я и попалъ въ «залу депешъ» одной бойко-идущей газеты. Внезапный переходъ отъ яркаго свѣта бульвара къ умѣренному освѣщенію залы помѣшалъ мнѣ сразу разглядѣть окружающую меня обстановку. У меня невольно промелькнуло воспоминаніе дѣтства о томъ, какъ приходишь, бывало, съ солнечной улицы въ полумракъ церковнаго притвора и нѣсколько мгновений пробираешься ощупью, почти ничего не видя.

Но вотъ, мало-по-малу я начинаю различать, среди давки и говора толпы, обстановку этого храма не храма, но во всякомъ случаѣ преддверія храма печати, гдѣ жрецы Идеи вступаютъ въ общеніе съ улицей... Странно: въ «залѣ депешъ» было всего менѣе какъ разъ этихъ депешъ и вообще предметовъ, которые относились бы къ прессѣ. Въ одномъ углу было привѣшено къ стѣнѣ нѣсколько послѣднихъ телеграфныхъ извѣстій, написанныхъ мелкими буквами и какъ-то стыдливо прютивпшихся боже-о-боже съ громадной черной доской, на которой большія цифры мѣломъ громко кричали о результатахъ послѣдней котировки на биржѣ. Одна изъ стѣнъ была цѣликомъ занята рисунками и фотографіями, касавшимися злобъ и вопросовъ дня (actualités). Сама по себѣ эта выставка, эта пропаганда новостей образомъ и гравюрой не противорѣчила бы еще назначенію прессы, но меня поразилъ подборъ изображеній. Во всѣхъ этихъ фотографіяхъ и рисункахъ не было и помину о крупныхъ событіяхъ. За то тамъ торчали карточки какого-то дипломата, посѣтившаго Францію, который развѣ только и былъ

знакомъ что лицамъ, читающимъ по обязанности «Готскій альманахъ»; видъ замка, построеннаго однимъ изъ представителей «интернаціонала жуировъ»; раскрашенная фотографія модной въ то время полу-дивы и сполна кокетки, весь костюмъ которой состоялъ чуть-ли не изъ пары длинныхъ выше локтя бѣлыхъ перчатокъ, да изъ пары же розовыхъ чулокъ; затѣмъ, нѣсколько гравюръ, выбранныхъ изъ иностранныхъ иллюстрацій, нѣсколько каррикатуръ и масса вздорныхъ рисунковъ, которые могли имѣть интересъ лишь для бульварныхъ фланеровъ Парижа, полагающихъ, что весь широкій мѣръ божій начинается у церкви Св. Магдалины, а кончается у пересѣченія Севастопольскаго бульвара...

У другой стѣны былъ размѣщенъ цѣлый рядъ автоматическихъ аппаратовъ, которые за десять сантимовъ, брошенные вами въ предназначенную для того щелку, давали вамъ возможность завѣсить себя, получить кусокъ мыла, флакончикъ духовъ или шоколадную конфетку, насладиться стереоскопическими видами переѣзда черезъ океанъ на большомъ пароходѣ, испытать прелести слабого, средняго или сильнаго электрическаго тока (*électrisez-vous!*—приглашала надпись) и т. д. Посреди большой, но переполненной публикою залы, длинный хвостъ посѣтителей стоялъ у входившаго въ то время въ моду фонографа и упивался звуками, которые бѣжали отъ цилиндра по цѣлому гѣсу каучуковыхъ трубочекъ. Взялъ и я одну изъ такихъ вѣтвей: въ ухахъ раздалась модная въ ту пору кафе-шантанная пѣсня, которая составила репутацію одного «лирическаго артиста» и вся соль которой заключалась въ очень скабрёзномъ разсказѣ о приключеніяхъ четы провинціаловъ въ Парижѣ, съ идиотскимъ припѣвомъ:

Et ma femme tombe subitement..

Повертываюсь въ другую сторону: тамъ настоящій магазинъ, и приващики газеты продаютъ разныя мелкія вещи или прямо бесполезныя бездѣлки: какую-то удивительную японскую эссенцію; «вѣчныя перья»; замысловато-переплетенную проволоку, которую надо ухитриться распутать и которая составляетъ механическій ребусъ, носящій названіе «тонкинскаго вопроса», и пр. Выхода съ печальными думами изъ этого торгашескаго храма Иден, я былъ окончательно выброшенъ изъ міра мечтаній на почву грубой дѣйствительности приставаньями служащаго, сидѣвшаго у входа за конторкой и предлагавшаго всѣмъ и каждому за 1 франкъ жиденькую брошюрку, которая обѣщала «научить въ 30 уроковъ главнымъ четыремъ европейскимъ языкамъ». Въ самомъ дѣлѣ, свѣточъ истины—и «*ma femme tombe subitement etc.*!» Орудіе ^иидейной борьбы—и японскіе духи! Служеніе прогрессу—и продажа завѣдомо спекулятивной книжонки! Я чуть не плакалъ, когда очутился на шумной, веселой, солнечной улицѣ, и не радовамо меня ни это сіяніе весенняго дня, ни эта пестрая толпа...

Все это, дорогой читатель, было очень чувствительно, но молодое и не продуманое! Съ тѣхъ поръ мнѣ пришлось познакомиться получше со свободной прессой, пришлось наткнуться на гораздо болѣе печальныя явленія въ ней, чѣмъ этотъ базарный характеръ такого спеціального придатка газетъ, какъ «зала депешъ», и все же я не вижу причинъ особенно огорчаться по поводу современной печати, или особенно негодовать на нее. Дѣло въ томъ, что наши непосредственныя чувства зачастую зачерпываютъ слишкомъ мелко тотъ или другой жгучій вопросъ. Приходится всматриваться внимательно въ явленія, возмущающія насъ, вдвигать ихъ въ среду, породившую ихъ, и ставить ихъ оцѣнку на общую почву.

Вудемъ говорить прямо и открыто: печать черезчуръ преслѣдуетъ матеріальные интересы и, преслѣдуя ихъ, можетъ доходить до продажности, до разнѣна убѣжденій на деньги! Не такъ-ли? Но характеризуетъ-ли возможность такого печальнаго паденія одну прессу? Не всѣ-ли отрасли человѣческой дѣятельности въ современномъ обществѣ находятся на краю этой пропасти? И главная причина этого печальнаго явленія не заключается-ли въ томъ, что человѣческій трудъ вообще сталъ товаромъ, который покупается и продается, какъ продается и покупается честь, слава, убѣжденіе, добродѣтель и любовь? Такъ или иначе, но громадному большинству человечества приходится жить продажей своего труда, и единственно, что мы можемъ сдѣлать въ этомъ отношеніи, это канализировать такую продажу, т. е. продавая свой трудъ, стараться отстоять свою личность, свое я, свои убѣжденія, свою душу живу. Въ примѣненіи къ печати это будетъ значить какъ разъ то, что сказалъ давно еще нашъ поэтъ:

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать!

Что дѣлать? По теперешнимъ условіямъ я принужденъ продавать свой трудъ въ формѣ рукописи, выносить ее на рынокъ, искать покупателя. Но не желтое сіяніе червонца и не звонъ его вдохновляютъ мою мысль и подскажутъ мнѣ характеръ моей статьи! Къ сожалѣнію, именно громадное значеніе современной прессы сдѣлало много соблазновъ по пути теперешняго журналиста: мало-ли есть крупныхъ общественныхъ силъ и группъ, которымъ важно усыпить стоглазого Аргуса—прессу, прикормить этого зоркаго и громко-лающаго Цербера? И какихъ только чечевичныхъ похлебокъ не поставятъ—передъ вами, какими только «жирными говядами» не будутъ приманивать васъ! А тутъ бросишь взглядъ кругомъ себя, на картину общей грязи въ современномъ обществѣ: сколько конкурентовъ находится на кусокъ хлѣба... Какую массу энергіи, знанія, ума и таланта приходится тратить каждому изъ пишущихъ, чтобы отстоять себя въ борьбѣ за существованіе! Поневолѣ растутъ

искушеніе. Не всякій изъ насъ герой, не всякій можетъ стончески выносить голодъ и смотрѣть, какъ голодаютъ жена и дѣти, утѣшая себя философійей, заключенной въ стихахъ:

Жена и дѣти, другъ, повѣрь, большое зло:
Отъ нихъ все скверное на свѣтъ произошло!..

Такова скользкая почва, на которой спотыкается, падаетъ и сползаетъ внизъ масса работниковъ печати, и нѣтъ конца этому паденію по наклонной плоскости! Сегодня приводишь передъ судомъ своей совѣсти, какъ смягчающія вину обстоятельства, кусокъ хлѣба для своихъ; на завтра пускаешь въ ходъ софизмы насчетъ необходимости удовлетворять свои умственные потребности; и смотришь, черезъ нѣсколько времени уже очутился въ кампаніи того вліятельнаго газетчика - шантажиста, которому понадобилось нѣсколько десятковъ тысячъ франковъ для того, чтобы на новый годъ имѣть возможность «оригинально» поздравить свою любовницу, посылая ей въ теченіе 24 часовъ перваго января каждый часъ (sic!) по новому подарку!..

Вотъ вамъ нѣсколько конкретныхъ примѣровъ изъ современной французской прессы. Внимательный читатель здѣшнихъ газетъ долженъ быть пораженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что французская печать, обыкновенно столь чувствительная и сердобольная къ разнымъ притѣсненіямъ и «попраніямъ права силой», крайне сдержанно говоритъ, или вѣрнѣе, совсѣмъ почти ничего не говоритъ ни о варварствахъ, которыя совершаются въ Турціи надъ христианами (армянами, греками—критянами), ни о звѣрской политикѣ испанцевъ на островѣ Кубѣ. Раздается какой-нибудь одинокій голосъ въ защиту армянъ, — напр., въ *Libre parole* Дрюмона, или пошлетъ какой-нибудь крайній органъ въ родѣ *l'intransigeant*'а нѣсколько проклятій по адресу маршала Вейлера и выраженіе сочувствія кубанскимъ инсургентамъ, и тѣмъ дѣло кончено. Громадное большинство органовъ прикрываетъ стыдливимъ молчаніемъ эти безобразія или ухитряется говорить о нихъ какъ-то необыкновенно развязно и объективно, точно дѣло происходитъ на Марсѣ и между существами, отнюдь не похожими на человѣка.

Одному моему близкому пріятелю пришлось на дняхъ вести по этому поводу разговоръ съ однимъ изъ представителей кубанскихъ инсургентовъ, нѣкимъ докторомъ Бетансесомъ, пожилымъ, но очень живымъ и симпатичнымъ человѣкомъ. Онъ одинъ изъ редакторовъ выходящаго въ Парижѣ на половину на испанскомъ, на половину на французскомъ языкѣ органа кубанцевъ «*La República Cubana*», котораго появилось до сихъ поръ уже 27 номеровъ, — каждый четвергь номеръ, — но существованіе котораго французская пресса умышленно игнорируетъ. Бетансесъ глубоко возмущенъ этимъ поведеніемъ печати, но не хочетъ вѣрить, чтобы это молчаніе дѣйствительно

выражало настроеніе общественнаго мнѣнія во Франціи. Все дѣло въ томъ,—думаетъ онъ,—что испанское посольство въ Парижѣ, не смотря на плохіе финансы страны, не скупится тратить массу денегъ для.... настраиванія французской прессы по своему камертону. И не то, чтобы оно прямо подкупало газетчиковъ,—фи, какъ это только возможно подумать! Естественное и логическое развитіе строя, гдѣ все покупается и продается, выработало для сдѣлокъ формы, не оставляющія ничего желать лучшаго въ смыслѣ благообразія!

Такъ вы, можетъ быть, полагаете въ простотѣ душевной, что испанское посольство выдаетъ тому или другому вліятельному журналисту известную сумму съ просьбой вести пропаганду въ определенномъ смыслѣ? Конечно, практикуется въ экстренныхъ случаяхъ и такой приемъ. Но чаще всего тактика слѣдующая: возгъ каждой редакціи и лицъ, завѣдующихъ ея главными отдѣлами, снуетъ цѣлый міръ болѣе или менѣе случайныхъ сотрудниковъ, находящихся въ пріятельскихъ отношеніяхъ со столпами органа. Вотъ въ эту-то легкую кавалерію и старается втереться доброжелатель посольства, который и получаетъ за свое доброжелательство приличную мзду. Онъ успѣваетъ стать на товарищескую ногу съ тѣмъ или другимъ сотрудникомъ; отъ времени до времени онъ очень ловко и деликатно оказываетъ услуги главнымъ участникамъ въ газетѣ; затѣмъ мало-по-малу становится своимъ человѣкомъ въ редакціи,—замѣтите, нисколько повидимому не вмѣшивающимся во внутренніе распорядки газеты, а лишь связаннымъ съ редакторами чисто-личными отношеніями. Допустимъ, происходитъ на островѣ Кубѣ что-нибудь серьезное: инсургенты наносятъ поражение испанцамъ, и американскія газеты полны подробностями, неблагоприятными для мадридскаго кабинета. Требуется ослабить въ Европѣ это дурное впечатлѣніе отъ пораженія, а главное парализовать участіе къ возставшимъ. Вотъ тутъ-то и появляется на сцену ловкій доброжелатель посольства. Онъ снабжаетъ какого-нибудь сотрудника газеты сенсационными извѣстіями, полученными якобы съ театра войны, а на самомъ дѣлѣ сфабрикованными въ посольствѣ; даетъ понять сотруднику, какъ важно въ интересахъ самой газеты опубликовать «истинное положеніе вопроса», а при случаѣ окрылить его усердіе и болѣе вещественными аргументами; затѣмъ, настроивши сотрудника, заведетъ разговоръ на эту тему и съ однимъ изъ редакторовъ, стараясь доказать ему всю своевременность помѣщенія данныхъ извѣстій. Смотришь, редакторъ начинаетъ искать статьи по поднятому вопросу; вырастаетъ какъ изъ земли сотрудникъ съ самоновѣйшими и наивѣрнѣйшими свѣдѣніями съ мѣста возстанія; и посольская проза, сфабрикованная въ Парижѣ, сходитъ для читателей за подлинную телеграмму спеціальнаго корреспондента съ Кубы. А доброжелатель только руки потираетъ... Теперь, извольте доказать, что тутъ, собственно говоря, есть неблаговиднаго. Читателю

хочется истинны: газета и даетъ ему эту истину со словъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія... Еще проще этой положительной задачи—задача отрицательная: не дать инсургентамъ представить публикѣ настоящаго положенія дѣлъ. Тутъ доброжелателю остается лишь, пользуясь своими связями, слѣдить за тѣмъ, не проскользнетъ-ли въ редакцію какая-нибудь статья изъ враждебнаго лагеря, и воспрепятствовать ея помѣщенію.

О подобнаго же рода тактикѣ мнѣ пришлось услышать изъ устъ другого моего близкаго пріятеля, который знакомъ въ Парижѣ съ членами армянскаго комитета и которому эти послѣдніе рассказы-вали со слезами ярости и негодованія, какъ Высокая Порта успѣваетъ наводнять французскую печать статьями, сочувственными туркамъ, и подавлять протестъ армянъ противъ завѣдомой лжи этихъ «спеціальныхъ» корреспонденцій. Цитировали даже одну очень почтенную газету, которая упорно держитъ сторону турокъ съ самой русско-турецкой кампаніи, когда она увѣряла всѣхъ и каждого, что всѣ эти звѣрства мусульманъ придуманы лишь русскими. И опять таки, повторяю, извольте доказать, что этотъ органъ на откупъ у оттоманскаго правительства: какъ разъ за диффамачію притянуть!

Поневоѣ припоминаешь исторію, которая приключилась съ годъ тому назадъ съ пресловутымъ де-Бловицемъ (вся эта честная компанія ужасно стоитъ за *de, from* и прочія «благородныя» частицы). Бловиць—типъ мѣдлобога и пронырливаго политическаго репортера, слава котораго гремитъ особенно съ того времени, какъ ему удалось воровскимъ манеромъ узнать содержаніе Берлинскаго договора до его опубликованія. Такіе люди сущій кладъ для современной прессы, рассчитанной на имущихъ. Немудрено, что, не умѣя даже писать по англійски (ему переводитъ секретарь), этотъ господинъ состоитъ корреспондентомъ лондонскаго «Таймса» и получаетъ за то нѣсколько сотъ тысячъ франковъ въ годъ. Всюду ему открытъ доступъ; дипломаты и министры, литераторы и художники, банкиры и актеры, словомъ, всѣ люди, для которыхъ важна печать, носятъ на рукахъ де-Бловица, хотя въ душѣ и презираютъ его. Эту рѣчь я веду все къ тому, чтобы дать вамъ понятіе о нравственной физіономіи всесильнаго Тряпичкина-очевидца, который, конечно, долженъ хорошо знать закулисную сторону печати. И вотъ этотъ-то самый господинъ въ одной изъ своихъ корреспонденцій возьми да и бухни, что напрасно, молъ, англійское правительство не прибѣгаетъ къ удобному и полезному приему прикармливанія французской прессы, который-де практикуется издавна большинствомъ иностранныхъ посольствъ. Можете себѣ представить, какой эффектъ произвела эта нечаянно-сорвавшаяся фраза на французскую печать, вообще очень щепетильную и щекотливую. Такъ какъ невозможно было воѣмъ представителямъ прессы вызвать Бловица на дуэль—обычный способъ «возстановленія чести» во Фран-

ці!—да и за диффамацию нельзя было удѣвиться: Бловицъ не назвалъ въ частности ни одного органа,—то рѣшили устроить судъ чести, на который и пригласили шустрого корреспондента. Само собою разумѣется, промахнувшійся собрать растекся въ неловкихъ извиненіяхъ передъ собратами; собраты выразили строгое порицаніе члену своей корпораціи, назвали его даже клеветникомъ и тѣмъ сочи свою честь удовлетворенною. Бловицъ отряхнулся и, послѣ нѣсколькихъ дней добровольнаго ostracisme, снова появился на сценѣ «всего Парижа», встрѣчаясь по прежнему и съ дипломатами, и съ артистами, и съ газетчиками: авгуры смотрятъ другъ на друга, не смѣясь при публикѣ, и публика довольна...

Спуститесь отъ этихъ высшихъ сферъ политики къ болѣе именнымъ, но не менѣе существеннымъ интересамъ: вы найдете ту же самую готовность прессы говорить о томъ, что клонять къ защитѣ этихъ интересовъ, и упорно замалчивать вещи, невыгодныя для нихъ. Напримѣръ, ни одного года не проходитъ безъ того, чтобы нѣсколько раззорившихся игроковъ не отправили себя на тотъ свѣтъ среди роскошныхъ садовъ Монтекарло, на лазурномъ побережьи Средиземнаго моря. И почти никогда вы не найдете въ печати свѣдѣній объ этихъ жертвахъ рулетки: почитай, весь бюджетъ Монакскаго княжества покрывается доходомъ отъ игры; потому, въ виду важности такого финансоваго источника, вся пресса получаетъ правильную субсидію отъ заинтересованной стороны, подъ условіемъ и не заниматься о трагическихъ происшествіяхъ, но зато тѣмъ съ большимъ паеосомъ распространяться о климатическихъ, свѣтскихъ и прочихъ прелестяхъ владѣній Гримальди.

Этотъ возмущающій убѣжденнаго человѣка характеръ прессы осозательно выражается въ цѣломъ рядѣ банкротствъ, шантажей, прямой продажности и прочихъ неблаговидныхъ поступковъ нѣкоторыхъ яркихъ представителей журнализма во Франціи. Тутъ можно поставить точки надъ і, не боясь изобличеній въ клеветѣ: карьера этихъ господъ сдѣлалась достояніемъ судебной хроники и предметомъ разговоровъ въ обществѣ. Кто, напримѣръ, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ не произносилъ съ почтеніемъ и со страхомъ имя Шарля Лорана, «неподкупнаго цензора нравовъ», директора «Парижа» и «Дня», который велъ кампанію противъ Вильсона и прочихъ «торговцевъ честью Франціи»? А теперь знаменитый обличитель, сравнительно дешево поплатившись за злостное банкротство, сидитъ съ этой честью у моря и ждетъ погоды! А Эдуардъ Порталисъ, ловкій и неутомимый спекуляторъ въ политической сферѣ, вдохновитель «Девятнадцатаго вѣка», гдѣ онъ теперь, гдѣ? Увы! оградивъ себя отъ скамьи подсудимыхъ путешествіемъ за океанъ, онъ принужденъ примѣнять теперь свои организаторскіе таланты въ одной изъ южно-американскихъ республикъ! А доблестный Рауль Каниве, славный своими филантропическими подвизами, празднествами, обѣдами, Каниве, председатель комитета по устройству

франко-русскихъ торжествъ въ Парижѣ, Каниве, украшенный знаками отличія? Полагая, что всякій трудъ долженъ оплачиваться, въ томъ числѣ и филантропія, онъ нѣсколько разъ неосторожно черпнулъ изъ собираемыхъ суммъ, пустился на неудавшійся шантажъ и въ настоящее время организуетъ благотворительность, если не ошибаюсь, въ Каирѣ. А фигаристъ Розенталь, который писалъ иностранныя обзорѣнія подъ псевдонимомъ Жака Сенсера, на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ ему различными дипломатами, и который распоряжался, что называется, и дождемъ, и ведромъ въ литературныхъ кругахъ? Погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ и великолѣпія: былъ арестованъ за шантажъ, изверженъ изъ «Фигаро» и оправданъ судомъ исправительной полиціи, но съ такими оговорками, что это оправданіе хуже прямого клейма! А сенаторъ Эдмондъ Манье, основатель Evénement'a, въ которомъ привыкли видѣть одно время родъ республиканскаго «Фигаро», Манье, пользовавшійся сильнымъ вліяніемъ въ правительственныхъ сферахъ, Манье, построившій себѣ настоящій дворецъ возлѣ Іеръ (Huéres), на берегу Средиземнаго моря? Тоже въ бѣгахъ, и тоже за безцеремонное обращеніе съ чужими деньгами! А Ульрихъ де-Сиври, редакторъ одной изъ распространенныхъ военныхъ газетъ (Echo de l'armée), предки котораго приходились родней разнымъ вѣнценосцамъ и который съ такимъ трескомъ и громомъ умѣлъ писать объ «honneur-r-r de la Fr-r-r-ance», о «gr-r-r-ande nation», о «dr-r-r-areau tr-r-r-icolor-r-r-é»? Увы и паки увы! сидитъ въ тюрьмѣ за шантажъ и мошенничество по дѣлу «маленькаго сахаровара».

До сихъ поръ я говорилъ о недозволенныхъ законамъ дѣйствіяхъ. Но посмотрите на дѣйствія ненаказуемыя. Вотъ хоть бы реклама, которую нѣкоторые органы въ родѣ «Фигаро» возвели на степень совершенства. Фешіонбельная газета сама откровенно печатаетъ воззваніе къ нуждающимся въ рекламѣ, напирая на свою распространенность и говоря, что на первой страницѣ реклама стоитъ всего сорокъ франковъ строка, —пустяки, какъ видите, въ сравненіи съ тѣмъ, что можете дать такая форма гласности. Въ самомъ дѣлѣ, за сорокъ франковъ строка вы можете сами расхвалить себя какъ угодно, и этотъ диеирамбъ будетъ напечатанъ тѣмъ же самымъ шрифтомъ, какъ и редакціонныя статьи, въ отдѣлѣ новостей, отголосковъ или даже особой статьей, —словомъ, по возможности такъ, чтобы читатель принялъ вашу прозу за выраженіе мнѣнія самой редакціи. Но это родъ рекламы, если и не совсѣмъ первобытный, то всетаки не вполне еще тонкій: привычный читатель скоро разбирается въ этихъ хитростяхъ, опитыхъ на бѣлую нитку. Но есть реклама артистическая, такъ что сразу и не заподозришь чистоты ея источника. Примѣръ. Какъ извѣстно «Фигаро», который «присоединился» къ республикѣ вотъ уже нѣсколько лѣтъ, сохранилъ много сотрудниковъ-монархистовъ и вообще очень стоитъ за соблюденіе традицій и этикета павшаго режима. Потому то всякій

разъ, какъ коронованное лицо, будь-то шахъ персидскій или какой, ибудь микроскопическій принцъ, прїѣзжаетъ въ Парижъ, «Фигаро» до тѣхъ поръ не успокоится, пока не устроитъ вѣщественной особѣ торжественнаго пріема съ концертомъ, омотромъ политическихъ и литературныхъ знаменитостей Парижа, шампанскимъ, тостами и пр. Прїѣхалъ въ прошломъ году король португальскій. По обыкновенію «Фигаро» организовать свой традиціонный пріемъ и, по обыкновенію-же, расписалъ на слѣдующій день въ подробности всѣ перипетіи торжества. Это все въ порядкѣ вещей, и рядомъ съ монархическими традиціями тутъ преслѣдуется особый сортъ рекламы для самой газеты: вотъ, дескать, мы какіе,—королей принимаемъ! Но что было новаго, такъ это обстоятельное описаніе ковровъ на полу и стѣнахъ, въ которые былъ принаряженъ отель «Фигаро», и точный адресъ фабриканта, поставившаго ихъ. Вотъ это, что называется, однимъ камнемъ двухъ воронъ спшибить: и традицію соблности, и капиталы пріобрѣсти... отъ поставщика, который, вѣроятно, не одну тысячу франковъ положилъ на то, чтобы рекламировать свои произведенія въ статьѣ, посвященной королю португальскому...

Другой примѣръ, тоже изъ «Фигаро». Газета эта, рядомъ съ монархическими традиціями, очень стоитъ за традиціи католическія, за тѣ обрядовыя театральныя формы, которыя приняло здѣсь, подъ вліяніемъ Рима, христіанство. Дѣло было въ страстную пятницу, когда аристократія и буржуазія считаютъ долгомъ пойти въ церковь. Въ «Фигаро» появляется очень длинная и очень чувствительная статья, гдѣ излагается историческое и нравственное значеніе этого дня, и читатели приглашаются отрѣшиться отъ всего земнаго и вознести помыслы къ небу... Конечно, дошедши до этого пункта, читатель слѣдуетъ благочестивому приглашенію автора статьи... какъ вдругъ онъ наталкивается въ самомъ концѣ на слѣдующія строки, «Въ этотъ великій день мы считаемъ неумѣстнымъ подчеркивать чловѣческое тщеславіе, но такъ какъ женское кокетство никогда не теряетъ своихъ правъ, то мы рѣшаемся всетаки посовѣтовать изящнымъ дамамъ надѣвать въ этотъ день для церкви костюмъ попроще и ограничиться темными платьями и нѣсколькими хорошими брилліантами,—по возможности безъ золотой блестящей оправы. Кстати, такіе брилліанты можно найти у фабриканта такого-то, и вотъ вамъ его точный адресъ». Вотъ пріемъ рекламы, за который авторъ-католикъ долженъ былъ, очевидно, получить не одну сотню франковъ.

Но всѣ эти пріемы наживы—законныя или незаконныя, дозволённые или недозволённые—носятъ на себѣ грубо-меркантильный характеръ. Прочно поставленные органы поддерживаютъ свое существованіе иными болѣе нормальными путями: подпиской, а особенно розничной продажей, которая во Франціи является самой обычной формою распространенія газеты. Въ странѣ со свободными

учреждениями, гдѣ классовые интересы рѣзко обозначены, а борьба политическихъ партій достигаетъ большой напряженности, печать является однимъ изъ самыхъ могущественныхъ орудій работы различныхъ элементовъ общественнаго самосознанія. Элементы эти зачастую несовмѣстимы другъ съ другомъ, но это уже вина не печати, а самого современнаго строя, который основанъ на существованіи различныхъ классовъ и столкновеніи ихъ интересовъ. Во всякомъ случаѣ, являясь выразителемъ тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ интересовъ, извѣстный органъ и живетъ поддержкою этихъ интересовъ. Конечно, и во Франціи есть не мало читателей, которые хватаются то за ту, то за другую газету, или же которые годами читаютъ извѣстный органъ, просто по привычкѣ; но все же вы найдете здѣсь массу читателей, которые сознательно покупаютъ такой, а не иной листокъ, находятъ въ немъ отвѣты на разные запросы свои, видятъ въ немъ своего оракула, составляютъ по немъ всѣ свои мнѣнія о людяхъ и вещахъ и яростно пропагандируютъ его между друзьями и знакомыми.

Вотъ къ этой идейной роли прессы я и перехожу. Чѣмъ болѣе я думаю о такомъ значеніи печати, тѣмъ большимъ уваженіемъ я проникаюсь къ этой общественной силѣ, несмотря на отрицательныя стороны ея, которыя, какъ могъ видѣть читатель, я отнюдь не оставляю въ тѣни, но которыя, повторяю, являются лишь отраженіемъ современнаго строя. Такое отношеніе мое къ печати тѣмъ менѣе можетъ возбуждать недовѣріе въ читателѣ, что я ничуть не думаю творить себѣ изъ прессы кумира, поставлять ее на недостижимый пьедесталъ и видѣть въ ней особую высшую силу, парящую надъ обществомъ. Смѣшно, особенно по теперешнимъ временамъ, раздѣлать предразсудокъ записныхъ газетчиковъ, которые считаютъ себя какой-то избранной корпораціей, солью земли и «жрецами» типографскаго станка. Главное дѣло не въ томъ, чтобы только писать о жизни, а чтобы жить и особенно помогать жить другимъ: иначе это выйдетъ газетное искусство для искусства! За то эта служебная роль печати, растворяющей себя безъ остатка въ общественной дѣятельности, въ высшей степени плодотворна и значительна.

Въ настоящее время пресса является самымъ лучшимъ выразителемъ общественнаго самочувствія. Можно спорить лишь о необходимости большаго или меньшаго простора ея, но отрицать все великое значеніе ея такъ же наивно, какъ отрицать полезность для организма чувствующихъ нервовъ. Конечно, порою бываетъ больно отъ нихъ, но безъ нихъ тѣло было бы лишено удивительно ловко устроеннаго механизма, которой только и предохраняетъ живое существо отъ разрушительнаго дѣйствія разныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ агентовъ. Помните опыты одного ученаго надъ кроликомъ, которому онъ перерѣзалъ чувствительный нервъ глаза: кроликъ не ощущалъ никакой боли въ глазу и, вѣроятно, могъ бы воскликнуть: о радость, о счастье! Увы, животное безъ разбору тыкалось

глазомъ обо что попало, и воспаленіе глазного яблока сдѣлало кролика кривымъ. Подобнаго же рода экспериментъ желали бы продѣлать надъ обществомъ люди, не любящіе печати, съ той сугубо огорчительной разницей, что, благодаря ихъ попеченію, политическій организмъ не только бы окривѣлъ, но и прямо ослѣпъ. Франціи, этой странѣ политическихъ экспериментовъ, пришлось вынести на себя такой опытъ и дорого заплатить за него.

Эту роль печати, какъ органа всеобщаго самочувствія, и должны имѣть въ виду люди, подозрительно смотрящіе на прессу. Всякій, кому дороги общество, общественная жизнь, здоровье и счастье того великаго цѣлага, къ которому всё мы принадлежимъ, долженъ стоять за печать. И при этомъ нечего впадать въ преувеличенія ни въ ту, ни въ другую сторону: нечего ни приписывать печати того всемогущества, какого она не можетъ имѣть, ни отказывать ей, наоборотъ, даже въ самонаимѣнѣйшемъ воздѣйствіи на общество. Дѣйствительно, обращаясь къ этому послѣднему взгляду, мы находимъ нѣкоторыхъ выдающихся представителей самой печати, которые прямо смѣются надъ возможностью для нея имѣть какое бы то ни было вліяніе. Какъ-то мнѣ пришлось перечитывать по этому поводу парадоксальнаго, но оригинальнаго и сильнаго публициста: я говорю объ Эмиль де-Жирардонѣ.

Презрительно пожимая плечами, Эмиль де-Жирардонъ спрашиваетъ: «Ну, что такое газетныя статьи? Врядъ ли даже отдѣльныя пылинки, которыя бросаетъ на землю тотъ самый вихрь, что поднималъ ихъ! Настоящее имя печати не печать, а забвеніе. Кто помнитъ о газетной статьѣ, написанной вчера? Презрѣніе ко всѣмъ этимъ газетнымъ статьямъ, таково бы должно быть единственное поведеніе всѣхъ правительствъ, а особенно такого правительства, которое обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ націй?» *). Или: «что думать о силѣ этого мнимаго буксирнаго парохода (*remorqueur*), который якобы влечетъ за собой идеи, когда на самомъ-то дѣлѣ онъ все время лишь спускается по теченію рѣки, а никогда не можетъ подняться противъ него? Когда историческое теченіе уноситъ данное правительство, послѣднее полагаетъ, что тому виной газеты, точь въ точь какъ дѣти, когда ихъ прогуливаютъ въ колясочкѣ, воображаютъ, что не коляска движется, а деревья бѣгутъ навстрѣчу. Ошибка эта одного и того же рода. То, что правительство называетъ силою печати, есть на самомъ дѣлѣ сила теченія. Когда газеты идутъ въ направленіи этого теченія, онѣ *повидимому* всемогущи, но какъ только онѣ начинаютъ бороться противъ него, онѣ *на самомъ дѣлѣ* не въ состояніи сдѣлать ничего. Что отсюда вытекаетъ? Что не газетъ слѣдуетъ бояться, а историческаго теченія!» **)

*) Emile de Girardiu, L'Impuissance de la Presse, Questions de l'année 1878. L. c., p. XLVIII.

**) L. c., p. LVI.

Не стану далѣе цитировать этого автора, который нѣсколько разъ возвращается къ своему забавному и злому сравненію журналистовъ съ мнимыми магами и чародѣями, которые помѣшались на своемъ всемогуществѣ и за то подвергаются всякимъ карамъ, какъ подвергались имъ и средневѣковые колдуны, наивно воображавшіе, что у нихъ въ рукахъ таинственная сила, данная имъ сатаной. Отрицаніе за прессой всякаго значенія, несомнѣнно, хватаетъ черезъ край, но оно является противовѣсомъ другого крайняго мнѣнія, приписывающаго печати дѣйствительно волшебную силу, особенно на зло. Помните точку зрѣнія Крылова въ его «Сочинительъ и разбойникъ», баснѣ, гдѣ Мегера представляется жестоко поджаривающей на адокомъ огнѣ бѣднаго писателя въ то время, какъ подъ убійцей не осталось давно ни уголька? Помните отношеніе богини къ жалобамъ сочинителя:

«Молчи», сказала гнѣвно тутъ Мегера
И крышею залопнула котель!

Настоящая оцѣнка значенія прессы лежитъ между двумя крайностями. Начать съ того, что обѣ онѣ внушены прямо или косвенно одностороннимъ взглядомъ на прессу, какъ на силу отрицательную, на орудіе разрушенія. Отъ нихъ слишкомъ пышетъ жаромъ борьбы, и, кажется, точка зрѣнія подразумеваетъ эту борьбу: Эмиль де-Жирарденъ хочетъ обезоружить бдительность властей, дѣдушка-баснописецъ—наоборотъ—предостерегъ ихъ. Но развѣ мало есть въ обществѣ положительныхъ задачъ? Развѣ ужъ такъ тѣсенъ и бѣденъ вопросами міръ созиданія, міръ соціального творчества? Возвращусь къ сдѣланному уже мною сравненію печати съ чувствительными нервами. Гласность — единственное средство для общества знать, что происходитъ въ разныхъ частяхъ его, чѣмъ болѣны его отдѣльные органы, куда направлены ихъ стремленія. Слишкомъ уже разорвано современное общество на различные классы, слишкомъ передѣлено на враждебные интересы, чтобы центральный органъ сознанія могъ имѣть достаточное понятіе о томъ, что происходитъ въ различныхъ углахъ соціального организма. Но одну эту роль чувствительнаго, записывающаго ощущенія аппарата не исчерпывается положительная роль прессы. А движущій аппаратъ, а выработка тѣхъ цѣлесообразныхъ общественныхъ движеній и теченій, въ которыя должна постоянно разрѣшаться соціальная жизнь, ибо эта жизнь есть вѣчное движеніе, измѣненіе и прогрессъ? Создаетъ ли печать по своему произволу эти могущественные потоки общественныхъ идей и аффектовъ? Конечно, нѣтъ! Напѣ великій критикъ Добролюбовъ въ художественномъ творествѣ отыскивалъ зависимость и отраженіе жизни. Насколько же сильнѣе эта связь должна сказываться въ текущей прессѣ, которая живетъ интересами дня и жгучими вопросами современности! Но именно здѣсь печати принадлежитъ оформляющая роль, т. е. задача уловить возникающее теченіе въ его смутности

и неопредѣленности и придать ему такую ясную форму, которая увлекла бы и направила массы по пути, инстинктивно притягивающему ихъ.

Это взаимодействіе между представителями печати и большой читающей публикой есть въ сущности одинъ изъ видовъ общаго вопроса о вліяніи другъ на друга инициативной личности и общества, и, посвятивши ему одну изъ моихъ корреспонденцій (см. № 2 этого года), я возвращаться къ нему не буду. Но именно въ передовой странѣ, какова Франція, гдѣ политическая пресса такъ распространена, а число читателей такъ велико, воочію видишь, какое могущество придаетъ извѣстному писателю тотъ слой публики, на который онъ опирается; а съ другой стороны, какую громадную координирующую силу сообщаетъ общественнымъ интересамъ, отъ лица которыхъ говоритъ писатель, ясная формулировка ихъ этимъ писателемъ. Зачастую мягкое названіе, ловко выбранный пароль, кличка, брошенная врагу, или нѣсколько строкъ точной программы производятъ очень ощутительное дѣйствіе на группировку партій и увеличеніе сторонниковъ данной политики.

Слова, несомнѣнно, имѣютъ очень большое вліяніе, но лишь потому, что даютъ рельефную и сокращенную формулу жизненныхъ отношеній. Не слова разрушаютъ равновѣсіе государствъ, а тѣ условія, которыя уже распатали это равновѣсіе.

Мнѣ хотѣлось бы дать теперь читателю нѣчто въ родѣ краткаго, но по возможности точнаго путеводителя въ области французской печати, характеристику наиболѣе типичныхъ органовъ ея. При этомъ я умышленно суживаю эту область, какъ, впрочемъ, читатель могъ уже замѣтить до сихъ поръ изъ моей статьи: я исключительно говорю о газетахъ, а между ними о политическихъ.

Республиканская Франція, не боясь такъ называемыхъ «злоупотребленій», закономъ 29—30 іюня (н. ст.) 1881 г., провозгласила свободу печати. Позже были сдѣланы нѣкоторые ограниченія и введены кары за нѣкоторые спеціальныя проступки (главнымъ образомъ по закону 12 декабря 1893 г., вотированному послѣ покушенія анархиста Вайльяна въ палатѣ). Но въ общемъ законъ сохранилъ свой характеръ. Периодическая пресса, которая спеціально интересуется насъ здѣсь, функционируетъ на основаніи главы второй упомянутаго закона. Статьи 5, 6 и 7 параграфа I этой главы гласятъ, что всякое повременное изданіе выходитъ безъ разрѣшенія и безъ какого бы то ни было залога, лишь бы издатель его былъ совершеннолѣтній французъ, не лишенный гражданскихъ правъ по суду, и лишь бы до появленія органа было сдѣлано письменное заявленіе прокурору республики о названіи и способѣ выхода въ свѣтъ предполагающагося изданія, съ указаніемъ фамиліи издателя и типографіи. Это единственная формальность. Затѣмъ спеціаль-

ныхъ проступковъ прессы законъ не знаетъ, по крайней мѣрѣ въ своей основной редакціи; наказуемы диффамация, клевета, «прямое» подстрекательство къ преступленію, и притомъ эта послѣдняя вина была внесена въ законъ 1893 г. исключительно въ виду анархической «пропаганды фактомъ».

Какъ бы то ни было, распространеніе печати было особенно сильно со времени закона, поставившаго ея существованіе на прочную почву. Органы плодятся и множатся, и единственной преградой ихъ росту является законъ борьбы за существованіе: хилыя дѣтища прессы умираютъ скорой, но естественной смертью. Согласно послѣдней статистикѣ *), въ одномъ Парижѣ въ 1895 г. выходило 2401 органъ, да въ департаментахъ и французскихъ колоніяхъ считалось 3386. Но мы остановимся, главнымъ образомъ, на политическихъ органахъ, которыхъ въ Парижѣ было 166; изъ нихъ 128 республиканскихъ и 38 консервативныхъ, а внѣ Парижа (гдѣ статистика, впрочемъ, опирается на болѣе неопредѣленныхъ рубрикахъ) 1512, изъ нихъ 1102 республиканскихъ и 410 консервативныхъ. Само собою понятно, что настоящую силу составляютъ ежедневные органы. Изъ 152 ежедневныхъ изданій въ Парижѣ, болѣе половины, а именно 81, посвящены собственно политикѣ.

Не говоря о прочихъ различіяхъ, всѣ французскія газеты могутъ быть въ общихъ чертахъ уложены въ два типа: газета обыкновеннаго формата, въ одно су (5 сантимовъ = приблизительно въ 2 копейки), и газета большаго формата въ три су (15 сантимовъ = около 6 коп.). Между этими двумя типами есть типъ промежуточный въ два су (около 4 коп.), но тутъ рѣшается не столько форматъ, сколько различія, чисто издательскія соображенія. Надо замѣтить, что тѣ же самыя соображенія сказываются и на двухъ наиболѣе распространенныхъ типахъ и мѣшаютъ идеальной, такъ сказать, линіи ихъ разграниченія: есть газеты и въ одно су, которыя стараются если не по качеству, то, по крайней мѣрѣ, по количеству матеріала приблизиться къ газетамъ большаго формата; есть, съ другой стороны, газеты за три су, скудость матеріала которыхъ едва маскируется хорошей бумагой и величиной листа. Но, вообще говоря, и съ газетами происходитъ тотъ самый процессъ удешевленія, «демократизаціи» продуктовъ, который мы замѣчаемъ въ другихъ сферахъ современнаго производства. Былъ моментъ въ развитіи французской текущей печати, когда это удешевленіе выражалось собою цѣлымъ переломъ въ типѣ писателя и составѣ читателя. Когда въ 1836 Эмиль де-Жиранденъ пустилъ свою «Прессу» за сорокъ франковъ въ годъ, въ то время, какъ подписная цѣна такихъ газетъ была ровно въ два раза болѣе, противъ новаго конкурента быстро сформировалась коалиція не однихъ убѣжденных,

*) См. *Annuaire de la presse française et du monde politique*; Paris, 1895, p. CI—CVIII.

но и болѣо затронутыхъ матеріальныхъ интересовъ. Очевидно, газета начинала опираться на новые слои читателей, недавно втянутыхъ въ чтеніе, и сообразно съ этимъ писатель долженъ былъ изобрѣтать иную манеру писать: менѣе серьезно, болѣе поверхностно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе общедоступно. Именно столкновение этихъ двухъ направленій, которое судьба точно нарочно олицетворила въ роковой дуэли Жирардена и Армана Карреля, внушило одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ Сентъ-Бева, которую я не могу, къ сожалѣнію, здѣсь выписать за недостаткомъ мѣста и къ которой я отсылаю интересующагося читателя *).

Какъ бы то ни было, съ тѣхъ поръ процессъ удешевленія газетъ и расширенія читающихъ слоевъ подвинулся далеко впередъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе стала преобладать розничная продажа надъ абонементомъ. Последнее видно, между прочимъ, изъ того, что даже годовой абонементъ обойдется вамъ сравнительно дороже, чѣмъ покупка 360 годовыхъ номеровъ въ розницу, и эта дороговизна не можетъ быть объяснена одной цѣной пересылки газеты абоненту. Ежедневно въ газетныхъ кіоскахъ Парижа продается около 2 милліоновъ номеровъ различныхъ изданій; число же абонентовъ врядъ-ли достигаетъ и одной десятой, врядъ-ли даже одной двадцатой этой общей цифры. Возьмите, какъ примѣръ, «*Intransigeant*», типъ популярной газеты по преимуществу: розничная продажа его колеблется между 155000—165000 номерами въ день, абонентовъ-же у него насчитывается двѣ съ половиной, много три тысячи.

Посмотримъ теперь на различные типы газетъ, останавливаясь лишь на самыхъ выдающихся. Прежде всего придется выдѣлать сравнительно немногочисленную, но вліятельную въ извѣстныхъ сферахъ печать спеціально для имущихъ. Она характеризуется тѣмъ, что въ то время, какъ большинство газетъ стремятся проникнуть въ широкіе круги и потому понижаютъ цѣну до одного су, эта спеціальная пресса по прежнему стоитъ три су за номеръ. Во главѣ этой прессы грузно выступаетъ «*Le Temps*», болѣе серьезная, болѣе полная (особенно по части иностранной политики, которая вообще сильно хромаетъ во Франціи), но и болѣе скучная изъ французскихъ газетъ. Это въ нѣкоторомъ родѣ ежедневная энциклопедія правящихъ сферъ между умѣренными республиканцами, полезная для правительственнаго и административнаго персонала, депутатовъ, консуловъ, вообще людей, которые стоятъ за данный порядокъ вещей и участвуютъ болѣе или менѣе активно въ его защитѣ. Болѣе интересная часть газеты это—различные серьезные фельетоны: литературные, историческіе и пр., иные изъ которыхъ писались Ренаномъ, Анатолемъ Франсомъ и пр. Па-

*) *Sainte-Beuve, Nouveaux lundis*, Paris, (4e édition), 1883, t. VII, p. 326—328: «*Quel était donc, ce double drapreau?*» и т. д.

рижская хроника Кларети (сотрудничающаго подъ псевдонимомъ Кандида) очень потускнѣла съ тѣхъ поръ, какъ авторъ сталъ официальнымъ лицомъ. Драматическая критика Франсиска Сарса—образецъ того, до чего можетъ дойти чисто ремесленная виртуозность извѣстнаго специалиста: нюхъ театрала несомнѣнный, но вмѣсто идей—буржуазная прописная мораль, которой самъ почтенный критикъ, впрочемъ, не особенно слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ «вѣчно-женственному элементу»...

«Le Journal des Débats» — органъ консервативныхъ республиканцевъ, которымъ даже идеи «Temps» кажутся слишкомъ передовыми. Это, коли хотите, тоже органъ имущихъ, но такихъ имущихъ, которые не могутъ путемъ приспособиться и къ скромнымъ требованіямъ оппортунистской республики, почему остаются не у дѣла и фрондируютъ, мечтая въ душѣ о былыхъ дняхъ счастья во время мѣцанской монархіи Луж-Филиппа. Выходъ Леона Сѣ изъ непосредственно-правящаго персонала и исключительная культивировка имъ финансовыхъ операций въ послѣднія пятнадцать лѣтъ наглядно выражаютъ это отношеніе консервативныхъ республиканцевъ къ современнымъ формамъ политической жизни. А Леонъ Сѣ (недавно умершій) и Поль Леруа-Болье являются наиболѣе типичными выразителями экономической политики «Journal des Débats»: кошелекъ прежде всего, а принципъ можно подыскать! Напомню для примѣра, что почтенный экономистъ (я говорю объ оставшемся Леруа-Болье) — вообще очень большой приверженецъ свободной торговли, — лѣтъ десять тому назадъ сталъ исповѣдывать протекціонистскіе взгляды по отношенію къ вину: онъ, видите-ли, успѣлъ за это время купить обширныя виноградники въ Алжиріи! Политическій заправитель газеты—нѣкій Франсисъ Шармъ, удалившійся на подобіе Сѣ отъ непосредственнаго управленія республикой, довольно искусный ораторъ, опытный писатель, но типичный буржуа, для котораго современная исторія становится все болѣе и болѣе страшной и непонятной. Органъ академиковъ и членовъ института, «Journal des Débats» старается изукрасить свою торжественную фигуру кой-какими цвѣтами поэзіи и изящества: тамъ печатаются порою довольно интересныя фельетоны Рода, Жюля Леметра, Спронка, неокатолическія конфетки Вогюэ, повѣсти Бурже и г. д. Пытаясь конкурировать съ «Temps», у котораго вечеромъ въ день засѣданія палаты выходитъ приложение, — «Journal des Débats» вздумалъ было выходить двумя изданіями, утреннимъ и вечернимъ, каждое въ два су, но изнемогъ въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики и возвратился къ одному вечернему изданію въ два су.

Начинаеть за послѣднее время что-то падать и «Фигаро». Основанная человѣкомъ, не знавшимъ иного идеала въ жизни, кромѣ наживы и бульварнаго тщеславія, — я говорю о Вильмесавѣ, — газета эта довольно долго пыталась слить воедино монар-

хическіе принципы, свѣтскую пошлость и торгашескіе инстинкты. Затѣмъ, подъ редакціей очень неглупаго, но глубоко-скептическаго Маньяра, стоявшаго прежде всего за свою роскошную виллу и хорошую бібліотеку, «присоединилась» къ республикѣ. Послѣ смерти Маньяра попала въ руки оставшихся отъ триумвирата двухъ торгашей-ничтожествъ, Родѣ и Перивье, и теперь безпокойно мечется въ разныя стороны то за чисто внѣшними измѣненіями, давая шесть страницъ печати, то за идейными поворотами: сегодня называетъ себя «прогрессивнымъ органомъ», завтра пускается на «защиту и охраненіе общества и т. д. Интересна, главнымъ образомъ, какъ барометръ, показывающій настроеніе имущихъ и журирующихъ классовъ: такого обмельчанія идеаловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ такого сплошь легкомысленнаго отношенія къ жизни трудно представить! Отъ времени до времени попадаются довольно интересныя статьи Э. Золя, Роденбаха, рисунки Форена (по большей части въ реакціонномъ духѣ). Тонъ внутренней политики начинается все болѣе и болѣе задавать нѣкій П. Боскъ, типъ ограниченнаго остроумца, который мало что пойметъ, но навѣрное ввернетъ какое нибудь забавное словцо.

«Le Gaulois», очень сильно увеличившій въ послѣднее время свой объемъ, живетъ главнымъ образомъ на счетъ богатыхъ и фешіонбельныхъ монархистовъ, оставшихся вѣрными великимъ традиціямъ. Столпъ газеты—Артуръ Мейеръ, плебей-еврей иностраннаго происхожденія, пытается придать своему органу характеръ какого-то придворнаго изданія, а для привлеченія публики печатаетъ хроники остроумныхъ республиканцевъ и свободныхъ мыслителей, въ родѣ Орельена Шолля, которые, впрочемъ, нисколько не стѣсняются разносить свои статьи по всѣмъ редакціямъ.

Упомяну еще изъ газетъ въ три су о «Жильблязѣ», очевидно, рассчитанномъ на людей, имѣющихъ деньги и низменные инстинкты; я говорю о клубничкѣ. Это — главнымъ образомъ сборникъ литературно-отдѣльныхъ скабресныхъ разсказовъ; въ отдѣлѣ парижской хроники находишь снѣтки объ измѣнахъ, связяхъ, проявленіяхъ разнаго шалопайства, вплоть до подробнаго и точнаго описанія отелей шикарныхъ кокотокъ, ихъ лошадей, друзей, обѣдовъ, бібліотекъ, кроватей и даже разныхъ душевныхъ и тѣлесныхъ примѣтъ...

Переходя къ печати въ одно су, сейчасъ же натыкаешься на «Маленькую Газету» («Petit Journal»), если не ошибаюсь, самый распространенный органъ въ свѣтѣ, потому что расходится его ежедневно во Франціи и колоніяхъ болѣе 1 милліона экземпляровъ (1.100.000 номеровъ, по увѣреніямъ, можетъ быть и преувеличеннымъ нѣсколько, издателей). Это — типъ газеты, рассчитанный на читающую толпу, которая, къ сожалѣнію, до сихъ поръ любитъ пробавляться плохими романами, городскими происшествіями, неголовомыслными разсужденіями о «чести Франціи», «неблагодарной

Итали», «союзъ республиканцевъ» и т. д., и т. д. Говорить эта газета всегда въ духѣ имущихъ классовъ, но разсчитываетъ на массы. Въ провинціи «Petit Journal» вы найдете на столѣ самой жалкой деревенской гостиницы; въ Парижѣ консержи, прикащики, мелкіе чиновники, швеи, лавочники, значительная часть средней и мелкой буржуазии упивается этой газетой. Въ теченіе долгаго времени «Petit Journal» не былъ, собственно говоря, политическимъ органомъ, а состоялъ исключительно изъ передовой статьи, трактующей о какой нибудь нейтральной вещи, скажемъ, о голубиной почтѣ, короткихъ телеграммъ изъ департаментовъ и заграницы, официальныхъ и неофициальныхъ парижскихъ новостей, дневника происшествій и одного-двухъ фельетонныхъ романовъ. Послѣдніе три-четыре года этотъ первоначальный характеръ газеты, который такъ хорошо соотвѣтствовалъ характеру ея издателя, крупнѣйшаго типографщика и строителя машинъ Мариони, — этотъ характеръ, говорю я, измѣнился: редакторъ политическаго отдѣла, нѣкто Жюде, вѣдущаго прослыть спасителемъ отечества и началъ усердно вертѣть шовинистскую шарманку, разоблачая козни Англіи, бросая Клемансо идиотское обвиненіе въ томъ, что онъ продался этой странѣ, потрясая театральными громами въ сторону однихъ державъ, посылая воздушные поцѣлуй по адресу другихъ, и т. д., и т. д. Въ остальномъ газета осталась вѣрна себѣ, своей банальной болтовнѣ о нейтральныхъ вещахъ и балласту своихъ раздирательныхъ романовъ...

«L'Intransigeant» послѣ «Маленькой газеты» едва-ли не самый распространенный органъ въ Парижѣ. Во время буланжистской агитации его печаталось болѣе 200000 экземпляровъ въ день; да и теперь это число рѣдко падаетъ ниже 160000. Это — типъ радикально-соціалистической (но отнюдь не чисто соціалистической) газеты, очень популярной въ средѣ ремесленниковъ, рабочихъ, поденщиковъ, извозчиковъ; она всегда въ оппозиціи и всегда фрондируетъ. Собственно говоря, кромѣ самого Рошфора, тамъ почти нѣтъ литературныхъ талантовъ; но ведется этотъ органъ бойко и дружно по всѣмъ отдѣламъ, редакторы которыхъ до комичнаго стараются подражать главному заправителю.

Приблизительно такъ же характеръ (по значенію главнаго редактора для всей газеты) двухъ другихъ органовъ въ одно су: я говорю о «La libre parole» Дрюмона и объ «L'Autorité» Кассаньяка. И въ этихъ газетахъ собственно нечего читать, кромѣ передовыхъ статей руководителей; и въ нихъ всѣ отдѣлы свѣтять, такъ сказать, отраженнымъ свѣтомъ главнаго столпа. Оба эти органа консервативны или даже прямо реакціонны, но каждый по своему. Относительно «Авторитета», издаваемого Кассаньякомъ, много говорить нечего. Можно отдать должную дань стойкости католическихъ и монархическихъ убѣжденій яраго бонапартиста.

Гораздо интереснѣе Эдуардъ Дрюмонъ. Это, несомнѣнно, талантъ, и талантъ, опирающийся на боевой темпераментъ. Дрюмонъ довольно

долго бѣдствовалъ, странствовалъ по разнымъ журналамъ и газетамъ и накопилъ массу личныхъ документовъ и немало личной злобы противъ представителей политическаго и литературнаго міровъ. Но все это до поры до времени тлѣло, и еще въ 1879 г. онъ написалъ книжку о «Старомъ Парижѣ», которая была удостоена преміи Академіей сорока безсмертныхъ: читатель, удостоивавшій вниманіемъ мои корреспонденціи, знаетъ, конечно, какъ мало говорятъ эти преміи о дѣйствительномъ талантѣ и независимости убѣжденій пишущаго. Но въ 1886 г. Дрюмону пришла въ голову счастливая и прибыльная идея заняться травлей евреевъ: его «Жидовская Франція» возбудила массу толковъ, полемики, судебныхъ разбирательствъ, дуэлей, и съ тѣхъ поръ авторъ продолжаетъ неуклонно разрабатывать мину антисемитизма. Главная черта литературной дѣятельности Дрюмона это его страстная, зачастую злобная, но порою захватывающая духъ полемика: я напомню его въ высшей степени смѣлую и сильную кампанію противъ реакціи, которая охватила правительственныя сферы послѣ выбора президентомъ Казимира Перье. Дрюмонъ—«христіанскій социалистъ», но у его плаща черная подкладка іезуита и изувѣра-католика, порою даже не совсѣмъ искренняго. И меня удивляетъ, какъ во французской прессѣ не нашлось до сихъ поръ ни одного писателя, который задался бы цѣлью дать психологическій этюдъ о Дрюмонѣ, по возможности объективный, но тѣмъ болѣе интересный. Одна мѣшанина средневѣковщины съ демократическими стремленіями современности—прямо цѣлая поэма: въ самомъ дѣлѣ Дрюмонъ—другъ страдающихъ и эксплуатируемыхъ и готовъ въ то же время наброситься на самаго несчастнаго ремесленника, разъ онъ еврей; Дрюмонъ—вѣрный сынъ католической церкви,—то дѣлаетъ нахлобучки папѣ за его политику, то чуть не каждый день дерется на дуэли, знай, что для христіанина это—смертный грѣхъ...

Я забылъ упомянуть еще объ одномъ органѣ, значеніе котораго въ его редакторѣ: это «La Justice», преобразованная недавно Клемансо и благодаря которой этотъ забракотанный избирателями политическій вождь радикаловъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ ораторовъ Франціи и ея умнѣйшихъ республиканцевъ, проявилъ себя въ пятьдесятъ лѣтъ сильнымъ и философски-мыслящимъ публицистомъ. Теперь его растащили въ разныя стороны всевозможныя газеты, гоняясь за его статьями (вплоть до «Фигаро», который, какъ мнѣ пришлось слышать отъ пріятелей Клемансо, заказалъ ему статью о политическомъ мировоззрѣніи Расина), и его собственный органъ еле держится.

Рядомъ съ чисто-политической прессой, защищающей опредѣленные взгляды, лѣтъ десять тому назадъ появилась пресса, дающая главнымъ образомъ свѣдѣнія и мало заботящаяся о единствѣ направленія. Я говорю о «Matin», которое даже въ цѣлую систему возвелъ хлестать читателя въ нѣсколько кнотовъ и каждымъ въ

разную сторону: передовыя статьи этого органа, появившагося въ 1884 г., писались поочереды представителями такихъ различныхъ взглядовъ, какъ Эммануэль Арэнъ (оппортунистъ), Кассаньякъ (бонапартистъ), Корнели (орлеанистъ) и Жюль Валлесъ (соціалистъ). Нынѣ «Matin» (стоящая 2 су по мерѣ) не придерживается вполне строго этой первоначальной линіи: въ немъ все болѣе и болѣе начинаетъ преобладать нота оппортунизма, и оппортунизма авторитарнаго, что объясняется, по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ міромъ печати, «вдохи овляющимъ» вліяніемъ бывшаго министра, а нынѣшняго сенатора Констанса. Къ подобнаго же рода «освѣдомляющимъ газетамъ» (jounaux d'information) принадлежитъ и конкуррентъ «Matin'a», отроившійся отъ него «L'Éclair», который, впрочемъ, обнаруживаетъ стремленіе имѣть опредѣленную политику, и политику радикальную: статьи о внутреннихъ дѣлахъ пишутся (анонимно) депутатомъ Парижа съ соціалистической закъавской, Альфонсомъ Эмберомъ.

Отмѣчу въ заключеніе еще особую категорію газетъ, «L'Événement» «L'Écho de Paris», «Le Journal», и пр., которыя стоятъ одно су, но стараются давать, рядомъ съ политическими довольно жидкими статьями, хорошо написанныя и литературно-отдѣланныя статьи разныхъ выдающихся романистовъ и хроникеровъ, и между ними писателей новой школы, подчасъ очень смѣло тракующихъ жгучія темы современности: упомяну объ Анри Бозрѣ, Поль Арэнѣ и особенно Октавѣ Мирбо.

Я вынужденъ, къ сожалѣнію, оборвать здѣсь мой уже разросшійся этюдъ о французской печати. Подводя итоги, скажу, что я нисколько не ослѣпленъ по отношенію къ отрицательнымъ сторонамъ печати, но считаю въ то же время нелѣпнымъ винить ее за то, въ чемъ отражаются на ней всемогущія условія современности: ея продажность, ея поверхностность, поддѣлываніе подъ вкусы толпы, — все это минетъ вмѣстѣ съ породившими эти недостатки обстоятельствами, и пресса станетъ тѣмъ, чѣмъ должна быть.

Н. Н.

Изъ Австріи.

Австрійскіе публицисты не могутъ пожаловаться на недостатокъ матеріала. Хотя мертвый сезонъ вступаетъ въ свои права, однако, по обѣимъ сторонамъ Лейты замѣчается еще большое оживленіе какъ въ политической, такъ и въ общественной жизни. Усталый парламентъ закончилъ свои засѣданія, прерываемыя собраніями делегацій изъ обѣихъ частей имперіи въ Пештѣ, и теперь австрійской

прессѣ остается строить различныя предположенія насчетъ того, будетъ ли парламентъ въ теперешнемъ своемъ составѣ созванъ еще разъ на осеннюю сессию, или его распустятъ, чтобы осенью объявить новые выборы, на этотъ разъ уже при участіи и избирателей пятой куріи. Пока газеты занимаются этимъ вопросомъ, различныя политическія партіи дѣятельно готовятся къ предстоящимъ выборамъ. Созываются митинги, устраивается пробное голосованіе, специалисты-агитаторы разъѣзжаютъ по деревнямъ и мѣстечкамъ для пріобрѣтенія сторонниковъ своей программы и подготовки той части населенія, которая до сихъ поръ не принимала никакого участія въ выборахъ.

Особенно энергически занимаются избирательной агитаціей социаль-демократы, антисемиты и клерикалы. Хотя громадное большинство рабочаго населенія Австріи, Чехіи, Моравіи, Силезіи и Галиціи принадлежитъ къ социаль-демократической партіи, однако и антисемиты, и клерикалы, выступающіе подъ видомъ христіанскихъ социалистовъ, надѣются залучить въ свой лагерь по крайней мѣрѣ нѣкоторую часть рабочихъ. Въ альпійскихъ земляхъ христіанскіе социалисты довольно успѣшно соперничаютъ съ социаль-демократами. Совѣтъ не то въ Нижней Австріи, въ чешскихъ провинціяхъ и въ Галиціи. Здѣсь они не могутъ рассчитывать на какой-нибудь выдающійся успѣхъ и употребляютъ всѣ усилія, чтобы только парализовать агитацію своихъ противниковъ.

Антисемиты дѣйствуютъ или въ союзѣ съ христіанскими социалистами, или самостоятельно. Такъ какъ среди рабочихъ они не могутъ рассчитывать на успѣхъ, то всѣ ихъ усилія направлены, съ одной стороны, къ тому, чтобы сплотить въ одинъ лагерь всю мелкую буржуазію: мастеровъ, лавочниковъ, кабатчиковъ, недовольное чиновничество и т. д., съ другой же, къ ослабленію либеральной партіи. Будущіе выборы, если и не уничтожатъ совершенно эту послѣднюю партію, то уменьшатъ до минимума ея значеніе. Выродившаяся въ конецъ и перешедшая на службы биржевыхъ дѣльцовъ, нѣкогда дѣйствительно либеральная партія потерпитъ уже въ ближайшемъ будущемъ чувствительное пораженіе. Ея вліяніе все падаетъ, и всѣ кунштюки, которые она продѣлываетъ въ послѣднее время, уже ни къ чему не приведутъ. Какъ крысы, оставляющія корабль передъ крушеніемъ, убѣгаютъ изъ этой партіи самые видные ея представители: Зиссъ, Врабець, Руссъ и др. Препрежніе сторонники либеральной партіи массами переходятъ въ антисемитскій, нѣмецко-національный и христіанско-соціальный лагерь. Изъ одного города, гдѣ долженъ былъ собраться съѣздъ либераловъ, пришло извѣстіе, что съѣздъ не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ... всѣ тамошніе либералы присоединились къ націоналамъ. Какою ненавистью пользуются либералы во многихъ мѣстностяхъ Австріи, доказываетъ фактъ, что бѣдняки-евреи (между прочимъ и въ Вѣнѣ, въ Леопольдштадтѣ) подають свой голосъ во

время общинныхъ выборовъ въ пользу антисемитовъ, лишь бы только не поддерживать либераловъ, измѣнившихъ прежнимъ своимъ традиціямъ.

Если въ Цислейтаніи вообще вниманіе привлекають подготовленія къ будущимъ выборамъ, то Венгрія всецѣло занята своей выставкой и соединенными съ ней торжествами въ память тысячелѣтней годовщины существованія венгерскаго государства. Въ Пештѣ сѣзжаются представители австрійской царствующей династіи съ императоромъ Францомъ-Іосифомъ во главѣ, тамъ произносятся шумныя рѣчи, задаются блестящіе пиры, устраиваются различные конгрессы, сѣзды и т. д. На выставку стекается масса публики со всѣхъ концовъ Венгріи и даже изъ заграницы, такъ какъ мадьяры со свойственнымъ имъ умѣньемъ уже съ прошлаго года рекламировали свою выставку гдѣ только было возможно.

«Милленіарная» выставка въ Пештѣ должна иллюстрировать результаты, достигнутыя венграми на поприщѣ культуры вообще и промышленности въ частности. Венгерская промышленность дѣйствительно сдѣлала громадныя успѣхи въ послѣднее время. Изъ чисто земледѣльческаго края, Венгрія втеченіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ десятилѣтій превратилась въ промышленную страну, покрытую множествомъ фабрикъ, дающихъ заработокъ сотнямъ рабочихъ. Посѣтившій Венгрію въ концѣ минувшаго столѣтія англійскій путешественникъ Робертъ Таунсонъ отмѣчалъ въ своихъ интересныхъ запискахъ полное отсутствіе какихъ бы то ни было зачатковъ промышленности. Населеніе Пешта въ то время состояло изъ 16.000 жителей, Буда — изъ 22.000. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ венгерская столица могла уже похвалиться 120.000 жителей. Въ то время венгерская промышленность уже начинала развиваться, такъ что въ 1842 г. можно было подумать о промышленной выставкѣ. Въ этой первой выставкѣ приняло участіе 213 промышленниковъ, выставившихъ всего 298 предметовъ. Число посѣтителей этой выставки не достигло даже 15.000. Въ настоящее время венгры нисколько не сомнѣваются въ томъ, что число посѣтителей юбилейной выставки достигнетъ двухъ милліоновъ, а то, пожалуй, и перевалитъ за два. Въ этомъ не будетъ ничего удивительнаго, такъ какъ теперь населеніе Буда-Пешта доходитъ до 600.000, а выставка такъ усиленно и умѣло рекламируется, что можно ожидать большого наплыва посѣтителей, и не изъ одной Венгріи.

Быстрый ростъ крупной промышленности въ Венгріи объясняется главнымъ образомъ содѣйствіемъ государства всякому начинанію на промышленномъ поприщѣ. Въ этомъ отношеніи Венгрія является настоящимъ раемъ промышленной буржуазіи. Стоитъ только венгерцу, обладающему нѣкоторыми средствами, объявить, что онъ желаетъ основать фабрику, чтобы на него посыпались, какъ изъ рога изобилія, всякія благодѣянія. Онъ не только освобождается отъ поземельнаго налога съ того куска

земли, на которомъ будетъ выстроена фабрика, но и отъ промышленнаго налога за нѣсколько лѣтъ. Онъ нерѣдко получаетъ отъ правительства землю и матеріалы для постройки фабрики. Если же венгерець желаетъ основать такую фабрику, какой до сихъ поръ еще не было въ Венгрии, то покровительство со стороны государства идетъ еще дальше. Не удивительно поэтому, что фабрики растутъ въ Венгрии, какъ грибы послѣ дождя, а капиталы стекаются туда непрерывнымъ потокомъ.

Въ послѣднее время среди венгровъ обнаруживается стремленіе освободить страну отъ австрійской конкуренціи на экономическомъ поприщѣ. Венгры желаютъ сохранить за своей родиной полную экономическую независимость, чего можно достигнуть только тогда, когда Венгрия обложитъ пошлиной всѣ товары, ввозимые на ея территорію изъ Цислейтаніи. «Самостоятельная экономическая территорія»—вотъ лозунгъ, все чаще и чаще раздающийся теперь въ Венгрии. Эта идея популяризируется въ печати, на митингахъ и т. д. Хотя требованіе «самостоятельной экономической территоріи» больше всего соответствуетъ интересамъ буржуазіи, принадлежащей почти безъ исключенія къ правительственной либеральной партіи, однако въ пользу этого требованія высказываются и крайніе оппозиціонеры, для которыхъ «самостоятельная экономическая территорія» является дальнѣйшимъ шагомъ по пути къ полному отторженію отъ Австріи. Венгерскіе непримиримые, крайніе сепаратисты ухватились за эту идею и содѣйствуютъ ея распространенію. А такъ какъ среди оппозиціонеровъ есть люди прогрессивнаго образа мыслей, то они соединили агитацію въ пользу «самостоятельной экономической территоріи» съ пропагандою всеобщаго, непосредственнаго, тайнаго избирательнаго права.

Мадыары очень часто выставляютъ на видъ тѣ успѣхи, которыхъ достигло въ Венгрии народное образованіе. Отдѣлъ выставки, посвященный этому предмету, очень богатъ и любопытенъ.

Дѣло высшаго, средняго и низшаго народнаго образованія достигло въ Венгрии значительнаго развитія. Пештскій университетъ имѣетъ въ настоящее время слишкомъ 4000 слушателей. Число профессоровъ этого университета доходитъ до 300. Содержание пештскаго университета обходится венграмъ въ 800.000 гульд. ежегодно. Высшее учебное заведеніе въ Клаузенбургѣ имѣетъ 628 слушателей, а на его содержаніе пошло до сихъ поръ болѣе 600.000 гульд. Пештскій политехникумъ посѣщаетъ свыше тысячи студентовъ. Кромѣ этихъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ различныхъ городахъ Венгрии существуютъ еще спеціальныя юридическія и богословскія академіи. И тѣхъ и другихъ по десяти.

Среднихъ учебныхъ заведеній въ Венгрии—189. Классическихъ гимназій—156, а реальныхъ—33. Въ 142 изъ нихъ преподаваніе ведется исключительно на венгерскомъ языкѣ. На содержаніе среднихъ учебныхъ заведеній государство ассигнуетъ ежегодно болѣе

6 $\frac{1}{2}$ милл. гульденовъ. Во всѣхъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ обучается около 53.000. По официальной статистикѣ изъ нихъ «чистыхъ» венгерцевъ 74,5%, но кто знаетъ, что такое національная статистика въ Венгріи, тотъ долженъ всякую подобную цифру сдвигать до половины, чтобы приблизиться къ истинѣ. Даже официальная венгерская статистика не можетъ скрыть того оригинальнаго факта, что въ венгерскихъ реальныхъ училищахъ обучаются преимущественно нѣмцы.

Народныхъ школъ въ Венгріи 16.898. Изъ нихъ $\frac{4}{5}$ имѣютъ вѣроисповѣдный характеръ, 9.693 школы чисто венгерскія, остальные или смѣшанныя, или румынскія, сербскія и словацкія. Народныхъ учителей 26.396 и учительницъ 4.115. Изъ 2.925.115 дѣтей, находящихся въ томъ возрастѣ, когда они обязаны посѣщать народную школу, de facto ходитъ въ школу 80%. Это было бы очень хорошо, еслибъ венгерская школа дѣйствительно стояла на высотѣ своего призванія. Однако, въ дѣйствительности это вовсе не такъ. Только въ чисто венгерскихъ мѣстностяхъ школа приноситъ пользу и является рассадникомъ культуры. Въ тѣхъ же краяхъ, гдѣ словацкія, румынскія и сербскія дѣти насильно загоняются въ мадыарскую школу, эта послѣдняя является орудіемъ грубой денационализаціи. Къ сожалѣнію, венгерская школа въ большинствѣ случаевъ преслѣдуетъ цѣли, имѣющія мало общаго съ народнымъ образованіемъ, служа политической системѣ мадыарскихъ шовинистовъ...

По случаю юбилея тысячелѣтія, будетъ основано 500 новыхъ школъ. Въ Венгріи вопросъ о языкѣ, на которомъ должно идти преподаваніе въ данной школѣ, разрѣшается тѣмъ, кто даетъ средства на содержаніе школы. А такъ какъ всѣ 500 новыхъ школъ будутъ выстроены на деньги, ассигнованныя правительствомъ, то языкомъ преподаванія въ нихъ будетъ, само собой разумѣется, мадыарскій. Когда стало извѣстно, что новыми школами будутъ облагодѣтельствованы преимущественно тѣ мѣстности, въ которыхъ туземное населеніе не поддается мадыаризаціи, то органы немадыарскихъ народностей стали протестовать противъ этого новаго посягательства. Когда вѣсть объ этихъ протестахъ успѣла проникнуть въ дислейтанскую нѣмецкую и словенскую прессу, то венгры объяснили ихъ тѣмъ, что словаки, румыны и т. д. протестуютъ противъ новыхъ школъ въ силу чисто реакціонныхъ побужденій, желая имѣть только школы вѣроисповѣднаго характера, и противясь сооруженію чисто свѣтскихъ школъ. Нѣкоторые нѣмецкіе органы, повѣрили этому и искренно стали уличать румынъ, словаковъ и сербовъ въ косности, ретроградствѣ и т. д. Между тѣмъ самый прогрессивный и свободомыслящій румынъ или словакъ принужденъ часто противъ желанія защищать вѣроисповѣдную школу, не смотря на то, что онъ симпатизируетъ свѣтской. Самый прогрессивный словакъ или сербъ прекрасно понимаетъ, что его ребенокъ чему нибудь да выучится въ самой плохой вѣроисповѣдной школѣ,

содержимой на средства религиозной общины, гдѣ преподаваніе ведется на родномъ языкѣ ребенка. Между тѣмъ, свѣтская венгерская школа, гдѣ господствуетъ непонятный для дѣтей языкъ, учитъ ихъ только коверкать чужую рѣчь и старается въ нихъ поселить отвращеніе и ненависть ко всему родному.

Венгерская выставка занимаетъ площадь въ 532.000 квадратныхъ метровъ, на которой помѣщается слишкомъ 250 различныхъ павильоновъ. Венгерское правительство ассигновало на выставку 4.380.000 гульд., изъ которыхъ болѣе половины пошло на сооруженіе павильоновъ. Если къ этой суммѣ прибавить издержки частныхъ экспонентовъ, то сумма, въ которую обошлась венграмъ ихъ выставка, достигнетъ десяти милліоновъ. Директоромъ выставки первоначально былъ Немети, который такъ энергически взялся за работу, что заболѣлъ отъ переутомленія и умеръ. Теперь дѣлами выставки заправляетъ адвокатъ д-ръ Шмидтъ съ помощникомъ Ковачемъ, вице-директоромъ венгерскаго торговаго музея.

Выставка производитъ импозантное впечатлѣніе. Вы входите въ нее черезъ тройныя каменные ворота. Передъ промышленнымъ павильономъ находится громадная площадь, по краямъ которой стоятъ цѣлый родъ красивыхъ зданій. Направо возвышаются павильоны рыболовства и мореходства, налѣво—военный. Военный отдѣлъ устроенъ очень заботливо, такъ какъ мадьяры ничѣмъ такъ не гордятся, какъ своимъ національнымъ войскомъ. Дѣйствительно выставка мадьярскаго ландвера затмѣваетъ то, что выставило общевенгерское военное министерство. Специальный отдѣлъ посвященъ военному мореходству, а по водѣ тутъ же находящагося большого пруда плаваетъ модель военнаго корабля. Одинъ изъ береговъ этого пруда представляетъ фіумскую гавань въ миниатюрѣ.

Новый широкій желѣзныи мостъ ведетъ васъ на Фердинандовъ островъ, гдѣ находятся павильоны торговли и финансовъ, павильонъ Буда-Пешта и выставка образцоваго хозяйства въ имѣньяхъ эрцгерцога Юсифа. На сосѣднемъ, Сеченіевскомъ островѣ находится самый любопытный отдѣлъ выставки—историческій. Здѣсь представлена исторія венгерскаго государства съ временъ св. Стефана до нынѣшняго дня въ тысячахъ различныхъ предметовъ, которые приходилось нѣрѣдко приобретать съ большимъ трудомъ. Больше десятка специалистовъ-историковъ и археологовъ было командировано венгерскимъ правительствомъ въ различные европейскіе музеи, чтобы дополнить находящимися тамъ памятниками венгерскіе старины то, что венгры имѣли у себя. Австрійскій императоръ позволилъ перенести въ Пештъ на выставку болѣе 500 предметовъ изъ своихъ хранилищъ. Такъ какъ въ Турціи можно было найти болѣе всего матеріала, иллюстрирующаго венгерскую исторію, то правительство обратилось съ просьбой къ турецкому султану объ одолженіи того, что находится въ его владѣніи. Падишахъ милостиво разрѣшилъ выбрать нужные предметы: драгоценныя одежды,

коллекціи стараго оружія, и т. д. Стоимость всего, что прислалъ на выставку султанъ, доходить до 1.000.000 гульденовъ. Ватиканъ тоже содѣйствовалъ обогащенію историческаго отдѣла. Много предметовъ одолжили баденскіе, вюртембергскіе и итальянскіе музеи, остальное собрано въ Венгріи, въ замкахъ венгерскихъ магнатовъ, въ древнихъ церквяхъ и т. д. Внѣшній видъ историческаго отдѣла представляетъ цѣлый городъ, наполненный постройками различныхъ стилей. Вотъ церковь и монастырь времени Арпада, вотъ чудесный дворецъ во вкусѣ конца прошлаго столѣтія и т. д.

Историческій отдѣлъ напоминаетъ и старая Буда, находящаяся уже, впрочемъ, внѣ выставки, но соединенная съ ней прямымъ сообщеніемъ.

Os-Budavar — старая Буда — представляетъ копию будинской крѣпости въ такомъ видѣ, въ какомъ она существовала 300 лѣтъ тому назадъ. Идея этого сооруженія взята изъ плановъ итальянскаго инженера Марджіали, выработанныхъ по порученію императора Леопольда I. Старая Буда занимаетъ громадное пространство 67.000 кв. метровъ. Вѣнскій архитекторъ Марморекъ, который занялся постройкой старой Буды, пользовался различными архитектурными мотивами, преимущественно готическими и романскими, отыскивая ихъ по старымъ архивамъ и путешествуя по Босніи и Герцеговинѣ. Ему удалось, дѣйствительно, выстроить нѣчто великолѣпное. Понятно, что старая Буда имѣетъ чисто декоративный характеръ, но нужно признать, что изъ всѣхъ подобныхъ сооружений произведеніе Марморекъ занимаетъ первое мѣсто. Входя въ старую Буду, вы на время забываете, что находитесь среди ветхихъ балагановъ, кое-какъ сколоченныхъ изъ досокъ и покрытыхъ холстомъ, размазаннымъ различными красками. Кажется, чтоходишь въ настоящий городъ полуевропейскаго, полувосточнаго характера! Множество улицъ и переулковъ, площадей, старыхъ замковъ венгерскихъ магнатовъ, дворцы, башни, дома съ изящными колоннадами, мечети — все это построено такъ умѣло, что производитъ замѣчательный эффектъ. Различные типы жителей Буды въ оригинальныхъ костюмахъ XVI ст. встрѣчаются на каждомъ шагу. Вотъ, напримеръ, здоровеннѣйшій, рослый венгерскій гайдушъ, вотъ кучка мусульманскихъ духовныхъ, дальше нѣсколько женщинъ въ средне-вѣковыхъ одеждахъ.

Войдя въ ворота старой Буды, мы попадаемъ на площадь св. Юрія, гдѣ нѣкогда находилась будинская ратуша. Противъ ратуши возвышается домъ палатина, въ которомъ въ настоящее время мадьяры принимаютъ своего короля, императора Франца-Иосифа. Недалеко отъ дворца палатина помѣщается гаремъ паши старой Буды. Управление выставки не только построило этотъ домъ по сохранившимся въ архивахъ планамъ, но и позаботилось о томъ, чтобы поселить въ немъ настоящий турецкій гаремъ. Доступъ въ гаремъ имѣютъ только женщины, мужчины же могутъ глядѣть че-

резъ окошко, снабженное густой рѣшеткой. Съ главной площади черезъ громадныя ворота со сводами мы проходимъ въ турецкій кварталъ старой Буда, гдѣ, между прочимъ, находится турецкій базаръ, на которомъ турки фабрикують и тутъ же продають всякія бездѣлушки. Турецкая мечеть съ минаретомъ и музеемъ занимаетъ центральную часть этого квартала, въ которомъ мы на каждомъ шагѣ встречаемъ турокъ и турчанокъ. Послѣдніе набраны изъ кандидатокъ въ продавщицы, оказавшихся недостаточно красивыми для этой должности, и выступаютъ съ тщательно закрытыми лицами.

Въ старой Будѣ находится масса самыхъ разнообразныхъ развлеченій, начиная съ янычарскаго оркестра, спящаго факира, и кончая *danse du ventre*, исполняемымъ пятью красавицами въ весьма сомнительныхъ костюмахъ. По вечерамъ старая Буда превращается въ нѣчто совершенно невозможное. Тамъ происходили самыя дикія оргіи, на что обратила вниманіе вся пресса, и теперь размѣры этихъ оргій немного сокращены, хотя и въ настоящее время поздно вечеромъ невозможно идти въ этотъ восточный уголокъ съ дамами.

Послѣ историческаго отдѣленія и старой Буда самый любопытный отдѣлъ выставки для человѣка, не интересующагося какой нибудь специальной отраслью промышленности,—это венгерское село или, вѣрнѣе сказать, этнографическій отдѣлъ въ видѣ цѣлаго селенія. Это село состоитъ изъ тридцати крестьянскихъ избъ и 25 хозяйственныхъ построекъ. Всѣ избы построены такъ, какъ онѣ строятся въ той или другой мѣстности Венгріи. Большая часть избъ чисто венгерскія, но въ селѣ есть и спеціальныя улицы «народностей». Село устроено такимъ образомъ, что у входа въ него на площади помѣщается церковь (копія кальвиновской кирки въ Колочѣ), направо отъ церкви дома волостного правленія, налѣво корчма (чарда). Съ этой площади идутъ три улицы: мадьярская, нѣмецкая и «улица народностей». На послѣдней можно видѣть сербскія, словацкія, румынскія, русинскія и секлерскія постройки. Шалаши «чикошей» (табунщиковъ) и цыганскій таборъ дополняютъ село. Внутренность каждой избы представляетъ маленький музей. Здѣсь множество манекеновъ, изображающихъ различныя типы населенія Венгріи, образцы крестьянской мебели, различной утвари, сельско-хозяйственныхъ орудій и т. д.

Каждый мѣсяцъ предполагается устраивать свадьбу парочки крестьянъ изъ различныхъ провинцій Венгріи со всеми обрядами, сохранившимися въ данной мѣстности. Первая такая свадьба уже была сыграна. Женился молодой парень изъ нѣмецкой деревни въ Семиградіи при громадномъ отеченіи публики, которая наградила новобрачныхъ щедрыми подарками.

Въ томъ же селѣ, около церкви помѣщаются вывезенные графомъ Зичи съ Кавказа и Средней Азіи памятники древней угрій-

ской культуры, долженствующие иллюстрировать тот культурный уровень, на котором находились мадьяры, прихода въ Европу.

Нѣсколько десятковъ павильоновъ занимаетъ выставка сельскаго хозяйства, столько же—ремесленная. Особый громадный павильонъ помѣщаетъ въ себѣ выставку Хорватіи и Славоніи, особый павильонъ посвящается Босніи и Герцаговинѣ, которыхъ мадьяры считаютъ уже своей собственностью.

Кромѣ старой Буды, внѣ предѣловъ выставки находятся: художественная выставка съ 700 картинъ и сотней скульптурныхъ произведеній; венгерская панорама, изображающая пришествіе Арпада въ 896 г., извѣстная картина Музачи «Ессе homo» и нѣсколько другихъ экспонатовъ.

На выставкѣ имѣется электрическая желѣзная дорога, нѣсколько почтово-телеграфныхъ станцій, телефоны, не говоря уже о самыхъ разнообразныхъ увеселеніяхъ и развлеченіяхъ: театрахъ, кафе-танцахъ, ресторанахъ и т. д. Къ сожалѣнію, для иностранца, не знающаго по-венгерски, выставка представляетъ много загадочнаго, потому что нигдѣ нѣтъ надписей ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ, а сторожа и полиціонеры отвѣчаютъ по большей части на всѣ разспросы иностранца: «nem tudem» (не понимаю).

Выставка была открыта 2 мая н. ст. въ присутствіи императора, многихъ членовъ императорской фамиліи, депутатовъ и 70.000 публики.

Милленіарная выставка и всѣ торжества, которыми мадьяры готовились отпраздновать тысячелѣтіе своего государства, не могли не встрѣтиться съ протестами со стороны той части населенія Венгріи, которая не имѣетъ ни малѣйшихъ поводовъ восторгаться теперешнимъ могуществомъ и блескомъ венгерскаго государства.

Какъ мы уже имѣли возможность нѣсколько разъ констатировать, движеніе немадьярскихъ народностей Венгріи сильно оживилось въ послѣднее время, благодаря, главнымъ образомъ, энергической агитаціи трансильванскихъ румынъ, сумѣвшихъ расшевелить даже неподвижныхъ словаковъ, до сихъ поръ ограничивавшихся выжиданіемъ помощи извнѣ. По инициативѣ румынъ, на сѣздѣ немадьярскихъ народностей Венгріи, открывшемся въ іюль прошлаго года, былъ избранъ комитетъ, въ составъ котораго вошли представители отъ трехъ главныхъ немадьярскихъ народностей Венгріи: Михайль Полить—сербъ, Юрій Паннъ,—румынъ и словаки: Мудронъ и Штефановичъ. Этотъ комитетъ обнародовалъ манифестъ, въ которомъ представители немадьярскихъ народностей поднимаютъ голосъ протеста противъ торжества, лишеннаго историческаго основанія и къ тому же оскорбляющаго большинство населенія Венгріи. Торжество «милленіумъ» должно убѣдить всѣхъ, что венгерское государство существуетъ тысячу лѣтъ, и что оно всегда было мадьярскимъ въ національномъ отношеніи. И то, и другое, — по мнѣнію протестующихъ, — ложь. Венгры опи-

раются на сомнительной достоверности данных анонимнаго лѣтописца короля Велы, между тѣмъ исторія говоритъ, что тысячу лѣтъ тому назадъ венгерскіе казенные отряды въ войскѣ германскаго императора Арнульфа играли третьюстепенную роль въ дѣлѣ уничтоженія великоморавскаго государства. Если бы даже повѣствованіе лѣтописца принять за истину, то немадьярскія народности Венгріи тѣмъ менѣе имѣютъ повода къ выраженію радости въ годовщину факта, съ котораго началась ихъ неволя. Однако, и фраза о завоеваніи теперешней Венгріи мадьярами, и фраза о мадьярскомъ характерѣ венгерскаго государства такъ и останутся фразами. Вѣдь побѣдители — говорятъ авторы манифеста — оставляютъ обыкновенно слѣды своего преобладанія въ языкѣ и обычаяхъ побѣжденных: что же касается мадьяръ, то въ нихъ мы видимъ скорѣе слѣды вліянія другихъ, невенгерскихъ народностей, нежели наоборотъ.

Вся венгерская исторія — говоритъ далѣе манифестъ — свидѣтельствуеетъ о томъ, что Венгрія никогда не имѣла національно-мадьярскаго характера. На венгерскомъ тронѣ возсѣдали короли самыхъ различныхъ національностей: славяне, румыны, нѣмцы, итальянцы и т. д. Ни въ литературѣ, ни въ произведеніяхъ искусства, ни въ памятникахъ религіозной жизни, ни въ законодательствѣ до конца минувшаго столѣтія мы не замѣчаемъ ничего національно-мадьярскаго. Венгерскій языкъ никогда не пользовался какими бы то ни было преимуществами. Въ «*Cognus juris*» издревле подѣ словомъ «gens» разумѣлась совокупность всѣхъ жителей Венгріи, а подѣ словомъ «nationes» равноправныя народности, не имѣвшія ни привилегій, ни различій въ юридическомъ смыслѣ. Различія существовали только между туземцами — «*nativi*», пользующимися всѣми правами гражданства, и пришельцами.

Такое было юридическое положеніе немадьярскихъ народностей Венгріи до 1790—91 гг., когда въ первый разъ была нарушена ихъ равноправность съ мадьярами. Такое нарушеніе основныхъ правъ невенгерскихъ народностей повторилось все чаще и чаще, и эти послѣднія всякій разъ протестовали противъ подобныхъ тенденцій. Энергичнѣе всего выступали противъ нихъ хорваты, а словаки, сербы и румыны взяли даже за оружіе и возстали въ 1848 г. Когда въ 1867 г. была введена дуалистическая система, и венгерскіе политики увидѣли, что имъ ничего не подѣлать, не добившись умиротворенія немадьярскихъ народностей, рѣшено было въ 1868 г. задать т. н. «права о національностяхъ». Однако, какъ только въ проектѣ этого права Венгрія была названа національно-мадьярскимъ государствомъ, депутаты отъ невенгерскихъ національностей, находившіеся въ венггерскомъ сеймѣ, торжественно протестовали противъ этого. Когда же, не смотря на эти протесты, упомянутый проектъ былъ утвержденъ и сталъ закономъ, а тѣ немногочисленныя уступки, которыя онъ дѣлалъ румынамъ, сербамъ, сло-

вакамъ, нѣмцамъ и русинамъ, остались на бумагѣ, представители немадьярскихъ народностей, до тѣхъ поръ, пока они были въ пештскомъ сеймѣ, постоянно домогались уничтоженія этого права.

Далѣе манифестъ рассказываетъ, какъ представители немадьярскихъ народностей Венгріи, не допускаемые всаческими злоупотребленіями во время выборовъ въ сеймъ, собрались въ іюлѣ 1895 г. на конгрессъ, гдѣ выработали сообще планъ защиты своихъ интересовъ, которые находятся въ рѣзкомъ противорѣчій съ господствующими теперь въ Венгріи теченіями, ярче всего выразившимися въ торжествѣ «милленіумъ». Выставка должна убѣдить Европу, что народности Венгріи совершенно довольны, между тѣмъ какъ среди нихъ господствуетъ крайнее недовольство. Выставка должна убѣдить Европу въ томъ, что господство мадьяръ доставило населенію Венгріи замѣчательное благосостояніе и богатство, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ. Въ виду этого сербы, словаки и румыны заявляютъ, что въ этихъ, глубоко ихъ оскорбляющихъ, чисто мадьярскихъ торжествахъ они не могутъ принять никакого участія. «Мы протестуемъ—такъ заканчивается этотъ манифестъ—противъ торжества, которое не симпатично для громаднаго большинства населенія Венгріи. Протестуемъ противъ торжества, которое третируетъ насъ, какъ побѣжденные народы. Протестуемъ противъ неслыханной расточительности, съ какой устроители торжествъ сыплютъ деньгами, которыя мы уплачиваемъ въ качествѣ податей. Мы протестуемъ противъ торжествъ «милленіумъ» и протестуемъ побуждаемые къ этому искреннимъ патріотизмомъ. Мы желаемъ, чтобы наша отчизна была счастлива и довольна, а при теперешнихъ условіяхъ, когда громадное большинство венгерскаго населенія угнетается, наше отечество и несчастливо, и не довольно. Если бы намъ когда нибудь удалось видѣть Венгрію такой, чтобы въ ней равноправность всѣхъ народностей стала свершившимся фактомъ, тогда и мы съ радостью праздновали бы ея тысячелѣтіе. Противъ же такого торжества, которое является новымъ посягательствомъ на наше національное существованіе, мы можемъ только протестовать».

Манифестъ немадьярскихъ народностей произвелъ большое впечатлѣніе. Его перепечатали многіе славянскіе и нѣмецкіе органы печати, прибавляя отъ себя соответственные комментаріи. Разумѣется, венгерская пресса ополчилась противъ нарушителей торжества. Въ день открытія выставки старикъ Маврикій Токай помѣстилъ въ «Neue freie Presse» статью, въ которой доказывалось, что мадьяры представляютъ большинство населенія современной Венгріи, что немадьярскія народности пользуются въ Венгріи завиднымъ положеніемъ. Патріархъ венгерской литературы заявилъ, что въ венгерскомъ парламентѣ большинство депутатовъ носятъ немадьярскія фамиліи, и изъ этого вывелъ заключеніе о чрезвычайной терпимости мадьяръ. Нужно, однако, сказать, что всѣ эти депутаты съ

хорватскими, сербскими, словацкими и румынскими фамиліями—или мадьяры или мадьяроны. Вѣдь и Кошутъ по происхожденію словакъ, вѣдь и величайшій венгерскій поэтъ — Петефи — назывался первоначально Петровичъ, но никому и въ голову не придетъ считать ихъ не мадьярами.

Однако, протесты противъ «милленіума» не ограничились манифестомъ сербовъ, румынъ и словаковъ и агитаціей противъ выставки въ славянской и враждебной венграмъ нѣмецкой прессѣ. Во многихъ мѣстностяхъ Венгріи, особенно въ ея румынской части, открытіе выставки вызвало шумныя демонстраціи. Въ Хорватіи во многихъ провинціальныхъ городахъ были сорваны венгерскіе національные флаги, такъ что пришлось около всѣхъ правительственныхъ зданій, на которыхъ развѣвались венгерскіе флаги, поставить полицейскихъ. Въ Загребѣ стѣны различныхъ казенныхъ учрежденій были покрыты надписями «Abzug Madjari!» и т. д. Въ Цислейтавіи, кромѣ славянскихъ газетъ, противъ торжества «милленіумъ» ополчились антисемиты. Они организовали митинги, на которыхъ раздавались протесты противъ всего венгерскаго. Антисемиты-студенты вѣнскаго университета устроили сходку «арійской» молодежи, на которую не допускались мадьяры, евреи и поляки. Люгеръ произносилъ рѣчи, направленные противъ венгровъ, причемъ этотъ нѣмецкій шовинистъ не преминулъ даже взять подъ свою защиту немадьярскія народности Венгріи, чтобы только насолить ненавистнымъ евреямъ, играющимъ въ Венгріи такую вліятельную роль.

Въ германской и французской печати тоже появилось довольно много замѣтокъ и статей, относящихся къ мадьярскимъ дѣламъ критически. Германскія газеты даже стали агитировать противъ посѣщенія выставки въ Пештѣ нѣмцами. Одна нѣмецкая газета напечатала выдержку изъ венгерской книжки, отзывавшейся о нѣмцахъ, какъ о людяхъ, лишенныхъ чести. Этотъ отрывокъ былъ перепечатанъ многими органами германской печати, что, конечно, вызвало страшное негодованіе противъ мадьяръ. Дѣйствительно, мадьяръ смотреть на «шваба» съ величайшимъ презрѣніемъ. Нѣмецкій языкъ исключенъ изъ числа предметовъ преподаванія въ венгерскихъ народныхъ школахъ, и венгерскій патриотъ считаетъ за честь не знать нѣмецкаго языка. Примѣромъ такого венгерскаго патриота можетъ служить теперешній министръ-президентъ—Банффи, который еле-еле можетъ составить толковую нѣмецкую фразу, благодаря чему ему нерѣдко приходится быть героемъ потѣшныхъ анекдотовъ. Такъ, недавно посѣтившій будапештскую выставку германскій императоръ Вильгельмъ обратился къ министру-президенту съ вопросомъ:

— Nicht wahr, Excellenz, Sie sind aus Siebenbürgen.

— Nein, Majestät, ich bin ein Baron, — будто бы отвѣтилъ Банффи, не понявъ нѣмецкую фразу императора.

Французская пресса, за исключеніемъ состоящаго на издвненіи венгерскаго правительства «Тепрс», отнеслась къ венгерской выставкѣ довольно сдержанно, что объясняется, главнымъ образомъ, румынскими симпатіями французовъ, подогрѣваемыми постоянной агитаціей трансильванскихъ румынъ, энергически борющихся съ мадьярами и являющихся единственными серьезными противниками теперешней правительственной системы Венгріи.

Румыны составляютъ довольно значительную часть населенія Венгріи. Въ 1890 г. ихъ было слишкомъ 2.600.000, т. е. 17% всего населенія. Кромѣ Семиградія, они населяютъ въ Венгріи часть Баната и комитаты Бихаръ и Мармарошь до Тиссы, а въ Австріи около двухъ третей Буковины. Территорія, населенная румынами, медленно, но постоянно увеличивается особенно тамъ, гдѣ румыны сталкиваются съ сербами или русинами. Румыны быстро ассимилируютъ славянское населеніе, и если румынка попадаетъ въ домъ серба, то вся семья современемъ становится румынской. Громадное количество теперешнихъ румынъ въ Банатѣ — это орумынѣвшіея сербы.

Румыны ведутъ свое происхожденіе отъ тѣхъ римскихъ легионеровъ, которые были поселены императоромъ Траяномъ въ завоеванной имъ Дакии. Однако объ этомъ не сохранилось никакихъ достовѣрныхъ документальныхъ извѣстій, и самая теорія эта возникла только въ концѣ XV столѣтія. Национальное сознаніе румынъ пробудилось довольно поздно. Въ 1848 г., напр., въ Трансильваніи официально признавались только три народности: венгры, нѣмцы и секлеры. «Natio valachica», какъ назывались румыны въ официальныхъ документахъ, не играла никакой роли. Ею занимались лишь настолько, насколько въ этомъ были заинтересованы католическіе миссіонеры. До конца XVII столѣтія румыны принадлежали исключительно къ православной церкви, и только двѣсти лѣтъ тому назадъ двумъ іезуитскимъ миссіонерамъ удалось склонить значительную часть ихъ къ переходу въ унию. Богослужебнымъ языкомъ румынъ былъ церковно-славянской, который только въ настоящемъ столѣтіи былъ замѣненъ народнымъ.

Первая книга на румынскомъ языкѣ была издана не румыномъ, а нѣмецкимъ выходцемъ изъ Саксоніи. На пробужденіе національнаго сознанія румынъ имѣла громадное вліяніе униа. При блазendorфскомъ униатскомъ епископствѣ была основана школа для румынъ, желавшихъ стать священниками. Клерики, получившіе образованіе въ этой школѣ, стояли гораздо выше православныхъ священниковъ въ культурномъ отношеніи. Самые способные изъ окончившихъ блазendorфскую школу посылались для дальнѣйшаго образованія въ Римъ, откуда они возвращались проникнутые «романской идеей». Эта «романская идея» выразилась лучше всего въ «Chronicon Dasogomunegum sive Valachorum», написанной однимъ изъ такихъ, получившихъ высшее образованіе въ Римѣ, учениковъ

блазендорфской школы — Шивкаемъ. Эта «Хроника» была запрещена цензурой и появилась въ печати только въ 1853 г. въ Яссахъ. Она стала какъ бы евангеліемъ дакороманизма. Авторъ ей говоритъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія: «Мы латиняне, мы римляне, потомки Траяна. Дація принадлежитъ румынамъ. Возстаньте, римляне Востока, сыны древняго Рима, братья западныхъ латинянь, возстаньте, пробудитесь!». Съ конца минувшаго столѣтія «романская» идея или идея «дакороманизма» стала быстро распространяться и легла въ основу національной программы румынъ. Идеаломъ, румынскихъ политиковъ является «Дакоруминія», занимающая въ ихъ мечтахъ такое же мѣсто, какъ «Великая Сербія» или «Великая Хорватія» у южныхъ славянъ. Будущая Дакоруминія должна обнимать всѣ земли, населенныя румынами, т. е. Молдавію и Валахію или современное румынское королевство, Бессарабію, Буковину, Семиградію, Банатъ и комитаты Бихаръ и Мармарошъ по Тиссу. Идеаль будущей свободной Дакоруминіи лежатъ въ глубинѣ своего сердца всякій румынскій патриотъ, и въ Венгріи, и въ независимомъ румынскомъ королевствѣ, однако, для венгерскихъ румынъ довольно опасно заявлять о такихъ широкихъ планахъ, потому они ограничиваются пока минимальными требованіями. Румыны въ Венгріи желаютъ полной автономіи Семиградія и не признаютъ уніи съ Венгріей, утвержденной въ 1868 г. Румыны, точно такъ же, какъ и словаки предпочитаютъ бы принадлежать непосредственно къ Цислейтаніи, гдѣ они могли бы встрѣтить поддержку, не только со стороны чеховъ и южныхъ славянъ, но и найти союзниковъ въ лицѣ буковинскихъ румынъ. Однако, о разрывѣ уніи съ Венгріей румынамъ трудно мечтать, потому что на такое разрѣшеніе вопроса не согласятся никогда даже самые умѣренные и уступчивые мадьяры. Но и въ томъ случаѣ, еслибы румыны отказались отъ разрыва уніи съ Венгріей, имъ остается громадное доприще для агитации, такъ какъ даже добиваться исполненія тѣхъ законовъ, которые гарантируютъ имъ свободное національное развитіе, приходится съ большими усиліями.

Въ Венгріи, какъ извѣстно, существуетъ съ 1868 г. специальный законъ о національностяхъ, гарантирующій права румынскаго, сербскаго, словацкаго, нѣмецкаго и малорусскаго языковъ. Признавая за венгерскимъ языкомъ права официальнаго и парламентарнаго языка, этотъ законъ позволяетъ немалымъ народностямъ пользоваться роднымъ языкомъ въ школахъ, судѣ, въ церковномъ самоуправленіи и т. д. Однако, этотъ законъ сильно ограничивается на практикѣ, на что, особенно жалуются румыны, какъ народность съ развитымъ національнымъ самосознаніемъ. Недовольны румыны и существующимъ въ настоящее время избирательнымъ закономъ, обезпечивающимъ почти всѣмъ мадьярамъ и секлерамъ, живущимъ на румынской территоріи, передачу голосовъ при выборахъ, между тѣмъ какъ большая часть румынъ лишена этого права. Къ тому

еще избирательные округа распределены такъ, что румыны постоянно находятся въ меньшинствѣ; во время выборовъ власти пускаютъ въ ходъ злоупотребленія, которыя порой заставляютъ румынъ совершенно отказаться отъ участія въ выборахъ (такъ, во время послѣднихъ выборовъ румынское населеніе не выставило своихъ кандидатовъ); наконецъ, законы о печати, очень либеральныя въ собственной Венгріи, болѣе ограничиваютъ свободу прессы въ Трансильваніи, такъ что румынскія газеты подвергаются частой конфискаціи, между тѣмъ, какъ мадярскія, даже ультра-оппозиціонныя пользуются значительной свободой.

Всѣ жалобы румынскаго населенія Венгріи были высказаны въ надѣлавшемъ много шума меморандумѣ, который румыны намѣревались вручить императору Францу-Иосифу въ 1892 г. Меморандумъ не былъ принятъ по настоянію венгерскаго министерства, но румыны отпечатали его въ громадномъ количествѣ экземпляровъ на нѣсколькихъ языкахъ и распространили по всей Европѣ.

Желаніе прославить самымъ блестящимъ образомъ торжество тысячелѣтія Венгріи было причиной дипломатическаго конфликта между венгерскимъ правительствомъ и Сербіей. Когда распространилась вѣсть, что во время торжественной исторической процессіи въ Будапештѣ, среди другихъ знаменъ завоеванныхъ некогда венграми земель появится и сербское, сербы вознегодовали, а бѣлградская университетская молодежь рѣшила протестовать. Такъ какъ за послѣднее время вошло въ моду на славянскомъ югѣ протестовать противъ мадяръ, сожигая венгерское знамя, то и бѣлградскіе студенты прибѣгли къ тому же. Собравшись на городской площади передъ лицомъ громадной толпы зѣвакъ, они облили венгерское знамя керосиномъ и сожгли его, сопровождая *auto da fe* враждебными мадяраиъ кликами. Понятно, что венгерское общество не могло отнестись равнодушно къ этой мальчишеской выходкѣ, оскорбившей національныя чувства. Въ будапештскомъ сеймѣ былъ внесенъ по этому поводу запросъ со стороны группы оппозиціонныхъ депутатовъ, а венгерское правительство обратилось къ сербскому съ требованіемъ удовлетворенія. Сербское правительство поспѣшило извиниться и обѣщало уволить того полицейскаго чиновника, который допустилъ демонстрацію. Во всемъ этомъ инцидентѣ курьезнѣе всего то, что сербское знамя, изъ-за котораго весь сыръ-боръ загорѣлся, является знаменемъ никогда не существовавшего сербскаго княжества Тривалія. Тѣмъ не менѣе это знамя съ изображеніемъ головы кабана фигурировало въ качествѣ сербскаго знамени во время торжественной процессіи, причемъ державшій его сербъ-мадяронъ Кеглевичъ не оказался на высотѣ своего призванія. Онъ свалился съ лошади и сильно ушибся, въ чемъ сербское простонародіе тотчасъ же усмотрѣло наказаніе Божіе.

Кромѣ агитаціи немадярскихъ народностей, венгерское правительство и общество сильно беспокоитъ все развивающаяся про-

паганда духовенства, глубоко огорченного либеральными реформами венгерского правительства. Равноправность иудейскаго вѣроисповѣданія съ христіанскими и обязательное введеніе гражданскаго брака подняли весь клерикальный лагерь Венгріи. Венгерское духовенство не желаетъ признать себя побѣжденнымъ и готовится къ возобновленію борьбы, закончившейся такъ для него неудачно. Венгерскій клерикальный лагерь, состоящій изъ священниковъ и аристократовъ, рѣшилъ прибѣгнуть къ помощи народныхъ сельскихъ массъ, у которыхъ религіозное чувство еще очень сильно, и основать партію, подобную германскому католическому центру. Эта партія, называвшаяся «народной», возникла еще тогда, когда принятіе сеймомъ новыхъ законовъ о равноправности вѣроисповѣданій и обязательномъ гражданскомъ бракѣ не было свершившимся фактомъ. Когда же эти законы были приняты, то народная партія стала развивать очень энергическую дѣятельность. Подобно германскому католическому центру, и венгерскіе клерикалы выставили довольно демократическую программу и за поддержку со стороны крестьянъ обѣщали защищать экономическіе интересы крестьянскихъ массъ. Любопытно, что «народная» партія отрѣшилась отъ національнаго мадьярскаго шовинизма и превозгласила, что она будетъ защищать права языковъ невенгерскаго населенія. Дѣйствительно, на многочисленныхъ митингахъ, созываемыхъ народной партіей, всѣ ея ораторы высказываются въ этомъ смыслѣ. Мало того клерикалы стали издавать газетку на словацкомъ языкѣ «Krestian», вскорѣ пріобрѣвшую 11.000 подписчиковъ. Народная партія приметъ участіе въ ближайшихъ выборахъ и надѣется одержать побѣду надъ либералами во многихъ избирательныхъ округахъ, особенно въ сѣверной Венгріи. Что эти надежды могутъ оправдаться, доказываетъ фактъ пріобрѣтенія громаднаго количества голосовъ кандидатами «народной» партіи во время недавнихъ дополнительныхъ выборовъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ до сихъ поръ либералы пользовались громаднымъ вліяніемъ. Избиратели-крестьяне являются тысячами на такіе выборы. Ихъ ведутъ патеры съ хоругвями и церковнымъ пѣніемъ.

Дѣятельности клерикальной «народной» партіи сочувствуетъ и римская курія, что лучше всего доказывается изданной на дняхъ инструкціей папской конгрегаціи, поощряющей венгерское духовенство къ открытой борьбѣ съ правительствомъ. Инструкція начинается со словъ: «Достойно сожалѣнія, что нѣкоторые духовныя лица и католики отступаютъ передъ борьбой, испуганные ея трудностью...» Поэтому-то римская курія, желая ободрить вѣрныхъ католиковъ вообще и духовенство въ частности, увѣщаетъ ихъ строго держаться каноническихъ и церковныхъ постановленій, хотя бы это и привело къ столкновенію съ правительственными властями. Конгрегація прежде всего напоминаетъ епископамъ и архіепископамъ о томъ, чтобы они обратили особенное вниманіе на воспита-

ние и образование молодежи, намѣревающейся пополнять ряды духовенства въ Венгрии. Затѣмъ конгрегація велитъ венгерскому духовенству постараться объ увеличеніи количества часовъ, посвященныхъ закону Божию въ гимназіяхъ, и о томъ, чтобы преподаватели «свѣтскихъ» предметовъ были проникнуты католическими чувствами. Для достиженія этой цѣли епископы должны всѣми силами стремиться къ тому, чтобы пріобрѣсти влияние на назначеніе преподавателей гимназіи.

Переходя къ дѣлу высшаго образования, инструкція напоминаетъ, что пештскій университетъ, основанный кардиналомъ Позмани и содержимый на католическіе фонды, долженъ быть возвращенъ католикамъ и переданъ контролю епископата. Пока же это еще не наступило, епископы должны стараться пріобрѣтать влияние на университетскую молодежь. Съ этой цѣлью инструкція совѣтуетъ основывать католическія студенческія общества, въ которыхъ молодежь поощрялась бы къ исполненію всѣхъ религіозныхъ обязанностей. Кромѣ этого, католическія студенческія общества должны парализовать влияние университета, поскольку въ немъ молодежь слышитъ преподаванію, несогласное съ ученіемъ католической церкви. Любопытно, что инструкція совѣтуетъ основать строго католическія періодическія изданія не только на мадыарскомъ, но также и на другихъ языкахъ Венгрии. Точно также элементарныя свѣдѣнія по закону Божию должны быть сообщаемы не только на мадыарскомъ, но и на словацкомъ и румынскомъ языкахъ.

Инструкція ватиканской конгрегаціи, объявляющая войну тереппей правительственной системѣ Венгрии, произвела громадное впечатлѣніе. Почти вся венгерская пресса отнеслась къ ней враждебно. Замѣчательно, что Budapest Hirlap, — органъ, не сочувствующій либеральнымъ реформамъ венгерскаго министерства, выступилъ противъ этой инструкціи. Pestet Lloyd называетъ инструкцію объявленіемъ религіознаго осаднаго положенія въ Венгрии. Большинство прессы горячо протестуетъ противъ вышатаательства римской курии во внутреннія дѣла венгерскаго государства.

Все это указываетъ, что въ Венгрии точно такъ же, какъ и въ Австріи, клерикаламъ гостовится къ настоящей войнѣ, которая можетъ вспыхнуть въ самое ближайшее время.

Л. Василевскій.

Изъ Германіи.

Еще недавно, когда въ средѣ такъ называемыхъ «истинныхъ германцевъ» поднялся великій шумъ изъ за памятника Гейне въ Дюссельдорфѣ, придворный проповѣдникъ Штекеръ былъ на верху своей силы и славы. Тамъ, гдѣ рѣчь заходила о томъ, что бы зашесть «огонь возмущенія», — тамъ не могъ не быть въ первыхъ рядахъ всемогущій пасторъ. А тутъ готовились, въ вѣчному стыду Германіи, поставить памятникъ нечестивому посту!.. Могъ-ли въ минуты такой національной опасности молчать духовный стражъ чистоты отечественной литературы?.. И вотъ, когда онъ, бывало, сзывалъ своихъ преданныхъ друзей въ просторныя залы берлинской «Тонгаллы», то можно было подумать, что это совершается нарядъ въ честь гордаго властелина. Пробрались сквозь густыя ряды соборанъ и обозрѣвъ съ трибуны коложны вѣрныхъ сторонниковъ, впереди ихъ — цвѣтъ берлинскаго студенчества, — Штекеръ покровительственно-привѣтливо говорилъ: добрый вечеръ! — и изъ тысячи глотокъ несло въ восторженное вхо въ отвѣтъ... Собранія Штекера отдавали всегда духомъ драчливости и кулачнаго фанатизма. Когда какой-нибудь наивный человекъ рѣшался выступать со слабымъ протестомъ противъ великаго литературнаго судилища и вздумаетъ, бывало, защитить поэта, хотя-бы какъ пѣвца ушительно-опадшихъ пѣсень, — какой дивнй ропотъ сыпался на голову несчастнаго почитателя Гейне!.. А самъ великій инквизиторъ становился все болѣе и болѣе раздражителемъ, его рѣчь звучала все возростающимъ гнѣвомъ. Онъ говорилъ о еврейскомъ наглѣцѣ Гейне, о чувственной разнузданности поэта, въ своихъ дивныхъ фантазіяхъ не останавливавшася даже передъ гробами покойниковъ. Онъ цитировалъ извѣстное стихотвореніе Гейне, гдѣ бурная страсть въ послѣдній разъ съ бѣшеннымъ отчаяніемъ прорывается у могилы возлюбленной, — и возмущенное «Pfui!» преданнаго собранія наполняло далекіе своды тонгаллы...

То была пора кульминаціоннаго величія придворнаго проповѣдника. Съ тѣхъ поръ утекло много воды.

На зломогучаго старика сыпалось въ послѣднее время не мало бѣдъ. Разоблаченія, связанныя съ именемъ отбывающаго теперь каторгу барона Гаммерштейна, выставили далеко не въ лестномъ свѣтѣ и духовника бывшаго шефа «Крестовой Газеты». Подстрекаемы инженерами, высшія церковныя власти все сильнѣе наговодили противъ бывшаго придворнаго проповѣдника, внесшаго «смуту и политическую агитацію» въ ряды евангелическихъ пасторовъ. Изъ консервативной партіи, членомъ которой онъ былъ много лѣтъ, Штекеръ

долженъ былъ выйти подъ благовиднымъ предлогомъ разногласія въ коренныхъ соціально-политическихъ требованіяхъ. Изъ созданнаго имъ самимъ Евангелически-соціального конгресса, въ которомъ онъ до послѣдняго времени былъ вторымъ президентомъ, онъ также вынужденъ былъ выйти недѣли за двѣ до послѣдняго собранія въ Штутгартѣ. Наконецъ самый жестокой ударъ приуготовилъ ему хорошо извѣстный всѣмъ «король» Штуммъ.

У меня подъ руками имѣется маленькая статистика подоходнаго налога, представленная прусскому ландтагу вмѣстѣ съ бюджетной смѣтой на 1895—96 годъ. Изъ этой статистики богатѣйшихъ людей Пруссіи можно, между прочимъ, усмотрѣть и матеріальныя основанія для «королевской» популярности Штумма... Самымъ богатымъ человекомъ въ Пруссіи все еще является пушечный король Круппъ въ Эссенѣ. На 1895—96 годъ онъ опредѣлилъ свой доходъ въ 7.140.000 марокъ, съ которыхъ платитъ налога 285.000 марокъ, на 22.000 м. больше, чѣмъ въ предъидущемъ году. И Ротшильдъ, второй послѣ Круппа прусскій богачъ, годъ отъ году богатѣетъ: въ этомъ году онъ опредѣлилъ свой доходъ въ 6.115.000 м. и внесъ лишнихъ 9.000 марокъ подоходнаго налога... До послѣдняго времени третьимъ въ ряду прусскихъ Крезовъ являлся обыкновенно фонъ-Тиле-Винклеръ изъ округа Оппельна, за которымъ слѣдовалъ берлинскій Блейхредеръ. Никакой выскочка не смѣлъ вытѣснить ихъ изъ этой позиціи въ теченіе многихъ лѣтъ, но въ этомъ году всплываетъ наружу какой то житель Касселя, опредѣлившій свой доходъ въ 3.085.000 марокъ. Богатѣйшій берлинецъ платитъ 119.800 м. налога съ годового дохода въ 2.995.000 м., противъ прошлаго года на 585.000 м. больше. Онъ фигурируетъ, такимъ образомъ, четвертымъ послѣ помянутаго Кассельца прусскимъ богачемъ. Пятое, шестое и седьмое мѣсто занимаютъ богачи Оппельна, восьмое мѣсто съ доходомъ въ 2.080.000 м. занимаетъ богачъ Бреславля, наконецъ, слѣдуетъ баронъ Штуммъ на девятомъ мѣстѣ съ годовымъ доходомъ въ 2.065.000 м. и достойнымъ образомъ завершаетъ рядъ богатѣйшихъ пруссаковъ съ годовымъ доходомъ свыше 2 милл. м... Въ 1894—95 г. насчитывалось всего 7 такихъ богачей, въ 1893—94—всего четыре. Съ другой стороны, въ 1895—96 г. насчитывалось 13 богачей съ доходомъ въ размѣрѣ отъ 1 до 2 милл. м.—противъ 18 лицъ той же категоріи въ предъидущемъ году. Эти цифры очень характерны для процесса сосредоточенія капиталовъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ барона Штумма девятымъ въ ряду прусскихъ богачей перваго разряда, но это не мѣшаетъ ему быть первымъ по влиянію капиталистомъ. Это влияніе не ограничивается его собственнымъ заводскимъ царствомъ. Всѣмъ хорошо извѣстно, что вся область Саары, гдѣ разбѣяны многочисленныя чугунолитейныя и желѣзодѣлательныя заводы Штумма, находится подъ его абсолютнымъ режимомъ: здѣсь живутъ, женятся, голосуютъ, читаютъ и пр. именно такъ, какъ приказываетъ изъ своего гальбергскаго замка

строгий баронъ. Всякое ослушаніе, если оно исходитъ отъ отдѣльныхъ личностей, карается безпощаднымъ остракизмомъ изъ штуммовскаго царства; если же въ томъ провинились цѣлыя общины, то слѣдуетъ чуть ли не классическое «лишеніе огня и воды». Проведеніе желѣзнодорожныхъ линій въ этой области, запруженіе рѣчекъ, направленіе соединительныхъ каналовъ—все это дѣлается часто не такъ, какъ требуетъ польза той или иной общины, а какъ исходатайствуетъ Штуммъ въ хорошо доступныхъ ему высшихъ сферахъ... Но Штуммъ не только благодѣтель своей ближайшей округи; онъ чувствуетъ въ себѣ призваніе благодѣтельствовать и отечество и даже спасать его отъ всякаго рода искушеній. Въ этомъ общественно-политическомъ значеніи Штумма и заключается его отличие отъ прочихъ денежныхъ тузовъ Германіи; онъ не только финансовый тузъ, но и политикъ съ ярко выраженной индивидуальностью и съ соответствующимъ всему его существованію основнымъ принципомъ, что *die sociale Frage ist eine Machtfrage* *).

Сообразно съ этимъ принципомъ Штуммъ для рѣшенія социальнаго вопроса не гнушается всѣми силами міра сего. Онъ состоитъ членомъ рейхстага, ландтага, палаты господъ; онъ главная персона въ различныхъ обществахъ промышленно-торговаго характера; онъ имѣетъ нѣсколько послушныхъ ему газетъ: въ столицѣ—*Post*, въ провинціи *Saarbrückener-Zeitung* и др.; онъ, наконецъ, считается ближайшимъ другомъ Вильгельма II. Разнаго рода всезнайки увѣряютъ, что въ основаніи этой дружбы лежатъ долговныя отношенія,—но статистика показываетъ, что доходы прусскаго короля все же больше доходовъ «короля» Штумма.

Какъ бы то ни было, но въ борьбѣ со своими противниками Штуммъ никогда не задумывается, въ качествѣ крайняго аргумента, сослаться на трогательное согласіе съ его мнѣніемъ самого императора. Такъ случилось и со Штекеромъ, и съ политическими пасторами вообще, противъ которыхъ Штуммъ въ послѣднее время подвигалъ особенно жестокое гоненіе. Заводское царство Штумма управляется такой сильной рукой и непрекословной волей, что никакая крамола—соціалистическая или демократическая—не могла туда проникнуть извнѣ. Это обстоятельство служило всегда предметомъ гордости «заводскаго короля»: Штуммъ любитъ хвастать патриархальными порядками въ области Саары. Но этой безмятежной ерѣ пришелъ, повидимому, конецъ, какъ только въ самомъ сердцѣ штуммовскихъ владѣній появилась преступная ересь. Это было тѣмъ ужаснѣе, что источникомъ ереси явилось до тѣхъ поръ всегда послушное духовенство, евангелическіе пасторы, отъ которыхъ Штуммъ привыкъ встрѣчать лишь благословеніе и освященіе всѣмъ своимъ отеческимъ начинаніямъ... Между тѣмъ волна новыхъ вѣяній и стремленій, распространяв-

*) «Соціальный вопросъ—есть вопросъ силы».

шихся въ послѣдніе годы среди здѣшняго евангелическаго духовенства, не могла не залить и хорошо огражденную область Саары и не отразиться въ умахъ штуммовскихъ пасторовъ. Ближайшимъ результатомъ этого факта были практическія попытки въ духъ христіански-соціальныхъ требованій евангелическаго конгресса. Саарское духовенство приступило къ организаціи евангелическихъ рабочихъ ферейновъ и постепенно приходило въ коллизію со стародавнимъ принципомъ Штумма, не терпѣвшимаго никакого вѣдѣтельства третьихъ лицъ въ отношеніи рабочихъ къ хозяевамъ. Тутъ-то и ополчился Штуммъ противъ «политическихъ пасторовъ» и, встрѣтивъ, какъ съ этой стороны, такъ и со стороны печати, энергическую оппозицію, прибѣгъ къ своему *ultima ratio* и на одномъ изъ собраній заявилъ, что имѣетъ на своей сторонѣ самого Вильгельма II. Любопытство, возбужденное этимъ заявленіемъ, вскорѣ было удовлетворено появленіемъ на столбцахъ штуммовской газеты «Post» подлиннаго документа. Штуммъ добился разрѣшенія императора напечатать въ своей газетѣ текстъ депеши, посланной по какому-то поводу Вильгельмомъ своему бывшему воспитателю тайному совѣтнику Гинцпетеру. «...Штекеръ кончилъ такъ, какъ я это предвидѣлъ», сказано, между прочимъ, въ императорской депешѣ. «Политическіе пасторы—безсмыслица... Христіанскій социализмъ—нелѣпость... Кто христіанинъ—тотъ и социалець... Пасторамъ нечего мѣшаться въ политическія дѣла, такъ какъ это ихъ не касается...» Переполѣхъ, произведенный опубликованіемъ этой лаконической депеши въ штуммовскомъ органѣ, былъ необычаенъ. Эта депеша заняла на долгое время общественное вниманіе; она повергла въ глубокую меланхолію консервативныхъ идеологовъ и отзывалась жестокой болью въ монархическихъ сердцахъ передовой части евангелическаго духовенства. Она, наконецъ, открыла всѣмъ глаза на размѣры вліянія Штумма въ современномъ фазисѣ общественно-политической жизни Германіи.

Среди этого настроенія пришлось въ этомъ году собраться евангелическо-соціальному конгрессу, возникшему подъ вліяніемъ извѣстныхъ соціально-политическихъ указовъ императора, оповѣщавшихъ наступленіе новой эры цѣлесообразныхъ соціально-политическихъ реформъ. Въ Штутгартѣ съѣхались люди, съ 1890 года задавшіеся цѣлью «независимо отъ теологическихъ и политическxъ разногласій тщательно изслѣдовать соціальныя условія жизни народа и измѣрять ихъ масштабомъ нравственныхъ требованій Евангелія». Имъ предстояла въ этотъ разъ не легкая задача: приходилось такъ или иначе считаться съ утвержденіемъ опубликованной телеграммы, что *christlich-social ist Unsinn* (христіанскій социализмъ—нелѣпость). Благодаря счастливому совпаденію обстоятельствъ, еще задолго до опубликованія телеграммы, въ программу штутгартскаго конгресса былъ внесенъ рефератъ на тему «о соціальной дѣятельности служащаго духовенства». Этому реферату и суждено было

теперь, среди другихъ рефератовъ конгресса, занять центральное мѣсто и получить серьезное принципиальное значеніе. Тамъ, гдѣ руководящую роль играютъ проф. Адольфъ Вагнеръ, извѣстный профессоръ теологіи Гарнакъ, близкій другъ дома покойнаго императора Фридриха—проф. Делбрюкъ, судья Кулеманъ, профессоръ-юристъ Сомъ, проповѣдникъ фонъ-Соденъ и имъ подобныя,—тамъ трудно ожидать рѣзкихъ и необдуманныхъ словъ. Но въ данномъ случаѣ стоялъ ребромъ вопросъ: быть или не быть христіански-соціальному движенію?

Очевидно, по соображеніямъ, вызваннымъ опубликованной депешей, въ дебатахъ штутгартскаго собранія принимали преимущественное участіе лица духовнаго званія, хотя, съ другой стороны, несомнѣнно, что тѣ же мотивы привлекли къ этому именно собранію большую противъ прежняго массу свѣтскихъ дѣятелей. Среди лицъ духовнаго сословія высоко возвышается надъ среднимъ уровнемъ франкфуртскій пасторъ Фридрихъ Науманъ, котораго смѣло можно поставить рядомъ съ профессоромъ Гарнакомъ, этимъ высокодаровитымъ и, глубокимъ представителемъ евангелической науки. Но Науманъ, кромѣ того, и практическая натура, не способная жить безъ дѣятельной работы.

Рефераты свѣтскихъ ораторовъ на штутгартскомъ конгрессѣ, хотя и трактовали о серьезныхъ матеріяхъ, отсутствовали, однако, на задній планъ передъ принципиальнымъ значеніемъ рѣчей представителей духовенства и теологической науки. Проф. Ротгенъ изъ Марбурга говорилъ «объ экономическихъ и этическихъ основаніяхъ торговли»; проф. Дельбрюкъ—«о безработицѣ и правѣ на трудъ»; проф. Шефле—«о жилищныхъ реформахъ»; проф. Рейнъ изъ Лены—«о школахъ и социальномъ вопросѣ», и т. п. Но о чемъ бы ни зашла рѣчь, основная струя мысли всетаки направлялась противъ точки зрѣнія синода, противъ Штумма и опубликованной имъ депеши. Конгрессъ этимъ не удовлетворился и формулировалъ свое настроеніе въ трехъ резолюціяхъ, изъ которыхъ одна выражала протестъ противъ Штумма, другая требовала отъ синода терпимаго отношенія къ социальнo-политической дѣятельности духовенства, третья, наконецъ, обращена была къ отсутствовавшему Штекеру и выражала ему благодарность за его заслуги въ дѣлѣ возбужденія въ евангелическомъ духовенствѣ интереса къ общественнымъ вопросамъ... Такимъ образомъ, и Штекеръ, котораго послѣ опубликованія депеши можно было считать совершенно подавленнымъ, вызвалъ, напротивъ, единодушное сочувствіе конгресса.

Извѣстно, что съ прошлагодняго эрфуртскаго собранія евангелически-соціального конгресса въ набожную среду пасторовъ и теологовъ пробилась себѣ дорогу и женщины. Начало, сдѣланное въ этомъ отношеніи извѣстной дѣятельницей по женскому движенію г-жей Гнауекъ, было такъ удачно, что одинъ женскій рефератъ былъ въ этомъ году уже безъ всякихъ возраженій внесенъ въ про-

грамму штутгартскаго конгресса: г-жа Липпманъ говорила о дѣятельности женщины въ общинномъ управленіи. Рефератъ г-жи Липпманъ обратилъ бы на себя несомнѣнно гораздо больше вниманія, если бы почти одновременно съ этимъ о женщинахъ и женскомъ вопросѣ не говорилось на специальномъ собраніи женщинъ. «Всеобщій нѣмецкій союзъ женскихъ обществъ» собрался въ этотъ разъ на свой очередной годовой сѣздъ въ г. Кассель. За четверть вѣка своего существованія Союзъ успѣлъ объединить 75 различныхъ женскихъ фрейновъ и насчитываетъ теперь 50.000 постоянныхъ членовъ. Онъ дѣлится на двѣ большія группы, изъ которыхъ одна преслѣдуетъ практическія цѣли, другая же ведетъ дѣятельную пропаганду въ пользу идей и требованій новаго времени. Существуетъ 4 общества для цѣлей пропаганды, 18 профессиональныхъ фрейновъ, 3 воспитательныхъ общества, 15 обществъ для расширенія сферы женскаго труда, нѣсколько обществъ, образовательныхъ, рабочихъ, филантропическихъ, для правовой защиты и т. п. Эти послѣдніе, такъ называемые Frauen-Rechtsschutzvereine, кромѣ оказанія безвозмездной правовой защиты женщинамъ, организуютъ еще чтенія и рефераты для ознакомленія женщинъ съ ихъ правовымъ и социальнымъ положеніемъ въ обществѣ и государствѣ.

Ученые нѣмцы все еще продолжаютъ на антропологическихъ сѣздахъ заниматься измѣреніемъ мозга у женщинъ и, признавая его вѣсь недостаточнымъ, оспариваютъ претензіи дамъ на равноправность. Большинство ординарныхъ профессоровъ приходитъ еще въ ужасъ отъ того, что въ нѣмецкіе университеты допущено какихъ нибудь 3—4 десятка слушательницъ. Недавно ректоръ марбургскаго университета проф. Фишеръ въ своей рѣчи съ грустью отмѣтилъ «глубокознаменательный фактъ», — появленіе въ истекшемъ семестрѣ двухъ женщинъ въ аудиторіяхъ марбургскаго университета. Онъ категорически заявилъ, что это допущеніе состоялось противъ его, ректора, желанія, такъ какъ онъ ясно предвидитъ всѣ ужасныя послѣдствія этого факта. Двумя-де студентками дѣло не ограничится, ихъ число будетъ всегда расти, наступитъ «безпощадное соперничество половъ», женщины потребуютъ и избирательнаго права, а такъ какъ право немислимо безъ соотвѣтствующей обязанности, то придется возложить на женщинъ воинскую повинность и т. д. Между тѣмъ, жизнь свѣтлѣетъ и надъ учеными измѣреніями, и надъ вздорнымъ страхомъ ректора, и надъ сладкимъ умиленіемъ филистера. Безпощадная борьба за существованіе вытѣснила и женщину на арену трудового заработка, сдѣлала ее самостоятельной въ ея дѣйствіяхъ и желаніяхъ, все болѣе освобождала ее отъ мужской опеки. Между тѣмъ, нынѣ дѣйствующіе законы менѣе всего приспособлены къ видоизмѣнившимся отношеніямъ. Естественно было ожидать, что новое гражданское уложеніе, предназначенное дать правовыя нормы для гражданской жизни Германіи будущаго вѣка, сгладитъ устарѣлыя слѣды стараго времени и признаетъ за женщиной

приличествующія ей права человѣка, супруги и матери. Эти надежды не сбылись.

Кодификація гражданскихъ законовъ Германіи, окончательно принятая закончившимъ только что свою сессію рейхстагомъ, не безъ основанія признается дѣломъ великой національной важности. Безконечная множественность господствующихъ до нынѣ правовыхъ нормъ гражданской жизни была насмѣшкой надъ хваленнымъ нѣмецкимъ единствомъ. На западѣ имперіи дѣйствуетъ еще Code Napoléon, во многихъ округахъ даже въ его первоначальныхъ французскихъ формахъ и языкѣ. Далѣе, въ самомъ сердцѣ Германіи господствуетъ римское право, почти полторы тысячи лѣтъ тому назадъ созданное на латинскомъ языкѣ въ Византіи, разбавленное затѣмъ старыми народными обычаями, устарѣлыми привилегіями и статутами городовъ. Наконецъ, далѣе на востокъ преобладающими источниками права были, съ одной стороны, прусское земское право, съ другой—саксонское, но и эти сильныя монархіи не смогли выработать единого гражданского уложенія. И вотъ, послѣ 22 лѣтъ упорной работы юристовъ и свѣдущихъ лицъ, Германія получила теперь Bürgerliches Gesetzbuch. Въ іюнѣ 1874 года была впервые назначена комиссія изъ 11 выдающихся юристовъ Германіи для выработки проекта единого гражданского кодекса. 13 лѣтъ работала эта комиссія, и только въ 1888 году былъ опубликованъ ея проектъ. Послѣ тщательной критики со стороны спеціальной прессы онъ былъ въ 1891 году переданъ для пересмотра въ новую комиссію, въ которую на этотъ разъ вошли и практически-свѣдущіе люди. Комиссія работала до 1895 года, и измѣненный проектъ послужилъ основаніемъ для сужденія народныхъ представителей въ рейхстагѣ. Основательность предварительной разработки кодекса не оставляла, такимъ образомъ, желать ничего большаго, но его разсмотрѣніе въ рейхстагѣ не находилось съ этимъ въ полномъ соотвѣтствіи. Чтобы разобраться въ кодексѣ, надъ которымъ 22 года трудились спеціалисты-юристы, неспеціалистамъ и общей печати было дано лишь около 5 мѣсяцевъ; четыре слишкомъ мѣсяца занята была имъ парламентская комиссія, и всего въ какихъ нибудь 10 дней съ нимъ покончили въ трехъ чтеніяхъ общее собраніе рейхстага. А кодексъ заключаетъ въ себѣ свыше 10,000 печатныхъ страницъ, болѣе 2 $\frac{1}{2}$, тысячъ параграфовъ. Если принять въ расчетъ, что онъ вступитъ въ силу лишь съ 1 января 1900 года, то совершенно непонятна торопливость, съ какою кодексъ обсуждался въ рейхстагѣ. Но парламентскому большинству и правительству хотѣлось покончить какъ можно скорѣе съ «національнымъ созданіемъ», въ виду чего всѣ попытки исправить многія ошибки формалистовъ-юристовъ остались безъ послѣдствій. Остался открытымъ вопросъ объ имперскомъ урегулированіи порядковъ по части союзовъ, обществъ и собраній; остались неизмѣненными многіе пункты семейнаго права и въ этомъ послѣднемъ отношеніи осталась безъ

непосредственнаго практическаго послѣдствія та прямо героическая агитация, которую въ послѣднее время обнаружили нѣмецкія женщины .

Уже въ началѣ этого года, какъ только законопроектъ былъ внесенъ канцлеромъ въ рейхстагъ, по всей Германіи послышались женскіе голоса противъ заключающихся въ немъ реакціонныхъ установлений. Составители кодекса стѣснялись, правда, перенести въ него §§ мекленбургскаго и другихъ уложений, предоставлявшихъ мужу право, «умѣренной вотрѣпки» (mässpige Züchtigung) надъ женой, но всѣ существенныя законоположенія, дѣлающія мужа единственнымъ господиномъ надъ дѣтьми, женой и имуществомъ въ семьѣ, перешли и въ новое гражданское уложение, заново санкціонируя подчиненное подвластное положеніе женщины. Вотъ ст. 1337, она гласитъ: во всѣхъ вопросахъ, касающихся совмѣстной жизни супруговъ, рѣшеніе принадлежитъ мужу. Въ особенности же ему принадлежитъ опредѣленіе мѣста жительства и выборъ квартиры. Жена лишь въ томъ случаѣ не обязана подчиняться рѣшенію мужа, если онъ явно злоупотребляетъ своимъ правомъ... Вотъ ст. 1340: жена въ правѣ замѣщать мужа, но лишь въ сферѣ домашней дѣятельности. Тѣмъ не менѣе мужъ имѣетъ право ограничивать или совсѣмъ исключать дѣятельность жены и въ этой тѣсной домашней сферѣ. Ст. 1346: управление и пользованіе имуществомъ, принесеннымъ женою или приобретеннымъ ею послѣ брака, принадлежатъ мужу...

Такия и подобныя законоположенія приготовили нѣмецкіе юристы женщинѣ 20-го вѣка. Они исходили изъ того соображенія, что въ семьѣ должна царить одна общая воля, и безъ всякихъ колебаній надѣлили этой абсолютной властью мужа, совершенно не справляясь, будетъ ли то хорошій мужъ, или мужъ-негодяй и прощальга.

Противъ этой логики мужского самовластия нѣмецкія женщины забили тревогу. Сотни петицій и протестовъ за подписью десятковъ тысячъ женщинъ посыпались въ рейхстагъ. Кассельскій съѣздъ «Всеобщаго союза женскихъ обществъ» отложилъ всѣ прочія дѣла на задній планъ, занявшись по преимуществу «положеніемъ женщины въ гражданскомъ уложеніи». Здѣсь было констатировано, что петиціи вынудили у парламентской комиссіи нѣкоторыя уступки въ области наследственнаго права и права матери-вдовы по отношенію къ ея дѣтямъ, но правовой личностью женщина не является и въ новомъ уложеніи. Это обстоятельство не ослабило, однако, до самого послѣдняго момента женскихъ протестовъ, къ которымъ постепенно присоединялись массы мужской интеллигенціи. Всеобщій союзъ нѣмецкихъ ферейновъ избралъ особую Rechts Kommission, которая въ тысячахъ экземпляровъ рассылала, печатала, расклеивала всякаго рода петиціи, протесты, резолюціи... Когда сдѣлалось извѣстно, что парламентское большинство намѣревается немедленно приступить и къ третьему чтенію законопроекта,

то къ оппозиціи противъ этого плана присоединились также женскіе фрейны, настаивая на томъ, чтобы обсужденіе семейнаго права было отложено до осени. Но и это ходатайство осталось безъ послѣдствій. Тогда, наканунѣ третьяго чтенія, былъ созванъ громадный женскій митингъ... Всѣ болѣе или менѣе извѣстныя руководительницы женскаго движенія въ Германіи были налицо. Изъ всѣхъ концовъ Германіи посылались привѣтственные телеграммы въ прозѣ и стихахъ; въ Берлинъ прибыли для этого случая многія представительницы женскихъ обществъ, и даже изъ Дюриха прибыла одна нѣмецкая студентка отъ тамошняго «фрейна нѣмецкихъ студентокъ, лишенныхъ возможности получить высшее образованіе на родинѣ». Эта, увы! стриженная студентка юриспруденціи произнесла чисто юридическій рефератъ, въ которомъ рѣзко полемизировала съ проф. Планкомъ, однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ по выработкѣ проекта. Отъ любезностей, которыя говорились на собраніи по адресу рейхстага, не поздоровилось бы болѣе чувствительному учрежденію. Все гражданское уложеніе называлось дѣломъ глухихъ и слѣпыхъ, причѣмъ имѣлись въ виду физическіе недостатки (глухота и слѣпота) главныхъ ученыхъ сотрудниковъ,—профессоровъ Планка и Сома. Это былъ форменный Frauenlandsturm, какъ на слѣдующій день въ рейхстагѣ выразился одинъ депутатъ. Намекая на тѣ пространныя дебаты рейхстага, которые, въ интересахъ охотничьей барской забавы, были посвящены зайцамъ и освобожденію этого звѣря отъ вознагражденія за поправу, женскіе ораторы саркастически иронизировали: «что мы такое, чтобы изъ-за насъ стали хлопотать въ рейхстагѣ? Будь мы, по крайней мѣрѣ, зайцами, тогда «высокіе» господа депутаты занялись-бы нашими судьбами...»

«Мужчины-деспоты» собрались на слѣдующее утро для третьяго чтенія. Трибуны, какъ и во всѣ предъидущіе дни, были переполнены дамами. Но нѣмецкій буржуа и филистеръ мало чувствителенъ къ женскимъ резонамъ, когда рѣчь идетъ о сокращеніи его традиционныхъ мужскихъ прерогативъ. Національ-либеральный вождь фонъ-Беннигсенъ заявляетъ, что не слѣдуетъ придавать большого значенія поднявшемуся женскому движенію. Клерикальные и консервативные братья Беннигсена и подавно не преувеличиваютъ значенія этого движенія. Слышится только все та-же давно извѣстная группа поборниковъ женскаго равноправія: либеральные депутаты Риккертъ, принцъ Шейнахъ-Каролатъ и впереди ихъ авторъ «Die Frau»—Бебель. Случаю было, однако, угодно, чтобы въ этотъ разъ ко взглядамъ социаль-демократическаго вождя присоединился его лютый врагъ, баронъ Штуммъ. Разные шутники рассказываютъ, что баронъ недавно выдалъ замужъ дочку и по этому случаю подробно изучалъ семейное право, чтобы оградить свое дитя отъ всякихъ случайностей... Какъ бы то ни было, но Штуммъ прямо заявилъ свое сочувствіе Бебелю и выразилъ свое глубокое огорченіе по по-

воду того, что социаль-демократы въ этомъ случаѣ справедливыѣ понимаютъ интересы общества, чѣмъ патриотическое большинство. Онъ указывалъ на то, что въ странѣ и безъ того достаточно недовольныхъ и что было-бы легкомысленно въ этотъ станъ гнать и женщинѣ, отказывая имъ въ ихъ насущнѣйшихъ человѣческихъ правахъ... Бебель, конечно, привѣтствовалъ своего новаго союзника, при общемъ смѣхѣ рейхстага заявивъ ему: «не смущайтесь, бароны! вы находитесь въ хорошемъ обществѣ...»

Но одна ласточка весны не дѣлаетъ,—даже такая, какъ баронъ Штуммъ. Талантливыя рѣчи Бебеля, извѣстнаго берлинскаго адвоката Мункеля и др. не въ силахъ были поколебать упорство большинства. Въ самую послѣднюю минуту удалось только отстоять тотъ §, въ силу котораго неизлѣчимаѣ душевная болѣзнь одного изъ супруговъ признается достаточнымъ мотивомъ къ разводу. А затѣмъ гражданское уложеніе было принято большинствомъ 222 противъ 48, и «національное твореніе» было съ большой помпой завершено. Спеціальная юридическая коммиссія вырабатываетъ теперь новые учебные планы для юридическихъ факультетовъ, а съ января 1900 года 50.000 нѣмецкихъ судей получаютъ въ руководство новое гражданское уложеніе.

А. Ковровъ.

Съ береговъ Лемана.

(Швейцарская національная выставка).

Письмо III.

Диккенсъ, въ своихъ американскихъ очеркахъ, жаловался, что американцы, неразлучные съ табачною жвачкой, повсюду плюютъ. На швейцарской выставкѣ этимъ гостямъ будетъ не по себѣ: тутъ въ каждой залѣ бросается въ глаза объявленіе: *запрещается плевать* (défense de cracher). И дѣйствительно: выставка красива, изящна и чиста. Газоны, клумбы, цвѣтники — все дышетъ свѣжестью; не встрѣтишь ни пылинки не только въ кіоскахъ съ зеркальными стеклами, но и въ такихъ упрощенныхъ помѣщеніяхъ, какъ машинное или вагонное.

Начнемъ обзоръ съ *древнихъ искусствъ*. Впрочемъ, названіе это не совсѣмъ вѣрно: древнія искусства—*группа 25-я*—соединяютъ въ себѣ памятники не однихъ только искусствъ (антики), но также быта, религіи, и при томъ не исключительно древняго періода, а въ смѣсн съ памятниками чисто швейцарской *старинны*, захватывающей собою и весь XVIII вѣкъ и часть XIX.

Для тѣхъ, кто захочетъ равнять эту группу съ богатствами залъ европейскихъ музеевъ, она, разумѣется, покажется незначительной, бѣдной. Но богатство—дѣло наживное, случайное. Наполеонъ I, не стѣснявшійся въ Ватиканѣ, и лордъ Эльджинъ, обобравшій Акрополь, обогащались сразу цѣлыми музеями сокровищъ... Важно *заработать* эти сокровища, имѣть право связывать съ ними не тщеславную мысль о богатствахъ, а идею о своемъ быломъ, о своихъ первыхъ и послѣдующихъ шагахъ на пути къ развитію... И швейцарцы имѣютъ это право, имѣютъ эту идею, служить неукоснительно ей. Они еще молоды, для нихъ заслуга уже и то, что есть, что успѣли они сберечь среди своихъ непрерывныхъ тревогъ, среди неустанной борьбы и съ фохтами императора Рудольфа Габсбургскаго, и съ сурою, дикою горною природою. За успѣхъ же въ будущемъ — за возможность стать богатыми, рвутся ихъ любовь и привязанность къ родинѣ, ихъ радужная заботливость, съ которою торопятся они спастись отъ времени и утратъ всякую историческую мелочь въ своихъ селахъ и городахъ, ихъ единодушіе, съ которымъ стараются они спосотствовать общему дѣлу,—какъ, на примѣръ, въ данномъ случаѣ.

Въ слѣдующей затѣмъ залѣ помѣщается *группа 3-я*—ювелирная, эмалей и украшенныхъ часовыхъ корпусовъ. Сюда же отнесены и часовые механизмы, въ примѣненіи ихъ къ ювелирному дѣлу.

Вольтеръ, проживая въ Фернсѣ, близъ Женевы, велъ, какъ извѣстно, торговлю часами съ Екатериной II и сбывалъ ихъ ей не на одинъ десятокъ тысячъ франковъ. Онъ находилъ, что царица Сѣвера «слишкомъ много тратитъ на пушки и корабли, чтобы не присоединить къ великолѣпію и справедливую экономію» (скупать часы оптомъ). Соблазняя Екатерину, философъ, между прочимъ, писалъ ей: «Одинъ изъ художниковъ дѣлаетъ часы для колецъ и съ репетиціей. Это весьма странное чудо».

Ювелирная группа полна такими чудесами. Кольца дѣлаются уже не старинныя—увѣстныя, а элегантныя и съ часами, буквально, съ горошину; есть жучки, съ часами подъ подвижными крылышками, есть часы-цвѣты... Насколько могутъ быть точны подобныя часы—другой вопросъ: на то они и ювелирная вещьца. Но они показываютъ время, звонятъ и... успѣшно сводятъ съ ума камедій и англичанокъ...

Чрезвычайно хороши и богато выставлены серебряныя и золотныя издѣлія. Отъ литыхъ и чеканныхъ сервизовъ, кубковъ и блюдь до послѣдняго миниатюрнаго колечка — все имѣетъ стиль, сработано тщательно и со вкусомъ.

Особеннымъ богатствомъ блещетъ выборъ драгоценныхъ камней. Ихъ такое множество и разнообразіе, что зритель невольно забываетъ о скромной, патриархальной Швейцаріи и переносится мыслью въ роскошныя ювелирные магазинамъ знаменитой па-

рижской улицы de la Paix... Высоко цѣнится и въ большомъ ходу русская бирюза. Жемчугъ встрѣчается рѣдко, и его достоинствомъ, какъ можно заключить, соображаясь съ цѣнами, является прежде всего величина. Бриллианты видятся повсюду — въ серьгахъ и перстняхъ, въ колье и браслетахъ, на портсигарахъ и на крышкахъ часовъ. Бриллианты величиною даже съ орѣхъ не считаются уже рѣдкостью, но старинный, истинный бриллиантъ, съ его чистотою воды, съ его неподражаемымъ блескомъ, исчезъ: его смѣнилъ, нахлынувшій лѣтъ двадцать тому назадъ, *катскій* бриллиантъ — тусклый, желтоватый, но выигрывающій, при сравнительно сходной цѣнѣ, величиною и плѣняющій этимъ современную буржуазную толпу франтовъ и франтихъ.

На ряду съ этимъ властнымъ, спѣсивымъ блескомъ каменьевъ, скромно сіяютъ изящныя филиграновыя работы изъ серебра. Это — кустарныя издѣлія восточной Швейцаріи, кантоновъ Гларусъ, Сентъ-Галленъ, Апенцель; выдѣлкой ихъ занимаются крестьяне въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ, всегда обильныхъ снѣгами въ этой части Швейцаріи.

Но пальму первенства во всей этой богатой группѣ надо отдать *женевскимъ эмаллямъ*. Онѣ выставлены какъ торговцами-эмальерами, такъ и художниками-живописцами по эмали (*peintres sur émail*). Издѣлія эти — отъ брошекъ и запонокъ до цѣлыхъ картинъ — такъ изящны, такъ блестятъ прелестью красокъ и рисунка, что невольно приковываютъ къ себѣ вниманіе. При всемъ этомъ, онѣ именно художественны, непосредственны. Банальной дужинности — неизбежному условію всякаго машиннаго производства — въ нихъ нѣтъ мѣста: каждая вещь тутъ есть уже *«unique»*, плодъ оригинальнаго творчества. Самое названіе «женевскихъ» принадлежитъ имъ по праву: ихъ родина Женева, и онѣ являются для нея предметомъ такого же характернаго, оригинальнаго творчества, какъ и ювелирныя, стальныя съ золотомъ, издѣлія — для Толедо.

Въ этой же группѣ находятся витрины съ предметами, дающими наглядное понятіе о способахъ граненія драгоценныхъ камней. Искусство это привилось особенно въ Женевѣ.

Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ образцѣ женевского ювелирнаго искусства — о механическихъ *«поющихъ птичкахъ»*. Эти издѣлія доведены до изумительныхъ — едва ли надобныхъ въ подобномъ случаѣ — совершенства и роскоши. Одна изъ такихъ игрушекъ, стоящая чуть не десятокъ тысячъ франковъ, представляетъ собою массивный серебряный сундучекъ въ стилѣ рококо, украшенный великолѣпными эмалевыми медальонами, хронометромъ, указателемъ знаковъ зодіака, мѣсяцевъ, дней, недѣль, чиселъ, термометромъ и барометромъ. Изъ крышки этого судучка каждый часъ показывается горный рельефъ съ птичкой — колибри на деревѣ. Нечего и говорить, что птичка поетъ и движется,

точно живая, но ея пѣсенкѣ вторить въ совершенствѣ горное эхо... И это не все: въ ту минуту, когда птичка распѣлась, на нее кидается изъ-за кустовъ кошка... Тогда рельефъ исчезаетъ въ сундучекъ.

Другая подобная игрушка сдѣлана изъ золота. Она отличается совершенствомъ гравировки, эмальернаго искусства и миниатюрной живописи.

Эксперты называютъ эти вещи «*чудомъ искусства*». Оно, пожалуй, и такъ, но еще большимъ чудомъ надо считать то, что на подобныя бесполезности имѣются покупатели...

Когда, покойный теперь, персидскій шахъ гостилъ въ Женевѣ, то федеральный совѣтъ поднесъ ему одну изъ такихъ игрушекъ въ подарокъ. На слѣдующій день игрушка, къ стыду женевскихъ ювелировъ-искусниковъ, перестала дѣйствовать, и ее отправили съ камергеромъ для исправленія. Къ счастью, репутація женевацевъ не пострадала и недоразумѣніе разрѣшилось довольно просто: жены шаха никакъ не полагали, чтобы драгоценный сундучекъ только и могъ служить, что для забавы, и употребили его, какъ помѣщеніе для своихъ восточныхъ лакомствъ...

Большинство экспонентовъ въ группѣ (воѣхъ ихъ 174) женевацы. Оставаясь во многомъ вѣрна Кальвину, внесшему холодъ и въ жизнь, и въ души, убившему искусство вообще, признавшему суетнымъ, грѣховнымъ украшеніемъ даже крестъ на церкви, Женева, въ дѣлѣ прибыльнаго для нея спеціальнаго художественнаго развитія, не переставала подвигаться впередъ, заботилась, наряду съ расширеніемъ коммерческой стороны дѣла, поднять въ хозяйствахъ и ремесленникахъ уровень развитія вообще и художественнаго вкуса въ особенности. Независимо отъ своей кантональной высшей художественной школы общаго типа, она завела школу художественно-промышленную. Назначеніе этой школы — давать спеціальное художественное развитіе лицамъ соотвѣтствующихъ профессій и въ то же время служить приготовительнымъ классомъ для тѣхъ изъ нихъ, кто желаетъ поступить затѣмъ въ высшую художественную школу. Въ настоящее время въ этой школѣ могутъ получать художественное развитіе, каждый въ своемъ отдѣленіи, граверы-чеканщики, мраморщики, ювелиры, живописцы по эмали, скульпторы, архитекторы-декораторы, литографы, гѣншики, паркетчики, инкрустраторы, каменотесцы, часовщики, слесари, каретники, обойщики и даже *кондитеры*—на предметъ украшенія тортовъ и пирожковъ въ стилѣ, а не наобумъ... Но Женевѣ не довольно показалось и этого. Она учредила еще *музей декоративныхъ искусствъ*. Въ этомъ музеѣ она собрала коллекцію всевозможныхъ спеціальныхъ эстамповъ, достигающую почтенной цифры 110,000 экземпляровъ, устроила руководительную — если можно такъ выразиться—библіотеку по разнымъ спеціальностямъ,

открытую ежедневно для всѣхъ, и наполнила музей богатѣйшими собраніями предметовъ по всѣмъ главнымъ отраслямъ искусства и промышленности.

Цифра специалистовъ, болѣе или менѣе опредѣленно пользующихся услугами этого музея, простирается до 1000 человекъ въ годъ.

За описанной группой слѣдуетъ *группа 1-я*—часового производства.

Объ огромномъ промышленномъ значеніи для французской Швейцаріи и особенно для Женевы фабрикаціи часовъ нечего говорить — оно извѣстно давно. Во всей отпускной торговлѣ Швейцаріи часы составляютъ $\frac{1}{2}$ часть стоимости. Какая масса лицъ занята этимъ производствомъ — свидѣлствуютъ вывѣски часовыхъ фабрикъ чуть не на каждомъ домѣ въ Женевѣ, выставки часовъ въ окнахъ чуть не каждаго магазина. Одна женевская часовая школа выпускаетъ ежегодно сотни работниковъ-часовщиковъ.

И, не смотря на все это, зритель, вступая въ группу часового производства, поражается бѣдностью, пустотой... Нѣсколько витринъ съ инструментами и матеріалами производства, съ составными частями механизмовъ даютъ нѣкоторое понятіе о не легкой техникѣ часового искусства, о послѣднихъ открытіяхъ и усовершенствованіяхъ, но самыхъ часовъ нѣтъ... Въ витринахъ, расположенныхъ отдѣльными каре, по ассоціаціямъ, мелькаютъ золотые хронометры — простые и сложные (послѣдніе имѣютъ, обыкновенно, прибавкою: бой, календарь и фазы луны), видятся будильники, регуляторы, красивые дамскіе часики, хронометры морскіе и столовые, но въ общемъ всего этого слишкомъ мало для всеобщей извѣстности швейцарскихъ часовщиковъ. Самыя витрины до крайности просты и бѣдны, плохо окрашены темною масляною краской и сдѣланы на одинъ шаблонъ. Экспонентовъ не видно — отъ нихъ находятся лишь представители, сидящіе за конторками, въ центрахъ каре. До сего времени (говоримъ о послѣднихъ числахъ мая) группа остается еще не вполне сформированною — не отпечатанъ даже каталогъ ея, многія витрины заняты только наполовину, а нѣкоторыя и совсѣмъ пусты.

Комитетъ выставки отнесся къ часовой группѣ внимательно и серьезно. Онъ выдѣлилъ изъ нея все, что могло придать часовому производству характеръ легкомыслія, разчета на ювелирные эффекты — выдѣлилъ часы - брошки и перстни, часы-браслеты, выдѣлилъ даже украшенные корпусы для часовъ. Съ тѣми же цѣлями комитетъ помѣстилъ группу въ художественномъ, самомъ видномъ отдѣлѣ и не спроста далъ ей названіе *первой*. Отчего же такъ мало и бѣдно представляетъ себя группа?

Видимыхъ причинъ этому двѣ.

Задаваясь мыслью сдѣлать изъ выставки дѣйствительно выставку, а не торжище, не толкучій безпорядочный рынокъ, комитетъ не разрѣшилъ торговли на выставкѣ. Каждый выставленный предметъ, разумѣется, можетъ быть проданъ, но для такихъ сдѣлокъ существуетъ при каждой группѣ особое официальное бюро, исключющее для продавцовъ необходимость какого либо прельщенія покупателей. Въ одномъ изъ своихъ охотничьихъ разсказовъ Тургеневъ говоритъ, что когда помѣщики, въ противодѣйствіе плутамъ-торгашамъ, стали покупать косы сами и раздавать ихъ крестьянамъ по сходной цѣнѣ, то «крестьяне пришли въ уныніе, лишась удовольствія каякаться съ торгашемъ, щелкать по косѣ, прислушиваться къ ея звону, перевертывать въ рукахъ...» Такой же психологическій факторъ, только съ обратными побужденіями, привелъ въ уныніе и швейцарскихъ часовщиковъ, лишившихся возможности каякаться на выставкѣ съ покупателями... Они охладѣли къ дѣлу, не вида въ немъ прямого интереса, прямыхъ, ощутительныхъ выгодъ *торговли*... Изъ этой первой причины уже сама собою вытекаетъ и вторая. За отсутствіемъ возможности выдвинуть на выставку *товаръ*, часовщики увидѣли себя въ необходимости выставить лишь то, что можетъ безбоязненно выдержать критику, дать право на награду. Такіе предметы найдутся, разумѣется, въ каждомъ торговомъ домѣ, но ихъ бываетъ всегда такъ мало, что о наполненіи ими витринъ нечего и думать. Они имѣются лишь какъ необходимый казовый конецъ, назначенный пускать пыль въ глаза оптовымъ покупателямъ, втягивать ихъ въ заказы... Они по цѣлымъ годамъ ждутъ своего исключительнаго покупателя и за это носятъ, установившееся за такими предметами, общее техническое названіе «grossignols»... Этими рѣдкими соловьями и гарнированы, насколько оказалось возможнымъ, витрины часовой группы.

И это, разумѣется, лишь хорошо. Такой подборъ предметовъ общаетъ группѣ успѣхъ, не смотря на ея кажущуюся бѣдность, общаетъ привлечь къ ней вниманіе цѣнителей и знатоковъ, создать репутацію экспонентамъ. Но не радуется и это часовщиковъ, они скептически относятся къ журавлю въ небѣ и оказываются склонными предпочесть ему синицу въ рукахъ... Это, конечно, странно. По своей натурѣ, швейцарскій и вообще западный коммерсантъ не таковъ. За барышами онъ гонится — нельзя безъ этого, но, какъ человекъ просвѣщенный, не чуждый коммерческой дальновидности, хлопочетъ прежде всего именно о созданіи репутаціи дѣлу, объ установленіи за нимъ извѣстности. Хлопотали когда-то объ этомъ и швейцарскіе часовщики. Еще не такъ давно, именно въ 1876 г., они основали съ этою цѣлью свой собственный органъ «*Journal suisse d'horlogerie*», который издаютъ до сего времени. И если теперь они поступаютъ наоборотъ, то,

надо полагать, имѣютъ къ тому свои резоны. Резоны эти, дѣйствительно, есть, но прежде, чѣмъ коснуться ихъ, бросимъ взглядъ на исторію часового производства въ Швейцаріи.

Съ точностью время возникновенія въ Швейцаріи часового искусства неизвѣстно, но уже въ первой половинѣ XIV столѣтія встрѣчаются самостоятельные мастера, положившіе начало распространенію искусства по Швейцаріи. Первоначально выразилось оно въ устройствѣ башенныхъ часовъ (horloges) въ замкахъ и при церквяхъ. Изобрѣтенные въ XV столѣтіи Петромъ Геле, въ Нюрнбергѣ, первые карманные часы, ставшіе, благодаря своей формѣ, пзвѣстными подъ именемъ «*нюрнбергскихъ яицъ*», перешли и въ Швейцарію. Швейцарцы стали выдѣлывать эти яйца, снабжая ихъ корпусами хотя и довольно искусной работы, но лишь изъ желѣза и бронзы. Въ 1562 г. швейцарцы дѣлали такія яйца уже съ достаточнымъ совершенствомъ и, какъ весьма дорого стоявшую рѣдкость, поднесли одно яйцо въ подарокъ швейцарскому свѣту. Хорошій экземпляръ нюрнбергскаго яйца швейцарской работы сохранился въ женевскомъ археологическомъ музеѣ. Оно принадлежало женевскому епископу, Петру Бому, покинувшему Женеву во время охватившаго ее движенія реформаціи.

Начало производства плоскихъ карманныхъ часовъ (montres) собственно въ Женевѣ относятъ къ 1587 г. Основателемъ же тутъ первой часовой мастерской считается нѣкто Карлъ Кюзенъ, бургундецъ родомъ, вынужденный, какъ полагають, эмигрировать въ Швейцарію, вслѣдствіе религіозныхъ смуть, порожденныхъ нантскимъ эдиктомъ, въ 1598 г. Въ то же время, уже достаточно развившееся искусство обрабатывать благородные металлы слилось съ часовымъ мастерствомъ, и корпусы часовъ стали дѣлаться изъ золота и серебра.

Начиная съ этого времени и еще долго потомъ часовое производство въ Швейцаріи было обставлено многими законодательными строгостями, имѣвшими цѣлью поднять производство до возможной высоты и удержать его въ странѣ.

О достоинствѣ работъ того времени можно судить по сохранившимся описаніямъ ихъ въ протоколахъ экспертовъ. Нѣкто Клодъ, 21 года, искавшій званія хозяина, сдѣлалъ «серебряные часы, съ будильникомъ, звона сильнаго и длительнаго настолько, чтобъ разбудить даже крѣпко спящаго человѣка. Циферблатъ часовъ выпуклый и разрисованный, а при посредствѣ особаго подвижнаго круга, съ рельефнымъ цвѣткомъ лиліи, замѣняющимъ стрѣлки, узнавать время можно и въ темнотѣ, ощупью. Корпусъ часовъ отличается совершенствомъ чеканной работы. Она выполнена въ видѣ рисунка, состоящаго изъ фруктовъ и гирляндъ цвѣтовъ, до точности вѣрныхъ природѣ. Въ механизмѣ часовъ стойки

пъ желтой мѣди, а колеса стальные. Прочія части имѣютъ видъ красивыхъ арабесковъ, что не мѣшаетъ, однако, ни прочности механизма, ни вѣрности хода часовъ».

Въ концѣ XVIII столѣтія часовое производство въ Швейцаріи достигло уже довольно значительныхъ размѣровъ, а знаменитый Авраамъ *Брегетъ*, швейцарецъ изъ Невшателя, отерывшій фабрику часовъ въ Парижѣ, далъ, вслѣдъ за тѣмъ, огромный толчекъ искусству своими усовершенствованіями и изобрѣтеніями. Главнымъ центромъ часового производства въ Швейцаріи обозначилась Женева; за нею слѣдовали городки: Локль и Шо-де-Фонъ (кантонъ Невшатель). Въ первомъ славилась, какъ знаменитые мастера и усовершенствователи, между прочимъ, Даниель Жанришаръ, Авраамъ Переле, Жанъ Гурье; во второмъ — Фрицъ Курвуазье, братья Дрозны.

Въ эпоху первой французской революціи часовое производство въ Швейцаріи освободилось отъ правительственнаго надзора, и въ то же время началось его всестороннее преобразование. Трудъ, сосредоточивавшійся до этого въ рукахъ одного человѣка—хозяина и мастера, часовщика и ювелира—сталъ раздѣляться все больше и больше между специалистами и въ то же время облегчаться всякими механическими способами. Ювелирное искусство рѣзко отграничилось отъ часового и стало совершенствоваться специально—какой высоты достигло оно, мы уже видѣли. Часовое производство пошло своимъ собственнымъ путемъ. Путь этотъ привелъ вскорѣ къ тому, что прежній типъ часовщика-мастера и въ то же время, нерѣдко талантливаго изобрѣтателя замѣнился типомъ часовщика-торговца; вмѣсто мастерскихъ, служившихъ также мѣстами продажи, появились фабрики, магазины. Открывшаяся въ 1823 г. женеваская часовая школа положила начало возникновенію класса часовщиковъ-рабочихъ. На смѣну отходившимъ въ вѣчность созданіямъ рукъ художниковъ выступила машина...

Женева, по проложеннымъ еще ранѣе путямъ, бойко повела торговлю часами съ Англіей, Америкой, Франціей, Турціей, но, вмѣстѣ съ этимъ, положила и тлетворное начало неразборчивости въ наживѣ... Она создала правильную организацію безпошлиннаго сбыта часовъ за границу, устроивъ для этого спеціальныя конторы, слывшія подъ именемъ *транспортныхъ*, вызвала впервые на свѣтъ изобрѣтенія сундука съ двойнымъ дномъ, чемодана съ секретными отдѣленіями, всякой мебели съ таинственными ящиками и пружинками. Умъ часовщика, не совсѣмъ подвижный во многомъ другомъ, достигъ здѣсь изумительной эквилибристики: были введены въ моду, такъ называвшіяся, «Велипнтовы сапоги»—ботфорты съ кисточками, высокіе каблукы которыхъ могли служить отличными помѣщеніями не для одной пары часовъ; измѣнилась существенно самая форма часового механизма... У многихъ, быть можетъ, и теперь на памяти, считав-

пѣся когда-то верхомъ совершенства и въ сущности никуда негодные, плоскіе часики, толщиной чуть не въ листокъ бумаги—эти часики фабриковались специально для провоза ихъ чрезъ границу въ выдолбленныхъ монетахъ—пятифранковикахъ... Особенно отличается по части такихъ выдумокъ женевскій часовщикъ Жанъ Ботъ, одинъ изъ самыхъ богатыхъ. И что этотъ Ботъ былъ не презрѣнный контрабандистъ, а человекъ съ вліаніемъ и положеніемъ, и что незаконная нажива сливалась съ самыми правами часовщиковъ,—свидѣтельствуютъ: одна изъ женевскихъ улицъ, носящая теперь имя этого Бота, и воздвигнутый ему въ 1839 г. памятникъ, съ трогательною надписью: «*Благодарная индустрія*»...

Часовое производство, вмѣсто совершенствованія, отдалось всецѣло заботамъ лишь о размноженіи количества товара, въ ущербъ его достоинству, и присканію всякихъ способовъ сбыта... Хозяевами въ торговлѣ явились простые промышленники. Устроились и уже начинаютъ принимать видъ основнаго типа такіа фабрики, которыя не нуждаются даже въ необходимости знакомить публику съ своими фирмами: онѣ выдѣлываютъ часы, такъ называемые «сѣбные»—отполированные крышки ихъ представляютъ буквально *tabulae gasae*, на которыхъ всякому оптовому покупателю предоставляется выгравировывать и свою фирму, и какую угодно рекламу механизма... Изъ обозначенныхъ выше трехъ главныхъ пунктовъ часового производства удержался на должной высотѣ лишь городокъ Локль—онъ до сихъ поръ продолжаетъ славиться своими прекрасными морскими хронометрами. Шо-де-Фонъ перешелъ исключительно въ руки евреевъ—по послѣднимъ свѣдѣніямъ ихъ насчитывается въ этомъ городѣ болѣе 600 человекъ,—ведущихъ главную торговлю часами. Женева быстрѣ всѣхъ пошла подъ гору. Она безъ числа наплотила часовыхъ фабрикъ и магазиновъ, довела часы до тѣхъ низкихъ качествъ товара, которыя опредѣляются словомъ «*Camelote*». Когда-то такъ славившагося швейцарскаго часовыхъ дѣла мастера она низвела до степени обыкновеннаго рабочаго, и этотъ рабочій, какъ никакъ проходящій всетаки шьолу *искусства*, получаетъ за свой трудъ, какъ и самый заурядный слесарь, *50 сантимовъ въ часъ*... Довѣріе публики къ женевскимъ и вообще швейцарскимъ часамъ оказывается подорваннымъ въ корнѣ. Франція, еще не такъ давно не смѣвшая и думать о конкуренціи съ Швейцаріей по части часового искусства, подняла голову: въ Безансонѣ образовался и быстро расширяется весьма серьезный пунктъ французскаго часового производства, а обездоленные въ Женевѣ швейцарскіе рабочіе часовщики эмигрируютъ въ этотъ Безансонъ.

Все, казалось-бы, должно было указывать швейцарскимъ часовщикамъ на неизбежность поднятія родного ихъ искусства, на необходимость отрѣшиться отъ исключительнаго взгляда на часы,

какъ на товаръ, но они мало думаютъ объ этомъ и, пожалуй, правы по своему... Если принять во вниманіе, оставляя въ сторонѣ нѣмецкую Швейцарію, что одинъ только кантонъ Невшатель (по свѣдѣніямъ 1895 г.) выдѣлываетъ невѣроятное количество 3.000,000 штукъ часовъ въ годъ, да Женева, по меньшей мѣрѣ, столько же, то предпочтеніе часовщиками товара искусству станетъ понятнымъ... Но не тревожиться паденіемъ довѣрія публики и возникающей французскою конкуренціею часовщики, разумѣется, не могутъ и спѣшатъ выскрывать противодѣйствіе этому. Фактъ эмиграціи рабочихъ въ Безансонъ они въ своемъ «Journal suisse d'horlogerie» крайне просто, но далеко не удачно, объясняютъ происками французовъ, соблазняющихъ будто бы рабочихъ ложными обѣщаніями щедрыхъ заработковъ, а для приманки публики, проникаясь, вѣроятно, философскою мыслью, что «высшая степень развитія сходна по формѣ съ его началомъ», снова обратились къ правительственному контролю. Контроль учредился и начинаетъ работать бойко, свидѣтельствуя въ то же время именно этимъ о возрастающей необходимости приманивать извѣрившуюся публику) въ 1894 г. къ помощи контроля прибѣгало 29 торговыхъ домовъ, а въ 1895 уже 38), но на прежній контроль онъ только и походить, что *по формѣ*: онъ необязателенъ и, не слѣдя, кто и гдѣ дѣлаетъ часы, не устанавливая нормы ни для качества ихъ, ни для цѣны, контролруетъ, собственно говоря, самъ не зная что... Тѣмъ не менѣе, часовщики важно привѣщиваютъ къ своему товару бюллетени контроля, сваливаютъ предъ попавшимся въ просакъ покупателямъ все на контроль, контроль продолжаетъ клеймить часы, часы не хотятъ идти, виновныхъ, суда и расправы не находится... И такъ какъ дальше дорога уже прямо въ дебри, то покончимъ съ часовой группой и перейдемъ въ послѣднюю залу крыла павильона.

Въ послѣдней залѣ помѣщается *группа 3*—физическихъ приборовъ, аппаратовъ и инструментовъ. Группа эта вполне специальная. Изъ предметовъ входятъ въ нее лишь тѣ, которые имѣютъ назначеніемъ служить непосредственно научнымъ цѣлямъ; экспонентами состоятъ исключительно фабриканты и изобрѣтатели. Но и при всемъ этомъ экспонентовъ въ группѣ насчитывается до 40 человекъ, а выборъ предметовъ говоритъ о серьезной постановкѣ этого дѣла въ Швейцаріи. Астрономія, математика, физика, геодезія, метеорологія, оптика, фізіологія,—все находитъ себѣ мѣсто въ группѣ. Наружная отдѣлка предметовъ отличается необыкновенною тщательностью; о достоинствѣ ихъ надобно подождать отзыва экспертовъ. Но оно, болѣе или менѣе, извѣстно и безъ того по тѣмъ превосходнымъ образцамъ, какими пользуются швейцарскіе университеты, — бернскій, цюрихскій, женевскій. Швейцарцевъ французовъ наберется среди экспонентовъ группы человекъ не больше 6-ти, но и тѣ имѣютъ специальность лишь

практическую оптику—очки, бинокли, стереоскопы, допущенную въ группу за неизмѣнимъ другого пристанища. Итальянцевъ экспонентовъ нѣтъ совсѣмъ. Все производство сосредоточивается въ нѣмецкой Швейцаріи и, главнымъ образомъ, въ городахъ Бернѣ, Винтертурѣ, Шафгаузенѣ, Цюрихѣ и Аарау. Послѣдній отличается въ особенности и, насколько можно судить по подбору предметовъ, имѣетъ специальностью математическіе инструменты высокой точности.

По количеству предметовъ группа кажется нѣсколько бѣдною, но это скорѣе оттого, что въ нее многое не вошло. Изъ оптики выдѣлено, на примѣръ, все, касающееся фотографіи, образовавшей собою группу 26-ю; электрическіе аппараты отнесены къ группѣ 38-й электричества; многіе предметы по части геодезіи вошли въ группу 20-ю—картографическую. Кромѣ того, не мало предметовъ находится въ группѣ 17-й—воспитанія и образованія, какъ обстановка шкولъ, университетовъ и всякихъ ученыхъ обществъ.

На этомъ мы и остановимся въ обзорѣ группъ.

Машины павильона Рауля Пикте не приведены еще въ дѣйствіе, но чтенія свои ученый уже началъ.

Первая серія чтеній Пикте посвящается ознакомленію слушателей съ былыми теоріями теплоты, съ трудами работавшихъ на этомъ поприщѣ женецевъ: Лезажа, Марка—Огюста Пикте, Пьера Прево, причѣмъ демонстрируются (по правдѣ сказать, довольно театрално) старинные, неусовершенствованные приборы, служившіе имъ при опытахъ, воспроизводится опытъ Марка Пикте съ двумя вогнутыми зеркалами. Пикте указываетъ, что Ньютонъ первый далъ вѣрныя понятія, послужившія впоследствии къ устраненію старыхъ теорій, вродѣ теоріи флогистической, но что самъ не ушелъ въ этомъ дальше понятій своей эпохи, когда свѣтъ и теплота носили названіе невѣсомыхъ токовъ; что первый, возставшій противъ старыхъ предразсудковъ былъ женевецъ Лезажъ, чьи труды, долго оставшіеся подъ спудомъ, обнаружилъ потомъ Пьеръ Прево, показавъ этимъ образцовый примѣръ безкорыстія. Дальше изъ словъ Рауля Пикте слѣдуетъ, что работы по данному предмету Гей-Люссака, Араго, Лавуазье, Ампера вытекали непосредственно изъ трудовъ женецкихъ ученыхъ... Такому мужу, какъ Рауль Пикте, разумѣется, и книги въ руки, но непрерывное и настойчивое подчеркиваніе въ чтеніяхъ всякихъ заслугъ швейцарцевъ и непремѣнно женецевъ, попытки возвести Женеву чуть не на степень древнихъ Аѳинъ грозятъ обратить лекціи почтеннаго ученаго въ своего рода рекламу, а опыты (плата за входъ 2 фр.) въ занятныя представленія... Любить свою родину и служить ей по мѣрѣ силъ—дѣло, безспорно, хорошее, но серьезное, безпристрастное слово ученаго тутъ и желательнѣй, и полезнѣй, чѣмъ фейерверкъ легковѣсныхъ похвалъ...

Помимо прямого своего назначенія, павильонъ Рауля Пикте

служить также мѣстомъ для собраній конгрессовъ, имѣющихъ состояться во время выставки. Конгрессовъ этихъ не мало. Нѣкоторые изъ нихъ уже состоялись. Укажемъ на конгрессы: географическій, швейцарскаго синода старо-католиковъ, коммерческо-промышленный; ожидаются международные конгрессы: электро-технический и уголовно-антропологическій. Послѣдній будетъ длиться съ 24 по 29 августа. Весьма интереснымъ обѣщаетъ быть *женскій конгрессъ*. Онъ начнется 8 и кончится 12 сентября. Программа вопросовъ слѣдующая: роль женщины въ области общественныхъ интересовъ; воспитаніе и образованіе женщины; женскій заработокъ въ различнаго рода профессіяхъ; страхованіе женщинъ отъ безработицы, несчастныхъ случаевъ и болѣзней; участіе женщины въ общественномъ управленіи; права женщинъ, по дѣйствующимъ законамъ.

Изъ состоявшихся конгрессовъ отмѣтимъ *конгрессъ швейцарскихъ журналистовъ*, принявшій видъ пышнаго праздника прессы, длившагося безостановочно цѣлыхъ три дня.

Подъ предсѣдательствомъ Вильяма Сермана, редактора «*Journal de Genève*», составился комитетъ женевской прессы. Онъ созвалъ на конгрессъ всѣхъ швейцарскихъ журналистовъ и пригласилъ иностранныхъ, бывшихъ къ тому времени въ Женевѣ. Желѣзныя дороги предоставили журналистамъ даровой проѣздъ въ оба пути; пароходное общество, городъ Женева, комитетъ выставки — приняли на себя заботы по чествованію гостей.

Съѣздъ состоялся вечеромъ, 29 мая. Мѣстомъ сбора служило только что отстроенное, помѣстительное зданіе желѣзнодорожнаго буфета въ Женевѣ. Въ одной изъ залъ расположился комитетъ прессы и при немъ группа дѣвицъ-ассистентокъ, въ національныхъ костюмахъ кантоновъ Берна, Во и Апенцеля. На длинномъ столѣ виднѣлись ряды объемистыхъ пакетовъ, адресованныхъ ожидавшимся журналистамъ. Прибывавшіе съ поѣздами и изъ города журналисты проходили въ эту залу. Тамъ члены комитета вручали каждому журналисту его пакетъ съ каталогомъ выставки, программой конгресса и увеселеній, съ билетами на входъ во всякія собранія, а ассистентки украшали журналиста шелковой ковардой федеральныхъ цвѣтовъ (краснаго и бѣлаго), съ золотымъ перомъ на ней. Въ прочихъ залахъ накрыты были столы для ужина, и въ длинномъ, изысканномъ *тепи* бросался въ глаза «*salade russe*». Терраса зданія вся тонула въ зелени и цвѣтахъ, сіяла гирляндами фонарей и бенгальскими огнями.

Журналистовъ собралось больше 200 человекъ. То ожидаемое столѣтіе, о которомъ говорилъ г. Монуръ въ своей рѣчи, обращенной къ дамамъ при открытіи выставки, оказывалось для швейцарской прессы уже минувшимъ: среди собравшихся видѣлось не мало дамъ-журналистокъ, особенно изъ нѣмецкой Швейцаріи; была журналистка-голландка, совсѣмъ юная красавица, из-

вѣстная какъ замѣчательный синологъ; каждый журналистъ пользовался правомъ пригласить свою даму.

Ужинъ, при звукахъ оркестра музыки, при безчисленныхъ тостахъ и рѣчахъ, затянулся далеко за полночь... Но основное правило свое—дѣлу время, а потѣхъ часъ, швейцарцы не забываютъ никогда: заглядывая въ свои пакеты и справляясь съ программой, журналисты видѣли, что на завтра, въ 8 часовъ утра, полагается быть на открытiи конгресса, въ павильонѣ Рауля Пикте...

Конгрессъ открылся подѣ председательствомъ редактора газеты «*Ostschweiz*», Баумбергера, изъ С. Галлена.

Послѣ доклада председателя и чтенiя годичнаго отчета общества швейцарскихъ журналистовъ, начались пренiя по вопросамъ. Между прочимъ, конгрессъ постановилъ присоединиться къ проекту о слиянii национальныхъ обществъ журналистовъ въ одно—международное.

Въ даръ выставкѣ журналисты *поднеси*—если выраженiе это возможно въ такомъ случаѣ—альбомъ. Онъ представляетъ собой гигантскую книгу, размѣрами больше аршина въ длину, вѣсомъ въ нѣсколько пудовъ, заключающую въ себѣ по номеру каждой, издающейся въ Швейцарiи, газеты.

Въ 1 часъ дня состоялся официальный банкетъ въ ресторанѣ парка художествъ, а за нимъ послѣдовали другiя празднества въ честь прессы...

Н. Стѣверовъ.

На зарѣ русской поэзiи *).

Русская поэзiя. Собрание произведенiй русскихъ поэтовъ. Издается подѣ редакцiю С. А. Венгерова. Выпуски I—V. СПб. 1893—95 г.г.

IV.

Неводъ рыбакъ разстилалъ по берегу студенаго моря;
Мальчишекъ отцу помогаль. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи инья тебя ожидаютъ, инья заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ.

Такъ почтилъ Пушкинъ память Ломоносова, о которомъ намъ теперь предстоитъ говорить. Объ «удовленii умовъ» Ломоносовымъ мы будемъ разуждать дальше, а пока спросимъ: какимъ именно царямъ былъ Ломоносовъ помощникомъ? Только одному царю, ко-

*) См. № 6 «Русскаго Богатства».

тогого онъ никогда не видалъ, но могучій и великій образъ котораго жилъ въ его душѣ и былъ для него источникомъ вдохновенія и образцомъ для подражанія. «Блаженны тѣ очи, восклицала Ломоносовъ, которые божественнаго сего на землѣ мужа видѣли! Блаженны и трблаженны тѣ, которые потъ и кровь свою съ нимъ и за него проливали и которыхъ онъ за вѣрную службу въ главу и въ очи цѣловалъ помазанными своими устами!» Этотъ искренній и глубокий, никогда не ослабѣвавшій энтузіазмъ Ломоносова къ личности Петра даетъ ключъ къ уразумѣнію его собственной личности.

Среди ближайшихъ сотрудниковъ Петра, которыхъ Ломоносовъ называетъ «блаженными и трблаженными», нельзя указать ни одного, который бы по своимъ основнымъ нравственнымъ свойствамъ былъ ближе, родственнѣе Петру, нежели Ломоносовъ. Меншиковъ въ гораздо большей степени былъ человѣкомъ карьеры, нежели человѣкомъ идеи, и если за всѣмъ тѣмъ онъ работалъ очень хорошо на пользу не только своихъ личныхъ, но и общихъ интересовъ, то вѣдь работалъ буквально изъ-подъ палки, изъ-подъ знаменитой дубинки. Едва закрылись глаза Петра, Меншиковъ съ увлеченіемъ отдался устройству своихъ личныхъ дѣлишекъ, въ числѣ которыхъ вульгарнѣйшее набиваніе своего бездоннаго кармана занимало одно изъ первыхъ мѣстъ. Мы подчеркиваемъ именно эту черту Меншикова, потому что она въ особенности характерна: честолюбіе уживается, но корыстолюбіе не уживается *никогда* съ извѣстною силою и величіемъ духа. «А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россія въ счастіи и благоденствіи» — не Меншикову было понимать такой языкъ, и, конечно, онъ только подивился про себя чудачеству своего повелителя, но Петра понялъ бы тотъ, кто писалъ могущественному временщику: «не токмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у Самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметь». И Меншиковъ, и всѣ другіе сотрудники Петра были только хорошими исполнителями его плановъ и намѣреній, тогда какъ Ломоносовъ былъ чловѣкъ самостоятельной инициативы и въ этомъ отношеніи мало уступалъ Петру, если только уступалъ. Между московскимъ ханомъ и императоромъ европейскаго типа, конечно, дистанція огромнаго размѣра. Но меньше-ли дистанція между мужикомъ-рыболовомъ полудикаго, заброшеннаго края и блестяще-ученымъ академикомъ, творцомъ литературнаго языка? Задачи Петра были несравненно шире, препятствія, лежавшія на его пути, были гораздо серьезнѣе, но за то вѣдь онъ и выступилъ на свой путь не съ голыми руками, какъ Ломоносовъ, а вооруженный колоссальной властью, безграничнымъ авторитетомъ. Съ исторической точки зрѣнія Ломоносовъ не болѣе какъ пигмей рядомъ съ Петромъ, но въ глазахъ психолога удѣльный нравственный и умственный вѣсъ этихъ замѣчательныхъ людей приблизительно одинаковъ. Историческія заслуги Петра

безмѣрно превосходятъ историческія заслуги Ломоносова, но въ психологическомъ смыслѣ это не только братья, но и близнецы. Достаточно бѣгаго взгляда, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Начнемъ съ мелочей. Товарищъ Ломоносова по академіи—извѣстный Шлецеръ—сдѣлалъ замѣчаніе, что Ломоносовъ и Петръ умерли въ одномъ возрастѣ—54 лѣтъ. Для любителей историческихъ совпаденій это уже кое-что. Далѣе, оба они, мужичекъ и царевичъ, росли въ юности совершенными Митрофанами: Петръ шестнадцати лѣтъ отъ роду едва приступилъ къ изученію таинствъ *адисов*, т. е. простого арифметическаго сложенія, а познанія Ломоносова въ этомъ возрастѣ ограничивались простой грамотностью, преимущественно славянскою. Далѣе, судьба одинаково рано принудила ихъ къ активной борьбѣ, причемъ врагами у того и у другого явились женщины собственной семьи: у Петра—честолюбивая сестра, у Ломоносова—властолюбивая мачиха. Выйдя съ одинаковымъ успѣхомъ побѣдителями изъ этихъ столкновеній, оба они въ послѣдующей положительной своей дѣятельности обнаружили одно и то же основное свойство: быть тамъ, гдѣ нужно быть, и быть тѣмъ, чѣмъ нужно быть. Мореплаватель, плотникъ, бомбардиръ, законодатель—это Петръ; физикъ, химикъ, грамматикъ, поэтъ, администраторъ (въ академіи)—это Ломоносовъ. Оба были не спеціалисты, и оба были не бѣлоручки, а всякое дѣло, за которое они брались по нуждѣ или по охотѣ, кипѣло у нихъ въ рукахъ гораздо лучше, чѣмъ у иного мнительнаго спеціалиста. Оттого-то, проживши, сравнительно, такъ мало (54 года—далеко не старость), они оба успѣли исполнить такую массу работы, которая изумляетъ посторонняго наблюдателя. «Дѣлу время, а потѣхѣ часъ»—это было любимымъ лозунгомъ обоихъ, т. е. не лозунгомъ—такія натуры вообще не знаютъ никакихъ обязательныхъ правилъ, принциповъ, лозунговъ, а самую сущность ихъ характеровъ, ихъ природу. Столь схожіе между собою въ «дѣлѣ», они были сходны и въ «потѣхѣ»... То же самое слѣдуетъ сказать и о другой, въ высшей степени некультурной привычкѣ нашихъ героевъ, привычкѣ, которая, впрочемъ, была по тому времени не столько «потѣхою», сколько «дѣломъ» и зачастую даже нужнымъ; мы говоримъ объ ихъ всегдашней готовности прибѣгать къ рукопашной расправѣ. Петръ Алексѣевичъ въ этомъ отношеніи достаточно извѣстенъ, а что касается Михаила Васильевича, то въ статьѣ профессора Булича, вошедшей въ сборникъ г. Венгерова, имѣются на этотъ счетъ прекуррезные данныя. Академическая конференція обратилась съ жалобой на Ломоносова, въ которой говорилось, что Ломоносовъ, въ конференціи «ругаясь профессору Винсгейму, остановился и весьма неприличнымъ образомъ безчестной и крайнѣ поносной знакъ самымъ подлымъ и безстыднымъ образомъ руками сдѣлалъ, называлъ профессоровъ плутами и другими словами, чего и писать стыдно, грозилъ профессору Винсгейму, что-де онъ ему зубы поправить» и пр. Это былъ только

одинъ изъ многочисленныхъ эпизодовъ борьбы Ломоносова съ академическими нѣмцами. «Въ борѣбѣ этой Ломоносовъ поступаетъ, какъ школьникъ»—не безъ раздраженія замѣчаетъ г. профессоръ Буличъ. Мы ничего не имѣемъ сказать противъ этого тонкаго и справедливаго замѣчанія, точно также какъ не сдумѣли бы возразить и тому, кто назвалъ бы школьническою выходкою хотя бы вотъ эту коротенькую записочку: «Алексахка! По тебѣ, видно, моя дубинка плачетъ!» Въ самомъ дѣлѣ нехорошо... Дубинка плачетъ, зубы поправлю—какая грубость, какая школьническая неблаговоспитанность? Такъ-то оно такъ, только одинъ изъ этихъ «школьниковъ» называется Ломоносовымъ, другой Петромъ—Петромъ Великимъ!—тогда какъ мы съ господиномъ Буличемъ, мы, благословитанные, кто бышь мы такіе?

Это, впрочемъ, мимоходомъ. Если Петръ, по замѣчанію Бѣлинскаго, съ восторгомъ обнялъ бы Кантемира, то интересно спросить, съ какимъ чувствомъ онъ отнесся бы къ Ломоносову? Отвѣчаемъ съ увѣренностью: не только съ радостью, съ *восторгомъ*, но и съ чувствомъ гордости, съ чувствомъ глубокаго нравственнаго удовлетворенія. Я это зналъ, я именно этого отъ своего народа и ожидалъ, сказалъ бы Великій. Конечно, «лучше чужой хорошій, нежели свой худой», по собственному выраженію Петра, но еще лучше—свой хорошій, а Ломоносовъ (не говоря о прочемъ) имѣлъ передъ Кантемиромъ и это преимущество. Сынъ молдавскаго господаря, Кантемиръ былъ всетаки «хорошій чужой», тогда какъ сынъ архангельскаго рыбака былъ ужъ несомнѣнно *свой* и какой хорошій свой! Никакое обрусѣніе не придаетъ духу обрусившагося человѣка тѣхъ коренныхъ національныхъ нравственныхъ стихій, которыя передаются только рожденіемъ, преемственностью чисто физиологическаго происхожденія. Во всякомъ случаѣ, эта задача полнаго слиянія съ духомъ чужого народа можетъ быть рѣшена въ условіяхъ жизни не одного (какъ это было у Кантемира), а цѣлаго ряда поколѣній. Въ Ломоносовѣ-то прежде всего и дорого было, что онъ явился изъ самой глубины народнаго моря, не какъ случайная жемчужина, а какъ могучая волна этого самого моря, выплеснутая на берегъ попутнымъ вѣтромъ историческихъ и личныхъ обстоятельствъ. Историческія обстоятельства заключались въ томъ кличѣ, который на всю Россію кликнулъ Петръ ко всему, что было въ ней умственно дѣятельнаго, свѣжаго и энергичнаго, и который не могъ не дойти до любознательнаго юноши, родину котораго не однажды посетилъ царь-реформаторъ. Личныя обстоятельства заключались въ семейномъ гнетѣ, отъ котораго надо было спастись бѣгствомъ. Примѣръ царя-работника былъ самой лучшей, самой убѣдительною прокламаціей. Петръ умеръ, но не умерла его идея. Наоборотъ, быстро окруженная ореоломъ легенды, личность великаго покойника стала дѣйствовать не только на умъ, но и на фантазію, на воображеніе воспримчивыхъ русскихъ людей, не утрачивая въ то же вре-

ми своей реальной силы. На первых, самых трудных шагах Ломоносова на новомъ пути ему помогъ Теофанъ Прокоповичъ, горячій послѣдователь идей Петра, и, конечно, это не слѣпая случайность. Какъ это и всегда бываетъ съ жизнеспособными идеями, послѣдователи ихъ только тѣснѣе сплотились между собою послѣ смерти своего вождя и учителя, усердно занимаясь вербовкою въ свои ряды новыхъ и свѣжихъ силъ. Ломоносовъ долженъ былъ явиться для Прокоповича такою же находкою, какою онъ самъ былъ для Петра. Такимъ образомъ, Ломоносовъ есть прямое созданіе Петра—не креатура, какъ Меншиковъ,—а именно созданіе, какъ и вся новая Россія. Въ лицѣ Ломоносова самые глубокіе и коренные пласты русскаго народа дали дѣлу Петра торжественную санкцію. Кровный сынъ русскаго народа оказался роднымъ братомъ по духу съ крутымъ вводителемъ заморскихъ новшествъ, а это значило, что и Петръ Россіи былъ не пасынокъ, какъ въ этомъ пятьдесятъ лѣтъ подъярьдъ увѣряли насъ наши славянофилы.

Таково, въ самыхъ общихъ чертахъ, значеніе нравственной личности Ломоносова. А въ чемъ его положительныя заслуги? По свойству нашей темы, мы можемъ говорить здѣсь о Ломоносовѣ, какъ о поэтѣ только, оставляя въ сторонѣ его научные труды и его учено-организаторскія начинанія. Но дѣло въ томъ, что Ломоносовъ былъ настолько же поэтъ, насколько Петръ былъ плотникъ или кузнецъ. Призванія къ поэзій у него не было ни малѣйшаго, и если, тѣмъ не менѣе, онъ ковалъ стихи и обтесывалъ рими, то дѣлалъ это, не какъ поэтъ, а какъ риторъ и грамматикъ, въ интересахъ развитія и обогащенія языка, не больше того. Разумѣется, и это было дѣло и даже большое дѣло, необходимое для литературы вообще, но собственно о поэзій тутъ не можетъ быть и рѣчи. Неподдѣльную поэзію можно было найти въ то время только въ древнихъ народныхъ былинахъ и сказаніяхъ, подражать которымъ было нельзя, да было, по тогдашнимъ понятіямъ, и несомнѣнно съ академическимъ достоинствомъ. Ломоносовъ дебютировалъ, какъ стихотворецъ, одою «на взятіе Хотина», и вотъ что говоритъ объ этой одѣ профессоръ Буличъ: «Знаменитая ода эта, которою началась русская поэзія и въ которой заговорила она языкомъ и звуками, до тѣхъ поръ несслыханными, обязана своимъ происхожденіемъ побѣдѣ Минина». Какіе же это были *несслыханные звуки*? Я терпѣливо вчитывался въ пресловутую оду, и каждый разъ передъ мной возставала оскорбленная тѣнь Василія Кирилловича, какъ бы говорившая: вотъ какъ пишутъ исторію! Да, въ самомъ дѣлѣ такъ исторію писать нельзя. Ода Ломоносова непомерно длинна,—въ ней около трехсотъ стиховъ,—и мы, въ видахъ безпристрастія, возьмемъ для цитаты среднюю по мѣстоположенію строфу. Вотъ эта, преисполненная *несслыханныхъ звуковъ*, строфа.

Златой уже денницы персть
Завѣсу свѣта вскрыль съ звѣздами;

Отъ востока скачетъ по сту верстѣ,
 Пуская искры конь поздрями.
 Лицомъ сіяетъ Фебъ на томъ
 Онъ пламеннымъ потрясъ верхомъ,
 Пресловно дѣло зря, дивится:
 Я мало таеовыхъ видалъ
 Побѣдъ, коль долго я блисталъ,
 Коль долго кругъ вѣковъ катится.

То есть, понимаете, Фебъ, сирѣчь солнце, дивится на ставучанскую побѣду и говорить, что онъ мало таеовыхъ видалъ. Немного же онъ видалъ, по правдѣ сказать! Но не въ томъ дѣло. Ода Ломоносова написана въ 1739 году. А вотъ, напримѣръ, «Пѣснь на новый 1732 годъ» Василія Кирилловича Третьяковскаго, т. е. собственно двѣ строфы изъ нея:

Начинаемъ Новый годъ!
 Росскій радуйся Народъ!
 Благодать намъ изобильна
 Отъ Всевѣчна и Всесильна.
 Мѣрень хладъ внесетъ зима,
 Сѣвъ Весна взраститъ сама;
 Лѣто во влагѣ тотъ согрѣетъ;
 Въ Осень многій плодъ созрѣетъ.

Господа профессора, объясните намъ съ Василюмъ Кирилловичемъ,—чѣмъ ломоносовское издѣліе лучше нашей «пѣсни»? А вѣдь «пѣснь» ровно на семь лѣтъ старше «оды». «Персть—версть», «востокъ», «потрясъ верхомъ»—неужели это именно и есть *несмѣланные звуки*, съ которыхъ началась наша поэзія? Если бы игра стояла свѣтъ, мы доказали бы подробнымъ разборомъ, что «Пѣснь» и по содержанію, и по формѣ частью не хуже, а частью лучше ломоносовской оды, хотя, конечно, и «Пѣснь» въ болѣе чѣмъ достаточной степени нелѣпа. Повторяемъ: у Ломоносова не было и тѣни поэтическаго дарованія, и онъ могъ оказать и, дѣйствительно, оказалъ услуги только версификаціи нашей.

Возьмемъ еще для примѣра классическую духовную оду Ломоносова: «О ты, что въ горести напрасно», до того извѣстную, что на нее предъявлялъ даже Хлестаковъ авторскія права. Напряженно-торжественный тонъ этой оды очень искусно выдержанъ до конца, но это тонъ ритора, а не поэта. «Поэтомъ нужно родиться, ораторомъ можно сдѣлаться»—Ломоносовъ собственнымъ примѣромъ доказалъ справедливость этого стараго изреченія. Онъ ораторствуетъ въ стихахъ по всѣмъ правиламъ риторики и версификаціи—вотъ вся его такъ называемая поэзія. Превосходно зная языкъ и изучивши основательно всяческія фигуры: хрип, тропы и стопы, онъ пользуется этимъ своимъ знаніемъ, какъ самый обыкновенный техникъ. Того внутренняго волненія, которое мы подмѣчаемъ у каждаго истиннаго поэта, того чувства, которое согрѣваетъ каждое поэтическое произведеніе—ничего этого у Ломоносова и въ поминѣ

нѣтъ. Не объ официальныхъ, хвалебныхъ одахъ его мы говоримъ: объ нихъ ужъ и говорить нечего. Это—не литературныя произведенія, а прямо таки служебныя *бумаги*, которыя написаны по чиновничьей обязанности и которымъ недостаетъ только такого-то входящаго или исходящаго номера. Мы говоримъ о тѣхъ стихотворныхъ произведеніяхъ Ломоносова, въ которыхъ онъ могъ быть самимъ собой, сохранить полную искренность,—о его, напр., духовныхъ одахъ и переложеніяхъ псалмовъ. Вотъ, для образчика, хотя бы «Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ». Это «размышленіе» состоитъ главнымъ образомъ въ описаніи.... физическаго строенія солнца! Солнце—это «горящій вѣчно океанъ».

Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ,
Тамъ вихри пламенны крутятся
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, выпяты,
Горящи тамъ дожди шумятъ.

Кто это *размышляетъ*—поэтъ или естествоиспытатель? Этотъ вопросъ относительно Ломоносова приходится задавать постоянно. нѣсколько лишь варьируя его форму (поэтъ или философъ? поэтъ или ораторъ?) И отвѣтъ всегда одинъ и тотъ же: несомнѣнно умный, краснорѣчивый, ученый человекъ, но ужъ во всякомъ случаѣ не поэтъ. Онъ очень хорошо резонируетъ, но гдѣ же то воодушевленіе предметомъ, безъ котораго поэзія не существуетъ? Въ нашихъ народныхъ былинахъ часто повторяется такой рефренъ:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ-море,
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты днѣпровскіе.

И безсвязно, и невразумительно, и не логично: высота—высота, глубота—глубота и вдругъ, ни съ того—ни съ сего, омуты *днѣпровскіе*! А чувствуется, между тѣмъ, что неизвѣстный авторъ этого припѣва былъ изъ числа тѣхъ людей, которые съ природой одною жизнью живутъ. Этотъ припѣвъ преисполненъ пантеистическаго восторга, онъ созданъ въ минуту страстнаго восхищенія широкимъ раздольемъ земли, и оттого то въ немъ есть поэзія, непосредственная, наивная, но не поддѣльная. Ломоносовъ *размышляетъ* о величии Божіемъ и *доказываетъ* это величіе тѣмъ, что даже солнце. «горящій вѣчно океанъ» ничто въ сравненіи съ божествомъ, но если ужъ на то пошло, то, конечно, въ наивной восторженности былиннаго рефрена несравненно больше религіознаго чувства, нежели въ риемованной диссертациі Ломоносова. Страстный и увлекающійся человекъ въ жизни, Ломоносовъ въ поэзіи былъ сухъ, холоденъ и академически чопоренъ. Его любовь и уваженіе къ Петру были безграничны и глубоко-искренни, но если вы будете искать этихъ

чувствъ въ его поэмѣ «Петръ Великій», васъ постигнетъ разочарованіе: ни одного живого слова, ни одного пылкаго движенія, ни одного сердечнаго выраженія не найдете вы въ этой странной поэмѣ, точно рѣчь идетъ въ ней не о царѣ Петрѣ, а о какомъ-нибудь царѣ Горохѣ. Пою, говоритъ Ломоносовъ, премудраго російскаго героя,

Что грады новыя, поля и флоты строя,
Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой вель войну,
Сквозь страхи проходя, вознесъ свою страну,
Смирилъ злодѣевъ внутрь и внѣ поправъ противныхъ,
Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и льстивныхъ,
Среди военныхъ буръ науки намъ открылъ
И мѣръ дѣлами весь и зависть удивилъ.

Такъ написана вся «поэма». Разумѣется, въ ней нѣтъ такихъ смѣшныхъ недѣлностей, какими переполнена «Тилемахида» Третьяковскаго, но нѣтъ и поэзіи, да нѣтъ и самого Петра, а есть только высокопарныя фразы, украшенныя гладкими, по тому времени, приемами. Наибольшее одушевленіе проявилъ Ломоносовъ въ воспѣваніи великихъ достоинствъ и великой пользы *стекла*, въ известномъ письмѣ къ Шувалову. Конечно, Ломоносовъ не восклицаетъ «пою стекло»—это было бы смѣшно, а Ломоносовъ никогда смѣшенъ не былъ—но на самомъ дѣлѣ онъ именно воспѣваетъ стекло, какъ какого-нибудь героя. Съ перваго же приступа къ защитѣ стекла онъ обнаруживаетъ большую горячность:

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которыя стекло чтутъ ниже минераловъ,
Приманчивымъ лучемъ блистающихъ въ глаза:
Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ краса.

Не меньше, не меньше! «Любезное дитя, прекрасное стекло», съ чувствомъ восклицаетъ Ломоносовъ далѣе и переходитъ къ исчисленію великихъ достоинствъ стекла. Оно (въ окнахъ) защищаетъ насъ отъ «неистоваго Борея», въ видѣ бисера оно «подобится жемчугу», оно «подать намъ зрѣніе умѣетъ черезъ очки», оно, въ микроскопѣ, «прибавивъ ростъ вещей, являетъ травъ разборъ и знаніе врачебно», а въ барометрѣ предвѣщаетъ вѣтры и пр. и пр. Изъ за драгоценныхъ камней происходятъ воровства, грабежи и убійства.

О, сколь великій вредъ! Отъ зла рождалось зло.
Виною толикихъ бѣдъ бываетъ ли стекло?
Никакъ! Оно вездѣ нашъ духъ увеселяетъ,
Полезно молодымъ и старымъ помогаетъ.

Защита стекла, какъ видите, и убѣдительна, и горяча, а форма этой защиты вполне безукоризненна, лучше (потому что проще), нежели въ «поэмѣ» о Петрѣ. Что же все это значитъ? Но все то же, что мы доказываемъ съ самаго начала, т. е. то, что Ломоносовъ

никогда не был и не могъ быть поэтомъ, хотя и писалъ стихи, совершенно также какъ Петръ не былъ плотникомъ и столяромъ, хотя очень удовлетворительно и плотничалъ, и столярничалъ. Не былъ Ломоносовъ и ученымъ, хотя и создавалъ блестящія научныя теории, опять такъ же, какъ Петръ не былъ полководцемъ, хотя и одержалъ много побѣдъ. Царями они оба были. Да, царями, *первыми людьми*—Петръ во всѣхъ сферахъ государственной и общественной жизни, Ломоносовъ—въ области интеллектуальнаго развитія. Вотъ два великихъ работника, изъ которыхъ одинъ спустился до работы съ головокружительною высотой престола, а другой поднялся до той же работы съ низины архангельскихъ тундръ и болотъ. *Для той же самой работы*, говоримъ мы. Каждая полоса желѣза, выкованная Петромъ, каждый ударъ его топора или молота твердилъ русскому человѣку: работай, работай, работай! учиись, учиись, учиись! иди, иди, иди! *То же самое* говорилъ каждый стихъ, написанный Ломоносовымъ, каждый физическій инструментъ въ его кабинетѣ, всѣ его хлопоты по расширенію у насъ образованія и всѣ его ссоры и драки съ противниками. Я—царь и однако вотъ рублю, строгаю, кую—вотъ, что говорилъ примѣръ Петра. Я—мужикъ и однако вотъ пишу, сочиняю стихи, философствую, эксперименты дѣлаю—вотъ, что говорилъ примѣръ Ломоносова. Стулья и столы, сдѣланные Петромъ, какъ мебель, ничего не стоятъ и годятся только на дрова, стихи Ломоносова, какъ поэтическія произведенія, тоже ничего не стоятъ и годятся только для растопки печей. Но эти петровскіе столы и стулья—государственныя реликвіи, къ которымъ еще придутъ поклониться десятки будущихъ поколѣній. Точно также эти вирши Ломоносова—литературныя реликвіи, которыя не покроются пылью, пока существуетъ русская литература. Не поэтомъ и не ученымъ былъ Ломоносовъ, а провозвѣстникомъ нашего самосознанія, того самосознанія, которое провидѣло надобность и возможность

доказать,

Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

V.

Восемнадцатый вѣкъ — вѣкъ зарожденія нашей литературы — довольно явственно раздѣляется на три части, на три періода. Первый періодъ—отъ начала столѣтія до смерти Петра, послѣдовавшей въ 1725 году; второй періодъ — отъ смерти Петра до вступленія на престолъ Екатерины II, совершившагося въ 1762 году; третій періодъ обнимаетъ собою все царствованіе Екатерины II и послѣдніе четыре года столѣтія. Это подраздѣленіе наше несколько не произвольно, оно основывается на судьбахъ той идеи, которую

внесъ Петръ въ нашу исторію. Окно въ Европу прорублено, идея развитія укрѣпилась корнями въ землю, дѣло національнаго самосознанія поставлено на вѣрную дорогу — это первый, петровскій періодъ. Послѣдующія шесть царствованій (до Екатерины II) не расширили, но и не сдузили прорубленнаго окна, и въ этотъ періодъ настоящимъ духовнымъ преемникомъ Петра былъ именно Ломоносовъ, человекъ хотя не частный (какъ впоследствии Новиковъ), но и не государственный. Здѣсь будетъ кстати привести замѣчаніе Пушкина, на этотъ разъ за тѣмъ, чтобы вполне съ нимъ согласиться. «Между Петромъ I и Екатериной II Ломоносовъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія; онъ былъ первымъ нашимъ университетомъ». Значеніе Ломоносова опредѣлено въ этихъ немногихъ словахъ совершенно правильно. Въ третьемъ періодѣ инициатива развитія и просвѣщенія опять переходитъ въ руки государственной власти: Великая оказалась достаточно сильной для того, чтобы не только поддержать, сохранить, но и дать дальнѣйшее развитіе дѣлу Великаго.

Передъ нами пока второй періодъ, который съ полнымъ основаніемъ можно назвать ломоносовскимъ. Ломоносовъ былъ не единственнымъ писателемъ и не единственнымъ ученымъ въ это время, и всетаки онъ былъ одинъ въ полѣ воинъ. Тредьяковскій тоже былъ писателемъ и ученымъ, но вотъ какъ Ломоносовъ отзывался о немъ:

Безбожникъ и ханжа, подметныхъ писемъ враль!
 Твой мерзкій складъ давно и смѣхъ намъ, и печаль:
 Печаль, что ты изымъ російскій развращаешь,
 А смѣхъ, что ты тѣмъ зломъ затмить достойныхъ чаешь.
 Но плюемъ мы на срамъ твоихъ поганыхъ вракъ:
 Уже за тридцать лѣтъ ты записной дуракъ.

Не менѣе рѣзко отзывался Ломоносовъ и о другомъ своемъ современникѣ — Сумароковѣ, въ которомъ онъ видѣлъ человека, «который ничего другого не говоритъ, какъ только всѣхъ бранить, себя хвалить и *бѣдное свое речемачество выше всего человеческаго знанія ставить*». Этотъ послѣдній упрекъ можно было направить не только противъ Сумарокова, но и противъ всѣхъ постовъ того времени, за исключеніемъ Кантемира и самого Ломоносова. Похвалить самого себя не прочь былъ и Ломоносовъ, но поэзія или, точнѣе, речемачество было для него (также какъ и для Кантемира) не цѣлью, а средствомъ, не дѣломъ, а только подспорьемъ къ настоящему дѣлу, которое состояло въ расширеніи общаго просвѣщенія, умственнаго (предметъ усилій Ломоносова) и нравственнаго (предметъ усилій Кантемира). Ни о чемъ подобномъ не думалъ Сумароковъ, и не только Сумароковъ, но и писатели болѣе поздніе: напримѣръ, Богдановичъ, умершій въ началѣ *девятнадцатаго* вѣка. Главнѣйшее произведеніе этого поэта «Душенька, древняя повѣсть, въ вольныхъ стихахъ». Произведеніемъ

этимъ зачитывались наши дѣды и прадѣды и торжественно величали Богдановича «Авторомъ Душеньки», но ужь, конечно, Петръ не обнялъ бы Богдановича, какъ и Тредьяковскаго, а Ломоносовъ сказалъ бы, что эта «древняя повѣсть» — *бѣдное ризмачество*. Богдановичъ говорилъ:

Любя свободу я мою
 Не для похвалъ себѣ пою,
 Но чтобъ въ часы прохлады, веселья и покоя
 Приятно разсмѣялась Хлюя.

Ну, и убирайся ты къ Хлюѣ, а намъ некогда, сказали бы Богдановичу и Петръ, и Кантемиръ, и Ломоносовъ. То же самое съ полнымъ правомъ они могли бы сказать и Сумарокову, и Хераскову, и Василию Майкову, и Кострову, и Петрову, и т. д. и т. д. Все эти писатели были, конечно, не ниже средняго уровня своей эпохи, но далеко ниже петровскихъ идей, на высотѣ которыхъ даже въ позднѣйшую, екатерининскую эпоху стояли въ литературѣ, кромѣ самой Екатерины, только Фонъ-Визинъ, Державинъ, Радищевъ, Новиковъ и отчасти Хемницеръ.

Припомнимъ въ общихъ чертахъ характеръ того времени или, точнѣе, того безвременья, которое отделяетъ царствованіе Петра отъ царствованія Екатерины II. Никакой идеи это безвременье собой не выражало, его характеромъ была полнѣйшая безхарактерность. Можно-ли представить себѣ что нибудь случайнѣе бироновскаго террористическаго режима? Можно: наше участіе въ семилѣтней войнѣ было еще случайнѣе. «Мы, русскіе, другъ друга ѣдимъ и съ того сыты бываемъ», — писалъ о своемъ времени Вольтеръ, одинъ изъ самыхъ усердныхъ ѣдуновъ, и это была правда, но не вся, не полная правда. Ъли и нѣмцы другъ друга, какъ съѣлъ Минихъ Бирона, ѡли и нѣмцы русскихъ, какъ Биронъ съѣлъ Волынскаго, и ѡли русскіе нѣмцевъ, даже такихъ, какъ Минихъ и Остерманъ. Во имя чего производилось это взаимное ожесточенное поѣданіе? Когда летѣли съ плечъ одна за другою сотни стрѣлцескихъ головъ, самый тупой человекъ могъ бы удовлетворительно объяснить историческій смыслъ этой кровавой расправы, но какой Эдипъ раскрылъ бы таинственный смыслъ этихъ паденій, возвышеній, прононціаментовъ и т. п., характеризующихъ послѣ-петровскую эпоху? Иванъ подставилъ ногу Сидору, а векоръ и самъ полетѣлъ отъ затрещины Карпа—все это было очень важно для Ивана, Сидора и Карпа, но Россія, благоденствіе которой еще такъ недавно было провозглашено превыше всякаго личнаго, хотя бы то и драгоцѣннаго существованія («а о Петръ вѣдайте» и пр.)—Россія была совершенно не при чемъ въ этихъ свалкахъ личныхъ самолюбія и честолюбія. Исчезло, повидимому, самое понятіе о Россіи, какъ объ отечествѣ, и осталось лишь воззрѣніе на нее, какъ на дойную корову, какъ на терпѣливую поставщицу денегъ и пушечнаго мяса. Не церемонился, конечно, въ этомъ смыслѣ и

Петръ, Да... жертвы быливелики, но за то вотъ вамъ Петербургъ, вотъ флотъ, вотъ Полтава. А въ семилѣтнюю войну, имѣя полную возможность раздавить Фридриха такъ, что Бисмарку и объединять ничего не осталось бы, мы кончили тѣмъ, что послали на помощь цѣлый корпусъ своему злѣйшему врагу. Отсутствие регулирующей государственной идеи сказалось въ этомъ фактѣ съ особенною яркостью. Вѣдь не щепки, а трудовыя русскія деньги, и не соломенные чучелы, а живые русскіе люди тратились на борьбу съ Фридрихомъ, борьбу, закончившуюся съ нашей стороны глубокимъ и почтительнымъ реверансомъ. Капризный случай или случайный капризъ—вотъ кто былъ въ то несчастное время вершителемъ нашихъ историческихъ судебъ.

Каково было общество, таково, конечно, была и литература. Только въ лицѣ лучшихъ, даровитѣйшихъ своихъ представителей литература возвышается надъ обществомъ и является его вождемъ, средній же уровень ея всегда бываетъ какъ разъ по плечу жизни. Такимъ вождемъ былъ только одинъ Ломоносовъ въ то время, а прочіе писатели усердно предавались «бѣдному риемачеству». Предупреждая возможные возраженія, мы спѣшимъ согласиться, что, по условіямъ мѣста и времени, нужно и полезно было даже «бѣдное риемачество», т. е. безыдейное стихослагательство. Пусть, пусть гоголевскіе Петрушки, читающіе для процесса чтенія, наслаждаются произведеніями, написанными для процесса писанія — это во всякомъ случаѣ шагъ къ сближенію читателя съ книгой. Съ этой точки зрѣнія полезенъ рѣшительно всякій писатель, даже самый бездарный, потому что *chaque sot trouve toujours un plus sot, qui l'admire*. Полезны были въ силу этого и всѣ «бѣдные риемачи» того времени, какъ полезны по своему и риемачи нашего времени. Типичнѣйшимъ изъ риемачей и крупнѣйшимъ литературнымъ представителемъ тогдашняго общества былъ, разумѣется, Сумароковъ, на которомъ мы и остановимся съ тѣмъ, чтобы въ его лицѣ характеризовать всѣхъ риемачей восемнадцатаго вѣка и такимъ образомъ разомъ раздѣлаться съ ними.

«Сумароковъ въ массѣ общества имѣлъ гораздо большій успѣхъ, чѣмъ Ломоносовъ—человѣкъ неизмѣримо высшій Сумарокова». Это замѣчаніе Бѣлинскаго содержитъ въ себѣ указаніе на фактъ, не подлежащій сомнѣнію. «Направленіе Ломоносова было болѣе ученое и книжное, а Сумарокова болѣе жизненное и общественное», Таково объясненіе, которое даетъ Бѣлинскій указанному факту. То же самое повторяетъ и профессоръ Буличъ, въ своей статьѣ о Сумароковѣ, усиливая мнѣніе Бѣлинскаго лишь въ томъ смыслѣ, который еще болѣе неблагоприятенъ для Ломоносова. «Въ этомъ быстромъ возрастаніи нашей литературы, говоритъ г. Буличъ, въ этомъ времени ея исполнскаго развитія, Сумароковъ былъ самымъ живымъ, самымъ дѣятельнымъ лицомъ. Кажется, всѣ направленія всѣ формы литературныя, были, если не созданы имъ, то вызваны

подъ его вліяніемъ. Онъ одинъ заключаетъ въ себѣ всю тогдашнюю литературу, а потому его литературная дѣятельность стоитъ подробнаго разбора. Онъ былъ совершенно представителемъ своего времени, сыномъ его. Общественное развитіе Россіи въ этотъ періодъ времени вполнѣ выражается въ сочиненіяхъ Сумарокова. Ломоносовъ слишкомъ далеко уходилъ отъ жизни въ своихъ одахъ, фантазія его встала на недоступныхъ высотахъ и, запѣвъ первую оду и тѣмъ положивъ основаніе нашей литературѣ, онъ не развивался вмѣстѣ съ обществомъ. Его заслуга — въ созданіи стремленія къ наукѣ, въ созданіи началъ ея. Здѣсь онъ творецъ, и дѣло его соотвѣтствуетъ дѣлу Петра Великаго въ нашей исторіи. Сумароковъ же былъ продолжателемъ, имѣвшимъ то, чего не было у послѣдняго, но составляло главное достоинство Сумарокова — чувство сознанія исторической истины».

Не легко, конечно, а надо распутаться въ этихъ хитросплетеніяхъ. «Сумароковъ былъ самымъ живымъ, самымъ дѣятельнымъ лицомъ». Ну, это еще неизвѣстно. Неизвѣстно еще, кто больше фунтовъ или пудовъ бумаги исписалъ — Сумароковъ или его врагъ и соперникъ Василій Кирилловичъ. Сумароковъ былъ бесспорно даровитѣе Тредьяковского, насколько вообще посредственность даровитѣе круглой бездарности, но кто изъ нихъ былъ дѣятельнѣе — это, повторяемъ, еще вопросъ. Сумароковъ — «одинъ заключаетъ въ себѣ всю тогдашнюю литературу» — т. е. значить и Ломоносова, того Ломоносова, который презрительно говорилъ о «бѣдномъ речемъ» Сумарокова? Сумароковъ «былъ совершенно представителемъ своего времени, сыномъ его» — эта сладкая похвала превращается въ горькую иронию, когда мы вспомнимъ, о какомъ обществѣ, о какомъ историческомъ моментѣ идетъ рѣчь. «Ломоносовъ — не развивался вмѣстѣ съ обществомъ» — да, конечно, такъ же, какъ не былъ и сыномъ этого общества: онъ былъ духовнымъ сыномъ Петра и развивался въ его традиціяхъ, очень хорошо забытыхъ тѣмъ обществомъ, совершеннымъ представителемъ котораго былъ Сумароковъ. Но потому-то именно Ломоносовъ — «человѣкъ неизмѣримо высшій Сумарокова», по замѣчанію Бѣлинскаго. «Сумароковъ былъ продолжателемъ» — любопытно узнать — кого или чего продолжателемъ? По смыслу предыдущихъ фразъ выходитъ какъ будто — продолжателемъ Петра, но такое утвержденіе было бы до того несообразно, что мы лучше ужъ оставимъ вопросъ открытымъ. Наконецъ, Сумароковъ имѣлъ «чувство сознанія исторической истины, котораго былъ лишенъ Ломоносовъ». Это что такое? Мы задумывались надъ этой шарадой, но разгадать ее не сумѣли. Ясно только, что профессоръ-критикъ симпатизируетъ Сумарокову и не благоволяетъ къ Ломоносову — обстоятельство, уже нисколько не загадочное.

Вотъ какъ пишутъ исторію! Не ясенъ взглядъ и самого Бѣлинскаго на Сумарокова. Въ одномъ мѣстѣ Бѣлинскій говоритъ, что «не изучивъ Сумарокова, нельзя понимать и его эпохи», а въ дру-

гомъ мѣстѣ утверждаетъ, что «годы и здравый смыслъ давно уже произнесли свой судъ надъ поэтическими произведеніями Сумарокова: ихъ теперь невозможно читать, не смотря на то, что современники ими восхищались». Изъ этого, кажется, неотразимо-логически слѣдуетъ тотъ выводъ, что эпоху Сумарокова намъ невозможно понять. Дѣло, однако, стоитъ не такъ безнадежно: и Сумарокова читать, вооружившись терпѣніемъ, можно, и эпоху его можно понять, не терзая себя изученіемъ его произведеній. Поэзія Сумарокова совсѣмъ не представляетъ собою *первоисточника*, изученіе котораго обязательно для историка: это перепѣвы чужихъ мотивовъ, какъ это и всегда бываетъ съ дарованіями второго и третьяго сорта. Возьмемъ хотя бы тотъ отрывокъ изъ сатиры Сумарокова «О благородствѣ», который еочувственно цитируется Бѣлинскимъ:

Сю сатиру вамъ, дворяна, приношу!
 Ко членамъ первымъ я отечества пишу.
 Дворяня, безъ меня, свой долгъ довольно знаютъ:
 Но многія одно дворянство вспоминаютъ,
 Не помня, что отъ бабъ рожденныхъ и отъ дамъ,
 Безъ исключенія всѣмъ праотецъ Адамъ.
 На толь дворяня мы, чтобъ люди работали,
 А мы бы ихъ труды по знатности глотали?
 Какое барина различье съ мужикомъ,
 И тотъ, и тотъ земли одушевленный комъ.
 И есть ли не ясный умъ барской мужикова,
 Такъ и различія не вижу ни какова.

Это недурно, конечно, но это переписано изъ Кантемира: Адамъ дворянъ не родилъ и т. д. Это тоже самое, что «Вѣлыя ночи» г. Минскаго послѣ «Параднаго подѣзда» Некрасова: недурно, но не ново и не самостоятельно. Возьмемъ другой примѣръ. Въ сатиру «О худыхъ судьяхъ» Сумароковъ такимъ образомъ караетъ «судей злочинныхъ»:

На то ли обществу имѣть судей злочинныхъ
 Дабы законами губити имъ невинныхъ?
 О взяткахъ такъ иной стремится бредни плести:
 Присягу рушу-ль я, когда дають за честь?
 За честь! И подлинно ты далъ ее въ продажу:
 Я взяткамъ предпочту бездѣльникову бражу:
 Ему не ввѣрило отечество суда,
 И честныхъ онъ людей не судить никогда:
 О правахъ онъ не мнить, ни о судебной формѣ:
 Печется лишь, какъ ты, неправедно о кормѣ.

Это опять-таки перепѣвъ изъ Кантемира («твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ, спи на стулѣ, когда дыкъ выписку читаетъ» и пр.) съ тою огромною разницею, что негодование Кантемира не остыло до сихъ поръ, въ теченіе полутора столѣтій, а Сумароковъ не зналъ иныхъ чувствъ, иныхъ заботъ, какъ заботы о виѣшной формѣ. Это онъ самъ и говорить, со всѣмъ

простодушiемъ полнѣйшаго непониманiя: «въ прочемъ я свои строфы распоряжалъ какъ распоряжался Мальгербъ и Руссо (Жанъ Батистъ) и всѣ нынѣшнiе лирики; а г. Ломоносовъ етова не наблюдалъ; ибо наблюдене сево, какъ чистота языка, гармонiя стопосложенiя, избыльныя риемы, разношенiе негласныхъ литеръ, не привыкшимъ писателямъ толкаго стоять затрудненiя, коликую приносятъ они сладость. Великiй былъ бы Ломоносовъ мужъ въ стихотворствѣ, ежели бы онъ могъ вычищати оды свои, а во прочiя поэзи не вдавался». Въ этихъ словахъ — весь Сумароковъ и какъ писатель, и какъ человекъ. Онъ—«распоряжаетъ строфы» по заграничнымъ образцамъ, наблюдаетъ «разношенiе негласныхъ литеръ» и считаетъ себя за это великимъ человекомъ и великимъ поэтомъ. «Я и господинъ Волтеръ», мы съ господиномъ Волтеромъ», «миѣ и господину Волтеру» — такъ Сумароковъ выражался очень часто и вполне серьезно. Несамостоятельность или даже (что у Сумарокова встрѣчается зачастую) полнѣйшее отсутствiе внутренняго содержанiя—это не бѣда, объ этомъ даже вопроса не возникаетъ. Лишь бы строфы были распоряжены и негласныя литеры разнесены какъ слѣдуетъ, а «во прочiя» заботы вдаваться нечего. Рыцарь «бѣднаго приемчества» остался вѣренъ себѣ до конца.

По отсутствiю идей, по умственной несамостоятельности, по несерьезности цѣлей, Сумароковъ, конечно, былъ «сыномъ» тогдашняго общества и въ *этомъ* смыслѣ вѣрно выражалъ свое время. На Сумарокова можно смотрѣть какъ на патриарха-родоначальника длиннаго-длиннаго ряда нашихъ писателей, заботящихся не о содержанiи, а о «распоряженiи» своихъ строфъ. Духовныя праправнуки Сумарокова дѣйствуютъ на нашихъ глазахъ. Все это профессора элоквенци, а паче хитростей пiятическихъ по чудесному опредѣленiю Тредьяковскаго, который и долженъ бы считаться ихъ главою, если бы былъ хоть немного подаровитѣе. Что такое символизмъ, импрессионизмъ, декаденство въ поэзи, какъ не «хитрости пiятическiя», придуманныя для замаскированiя внутренняго ничтожества? Чѣмъ бесплоднѣе эпоха, чѣмъ безцвѣтнѣе жизнь, тѣмъ меньше простора для поэзи, какъ для проповѣди, и тѣмъ больше простора для всякихъ словесныхъ кунштпюковъ, для всякихъ «хитростей пiятическихъ». Сумароковъ чувствовалъ себя очень хорошо въ царствованiи Анны Иоановны и Елизаветы Петровны и предался запю, отъ котораго и умеръ въ царствованiе Екатерины II — это фактъ, имѣющiй болѣе серьезный смыслъ, нежели тотъ, какой усматриваютъ въ немъ биографы.

Мы подошли къ эпсхѣ Екатерины Великой. Какое время, какiе люди! Говорить о нихъ вскользь нельзя и потому они составятъ предметъ послѣдующей статьи.

М. Протопоповъ.

Мірскіе сборы въ одномъ уѣздѣ.

Среди всѣхъ денежныхъ повинностей, отбываемыхъ крестьянскимъ населеніемъ, мірскіе сборы занимаютъ далеко не послѣднее мѣсто, а между тѣмъ, при обсужденіи вопросовъ крестьянскаго обложенія, о нихъ совсѣмъ забываютъ, и въ литературѣ, посвященной этимъ вопросамъ, мы не найдемъ почти никакихъ свѣдѣній о размѣрахъ мірскихъ сборовъ, еще менѣе о томъ, на какіе предметы расходуются мірскія суммы.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, что крестьяне, наравнѣ со всѣми прочими землевладѣльцами, платятъ государственный поземельный налогъ и земскіе сборы, что, сверхъ того, значительная часть крестьянскаго сословія уплачиваетъ за землю выкупныя деньги, которыя вмѣстѣ съ поземельнымъ налогомъ и составляютъ такъ называемые казенные сборы. Затѣмъ существуютъ еще страховые сборы по обязательному земскому страхованію жилыхъ построекъ. Изъ ежегодно публикуемой росписи государственныхъ расходовъ мы узнаемъ, какъ употребляются поступающіе съ населенія казенные сборы. Въ публичныхъ засѣданіяхъ земскихъ собраній мы имѣемъ возможность знакомиться съ мельчайшими подробностями земской смѣты. Но о крестьянскихъ мірскихъ расходахъ мы почти ничего не знаемъ, хотя они по своимъ размѣрамъ приближаются къ суммѣ казенныхъ сборовъ и въ нѣсколько разъ превышаютъ земскіе платежи.

Въ то время какъ земскіе и казенные сборы опредѣляются безъ участія крестьянскаго населенія и являются для него безусловно обязательными, мірскіе сборы въ извѣстной степени устанавливаются самими крестьянами по своей доброй волѣ. Какъ размѣры сборовъ, такъ и предметы расходованія собранныхъ денегъ опредѣляются, — повторяю, въ извѣстной только степени, — самимъ населеніемъ.

Вотъ почему болѣе близкое знакомство съ мірскими расходами представляетъ особенный интересъ и могло бы дать цѣнный матеріалъ не только при обсужденіи вопросовъ, непосредственно касающихся размѣровъ крестьянскаго обложенія, но и для нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ крестьянской жизни и крестьянскаго самоуправленія. Никто не станетъ отрицать, что государственный и земскія смѣты расходовъ служатъ важными показателями многихъ сторонъ государственной и земской жизни. Такое же, а можетъ быть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще болѣе важное значеніе имѣютъ смѣты крестьянскихъ общественныхъ расходовъ, показывающія, куда на-

правляются денежные сборы, назначаемые самими крестьянами. Подробное исследование и разработка данных о мирских сборах и расходах, производимых крестьянским населением всей России, для удовлетворения своих местных нужд, представляет глубокий интерес и заслуживает самую серьезную внимания. Может быть эти молчаливые цифры пролили бы хоть некоторый светъ въ невѣдомую для насъ область деревенской жизни и дали бы намъ хоть какія нибудь общія основанія для сужденій объ обитателяхъ русской деревни. Необходимый для этого матеріалъ, по всей вѣроятности, имѣется или въ центральномъ статистическомъ комитетѣ, или, во всякомъ случаѣ, въ губернскихъ присутствіяхъ; онъ ждетъ своего исследователя.

Мы приведемъ здѣсь свѣдѣнія о мирскихъ расходахъ по одному уѣзду и, пользуясь этимъ маленькимъ примѣромъ, посмотримъ, какіе, при самомъ бѣглому обзорѣ цифровыхъ данныхъ, можно сдѣлать выводы, въ подтвержденіе высказанной нами мысли, — о важномъ значеніи общаго обзора расходныхъ смѣтъ нашего крестьянскаго самоуправления.

Прежде всего приведемъ нѣкоторыя общія статистическія свѣдѣнія объ уѣздѣ. Населеніе нашего уѣзда преимущественно земледѣльческое; въ уѣздѣ приблизительно 175.000 душъ обоого пола и 55.152 ревизскія души. Всей облагаемой сборами крестьянской надѣльной земли въ уѣздѣ считается 233.000 десятинъ. При окладѣ всѣхъ сборовъ (кромѣ мирскихъ) въ 324.000 р. въ недоимкѣ оставалось къ 1 января 1895 года 354.000 рублей (всѣ цифровыя данныя, какъ эти, такъ и приводимыя ниже, относятся къ 1894 году). *Мирскіе расходы* было 213.000 рублей.

Мы видимъ, какое мѣсто по своимъ размѣрамъ занимаютъ мирскіе сборы въ уѣздѣ (казенныхъ 265 т., земскихъ 59 т.); они составляютъ свыше $\frac{3}{4}$ казенныхъ сборовъ и болѣе чѣмъ въ три раза превышаютъ земскіе. Мирскихъ сборовъ приходится по 3 р. 86 к. съ ревизской души или 91 коп. на каждую десятину земли. Сравнивая эти данныя съ обложеніемъ казенными и земскими сборами, не трудно убѣдиться, насколько значительнымъ является сборъ, употребляемый на мирскіе расходы. По отдѣльнымъ крестьянскимъ обществамъ и волостямъ наблюдаются значительныя отклоненія отъ приведенныхъ среднихъ цифръ. Встрѣчаются колебанія отъ 2 р. до 7 р. 25 к. на ревизскую душу и отъ 45 к. до 4 р. 17 к. на десятину одного мирскаго сбора въ разныхъ волостяхъ уѣзда. Въ отдѣльныхъ сельскихъ обществахъ колебанія эти еще значительнѣе.

Посмотримъ теперь, на какіе предметы расходуются 213 тысячъ мирскихъ денегъ, которыя составляютъ болѣе половины всѣхъ прочихъ крестьянскихъ платежей. Мирскіе расходы, подобно тому, какъ и земскіе, раздѣляются на обязательныя и необязательныя. Между этими двумя категоріями расходной смѣты вся сумма сбора распределяется слѣдующимъ образомъ:

Расходы обязательные	149000
» необязательные	64000

Въ смѣтѣ обязательныхъ расходовъ главную расходную статью составляютъ, конечно, расходы по содержанию волостныхъ управлений и сельскихъ управлений, а именно:

Жалованье старшинамъ и старостамъ	18427
» волостнымъ и сельскимъ писарямъ	34230
Канцелярскіе расходы	5902
Содержаніе лошадей для разъѣздовъ должностныхъ лицъ волостного и сельского управленія	18937

Итого . . 77496.

Если прибавить къ этому расходы по отопленію и освѣщенію зданій управленія—2635 р., ремонтъ—4592 р., наемъ сторожей и разсыльных—4338 р., наемъ домовъ для управленія и страховую премію—2900 р., то получимъ, что содержаніе сельского административнаго управленія обходится крестьянскому населенію уѣзда въ 91961 р. въ годъ, что составляетъ болѣе $\frac{3}{4}$ всѣхъ обязательныхъ расходовъ. Нельзя сказать, чтобы сельская администрація обходилась очень дешево. Содержаніе ея ложится на населеніе весьма тяжелымъ налогомъ, который при распредѣленіи его на землю составитъ около 40 коп. на десятину, а по ревизскимъ душамъ—около 1 р. 67 к. съ души.

Вотъ перечень главнѣйшихъ предметовъ обязательнаго расхода крестьянской смѣты:

Содержаніе волостного суда	6710
Содержаніе сельской полиціи (сотскихъ и десятниковъ)	11894
Наемъ квартиры для полицейскихъ урядниковъ	1749
Ночной обходъ	2788
Содержаніе пожарныхъ обозовъ	13398
Ремонтъ общественныхъ зданій и содержаніе сторожей	6063
Исправленіе мостовъ и гатей	3700
Наемъ квартиръ для пріѣзжающихъ чиновниковъ	3449
Жалованье сборщикамъ податей	2381
Призрѣніе сиротъ и убогихъ	1234
Оспопрививаніе	2019

Мы просимъ читателя преодолѣть свой страхъ передъ таблицами и цифрами и внимательно продумать каждую статью расхода крестьянской смѣты. При этомъ нужно помнить, что все это расходы обязательные только для крестьянскаго населенія, что лица другихъ сословій: купцы, чиновники, дворяне и проч. никакого уча-

стія въ нихъ не принимаютъ, что мірскіе сборы — это исключительно сословные, крестьянскіе сборы. Вполнѣ естественно было бы ожидать, что специальный сословный сборъ употребляется исключительно на нужды того сословія, которое себя этимъ сборомъ облагаетъ. Такъ оно и происходитъ во всѣхъ случаяхъ сословнаго самообложенія: существуетъ дворянскіе, купеческіе, ремесленно-цеховые сословные сборы, которые идутъ всецѣло на удовлетвореніе узко-сословныхъ потребностей. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ крестьянскими сословными сборами: крестьянскія мірскія деньги расходуются на нужды всѣхъ сословій, живущихъ въ районѣ крестьянской волости. Разсмотримъ для примѣра, въ чемъ заключаются обязанности волостного управления, поглощающаго, какъ мы видѣли, болѣе половины всѣхъ обязательныхъ расходовъ. Начнемъ съ волостного старшины и для наглядности представимъ себѣ, что я — купецъ, владѣющій собственной землей, занимающійся сельскимъ хозяйствомъ и торговлей и живущій въ районѣ волости, даже въ самомъ селеніи, въ собственномъ домѣ. Все это представить себѣ тѣмъ легче, что въ дѣйствительности вы можете встрѣтить такого купца въ любой почти деревнѣ. Въ чемъ же заключаются обязанности волостного старшины въ томъ видѣ, какъ онѣ опредѣлены закономъ въ 81—86 ст. общаго положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости? Разсмотримъ эти обязанности по пунктамъ. Волостной старшина обязанъ по 83 ст. общ. положенія:

1) Объявлять, по предписаніямъ полиціи, законы и распоряженія правительства и наблюдать за нераспространеніемъ между крестьянами подложныхъ указовъ и вредныхъ для общественнаго спокойствія слуховъ.

Но мнѣ, купцу второй гильдіи, развѣ не нужно быть освѣдомлену обо всѣхъ новыхъ законахъ и распоряженіяхъ правительства? И развѣ я не заинтересованъ въ томъ, чтобы старшина наблюдалъ за нераспространеніемъ подложныхъ указовъ и вредныхъ для общественнаго спокойствія слуховъ?

2) Охранять благочиніе въ общественныхъ мѣстахъ и безопасность лицъ и имуществъ отъ преступныхъ дѣйствій, а также принимать первоначальныя мѣры для возстановленія нарушенной тишины, порядка и безопасности впредь до распоряженія мѣстной полиціи.

Безопасность лица и имущества дороги мнѣ во всякомъ случаѣ не менѣе, чѣмъ любому крестьянину. И еще вопросъ, кому здѣсь чаще придется обращаться къ содѣйствію старшины, мнѣ ли, не участвующему въ платежѣ мірскихъ сборовъ, на которые содержится волостное правленіе, или ему, крестьянину, который несетъ на себѣ эти сборы?

3) Задерживать бродягъ, бѣглыхъ, дезертировъ и представлять ихъ полицейскому начальству.

4) Доносить полиціи о самовольно отлучившихся отъ волости и о преступленіяхъ и безпорядкахъ, случившихся въ волости.

5) Наблюдать за точнымъ исполненіемъ установленныхъ симъ положеніемъ правилъ о припискѣ, увольненіи и перечисленіи крестьянъ изъ одного общества въ другое, и доносить о семъ мѣстной полиціи, для увѣдомленія мѣстнаго казначейства и казенной палаты.

6) Распоряжаться въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ: при пожарахъ, наводненіяхъ, повальныхъ болѣзняхъ, падежѣ скота и другихъ общественныхъ бѣдствіяхъ и немедленно доносить полицейскому начальству о чрезвычайныхъ происшествіяхъ въ волости.

7) Предупреждать и пресѣкать преступленія и проступки, принимать полицейскія мѣры для открытія и задержанія виновныхъ и представлять ихъ на дальѣйшее распоряженіе подлежащаго начальства,

и 8) Наблюдать за исполненіемъ приговоровъ мировыхъ учреждений и волостного суда.

Одного перечисленія этихъ обязанностей совершенно достаточно, чтобы сдѣлать очевиднымъ, въ какой степени я заинтересованъ неукоснительнымъ исполненіемъ ихъ волостнымъ старшиной,—и не только я, но и мой сосѣдъ-помѣщикъ, и мой другой сосѣдъ—заводчикъ или фабрикантъ. Всѣмъ намъ нужно, чтобы бродяги были задержаны и представлены по начальству, чтобы самовольно не отлучались изъ волости крестьяне, которымъ мы выдали задатки подъ работу, чтобы, въ случаѣ пожара у насъ, старшина сгонялъ народъ тушить огонь, чтобы, въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній съ рабочими, въ случаѣ похищенія нашего имущества, старшина былъ готовъ по первому нашему требованію предупредить и пресѣкать преступленія. А наблюдать за исполненіемъ приговоровъ волостного суда и мировыхъ учреждений (нынѣ земскихъ начальниковъ), а взмскивать долги съ крестьянъ, а свидѣтельствовать всевозможные наши договоры съ ними, развѣ все это намъ не нужно въ такой же, если не въ большей степени, какъ и крестьянамъ?

Всѣ только что перечисленныя обязанности старшины называются въ законѣ обязанностями «по дѣламъ полицейскимъ». Затѣмъ въ 84 ст. указываются обязанности старшинамъ «по дѣламъ общественнымъ». Въ числѣ этихъ обязанностей есть, напримѣръ, требованіе наблюдать за исправнымъ содержаніемъ мостовъ, гатей, дорогъ, перевозовъ, не говоря уже о такомъ важномъ дѣлѣ, какъ наблюденіе за исправнымъ отправленіемъ обществами всякаго рода казенныхъ и земскихъ повинностей, какъ денежныхъ, такъ и натуральныхныхъ, а равно и воинской.—Въ законѣ оно также названо дѣломъ *общественнымъ*, не въ томъ смыслѣ этого слова, въ какомъ мы всѣ привыкли его понимать и въ какомъ дѣйствительно оно и слѣдовало бы понимать въ данномъ случаѣ, а въ специаль-

номъ смыслѣ крестьянско-общественнаго дѣла, что является уже далеко несоотвѣтствующимъ истинной сущности этого дѣла.

Говоря объ обязанностяхъ старшины, мы ограничились только обязанностями его, перечисленными въ законѣ. Но сколько еще есть обязанностей, закономъ непредусмотрѣнныхъ, такъ сказать, частныхъ, выработавшихся въ условіяхъ житейскихъ отношеній и обычаевъ. И нужно сказать правду, что этими частными *обязанностями*, которыя вытекаютъ изъ *правъ* старшины, почти исключительно пользуемся мы, т. е. я и мои сосѣди.

Все, что сказано объ обязанностяхъ старшины, можно сказать и о дѣятельности волостного писаря и сельскихъ старостъ. Но ни я, ни мои сосѣди ни одной копѣйкой не участвуютъ въ мірскихъ сборахъ и, слѣдовательно, мы пользуемся удобствами волостного управления на счетъ крестьянъ. Въ такой же мѣрѣ мы пользуемся и всѣми остальными предметами и услугами, оплачиваемыми, какъ обязательный расходъ, изъ мірскихъ суммъ. Мы имѣемъ такое же право, какъ и крестьяне, обращаться къ волостному суду, прибѣгать къ содѣйствію сельской полиціи и полицейскихъ урядниковъ, пользоваться ночнымъ обходомъ, требовать пожарную трубу и лошадей въ случаѣ пожара, ѣздить по исправленнымъ мостамъ и дорогамъ и проч. И все это даромъ, за счетъ крестьянъ.

Въ полуторасти тысячной суммѣ обязательныхъ расходовъ едва ли окажется 20 тысячъ рублей, которые употребляются исключительно на крестьянскія надобности; вся же остальная сумма тратится на предметы, имѣющіе безусловно общее значеніе для всѣхъ сословій, живущихъ въ предѣлахъ волости.

Можетъ быть, кто нибудь, пораженный размѣрами обязательныхъ мірскихъ расходовъ, заподозритъ, что крестьяне слишкомъ расточительны, что они назначаютъ слишкомъ большое жалованье служащимъ волостного управления. Такое подозрѣніе можетъ зародиться только у человѣка, совершенно незнакомаго съ нашей деревней, ибо трудно представить себѣ болѣе экономное и осторожное отношеніе къ каждой мірской копѣйкѣ, чѣмъ у крестьянскаго плательщика. Въ среднемъ по нашему уѣзду въ годъ получаютъ:

волостной писарь	402 р.
» старшина	324
помощникъ писаря	236
сельскій староста	78
» писарь	74

О большомъ жалованьи можно говорить только относительно

трехъ первыхъ лицъ. И они, дѣйствительно, получаютъ, сравнительно, большое жалованье, потому что, напримѣръ, земскій учитель или фельдшеръ получаютъ въ годъ отъ 240 до 300 рублей. Однако, со стороны земскихъ начальниковъ обыкновенно замѣчается стремленіе повліять на сходы въ смыслѣ увеличенія жалованья старшинамъ, старостамъ и писарямъ, что совершенно естественно, такъ какъ каждому земскому начальнику желательно имѣть въ своемъ участкѣ наиболѣе подготовленныхъ къ своему дѣлу работниковъ. Но не смотря на довольно значительное вознагражденіе, работниковъ такихъ мало, и это объясняется совершенно своеобразными причинами: для занятія такой должности непременно долженъ выработаться своеобразный типъ людей, и онъ выработывается, но са свою службу требуетъ хорошаго вознагражденія. Но почему за эту службу, въ которой я и мои сосѣди нуждаются гораздо больше, чѣмъ крестьяне, платятъ одни крестьяне—это совершенно непонятно.

Трудно также понять, почему одни крестьяне должны оплачивать квартиры для пріѣзжающихъ чиновниковъ, которые пріѣзжаютъ далеко не всегда по крестьянскимъ дѣламъ. На этотъ предметъ, какъ указано выше, крестьяне расходуютъ 3449 рублей. На весь уѣздъ это, конечно, не много, но вѣдь тамъ немного, здѣсь немного, оно смотришь, и выходитъ 213 тысячъ. Содержаніе такъ называемыхъ вѣзжихъ квартиръ безусловно необходимо, потому что нельзя же требовать, чтобы человекъ, пріѣхавшій въ деревню иногда всего на нѣсколько часовъ, вынужденъ былъ искать себѣ пріюта. Но почему эти квартиры должны быть бесплатными и почему ихъ должны содержать на свой счетъ крестьяне, а не земство,—пусть это намъ объяснитъ, кто можетъ. Какъ ни незначительна сумма 3449 рублей,—а кто знаетъ, какъ дорога въ крестьянской экономіи буквально каждая копейка, тому она покажется очень значительной, — а главное всетаки несправедливо налагать ее на крестьянъ. Вѣдь на 3449 рублей можно содержать десять школъ.

Прежде чѣмъ перейти къ категоріи необязательныхъ расходовъ, мы рекомендуемъ читателю обратить вниманіе еще на одну цифру въ обязательныхъ расходахъ—это 2381 р., ассигнуемыхъ на жалованье сборщикамъ податей. Цифра эта поражаетъ своими малыми размѣрами сравнительно съ той громадной работой, которая за эти деньги выполняется. Сборщиковъ въ уѣздѣ около 200 человекъ, такъ что въ среднемъ сборщикъ получаетъ около 12 рублей въ годъ; нѣкоторые совсѣмъ ничего не получаютъ, а исполняютъ обязанности сборщиковъ, какъ общественную повинность. Сборщики собираютъ сотни тысячъ рублей; въ 1894 году было собрано съ

населенія уѣзда безъ малаго полмиліона рублей, и всѣ эти деньги прошли черезъ руки сборщиковъ. Вы видите, какъ дешево устраняются крестьяне въ такомъ важномъ, отвѣтственномъ дѣлѣ, какъ сборъ денегъ. Не потому-ли, что это чисто крестьянское дѣло, свое дѣло, для котораго не требуется ничего, кромѣ сознанія своей общественной обязанности.

Теперь мы перейдемъ къ такимъ же чисто крестьянскимъ дѣламъ, которыя требуютъ расходовъ, уже всецѣло зависящихъ отъ доброй воли крестьянъ *).

Такихъ расходовъ, какъ указано выше, было произведено 64: тысячи рублей. Вотъ главнѣйшія статьи расхода:

Жалованье церковному причту, просвирнямъ, церковнымъ старостамъ и сторожамъ; ремонтъ церквей и общественные молебны	19375 р.
Постройка общественныхъ зданій	7968 »
Содержаніе лѣсныхъ сторожей	1337 »
Пособіе новобранцамъ	1948 »
Квартира фельдшеровъ	1206 »
Землемѣрные работы	1046 »
Вознагражденіе уполномоченнымъ по дѣламъ общества	1846 »
Жалованье учителямъ, законоучителямъ, устройству школь, учебныя пособія и проч.	23571 »

Отмѣтимъ, между прочимъ, очень симпатичный расходъ—пособіе новобранцамъ. Всѣмъ, вытянувшимъ жребій къ отбыванію воинской повинности, принадлежащимъ къ бѣднымъ семьямъ, выдается небольшое пособіе изъ общественныхъ средствъ. Чтобы успокоить тѣхъ, которые утверждаютъ, что пособія эти тотчасъ же пропиваются и бываютъ причиной «пьянства» и «безобразій» во время призыва, слѣшимъ разъяснить, что пособія выдаются не во время жеребьевки, а тогда, когда новобранецъ уже снаряжается на службу и поступаетъ въ вѣдѣніе военнаго начальства и военной дисциплины.

Изъ приведеннаго перечня расходовъ мы видимъ, что самыя крупныя суммы мірскихъ денегъ тратятся на удовлетвореніе духовныхъ потребностей населенія: на церковь и народное образованіе. Правда, эти суммы не велики, но вспомните, что на крестьянскомъ населеніи уѣзда лежитъ 354 т. недоимки, и что оно несетъ на себѣ

*) Въ сущности принятое здѣсь распредѣленіе расходовъ на обязательныя и необязательныя не совсѣмъ правильно. Но мы придерживались того порядка, въ какомъ эти расходы перечисляются въ вѣдомостяхъ мѣстныхъ крестьянскихъ учреждений.

тѣ расходы, въ которыхъ должны бы принимать участіе я и мои сосѣди, и тогда значеніе этихъ суммъ представится вамъ въ своемъ истинномъ свѣтѣ, 19375 рублей мірскихъ денегъ, расходуемыхъ на церковь, составляютъ болѣе 30%, а 23571 рубль, расходуемыхъ на народное образованіе, около 37% всего смѣтнаго назначенія по необязательнымъ расходамъ, или съ каждой десятины земли только на церковь и народное образованіе крестьяне платятъ 18,4 копѣйки. Можемъ-ли мы, я и мои сосѣди, похвалиться, что и мы несемъ въ общественную кассу такой же налогъ на удовлетвореніе нашихъ духовныхъ потребностей, какъ крестьяне? Увы, не можемъ, ибо мы владѣемъ въ нашемъ уѣздѣ 350 т. десятинъ земли и платимъ *всѣхъ* сборовъ, казенныхъ, земскихъ и сословныхъ, 140 т. рублей, что составитъ *всего* 40 коп. на десятину. Крестьяне же *всѣхъ* сборовъ платятъ 536656 рублей, что составитъ 1 р. 87 к. на десятину, а если даже исключить изъ крестьянскаго оклада выкупные платежи (около 250 тысячъ), которые опредѣлены въ уплату за землю, то и тогда на каждую крестьянскую десятину придется около 1 р. 10 к., т. е. почти втрое больше, чѣмъ съ нашей земли. Вотъ почему было бы вполне справедливо, если бы я и мои сосѣди приняли участіе въ платежѣ мірскихъ сборовъ.

Е. Ганейзеръ.

Хроника внутренней жизни.

Нѣсколько итоговъ голоднаго года. — Два слова о предстоящей переписи населенія.

Намъ не разъ уже доводилось говорить о томъ, какую сложность представляетъ въ настоящее время народно-хозяйственная жизнь и какъ легко впасть въ ошибку, если строить общія заключенія о ея ходѣ по даннымъ, касающимся какой нибудь одной, хотя бы и очень существенной стороны народно-хозяйственнаго организма.

Весьма краснорѣчивое и въ то же время весьма печальное подтвержденіе этого даютъ намъ недавно опубликованные официальные документы, относящіеся къ 1892 году. Какъ извѣстно, въ предшествовавшемъ, 1891 году огромная полоса Россіи (почти вся центральная земледѣльческая область, Поволжье, Прикамье и часть Западной Сибири) постигнуты были небывалымъ неурожаемъ. Первая половина 1892 года протекала подъ непосредственнымъ влияніемъ размѣровъ жатвы 1891 года. Во многихъ губерніяхъ и сборъ

хлѣба осенью 1892 г. оказался мало благоприятнымъ, такъ что и послѣ новой жатвы онъ не вышли изъ голоднаго періода. Такимъ образомъ, итоги 1892 года должны были въ самой существенной мѣрѣ отразить на себѣ тѣ послѣдствія, которыя имѣлъ для народнаго хозяйства голодный годъ.

Прежде всего сведена была финансовая часть этихъ итоговъ. «Отчетъ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи 1892 г.», опубликованный въ концѣ слѣдующаго, 1893 года, далъ сводъ результатовъ государственнаго хозяйства въ 1892 году. И результаты эти, въ противность всѣмъ ожиданіямъ, оказались блестящими. Вмѣсто предполагавшагося по обыкновенному бюджету дефицита въ 25 слишкомъ миллионѣвъ, исполненіе росписи дало крупный излишекъ доходовъ сравнительно съ расходами. Этотъ излишекъ превысилъ даже нѣсколько тотъ, который давала роспись 1888 года,—года крупнаго урожая, слѣдовавшаго за другимъ тоже урожайнымъ годомъ. Въ 1888 г. балансъ росписи сведенъ былъ съ избыткомъ обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами въ 58,1 милл. руб., въ 1892 доходный бюджетъ давалъ плюсъ въ 59,5 милл. По благоприятнымъ результатамъ бюджетнаго баланса, 1892 годъ стоялъ на третьемъ мѣстѣ за все 27-лѣтіе, для котораго имѣлись опубликованные контрольные отчеты. Только особо счастливые 1889 и 1890 годы показывали нѣсколько высшія противъ 1892 г. цифры превышенія обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами (61,1 и 65,9 милл. руб.). Указанные бюджетные результаты 1892 года вызваны были не какими либо сбереженіями въ государственныхъ расходахъ, а ростомъ почти всѣхъ статей дохода. Обыкновенные расходы 1892 г. дали цифру высшую противъ всѣхъ предъидущихъ лѣтъ (911,7 м. р.), но одновременно съ этимъ государственные доходы обнаружили еще болѣе быстрое возрастаніе, достигнувъ небывалаго дотолѣ итога 970,2 милл. руб., превысившаго на 80½ м. руб. поступления голоднаго 1891 года и на 26½ милл. самый крупный въ предшествовавшемъ 26-лѣтіи доходный бюджетъ 1890 года.

Эти блестящіе и неожиданные финансовые итоги 1892 года не могли не обратить на себя общаго вниманія. На нихъ не разъ указывалось, какъ на свидѣтельство мощи и крѣпости финансовыхъ и экономическихъ силъ страны. Еще очень недавно такія указанія—въ весьма энергической и рѣшительной формѣ—мы читали въ комментаріяхъ, сопровождавшихъ роспись 1896 года. Полемизируя съ «пессимистами», приписывавшими бюджетные избытки, которые стали обнаруживаться съ конца восьмидесятыхъ годовъ, простому стеченію случайныхъ и исключительно благоприятныхъ обстоятельствъ,—докладъ по росписи замѣчаетъ, что «на этотъ разъ за достоинство нашего бюджета дѣйствительно вступилась особая случайность: нужно было произойти стеченію обстоятельствъ, исключительныхъ по своей неблагоприятности, чтобы показать его вну-

треннюю мощь и высокую жизнеспособность». «Когда финансовыя силы нашей государственной росписи—продолжаетъ докладъ— побѣдоносно прошли чрезъ жестокое испытаніе години народнаго голода (1891 г.), потребовавшаго такихъ финансовыхъ жертвъ, какихъ никогда, ни въ одной странѣ не бралъ на себя государственный бюджетъ, когда эти жертвы принесены были безъ того, чтобы страна сколько нибудь почувствовала ихъ тяжесть, когда народный голодъ оказался поводомъ къ обнаруженію не финансовой слабости, а мощи и выносливости финансовыхъ силъ страны,— тогда и только тогда съ бюджетными избытками начали свыкаться какъ съ фактомъ очевиднымъ, несомнѣннымъ, стоящимъ на высотѣ, недосыгаемой для какихъ бы то ни было заподозрѣваній».

Крупные бюджетные избытки и возрастаніе государственныхъ доходовъ, приостановившееся въ голодномъ 1891 году, составляютъ постепенное и непрерывное явленіе въ годы послѣдующіе. Такимъ образомъ, раны, нанесенныя собственно государственному хозяйству неурожаемъ 1891 г., очень скоро были залѣчены. Со слѣдующаго же, ближайшаго къ неурожайному, 1892 г. народно-хозяйственный организмъ возстановилъ свои платежныя силы. При предположеніи параллельности роста государственнаго и народнаго хозяйства, могло казаться, что столь же скоро должны были изгладиться слѣды, оставленные пережитымъ бѣдствіемъ и на другихъ сторонахъ народной жизни.

Однако, неумолимые факты и цифры говорятъ съ непререкаемою убѣдительностью, что такое предположеніе есть только иллюзія.

Нѣсколько времени тому назадъ обнародованы были въ высшей степени важныя статистическія данныя, относящіяся тоже къ 1892 году. Данныя эти воспроизводятъ другой бюджетъ этого года, а именно, итоги прихода и расхода не государственныхъ средствъ, а человѣческихъ жизней. Къ сожалѣнію, итоги эти гораздо менѣе благоприятны, нежели приведенныя выше данныя государственныхъ росписей.

Мы имѣемъ въ виду показанія вышедшаго въ текущемъ, 1896 году «Отчета Медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ за 1892 г.» *). Въ первомъ отдѣлѣ этого отчета («Свѣдѣнія о состояніи народнаго здравія») приводятся обыкновенно подробныя данныя о *движеніи населенія* въ отчетномъ году. Данныя эти (въ формѣ таблицъ и краткихъ изъ нихъ цифровыхъ выводовъ) находятся и въ отчетѣ за 1892 г.

Сопоставленіе этихъ данныхъ приводитъ къ заключенію, что 1892 г. «по смертности и рождаемости, а также болѣзненности населенія Россійской Имперіи является наиболѣе неблагоприятнымъ изъ десятилѣтія съ 1883 по 1892 г.». «Неурожай двухъ предше-

*; Обще выводу изъ этого отчета опубликованы были въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

ствующихъ лѣтъ — читаемъ мы въ отчетѣ Медицинскаго департамента — значительно усилили заболѣваемость и смертность населенія. Въ первой половинѣ 1892 года въ губерніяхъ по нижнему и среднему теченію р. Волги и ея притоковъ упорно держался сыпной тифъ, а затѣмъ, во второй половинѣ года, ослабленное населеніе поразила азіятская холера, при особомъ ея развитіи главнымъ образомъ въ Среднеазіятскихъ областяхъ, на Кавказѣ и въ губерніяхъ по теченію рр. Волги и Дона. Благодаря сочетанію неурожая съ развитіемъ сыпного тифа и холеры, смертность населенія Россіи *превысила* среднюю смертность за 1883—91 гг. на 5,5 человекъ съ тысячи. Съ другой стороны, рождаемость, стоящая въ тѣсной связи съ брачностью, какъ извѣстно, понижающаяся въ неурожайные годы, въ 1892 г. была *ниже* средней за 1883—91 г. на 4,0 человекъ съ тысячи».

Все населеніе имперіи исчислялось къ концу 1892 г. въ 119 слишкомъ милліоновъ. Родившихся въ этомъ году насчитано было 4,97 милл., а умершихъ 4,40 милл. На 1000 жителей приходилось 43,2 рожденія и 38,2 случая смерти. Приростъ населенія выражался такимъ образомъ величиною 5 на 1000. За предшествовавшія 9 лѣтъ средняя рождаемость была 47,2 на тысячу, средняя смертность 32,7 на тысячу и средній приростъ 14,5 на тысячу. Въ частности въ Европейской Россіи (по отношенію къ которой свѣдѣнія о родившихся и умершихъ полнѣе и точнѣе) при населеніи въ 100,25 милл. родилось 4,36 м. и умерло 3,82 милл. человекъ, т. е. рождаемость равна была 43,7, смертность 38,3, а приростъ 5,4 на тысячу. «Только Ирландія — замѣчаетъ отчетъ, гдѣ приростъ населенія въ 1892 г. равнялся 3%, и Франція, давшая превышеніе смертности надъ рождаемостью, стоятъ по приросту населенія ниже Россіи». Въ среднемъ, за рядъ лѣтъ, отношенія между европейскими странами и Россіею складывались совершенно иначе. По размѣрамъ прироста населенія Россія стояла на первомъ мѣстѣ. Голодный годъ рѣзко измѣнилъ это отношеніе:

Мы видѣли выше, что превышеніе коэффициента смертности для 1892 г. относительно средней за предшествоующее 9-лѣтіе выражается величиною 5,5 на тысячу: въ среднемъ за 9 лѣтъ изъ каждой тысячи населенія умирало ежегодно 32,7, въ 1892 г. на тысячу жителей приходилось 38,2 случая смерти. На всѣ 119 мил. населенія это составило *656.000 лишнихъ смертей*. Если бы условія существованія населенія въ 1892 году можно было поддержать на среднемъ уровнѣ, то нѣсколько сотъ тысячъ человѣческихъ жизней могло бы быть сохранено. Около половины всего количества излишнихъ смертей 1892 г. приходится на азіятскую холеру. Эта страшная гостья голодной години унесла около 300000 жертвъ. Остальные случаи распредѣляются между тѣми же болѣзнями, отъ которыхъ страдало и умирало населеніе и въ обычное время: только теперь ослаблен-

ныя силы организма могли противопоставить имъ меньшее сопротивленіе, чѣмъ прежде.

Всѣ приведенныя цифры относятся ко всей странѣ въ цѣломъ. Для отдѣльных мѣстностей отношенія складываются во многихъ случаяхъ гораздо неблагоприятнѣе. Въ очень значительной части Россіи бюджетъ человѣческихъ жизней въ 1892 году былъ сведенъ съ *дефицитомъ*, иногда довольно крупнымъ. *Перевѣсъ смертей* надъ рожденіями, оказался *въ 152 уѣздахъ* *) (111 въ Европейской Россіи, 28 на Кавказѣ и 13 въ Сибири). Эти 152 уѣзда входятъ въ составъ 35 губерній, причѣмъ *въ 20 губерніяхъ* убыль населенія обнаруживаютъ и *погубернскіе итоги*, въ 15—такая убыль оказывается только по нѣкоторымъ уѣздамъ. Губерніи съ общимъ дефицитомъ населенія образуютъ огромную сплошную область, захватывающую собою все Поволжье, начиная съ Казанской губ. (губ. Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская, Астраханская) и прилегающія къ нему мѣстности: съ запада (губ. Пензенская, Тамбовская, Воронежская, Донская обл.), съ востока (Пермская, Тобольская, Уфимская, Оренбургская губ. Уральская обл.) и съ юга (губ. и области: Ставропольская, Кубанская, Терская, Дагестанская, Бакинская). Въ этой сплошной территоріи убыль населенія обнаруживаютъ итоги по всѣмъ 3 округамъ острова Сахалина.

Данныя, относящіяся къ Кавказу и азиатскимъ областямъ, отличаются сравнительно меньшею точностью. Поэтому мы оставимъ ихъ въ сторонѣ и сгруппируемъ нѣкоторыя изъ заключающихся въ отчетѣ департамента цифръ только по отношенію къ 12 перечисленнымъ губерніямъ Европейской Россіи, присоединивъ къ нимъ еще губернію Тобольскую, по условіямъ своимъ очень близко подходящую къ смежнымъ съ нею мѣстностямъ Европейской Россіи.

На пространствахъ, занятомъ названными 13 губерніями, въ 1892 году насчитывалось 26.790,000 человѣкъ населенія обоого пола. Въ среднемъ за 9 предшествовавшихъ 1892 году лѣтъ здѣсь рождалось ежегодно 1.368,000, въ 1892 г. цифра роженій упала до 1.209,500 чел., т. е. родилось *меньше* на 159,000 человѣкъ. Средняя ежегодная смертность за тотъ же періодъ составляла 933,300 чел. Въ 1892 году умерло 1.451,000 человѣкъ, т. е. на *466,700 человекъ болѣе*. Въ среднемъ естественное движеніе населенія давало *приростъ* населенія въ 385,000 человѣкъ въ годъ, въ 1892 году получила*сь убыль*, вслѣдствіе перевѣса смертей надъ рожденіями въ *242,000 человекъ*.

Если всѣ эти абсолютныя величины мы выразимъ въ отношеніяхъ къ 1000 человѣкъ населенія, то получимъ такія цифры: на 1000 человѣкъ рождалось, въ среднемъ за 9 лѣтъ—52, въ 1892 году—45 (меньше противъ средняго на 7 человѣкъ), умирало: въ среднемъ—

*) Данныя въ таблицахъ департаментскаго отчета сведены по отдѣльнымъ уѣздамъ и по губерніямъ.

37,4 человекъ, въ 1892 году—54,1 (*болѣе* противъ средняго на 16,7 человекъ); разность между рождаемостью и смертностью въ среднемъ составляла + 14,6 на тысячу, въ 1892—9,1, т. е. *убыль* населенія за этотъ годъ доходила *почти до 1%* его общей численности.

Для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ губерній мы получаемъ выводы еще гораздо болѣе неблагоприятныя, нежели приведенныя среднія. Такъ въ Астраханской губерніи коэффициентъ смертности дошелъ до цифры поистинѣ ужасающей—78,4 на тысячу (т. е. умиралъ 1 изъ каждыхъ 13 человекъ населенія всѣхъ возрастовъ), близки къ этому предѣлу также и цифры смертности по губ. Самарской (66,2‰ или 1 изъ 15), Тобольской (65,4‰), Оренбургской (62‰), Донской (60,2‰) и Саратовской (60,1‰ или 1 изъ 16,7). Что бы нагляднѣе представить значеніе этихъ цифръ, вспомнимъ, что *въ среднемъ по Европейской Россіи*, за девятилѣтіе 1883—91 гг. умирало всего 32,7 человекъ на тысячу, и что въ томъ же 1892 году средняя смертность въ Норвегіи (минимальная въ Европѣ) достигала только 17,7 pro mille, въ Шотландіи 18,5, въ Англіи 19,0, въ Швейцаріи 19,3, въ Ирландіи и Даніи—19,4 и у насъ: въ Остзейскихъ губерніяхъ 19,0 (всего менѣе въ Курляндіи, стоящей почти на одномъ уровнѣ съ Норвегіей—17,8, а всего болѣе въ Эстляндской губ.—19,6‰) и въ губерніяхъ Привислянскихъ—25,9 человекъ съ тысячи. Разница въ цифрахъ смертности за 1892 годъ между Курляндской губ. и Астраханской составляетъ 60,6 на тысячу, между Курляндской и Самарской 48,4 на тысячу. Въ Курляндской губ. одна смерть приходилась на 56,5 человекъ, въ Астраханской умиралъ, какъ мы видѣли, 1 изъ 13, а въ Самарѣ 1 изъ 15 наличныхъ жителей. Въ среднемъ для всѣхъ 13 губерній разсматриваемаго района 1 умершій приходился на 18,5 человекъ всего населенія.

Изъ 12 неблагополучныхъ губерній Европейской Россіи 10 принадлежали къ числу пострадавшихъ отъ неурожая 1891 года (сюда же слѣдуетъ отнести и Тобольскую губернію), губернія Астраханская и Донская Область не входили въ число официально признанныхъ голодающими. Причину ихъ усиленной смертности нельзя видѣть и въ эпидеміи азіатской холеры. Въ Донской области смертныхъ случаевъ отъ холеры зарегистрировано 18.280, тогда какъ общее количество «излишнихъ» противъ средней нормы смертей опредѣлялось въ 50000 челов. Въ Астраханской губерніи на холеру приходилось 12.377 изъ 29.000 смертныхъ случаевъ, составлявшихъ излишекъ 1892 г. противъ средней за предшествовавшее девятилѣтіе. Во всѣхъ 13 губерніяхъ отъ холеры умерло 134,767 чел., тогда какъ общее превышеніе смертности 1892 года надъ девятилѣтнею среднею составляло, какъ мы видѣли выше, болѣе 466 тыс. человекъ.

Мы не будемъ продолжать далѣе наши статистическія параллели. Полагаемъ, что и приведенныхъ данныхъ съ избыткомъ до-

статочно, чтобы подтвердить то общее замѣчаніе, которымъ мы начали нашу замѣтку.

Говоря о вопросахъ, такъ или иначе связанныхъ съ учетомъ населенія, и переѣнахъ, происходящихъ въ его численности, нельзя не вспомнить о судьбахъ того большого дѣла, которое предпринято въ послѣднее время для упорядоченія такого учета, — именно предстоящей *всеобщей переписи* населенія.

Къ сожалѣнію, попадающія въ печать извѣстія о ходѣ этого дѣла очень отрывочны и скудны. Мы знаемъ только, что въ исходѣ прошлаго года начала свои занятія главная переписная коммисія, которая должна была выработать исполнительный планъ переписи, формы переписныхъ бланковъ, инструкціи исполнителямъ и выполнить другія организаціонныя работы по переписи. Затѣмъ газеты принесли недавно извѣстіе, что въ августѣ имѣютъ быть образованы мѣстные переписныя коммисіи и начнутся подготовительныя работы на мѣстахъ. Результатами своихъ занятій главная переписная коммисія — вопреки ожиданіямъ на нее возлагавшимся — не нашла нужнымъ дѣлиться съ публикою и заинтересованными вопросомъ о переписи кругами и учрежденіями. Кажется, впрочемъ, велись сношенія съ кѣмъ то на мѣстахъ; по крайней мѣрѣ такъ, можно заключить на основаніи появившагося какъ-то! весной въ газетахъ извѣстія, что какой-то земскій начальникъ, по ошибкѣ, произвелъ перепись въ своемъ участкѣ по присланной ему программѣ и представилъ результаты ея въ главную коммисію. Если мы не ошибаемся, опубликована была только рѣчь предсѣдателя главной переписной коммисіи, произнесенная при открытіи дѣйствіи коммисіи. Теперь передъ нами лежитъ печатная брошюра, изданная коммисіей подъ заглавіемъ: «Опытъ переписи населенія. Наставленіе сельскимъ счетчикамъ».

Предсѣдательская рѣчь прекрасна, какъ и всѣ рѣчи, произносимыя почтеннымъ П. П. Семеновымъ. Никакъ нельзя сказать того же о составленномъ коммисіею «Наставленіи». Это «Наставленіе», также какъ и приложенныя къ нему двѣ формы переписныхъ листовъ (А и Б — для крестьянскихъ владѣльческихъ хозяйствъ), не могутъ не вызывать недоумѣній.

Начать съ того, что программа переписи — и безъ того, быть можетъ, слишкомъ широко намѣченная «положеніемъ» 5 іюня — *увеличена* въ «Наставленіи» еще двумя новыми вопросами. По каждому хозяйству «Наставленіе» требуетъ отмѣтить, кромѣ данныхъ, указанныхъ закономъ о переписи, — еще свѣдѣнія о томъ, «живетъ ли хозяинъ въ собственномъ дворѣ, или на квартирѣ въ чужомъ дворѣ? И если живетъ въ собственномъ дворѣ или занимаетъ весь чужой дворъ, то сколько въ немъ жилыхъ строеній», «изъ чего каждое построено» и «чѣмъ каждое крыто».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что перепись всѣхъ жилыхъ строеній представляетъ извѣстный интересъ, но нѣтъ сомнѣнія, также и въ томъ, что интересъ этотъ далеко не первостепенный. Если къ программѣ переписныхъ вопросовъ можно было дѣлать дополненія, характеризующія условія переписываемыхъ хозяйствъ, то, конечно, во много разъ болѣе интереса представлялъ бы, напр., вопросъ, *есть ли у даннаго хозяйства земля, надѣльная и купленная*. Отмѣтки объ этомъ, сдѣланныя при всеобщей переписи, дали бы намъ возможность точно выдѣлить среди массы сельскаго населенія элементъ *безземельнаго пролетаріата*. Это данное громадной важности. Но переписная коммиссія нашла болѣе интереснымъ и важнымъ выяснитъ обстоятельно, сколько деревянныхъ домовъ падается среди мазанокъ или мазанокъ въ районахъ деревянныхъ построекъ, и пересчитать точно всѣ соломенные, деревянные, желѣзные и инныя крыши на крестьянскихъ избахъ.

Другое дополненіе еще менѣе удачно. Въ графѣ о занятіяхъ «Наставленіе» требуетъ дѣлать и отмѣтки, выясняющія «положеніе по воинской повинности», для каждаго лица, къ этой повинности привлеченнаго. Это во 1-хъ, осложняетъ безъ нужды программу переписи вообще и вопросъ о занятіяхъ (и безъ того сложный) въ частности, во 2-хъ,—и самое главное—можетъ вызвать извѣстныя недоразумѣнія по отношенію къ самому характеру и значенію переписи. По смыслу «положенія» о переписи, перепись не должна преслѣдовать никакихъ иныхъ цѣлей, кромѣ чисто статистическихъ. Законъ стремится устраничь все, что могло бы придать переписи видъ акта фискальнаго,—какимъ были прежнія ревизіи—или вообще подать поводъ предполагать въ переписныхъ вопросахъ какія либо непосредственно практическія цѣли. Включеніе въ переписной бланкъ отмѣтокъ о воинской повинности никакъ уже не можетъ способствовать достиженію такой цѣли.

Помимо двухъ названныхъ вопросовъ (первый изъ которыхъ скорѣе составляетъ цѣлую группу вопросовъ), остальные рубрики установленныхъ коммиссіею бланковъ заключаютъ въ себѣ тѣ же вопросы, которые перечислены и въ «положеніи» о переписи, только иногда въ иной редакціи, а «Наставленіе» даетъ указанія, какъ ихъ должно наполнять.

Къ сожалѣнію, указанія эти въ большинствѣ случаевъ тоже не особенно удачны. Они или неопредѣленны, или мало понятны, или даже прямо неправильны. Замѣчательно при этомъ, что всего болѣе въ «Наставленіи» говорится о разныхъ второстепенныхъ подробностяхъ. По отношенію къ существеннымъ сторонамъ затрогиваемыхъ программю вопросовъ «Наставленіе» гораздо скупѣе на разъясненія.

Мы не имѣемъ никакой возможности, въ бѣглой журнальной замѣткѣ, прослѣдить подробно, статья за статью, все «Наставленіе сельскимъ счетчикамъ», но, чтобы не быть голословными, приведемъ

нѣсколько примѣровъ на выдержку. Остановимся на 3 вопросахъ программы: *родной языкъ, грамотность и занятія*.

При отмѣткахъ о «родномъ языкѣ» счетчики могутъ встрѣтить сомнѣніе, что понимать подъ роднымъ языкомъ: тотъ ли языкъ, на которомъ всегда говорить опрашиваемый, или тотъ языкъ, который свойственъ его національности. Какой языкъ считать роднымъ для татарина, который съ дѣтства живетъ въ русской семьѣ и постоянно говорить и думаетъ по русски: русскій или татарскій? «Наставленіе» рѣшаетъ коротко: слѣдуетъ «вписывать названіе того языка, который каждый считаетъ для себя роднымъ». Конечно, это не столько рѣшеніе, сколько пересказъ вопроса иными словами, и не гарантируетъ отъ того, что разными счетчиками или даже и однимъ и тѣмъ же въ разныхъ случаяхъ не будутъ записаны данныя, совсѣмъ не соизмѣрима; но по крайней мѣрѣ счетчикъ будетъ знать, что ему слѣдуетъ писать. Но какъ понять такое «разъясненіе»: «при обозначеніи родного языка въ семьяхъ, *говорящихъ на разныхъ языкахъ* *), счетчики должны руководствоваться отвѣтомъ на вопросъ, на *какихъ языкахъ* семья говоритъ между собою, и обозначать *этотъ общій для всей семьи языкъ*, за исключеніемъ, конечно, случаевъ, когда члены семьи *могутъ имѣть разные языки*, напр., при смѣшанныхъ бракахъ». Мы не желали бы быть въ положеніи счетчика, который долженъ разбираться въ этихъ указаціяхъ и отыскивать «*общій языкъ*» въ семьѣ, члены которой говорятъ между собою на «разныхъ языкахъ».

Вопросъ о грамотности подраздѣленъ въ переписномъ бланкѣ на два подвопроса: а) «умѣетъ ли читать?» и б) «гдѣ обучается, обучался или гдѣ получилъ образованіе».

Здѣсь нельзя не отмѣтить недоразумѣнія. Грамотность въ программахъ переписной комиссіи отождествляется съ «умѣньемъ читать». Обыкновенно этотъ терминъ употребляется иначе. Грамотными называются лица, умѣющія *читать и писать*. Тотъ, кто умѣетъ только читать, считается *полуграмотнымъ*. Такое раздѣленіе имѣетъ существенное значеніе; есть группы населенія, въ которыхъ встрѣчается много полуграмотныхъ и очень мало грамотныхъ, въ особенности это имѣетъ мѣсто среди раскольниковъ. Конечно, возможенъ и суммарный учетъ всѣхъ грамотныхъ и полуграмотныхъ вмѣстѣ, но странно встрѣтить его въ программѣ всеобщей переписи, когда рядомъ съ этимъ программа задается подробнымъ выясненіемъ, въ какихъ именно школахъ, а если дома, то у кого именно («у причетника», «у солдата» и т. д.) приобрѣтена столь смутно и неясно опредѣленная «грамота». Намъ кажется, что этотъ промахъ въ программѣ и въ «Наставленіи» нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ полнымъ игнорированіемъ со стороны ихъ составителей всѣхъ, доселѣ производившихся въ Россіи, мѣстныхъ стати-

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

стическихъ работъ. Только потому «Наставленіе» и повторяетъ ошибки, естественныя въ первыхъ опытахъ.

Вопросъ о регистраціи занятій вообще и крестьянскихъ промысловъ въ частности вопросъ очень сложный и трудный. Разверните любой земско-статистическій сборникъ, въ которомъ говорится о промыслахъ сельскаго населенія, и вы встрѣтите непрѣменно цѣлый рядъ указаній на разнаго рода затрудненія, встрѣчающіяся при регистраціи данныхъ этой категоріи. Если затрудненія встрѣчаются опытнымъ статистиками, то тѣмъ паче нужно ихъ ожидать со стороны мало подготовленнаго и даже малограмотнаго персонала счетчиковъ, которыми придется пользоваться при всеобщей переписи. Поэтому указанія инструкцій по отношенію къ этому роду данныхъ должны быть въ особенности точны, опредѣлены и, если можно такъ выразиться, конкретны. Но достигнуть такой конкретности можно только, считаясь съ бытовыми условіями и бытовой обстановкою промысловой дѣятельности сельскаго населенія. Но эта обстановка далеко не одинакова для различныхъ мѣстностей Россіи и различныхъ группъ крестьянскаго населенія. Поэтому-то, при установленіи программъ для промысловыхъ переписей и выработкѣ инструкцій относительно выполненія этихъ программъ, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь необходимы мѣстное обсужденіе и мѣстный опытъ. При разработкѣ программы предстоящей всеобщей переписи такое обсужденіе признано было излишнимъ. Можно было ожидать, по крайней мѣрѣ, что переписная коммиссія воспользуется хотя тѣми результатами мѣстныхъ опытовъ, которые сведены въ печатныхъ статистическихъ сборникахъ. «Наставленіе сельскимъ счетчикамъ» не обнаруживаетъ, однако, никакихъ слѣдовъ того, чтобы эти мѣстные опыты въ кадой нибудь мѣрѣ приняты были во вниманіе. «Наставленіе» заключаетъ въ себѣ рядъ очень общихъ указаній, нисколько не примѣненныхъ къ бытовымъ условіямъ крестьянской жизни; указанія эти отличаются притомъ же и нѣкоторымъ отсутствіемъ перспективы: больше вниманія они обращаютъ на второстепенныя подробности дѣла, нежели на существенныя и основныя его черты.

При переписи занятій сельскаго населенія, при русскихъ условіяхъ даннаго времени, наиболѣе важнымъ и существеннымъ моментомъ является отчетливое выясненіе отношенія сельскаго населенія вообще къ *земледѣлю* и населенія, имѣющаго свою землю—къ *земледѣльческому хозяйству на этой землѣ* въ частности. Прежде всего должно быть опредѣлено, какая часть сельскаго населенія можетъ быть признана *земледѣльческою* въ собственномъ смыслѣ слова, какая является только *отчасти* земледѣльческою и какая, наконецъ, не имѣетъ никакихъ связей съ землею.

Для этого относительно каждаго лица, принимающаго какое нибудь участіе въ земледѣльческихъ работахъ, должно быть указано, въ чемъ именно эти работы заключаются. Въ хлѣбопашныхъ райо-

нахъ, напр., крестьянинъ, участвующій въ *обработку* земли, есть настоящій земледѣлецъ—хотя бы, сверхъ того, онъ имѣлъ и какой нибудь другой промыселъ; тотъ, кто приходитъ домой только на *уборку* хлѣбовъ, — земледѣлецъ только отчасти; наконецъ, за *косу* нѣрѣдко берутся кустари, никакого отношенія къ другимъ земледѣльческимъ работамъ не имѣющіе.

Даютъ-ли намъ указанія «Наставленія сельскимъ счетчикамъ» какія нибудь гарантіи въ томъ, что подобное распределеніе населенія можетъ быть достигнуто при переписи? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно.

Прежде всего нужно замѣтить, что «Наставленіе» вообще очень скупо на объясненія, касающіяся промысловыхъ занятій собственно крестьянскаго населенія. Большая часть всѣхъ разъясненій относится къ способамъ заполнения соответствующихъ рубрикъ въ бланкѣ *Б*, касающихся посторонняго населенія, проживающаго въ чертѣ крестьянскихъ селеній, или населенія владѣльческихъ усадебъ.

Вопросъ о занятіяхъ подраздѣленъ въ программѣ на два под-вопроса: въ одной изъ графъ переписнаго листа для каждаго члена переписываемаго хозяйства должно быть обозначено занятіе «главное (дома или на сторонѣ)», въ другой «добавочное» (тоже дома или на сторонѣ). «Главнымъ» признается такое занятіе, отъ котораго данное лицо «получаетъ главныя средства существованія». При обозначеніи занятія необходимо показывать какъ родъ занятія, такъ и положеніе, занимаемое лицомъ, о которомъ дѣлается отмѣтка, въ упомянутомъ занятіи; «напримѣръ,—поясняетъ «Наставленіе»—противъ каждаго способнаго къ работѣ крестьянина, получающаго главныя свои средства къ существованію отъ земледѣлія, должно быть прежде всего обозначено: «землед.», при чемъ обозначается при хозяйнѣ «хозяйнѣ землед.», при остальныхъ членахъ семьи, способныхъ къ работѣ,—«работникъ землед.» (?), а при постороннихъ работникахъ, служащихъ по найму—«батракъ землед.»; противъ лицъ, принадлежащихъ къ хозяйству, занимающихся не дома, а преимущественно на отхожихъ промыслахъ, должно обозначать «землед. на отхож. пром.» или «землед. въ батракахъ».

Вотъ буквально *все*, что говорится въ «Наставленіи» о земледѣльческихъ занятіяхъ крестьянскаго населенія. Въ разъясненіяхъ, касающихся «добавочныхъ» занятій, о земледѣліи ничего не упоминается. Получается какое-то странное впечатлѣніе (которое можетъ сбить не одного счетчика), какъ бы земледѣльческія занятія должны регистрироваться только въ томъ случаѣ, если они даютъ «главныя» средства къ жизни. Но какъ отличить, что главное, что не главное тамъ, гдѣ хозяйство ведется еще натурального типа, рассчитанное не на рынокъ, а на собственное потребленіе? Затѣмъ, нельзя не отмѣтить въ приведенномъ выше маленькомъ кусочкѣ нѣсколько большихъ недоразумѣній. Какъ можно называть «земледѣльческимъ работникомъ» члена семьи, обрабатывающаго собствен-

ный, семейный надѣлъ? Эта терминологія такъ чужда и странна для крестьянскаго уха, что непременно поведетъ къ большимъ запутанностямъ въ записяхъ. Да она и по существу неправильна. Къ членамъ семейныхъ группъ, сообща работающимъ и ведущимъ общее хозяйство, нельзя примѣнять терминовъ, которыми обозначаются отношенія «хозяевъ» и «работниковъ» въ хозяйствахъ, основанныхъ на наймѣ. Затѣмъ, почему отмѣтка «работникъ землед.» должна ставиться противъ *всѣхъ* членовъ семьи, *способныхъ* къ работѣ? Вѣдь нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, вовсе и не занимаются земледѣлемъ. Въ большихъ земледѣльческихъ семьяхъ ихъ можно встрѣтить сплошь и рядомъ.

Столь же скудны указанія и относительно крестьянскихъ промысловъ не земледѣльческихъ. Нѣкоторые разъясненія въ этомъ отношеніи (касательно обозначенія рода промысла и положенія въ немъ регистрируемаго лица) могутъ быть, впрочемъ, заимствованы по аналогіи изъ замѣчаній по бланкамъ владѣльческимъ. Но по вопросамъ о *времени* и о *мѣстѣ* производства промысловыхъ занятій,—вопросамъ, имѣющимъ такое существенное значеніе для выясненія отношенія промысла къ земледѣлію, — никакихъ определенныхъ указаній въ «Наставленіи» мы не находимъ.

Скудость разъясненій о способахъ регистраціи крестьянскихъ промысловъ «Наставленіе» стремится выкупить нѣкоторымъ, быть можетъ, даже излишнею, роскошью въ подробномъ обозначеніи занятій населенія владѣльческихъ усадебъ. Отъ счетчика требуется тщательное обозначеніе должностей, которыя занимаютъ служащіе и рабочіе въ усадебномъ хозяйствѣ (слѣдуетъ, напр., писать «слесарь на винокуренномъ заводѣ», «сахароваръ-мастеръ» и т. д.), для личной прислуги тоже должны обозначаться выполняемыя обязанности, слѣдуетъ непременно отличать кучеровъ, лакеевъ, поваровъ, горничныхъ, няней и т. п. «Наставленіе» озабочивается также и тѣмъ, чтобы были точно указаны должности или профессіи и самихъ владѣльцевъ усадебъ или ихъ гостей. Необходимо писать, напр.: «начальникъ кавалерійской дивизіи», или «начальникъ пѣхотнаго полка», а не просто офицеръ или генералъ, «директоръ д-та м-ва финансовъ», а не чиновникъ и т. д.

Наши замѣтки такъ растянулись, что ихъ приходится кончить. О другомъ отдѣлѣ «Наставленія», посвященномъ изложенію «обязанностей и правъ счетчика по производству переписи», мы не будемъ, повтому, говорить. Упомянемъ только, что «Наставленіе» настойчиво указываетъ для собиранія свѣдѣній въ крестьянскихъ селеніяхъ тотъ приемъ *обхода всѣхъ дворовъ* счетчикомъ, о неудобствахъ котораго такъ много говорилось въ печати по поводу первыхъ извѣстій о предполагаемыхъ переписныхъ порядкахъ*) и который послѣ нѣ-

*) Въ октябрьской хроникѣ нашего журнала, за прошлый годъ, намъ довелось уже подробно говорить объ этой сторонѣ дѣла. Здѣсь мы не будемъ повторять приведенныхъ въ этой статьѣ замѣчаній.

сколькихъ опытовъ совершенно оставленъ былъ практикою земскихъ переписей. Какъ бы въ видѣ уступки, «Наставленіе» допускаетъ условное примѣненіе опроса на еходахъ (обычнаго приема земской статистики) только при вторичныхъ добавочныхъ опросахъ и поправкахъ, имѣющихъ цѣлью свести всѣ данныя къ тому дню, къ которому приурочена перепись. Такія поправки могутъ быть сдѣланы счетчикомъ или посредствомъ обхода еще разъ всѣхъ дворовъ, или посредствомъ созыва и опроса всѣхъ хозяевъ каждаго селенія. Выборъ того или другого способа предоставляется усмотрѣнію завѣдывающаго переписнымъ участкомъ. Что касается первоначальной, основной работы, то она должна быть сдѣлана *«непрѣменно путемъ обхода и опроса каждаго хозяйства»* **), причемъ главное вниманіе должно быть обращено на то, чтобы «ни одно помѣщеніе, занятое жильемъ, не было пропущено». «Наставленіе» предвидитъ даже возможность случаевъ, когда придется разыскивать по задворкамъ пропущенное при обходѣ дворовъ населеніе — и все-таки не считаетъ возможнымъ замѣнить такой приемъ собиранія данныхъ тѣми способами опроса, практичность и цѣлесообразность которыхъ проверены при переписи нѣсколькихъ милліоновъ дворовъ земскими статистиками...

Н. Анненскій.

Нѣсколько словъ въ защиту печати.—Образецъ «желательнаго» литературнаго тона.—Правительственное сообщеніе.

Печать заговорила о злоупотребленіи печатью. Это, конечно, очень похвально: никогда не мѣшаетъ подумать о собственныхъ грѣхахъ и, безъ сомнѣнія, достоинство самой печати требуетъ очень внимательнаго отношенія ко всѣмъ ея приемамъ, а также къ много-различнымъ интересамъ, соприкасающимся съ областью ея дѣятельности. И подумать объ этомъ, и сказать по этому поводу можно много. Однако... «всякому овощу, — говоритъ пословица, — свое время» — и, прибавимъ мы, — свое мѣсто. Добродѣтель — прекрасная вещь, но когда рѣчь о добродѣтели заводитъ, напр., Тартюфъ, то ближайшимъ знакомымъ этого почтеннаго человѣка невольно приходитъ въ голову, что именно въ эту минуту чьей нибудь юной добродѣтели начинается грозить сугубая опасность. Такую же невольную тревогу рождаютъ въ насъ теперь эти горячіе толки о «могуществѣ прессы», о «высокой честности», о необходимости осторожнаго обращенія съ печатнымъ словомъ. Да, очень ужъ неподходящей кажется намъ та градка, на которой распускается въ данную минуту эта овощъ. Стоитъ только взглянуть, съ какой радостной

*) Курсивъ подлинника.

готовностью принимается обсуждать этот вопрос хотя бы редакторъ «Гражданина», на столбцахъ котораго еще такъ недавно красовался завѣдомый пасквиль, подавшій поводъ къ знаменитымъ «жестамъ съ палкой» — чтобы сильно усумниться: дѣйствительно-ли тутъ защищаютъ кого-то отъ нечестной части прессы, или же, наоборотъ, здѣсь готовится нападеніе именно на честную печать, отъ которой нѣкого защищать не приходится. И такъ, будемъ осторожны и посмотримъ, въ чемъ тутъ дѣло.

Года два назадъ кн. Мещерскій въ своемъ «Гражданинѣ» упрекалъ русскую прессу въ томъ, что она слишкомъ мало занимается институтомъ земскихъ начальниковъ, тогда какъ критическія указанія на недостатки, ошибки и порой плохой составъ молодого учрежденія могли-бы принести послѣднему огромную пользу. При семъ случаѣ было высказано нѣсколько, весьма справедливыхъ, мыслей о желательности печатной критики и гласности съ точки зрѣнія самаго правительства. Допустимъ, что можно еще спорить, что полезнѣе для «молодого учрежденія», вступающаго въ жизнь: свободная-ли критика его первыхъ шаговъ со всѣхъ точек зрѣнія, или же, наоборотъ, огражденіе отъ критики до тѣхъ поръ, пока оно не окрѣпнетъ. Везспорно, однако, одно: не можетъ быть въ благоустроенномъ государствѣ такого учрежденія, которое навсегда было-бы изъято отъ критики, которое, какъ стыдливая мимоза, боится прикосновенія и можетъ произрастать лишь подъ условіемъ тепличнаго огражденія отъ всякаго вѣянія гласности и анализа. Никогда тепличное воспитаніе не идетъ на пользу ни индивидуальному, ни социальному организму.

Совершенно нормально, поэтому, что въ газеты, преимущественно провинціальныя, стали понемногу проникать факты изъ дѣятельности земскихъ начальниковъ, извѣстія становились чаще, и вотъ теперь мы присутствуемъ при интересномъ зрѣлищѣ: князь Мещерскій и органы его лагеря заводятъ рѣчь о злоупотребленіи печатнымъ словомъ и о «тенденціозно несправедливомъ» отношеніи печати къ реформѣ 12 іюля.

Такъ ли это? Къ сожалѣнію, эти нападки на русскую печать вообще и на провинціальную въ особенности такъ голословны и общи, что мы должны сами поискать фактовъ, которые приводятъ катонъ репрессіи въ столь дурное расположеніе духа.

Пишущему эти строки, въ качествѣ хроникера и журналиста, приходилось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ слѣдить за провинціальной прессой, и я располагаю теперь по данному вопросу очень обширнымъ, если не полнымъ матеріаломъ. Поэтому я имѣю возможность съ фактами въ рукахъ доказать кому угодно, что всѣ обвиненія, сыплющіяся на печать *по этому собственно поводу*, совершенно неосновательны, и что сами обвинители повинны какъ разъ въ томъ, на что нападаютъ, т. е. въ голословности, въ неправильныхъ обобщеніяхъ и крайней тенденціозности огульныхъ обвиненій.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что большинство неправящихся «консервативамъ» извѣстій идетъ изъ провинціальной прессы. И это понятно: эта пресса ближе всего къ «мѣсту дѣйствія», и глухіе углы, естественно, даютъ больше простора «отрицательнымъ чертамъ» всякаго явленія. Однако, есть ли тутъ признаки «тенденціозности»? Мы видѣли уже на примѣрѣ г-на Жеденева, что его «опыты» были привѣтствованы провинціальной прессой самымъ радушиимъ образомъ. Одна изъ саратовскихъ газетъ защищала ихъ очень долго и дѣлательно. Въ одномъ изъ предыдущихъ обзорѣй я приводилъ примѣръ, когда г. судебный слѣдователь, случайно попавшій въ «жеденевское царство» и, повидимому, высказавшій мнѣніе, которое теперь стало официальнымъ, произведенъ былъ г-мъ Жеденевымъ въ «агитаторы» или въ сумасшедшіе. И что же,—это извѣстіе, не щадившее «добраго имени» слѣдователя, тотчасъ же появилось въ саратовской газетѣ, и его охотно перепечатали другія (мы цитировали изъ «Волгара»). Очевидно, если тутъ было «неосторожное обращеніе съ печатнымъ словомъ» и съ чужимъ добрымъ именемъ, то истекало оно не изъ предубѣжденія, противъ земскаго начальника, а напротивъ, клонилось явно въ его пользу и было основано на составленномъ имъ же «протоколѣ».

Мы могли-бы наполнить цѣлыя страницы изложеніемъ восторговъ южныхъ провинціальныхъ газетъ и ихъ ожиданій по поводу введенія реформы. Но мы полагаемъ, что болѣе убѣдительнымъ явится примѣръ, взятый съ сѣвера, менѣе склоннаго къ экспансивности и горячимъ изліяніямъ. Въ газетѣ «Вятскій Край» появилось въ прошломъ году нѣсколько очень яркихъ «обличительныхъ» корреспонденцій, вызвавшихъ, сколько помнится, сердитые окрики со столбцовъ столичныхъ «охранителей». И такъ, здѣсь мы легче всего отыщемъ «тенденціозное отношеніе», исполненное предубѣжденія противъ земскихъ начальниковъ, здѣсь всего скорѣе, выражаясь словами «Гражданина», «беззащитность, носящая характеръ полемическихъ доносовъ и «кухонныхъ» обличеній, перешла всякія границы, а о широкой, правдивой, плодотворнѣйшей дѣятельности земскихъ начальниковъ замалчивается» (Гражд. 1896, № 52, стр. 10). Очень хорошо. Однако, вотъ нѣкоторые отзывы этой провинціальной газеты. Въ номерѣ отъ 6 іюня прошлаго года изъ с. Вятскихъ Полянъ пишутъ объ отмиѣнѣ, по инициативѣ земскаго начальника, невыгодной для крестьянъ сдѣлки. Вотъ № отъ 27 апрѣля того-же года; въ немъ авторъ дѣлится впечатлѣніями, вынесенными «изъ зала вятскаго уѣзднаго сѣзда». «Къ счастью,—сообщаетъ онъ,—періодъ индифферентнаго отношенія и даже покровительства мірскимъ захребетникамъ и кулакамъ... безвозвратно миновалъ... И надо отдать честь мѣстному институту земскихъ начальниковъ за то, что онъ отвелъ надлежащее мѣсто ростовщикамъ и зорко охраняетъ отъ нихъ населеніе» (В. Край, 1895, № 23). Въ № 19 той-же газеты встрѣчаемъ поправку къ

весьма сочувственной замѣткѣ о дѣятельности земскаго начальника по открытію учебно-столярной мастерской. Въ корреспонденціи изъ с. Суна, Нолинскаго уѣзда, озаглавленной: «Примѣръ, достойный подражанія»: «Нѣкоторые убѣждены,—пишетъ авторъ,—что съ нашимъ мужикомъ «безъ тычка и зуботычины» ничего не подѣлаешь. Но вотъ примѣръ обратнаго: нашъ новый земскій начальникъ г. С. задумалъ устроить въ селѣ богадѣльню для неизлѣчимо больныхъ и въ этомъ случаѣ обратился къ сходу не съ требованіемъ, какъ обыкновенно привыкли крестьяне, а съ просьбой»... «Кто не согласенъ,—говорилъ г. земскій начальникъ,—идите, а кто согласенъ, я готовъ тому въ ноги поклониться. И послѣ этого не было слышно ни одного голоса, всѣ были согласны, и приговоръ состоялся единогласный. Доброту г-на С. знаетъ уже вся округа, а въ особенности ниція дѣти, которыхъ онъ и обуваетъ, и одѣваетъ». «По инициативѣ его,—приводитъ корреспондентъ,—у насъ скоро, быть можетъ, возникнуть даже общественныя запашки и, разумѣется, только добровольныя» (№ 16, 1895). Въ № 53 1895 г. читаемъ: земскій начальникъ 6 уч. Орловскаго уѣзда г. Суворовъ учреждаетъ въ г. Ср. Ивкинѣ, Поломской волости, сукновалуку съ воднымъ приводомъ и ткацкую мастерскую для тканья сукна, полотна, сарпинки и широкаго холста для мѣшковъ». Газета выражаетъ надежду, что и остальные г-да земскіе начальники предпримутъ мѣры, для улучшенія экономическxъ условій народнаго быта и для его просвѣщенія.

Нужно-ли продолжать выписки? Полагаю, и сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, что газету гораздо легче обвинить въ преувеличенныхъ ожиданіяхъ, чѣмъ въ тенденціозномъ пессимизмѣ. А редакція не только не замалчиваетъ отрадныя явленія, но даже не искореняетъ корреспондентскихъ восторговъ. Она просто даетъ мѣсто голосу земли, чающей и ждущей. И если, послѣ столь благосклонныхъ извѣстій одного рода, мы получимъ изъ другихъ мѣстъ извѣстія характера противоположнаго,—то какое-же право имѣемъ мы видѣть въ этомъ какую-то одностороннюю преднамѣренность, а не объективное отношеніе къ непосредственному голосу обывателя, поднимающемуся изъ самой глубины непосредственной жизни. Обыватель въ с. Сунаѣ доволенъ и дѣлится своей радостью, обыватель села Игры скорбитъ и дѣлится своей скорбью... Въ № 61 онъ выражаетъ удовольствіе по поводу открытія земскимъ начальникомъ училища и читальни, а въ № 55 не можетъ не печалиться по поводу продажи волости съ аукціоннаго торга! И такъ всюду,—возьмите любую провинціальную газету, и вы увидите все то же: отмѣчая отрадныя факты, газета также не закрываетъ глазъ на отрицательныя. И, безъ сомнѣнія, было-бы гораздо лучше, еслибы, вмѣсто огульныхъ обвиненій провинціальной печати, консервативные органы занялись бы изученіемъ непосредственнаго матеріала, среди котораго, какъ мы видимъ, не отсутствуетъ и то, что для нихъ пріятно. Только внимательный, спокойный подсчетъ и анализъ

плюсовъ и минусовъ составляетъ задачу, поистинѣ достойную органовъ прессы, уважающихъ себя, уважающихъ печатное слово и въ-рящихъ въ то дѣло, которому они служатъ. Мы и намѣрены заняться этимъ въ одномъ изъ будущихъ очерковъ, а пока позволяемъ себѣ поставить на видъ нашимъ собратьямъ изъ «консервативнаго» лагеря, что своей нервностью и торопливостью, этими послѣдними криками и голословными обвиненіями по адресу безхитростной провинціальной прессы—они оказываютъ очень плохую услугу собственному дѣлу. Можно подуматъ невольно, что уже по глазомѣру и безъ всякаго дальнѣйшаго подсчета они признали конечные выводы несоответствующими ихъ ожиданіямъ, что они уже впередъ отказываются отъ разговора по существу.

Не имѣя въ виду пока рѣшать вопросъ по существу и откладывая анализъ нашего матеріала на недалекое будущее, мы говоримъ здѣсь лишь о литературномъ походѣ противъ такъ называемой «обличительной» струи въ нашей прессѣ. При этомъ не можемъ отказать себѣ въ невинномъ удовольствіи—подѣлиться съ читателемъ небольшими образцами «приличной» полемики, дающими идею о томъ литературномъ тонѣ и уваженіи къ печатному слову, которыми обвинители русской прессы желали-бы замѣнить ея теперешнюю «разнузданность» и неприличіе. Въ нѣсколькихъ уже №№ «Гражданина» мы имѣемъ удовольствіе читать «отрывки изъ практики земскаго начальника», принадлежащіе перу г-на В. Т.—аго. Хотя «отрывки изъ практики» и внушаютъ невольное, какъ-бы сказать... сомнѣніе со стороны грамматической, но это не мѣшаетъ намъ видѣть въ ихъ авторѣ человѣка весьма авторитетнаго не только въ глазахъ «Гражданина», столбцы котораго онъ украшаетъ произведеніями своего пера, — но и вообще въ консервативномъ лагерѣ нашей прессы. «Получивши въ нашемъ заголустѣ газеты, — пишетъ онъ, между прочимъ, въ № 52 отъ 30 іюня, — (я) съ удовольствіемъ прочелъ въ № 158 «Спб. Вѣдомостей» выдержки изъ моей замѣтки... Кстати, это обстоятельство навело меня на мысль извиниться передъ почтенной газетой, что, обѣщая ей свое сотрудничество, я по исключительнымъ обстоятельствамъ (завѣдываніе двумя участками) не совсѣмъ аккуратно исполняю обѣщаніе, несмотря на обиліе готоваго матеріала. Во всякомъ случаѣ, — обнадеживаетъ авторъ, — съ наступленіемъ осени я намѣренъ сугубо восполнить пробѣлъ, тѣмъ болѣе — это доставитъ мнѣ особенное удовольствіе, что нападки на институтъ земскихъ начальниковъ, въ извѣстныхъ сферахъ печати, прогрессируютъ рука объ руку съ самой крайней безце ремонтностію, а главное — безпочвенностію». Когда Э. Золя сообщаетъ за годъ о будущемъ появленіи своей работы, мы это понимаемъ. Понимаемъ также и радость подписчиковъ «Спб. Вѣдомостей», знающихъ теперь навѣрное, что съ осени они будутъ читать строки г-на В. Т.—аго уже не въ перепечаткѣ. Все это, къ не меньшему нашему удовольствію, даетъ намъ право разсматривать

статьи этого автора, какъ настоящіе образцы желательнаго литературнаго тона и корректнаго печатнаго разговора, которые нашимъ литературнымъ противникамъ угодно было-бы насадить во всей россійской прессѣ. Не даромъ же все письмо проникнуто такимъ высококомѣриемъ и желчію по адресу остальной печати, особенно провинціальной... Въ ней царитъ «беззастѣнчивость», носящая характеръ полемическихъ доносовъ и «кухонныхъ» (?) обличеній, въ ней авторъ встрѣчаетъ «отвратительную страшню, преподносимую... заправскими «либераль-щелкоперами»; забывая, что въ домѣ повѣшеннаго обыкновенно не упоминають о веревкѣ, авторъ говоритъ на столбцахъ «Гражданина», что пресса пробавляется *пакшиями* («другой то товаръ въ ихъ лавочкѣ рѣдко и продается»)... «Какое имъ (надо думать, либераль-щелкоперамъ) дѣло до населенія, по правдѣ связать, большинство ихъ терпѣть не можетъ мужика, и кабатничаютъ (?) они ради подписчиковъ»... Не правда-ли, вотъ что называется полемизировать въ приличномъ тонѣ, съ перчатками на рукахъ! Впрочемъ, дальше стиль уважаемаго писателя возвышается до истиннаго, неподражаемаго благородства и изящества... «Не сообразять того, что земскимъ начальникамъ нѣтъ времени, да и охоты подчасъ читать, да и выписывать всякую дребедень, да и оклады ихъ неахти какіе... На все и вся при жизни на три дома (почему именно на три?) 2.200 рублей жалованья,—не разгуляешься! А тутъ еще услужливая печать на всякое чханіе («чханіе»—какъ это, неправда-ли, изящно?) въ родѣ развѣздовъ да необходимаго десятковаго (это еще что?) при разборѣ дѣлъ указываетъ, «кому вѣдать надлежитъ», что нелегальные, де-моль, поступки творятся земскими начальниками. А когда вѣдши мировые судьи, не имѣя административныхъ дѣлъ... это, ничего, когда становой имѣетъ чуть не пять разсылныхъ — это тоже ничего (какъ ничего?), а коли земскій начальникъ, по просьбамъ самаго же населенія (есть и такія «просьбы»), получаетъ хотя-бы $\frac{1}{10}$ часть того-же и для прямыхъ выгодъ самаго населенія, тогда бьютъ въ набатъ» («Гражд.», № 52, стр. 10)... «Критикуютъ все, называютъ снятіе шапокъ передъ начальствомъ блажью послѣдняго etc., а когда съ нихъ снимають шапки, какъ недавно это было на Невскомъ, тогда они воютъ и бѣгутъ подъ ненавистныя имъ административныя сѣни, ругая народъ, елико возможно»... «Кричатъ, что какая-то «особая законность» нужна народу, а не желаютъ зрѣть, что всѣ эти съ высшимъ образованіемъ люди проваливаются въ деревнѣ и исчезаютъ безслѣдно». Кажется, я выписалъ все существенное. Остается, впрочемъ, упомянуть, что какіе-то «соглядатаи добираются до кухни и спальни земскаго начальника» и еще: «Развѣдки» начинаютъ касаться и вашего покорнѣйшаго слуги, коллега, и хотя на кухнѣ гг. корреспонденты и тараканы у меня не обзавелись, но изъ стѣнъ тюремнаго замка (?), крѣпко думаю, они выполняють. Но, Господь съ ними, этими «крупно-травчатыми» слѣдова-

телями и писателями анонимовъ (!) и т. п. мерзости». Теперь все, и нужно сознаться, что послѣднія строки едва-ли понятны даже самому издателю «Гражданина». Тѣмъ не менѣе, въ общемъ — статья несомнѣнно поучительная, и мы постараемся, заключая отъ противнаго, поискать то положительное, что она въ себѣ содержитъ. Пункты полемической статьи г-на В. Т.—аго совершенно опредѣленны, и мы видимъ изъ нихъ вполне ясно, что писать ужасная пресса и — *par conséquence* — какъ слѣдуетъ писать и поступать «молодому коллегѣ» г-на В. Т.—аго, вѣрному послѣдователю «Гражданина». Во 1-хъ, пресса нападаетъ на «нелегальные развѣзды». Увы! — это правда. Мы могли-бы привести много газетныхъ замѣтокъ, подтверждающихъ обвиненіе г-на В. Т.—аго, но считаемъ достаточнымъ указать слѣдующую замѣтку «Нижегородскаго Листка» (1896, № 163). «Какъ извѣстно, — пишутъ въ этой газетѣ, — въ практикѣ увѣдныхъ земствъ выработался обычай предоставлять земскимъ начальникамъ право безплатнаго проѣзда на земскихъ лошадахъ. Такія постановленія земствъ нерѣдко передавались администраціей на разсмотрѣніе губ. присутствій, и одно подобное дѣло восходило до сената. *Сенатъ призналъ, что земскіе начальники не имѣютъ права пользоваться безплатно лошадами*, такъ какъ по закону имъ полагаются развѣздныя деньги»*. Послѣ этого всякое постановленіе земства въ этомъ смыслѣ является незаконнымъ, и уже нѣсколько разъ губернскія присутствія отмѣняли такія постановленія, а пресса отмѣчала и прежніе, и послѣдующіе случаи незаконнаго пользованія развѣздами *)... Мы должны только добавить, что та же пресса никогда не поощряла незаконныхъ развѣздовъ ни у мировыхъ судей, ни тѣмъ болѣе не поощряетъ злоупотребленій полицейскихъ приставовъ. Далѣе, пресса повинна въ томъ, что возстаетъ противъ какого-то «десятьковаго», «по желанію самаго населенія». Признаемся откровенно, мы не встрѣчали этого обвиненія и узнаемъ объ этомъ «отрывкѣ изъ практики» въ первый разъ; но... допустимъ опять-таки, что это правда и что именно за это какіе-то либераль-щелкоперы уже «добираются до г-на В. Т.—аго», а затѣмъ будемъ читать дальше: пресса оказывается повинна еще въ томъ, что требуетъ «законности» для народа и стоитъ за высшее образованіе.

Ergo... Заключая отъ противнаго, мы теперь видимъ, что слѣдуетъ или вѣрнѣе слѣдовало бы дѣлать прессѣ, если она не ждетъ подвергаться нападеніямъ авторитетныхъ писателей консервативнаго лагеря. Она, по примѣру «Гражданина», должна доказывать, во-1-хъ, что *не нужно* для народа никакая законность, что *не нужно* никакое высшее образованіе, что гг. земскимъ начальни-

*) Какъ сообщаетъ «Сам. Газета», «земскіе начальники просили новоузенское земское собраніе (послѣ сенатскаго указа) уменьшать имъ плату за земскихъ лошадей съ 3 коп. на $\frac{1}{2}$ коп.». Другая газета называетъ это «обходомъ закона».

камь *слѣдуетъ* пользоваться разѣздами, не обращая вниманіе на указы сената, что имъ *слѣдуетъ* требовать себѣ «десятковыхъ», непредусмотрѣнныхъ закономъ, но вотиrowанныхъ въ какой-то неизвѣстной формѣ «самимъ населеніемъ»...

Мы боимся, только... что скажетъ по этому поводу цензура, если, паче чаянія, провинціальная пресса послѣдовала бы этому рецепту. Что же касается тона, всѣхъ этихъ словечекъ: «кабачничать», «либераль-шелкоперы», «писакн анонимовъ», «дребедень», «мерзость» и «всякое чханіе» (особенно «чханіе») — то въ этомъ отношеніи мы теряемъ всякую надежду: никогда бѣдной русской прессѣ, въ ея скромномъ большинствѣ по крайней мѣрѣ, не достигнуть такой изысканности полемическаго стиля!

Цитированный выше авторъ приводитъ еще одинъ аргументъ, составляющій теперь общее мѣсто въ ретроградной прессѣ: «не дѣло гг. корреспондентовъ, — говорить онъ, — вмѣшиваться въ распорядки земскихъ начальниковъ, такъ какъ у нихъ достаточно своихъ легальныхъ инстанцій контроля»... Нужно признаться, — аргументъ болѣе чѣмъ странный: вѣдь и у становыхъ приставовъ тоже «есть достаточно своихъ легальныхъ инстанцій контроля». Однако, уже давно прошли времена, когда считалось предосудительнымъ коснуться ихъ официальной дѣятельности, и самъ же авторъ «отрывковъ» упрекаетъ прессу въ излишней яко бы снисходительности къ ихъ злоупотребленіямъ. Интересно, однако, что во всѣхъ случаяхъ, когда «легальныя инстанціи» пытаются такъ или иначе проявить фактически свое право «контроля», та же самая пресса, которая указываетъ на ихъ существованіе, немедленно вооружается противъ этого контроля. «Московскія Вѣдомости» недовольны губернскими присутствіями, «Гражданинъ» находитъ, что гг. губернаторы напрасно беспокоятся, издавая циркуляры въ руководство земскимъ начальникамъ, и даже — въ случаѣ съ г. Протопоповымъ, когда его провинности были признаны всѣми существующими инстанціями, — и административными, начиная съ губернатора и кончая г. министромъ, и судебными — палатой и сенатомъ, — даже въ этомъ случаѣ «Гражданинъ» писалъ, что, по его мнѣнію, губернаторъ «недостаточно поддержалъ авторитетъ и обаяніе учрежденія», «подвергъ униженію и скандалу все учрежденіе земскихъ начальниковъ»... «Никогда, — патетически восклицалъ князь въ заключеніе, — губернатору не слѣдуетъ быть малодушнымъ Пилатомъ (буквально такъ) и предавать ихъ (т. е. земскихъ начальниковъ) толпѣ (т. е. суду!) на поруганіе» (Гражд., 23 янв. 1894).

Это называется россійскомъ консерватизмомъ! Кажется, достаточно указать на эти странныя аспираціи и на то, что собственно ставится въ вину большинству русской прессы, чтобы считать дѣло этой послѣдней выиграннымъ передъ судомъ и государственнымъ, и простого здраваго смысла!..

Предъидущія строки были уже написаны, когда мы получили послѣднюю книжку «Вѣстника Европы». «Процессъ г. Жеденева,—пишетъ авторъ Общественной хроники уважаемаго журнала;—вновь ставитъ на очередь вопросъ о томъ, какъ предупредить, по возможности, личную расправу, вызываемую газетными или журнальными статьями». Хотя намъ кажется, что пресловутый жеденевскій инцидентъ даетъ поводъ для постановки очень многихъ вопросовъ... но все-же самая постановка вопроса, какъ намъ ее даетъ уважаемый журналъ, является и симпатичной, и чрезвычайно серьезной. Достаточно было бы указать на случай съ издателемъ «Гражданина», а затѣмъ вспомнить нѣкоторые эпизоды, имѣвшіе мѣсто на страницахъ русскихъ повременныхъ изданій,—чтобы признать печальную истину. Дѣйствительно, въ то время какъ дѣятельность лицъ официальныхъ ограждена не только достаточно, но, быть можетъ, и съ нѣкоторымъ излишествомъ отъ дѣйствія гласности,—имя и достоинство частныхъ лицъ могутъ порой пострадать отъ такихъ «литературныхъ приемовъ» — которые, при всей своей неблагоприятности, ускользаютъ однако отъ судебной характеристики. «Изобличая злоупотребленія и правонарушенія,—говоритъ авторъ,—преслѣдуя безчестность, корысть, жестокость, гдѣ бы и въ чемъ бы онѣ ни проявлялись, вступаясь за угнетаемыхъ и унижаемыхъ,—печать несетъ великое общественное служеніе, заслуживающее и требующее поддержки со стороны общества и государства; но въ ея дѣятельности, какъ и во всякой другой, встрѣчаются ошибки, встрѣчаются и намѣренные уклоненія отъ правды. Всего лучше, говоритъ авторъ далѣе, обезпечивало бы съ одной стороны права печати, а съ другой—права частныхъ лицъ такое положеніе вещей, при которомъ, наряду съ обыкновенной судебной жалобой, возможно было бы обращеніе къ суду совѣсти или чести, свободному отъ формальностей, безапелляціонному и ничѣмъ нестѣсненному въ раскрытіи истины». Конечно, всѣ эти условія и теперь соединяетъ третейское производство,—но авторъ видитъ въ немъ и многія неудобства. Оно требуетъ много времени, требуетъ болѣе или менѣе спокойнаго и примирительнаго настроенія, мало вѣроятнаго именно въ жгучемъ фазисѣ спора. Проектируемый авторомъ «судъ чести долженъ явиться учрежденіемъ постояннымъ, легко доступнымъ и могущимъ приступить къ разбору дѣла даже безъ прямо выраженнаго согласія отвѣтника. Такой судъ возможенъ, въ свою очередь, только на почвѣ обширнаго, правильно организованнаго общества или союза профессиональныхъ писателей. Избранные не для опредѣленнаго дѣла, а на извѣстный срокъ, въ такомъ числѣ, при которомъ можно было бы призывать ихъ по жребію, съ предоставленіемъ обѣимъ сторонамъ права отвода, члены суда чести были бы настолько непристрастны и авторитетны, что къ нимъ все чаще и чаще стали бы обращаться лица, задѣтые газетой или журналомъ»... Авторъ оговариваетъ свой проектъ отъ возможнаго смѣшенія съ другимъ,

циркулировавшимъ года два назадъ и имѣвшимъ въ виду образованіе какого-то особаго «сословія» писателей, противъ котораго въ свое время много говорилось въ русской печати и которое несомнѣнно тяготѣло къ образованію чего-то въ родѣ «сословно-писательской управы», на подобіе управы, скажемъ, мѣщанской. «Желательно, съ нашей точки зрѣнія,—говорить журналъ,—только такое общество писателей, принадлежность къ которому ни для кого не была бы обязательна, вступленіе въ которое было бы обусловлено его согласіемъ и властью котораго, по отношенію къ своимъ членамъ, не простиралась бы дальше удаленія ихъ изъ общества. Вступая въ составъ общества, писатель подчинялся бы этимъ самымъ, избираемому изъ его среды, суду совѣсти или чести, къ посредничеству котораго могли бы обращаться, по своему усмотрѣнію, какъ сами писатели, въ своихъ взаимныхъ недоразумѣніяхъ, такъ и постороннія лица... Такимъ образомъ, всякій, задѣтый въ печати, имѣлъ бы полную возможность добиться въ кратчайшій срокъ, безъ хлопотъ и расходовъ, тѣхъ объясненій со стороны обвинителя, которыя теперь требуются иногда съ оружіемъ въ рукахъ», а затѣмъ мотивированнаго рѣшенія по существу спорнаго вопроса. Постановленное противъ писателя, это рѣшеніе было бы наилучшимъ удовлетвореніемъ для жалобщика; постановленное въ пользу писателя, оно возводило бы личное его мнѣніе на степень коллективнаго взгляда цѣлаго учрежденія — и этимъ самымъ сдѣлало бы нравственно невозможнымъ дальнѣйшее преслѣдованіе первоначальнаго обвинителя. Неподсудными суду чести оставались бы, правда, писатели, не входящіе въ составъ союза; но, во-1-хъ, союзовъ можетъ быть нѣсколько, и каждый изъ нихъ можетъ имѣть свой судъ чести; во-2-хъ, добровольно подчиниться суду чести, избранному союзомъ, могли бы, въ томъ или другомъ случаѣ, и писатели, не принадлежащіе къ числу членовъ союза; въ 3-хъ, постоянно распространяющаяся въ обществѣ, благодаря судамъ чести, привычка къ миролюбивому разбору обвиненій, вводимыхъ печатью и противъ печати, могла бы оградить отъ насильственныхъ дѣйствій и тѣхъ писателей, которые остались бы въ сторонѣ отъ союза или союзовъ». Проектъ устройства такого общества уже составленъ и вскорѣ будетъ пущенъ въ ходъ; въ виду этого авторъ надѣется, что нападенія, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ недавно пришлось говорить всей прессѣ,—«скоро встрѣтятъ преграду въ лицѣ союза или общества писателей, организованнаго на указанныхъ началахъ». «Судъ совѣсти или чести будетъ, впрочемъ, только одною изъ составныхъ частей этого общества. На почвѣ писательской профессіи возникаетъ множество общихъ интересовъ, нуждающихся въ коллективной охранѣ, множество общихъ вопросовъ, требующихъ коллективнаго обсужденія». «Единодушіе взглядовъ и стремленій—вовсе не необходимое условіе для такой совмѣстной дѣятельности, — заключаетъ авторъ,—достаточно взаимнаго уваженія, признакомъ и вы-

раженіемъ котораго служить съ одной стороны—желаніе вступить, съ другой—согласіе принять въ члены общества».

Нельзя, разумеется, отнестись иначе, какъ съ полнымъ уваженіемъ къ мыслямъ, которыя мы изложили выше, со словъ уважаемаго журнала. Къ самому проекту намъ придется еще вернуться впоследствии, а пока мы ограничимся лишь краткими замѣчаніями на основаніи сказаннаго выше. Прежде всего, приложимъ начала, изложенныя въ проектѣ, къ тѣмъ тремъ конкретнымъ случаямъ, которые подали поводъ для новой постановки стараго вопроса. На страницахъ «Гражданина» появилось произведеніе, которое братья гг. Половцевы приняли за пасквиль, направленный противъ ихъ отца. Могло-ли имъ помочь въ данномъ случаѣ проектируемое общество? Если хотите—и да, и нѣтъ. Да,—поскольку оно осудило бы пасквиль вообще, — не это съ одной стороны единодушно сдѣлала вся пресса, даже и безъ всякой специальной организаціи, съ другой — гг. Половцевы, очевидно, не склонны были ограничиться однимъ «нравственнымъ» осужденіемъ, которое, конечно, разумѣется само собою при словѣ «пасквиль». То же нужно сказать о воинственномъ человѣкѣ, оскорбившемъ г-жу Гуревичъ. Здѣсь было на лицо даже собственное признаніе послѣдней, что замѣтка составляетъ печальную и неблагоприятную случайность, и что остается только найти наиболѣе подходящую форму нравственнаго удовлетворенія. Наконецъ, г. Жеденевъ, требуя прелиминарнаго извиненія передъ нимъ, независимо отъ всякихъ объясненій по существу, — апеллировалъ къ кодексу чести «своей среды», который, конечно, не можетъ быть принятъ въ руководство ни печатью, ни уставомъ общества. Между тѣмъ, и г. Жеденевъ ни на какія уступки, какъ это видно изъ дѣла,—не шелъ.

Такимъ образомъ, проектъ, очевидно, долженъ быть изолировать отъ данныхъ обстоятельствъ, которыми онъ мотивируется въ цитируемой статьѣ, и, по крайней мѣрѣ, для настоящаго времени онъ едва-ли устранить этого рода инциденты. Это, разумѣется, не возраженіе по существу, а только нѣкоторое ограниченіе, но намъ кажется, что для такихъ ограниченій и еще остается довольно обширное поле.

Все это, впрочемъ,—только бѣглыя замѣчанія. Что «въ добровольномъ, свободномъ единеніи писателей на каждомъ шагѣ чувствуется потребность, далеко недостаточно удовлетворяемая» въ настоящее время—съ этимъ мы не можемъ не согласиться, и если проекту общества удастся устранить многочисленныя препятствія и собрать воедино на широкомъ фундаментѣ разсыпанную хранину россійской прессы,—то, конечно, это будетъ большая заслуга и передъ обществомъ, и передъ печатью.

Въ № 158 «Прав. Вѣстн.» напечатано слѣдующее сообщеніе:

«Обычное теченіе работъ на нѣкоторыхъ с.-петербургскихъ мануфактурахъ было нарушено отказомъ рабочихъ продолжать свои занятія. Забастовка въ промежутокъ времени съ 24-го мая по 5-е іюня постепенно охватила 19 фабрикъ и, также постепенно, прекращаясь, продолжалась до 17-го іюня *).

«Первоначальнымъ предлогомъ къ прекращенію работъ послужили недоразумѣнія между фабрикантами и рабочими относительно продолжительности празднованія торжества священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Руководствуясь указами фабричной инспекціи, фабриканты приостановили работы на 14-е мая, съ выдачею рабочимъ платы за этотъ день, и разрѣшали рабочимъ не являться на фабрики въ теченіе 15-го и 16-го мая, но безъ выдачи имъ за эти дни заработной платы; рабочіе же настаивали на освобожденіи ихъ отъ работъ, съ сохраненіемъ заработка, и на два слѣдующіе дня, 15-го и 16-го мая; на четырехъ фабрикахъ въ нарвской части, дѣйствительно, въ эти дни къ работамъ не приступали.

«Въ теченіе недѣли, съ 17-го мая, всѣ фабрики были въ полномъ ходу.

«23-го мая въ контору россійской бумагопрядильной мануфактуры явились 102 подручныхъ, называемыхъ мальчиками, и потребовали вознагражденія за всѣ три коронаціонные дня. Контора исполнила ихъ требованія. Приглашенному фабрикантомъ фабричному инспектору подручные заявили, что, кромѣ того, желаютъ получить плату за лишнее время, которое они проводятъ за работой благодаря тому, что механизмы пускаются въ дѣйствіе нѣсколько ранѣе, нежели положено: приблизительно на 20 минутъ въ теченіе дня. Хотя фабричная администрація признала справедливость этого требованія, подручные 24-го мая работали только до обѣда, а затѣмъ разошлись по домамъ и до понедѣльника, 27-го мая, на работы не возвращались, а въ этотъ день, проработавъ до обѣда, снова, и на этотъ разъ окончательно, прекратили свои работы.

«Изложенныя событія были предвѣстниками общей забастовки, настоящія причины которой выяснились на Екатеринбургской мануфактурѣ (дер. Волынкина, петергофскаго участка).

«Приблизительно за недѣлю, прядильщики (мюльщики) Екатеринбургской мануфактуры заявляли фабричной администраціи о необходимости сокращенія рабочаго дня, который продолжается съ 6 часовъ утра до 8 вечера, съ часовымъ промежуткомъ для обѣда. Не получивъ удовлетворенія въ этомъ требованіи, подручники, прядильщики и слесари 27-го мая остановили свои работы. 28-го мая примѣру ихъ послѣдовали рабочіе на бумагопрядильнѣ Кенига и

*) Въ Петербургѣ числится фабрикъ и заводовъ—484 съ 79,157 рабочими, кромѣ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и казенныхъ заводовъ.

Митрофаньевской мануфактурѣ, 29-го—на Триумфальной мануфактурѣ, 30-го—на бумагопрядильняхъ: Невской, Новой, Кожевинковской и на бумагопрядильнѣ «Александръ». Сначала на Невской бумагопрядильнѣ, а потомъ и на всѣхъ остальныхъ, забастовщики заявили требованіе, чтобы рабочій день былъ ограниченъ 12-ю часами, отъ 7-ми часовъ утра до 7-ми часовъ вечера, съ перерывомъ на 1½ часа для обѣденнаго отдыха; чтобы въ точности было опредѣлено начало работъ согласно правиламъ внутренняго распорядка, и чтобы прекращена была чистка машинъ во время обѣденнаго перерыва; поступали также жалобы на грубое обращеніе нѣкоторыхъ мастеровъ, на взытки и вымогательства подмастерьевъ.

«Движеніе разрасталось. Подручные, бывшіе застрѣльщиками, уступили первое мѣсто болѣе взытательнымъ, хотя и малочисленнымъ, прядильщикамъ (мюльщикамъ), которые увлекли своимъ примѣромъ остальную массу рабочихъ.

«1-го іюня остановились работы на Спасской и Петровской мануфактурахъ и на фабрикѣ Паля. Съ 3-го іюня забастовки начались въ зарѣчныхъ частяхъ столицы: на Старосампсоньевской мануфактурѣ, рабочіе которой потребовали прекращенія работъ, и на соседней Новосампсоньевской фабрикѣ; къ нимъ примкнули рабочіе Охтенской бумагопрядильни; 4-го іюня—бумагопрядильни Бека и 5-го—«Невка». Устояла одна ткацкая фабрика Воронина на Рѣзвомъ островѣ, благодаря тому, что въ прошломъ году заработная плата была тамъ возвышена на 10 проц., и тому, что забастовавшая смѣна, въ числѣ 105 человекъ, была немедленно уволена, остальные же 895 рабочихъ не рѣшились подвергнуться такой же участи. Общее число забастовщиковъ дошло до 14,712 рабочихъ.

«Дѣйствія рабочихъ на всѣхъ поименованныхъ фабрикахъ были одинаковы. Они начинались сравнительно небольшою группою изъ подручныхъ, впоследствии—мюльщиковъ; остальная масса, составлявшая значительное большинство, примыкала къ нимъ послѣ нѣкотораго колебанія, былъ уже упомянутъ случай принудительнаго прекращенія работъ рабочими Старосампсоньевской мануфактуры на соседней фабрикѣ; забастовщики вели себя чинно, не подавая поводовъ къ обвиненію въ нарушеніи порядка или въ попыткахъ возбужденія такого же движенія на другихъ заводахъ и фабрикахъ, на которыхъ въ это время работы не прерывались. Громадная масса 68,445 рабочихъ на остальныхъ частныхъ с.-петербургскихъ заводахъ оставалась въ сторонѣ отъ стачки бумагопрядильщиковъ, не оказывая имъ матеріальной поддержки при наступившей безработицѣ. Забастовки, такимъ образомъ, имѣли спеціальныя черты характера и вызывались особенностями бумагопрядильнаго и ниточнаго производствъ.

«Тѣмъ не менѣе, мирное, хотя и незаконное, уклоненіе рабочихъ отъ обязанностей, принятыхъ ими на себя относительно fabri-

кантовъ, разорительное для обѣихъ сторонъ, подало поводъ злонамѣреннымъ личностямъ попытаться придать стачкамъ преступный политическій характеръ. За подписями «Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса», «Рабочаго союза» и «Московского рабочаго союза» появились 25 различнаго содержанія подметныхъ листовъ; самый ранній помѣченъ 30-мъ числомъ мая, самый поздній 27-мъ іюня. Съ достовѣрностью можно предположить, что сочинители этихъ листовъ пытались воспользоваться уже совершившимися стачками, съ цѣлью придать имъ социальный характеръ и въ этомъ смыслѣ руководить забастовщиками. Обращаясь къ рабочимъ, агитаторы въ болѣе раннихъ листовъ повторяютъ тѣ требованія, которыя уже были заявлены рабочими; указываютъ на цѣли, преслѣдуемыя западно-европейскими рабочими; убѣждаютъ упорствовать въ стачкѣ, обѣщая даже денежную помощь, уже будто бы идущую отъ германскихъ рабочихъ, и преподаютъ совѣты благоразумнаго поведенія, котораго рабочіе уже держались до появленія листовъ съ самаго начала забастовокъ; но затѣмъ листки наполняются возмущительными наущеніями противъ капиталистовъ, правительственныхъ установленій и государственной власти. Не ограничиваясь рабочими, авторы листовъ обращаются къ обществу, приглашая его примкнуть къ «русскимъ социаль-демократамъ». Нѣсколько листовъ направлены были на другіе заводы и фабрики съ воззваніемъ о поддержкѣ забастовщиковъ и о присоединеніи къ нимъ послѣднимъ, два или три листка назначались для московскихъ фабричныхъ заведеній. Эта преступная пропаганда, однако, не имѣла послѣдствій. Не говоря уже о безуспѣшности такихъ листовъ среди общества вообще, здравый смыслъ рабочихъ не дозволилъ имъ ни нарушать правильное теченіе дѣлъ на заводахъ, ни поддерживать нарушеніе порядка на бумагопрядильныхъ какою-либо коллективною помощью забастовщикамъ. Столь же мало имѣли успѣха социаль-демократическія воззванія и среди забастовщиковъ. Своевременныя внушенія и соотвѣтственныя мѣропріятія столичной полиціи и фабричной инспекціи въ непродолжительномъ времени устранили какъ пріостановку работъ, такъ и ближайшія причины недоразумѣній между фабрикантами и рабочими.

«Съ цѣлью содѣйствовать скорѣйшему возобновленію работъ, градоначальникъ лично и непосредственно разъяснял рабочимъ незаконность ихъ поведенія, указывалъ тотъ порядокъ, при соблюденіи котораго единственно возможно удовлетвореніе ихъ требованій, если они имѣютъ законное основаніе, и тотъ путь, на которомъ возможно ходатайствовать о новыхъ мѣрахъ, желательныхъ для улучшенія быта рабочихъ. Успѣху этихъ увѣщаній способствовало то обстоятельство, что значительнѣйшая часть рабочихъ не сочувствовала забастовщикамъ и участвовала въ забастовкѣ, страдательно подчиняясь сравнительно небольшой группѣ зачинщиковъ

стачки. Истощеніе средствъ существованія, порожденное безработицей, заставляло ихъ желать возобновленія трудовой жизни.

«Волгдствіе такихъ обстоятельствъ, забастовка начала постепенно прекращаться. На бумагопрядильняхъ Екатерингофской, Триумфальной и Россійской она продолжалась 8 дней, на фабрикѣ Кенига—недѣлю, на Митрофаньевской мануфактурѣ—пять, на фабрикахъ Паля и «Александръ»—четыре, на Охтенской—три, на бумагопрядильнѣ Века—два дня.

«Нежелавшимъ приступить къ работамъ было объявлено, чтобы они получили расчетъ и паспорта и возвратились на мѣста постоянного жительства. Во всѣхъ бумагопрядильняхъ расклеены были печатныя объявленія съ предвареніемъ, что претензіи, послужившія предлогомъ къ забастовкѣ, останутся безъ разсмотрѣнія, пока рабочіе не станутъ на работы.

«Поименованныя мѣропріятія имѣли послѣдствіемъ возобновленіе работъ и на остальныхъ мануфактурахъ: 10-го іюня—на Невской ниточной, Кожевниковской и «Невскѣ», 12-го іюня—на Невской, 13-го—на Новой и Новосампсоньевской, 15-го—на Петровской и Спасской и, наконецъ, 17-го—на Старосампсоньевской. Большая продолжительность стачекъ на этихъ фабрикахъ обуславливалась лучшимъ положеніемъ на нихъ рабочаго труда, благодаря которому рабочіе названныхъ фабрикъ, имѣя сбереженія и кредитъ, могли долге обойтись безъ заработка.

«Въ настоящее время порядокъ возстановленія работъ происходитъ безостановочно, и рабочіе подчинились указаніямъ правительства.

«Разслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ, обнаруженныхъ оконченною нынѣ забастовкою, возложено на чиновъ фабричной инспекціи и с.-петербургскаго градоначальства».

О. Б. А.

Н. В. Водовозовъ.

(Некрологъ).

Нѣсколько лѣтъ назадъ въ одномъ провинціальномъ городѣ ко мнѣ явился съ письмами отъ петербургскихъ знакомыхъ юноша, если не ошибаюсь, только что окончившій гимназію или студентъ перваго курса, отправившійся по Волгѣ отдохнуть отъ экзаменовъ. Это былъ худощавый молодой человекъ, столичнаго типа, съ продолговатымъ лицомъ и выразительными глазами. Вся фигура его была отмѣчена тѣмъ особеннымъ преобладаніемъ нервовъ надъ мускулатурой, которая такъ опасно отличаетъ юныхъ уроженцевъ сто-

лицъ. Нѣсколько узкія плечи, нѣсколько впалая грудь не мѣшали, однако, какому-то особенному тонкому изяществу всей фигуры.— въ общемъ располагавшей въ пользу юнаго туриста.

Это было время, когда въ молодежи преобладало туманное полумистическое, полускетическое настроеніе, лишь отчасти и очень неполно характеризуемое названіемъ «толстовства». Основной тонъ его—разочарованіе, недовѣріе къ жизни, къ ея призывамъ, къ силѣ человѣческой мысли, къ наукѣ, къ непосредственнымъ и основнымъ побужденіямъ человѣческой природы. Время «Крейцеровой сонаты» и ея «Послѣсловія», время аскетическаго самосозерцанія и полумистическаго народничества, утратившаго опредѣленные общественныя формулы, если не считать формулу о «святости физическаго труда» самого по себѣ, да еще «неоплатнаго долга», который почему-то подлежалъ оплатѣ именно въ формѣ труда физическаго вообще—земледѣльческаго же по преимуществу. Все это, вмѣстѣ взятое, служило причиной нѣкотораго особеннаго, довольно непріятнаго привкуса, который являлся неволью въ людяхъ моего поколѣнія (можетъ быть, для ограниченія нужно прибавить—и моего склада мыслей) при встрѣчахъ съ тогдашней молодежью. Такъ и казалось, что въ этихъ безпредметно задумчивыхъ глазахъ безъ блеска стоитъ какой-то неясный упрекъ, какъ будто и вы этого юношу тоже успѣли уже въ чемъ то разочаровать, какъ будто и на васъ онъ уже имѣетъ какое то основаніе жаловаться. Еще не вступивъ въ жизнь, онъ уже ее отрицаетъ, вплоть до любви, въ которой видитъ лишь грязь и опасности; онъ скептически улыбается при словахъ «знаніе» и «наука»; онъ уже былъ въ одной земледѣльческой колоніи и унесъ оттуда желчное недовольство ея обитателями. А такъ какъ все дѣло лишь въ людяхъ, то онъ ѣдетъ въ другую колонію, гдѣ, говорятъ, люди все хорошіе и даже каждый вечеръ исповѣдуютъ другъ друга въ грѣхахъ истекшаго дня...

И было такъ скучно, такъ ужасно скучно слышать все это, и такъ сжималось сердце отъ этой туманной тучи, охватившей все-таки наиболѣе чуткіе слои молодой части русскаго общества. Кромѣ того, повторяю, мнѣ лично чувствовалось при сношеніяхъ съ ними что-то въ родѣ невысказаннаго упрека, и даже какъ будто взаимной тяжбы. «Вы не дали намъ никакой ясной формулы, вы покинули насъ на какомъ-то бездорожьи»—вотъ въ чемъ, казалось, хочеть упрекнуть этотъ незнакомый юноша человѣка предшествующаго поколѣнія.—Вы уносите наши надежды на васъ въ какую-то мглистую тундру, закутанную туманами самосозерцанія и апатіи,—хотѣлось отвѣтить ему съ своей стороны.

Молодой человѣкъ, посѣтившій меня въ этотъ разъ, уже черезъ нѣсколько минутъ разсѣялъ мои опасенія. Звали его Н. В. Водозовымъ; происходя изъ даровитой литературной семьи, онъ вращался въ интеллигентныхъ кружкахъ столицы и очень живо разсказывалъ о себѣ, своихъ товарищахъ, своихъ занятіяхъ и пла-

нахъ. Говорилъ онъ ясно и точно, планы были понятны и трезвы, хотя вся ихъ ближайшая удобоисполнимость и практичность нисколько не закрывали тѣхъ далей, которыя такъ естественно и такой заманчивой перспективой раскрываются передъ молодымъ воображеніемъ. Съ воспоминаніемъ объ этомъ посѣщеніи связано у меня теперь впечатлѣніе о Н. Водозовѣ, какъ объ одной изъ первыхъ ласточекъ нѣкотораго поворота въ настроеніи нашей молодежи.

И кажется, теперь уже можно сказать безъ опасенія ошибиться, что этотъ поворотъ обозначается все яснѣе и яснѣе. Прежде столь широкое полумистическое настроеніе, съ его туманной неопредѣленностью стремленій, локализируется теперь въ узкихъ эстетико-декадентскихъ кружкахъ, пытающихся схватить внутри себя «нѣчто неясное», то, «чего не можетъ быть», и во имя этого неяснаго отрицающихъ все, подлежащее точному познанію, изученію и воздѣйствію. Но большинство мыслящей молодежи уже оставило эти мглистыя дороги самоуглубленія и явно возвращается къ дѣйствительности, склонно признать ее, съ ея «законами», и въ самыхъ этихъ законахъ отыскать источники лучшаго будущаго. Вслѣдствіе этого, молодежь опять обращается къ наукѣ, раскрываются книги по обществовѣдѣнію и политической экономіи, пробуждается интересъ къ точному познанію. Пусть этотъ поворотъ несетъ съ собою, въ нѣкоторыхъ частяхъ, и новыя ошибки; пусть съ одной стороны—реакція противъ отрицанія всей жизни ведетъ порой къ примиренію въ жизни кое съ чѣмъ такимъ, съ чѣмъ въ сущности мириться не слѣдуетъ; пусть съ другой стороны противодѣйствіе прежнимъ туманностямъ самоуглубленія—рождаетъ теперь въ болѣе дѣятельныхъ натурахъ склонность къ формуламъ, слишкомъ ужъ опредѣленнымъ, стремленіе охватить дѣйствительность и воздѣйствовать на нее на основаніи положеній слишкомъ суженныхъ и потому не покрывающихъ всей сложности настоящей жизни. Пусть со многимъ тутъ приходится спорить и бороться,—но въ этомъ чувствуется опять вѣра въ жизнь и вѣніе живого духа.

Со времени первой встрѣчи я не видѣлъ болѣе Н. В. Водозова и не зналъ того, уже возмужалаго человѣка, какимъ онъ сошелъ (25 лѣтъ) въ могилу. Зловѣщіе признаки «столичнаго сложения» слишкомъ рано взяли свое, но успѣла взять свое у короткой жизни и крѣпкая нервная сила, ютившаяся въ хрупкомъ тѣлѣ. Въ нѣсколько лѣтъ молодой Водозовъ успѣлъ уже отмѣтить свое имя въ русской литературѣ, какъ бы торопясь воспользоваться короткимъ срокомъ, отведеннымъ ему судьбой. Еще будучи студентомъ по юридическому факультету, (который онъ окончилъ въ Дерптѣ),—Н. В. дебютировалъ рядомъ рецензій въ «Книжномъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ» и «Русской Мысли»; затѣмъ имъ были напечатаны: «Католическая школа въ политической экономіи», «Экономическія идеи католическаго духовенства», «Рабочее движеніе въ Бельгіи» и «Биографія Мальтуса»,—трудъ, доложенный частію въ формѣ ре-

ферата въ московскомъ юридическомъ обществѣ и обратившій на автора вниманіе специалистовъ. Кромѣ того, имѣ написаны еще нѣсколько статей, которымъ суждено вскорѣ увидѣть свѣтъ, и издано нѣсколько переводовъ.

Это, конечно, не такъ много для цѣлой жизни, но очень много для ея начала. А главное, что придаетъ особенный интересъ этому короткому, но дѣятельному существованію, это то, что оно отиѣчаетъ для насъ отчасти характеръ запросовъ и умственный складъ того поколѣнія, которое вмѣстѣ съ Н. В. Водозовымъ вступило, или, быть можетъ, вѣрнѣе будетъ сказать—вступаетъ еще на арену жизни. Хочется вѣрить, что это промелькнувшее передъ нами существованіе не представляло лишь исключенія, и что наша родина не оскудѣла еще молодыми силами, идущими на свою очередную смѣну поколѣній для трудной работы, намѣченной лучшими силами поколѣній предъидущихъ.

Вл. Короленко.

Отъ Петербургскаго Комитета

по сбору пожертвованій на памятникъ Луи Пастеру.

Высочайше утвержденный С.-Петербургскій Комитетъ по сбору пожертвованій на памятникъ Луи Пастеру въ Парижѣ, состоящій подъ почетнымъ предсѣтельствомъ Его Высочества принца Александра Петровича Ольденбургскаго, доводитъ до свѣдѣнія всѣхъ лицъ, желающихъ оказать посильное содѣйствіе къ увѣковѣченію памяти одного изъ величайшихъ научныхъ гениевъ и благодѣтелей человѣчества, что пожертвованія на означенный выше предметъ принимаются какъ членами Комитета, такъ и въ Императорскомъ Институтѣ экспериментальной медицины (С.-Петербургъ, Аптекарскій остр., Лопухинская ул., № 12). Въ составъ Комитета входятъ: г. главный военно-медицинскій инспекторъ А. А. Реммертъ (Садовая, 8 — 7), г. городской голова г. С.-Петербурга В. А. Ратьковъ-Рожновъ (Милліонная, 7), г. главный медицинскій инспекторъ флота В. С. Кудринъ (Гагаринская, 30), г. инспекторъ по медицинской части Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи В. В. Сутугинъ (Фурштатская, 37), г. начальникъ Императорской военно-медицинской академіи В. В. Пашутинъ (Выборгская стор., Нижегородская ул., 6), г. директоръ медицинскаго департамента Л. Ф. Рагозинъ (Кузнечный пер., 14), г. директоръ Императорскаго

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

института экспериментальной медицины С. М. Лукьяновъ (Аптекарскій остр., Лопухинская ул., № 12), г. профессоръ Императорской военно-медицинской академіи Н. А. Вельяминовъ (Знаменская, 43) и г. действительный членъ Императорскаго института экспериментальной медицины С. Н. Виноградскій (Мытнинская набережная, 9).

С.-Петербургскій Комитетъ, возникшій по ходатайству Парижскаго Центральнаго Комитета, которому принадлежит и мысль о постановкѣ памятника Луи Пастеру въ Парижѣ, твердо надѣется, что на призывъ его отзовутся не только отечественные естествоиспытатели и врачи, давно уже привыкшіе чтить имя Луи Пастера, но и все русское общество, никогда не отказывающее въ своемъ сочувствіи тому, въ чемъ проявляется истинная мощь человѣческаго духа. Еще недавно, по случаю смерти Луи Пастера, въ многочисленныхъ некрологахъ и статьяхъ были освѣжены въ памяти общества всѣ подробности научнаго подвига, совершеннаго Луи Пастеромъ. Перечислять всѣ эти подробности снова нѣтъ надобности, достаточно сказать, что его мыслью питалась не только теоретическая наука, но и житейская практика, и что ему обязаны своими крупнѣйшими успѣхами и біологія, и патологія, и промышленность. Многіе запутанные вопросы науки разрѣшены Луи Пастеромъ; многія тысячи жизней сохранены, благодаря ему; цѣлыя отрасли промышленности упрочились въ своемъ развитіи, благодаря ему-же. Было бы утѣшительно думать, что въ уваженіи къ памяти славнаго дѣятеля, принадлежащаго тѣломъ Франціи, а духомъ всему человѣчеству, соединятся всѣ образованные русскіе люди, и что, принося посылную лепту въ честь его имени, мы вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпимся въ рѣшимости чтить науку и ея истинныхъ творцовъ.

Съ 1894 г. издается въ Петербургѣ Ф. ПАВЛЕНКОВЫМЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

СКАЗОЧНАЯ БИБЛИОТЕКА.

Въ составѣ этой бібліотеки войдутъ избранныя сказки всѣхъ странъ и народовъ. Всѣхъ книжекъ предполагается выпустить отъ 150 до 200. Въ каждой книжкѣ помѣщается одна большая или нѣсколько маленькихъ сказокъ, иллюстрированныхъ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ рисунковъ. Всѣ книжки нумеруются отъ первой до послѣдней. Цѣна книжекъ отъ 5 до 25 коп.

До 1 сентября 1895 г. выпущено 70 книжекъ, въ составѣ которыхъ вошли слѣдующія сказки:

№№

книжекъ

Сказки Андерсена.

1. Дочь болотнаго царя. Съ 15 рис., портретомъ и біографіей Андерсена (15 коп.).
2. Райскій садъ. Съ 6 рис. (8 коп.).
3. Домовой и лавочникъ, Свиныя-копилка. На птичьемъ дворѣ. Красныя башмачки. Съ 2 рис. (10 коп.).
4. Супъ изъ колбасной палочки. Съ 6 рис. (6 к.).
5. Оле-Луку-Оле. Ленъ. Свиныя. Капля воды. Съ 3 рис. (10 к.).
6. Цвѣты маленькой Иды. Сосѣднія семейства. Пастушка и трубочистъ. Съ 10 рис. (10 к.).
7. Снѣжная царица. Съ 16 рис. (15 к.).
8. Анна Лизбета. Съ 10 рис. (5 к.).
9. Самое невѣроятное. Комета. Небесный листъ. Съ 9 рис. (5 к.).
10. На дногахъ. Съ 8 рис. (15 к.).
11. Послѣдній сонъ стараго дуба. Калѣва. Съ 3 рис. (8 к.).
12. Бузинная старушка. Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ. Съ 9 рис. (8 к.).
13. Колоколь. Стойкій оловянный солдатикъ. Мотылекъ. Съ 7 рис. (6 к.).
14. Ибъ и Христиночка. Сновидѣніе. Перо и чернильница. Съ 10 рис. (10 к.).
15. Камень мудрости. Съ 5 рис. (8 к.).
16. Большой морской змѣй. Свѣчи. Съ 4 рис. (5 к.).
17. Золотое сокровище. Блоха и профессоръ. Съ 10 рис. (6 к.).
18. Дикіе лебеди. Съ 6 рис. (8 к.).
19. Сынъ привратника. Съ 9 рис. (8 к.).
20. Морская царевна. Должна же быть разница. Съ 10 рис. (10 к.).
21. Соловей. Жаба. Съ 11 рис. (8 к.).
22. Попутчикъ. Съ 7 рис. (8 к.).
23. Исторія пяти горошинъ. Елка. Дѣвочка со спичками. Съ 6 рис. (6 к.).
24. Калоши счастья. Съ 7 рис. (10 к.).
25. Она нигуда не годилась. Старый домъ. Дѣтская болтовня. Съ 7 рис. (8 к.).
26. Исторія одной матери. Кто же въ этомъ сомнѣвается. Навозный жукъ. Съ 9 рис. (8 к.).
27. Безобразный утенокъ. Маргаритка. Серебряная монетка. Съ 13 рис. (8 к.).
28. Тѣнь, Мѣдный кабанъ. Какъ старикъ ни сдѣлаетъ—все хорошо. Съ 9 рис. (10 к.).
29. Бутылочное горлышко. Подъ ивой. Съ 13 рис. (10 к.).
30. Два льдовъ. Съ 19 рис. (18 к.).

Сказки Гауфа.

31. Холодное сердце. Съ 10 рис., портретомъ и біографіей Гауфа (18 к.).
32. Сказка о Калифѣ-ангстѣ, Молодой англичанинъ. Съ 10 рис. (12 к.).
33. Проданіе о золотомъ. Маленькій Мукъ. Съ 16 рис. (15 к.).
34. Карликъ-посъ. Съ 10 рис. (12 к.).
35. Привлеченіе Саида. Съ 11 рис. (15 к.).
36. Принцъ-Самованецъ. Еврей Абнеръ, который ничего не ведаеть. Съ 7 рис. (10 к.).

Сказки Густафсона.

37. Корона морского царя. Другья короля Османа. Неумѣтная гордость.
Король Карій. Съ 10 рис., портретомъ и биографіей Густафсона (10 в.).
38. Пастухъ и принцесса. Цвѣты радости. Такъ водится на войнѣ. Баржа.

...менная глыба. Скоро-
...ной глыбѣ на...

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. В. Михайловской и Вл. Г. Короленко.

Продолжается пріемъ подписки
на 1896 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р.;
безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ 8 р.; за границу 12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала — Бассейная ул., 10.

Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы — Никитская ворота,
д. Гварина.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками, ц. 10 к.—Кавказскій плѣнникъ. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Братья Разбойники. Съ 3 карт., ц. 2 к.—Бахчисарайскій фонтанъ. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Цыгане. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Полтава. Съ 5 карт., ц. 6 к.—Галубъ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказка о царѣ Салтанѣ. Съ 3 карт., ц. 4 к.—Сказка о попѣ и работникѣ Баддѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказка о мертвой царевнѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказка о золотомъ пѣтушкѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Пѣсни западныхъ славянъ. Съ 3 карт., ц. 4 к.—Евгеній Онегинъ. Съ 11 карт., ц. 20 к.—Графъ Нулинъ. Съ 3 карт., ц. 2 к.—Домикъ въ Коломнѣ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Мѣдный всадникъ. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Анджело. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Борисъ Годуновъ. Съ 9 карт., ц. 10 к.—Скупой рыцарь. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Моцартъ и Сальери. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Каменный гость. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Пиръ во время чумы. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Русалка. Съ 4 карт., ц. 3 к.—Выстрѣлъ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Метель. Съ 2 карт., ц. 3 к.—Гробовщикъ. Съ 2 карт., ц. 2 к.—Станціонный смотритель. Съ 3 карт., ц. 3 к.—Барышня-крестьянка. Съ 2 карт., ц. 4 к.—Пиковая дама. Съ 3 карт., ц. 5 к.—Дубровский. Съ 5 карт., ц. 10 к.—Арапъ Петра Великаго. Съ 3 карт., ц. 6 к.—Капитанская дочка. Съ 11 карт., ц. 20 к.—Исторія Пугачевского бунта. Съ мног. карт., ц. 20 к.—Всѣ поэмы. Съ 21 карт., ц. 25 к.—Всѣ сказки. Съ 6 карт., ц. 10 к.—Всѣ баллады и легенды. Съ 4 карт., ц. 10 к.—Всѣ драматич. произведенія. Съ 17 карт., ц. 20 к.—Повѣсти Бѣлкина. Съ 7 карт., ц. 10 к.—Всѣ письма. Съ 26 портретами лицъ, которымъ писалъ Пушкинъ, ц. 25 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

1) Демонъ. Съ 9 рис. Ц. 6 к.—2) Ангелъ Смерти. Съ 5 рис., Ц. 3 к.—3) Имамъ Вей. Съ 9 рис. Ц. 10 к.—4) Хаджи-Абрекъ. Съ 5 рис., Ц. 3 к.—5) Воаринъ Орша. Съ 7 рис. Ц. 4 к.—6) Пѣсня про купца Калашникова. Съ 7 рис. Ц. 3 к.—7) Мцыри. Съ 7 рис. Ц. 4 к.—8) Аулъ Бастунджи. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—9) Литвинка. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—10) Каллы. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—11) Кавказскій плѣнникъ. Съ 3 рис. Ц. 8 к.—12) Корсаръ. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—13) Черкесы. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—14) Джулио. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—15) Казначейша. Съ 5 рис. Ц. 4 к.—16) Герой нашего времени. Съ 23 рис. Ц. 25 к.—17) Вала. Съ 9 рис. Ц. 8 к.—18) Тамань. Съ 5 рис. Ц. 3 к.—19) Княжна Мери. Съ 9 рис. Ц. 12 к.—20) Фаталисть. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—21) Пржевакъ. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—22) Маскарадъ. Съ 5 рис. Ц. 10 к.—23) Испанцы. Съ 5 рис. Ц. 10 к.—24) Ашикъ-Керибъ. Съ 5 рис. Ц. 2 к.—25) Книжна Лиговская. Романъ. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—26) Люди и страсти. Трагедія. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—27) Странный человѣкъ. Драма. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—28) Два брата. Драма. Съ 5 рис. Ц. 5 к.—29) Всѣ баллады и легенды. Съ 3 рис. Ц. 5 к.—30) Повѣсти изъ современной жизни. Съ 9 рис. Ц. 7 к.

ЛИТЕРАТУРНОЕ РАЗВИТІЕ

РАЗЛИЧНЫХЪ ПЛЕМЕНЪ И НАРОДОВЪ.

Царя Летурно.

Содержаніе. Начало литературы. — Литература черныхъ расъ. — Литература желтыхъ расъ. — Литература народовъ бѣлой расы. — Прошлое и будущее литературы. Переводъ съ франц. В. СВЯТЛОВСКАГО. Цѣна 1 р. 50 к.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луговникова;
(Сиб., Лештуковъ пер., № 12).

Издатель: Н. Михайловская.
Вл. Корленко.

Редакторы: П. Выховъ.
С. Поповъ.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

- 1) Подписавшіеся на журналъ съ доставкой—въ Московскомъ отдѣленіи конторы «Русскаго Богатства» или черезъ книжные магазины — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Бассейная, 10.*
- 2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.
- 3) При перемѣнѣхъ адреса и при внесении дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ банкироу или сообщать его №.
- 4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками...
- 5) При перемѣнѣ городского адреса на иногородній уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.
- 6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.
- 7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки на сумму...

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

ОСТ 276 Н

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“,

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. В. Михайловской и Вл. Г. Короленко.

Продолжается приемъ подписки
на 1896 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р.;
безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ 8 р.; за границу 12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала—Бассейная ул., 10.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—Никитскія ворота,